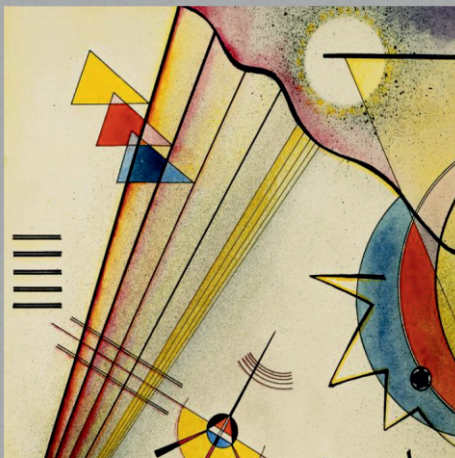

Дальневосточный федеральный университет

Русский синтаксис: от конструкций к функционированию

Владивосток
2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет

Русский синтаксис: от конструкций к функционированию

Сборник материалов

*Всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора
Аллы Федоровны Прияткиной*

Владивосток

2021

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2021
ISBN 978-5-7444-5148-6

УДК 8(082)
ББК 80+94.3

Рецензенты:

Л.Ф. Крапивник, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
русской филологии Тихоокеанского государственного университета;
Ю.А. Гунько, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
как иностранного Дальневосточного федерального университета.

Ответственные редакторы:

Е.С. Шереметьева, доктор филологических наук;
Е.А. Стародумова, доктор филологических наук;
А.А. Анисова, кандидат филологических наук;
И.Н. Токарчук, кандидат филологических наук.

Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред.: Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова, И.Н. Токарчук. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. – 1 CD-ROM ; [361 с.]. – Загл. с титул. экр. – ISBN 978-5-7444-5148-6. – Текст : электронный.

Сборник содержит материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета Аллы Федоровны Прияткиной (Владивосток, 11–13 октября 2021 года). Тематика статей охватывает актуальные проблемы синтаксиса русского языка. Синтаксические явления рассмотрены в структурном, семантическом, прагматическом, коммуникативном, функциональном, методическом, сопоставительном аспектах на богатом и разноплановом языковом материале.

Сборник адресован широкому кругу читателей: преподавателям русского языка, лингвистам-исследователям, аспирантам, студентам – всем, кого интересует русский синтаксис как объект исследования и как учебная дисциплина.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память 256 МБ,
свободное место на винчестере 335 МБ; Windows (XP; Vista; 7 и т.п.)

Программное обеспечение:

Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
Тел./факс: (423) 226-54-43

E-mail: dvfutip@yandex.ru, prudkoglyad.sa@dvfu.ru

Изготовитель CD-ROM:

Дальневосточный федеральный университет,
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Подписано к использованию 10.12.2021 г.

Объем 9,18 Мб. Тираж 50 экз.

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	8
1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ.....	8
<i>Фигуровская Г.Д.</i> СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ: СКРЕПЫ-ФРАЗЫ, АКТУАЛИЗОВАННЫЕ ФРАЗЫ, МЕТАКОНСТРУКЦИИ.....	8
<i>Инькова О.Ю.</i> О ПОНЯТИИ «ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА»	13
<i>Завьялов В.Н.</i> СОЮЗ. СТРУКТУРА. СЕМАНТИКА	20
<i>Окатова Н.Т.</i> О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОСТАВНЫХ СОЮЗНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	26
2. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ..	33
<i>Ван Цяоши</i> ФУНКЦИИ ТЕКСТОВОЙ СКРЕПЫ <i>ТЕПЕРЬ О N₆</i> В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	33
<i>Виноградова Е.Н.</i> ИСТОРИЯ <i>ВПЛОТЬ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: ОБ ОДНОМ ПУТИ</i> ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ	36
<i>Вэй Хуэйминь</i> ОТЫМЕННЫЙ РЕЛЯТИВ <i>ПО ПРИМЕРУ</i> И СОЮЗ <i>КАК И: СХОДСТВО</i> И РАЗЛИЧИЕ	41
<i>Зарубина Е.С.</i> СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРОИЗВОДНОГО ПРЕДЛОГА <i>ИСХОДЯ ИЗ</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	46
<i>Иванова О.О.</i> ОТСУБСТАНТИВНЫЕ КОННЕКТОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	51
<i>Конева Н.В.</i> ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА <i>КРОМЕ ТОГО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ</i> СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	56
<i>Ли О.Д.</i> ПРОИЗВОДНЫЙ ПРЕДЛОГ <i>В ПРОТИВОВЕС: ОСОБЕННОСТИ</i> СОЧЕТАЕМОСТИ.....	61
<i>Перцевая К.А.</i> ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ДИКТУМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	67
<i>Васильева А.О., Петренко Е.А.</i> УЧАСТИЕ ЧАСТИЦЫ <i>ЖЕ</i> В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ «СКАЗАНИЯ О ДРАКУЛЕ»).....	71
<i>Стародумова Е.А., Ван Сюецзянь</i> ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ СОЮЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ <i>МАЛО ТОГО ЧТО</i>	75
<i>Сюй Лина</i> ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА <i>ДЕЛО В ДРУГОМ: ОСОБЕННОСТИ</i> КОНТЕКСТОВ.....	80
<i>Токарчук И.Н.</i> ЧАСТИЦА <i>ЭТО: ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ</i>	85
<i>Цао Сяоминь</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ СКРЕПЫ <i>И ПОТОМ</i>	91
<i>Чэнь Сюецин</i> ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ <i>ПО</i>	94
СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ	98
<i>Герасименко Н.А.</i> ГЛАГОЛ ИЛИ СВЯЗКА?.....	98
<i>Конченко Т.В.</i> СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СЛОВОФОРМЫ <i>В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ</i>	104
<i>Сергеева Г.Н., Шнырик Е.А.</i> РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ СЛОВОФОРМЫ <i>НА МИНУТОЧКУ (НА СЕКУНДОЧКУ)</i> ВО ВВОДНО-МОДАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ.....	108

<i>Стексова Т.И., Шмелева Т.В.</i> ЛЕКСЕМА ФАКТ: ИДИОМАТИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ	114
<i>Сюй Сюэцзюань</i> НАРЕЧИЕ БУКВАЛЬНО: СИНТАГМАТИКА, СЕМАНТИКА, УПОТРЕБЛЕНИЕ	120
<i>Фадеева И.А.</i> ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	125
<i>Шамсутдинова Р.Р.</i> ОМОКОМПЛЕКС НИКАКОЙ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЗНАКОВЫХ КОМПОНЕНТОВ	130
<i>Шереметьева Е.С.</i> СЛОВОФОРМА СЛЕДУЯ: ЕСТЬ ЛИ ДВИЖЕНИЕ В СТОРОНУ СЛУЖЕБНОСТИ?.....	134
СИНТАКСИС КОНСТРУКЦИЙ.....	140
<i>Величко А.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	140
<i>Галактионова И.В.</i> КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С НАЗВАНИЯМИ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА.....	145
<i>Дегальцева А.В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ ПО СХЕМЕ ADV – (НЕ) ЗНАЧИТ ADV	150
<i>Жэнь Цзяньсинь</i> СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ФРАЗЕОСХЕМЫ КОМУ + ЛИ (НЕ) + ИНФ	153
<i>Исаченко О.М.</i> МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С «ОБРАЗАМИ МНОЖЕСТВА»	157
<i>Маринченко И.А.</i> РЕФЛЕКСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ.....	164
<i>Мухачёва И.В.</i> ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ ИНКОРПОРИРОВАННЫХ АКТАНТОВ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА ОСЕДЛАТЬ ЛОШАДЬ БОГАТЫМ СЕДЛОМ)	169
<i>Одинцова И.В.</i> ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧИННОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИПРОПОЗИТИВНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	175
<i>Патроева Н.В.</i> КОНСТРУКЦИИ, ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТАРНУЮ МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В ПОЭЗИИ АНТИОХА КАНТЕМИРА.....	179
<i>Семенова И.В.</i> КОНСТРУКЦИИ С СИНКРЕТИЧНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ СЕМАНТИКИ «МЕРА И СТЕПЕНЬ + СРАВНЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	183
<i>Степанова Е.Б.</i> УЖ НЕ ЗНАЮ, ЧТО СКАЗАТЬ... (ОБ ОДНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ЧАСТИЦЫ УЖ)	189
<i>Сунь Сяоли</i> ЭТО САМОЕ: СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ.....	195
<i>Тавафи Хоссейн</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СЛОВОМ СТОИТ / СТОИЛО	199
<i>Чаплыгина Т.Е.</i> ИМЕННЫЕ ЛОКАТИВНЫЕ ГРУППЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБЪЕКТОВ, НЕ ИМЕЮЩИХ ОБЪЕМА, В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	204
СИНТАКСИС ТЕКСТА	208
<i>Анисова А.А.</i> ПОТЕНЦИАЛ НАЧАЛА КАК СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗНАЧИМЫХ МОТИВОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ПЛАТОНОВА).....	208

<i>Баранова М.С.</i> ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА В РАССКАЗАХ Ю.П. КАЗАКОВА	214
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> СТРУКТУРА ДИАЛОГА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РУССКОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ.....	218
<i>Голосова Е.А.</i> РОЛЬ СОСТАВНЫХ ИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ Н.С. ДАШЕВСКОЙ «ВИЛЛИ»	225
<i>Лебедев А.А.</i> ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО	231
<i>Ли Цзябао</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КИТАЙСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ЮЛЬСКОГО).....	235
<i>Милованова М.С.</i> МЫСЛЬ О ПРОТИВОРЕЧИИ И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ В ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ».....	239
<i>Милянчук Н.С.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ СУЖДЕНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ...	244
<i>Нагорный И.А., Долженкова А.И.</i> МОДУСНЫЙ СМЫСЛ «КОЛЕБАНИЕ» И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	252
<i>Петренко Е.А., Першина Е.С.</i> О ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЗИДАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО «СЛОВО О РАССЛАБЛЕННОМ»	258
<i>Шишикина Е.Д., Петренко Е.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАРРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В АПОКРИФЕ «СЛОВО О СОШЕСТВИИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ВО АД»	264
<i>Петрова Т.И.</i> К ВОПРОСУ О СИНТАКСИСЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВЫХ ДИАЛОГОВ)	268
<i>Родионова И.Г.</i> ФУНКЦИИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО	273
<i>Суханова О.В.</i> ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСАХ АСИ ВОЛОШИНОЙ.....	279
<i>Фещенко Д.С.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА	283
<i>Шаповалова Т.Е.</i> КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	288
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА	296
<i>Ерышева А.Ю.</i> КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ <i>KHÔNG NHỮNG... MÀ CÒN</i> В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ.....	296
<i>Инь Чжаосин</i> РУССКИЕ НАРЕЧНЫЕ ПРЕДЛОГИ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	301
<i>Цзин Ю, Полищук Е.В.</i> СЛОЖНОСОЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА.....	306
РУССКАЯ ПУНКТУАЦИЯ	312
<i>Агашина Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДНОМ ПРЕДЛОГЕ <i>В ЗАВИСИМОСТИ ОТ</i>	312
<i>Горбунова Л.И.</i> КОДИФИКАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	316

<i>Сидорова Е.Г., Бабаева А.Д.</i> ПРИЧИНЫ ПУНКТУАЦИОННЫХ ОШИБОК ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	322
<i>Сидорова Е.Г., Насонова Е.А.</i> ДВОЕТОЧИЕ ИЛИ ТИРЕ? ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	325
ПРЕПОДАВАНИЕ СИНТАКСИСА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ.....	331
<i>Астафьева И.А.</i> СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ СКАЗУЕМОГО И ПРАКТИКА ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ.....	331
<i>Грекова О.К.</i> ЯВЛЕНИЯ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО КУРСА РКИ.....	336
<i>Сунь Цзин</i> СОСТАВНЫЕ СОЮЗЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	342
СИНТАКСИС И ЛЕКСИКОГРАФИЯ	346
<i>Лесников С.В.</i> ЛЕКСИКОН ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВИСТИКИ: РАЗДЕЛ «СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА»	346
ПРИЛОЖЕНИЕ. Программа конференции	353

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ: СКРЕПЫ-ФРАЗЫ, АКТУАЛИЗОВАННЫЕ ФРАЗЫ, МЕТАКОНСТРУКЦИИ

Г.Д. Фигуровская

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Россия

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы о классификации средств связи в предложении и тексте, их актуализации. Местоименные слова (это, таков, одно, следующее и др.), частицы (вот и др.) придают компонентам синтаксических единиц и средствам связи форму предложения, тем самым создаются актуализованные фразы. Среди средств связи важную роль в выражении синтаксических отношений играют метаконструкции. Актуализация средств связи и связующих предикативных единиц способствует реализации синтаксических отношений на уровне текста.*

***Abstract.** The article deals with the problems of classifying means of connection in a sentence and in a text, of their actualization. Pronoun words (this, such, one, the following and others – это, таков, одно, следующее и др.), particles (here and others – вот и др.) give the components of syntactic units and the means of connection the form of a sentence, and this fact creates actualized phrases. Meta-constructions take an important part among connective means in expressing syntactic relations. Actualization of means of connection and connective predicative units makes for realizing syntactic relations at the text level.*

***Ключевые слова:** союзные средства, скрепа, актуализация синтаксических конструкций и средств связи, метаконструкция, текст.*

***Key words:** conjunctive means, clamp, actualization of syntactic constructions and means of connection, meta-construction, text.*

Синтаксические труды А.Ф. Прияткиной, без сомнения, составляют целый этап в описании предложения, раскрыли ранее не описанные его стороны, отметим в этой связи явление вторичной союзной связи, теоретическое понятие синтаксической конструкции и др. Но мы остановимся на том направлении исследований Аллы Фёдоровны, которое нам ближе всего. Это вопрос о средствах синтаксической связи в предложении и тексте, в частности, о понятии скрепы. Её труды и по данной проблеме стали основополагающими для многих исследователей см., например, работы Дальневосточной школы: [Крылова, 2002], [Тюрин, 2012], [Шнырик, 2009], [Пилюгина, 2019] и мн. др.

Выделим важные положения её синтаксической концепции и приведём некоторые наши наблюдения.

Очень убедительно показано А.Ф. Прияткиной глубокое отличие союза от других связующих средств, она отстаивает мнение о «чистоте» этой категории служебных слов, выступает против расширительного его толкования, включения в его состав некоторых частиц, вводных слов, отдельных местоимений и пр. лишь на основании наличия у них связующей функции. И действительно, природа данных связующих средств проявляется при их функционировании, в частности, функция осложнения и включения субъективно-модальных значений у частиц и вводных слов.

Важна мысль Аллы Фёдоровны о необходимости разграничивать первичные и вторичные функции языковых единиц, у многих к вторичным относится и союзная, связующая. Это положение конкретизировано в характеристике скреп: показано, что для сочинительных союзов функция скрепы вторичная, в то время как функция связи компонентов текста для типичных скреп является основной. Но Алла Фёдоровна отмечает также, что многие типичные скрепы используются и внутри предложения [Прияткина, 2002, с. 98]. В результате картина функционирования союзов и не-союзов в предложении и тексте как бы выравнивается: подавляющее большинство связующих средств употребляется на всех уровнях синтаксиса. Подобное функционирование Алла Фёдоровна объясняет тем, что, «конструирующей роли, свойственной союзу, они, взятые отдельно от союза, не выполняют», первичной для них является текстовая функция [там же]. Вместе с тем Алла Фёдоровна отмечает, что «<...> есть условия, когда граница между сложным предложением и текстовым объединением трудно определима <...> [Прияткина, 2002, с. 94]. Её наблюдения стимулируют поиски собственно текстовых средств связи, которые не наблюдаются в предложении ни при каких условиях.

Алла Фёдоровна дала классификацию продуктивных моделей текстовых скреп, разграничив скрепы, оформленные грамматически как предикативные единицы (ПЕ), лексикализованные формы, интонационно выделенные, как высказывание, осколочные образования типа *далее*, скрепы-шаблоны со свободным компонентом, как, например, *Несколько слов о...* В связи с этим обратим внимание на фразеологизированные члены предложения, выполняющие функцию связи и одновременно выражающие синтаксические отношения, как, например, *в конце концов*, компоненты союзной конструкции, например, обороты *как следствие*, *как результат* из состава трёхчленной конструкции с *как* в значении «в качестве» ([Прияткина, 1990, с. 82]): они становятся средствами выражения значения следствия, результата: *Хотя выпуск активных красителей растёт, их все же недостаточно для того, чтобы полностью удовлетворить все потребности текстильной промышленности. Как следствие многие ткани пока еще приходится красить старыми методами, старыми красителями* (И.И. Заславский [НКРЯ]).

Как заготовки, шаблоны со свободным компонентом для связи предложений используются центры подчинения модусно-пропозициональных (МПП; изъяснительных) СПП с глаголами речи, мысли, бытийными, метасловами: *Получается / выходит, что...* (для выражения значения вывода, ср. *значит*); *Причина / цель / отличие... состояла /-ло в том, что...* и мн. др.

Особый класс союзных средств предложенческого типа составляют метаконструкции. Это предикативные конструкции, называющие тот или иной тип семантико-синтаксических отношений и тем самым выражающие их. Основу их составляют метаслова, называющие эти отношения: *причина, следствие, цель, средство, основание, вывод; обуславливать, вызывать, ограничиваться* и др. в сочетании с местоимениями, модусными словами и т. п. Образования эти многообразны, их вариативность значительна: *Это было (стало, оказалось) причиной...; Отличия есть / были / остались; отличие одно / налицо / следующее / одно; есть много отличий; Отличие состоит в следующем / в этом / вот в чём / здесь; тут (и) (состоит) (главное) отличие; Это не есть / не отличие. Таких отличий много / мало; Таковы основные отличия; Вот и всё отличие; Это важное отличие* и мн. др.; ср. с глаголами-метасловами: *Явление А обуславливает / вызывает то, что...; Это (положение дел) ограничивается тем, что...*

Перечень всех разновидностей подобных связующих средств очень велик. Естественно стремление внутри класса связующих средств выделять различные структурные и функциональные группы, обозначить их терминологически: коннекторы, релятивы, скрепы-фразы и др. Но, думается, наряду с этим раскрытие вторичных функций этих единиц при систематическом описании синтаксиса – перспективный путь их представления. Так, при описании МПП (изъяснительных) СПП вполне возможно указание на их союзную функцию, то же самое при описании условно-следственных и пр. отношений (*если так / если не так* и т. п. как средство связи). Учёт таких средств необходим, разумеется, при описании отдельных семантико-синтаксических отношений. Такой способ описания предложен нами в работах о представлении синтаксических конструкций в конструктивно-синтаксических полях (КСП), в виде разграничения центра и периферии, а в рамках периферии – входящих и выходящих типов.

Алла Фёдоровна считает важным признаком скрепы то, что она не образует конструкцию: в отличие от союзной конструкции, левый и правый контекст скрепы «широки, свободны и в принципе неопределимы» [Прияткина, 2002, с. 94]. Степень определимости границ левого и правого контекстов различна. Самый простой случай, когда скрепа соединяет два контактно расположенных предложения. В данном случае граница между СП и текстом практически отсутствует, к тексту такие образования относят на основании точки (гипноз точки: [Вейхман, 1988, с. 67]). Левый контекст может состоять из нескольких предложений, связанных однородными отношениями, например, сосуществования, одновременности, и неоднородными (например, с причинными, конкретизирующими), или включать вставную конструкцию. Но такие явления имеют место и в многочленах. Правый контекст также допускает подобное распространение. Такие компоненты, по сути дела, можно свести в конструкцию. Способность к дистантной связи между компонентами, к охвату объёмных фрагментов текста свидетельствует о силе союзных средств, или сфере их действия, валентности. Им противопоставляются случаи, когда конструкция никаким образом не выявляется. Пример – частица *тоже*, которую, тем не менее, чаще именуют союзом: нередко приходится возвращаться на много страниц назад, чтобы определить antecedent *тоже*. Это характеризует и многие вводные слова, например, *в самом деле*, выражающее подтверждение: оно может связывать контактно расположенные предложения или их сочетания, но может относиться к отдалённому или подразумеваемому предтексту, который можно выявить или вербализовать, но конструкция при помощи этого средства в данном случае не формируется: *Темнеет. Зажглись редкие фонари вдоль проспекта Реформации. Черная стена Тучи стала ближе. Туча и в самом деле ведет себя, как подкрадывающееся животное. Только что стоял чуть покосившийся фонарный столб с разбросанными под ним перевернутыми зонтиками, наполненными водой, и вдруг что-то неуловимо меняется, и уже нет ни фонаря, ни зонтиков, а черная стена еще на пяток метров ближе, и большая лиловая молния проходит по ней наискосок* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Туча).

Другой вопрос, важный при описании функционирования разных связующих средств, – актуализация единиц, конструкций или их компонентов: введение их как вставных элементов, соответственно, пунктуационное оформление скобками или тире, парцелляция и др. К этому роду явлений относится и положение союзного средства в начале абзаца. Не только типичные скрепы могут занимать такое положение, но и типичные союзы. Примеры очевидны. В этом ряду явлений находится и актуализация связующего средства, которая осуществляется его постпозицией, обособлением, а также, что наиболее интересно, интонационной изоляцией в

виде отдельной фразы. А.Ф. Прияткина приводит возможность такой актуализации – переходу в разряд скреп-фраз или сближению с ними – даже для союза *но, и, или*, указывает на разную способность средств связи к такой актуализации, а также факторы, способствующие этому, например, наличие союза *и* при наречии или местоимении (*и ещё, и далее* и т. п.).

Как важный фактор актуализации тех или иных единиц и средств связи и выведения их на поверхность текста, отметим употребление акцентирующих местоименных слов, частиц: *одно, следующее, вот* и др. Для выражения не только связей, но и синтаксических отношений важны их сочетания со связующими вводными словами, метасловами, местоимениями.

При одном и том же союзном средстве могут быть разные степени его интонационной изоляции. Покажем это на примере сочетания *вот почему / (и / вот почему)*.

Вот почему может быть анафорическим и катафорическим. При анафорическом (*и*) *вот почему* присоединяет компонент со значением следствия, он может отделяться точкой (фразовой паузой) слева: *Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров* (В.К. Арсеньев [НКРЯ]).

Но, как актуализованное средство связи, это сочетание может находиться и после ПЕ, содержащей следствие:

– *Довольно, не хочу! Не будете больше играть.*

– *Почему?*

– *А потому. Плюньте и уйдите, вот почему. Не дам больше играть!* (Ф.М. Достоевский [НКРЯ]).

(*И / а*) *вот почему* катафорическое присоединяет компонент со значением причины, оно может быть разной степени актуализации, соответственно в разном пунктуационном оформлении. *Вот почему* может быть после запятой перед двоеточием / точкой: *Японцы посещают нас, но пока реже. Вскоре, однако ж, они стали посещать нас чаще, и вот почему. В начале приезда мы просили прислать нам провизии, разумеется за деньги, и сказали, что иначе не возьмем. В ответ на это японцы запели свою песню, то есть что надо послать в Едо, в верховный совет <...>* (И.А. Гончаров [НКРЯ]).

И вот почему после точки перед двоеточием: *Я не думаю, чтобы Андрей когда-нибудь женился на ком бы то ни было и в особенности на ней. И вот почему: во-первых я знаю, что хотя он и редко говорит о покойной жене, но печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь он решился дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому ангелу. Во-вторых потому, что, сколько я знаю, эта девушка не из того разряда женщин, которые могут нравиться князю Андрею* (Л.Н. Толстой [НКРЯ]).

И, наконец, полностью изолированное *И вот почему*, оформленное как фраза: *Борьба с коррупцией на Тихоокеанском флоте признана приоритетным направлением деятельности флотской прокуратуры в 2003 году. И вот почему. На днях в результате оперативного эксперимента УФСБ по ТОФ и военной прокуратуры ТОФ прямо на рабочем месте задержан с поличным при получении взятки в размере пяти тысяч долларов ведущий специалист группы центрального управления материальных ресурсов и внешнеэкономических связей Минобороны России во Владивостоке* (Александр Огневский [НКРЯ]).

Материал показывает, что пунктуационное оформление конструкций не влияет на характер отношений, но влияет на степень актуализации сторон этих отношений, на

различные смысловые акценты и нюансы. В научной литературе немало замечаний об альтернативности постановки точки, запятой и др. знаков препинания, а также выделения абзаца красной строкой, о стилистических, прагматических, эмоциональных функциях всех этих знаков. Но, безусловно, актуализация способствует выходу отношений на поверхность текста, так как позволяет увеличить объём охватываемых отношением единиц.

Универсальным средством актуализации средств связи и способом оформления их как предложения является местоимение, а также частица *это*, местоимения *так*, *таков*, *такой*. Слово *это* способствует оформлению любой единицы как контекстуально неполного предложения, тем самым и достигается его актуализация, оно может выделять и компонент предложения, и ПЕ, и метаконструкции. В качестве примера приведём актуализацию придаточного: *А когда уже оделась в гардеробе и стояла у стеклянных дверей, ждала Иосифа, чтобы ехать домой, вдруг увидела за стеклом, что на улице повалил ни с того ни с сего снег! И это когда уже в городе все стаяло! Стояла, смотрела и не удержалась, вышла в снегопад* (Михаил Шишкин [НКРЯ]).

Слово *это* очень широко используется и для актуализации средств связи и выражения отношений: *С Довлатовым так близко, как с ним дружили Вайль и Генис, конечно, я не общался. Это с одной стороны. С другой стороны, он занимал огромное место в моей жизни* (Нина Назарова, С.М. Волков [НКРЯ]). Ср. такие полностью местоименные образования, как: *Это именно то; Это не то* (констатация соответствия / несоответствия); *Это так; Это не так* (подтверждение, согласие и возражение, несогласие); *Так ли это?* – вопрос о соответствии того или иного положения дел, мысли истинному. *И это тоже* и мн. др.

К актуализованным средствам связи – выражения отношений относятся и вопросительные предложения с местоимениями, особенно редуцированные, вплоть до одного слова: *Почему так / это? Почему? Зачем?* и пр. В правом контексте (ПК) может содержаться ответ на данные вопросы, нередко в виде перечисления возможных ответов, но ответа может и не быть из-за его незнания. Весь контекст с данным предложением выражает причинно-следственные и др. отношения. Ср. усиление актуализации, двойная актуализация: *Почему? А вот почему?, а также контаминацию вопрос – ответ: почему – потому что: – Они скоро придут? – спросил Сережа. И удивился и огорчился, узнав, что не скоро, дней через семь, а то и больше, – а почему, потому что ребенок должен привыкнуть к маме, в больнице его к ней приучат* (В.Ф. Панова [НКРЯ]).

Многие из таких связей сформировались на основе диалогических единств. К ним относятся и слова-предложения *да*, *нет*, как частично интонационно / пунктуационно изолированные, так и полностью изолированные, выражающие подтверждение или возражение, противопоставление. Всё это отражает известную тенденцию в организации предложения и текста – диалогизацию монологической речи.

Актуализация средств связи и связующих ПЕ подчёркивает, усиливает выражение тех или иных отношений в тексте, многие из таких образований функционируют только или преимущественно в тексте.

Таким образом, среди связующих средств выделяются актуализованные разными способами средства, вплоть до оформления их как фраз и как предикативных единиц. Среди актуализованных фраз особую значимость для выражения синтаксических отношений имеют метаконструкции. Наряду с отдельной классификацией связующих средств по их

происхождению, структуре, функционированию на разных уровнях синтаксиса во всей полноте они, естественно, могут быть рассмотрены при описании синтаксических отношений.

Литература

1. Вейхман Г.А. Уровень текста // Филологические науки. 1988. № 2. С. 65–68.
2. Крылова Г.М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением (на материале лексем в общем, в целом, в принципе, в основном): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002. 24 с.
3. Пилюгина Н.Ю. Фразеологизированные сочетания в служебной функции: синтаксис и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 33 с.
4. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.
5. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. науч. тр.. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 90–100.
6. Тюрин П.М. Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 25 с.
7. Шнырик Е.А. Роль служебных лексикализованных словоформ в организации текста (на примере слов-гибридов в результате, в итоге): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток. 2009. 26 с.

Источники

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: www.ruscorgo.ru

О ПОНЯТИИ «ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА»

О.Ю. Инькова

Женевский университет

Женева, Швейцария,

Институт проблем информатики Федерального

исследовательского центра «Информатика и управление» РАН

Москва, Россия

***Аннотация.** В статье обсуждается понятие «текстовая скрепа». Показано, что в существующей трактовке – языковое средство, служащее для связи высказываний и оформления движения мысли, – оно является слишком общим и не имеет объяснительной силы. Предлагается определять как текстовую скрепу, или коннектор, коннекторы, служащие для маркирования тематической структуры текста: ввод новой темы, возвращение к теме, поворот в повествовании и др. Определенные таким образом текстовые скрепы противопоставляются скрепам, выражающим логико-семантические отношения. Эта оппозиция может быть продуктивно использована для описания разнообразных механизмов, обеспечивающих связность текста.*

***Abstract.** The article discusses the concept of “textual bond”. It is shown that the existing interpretation of the term – a linguistic tool establishing a relation between utterances and formalizing a way of thinking – is too general and has no explanatory power. The article suggests defining a textual bond (or a connective) as connective that marks the thematic structure of the text and signal an introduction of a new topic, a return to the precedent topic, a switch of the narrative, etc. Textual connectives defined above are opposed to the bonds that express logical-semantic relations. This opposition can be productively used to describe a variety of mechanisms ensuring text coherence.*

Ключевые слова: семантика, коннекторы, лингвистика текста, связность текста.

Key words: semantics, connective, text linguistics, text coherence.

Введение

В настоящем исследовании мне хотелось бы вернуться к понятию «текстовая скрепа», которому посвящена, в частности, статья А.Ф. Прияткиной «Текстовые “скрепы” и “скрепы-фразы” (о расширении категории служебных единиц русского языка)», написанная в 2002 году [Прияткина, 2002]. Это исследование (см. также [Прияткина, Стародумова, 2015]) остается актуальным, поскольку ни состав служебных единиц русского языка, в том числе связующих единиц, ни их функции на сегодняшний день еще четко не определены. Можно выделить, как минимум, три группы вопросов, которые пока остались без ответа.

1) Термин «скрепа» и еще в меньшей степени «текстовая скрепа» не имеют однозначного толкования. Не ясно их отношение к понятиям «коннектор» и «союз», а также к понятию «дискурсивные слова».

2) Не существует четких критериев для определения функции «(текстовой) скрепы». Если исходить из положения о том, что текстовые скрепы связывают не части предложения, а части текста, то за пределами этого класса остается значительное количество пограничных случаев.

3) Если выделять в особый класс «скрепы-фразы», то необходимо более четко определить, что такое «текстовое отношение». «Оформление движения мысли» [Прияткина, 2002, с. 98] или «функция связи высказываний в тексте» [Прияткина и др., 2001, с. 288] представляются нам слишком широкими определениями, чтобы иметь объяснительную силу.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. Что такое «скрепа»?

Термин «скрепа» не имеет однозначного толкования в русской грамматической терминологии. В узком смысле, сопровождаемый, как правило, определением «текстовая», этот термин обозначает класс языковых средств, служащих для связи высказываний, прежде всего, смысловой: «Текстовая скрепа – это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [Прияткина, Стародумова, 2015, с. 135]. Данный класс союзов и союзных слов выделял еще Л.А. Булаховский (см., например, [Булаховский, 1947, Булаховский 1952, с. 343]). Выделяется он и в других грамматических традициях (ср., например, для итальянского языка [Sabatini, Coletti, 1997] оппозицию *congiunzioni sintattiche vs. congiunzioni testuali*). В широком смысле термин «скрепа» обозначает связующее средство, принадлежащее к классу союзов, союзных слов, частиц и др., служащих для выражение смыслового отношения между членами предложения, его частями или более крупными фрагментами текста. Это наиболее распространенное его употребление. В этом значении он совпадает с термином «коннектор», пришедшем из трудов зарубежных лингвистов.

В отечественной лингвистике, в частности, работах Е.В. Урысон, термин «коннектор» иногда приближается по своему объему к термину «текстовая скрепа». Коннектор противопоставляется союзу на том основании, что «<Г>лавное свойство коннектора состоит в том, что он может связывать не только высказывания, но и т.н. “сверхфразовые единства”» [Урысон, 2012]. Союзы, в свою очередь, подразделяются на жесткие и мягкие в зависимости от их возможности связывать не части предложения, а самостоятельные предложения.

Особый термин, будь то «скрепа» или «коннектор» в их широком понимании, т.е. служащий для обозначения функционального класса языковых единиц, выражающих смысловое отношение между связываемыми ими фрагментами текста, необходим, в частности, потому, что в их состав входят не только союзы, являющиеся выразителями как

синтаксического, так и семантического отношения, но и языковые единицы, частеречная принадлежность и связующая синтаксическая функция которых вызывает дискуссии: *на самом деле, другими словами, значит, дело в том что* и др.

Скрепсы и коннекторы включаются, в свою очередь, в более широкий и на сегодняшний день также плохо определенный класс дискурсивных слов, функция которых заключается не в участии в создании пропозиционального содержания высказывания, а в том, что они дают инструкцию о его интерпретации. Иными словами, они обеспечивают успешность коммуникации на разных уровнях и в разных планах: отношения между участниками коммуникации, отношение говорящего к сообщаемому, отношения между входящими в сообщаемое высказываниями и др. [Schiffrin, 1987, Schourup, 1999, Fischer, 2006, Fraser, 2009].

В теории сложного предложения, разработанной М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой, скрепа в широком понимании термина, входит в другой класс – класс функтивов, т.е. языковых средств (морфема, сочетание морфем, слово, сочетание слов, а также сочетание морфем с аналитическими компонентами), обеспечивающих синтаксическую связь частей сложного предложения [Черемисина, Колосова, 1987].

Что касается еще одного термина – «релятив», – употребляемого М.В. Ляпон [Ляпон, 1986] то, с одной стороны, он неудачен, поскольку употребляется в других областях лингвистического анализа: в исследовании устной речи для обозначения коммуникативных единиц, выполняющих речерегулирующие функции (*Да ну!, Ни за что!, Да, Нет* и др.) [Сиротинина 1974], называемые также «коммуникативами» [Сиротинина, 2010], а также в типологических исследованиях для обозначения относительного местоимения или прилагательного [Ландер, 2012]. С другой стороны, класс слов с релятивной семантикой включает единицы, которые не могут быть отнесены к классу скреп и коннекторов, поскольку под релятивностью, или реляционностью в широком смысле понимается любое лексическое значение, в состав которого входит компонент отношения. «Выступая в чистом (или по крайней мере менее осложнённом) виде в классах союзов, предлогов и некоторых глаголов, реляционное значение охотно объединяется с другими типами значения в классах прилагательных, существительных и глаголов» [Арутюнова, 1980, с. 236]. К единицам с реляционной семантикой относятся, например, прилагательные *ореховый, президентский*, существительные *автопарк, отец*, глаголы *уговаривать, упрашивать*, рамочные выражения *в области (внешней политики), на основании (решения суда)* (о последних см. [Шереметьева, 2009]) и др.

2. Критерии для определения «текстовой скрепы»

Критерием для выделения класса текстовых скреп в концепции А.Ф. Прияткиной и ее школы служит, как видно из приведенного в § 1 определения, их употребление для связи высказываний и более крупных фрагментов текста. Хорошо известно, однако, что даже такой союз как *или*, для которого наиболее характерно употребление в рамках простого предложения (по нашим данным 95,9% употребления; см. [Инькова, 2020]), может связывать самостоятельные высказывания.

(1) Так иногда пройдет полчаса, разве кто-нибудь зевнет вслух и перекрестит рот, примолвив: «Господи помилуй!» За ним зевает сосед, потом следующий, медленно, как будто по команде, отворяет рот, и так далее, заразительная игра воздуха в легких обойдет всех, причем иного прошибет слеза. *Или* Илья Иванович пойдет к окну, взглянет туда и скажет с некоторым удивлением: «Еще пять часов только, а уж как темно на дворе!» [И.А. Гончаров. Обломов (1848–1859)].

С другой стороны, за текстовыми скрепами закрепляется возможность употребляться и в рамках одного высказывания «без текстовой функции» [Прияткина, Стародумова, 2015, с. 138]. Ср. для *между прочим* из С. Довлатова, для которого, в принципе, характерны парцелированные конструкции, но здесь он ее не использует:

(2) Нанял секретаршу, *между прочим* – внучку Эренбурга [Сергей Довлатов. Иностранка (1986)].

Наконец, к текстовым скрепам относятся также сочетания сочинительных союзов с конкретизаторами, в терминологии русской грамматики, но для них как раз наиболее типичным является употребление для связи частей предложения. Ср. (3), где двухкомпонентный коннектор *с одной стороны... с другой стороны* в сочетании с сочинительным союзом *и* связывает даже не части сложного предложения, а однородные члены.

(3) Мы можем описательно определить все эти разобранные нами явления так: в самосознание героя проникло чужое сознание о нём, в самовысказывание героя брошено чужое слово о нём; чужое сознание и чужое слово вызывает специфические явления, определяющие тематическое развитие самосознания, его изломы, лазейки, протесты, *с одной стороны*, *и* речь героя с её акцентными перебоями, синтаксическими изломами, повторениями, оговорками и растянутостью, *с другой стороны* [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)].

Критерий «связь высказываний» vs. «связь предложений или их частей» не может быть, таким образом, определяющим для выделения особой функциональной категории «текстовая скрепа». Прежде всего, все коннекторы, как мы видели, в той или иной степени обладают возможностью связывать высказывания, и наоборот, языковые единицы, относящиеся к текстовым скрепам, могут, за редким исключением, связывать части сложного предложения. Мы имеем, таким образом, дело с континуумом, на одном конце которого располагаются коннекторы типа *итак*, употребляющиеся исключительно для связи высказываний, а с другой, союзы типа *потому что*, которые употребляются исключительно для связи частей предложения [Инькова, 2019а].

Важным, однако, представляется тот факт, что в какой бы синтаксической структуре ни употреблялись коннекторы, выражаемое ими логико-семантическое отношение (ЛСО) остается неизменным. В (1) выше *или* выражает ЛСО альтернативы, также как и в рамках предложения; *между тем* в (2) – ЛСО спецификации; *с одной стороны... с другой стороны* в (3) – метаязыковое противопоставление. В (4) хотя *однако ж* находится не просто в начале абзаца, а в начале главы, вряд ли именно ему можно приписать текстоорганизующую функцию: ее выполняет разбиение на главы, а коннектор даже в этой позиции выражает ЛСО «вопреки ожидаемому».

(4) Помнил только, как отхлебнул один глоток холодной воды и пролил из кружки на грудь. Затем наступило беспмятство.

III

Он, *однако ж*, не то чтоб уж был совсем в беспмятстве во всё время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

Это значит, что функция коннекторов как показателей ЛСО не меняется при переходе от употребления в рамках предложения к употреблению для связи высказываний, и говорить об их особой текстообразующей или текстоорганизующей функции в таких случаях не кажется мне обоснованным.

3. Текстовое отношение: предложение определения

Существуют, однако, еще, как минимум, два употребления языковых единиц, относящихся к классу коннекторов, не укладывающихся в описанное выше.

В первом из них эти языковые единицы, в своем большинстве полифункциональные, не имеют функции коннектора – показателя ЛСО, поскольку у них отсутствует предыдущий или последующий контекст, а значит, отсутствует одна из двух семантических валентностей, необходимых для отнесения языковой единицы к классу коннекторов.

(5) Газета напечатала статью под заголовком – «Диверсант у микрофона», Разудалова в статье именовали, *например*, «кремлевским жаворонком» [Сергей Довлатов. Иностранка (1986)].

(6) – И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, *однако*, мое сердце! [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

Например в (5) не может считаться коннектором, потому что оно не связано с предыдущим контекстом, а множество, к которому оно отсылает (возможные наименования Разудалова) является в данном случае имплицитным. *Однако* в (6) также не устанавливает ЛСО «вопреки ожидаемому» с предыдущим высказыванием, а выражает недоумение говорящего и справедливо квалифицируется в [Словарь русского языка, 1981] как междометие.

На этом же основании нельзя причислить к «текстовым скрепам», как это предлагает А.Ф. Прияткина [Прияткина, 2002], такие единицы как *Да. Нет. Вот и все*. Они связаны только с предыдущим контекстом, но не предполагают последующего. В свою очередь, *значит так, несколько слов о*, приводимые в качестве примеров фраз-скреп, связаны только с последующим контекстом и могут использоваться в заголовках, т.е. в абсолютном начале текста.

Второе употребление языковых единиц, относящихся к классу коннекторов, проиллюстрировано следующими примерами:

(7) Случилось мне недавно обедать с моим приятелем Олегом Муковским. В студенческие годы мы очень дружили, но потом пути наши, как это часто бывает, разошлись. Я ушёл из дому, на долгие годы порвал с друзьями, жил бог знает где и бог знает с кем. Потом чересчур близко к сердцу принял леворадикальные идеи и, отказавшись от престижной работы, сел писать никому не нужную филологическую диссертацию об Элиоте. Олег тоже работал над диссертацией, лингвистической. Но в отличие от меня он сделался за эти годы солидным человеком. Его назначили руководителем серьёзной университетской программы и одновременно директором Канадского Колледжа. *Так вот...* Сидели мы, значит, с ним в кафе, ели, пили [Запись LiveJournal (2004)].

В (7) *так вот* сигнализирует о том, что после отступления, описывающего отношения с приятелем, говорящий возвращается к повествованию: «Случилось мне недавно обедать с моим приятелем Олегом Муковским. <...> *Так вот...* Сидели мы, значит, с ним в кафе, ели, пили.» Такую же функцию – возврат к теме после отступления – может выполнять *однако*; ср. (8), где отступление от основной темы взято в угловые скобки:

(8) Но когда разглядели хорошенько Катерину Ивановну, то увидели, что она вовсе не разбилась о камень, как подумала Соня, а что кровь, обagrившая мостовую, хлынула из ее груди горлом. – Это я знаю, видал, – бормотал чиновник Раскольникову и Лебезятникову, – это чахотка-с; хлынет этак кровь и задавит. <С одною моею родственницей, еще недавно свидетелем был, и этак стакана полтора... вдруг-с...> Что же, *однако ж*, делать, сейчас помрет? [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

Коннектор *между тем*, наряду со своим временным значением, при котором наблюдается совпадение временных координат связываемых им положений вещей, как в (9), может также сигнализировать отступление от темы или поворот в повествовании (10).

(9) Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе, он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону. Он было хотел пощупать пальцем, но отдернул руку; да и без того было видно. Крови *между тем* натекла уже целая лужа [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

(10) В конечном счете Лемкусу пришлось эмигрировать. Месяца четыре он работал по специальности. Организовывал массовые поездки эмигрантов к Ниагарскому водопаду. Выступал тамадой на бармицвах. Писал стихи, рифмованные объявления, здравницы, кантаты. Мне, например, запомнились такие его строчки: От КГБ всю жизнь страдая, /Мы помним горечь всех обид! /Пускай Америка родная /Нас от врагов предохранит! Однако платили Лемкусу мало. *Между тем* у него появился второй ребенок. И тут его представили баптистам [Сергей Довлатов. Иностранка (1985)].

В отличие от (9), где положения вещей, описанные в левом контексте *между тем* и локализованные во времени, создают временные координаты для положения вещей, вводимого *между тем*, в (10) положение вещей, описанное в левом контексте не локализовано во времени: оно состоит из разных по времени и разнотипных ситуаций, как точечных, так и повторяющихся. Высказывание, вводимое *между тем*, напротив, описывает положение вещей, задающее временные координаты для поворота в повествовании (и в жизни Лемма): «И тут его представили баптистам». Ср. также «а поворота повествования» в [Урысон 2004].

В употреблении, проиллюстрированных (7), (8), (10), коннекторы выражают не ЛСО между положениями вещей, а имеют функцию принципиально другой природы: они определяют место вводимого им фрагмента в общей тематической организации текста. Это два разных типа структурирования текста, выделяемых наряду с жанровой принадлежностью, коммуникативным намерением говорящего, пропозициональным содержанием (подробнее см. [Инькова, 2019б]).

О том, что это два разных языковых явления связности текста, хотя оба они оформляют «движение мысли», говорят и особенности, присущие их показателям. Прежде всего, текстовая функция реализуется только при связи самостоятельных высказываний (понимаемых как коммуникативно законченные отрезки текста), а чаще – при связи более крупных фрагментов текста, тогда как для установления ЛСО не существует формальных ограничений на фрагменты текста: ими могут быть непредикативные единицы (например, в случае предлога *несмотря на* или сочинительных союзов), предикативные и полипредикативные единицы, самостоятельные высказывания и блоки высказываний.

Во-вторых, если ЛСО устанавливается между смежными фрагментами текста, то тематическое единство может связывать фрагменты текста, разделенные другими фрагментами, иногда значительными по размеру. Так, в [Инькова, 2018, с. 182] приводится пример для *кстати* (11), которое часто используется для возвращения к предыдущему разговору, к какой-то его части или детали, оставшейся в нем невыясненной.

(11) – Ах... это вы?.. – сказал Раскольников **в чрезвычайном удивлении** и вдруг сам смутился. <Далее следует описание визита Сони, несколько страниц, при прощании Раскольников спрашивает:> – Вам направо, Софья Семеновна? *Кстати*: как вы меня отыскали? – спросил он, как будто желая сказать ей что-то совсем другое.

– Да ведь вы Полечке вчера адрес сказали [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

В (11) *кстати* возвращает читателя к реакции Раскольникова (чрезвычайное удивление) на приход Сони. Он сразу не находит ему объяснения и спрашивает об этом Соню во время прощания.

В таких функциях, которые по праву можно назвать текстоструктурирующими, коннекторы можно отнести к классу метатекстовых показателей, также сигнализирующих о тематической организации текста, но принадлежащих к другим функциональным классам: введение новой темы (*поговорим о..., что касается... то*), завершение отступления от темы и возвращение к сказанному ранее (*вернемся к*), поворот в повествовании, группировка в семантические блоки на основании единого критерия (рамочные выражения типа *с этой точки зрения, согласно X*) и др.

Заключение

При описании языковых средств, участвующих в обеспечении связности текста, необходимо различать типы этой связности. Это позволяет более четко сформулировать критерии для определения функций языковых единиц, не путая их с особенностями функционирования самих языковых показателей. Если выделять как отдельную функцию коннекторов маркирование тематической организации текста, то можно говорить и о текстовых коннекторах, или текстовых скрепах, противопоставленных коннекторам логико-семантическим. Эта оппозиция может быть продуктивно использована для описания смысловой организации текста и его тематической структуры, а также самих показателей.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156–249.
2. Булаховский Л.А. Союзы и союзные слова: Лекция: Для учителей-заочников фак. языка и литературы пед. и учительских ин-тов. Киев: Радянська школа, 1947. 44 с.
3. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Том 1. Киев: Радянська школа, 1952. 447 с.
4. Инькова О.Ю. Кстати: «одно словцо другое зовет, одна мысль другую вызывает» // Velmezova E. (éd.), Contributions suisses au XVIe congrès mondial des slavistes à Belgrade. Berne: Peter Lang, 2018. С. 165–186.
5. Инькова О.Ю. О некоторых синтаксических свойства коннекторов: количественные методы анализа // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сб. мат. междунар. науч.-практич. конф., посвященной 120-летию Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Государственный университет им. И.А. Бунина, 2019а. С. 66–74.
6. Инькова О.Ю. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // О. Инькова, Э. Манзотти. Связность текста: мерологические логико-семантические отношения. Москва: Языки славянской культуры, 2019б. С. 11–98.
7. Инькова О.Ю. Количественный метод анализа коннекторов: «портрет» русского союза *или* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 17–20 июня 2020 г. Вып. 19 (26). М.: РГГУ, 2020. С. 372–386.
8. Ландер Ю.А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 489 с.
9. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 199 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
11. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Елец: ЕГУ, 2002. С. 90–100.
12. Прияткина А.Ф. и др. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.

13. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
14. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности М.: Просвещение. 1974. 144 с.
15. Сиротинина О.Б. Речевая коммуникация: проблемы и трудности ее изучения // Предложение и Слово. Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. С. 295–299.
16. Урысон Е.В. Союзы, коннекторы и теория валентностей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г. Вып. 11 (18). М.: РГГУ, 2012. С. 627–638.
17. Урысон Е.В. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8 (2) С. 17–48.
18. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
19. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы в аспекте синтаксической конструкции // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 147–153.
20. Fischer K. ed. Approaches to Discourse Particles, [Studies in Pragmatics 1]. Amsterdam: Elsevier, 2006.
21. Fraser B. An Account of Discourse Makrers // International Review of Pragmatic. 2009. N°1. P. 1–28.
22. Sabatini F., Coletti V. DISC. Dizionario italiano Sabatini-Coletti. Firenze: Giunti, 1997.
23. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 373 pp.
24. Schourup L. Discourse Markers // Lingua. 1999. N° 107. P. 227–265.

СОЮЗ. СТРУКТУРА. СЕМАНТИКА

В.Н. Завьялов

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются семантико-синтаксические свойства базовых русских разделительных союзов на основе их происхождения и современного строения. Анализируется структура каждого из них с учетом особенностей составляющих ее элементов и субэлементов. Выявлено, что семантико-синтаксические свойства современных разделительных союзов по-прежнему тесно связаны с исходными значениями их структурных составляющих.*

***Abstract.** The article deals with the semantic and syntactic properties of Russian disjunctive conjunctions based on the peculiarities of their structure. The etymology of each conjunction is established on the basis of particles in their structure. Generally, the meanings and syntactic features of Russian disjunctive conjunctions are still inextricably linked with the semantics and categorical properties of their initial structural elements, on which their modern distinctive features are based.*

***Ключевые слова:** частицы, партикулы, союзы, этимология, структура, семантика, прагматика, синтаксис.*

***Keywords:** particles, conjunctions, etymology, structure, semantics, pragmatics, syntax.*

1. При подготовке первого выпуска «Словаря служебных слов русского языка» [Словарь служебных слов..., 2001] Алла Федоровна Прияткина обратилась ко мне с предложением подготовить материал по этимологии союзов, которые должны были быть в нем рассмотрены. Предполагалось, что это будет одним из параметров словарной статьи как таковой, посвященной средствам синтаксической связи. По мнению Аллы Федоровны, такая информация должна была способствовать более глубокому и всестороннему их описанию.

И хотя по ряду причин, и прежде всего в силу недостаточной разработанности в русистике данного вопроса, от этой идеи пришлось отказаться, мысль о связи этимологии союзов с их современными семантико-синтаксическими свойствами, является очень плодотворной. С одной стороны, она опирается на известное положение В.В. Виноградова о том, что в структуре многих составных союзов присутствуют «следы и живые формы разных других частей речи (ср., напр.: *после того как, прежде чем, лишь только* и др.)» [Виноградов, 2001, с. 579], а с другой выходит на так называемую непарадигматическую лингвистику, объектом которой являются партикулы – первичные, нетаксономические образования, функционирующие в языковой системе со времени ее возникновения (*не, ли, и, а, то, же, да*, и др.), ибо «становясь союзами, частицами, артиклями, партикулы никогда не оставляют всей своей былой семантики хотя бы в виде некоторого шлейфа “скрытой памяти”» [Николаева, 2008, с. 116].

В настоящей статье мы хотим изложить некоторые аспекты данной проблемы, представленные в ряде наших публикаций на материале базовых русских разделительных союзов *ли... ли..., или, либо, то... то..., не то... не то..., то ли... то ли...* (в частности, в [Завьялов, 2019]).

2. Разделительные союзы *ли... ли..., или, либо, то... то..., не то... не то..., то ли... то ли...* в структурном плане состоят из элементов и субэлементов. Элемент – минимальная значимая часть структуры союза. Субэлемент – часть составного, разложимого элемента (напр., **и + ли*). Основные признаки субэлементов и элементов заключаются в морфологической соотнесенности с другими языковыми единицами (частицами, местоимениями, союзами, предлогами и др.) как в синхронном, так и диахронном аспектах. Компонент – обобщенный структурный образ того или иного союза, включающий в себя элементы и субэлементы и занимающий одно синтаксическое место в структуре предложения-высказывания (см. [Завьялов, 2015]).

2.1. Союз *ли... ли...* образовался на базе вопросительной частицы *ли* [Колесов, 2010, с. 451].

Н.Д. Арутюнова квалифицирует вопросительную частицу *ли* как «знак неразрешенного вопроса», когда «модус незнания оставляет невыбранной пропозицию с тем или иным истинностным значением» [Арутюнова, 1988, с. 126], напр.: – *Много ли наловил налимов?* (Ю. Коваль. Листобой); – *Нет ли у тебя какой музыки?* (В. Шукшин. Калина красная).

Говорящий не определился с критериями истинности того, о чем спрашивает, отчего и сам ответ также может быть вероятностным. Маркером такой ситуации и является частица *ли*.

В свою очередь, союз *ли...ли...* выражает синтаксические отношения, связанные с перечислением реальных или предположительных альтернатив, но четкой семантической границы между ними не проводит, так как является носителем «семантики неопределенной разделительности» [Кручинина, 2009, с. 176], в силу чего степень достоверности представленных им альтернатив не может быть определена с абсолютной точностью: *И я к нему потянулся тоже по сердцу ли, по одиночеству ли, но потянулся* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья); *Лежишь ли, пьешь ли рыбий жир, измеряешь ли температуру – сообщай в каждом письме!* (А. Морозов. Прежние слова).

Таким образом, союз *ли... ли...* отчасти также является знаком «неразрешенного вопроса». При этом в семантике конструкции, организуемой *ли... ли...*, присутствует прагматический оттенок безразличия к выбору какой-либо из альтернатив. Он может

присутствовать как в имплицитной форме (см. примеры выше), так и быть вербализованным специальными лексическими средствами (*не важно, все равно, безразлично* и под.): – *Полюбил я тебя на всю жизнь, тяжело **ли** мне, легко **ли**, это – честное слово – не важно* (А.Н. Толстой. Хожение по мукам); *Дождь **ли** сеялся, туман **ли** дымил, промозглый **ли** ветер гремел железом на крышах – Жека все равно караулил* (Э. Шим. Ребята с нашего двора).

Все это свидетельствует о сохраняющейся глубинной связи союза *ли... ли...* с категорией вопросительности (и соответствующей частицей), которая, не найдя выхода в прямой постановке, в конечном итоге реализуется в виде указанного безразличия говорящего к представленным альтернативам.

2.2. Союз *или* образовался в результате сращения союза *и* с частицей *ли* [Фасмер, 1986, с. 127]. Специалисты давно обращали внимание на структуру этого союза, увязывая с ней особенности его семантики. А.В. Добиаш отмечал, что в «*или* слово «и» указывает на двучлен вообще, а «ли» остается вопросительным словом.оборот *или пан, или пропал* значит: может быть и то, и другое: первое ли выйдет, второе ли – не знаю» [Добиаш, 1897, с. 461]). Подобный подход находит отражение и в современных формулировках. Ср.: «В предложениях с *или* каждый из компонентов возможен, но не обязателен» [Санников, 2008, с. 193]: *Торговцы, парни и девицы, сидели **или** стояли, разговаривали друг с другом **или** молчали, пили пиво **или** читали* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); – *Не пьет с коллективом новенький наш!.. **Или** брезгует, **или** сторонится, **или**... Уж и не знаю чего!* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...).

В первом примере актуализирован соединительный компонент *или*: *сидели **и** стояли, разговаривали **и** молчали, пили **и** читали*. Во втором и третьем – предположительный: *брезгует **ли**? сторонится **ли**?*

В субэlemente *и*, как и собственно в союзе *и*, заложена семантика поэтапного «развития повествования» [Урысон, 2011, с. 284–290]. Она способствует свободному сочинению союзом *или* (в отличие от *ли... ли...*) вопросительных пропозиций: *Было не совсем ясно: это крестьяне, что гнут спину на полях?.. **или** оптовики-перекупщики?.. **или** розничные торговцы, фасовщики по чекам и пакетам?..* (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо); *А как, например, перевести: «Иванову дали жилплощадь»? **Или**, скажем: «Петрову удалось достать банку растворимого кофе»? **Или**, допустим: «Сидоров лишился московской прописки»? Что все это значит?* (С. Довлатов. Переводные картинки).

Соединительность *или* проявляется также в прагматическом компоненте «и то, и другое» («все вместе», «одновременно» и под.), который при необходимости вербализуется говорящим: *Лесючевский отвечает что-то невнятное. Что-то вроде: «Это не от меня зависит», **или**: «Нет бумаги», **или** и то и другое вместе* (Л. Чуковская. Процесс исключения); *Если раньше на вопрос, что ей больше нравится – секс, курение **или** водка, Кейт отвечала: «Все и одновременно», то теперь она с собой бы не согласилась* (Домовой, 2002.12.04).

Соединительность может быть эксплицирована непосредственно союзом *и*, включенным во внутрирядные отношения между пропозициями, относящимися к *или*: *Сперва порыбачить, а потом побачить. **Или** одновременно – бачить Галку **и** рыбачить* (Ф. Искандер. Антип уехал в Казантип).

Если же свободный выбор альтернатив ситуативно не оправдан, то говорящий с помощью лексических средств «дилемма», «два варианта», «на выбор» и под. может

подчеркнуть необходимость определиться с какой-нибудь одной из них: *Передо мной встала дилемма: или отменять картину и заняться собственным здоровьем, или же все-таки попробовать сделать ленту* (Э. Рязанов. Подведенные итоги); *Сенаторам придется делать выбор: или поддержать мнение своих регионов, или согласиться с либеральными реформаторами* (Советская Россия, 2003.07.10).

Говорящий также готов сделать прямое указание на отсутствие в описываемой ситуации промежуточного решения: *Или счастье без свободы – или свобода без счастья, третьего не дано* (Е. Замятин. Мы).

Все это наглядно демонстрирует борьбу соединения и разделения в семантике и прагматике союза *или*.

2.3. Относительно этимологии союза *либо*, как мы уже отмечали, в русистике нет единой точки зрения. Наличие, по мнению ряда исследователей, в его структуре субэлемента *ли* указывает на то, что он мог образоваться в результате сращения частицы *ли* и древнерусского союза *бо* (по образцу союза *ибо*) [Шанский, 1994, с. 167].

Однако в семантике *либо* отсутствуют какие-либо из «морфологических следов» частицы *ли*, и прежде всего семантика неразрешенного вопроса. Ср.: *Здесь можно стоять полчаса и ждать либо лезть напролом* (Автопилот, 2002.02.15); *Не ладилось дело, потому что либо «голубятня торчит, но гумна не видно», либо «гумно видно, а голубятни нет»* (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

В связи с этим мы ориентируемся на другую точку зрения о происхождении *либо*, согласно которой он образовался из древнерусского союза *любо*, восходящего к соответствующему краткому прилагательному среднего рода: *А в княже борти 3 гривне, либо пожгут, либо изуродут* (Русская Правда) (см.: [Стеценко, 1977, с. 191–192]).

Союз *любо* имел широкое распространение в древнерусском языке, но «был вытеснен союзом *либо* <...> (по-видимому, под влиянием союза *ли* произошло изменение корневого гласного *любо* → *либо*)» [Там же]. При таком подходе к этимологии поддается объяснению главная особенность семантики *либо*: наличие в ней оттенка желательности, мотивированного исходной словоформой *любо*. Так, высказывание «*А в княже борти 3 гривне, либо пожгут, либо изуродут*» можно понимать и как «*Захотят (пожелают) – пожгут, захотят (пожелают) – изуродуют*».

Даже в акцентированных контекстах совмещения альтернатив или ультимативного выбора (союз *либо* сохраняет свою семантику предпочтительности одной из них, поэтому использование лексем, подчеркивающих ее, представляется, по сравнению с аналогичным употреблением их при *или*, избыточным. Ср.: – *Они все были в свои незабвенные шестидесятые либо диссидентами, либо распутниками... Либо и то и другое...* (Л. Улицкая. Лялин дом); *Либо социалист, либо юродивый – третьего не дано, как в задачках говорится* (Б. Васильев. Были и небыли).

Различия между семантикой *либо* и *или* наглядно проявляются в контекстах, в которых они соседствуют:

Это был или миндаль, или арахис, причем жарили их либо с солью, либо с сахаром (А. Козлов. Козел на саксе).

Пропозиции, сочиненные *или*, воспринимаются в этих высказываниях нейтрально по отношению друг к другу, тогда как союз *либо* нарушает имеющееся статус-кво и предлагает определиться с выбором одной из альтернатив.

2.4. Союз *то... то...* относится к числу «сравнительно новых» в истории русского литературного языка средств синтаксической связи. Первые факты его употребления отмечаются в старорусских памятниках: *А Меликтучарь седитъ на 20 тмахъ; а бьется с кафары 20 летъ есть, то его побюють, то он побиваетъ их многажды* (Хожд. Аф. Ник.) (см.: [Георгиева, 1968, с. 118]).

Семантика *то... то...* неразрывно связана с идеей чередования (поочередной смены) событий во времени. Данный союз «не передает ни значения взаимной обусловленности чередующихся явлений, ни их взаимного отрицания-исключения; в отличие от всех других видов разделительной связи эта связь не гипотетическая, а фактическая» [Кручинина, 2009, с. 180]. То есть союз *то... то...* сам по себе не организует конструкций с гипотетической связью. Она может выражаться с его участием лишь при определенном модусно-диктумном наполнении контекста. Например: «*Как живет дитя, а? И не разберешь – моложе она али старше своих годов? То будто моложе, то – старше...*» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Эта особенность союза *то... то...* обусловлена глубинной семантикой его строевого элемента – дейктического *то*, который не только сообщает о чередующихся событиях, но и указывает на них прежде всего как на реальные факты действительности, имевшее место в том или ином временном континууме: *Героиня одноименного фильма, восторженно вальсирует в воздухе и влюбляется то в Зайца, то в Волка, то в Лису, то в Медведя* (Искусство кино, 2003.06.30); *То раздавалось звучание «сопелей» и гуслей, какое-то непонятное пение, то виднелось некое «плясание»* (А. Карпов. Тысячу лет назад).

Говоря иначе, указательность – неотъемлемая составляющая денотата *то... то...* Так, союз *или* при определенном лексическом составе высказывания тоже может передавать отношения чередования, но без указательности, ибо в его денотате данное свойство не прописано ввиду отсутствия ее у его строевых субэлементов. Ср.: *Он ездил то в город, то за город на своем желтом автомобиле, бывал каждый вечер в театре, или в ресторане, или в кабаре* (Г. Газданов. Вечер у Клэр).

Однако при подстановке вместо *или* союза *то... то...* чередование с сопутствующей ему указательностью выходит на первый план: *Бывал каждый вечер то в театре, то в ресторане, то в кабаре.*

2.5. Союзы *то ли... то ли...* и *не то... не то...* очень близки по структуре и семантико-синтаксическим свойствам. Особенности их семантики определяются их компонентно-элементным составом: вопросительным *ли* и отрицательным *не* соответственно во взаимодействии с дейктическим элементом *то*. По причине включенности категориальных свойств данных элементов в поле ирреальной модальности оба союза выражают гипотетические отношения в контексте «предикатов незнания», вербализуя одну денотативную ситуацию посредством двух и более пропозиций [Шувалова, 1990, с. 78–93]:

а) *Издали не сразу и поймешь, кто кого несет, – то ли Вася лукошко, то ли лукошко Васю* (Ф. Абрамов. Братья и сестры); *Данилов не знал вовсе, кто он. То ли демон, то ли человек, то ли неведома зверушка, то ли вообще черт знает кто* (В. Орлов. Альтист Данилов);

б) «*Больно накладны эти дрова. Не знаешь, на чем и ехать – не то на колесах, не то на копыльях*» (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета); *Невозможно разобрать было ни одного слова: не то про решета, не то про стекла идет речь* (В. Солоухин. Капля росы).

Элемент *ли* в структуре союза *то ли... то ли...*, как и в случае с *или*, обуславливает употребление *то ли... то ли...* в вопросительных высказываниях: – *Игорек, а ты в курсе, что Лурье с пятой койки то ли родственница, то ли близкая знакомая Елисея нашего?* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозов); *Как-то я пришла домой из школы (то ли в девятом классе была, то ли в десятом?), а мама моет окна и поет* (И. Грекова. Перелом).

В свою очередь, благодаря элементу *не* семантика союза *не то... не то...* связана с контрарным отрицанием, т. е. отрицанием с неисключенным третьим (см.: [Падучева, 2011, с. 195]). Семантика отрицания обуславливает то обстоятельство, что *не то... не то...*, в отличие от своего визави *то ли... то ли...*, практически не употребляется в вопросительных высказываниях. На это обращали внимание исследователи, отмечая, что «в предложениях с союзом *то ли... то ли...*, содержащих в себе вопросительный элемент *ли*, оттенок вопроса выражен в большей степени, в предложениях с союзом *не то... не то...* в меньшей (если он вообще имеет здесь место)» [Холодов, 1975, с. 75]. Ср.: *Весна прошла в сомнениях – то ли дом купить, то ли снять, не то заниматься домом, не то писать роман* (А. Варламов. Пришвин, или Гений жизни); *Помещение, как всегда во сне, было неопределенным, не то зал, не то подвал, то ли много раз мною посещенное, то ли я оказался там впервые* (А. Битов. Записки из-за угла).

Если пропозиции, сочиненные союзом *не то... не то...*, в определенной мере нейтрально сообщают о какой-то общей гипотетической ситуации, то пропозиции с *то ли... то ли...* явственно содержат в своей глубинной структуре вопросительную семантику, требующую определенной реакции слушающего на нее.

3. Мы продемонстрировали на основе фактов естественного языка семантико-синтаксическую связь между строевыми элементами и субэлементами современных русских разделительных союзов, и их современными семантико-синтаксическими свойствами. Так, элемент / субэлемент *ли* обуславливает наличие в семантике и прагматике союзов *ли... ли...*, *или*, *то ли... то ли...* различных оттенков неопределенности и вопросительности. Элемент *не* также связан с семантикой неопределенности, но строящейся уже без вопросительности, на контрастности и противопоставлении сочиненных пропозиций. Субэлемент *и* в *или* привносит в отношения между пропозициями семантику соединения, перечисления и развития повествования. Элемент *то* выполняет дейктическую функцию, связанную как с идеей темпорального поворота повествования в союзе *то... то...*, так и с чистой указательностью в союзах *то ли... то ли...*, *не то... не то...*, которая коррелируется с их семантикой неопределенности.

Особняком в этом ряду стоит союз *либо*, так как, если учитывать особенности его семантики, он образовался, скорее всего, от словоформы *любо*, а внешняя «партикулярность» его облика (**ли* + *бо*) связана, вероятно, со своего рода межсоюзным сингармонизмом – фонетическим подравниванием под союзы *ли... ли...* и *или*, с которыми он часто употреблялся в общих контекстах.

Благодаря такому качественному и количественному разнообразию структурных элементов русские разделительные союзы *ли... ли...*, *или*, *либо*, *то... то...*, *то ли... то ли...*, *не то... не то...* выражают предельно дифференцированные и тонкие семантико-синтаксические смыслы в рамках своего категориального вида связи.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
3. Георгиева В.Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968. 168 с.
4. Добиаш А.В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага: тип. др. Э. Грегра, 1897. 544 с.
5. Завьялов В.Н. О содержательных составляющих понятия «структура русских союзов» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 9. Филология. С. 85–90.
6. Завьялов В.Н. Семантико-синтаксические свойства русских разделительных союзов в аспекте их этимологии и структуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 5–25.
7. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для выс. учеб. зав. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
8. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: USSR, 2009. 216 с.
9. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.
10. Падучева Е.В. Отрицание // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2011. С. 192–235. Режим доступа: <http://rusgram.ru>
11. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте. М.: Языки русской культуры, 2008. 640 с.
12. Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова (отв. ред.), Г.Н. Сергеева и др. Владивосток, 2001. 363 с.
13. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Выс. шк., 1977. 352 с.
14. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: монография. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
15. Фасмер А. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1986. 673 с.
16. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Смоленск: СГПИ, 1975. Ч. II. 88 с.
17. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 398 с.
18. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во МГУ, 1990. 160 с.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОСТАВНЫХ СОЮЗНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Н.Т. Окатова

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье описаны тенденции в употреблении союзных образований, такие как: наполнение сложившихся в языке моделей с отыменным предлогом новым содержанием за счет стилистически сниженных вариантов (под видом того что, под видом что, в смысле что, по части того что, в свете что, на предмет что и др.), а также за счет совмещения значений нескольких предлогов (в надежде что < в надежде и в надежде на, в расчете что < в расчете и в расчете на и др.); пополнение за счет расширения функционирования непродуктивных моделей (по той части что, в той части что, с той особенностью что) и их распространения в языке. Частота употребления подобных единиц позволяет судить об их разной способности включаться в неоднородный пласт составных союзных образований, а ее выявление

может быть дополнительным к лингвистическому описанию способом установления морфологического статуса составных служебных единиц.

Abstract. *The present article focuses on the active tendencies of functioning of the conjunctions such as: filling of the models (with a preposition) which developed in language the new contents at the expense of stylistically the lowered options (под видом того что, под видом что, в смысле что, по части того что, в свете что, на предмет что и др.), and also due to combination of lexical meaning of the prepositions (в надежде что < в надежде и в надежде на, в расчете что < в расчете и в расчете на и др.); due to expansion of a functioning of unproductive models (по той части что, в той части что, с той особенностью что) and their active functioning in language. Frequency of the use of conjunctions allows to judge about their different ability to join in non-uniform layer of compound conjunctions allied and its frequency of use can be way of establishment of the morphological status, additional to the linguistic description.*

Ключевые слова: составной союз, предлог / релятив, активные модели, частотность употребления.

Keywords: compound conjunction, preposition, active models, frequency of the use.

Активные процессы в области служебных слов затрагивают большой пласт союзов, называемых составными, наиболее сложными в структурном отношении, что объясняется «большим количеством и разнообразием языковых средств, участвующих в их образовании» [Завьялов, 2008, с. 87]. Нас интересуют образования типа *по причине того что/по той причине что/ по причине что*, отличающиеся, на первый взгляд, понятным значением и структурой: семантика таких союзов связана с особенностью их строения [Окатова, 2015, с. 106], а их аналитическая структура включает «собственно союзную часть и семантический центр, конкретизирующий значение союза» [РГ, 1980, с. 584].

О явном интересе к подобным образованиям говорит обилие терминов, раскрывающих суть этого активно развивающегося класса слов. «Фразеологизм-союз» [Аверина, 2004, с. 6], в котором учитываются такие признаки фразеологизации, как цельность значения и соотносительность с лексическими единицами; «эквивалент слова» [Рогожникова, 2003, с. 4] – с акцентом на том, что знаменательное слово не полностью утрачивает свое лексическое значение; «союзный формант» – в его составе предлог выполняет функцию «манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы», а местоимение – флексию придаточной части синтаксемы [Конюшкевич, 2014, с. 296]; «предложно-союзный конгломерат» – «единый служебный комплекс», включающий в свой состав «отыменный релятив», не переходящий в союз, и сам союз [Шереметьева, 2008, с. 80]; «многокомпонентные одноместные скрепы союзного типа – союзные единства», для которых (в отличие от собственно составных союзов) непременным условием является «идиоматичность, целостность и неразъемность: <...> характер передаваемого отношения в них легко выводится из семантики первого компонента, представляющего собой предложную форму Т-местоимения <...>, возможно в сочетании с существительными с семантикой отношений» [Черемисина, 1987, с. 142]. Традиционный термин «составной союз» сохраняет для таких языковых единиц Ю.Д. Апресян [Апресян, 2011, с. 1], отстаивает этот термин и В.Н. Завьялов, в качестве аргумента приводя «эквивалентность этой языковой единицы отдельному лексическому слову <...> вследствие процесса фразеологизации» [Завьялов, 2008, с. 36–37]. Обилие терминов свидетельствует о набирающем силу явлении, не перестающем интересовать лингвистов.

Нами исследовались союзные образования на базе союза *что* и предлогов (отыменных релятивов – термин Е.А. Шереметьевой): *ввиду, в духе, в дополнение к, в знак, в надежде, в надежде на, в отношении, в подтверждение, в плане, в расчете, в расчете на,*

в результате, вроде, в силу, в связи с, вследствие, в случае, в сравнении с, в соответствии с, в свете, в части; за счет; на основании, на предмет, насчет, на случай; при условии; по поводу, по причине, по случаю, по сравнению с, по части; под видом, под предлогом; с поправкой, с условием, с учетом. Они представлены в блоках с единым релятивом по моделям: (а) релятив + местоимение–существительное + *что*, (б) местоименное прилагательное + релятив + *что*, (в) релятив + *что*. Например, блок с релятивом в духе: (а) в духе того что, (б) в том духе что, (в) в духе что.

Мы отталкивались от следующего утверждения М.И. Черемисиной, по мнению которой употребительность слова влияет на степень спаянности компонентов союзного образования, степень их слитности [Черемисина, 1987, с. 143], например, она различна у *как будто* (около 50000), *как если бы* (более 2000) и *что будто* (1000). Выяснение употребительности союза не претендует на решение особой лингвистической задачи исключительно количественным методом с использованием технических возможностей поисковых систем. Этот прием может быть лишь дополнительным условием выявления степени идиоматичности рассматриваемых образований. Союзы располагаются нами с учетом частоты их употреблений (на миллион словоформ по данным НКРЯ).

Можно, на наш взгляд, отметить следующие тенденции в употреблении рассматриваемых союзов за период 2000–2015 гг.

1. Тенденция к употреблению исключительно одного из «морфологосинтаксических вариантов»: *ввиду того что, вследствие того что, по сравнению с тем что, за счет того что, в сравнении с тем что, в расчете на то что, в результате того что, в соответствии с тем что, по мере того что.*

2. Тенденция к преимущественному употреблению одного из «морфологосинтаксических вариантов» союза в едином блоке с одноименным предлогом (далее мы вслед за Е.С. Шереметьевой употребляем термин *релятив* по отношению к предлогу): (а) релятив + мест.-сущ. + *что*, (б) местоименное прилаг. + релятив + *что*, (в) релятив + *что*.

Перечень наиболее употребительных (более ста фактов) вариантов союзных образований: (а) релятив + мест.-сущ + *что*: *в связи с тем что, по поводу того что, насчет того что, в силу того что, с учетом того что, в знак того что, за счет того что, в сравнении с тем что*;

(б) мест. прилаг. + релятив + *что*: *в том смысле что, по той причине что, на том основании что, в том отношении что, с той разницей что, в том духе что*;

(в) релятив + *что*: *в надежде что, при условии что, с условием что, в расчете что*.

Преимущественное или исключительное употребление одного из трех морфологосинтаксических вариантов может быть связано:

– с отсутствием других возможностей образования союза, обусловленным сильной идиоматичностью [Шереметьева, 2008, с. 213] предлога, которая отражена слитном написании (*ввиду, насчет, вследствие, вроде*);

– со структурой релятива, а именно наличием в его составе части, требующей лишь одного варианта развития союзного образования (*в соответствии с, по сравнению с, в сравнении с, в связи с, в дополнение к*), значением слова (*в результате, за счет, в силу*).

Модель (а) «отыменный релятив + местоимение-существительное + *что*» считаем основной, так как она традиционно воспринимается как естественная модель образования союзов с учетом специфики морфологического класса предлогов.

3. Тенденция к акцентированию значения союза местоименным прилагательным.

Сложность квалификации подобных образований, указание на неустойчивость, неопределенность их категориальных свойств (как, впрочем, и с местоимением-существительным) находим в [Русская грамматика, 1980, с. 579]. Речь идет о модели (б) мест. прилаг. + релятив + *что*, например: *в том отношении что*. Прилагательное местоименной семантики подчеркивает «предметный характер релятива, что считается менее естественным путем к идиоматичности». Показатель целостности данного союзного образования поддерживается интонацией, а на письме – постановкой тире, скобок, указывающих на слитность союзного образования. Примеры: *Он когда-то ответил на подобные обвинения – в том духе, что его такая власть устраивает, это «его» власть* [«Политком. Ру», 2003.04.08. НКРЯ]; *<...>затем он [компонентный анализ] был дополнен семантическими отношениями: синонимией, антонимией, гипонимией и простейшими селективными признаками (в том духе, что глагол есть сочетается с названиями съедобных и не полностью жидких объектов) <...>*[Е. В. Рахилина. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты (1999). НКРЯ]; *<...> – мне Лана тоже как-то жаловалась: он ей Масленицу на Кипре устроил – под тем предлогом, что греки-киприоты православные* [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]; *У Беккета подобная ситуация – с той поправкой, что этих высших сил нет* [Известия, 2014.01.13. НКРЯ]; *Словно школьные одноклассники после каникул – с той разницей, что литераторы за лето не подрастают* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008). НКРЯ].

4. Тенденция к конкуренции морфолого-синтаксических вариантов. Яркий пример – конкуренция всех трех моделей союзных образований с релятивом *под предлогом* (более двухсот языковых фактов на каждую модель): *В свое время европейцы под предлогом того, что старые советские самолеты сильно шумят, запретили им полеты в Европу* [Комсомольская правда, 2012.12.02. НКРЯ]; *В митинскую избу напрашивались целыми группами – под тем предлогом, что на воле, в саду, нетрудно закатить вечеринку человек на тридцать* [Ольга Некрасова. Платит последний (2000). НКРЯ]; *Есть критики, которых никто не слушает под предлогом, что они – неудавшиеся пианисты, сами играть не умеют* [Известия, 2012.11.12.]. Зафиксированы следующие конкурирующие морфолого-синтаксические формы: *под предлогом того что* (164), *под тем предлогом что* (232), *под предлогом что* (202).

5. Тенденция к совмещению в одном союзном образовании значений разных отыменных релятивов.

Речь идет о случаях типа *в надежде что*, *в расчете что*. Эти союзы совмещают в своей семантике значения релятивов *в надежде* и *в надежде на*; *в расчете* и *в расчете на* соответственно. Различие между предлогами *в надежде* и *в надежде на* было убедительно показано в монографии Е.С. Шереметьевой, считающей, что *в надежде* инициирует целевые отношения, при этом субъект описываемой ситуации – активный деятель той же самой ситуации, совершающий целенаправленные действия в соответствии со своими интересами [Шереметьева, 2008, с. 79]. В качестве примера приводим союз *в надежде что*. Можно предположить, что он образован от предлога *в надежде*. Возможность чистой реализации этого значения *в надежде что* получает в определенных условиях, а именно в условиях употребления *в надежде что* в моносубъектной союзной конструкции: *Долго бежал я в надежде, что встречу хоть какой-нибудь гнилой заброшенный сарай и смогу спрятаться там от дождя* [«Наука и жизнь», 2008]; *Либо у них там на каждом квартале сидело по*

оператору и каждый сидел **в надежде, что** запечатлит эти кадры именно он [Форум: Блэйд (трилогия) (2008-2010)]. Однако в условиях разных ситуаций в конструкции СП (сложное предложение) **в надежде что** ведет себя как образованный от предлога **в надежде на** со значением а) цели или б) мотивировки (не свойственным **в надежде**): а) **Вместо рассылки статичных маркетинговых сообщений пользователям Internet в надежде, что они совершат покупку, <...> вскоре предложит своим клиентам возможность покупать продукцию в пределах их электронного ящика** [«Рекламный мир», 2000.02.15.НКРЯ]; б) **Большинство жителей Грозного – беженцы, вернувшиеся из Ингушетии в надежде, что в родном городе им будет лучше, чем в палаточных городках** [«Коммерсантъ-Власть», 2000. НКРЯ]; **Можно было взять отцовскую машину, в надежде, что меня не остановят и не попросят доверенности** [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000) НКРЯ].

б. Тенденция к пополнению класса составных союзов за счет практически всех морфолого-синтаксических вариантов в представленных блоках. По частоте употреблений можно судить об их разной способности включаться в неоднородный по своему составу пласт составных союзов.

Некоторые тенденции употребления составных союзных образований приводим в таблице.

Употребление исключительно в одной модели					
1		2		3	
		ввиду того что	1194		
		вследствие того что	711		
		по сравнению с тем что	589		
				с той разницей что	210
		за счет того что	190		
		в сравнении с тем что	185		
		в расчете на то что	182		
		в результате того что	164		
		в соответствии с тем что	33		
		по мере того что	25		
				в том роде что	18
				с той особенностью что	4
Преимущественное употребление в одной модели					
в смысле что	125	в смысле того что	46	в том смысле что	4158
		в связи с тем что	3409	в той связи что	80
при условии что	3034	при условии того что	20	при том условии что	49
с учетом что	41	с учетом того что	2227		
по поводу что	11	по поводу того что	1759	по тому поводу что	26
в надежде что	1536	в надежде на то что	222		
по причине что	27	по причине того что	252	по той причине что	1200
на основании что	6	на основании того	350	на том основании	1079

		что		что	
в силу что	2	в силу того что	1033		
насчет что	3	насчет того что	793	на тот счет что	21
с условием что	428	с условием того что	5	с тем условием что	50
		в отношении того что	86	в том отношении что	400
в плане что	4	в плане того что	40	в том плане что	293
в знак что	21	в знак того что	280		
по случаю что	13	по случаю того что	274	по тому случаю что	25
за исключением что	1	за исключением того что	170	за тем исключением что	3
в свете что	19	в свете того что	118		
в расчете что	112	В расчете на то что	90	в том расчете что	19
в духе что	1	в духе того что	5/7	в том духе что	114
в подтверждение что	3	в подтверждение того что	64		
в случае что	7	в случае того что	1	в том случае что	10
с поправкой что	2	с поправкой на то что	24	с той поправкой что	16
Конкуренция моделей употребления					
под предлогом что	202	под предлогом того что	164	под тем предлогом что	232
на предмет что	9	на предмет того что	34	на тот предмет что	4
в части что	3	в части того что	11	в той части что	34
		по части того что	9	по той части что	3
на случай что	17			на тот случай что	21
под видом что	11	под видом того что	18		
с целью что	6			с той целью что	4

Полагаем, что выявление частоты употребления подобных служебных единиц может быть дополнительным к лингвистическому описанию способом выявления целостности союзных образований и установления их морфологического статуса.

Литература

1. Аверина М.А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов: дисс....канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 195 с.
2. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2011. Режим доступа: <http://rusgram.ru>
3. Завьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ. 2008. – 242 с.
4. Конюшкевич М.И. Именная синтаксема с предложным формантом → предикативная синтаксема с союзным формантом: корреляция, механизмы преобразования // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта 2014. Тр. и матер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 296.

5. Окатова Н.Т. Проблемы изучения составных сравнительных союзов русского языка // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 16. Тайбэй, 2015. С. 105–116.
6. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 2003. 255 с.
7. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. II. 710 с.
8. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.
9. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 237 с.

2. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

ФУНКЦИИ ТЕКСТОВОЙ СКРЕПЫ *ТЕПЕРЬ О N₆* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ван Цяоши

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование текстовой скрепы «Теперь о N₆» в публицистических текстах. Утверждается, что скрепа «Теперь о N₆» является типичной для указания на последовательность в развитии рассуждения. Данная скрепа выполняет проспективную и проспективно-ретроспективную функции.

Abstract. This article is dedicated to an analysis of the functioning of the text clip «Теперь о N₆» in journalistic texts. It is argued that the clip «Теперь о N₆» is typical for indicating a sequence in the development of reasoning. The text clip performs prospective and prospective retrospective functions.

Ключевые слова: текстовая скрепа, проспективная функция, проспективно-ретроспективная функция, публицистический текст.

Key words: text clip, prospective function, prospective retrospective function, journalistic text.

Публицистический текст, как важнейший элемент сферы массовой коммуникации, относится к типу медиа-текстов, то есть «текстов, распространяемых по каналам массовой коммуникации с целью налаживания взаимодействия между коммуникаторами и массовой аудиторией» [Щелкунова, 2004, с. 19].

Одним из центральных признаков этого текста является коммуникативность. В публицистическом тексте автор и адресаты совместно участвуют в процессе коммуникации с целью обмена информацией, идей, мыслей и др. Вопросы классификации публицистических жанров рассматриваются во многих научных работах, в частности, распространенной является трехчастная классификация: выделяются информационные жанры, аналитические жанры и художественно-публицистические жанры. Очевидными характеристиками информационных жанров журналистики являются точность, оперативность, краткость и ясность информации [Безбородова, Долгина, 2014, с. 11]. К данному виду относятся заметка, отчет, репортаж и интервью [Бобков, 2005, с. 8].

Стоит отметить, что интервью в качестве особого жанра публицистики понимается как «диалоговая форма передачи актуальной социально значимой информации. Журналист ведет беседу с интересными, общественно активными лицами и передает ее по каналам СМИ» [Безбородова, Долгина, 2014, с. 21]. Отличительными особенностями интервью являются актуальность, целеустремленность и деловитость.

В данном исследовании объектом является текстовая скрепа *Теперь о N₆*, цель нашего исследования – выявить и обобщить функции скрепы в публицистических текстах. Источником материала послужил Национальный корпус русского языка.

В современном русском языке одним из основных средств связи в тексте являются единицы, отражающие особый способ обеспечения внутренней последовательности частей текста и представляющие собой отдельную категорию служебных единиц [Прияткина, 2007, с. 342]. Для таких единиц А.Ф. Прияткина предложила термин «текстовая скрепа».

Текстовые скрепы, по мнению А.Ф. Прияткиной, являются особым классом единиц, для которых юнкционная функция первична. Понимают под текстовой скрепой «слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [Прияткина, Стародумова, 2015, с. 135]. К таким скрепам принадлежит текстовая скрепа *Теперь о N₆*.

Типичная текстовая скрепа *Теперь о N₆* сформировалась на базе предикативной структуры, в которую входит наречие «теперь» и глагол речи «поговорить», управляющий предложно-падежной формой *о N₆* с объектным значением: *теперь поговорим о...*

В текстовой скрепе *Теперь о N₆* главный компонент – слово «теперь». С точки зрения частеречной принадлежности, это слово является наречием временной семантики: «в настоящее время, в данный момент; сейчас» [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 1316]. Именно эта семантика позволила использовать наречие как текстовую скрепу для указания на последовательность в развитии мысли говорящего, на последовательность рассуждения. Предлог в составе скрепы формирует семантику изъяснительности.

Теперь обратимся к рассмотрению функций скрепы *Теперь о N₆* в публицистических текстах. Представим функционирование скрепы в основном на примере жанра «интервью».

Во-первых, посмотрим пример из публикации, который не относится к жанру интервью.

(1) Начало статьи (зачин) вводит макротему, суть которой можно сформулировать как «раньше было лучше»: *в России каждое предыдущее поколение живет лучше последующего. Поэтому <...> мы барахтаемся в воспоминаниях.* Далее идет несколько абзацев, каждый из которых представляет собой новую микротему, введенную лексико-синтаксическим способом: *Определенно, раньше было лучше. <...> / Милиционера раньше боялись только воры, теперь – все, кроме них. <...> / А как мы отдыхали! <...> / Нет, про водку я не забыл. <...> / **Теперь о главном. О закуске.** <...> (Кнедликов Акакий. Проверка микрофона // Труд-7, 2002. 12.19).*

В этом случае функция анализируемой текстовой скрепы заключается во введении новой микротемы в составе макротемы текста. Из этого примера видно, что скрепа *Теперь о N₆* вводит микротему, никаким образом эксплицитно не обозначенную в левом контексте. Это одна из микротем в общем ряду, ее место логически вытекает из общего хода воспоминаний: *отдых → водка → закуска.*

Далее, скрепа выполняет **проспективную функцию** в жанре «интервью». Приведем примеры:

(2) Пример из интервью корреспондента RBC daily Наталии Бендиной с генеральным директором страховой компании «РОСНО-МС».

– *То есть регионы могли и не входить в эту систему?*

– *Да, по тому законопроекту предполагалось, что те, кто не хочет входить в систему, не получает финансирование из федерального бюджета и организует медицинскую помощь самостоятельно, придумывая какую-то свою систему. <...> **Теперь об участии страховых компаний.** До сих пор сохранилось неразрешенное противоречие, связанное с бюджетным законодательством. <...> (Россиян лечат слишком много врачей – Владимир Гурдус // РБК Daily, 2004.06.16).*

Скрепа вводит новую микротему в составе макротемы «обязательное медицинское страхование». В ходе интервью вопрос о страховых компаниях до этого не поднимался. Следовательно, функция скрепы – проспективная.

(3) Пример из беседы интервью политического обозревателя газеты «Труд» с заместителем председателя правления Сбербанка Г. Меликьяном.

– Но кредиты могут давать и другие банки?

– В том-то и дело, что крупные и «длинные» ссуды отечественным банкам не под силу. Следовательно, наши предприятия должны будут пойти на поклон к зарубежным кредиторам. <...>

Теперь о втором аспекте, касающемся непосредственно Сбербанка. Бумеранг, естественно, ударит и по нам тоже. Если мы не сможем давать кредиты юридическим лицам, то где же тогда зарабатывать деньги, чтобы платить вкладчикам проценты? Ведь доходы от кредитования сегодня превышают половину доходов нашего банка. <...> (Геннадий Меликьян: кому выгодно разрушить сбербанк? // Труд-7, 2002.06.14).

В этом примере скрепа вводит второй аспект ответа на вопрос – «Сбербанк». В первом аспекте рассказали о зарубежном кредиторе. Нетрудно определить, что здесь скрепа выполняет проспективную функцию.

Перейдем к **проспективно-ретроспективной функции** скрепы в интервью. Примеры:

(4) Пример из интервью между новым председателем Госкомитета РФ по физической культуре, спорту и туризму Павлом Рожковым и корреспондентом газеты.

В преамбуле статьи говорится, что П. Рожков – мастер спорта по борьбе. В ходе интервью еще несколько раз упоминается вид спорта борьба.

– А где намечены сборы наших национальных команд непосредственно перед Сиднеем?

– Представители восьми-десяти видов спорта, сложных в координационном отношении, будут готовиться прямо в Австралии – в Аделаиде. Команд десять обоснуются во Владивостоке. Часть сборных – в Подмоскovie и на других базах. К примеру, легкоатлетам сложно найти подходящий стадион во Владивостоке, и с Федерацией легкой атлетики мы приняли совместное решение: заключительные сборы пройдут под Москвой. Последняя неделя – в Японии. Мы финансовые средства подсчитали – денег хватает. **Теперь о борцах.** Заключительный сбор пройдет в Подольске. Затем 4 дня во Владивостоке и 4 последних дня в американском Сиэтле. Восьми дней на акклиматизацию, считают тренеры, должно хватить (Долгополов Николай. У нас есть шансы победить в Сиднее // Труд-7, 2000.06.28).

В приведенном вопросе корреспондента есть сочетание «сборы национальных команд». В ответе П. Рожкова рассказывается о распределении мест тренировки разных команд, а также называются отдельные команды по видам спорта (легкоатлеты и борцы). Между общим наименованием в вопросе и перечислением в ответе гипо-гиперонимические отношения (отношения общего и частного). Скрепа *Теперь о N₆* в составе ответа показывает переход к новой микротеме, но эта микротема связана с уже обсуждавшимися вопросами о борьбе как виде спорта. Следовательно, здесь скрепа выполняет проспективно-ретроспективную функцию. В тексте наблюдается когезия дистантного типа.

(5) Пример из интервью с замминистра обороны Р. Цаликовым.

– Как **конкретно** будет реформироваться «Оборонсервис»?

– Считаю, что к слову «реформа» нужно относиться очень аккуратно. Правильнее было бы наши предложения назвать комплексом мер по повышению эффективности жизнеобеспечения Вооруженных сил. **Теперь о конкретике.**

Возьмем субхолдинг «Агропром». <...> (Елизавета Маевна. «Долги «Оборонсервиса» превышали 400 млрд рублей» // Известия, 2014.06.11).

Здесь ретроспективное отношение осуществляется в тексте-диалоге. В вопросе появилось слово «конкретно», в ответе с помощью скрепы *Теперь о N₆* происходит переход от общего к частному: требуется показать на конкретных примерах ход реформы. Скрепа имеет связь с предтекстом (то есть с вопросом). Функция скрепы – проспективно-ретроспективная, в тексте реализуется когезия контактного типа.

В результате анализа можно сделать вывод, что текстовая скрепа *Теперь о N₆* всегда обозначает переход к новому содержанию речи и вводит новую микротему. В интервью в качестве особого жанра публицистики скрепа *Теперь о N₆* выполняет проспективную и проспективно-ретроспективную функции. И проспективно-ретроспективная функция более частотна. Кроме того, анализ показал, что в интервью при проспективно-ретроспективных отношениях осуществляется когезия контактного или дистантного типа.

Литература

1. Безбородова Ю.В., Долгина Е.С. Жанры газетной журналистики: учеб. пособ. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 106 с.
2. Бобков А.К. Газетные жанры: учеб. пособие. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. 64 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток: Дальневосточный университет, 2007. С. 334–344.
5. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
6. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 26 с.

Источники материала

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

ИСТОРИЯ ВПЛОТЬ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: ОБ ОДНОМ ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Е.Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается путь грамматикализации предлога «вплоть до»: от наречия «вплоть», имеющего отыменное происхождение, к нескольким составным единицам предложного типа, затем к предложному сочетанию с пространственным и временным значением «вплоть до», включающему конкретизатор, далее к неделимому предлогу «вплоть до» с реляционным значением и, наконец, к союзу «вплоть до того что».

Abstract. The article deals with grammaticalization path of preposition «vplot' do» 'right up': from denominative adverb «vplot'» to some prepositional units, then to preposition «vplot' do» having spatial and temporal meaning and including a specifier, later to indivisible preposition with relational meaning and, finally to conjunction.

Ключевые слова: «вплоть», наречие, предлог, конкретизатор, грамматикализация.

Key words: «vplot'» 'right up', adverb, preposition, specifier, grammaticalization.

В статье рассматривается путь грамматикализации наречного предлога *вплоть до*. История развития данной единицы – это процесс втягивание наречия в предложную конструкцию. Как указывает Е.Т. Черкасова, образование этого предлога произошло путем редупликации наречия *вплоть* и предлога *до*, близких по значению. Это один из немногих составных наречных предлогов, образовавшихся на почве собственно русского языка, путем лексико-грамматического удвоения (*вплоть до, вдоль по, вслед за, следом за, навстречу к*) [Черкасова, 1967, с. 33]. В РГ-80 [Русская грамматика, 1980] и большинстве современных словарей *вплоть до* маркируется как предлог.

Вплоть. Появление предложной функции

Анализ вхождений «вплоть» в Национальный корпус русского языка (НКРЯ) показывает, что 96% употреблений данного слова приходится на конструкцию «вплоть до». В современных текстах за редкими исключениями не фиксируется употреблений *вплоть* изолированно, в качестве наречия.

Однако более ранние тексты XVIII – начала XX вв. демонстрируют свободные наречные употребления: *Толстого Пушкина я читаю в шкафу, носом в книгу и в полку, почти в темноте и почти вплоть и немножко даже удушенная его весом, приходящимся прямо в горло, и почти ослепленная близостью мелких букв* [НКРЯ. М. Цветаева. 1937]; *Судно подошло почти вплоть, и царь, желая отделаться от назойливости, схватил две пустые бутылки и бросил их одну за другой прямо в толпу пассажиров, но, к счастью, никого не задел...* [НКРЯ. А. Толстой. 1930]; *Князь быстро придвинулся к нему, почти вплоть, и различил бледное лицо Рогожина* [НКРЯ. Ф. Достоевский. 1869]. Неслучайно в словаре [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847, с. 169] данная единица отмечена как наречие: «**вплоть**, нар. 1) Крѣпко, не оставляя промежутка. *Заколотить окно вплоть.* 2) Къ самому концу, корню. *Отрезать веревку вплоть. Остричь виски вплоть*». После середины XX века подобные изолированные наречные употребления практически полностью исчезают (см. рис. 1), ср. единичные примеры: *В эти негодные для работы дни от тоски и безделья, а пуще всего от какой-то неясной, вплоть подступающей тревоги люди часто собирались вместе [...]* [НКРЯ. В. Распутин. 1976].

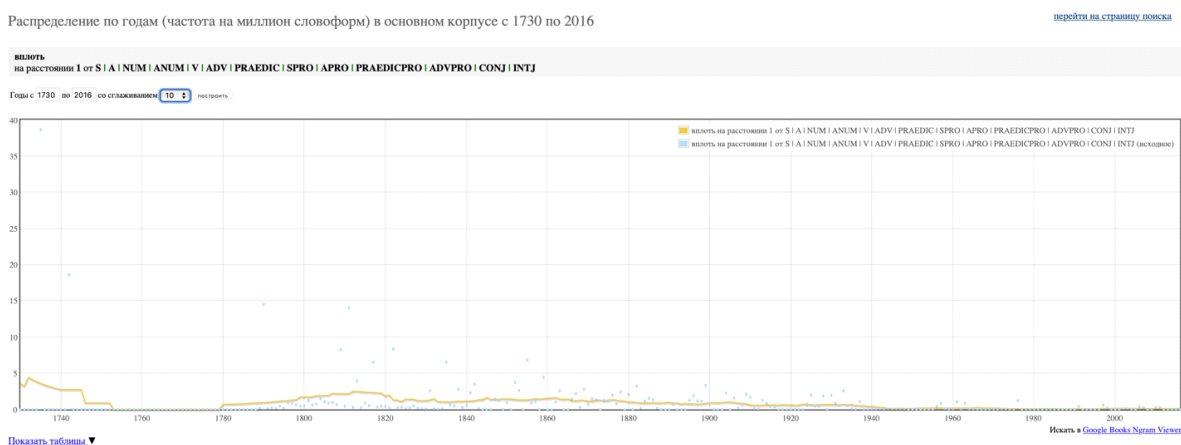

Рис. 1. Распределение по годам изолированных наречных вхождений *вплоть* с 1730 по 2016 г. (ipm)

Материал показывает, что системными в текстах XVIII–XIX вв. оказываются конструкции *вплоть у, вплоть перед, вплоть по*:

вплоть перед: [Сипягин] направился к двери гостиной и остановился **вплоть перед** нею [НКРЯ. И. Тургенев. 1877]; Он обернулся к ней. Та сбегала последнюю лестницу и остановилась **вплоть перед** ним, ступенькой выше его [НКРЯ. Ф. Достоевский. 1866];

вплоть у: Бабушка эта жила в родовом имении, доставшемся Борису от матери. Оно все состояло из небольшой земли, лежащей **вплоть у** города, от которого отделялось только полем и слободой близ Волги [НКРЯ. И. Гончаров. 1869]; Он видел только, как вдруг в правой руке Ипполита что-то блеснуло, и как в ту же секунду маленький карманный пистолет очутился **вплоть у** его виска [НКРЯ. Ф. Достоевский];

вплоть по: Последовавшей затем царской грамотой вся завоеванная сторона отдана Строгановым **вплоть по** реку Каменку [НКРЯ. Д. Мамин-Сибиряк. 1883]; Еще в раннем детстве <...> я уже интересовался им (Некрасовым – авт.) по рассказам своего отца, издателя-редактора «Литературной газеты» в 1840-1841 годах и «Пантеона и репертуара» с 1843 почти **вплоть по** 1851 год, когда последний журнал был переименован в «Пантеон» <...> [НКРЯ. А. Кони. 1921].

Кроме того, в данный период встречаются и употребления **вплоть** в качестве предлога, управляющего актантом в формах родительного и дательного падежей:

вплоть + р.п.: «Не толкай господина, не задевай барина, или не тронь благородного!» – вот как предостерегали друг друга неумышленные толкатели из черного народа, шедшие улицею **вплоть** тротуара, и склоняемые на сторону дарами Вакха [НКРЯ. Ф. Булгарин. 1825–1843];

вплоть + д.п.: Положит меня, бывало, на колени к себе, ищет ловкими пальцами в голове, говорит, говорит, – а я прижмусь ко груди, слушаю – сердце её бьётся, молчу, не дышу, замер, и – самое это счастливое время около матери, в руках у неё **вплоть её телу**, – ты свою мать помнишь? [НКРЯ. М. Горький. 1910].

Таким образом, в XIX – начале XX века в языке соседствуют варианты **вплоть до**, **вплоть перед**, **вплоть у**, **вплоть по**, **вплоть** + р.п., **вплоть** + д.п. Как показала М.В. Всеволодова, наличие подобной морфосинтаксической парадигмы свидетельствует о незавершенности процесса грамматикализации [Всеволодова и др., 2014]: Язык еще не отдал предпочтения ни одному из вариантов.

Е.Т. Черкасова пишет, что «к XVIII веку в конструкциях подобного типа (*даже до* со значением подчеркнутого приближения к пределу – авт.) на месте *даже* появляется наречие *вплоть*, близкое по своему значению к опорному компоненту *до* <...>. В XIX веке употребление *вплоть до* в качестве предлога укрепляется, чему не в малой степени способствовало угасание употребительности слова *вплоть* в качестве наречия и стабилизация порядка следования компонентов» [Черкасова, 1967, с. 35–36]. Впрочем, инверсия компонентов встречается до сих пор: Роман путешествия от «Одиссеи» до «Дон Кихота», *до* «Мертвых душ» **вплоть**, сменился – ненадолго, всего лет на полтора – романом пути: от Стендаля, ну скажем, до «Волишебной горы» [НКРЯ. М. Вишневецкая. 1997]; «Лишен всего – *до* аппетита **вплоть**» – так писал в одном из шуточных сонетов мой друг и замечательный поэт Юрий Ряшенцев [НКРЯ. «Известия». 2002]; Но невозможно представить себе никого из наших следователей *до* Абакумова и Берии **вплоть**, чтоб они хоть и на час захотели влезть в арестантскую шкуру, посидеть и поразмыслить в одиночке [НКРЯ. А. Солженицын. 1958–1973].

Более того, отметим, что в современном русском языке «беспорный» предлог **вплоть до** является проницаемым, то есть допускает парентезу вводного слова, частицы или

даже предложения: *Всё в колхозе (вплоть, конечно, до электростанции) строится с той игрушечной легкостью и стремительностью, с какой в утопиях всегда происходят хозяйственные метаморфозы* [НКРЯ. «Русская Жизнь». 2008]; *Свою работу и роль в отечественной культуре автор, человек с прочным международным признанием, оценивает трезво до жесткости, вплоть даже до некоторой беспощадности к себе* [НКРЯ. Знание–сила. 2011]; *Только для одного – для получения наслаждения от жизни, от каждого ее момента, вплоть, я подчеркиваю это, до последнего момента* [НКРЯ. С. Осипов. 1998]. Думается, однако, что указанные факты инверсии и проницаемости не могут «лишить» **вплоть до** закрепившегося за ним статуса предлога.

Таким образом, постепенно наречие **вплоть** перестает употребляться самостоятельно и становится составной частью предлога **вплоть до**, то есть грамматикализуется (рис. 2).

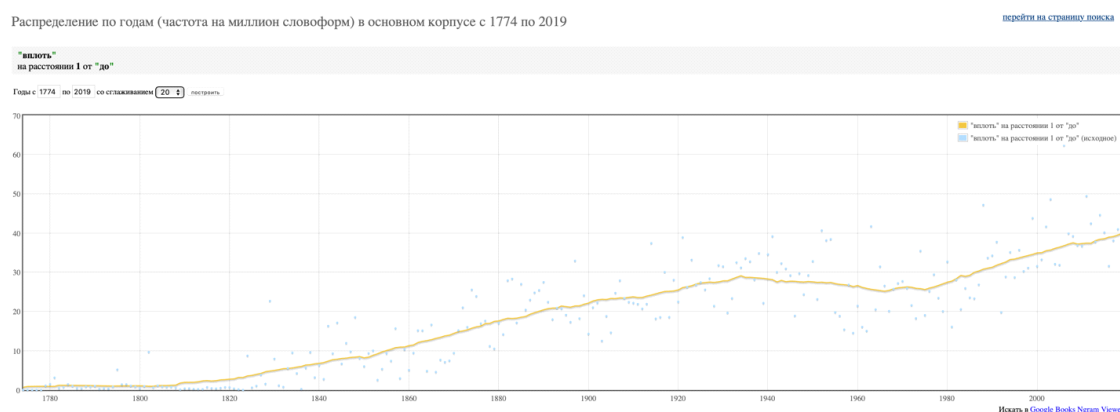

Рис. 2. Распределение по годам употреблений **вплоть до** с 1774 по 2017 г. (ipm)

Однако процесс грамматикализации данной единицы (предлог + существительное ⇒ наречие ⇒ предлог) не остановился, продолжение действия этого механизма можно усмотреть в изменении семантики и структуры **вплоть до**.

Вплоть до. Семантика и структура

С точки зрения семантики, у предлога **вплоть до** обычно выделяется 2 значения, ср. в [БТС, 2014]: «(1) ‘продолжая (продолжаясь) до какого-л предела (в пространстве или во времени)’ *Протянули кабель в. до посёлка. Просидел над чертежами в. до ночи. Не одумался в. до глубокой старости.* (2) ‘включая кого, что-л.’ *Снять всё, в. до рубашки. Принять все меры в. до исключения. На улице выжили все, в. до стариков и детей.*».

В первом значении (пространственном и временном) **вплоть** является конкретизатором – единицей структурно факультативной, но семантически релевантной. Это конкретизатор-скаляр, который конкретизирует количественный параметр: *Отойти от дома – отойти далеко/ недалеко от дома*; в другой терминологии – конкретизатор «нулевого интервала». Конкретизаторы могут быть свободными (способны употребляться без предлога *стоял впритык к стене*) и связанными (неспособными употребляться без предлога *незадолго до финиша*) [Всеволодова, 2010; Всеволодова и др., 2014], в сопоставительном аспекте см. [Панков, Патаракина, 2016]. Очевидно, что **вплоть** в пространственном и временном значении предлога **вплоть до** является связанным конкретизатором, который может быть элиминирован из текста без ущерба для смысла: *протянули кабель вплоть до посёлка – протянули кабель до посёлка, просидел над чертежами вплоть до ночи – просидел над чертежами до ночи.*

Во втором значении, реляционном (части и целого), **вплоть** не может быть спокойно извлечен из состава предлога: *Съели все, что было на столе, **вплоть до** вазочки аджики* (В. Аксенов) – **Съели все, что было на столе, **до** вазочки аджики. Цена будет зависеть от количества почестей, которыми хозяин [животного – авт.] захочет обставить погребение, **вплоть до** памятника* (Изв.) – **Цена будет зависеть от количества почестей, которыми хозяин [животного – авт.] захочет обставить погребение, **до** памятника. На собрание пришли все **вплоть до** уборщиц – **На собрание пришли все **до** уборщиц* (исходные примеры из [Бурцева, 2010] и [Всеволодова и др., 2018]). Таким образом, в реляционном значении предлога **вплоть до** слово **вплоть** уже является не конкретизатором, а неотъемлемой частью предлога **вплоть до**.*

Отметим, что традиционный порядок представления значений **вплоть до** в словаре отражает, как кажется, этапы грамматикализации: пространственное ⇒ временное ⇒ реляционное значения. Показательно, что в [Активный словарь русского языка, 2017] пространственное значение **вплоть до** маркируется как необходимое или уходящее; в качестве первого и второго значения указываются реляционные, которые разделяются на «1) Все А3, вплоть до А2 ‘Вопреки ожиданиям, все элементы множества А3, включая А2, характеризуются признаком А1’: Продумать все, вплоть до малейших деталей. *Все, вплоть до носков и белья, он покупал в дорогих магазинах.* 2) А2 вплоть до А1 ‘Ситуация А2 в своем развитии проходит все степени, включая высшую степень А1’: *Могла спорить и настаивать на своем <...> вплоть до сердечного приступа. Сталин был за самоопределение, а Ленин за самоопределение вплоть до отделения*». Иными словами, авторы Активного словаря русского языка считают более актуальными для современного языка значения, свойственные именно предлогу **вплоть до** как неразложимому на конкретизатор + первообразный предлог сочетанию.

Следующим этапом грамматикализации данной единицы можно считать появление союза, ср.: «**Вплоть до того, что, в зн. союза** (присоединяет придат. предл.). Указывает на предел действия *Он осмотрел всё, в. до того, что залез под диван*» [БТС, 2014]. На наш взгляд, элиминация **вплоть** из союза еще более затруднена: *Он осмотрел всё, в. до того, что залез под диван – *Он осмотрел всё, в. до того, что залез под диван. Всё было чрезвычайно естественно, **вплоть до того, что** Её Величество чуть не свалилось с носилок, приветствуя толпу, ибо была слегка, как говорится, вдребодан* [НКРЯ. «Новый Мир», 1976] – *Всё было чрезвычайно естественно, **до того, что** Её Величество чуть не свалилось с носилок* (семантический сдвиг); *У него давали молодым работать, **вплоть до того, что** его сотрудники отправляли нас в операционные* [НКРЯ. «Наука и жизнь», 2009] – *У него давали молодым работать, **вплоть до того, что** его сотрудники отправляли нас в операционные* (семантический сдвиг). Отметим, что союзных вариантов в русском языке представлено достаточно много (в скобках указано число вхождений в НКРЯ): *вплоть до того, что* (178), *вплоть до того момента как/когда/пока* (31), *вплоть до того дня, когда/пока* (19), *вплоть до того времени, пока/когда* (17), *вплоть до того, как* (16), *вплоть до того, чтобы* (6), *вплоть до того когда* (6).

Таким образом, путь грамматикализации можно представить следующим образом: предлог **в** + существительное в вин.п. ⇒ наречие ⇒ предложные сочетания (**вплоть до, вплоть перед, вплоть у, вплоть по, вплоть + р.п., вплоть + д.п.**) ⇒ конкретизатор в предлоге **вплоть до₁** ⇒ собственно предлог **вплоть до₂** ⇒ союз **вплоть до того, что** и нек.др. Подчеркнем, что указанный путь грамматикализации не является типичным для современного русского языка, в котором растет число полифункциональных единиц,

способных функционировать в качестве предлога и наречия (а также зачастую предикатива и вводного слова) [Виноградова, 2021]. Как было показано в докладе Н.А. Аскариной и Л.В. Басиной «К вопросу о деривационной мотивации релятивов, имеющих отыменные наречные омонимы», именно наречное значение подобных «новых» полифункциональных единиц является более метафоризованным и далеким от производящего слова, ср.: – *Это решение в духе современных веяний – Сегодня он пребывает в духе, нам повезло; Я полностью на стороне преподавателя – Нашла себе жениха где-то на стороне; По случаю дня рождения в гости пришли друзья – Купил эту безделушку по случаю и не жалею* (примеры из [Бурцева, 2010]).

Литература

1. Активный словарь русского языка. В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.А. Лопухина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон / Под общ. рук. академика РАН Ю.Д. Апресяна. Т. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.
2. БТС, 2014 Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. 2014. Режим доступа: <http://www.gramota.ru>
3. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Русск. яз. Медиа, Дрофа, 2010. 750 с.
4. Виноградова Е.Н. *Вплотную к наречным предлогам* (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 37–45.
5. Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.
6. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. М.: URSS, 2014. 304 с.
7. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Книга 2: А–В (объективная грамматика). М.: URSS, 2018. 798 с.
8. Панков Ф.М., Патаракина Е.О. Наречно-предложная бифункциональность в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2016 №5. С. 135–145.
9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отдѣлениемъ Императорской Академіи наукъ. Том I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1847. 415 с.
10. Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 783 с.
11. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.

ОТЫМЕННЫЙ РЕЛЯТИВ ПО ПРИМЕРУ И СОЮЗ КАК И: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Вэй Хуэйминь

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье устанавливается, что обе служебные единицы строят трехчленные и двухчленные конструкции. Основной тип отношения в конструкциях - отношения неполного тождества. Однако ПО ПРИМЕРУ может указывать только на аналогичную ситуацию, находящуюся в отношениях

временной последовательности. Делается вывод о том, что ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И являются неполными синонимами.

Abstract. The article establishes that both service units build three-term and two-term structures. The main type of relation in constructions is incomplete identity relations. However, BY EXAMPLE can only indicate the analogy of situations that are in a temporal sequence relationship. It is concluded that the otymenny relativ BY EXAMPLE and the conjunction AS WELL are incomplete synonyms.

Ключевые слова: отымённый релятив, союз, союзная конструкция, трехчленная конструкция, двухчленная конструкция, семантика, сравнение, соединение, отношения неполного тождества, отношения общего и частного.

Key words: otymenny relativ, conjunction, conjunction structure, three-term construction, two-term construction, semantics, comparison, connection, relation of incomplete identity, relations of general and particular.

В русском языке существует большая группа служебных единиц, которые относятся к разным частям речи, но участвуют в формировании одних и тех же типов синтаксических отношений. Поэтому возникает вопрос о об их сходстве и различии. Объект нашего исследования – отымённый релятив (ОР) ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И. Предмет исследования – сопоставление семантики и синтаксических функций названных единиц. Цель исследования – выявить сходство и различие в их функционировании и решить вопрос, можно ли рассматривать эти единицы как синонимичные служебные слова, относящиеся к разным классам.

Словоформа ПО ПРИМЕРУ является лексикализованной предложно-падежной словоформой. В Словаре Д.Н. Ушакова ПО ПРИМЕРУ толкуется с помощью словоформы «по образцу» [Ушаков, Т. 2, 2001, с. 585]. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «по примеру» определяется так: «в значении предлога с род. п., сходно с кем-чем-н., в соответствии с действиями кого-н.» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 594]. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) словоформа «по примеру» включена в список «Обороты в функции предлога». Однако в других словарях и в научной литературе функция ПО ПРИМЕРУ как предлога не отмечена. Таким образом, словоформа ПО ПРИМЕРУ находится на промежуточном этапе между существительным и предлогом. Поэтому к этой словоформе можно применить термин «отымённый релятив» [Шереметьева, 2008].

Союз КАК И в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) включен в список «Обороты в функции союза и союзного слова», в «Словаре эквивалентов слова» Р.П. Рогожниковой определяется следующим образом: союз «1. сравн. Соединяет члены предложения, сравниваемые в каком-л. отношении. <...> 2. присоед. Присоединяет вводное предложение или вводное сочетание со знач. подтверждения каких-л. предположений» [Рогожникова, 2003, с. 185], в «Словаре служебных слов русского языка», в словарной статье, написанной А.Ф. Прияткиной, говорится: значение союза КАК И одновременно «сочетает в себе значения сравнения и соединения. Оба значения (сравнение и соединение) основываются на факте неполного тождества» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 201]. Что касается сравнения, то в толковом словаре дается следующая характеристика этого понятия: «сравнение» устанавливает «черты сходства и различия» и обозначает «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 759].

Сопоставим функционирование релятива ПО ПРИМЕРУ и союза КАК И с разных точек зрения.

С точки зрения семантики:

Рассмотрим два примера:

(1) *Многие отечественные бизнесмены по примеру господина Гусинского направляли туда учиться своих телохранителей* [Боевое искусство планеты, 2004.03.11]; (2) *Конечно, я, как и все актёры, мечтаю об интересных ролях* [Домовой, 2002.08.04].

В примере (1) представлены две ситуации, субъектами которых являются *господин Гусинский* (субъект 1) и *многие отечественные бизнесмены* (субъект 2). Субъект 1 и субъект 2 совершают тождественные действия – *направлять своих телохранителей учиться*, но между двумя ситуациями есть различие. Во-первых, разные субъекты ситуаций и, во-вторых, время проведения действия: субъект 1 совершил действие первым – это первая по времени ситуация, субъект 2 совершил действие после субъекта 1 – это вторая по времени ситуация. Однако в тексте полностью представлена только вторая ситуация. Из приведенного примера видно, что между двумя ситуациями существует одновременно и сходство, и различие, это говорит о том, что в тексте между двумя ситуациями оформляется отношение неполного тождества.

Аналогичное отношение между компонентами конструкции существует во втором примере: субъект 1 – *все актёры*, субъект 2 – *я*, значение примера: *все актёры мечтают об интересных ролях* (ситуация 1), *я тоже мечтаю об интересных ролях* (ситуация 2), общее между ситуациями – состояние *мечтать об интересных ролях*, различие – разные субъекты. Так же, как в примере (1), в примере (2) между двумя ситуациями есть и сходство, и различие, поэтому в данном примере также формируется отношение неполного тождества. Таким образом, ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И способны оформлять отношение неполного тождества.

При этом в союзной конструкции важно не только отношения сравнения (между ситуациями и общее, и различие: *Я, как все актёры, мечтаю об интересных ролях*), но и отношения соединения (*Я и все актёры мечтаем об интересных ролях*). Этот компонент значения формируется с помощью компонента «И», входящего в состав союза. В конструкции с ОР ПО ПРИМЕРУ семантика соединения отсутствует, поскольку лексема «пример» не включает в свое значение семантический компонент «И».

Сфера тождества, оформленная союзом КАК И, шире, чем сфера тождества, оформленная ОР ПО ПРИМЕРУ, так как в содержании с ОР ПО ПРИМЕРУ подчёркивается различие во времени: действие первой ситуации всегда предшествует действию второй ситуации. А в конструкции с союзом КАК И такого подчеркивания предшествования первой ситуации второй во времени нет, и допускается, что две ситуации сосуществуют во времени. Например: (3) *России, как и всякой другой стране, нужны национальные газеты* [Витрина читающей России, 2002.10.25]. – Ср.: *России, по примеру других стран, нужны национальные газеты*. В предложении с ОР ПО ПРИМЕРУ отношения между ситуациями понимаются так: «в других странах уже есть национальные газеты, а в России их еще нет».

А.Ф. Прияткина назвала три речевые функции у союза КАК И: установление аналогии (утверждение прецедента), утверждение тождества ситуации или присущность предметам одинаковых признаков разным предметам, косвенная характеристика лица или предмета [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 202]. Для ОР ПО ПРИМЕРУ возможна только одна функция – установление аналогии. Это связано с одним из значений базового слова – существительного «пример»: «действие, которому подражают» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 594].

Когда ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И относят единичное к общему, то в конструкции оформляются отношения общего и частного. Эти отношения поддерживаются местоименными словами *все, многие, другие*. Например:

по примеру: (4) *Он стал президентом и, по примеру всех своих предшественников, формировал новую команду*. [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1]; (5) *Корнеев, по примеру многих других врачей, которые две трети времени проводят в стенах больницы, вдали от жен и подруг, завел себе на работе постоянную любовницу*. [Влада Валеева. Скорая помощь];

как и: (6) *Он, как и многие другие, опасается, что новороссийский протест «солят»* [Комсомольская правда, 2014.06.17]; (7) *Он отметил, что в час пик на этих улицах, как и везде в центре, пробки бывают часто* [Известия, 2014.05.28].

ОР ПО ПРИМЕРУ указывает на активное действие субъекта ситуации 2.

С точки зрения конструкций:

Сопоставляемые служебные единицы могут строить следующие типы конструкций.

Трехчленная конструкция

В состав трёхчленной конструкции включается три важных компонента: два параллельных члена и общий член. В работе Е.С. Шереметьевой параллельные члены определены как «левый» и «правый» компоненты: в идеальной линейной структуре, если параллельный член располагается ДО релятива, то его называют «левый» компонент, если ПОСЛЕ релятива, то его называют «правый» компонент [Шереметьева, 2008, с. 216]. Общий член одновременно связан с левым и правым компонентами, при этом с правым компонентом он связан с помощью служебного слова (союза или отыменного релятива). Тем самым служебное слово оформляет двусторонние отношения правого компонента: с левым компонентом и с общим членом.

Примеры:

(8) *Я по примеру Робинзона Крузо завела себе двух маленьких Пятниц — сыновей младшей жены хозяина дома и моего делового партнера* [Вацлав Михальский. Одиному везде пустыня]; (9) *Их встреча, как и последующие переговоры с президентом, прошла за закрытыми дверями* [Известия, 2014.07.07].

В примерах (8) и (9) параллельные члены: *я* и *Робинзон Крузо*, *Их встреча* и *последующие переговоры с президентом*, общие члены: *завела* и *прошла*. Двустороннее отношение в примере (8): *Я по примеру Робинзона Крузо* и *завела по примеру Робинзона Крузо*, двустороннее отношение в примере (9): *Их встреча, как и последующие переговоры с президентом*, и *прошла, как и последующие переговоры с президентом*.

Приведенные примеры оформлены в идеальной линейной структуре, это эталонная модель: *левый компонент – ПО ПРИМЕРУ / КАК И – правый компонент – общий член*. В предложениях возможны разные варианты расположения компонентов:

левый компонент – общий член – ПО ПРИМЕРУ / КАК И – правый компонент: (10) *В ноябре 2016 года стало известно, что Сбербанк планирует создать на основе своих ресурсов и инфраструктуры «национальную экосистему» интернет-коммерции по примеру китайской Alibaba Group* [lenta.ru, 2017.12.13]; (11) *Тропические циклоны станут мощнее и чаще будут губить урожаи, как и наводнения* [Комсомольская правда, 2014.07.31];

ПО ПРИМЕРУ / КАК И – правый компонент – левый компонент – общий член: (12) *По примеру создателя «Мастера и Маргариты» автор «Ангела пригляда» легко чередует сиюминутное с вневременным, микширует житейский сор с библейским*

пафосом и внедряет сверхъестественных существ в московскую круговерть [Новая газета, 2017.07.19]; (13) *Как и любая мода, мода на селфи пройдет, и это перестанет быть явлением* [Известия, 2014.06.26].

Материал показал, что в трехчленных конструкциях, оформленных с помощью ОР ПО ПРИМЕРУ или союза КАК И, расположение параллельных и общих членов имеет общие черты: они располагаются в любом месте относительно друг друга, но правый компонент всегда прикреплен к ПО ПРИМЕРУ или КАК И. В предложении вводимый КАК И компонент требует интонационно выделения, а по отношению к компоненту, вводимому ОР ПО ПРИМЕРУ, такого требования об интонационном выделении нет.

В союзной конструкции более сильной связью является связь между параллельными компонентами [Словарь служебных слов, 2001, с. 203]. В конструкции с ОР ПО ПРИМЕРУ у правого компонента более сильная связь с общим членом, чем с левым компонентом. Это обусловлено предложной функцией ОР ПО ПРИМЕРУ: предлог связывает главное и зависимое. Словоформа ПО ПРИМЕРУ приобретает функцию предлога именно в том случае, когда она осуществляет такую связь.

Двухчленная конструкция

В двухчленной конструкции, в отличие от трехчленной, нет параллельных компонентов. Можно считать, что двухчленная конструкция возникает на основе отсутствия левого компонента трёхчленной конструкции. Например: (14) *Мы выдавали разрешение по примеру прошлого года* [Новая газета, 2018.10.20]; (15) *Вечер субботы и воскресенье провел в приходе в Endicott, как и в прошлом году.* [А.Д. Шмеман. Дневники]. Такая конструкция с союзом КАК И квалифицируется как «вторичная связь» [Приякина, 1990, с. 103–106; Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 204].

Как мы уже сказали, в трехчленной конструкции оформляется отношение неполного тождества между ситуациями, при этом различающие эти ситуации составляющие обозначены параллельными компонентами этой конструкции. В двухчленной конструкции такое отношение имеет неполное формальное выражение: на него указывает только служебное слово, однако отсутствующий левый компонент можно восстановить. Например: предложение (14) можем изменить так: *Мы выдавали разрешение в этом году по примеру прошлого года.* В предложении (15): *В этом году вечер субботы и воскресенье провел в приходе в Endicott, как и в прошлом году.*

В результате проведенного исследования было установлено следующее. В функционировании ОР ПО ПРИМЕРУ и союза КАК И есть сходство и различие.

Сходство:

1). Обе служебные единицы имеют семантику сравнения. В оформленных ими конструкциях ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И выражают отношение неполного тождества.

2). Когда ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И относят единичное к общему, в конструкции формируется отношение общего и частного.

3). ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И способны оформлять трехчленную и двухчленную конструкции.

4). В трехчленной конструкции ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И устанавливают две линии связи: первая линия связи – связь между правым и левым компонентом, вторая линия связи – между правым компонентом и общим членом.

5) В трехчленной конструкции расположение компонентов свободное: компоненты располагаются в любом месте относительно друг друга, но правый компонент всегда прикреплен к ПО ПРИМЕРУ или КАК И.

Различие:

1). Сфера тождества, оформленная союзом КАК И шире, чем сфера тождества, оформленная ОР ПО ПРИМЕРУ: в конструкции с ОР ПО ПРИМЕРУ указывается на то, что первая ситуация обязательно предшествует второй ситуации. Из этого следует, что ОР ПО ПРИМЕРУ может указывать только на аналогию между ситуациями.

2). В оформленной союзом КАК И конструкции важно не только «сравнение», но и «соединение», а в конструкции с ОР ПО ПРИМЕРУ семантика соединения отсутствует.

3). В отличие от вводимого ОР ПО ПРИМЕРУ компонента, вводимый союзом КАК И компонент требует интонационно выделения.

4). В конструкции с ОР ПО ПРИМЕРУ более сильная связь между общим и правым компонентом, тогда как в союзной конструкции более сильная связь между параллельными компонентами.

Таким образом, можно утверждать, что ОР ПО ПРИМЕРУ и союз КАК И являются неполными синонимами.

Литература

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: 2006. 944 с.
2. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Выс. шк., 1990. 176 с.
3. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: АСТ, 2003. 185 с.
4. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. 363 с.
5. Толковый словарь русского языка: в 3-х томах Т. 2. Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече: Мир Книги, 2001. 688 с.
6. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2008. 236 с.

Источники материала

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРОИЗВОДНОГО ПРЕДЛОГА *ИСХОДЯ ИЗ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.С. Зарубина

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается статус единицы «исходя из», приводится семантическая классификация существительных, выступающих в качестве правого компонента предложной конструкции, отражающая специфику сочетаемости производного предлога.*

***Abstract.** The article reviews the status of the unit "исходя из", presents the semantic classification of nouns appearing as the right oriented component of a prepositional construction, revealing the specific combinability of the marginal preposition.*

Ключевые слова: грамматикализация, производный предлог, отглагольный предлог.

Key words: grammaticalization, marginal preposition, verb derived preposition.

В настоящее время наблюдается активный процесс грамматикализации – приобретения лексическими единицами преимущественно грамматических характеристик. Объектом нашего изучения является переход единиц из самостоятельных частей речи в предлоги, предметом – *исходя из* как производный предлог. Как отмечает Е. Т. Черкасова, «лексические значения предлогов, в отличие от лексических значений соответствующих полнозначных слов, к которым восходят их компоненты, <...> содержат в себе обобщенное указание на отношение между словами» [Черкасова, 1967, с. 12]. Однако процессу грамматикализации подвергаются только формы тех полнозначных слов, «в семантике которых элемент релятивности <...> либо уже содержится, либо при определенных условиях может развиться» [там же, с. 16]. Так, исследуемый нами глагол *исходить* в значении ‘основываться на чем-л., брать что-л. за основу’ [Словарь русского языка, 1999], от которого образовался производный предлог *исходя из*, уже имеет в толковании идею о некотором отношении.

Одним из параметров определения грамматикализации глагольных единиц является связь между субъектом и деепричастной формой. «Отношение к субъекту действий (подлежащему) поддерживает глагольность деепричастной формы, устанавливая взаимодействие между этой формой и предложением, и тем самым препятствует их переходу в разряд предлогов» [Черкасова, 1967, с. 215]. По мнению М.А. Овсянниковой, «если подлежащее главной клаузы является неличным, интерпретация единицы в качестве деепричастия исключена», а если личным – то допускаются обе интерпретации [Овсянникова, 2008, с. 137]. Кроме фактов употребления *исходя и* в безличных предложениях, Национальный корпус русского языка показал наличие контекстов, в которых данная словоформа соотносится с субъектом и сохраняет с ним связь. Например: *С помощью специальных программных средств теперь диспетчер может видеть информацию о прохождении поездов на экране монитора и исходя из того управлять движением* [Из конца в конец // Computerworld, 2004].

В Малом академическом словаре под ред. А. П. Евгеньевой предложно-падежная форма *исходя из* приведена в качестве иллюстративного материала к толкованию глагола *исходить* в значении ‘основываться на чем-л., брать что-л. за основу’ (*Исходя из того положения, что табак включает в себе страшный яд, курить ни в коем случае не следует.* [Чехов, О вреде табака]) [Словарь русского языка, 1999, с. 694], из этого следует, что авторами словаря эта единица рассматривается в рамках глагольной парадигмы, а не в качестве предлога. При этом следует учитывать тот факт, что переиздание словаря – стереотипное, следовательно, этот словарь не отражает современную точку зрения на единицы подобного типа. В этом отношении более показательным является отсутствие толкования *исходя из* в качестве отдельной единицы в Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова, при том, что в нем выделяется значение глагола *исходить* ‘брать что-л. за основу’ [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 405].

В то же время в ряде словарей рассматриваемая нами единица *исходя из* зафиксирована в качестве предлога. Например, в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечается использование *исходя из* в значении предлога с род. п. – ‘основываясь на чем-н., опираясь на что-н.’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 256]. В «Объяснительном словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина есть отдельная словарная статья для предлога *исходя из*: «Употребляется при указании на обстоятельство, учет которого определяет характер действия, выступает для действия в качестве определяющего ориентира» [Объяснительный словарь русского языка, 2003, с. 147]. Как

предлог с пометой «книжный» рассматривается данная единица в словаре сочетаний, эквивалентных слову, Р.П. Рогожниковой: «употребляется при указании на что-л., основываясь на чём, беря за основу что, происходит или производится какое-л. действие (обычно в офиц.-деловой речи) [Рогожникова, 2003, с. 172].

Мы будем рассматривать данную единицу в качестве производного предлога, учитывая при этом, что возможны употребления, в которых *исходя из* представляет собой глагольную форму – деепричастие в сочетании с непроизводным предлогом в постпозиции.

В рамках настоящей работы мы сделали попытку выделить лексико-семантические группы существительных, занимающих позицию родительного падежа при предлоге (исходя из *кого-чего*). Такая позиция в работах, посвященных производным предлогам, определяется как позиция **правого компонента** предложной конструкции [Шереметьева, 2008, с. 216]. Внимание к сочетаемости производных предлогов объясняется тем, что она во многом может отражать степень грамматикализации производной единицы.

Материалом для составления семантической классификации послужили примеры словоупотреблений из Национального корпуса русского языка. Были выгружены все контексты из Основного корпуса, в которых правый компонент непосредственно следует за непроизводным предлогом в сочетании *исходя из*. Было рассмотрено 1370 словоупотреблений (431 слово). Кроме того, для составления классификации существительных были использованы контексты из НКРЯ, в которых *исходя из* находится на расстоянии 2, 3, 4 и 5 слов от правого компонента.

Анализ лексики проводился с привлечением «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой и выше названных толковых словарей. В результате анализа были выделены следующие основные группы существительных, которые сочетаются с *исходя из*, замещают его правую валентность.

1. Существительные **ментальной сферы**, отражающие **мыслительную деятельность** человека.

В этой группе можно выделить несколько подгрупп:

(1) Сюда вошли существительные, отнесенные в семантическом словаре к блоку «Сознание. Разум. Знание. Понимание. Мысль. Образ мыслей» [Русский семантический словарь, т. III, с. 213–227]. Среди них различаются:

(а) номинации этапов осмысления окружающей действительности: *опыт, понимание, представление, соображение, знание*:

Но точку отсчета можно задать и самому, сформировать исходя из опыта, знаний (опять же, в области науки, религии), точнее, не сформировать, а запустить этот процесс... [Человек (форум), 2007].

(б) номинации разных этапов рассмотрения и обобщения, в том числе научного, фактов действительности: *мысль, замысел, идея, проблема, предположение, допущение, прогноз; аксиома, гипотеза, доктрина, концепция, теория, положение* (утверждение, тезис);

Ученые-механики, исходя из теории прочности твердых тел, доказали, что сопротивление любого материала сжатию всегда больше сопротивления растяжению. [А. Белоцерковский. Резервы внедрения, или О пятом способе измельчения // Техника – молодежи, 1977].

(в) номинации, отражающие образ мыслей: *ментальность, мировоззрение, мнение, логика, психология* (в значении «мировоззрение»):

Сообразуясь с каждым конкретным случаем, **исходя из психологии и мировоззрения** людей, представших перед судом [Преступный приказ // Общая газета, 1995].

(2) Существительные – номинации фактов действительности, подвергающихся осмыслению: *реальность, реалии, данность, данные, сведения, факт, материал, момент* (=факт, информация), *информация*:

– *Пора действовать **исходя из реальности***, – говорил он. [К.С. Бадин. Секрет государственной важности (1974)].

(3) Существительные, называющие установки, разрабатываемые для изучения действительности, а также для определения поведения в тех или иных условиях, предопределенных конкретной ситуацией: *цель, задача, сценарий, план, стратегия, тактика*:

*Вы можете считать в долларах, пожалуйста, но по курсу, прошлого, позапрошлого года – **исходя из простой задачи**: найти понимание с заказчиком*. [Конструктор политической реальности // Эксперт, 2016].

(4) Номинации процессов исследования: *анализ, исследование, подсчет, рассмотрение, расчет* и под.

Например: *При этом часть из них склонна относить прокуратуру к ветви исполнительной власти, **исходя из анализа** ее функций*. [Прокуратура // Отечественные записки, 2003]

(5) Существительные, называющие формы представления результата осмысления и интерпретации фактов действительности: *результат, итог, группировка, классификация, систематизация, диагноз, трактовка, модель, схема, таблица*.

*Оценки производились **исходя из результатов** эксперимента, проводимого в Псковской дивизии ВДВ* [Цена добровольца // Время МН, 2003].

2. Существительные – номинации разного рода **отношений**, выявляемые в результате ментальной деятельности (Связи. Отношения. Зависимости по классификации, представленной в [Русский семантический словарь, т. III, с. 155–162]): *отношение, соотношение, мотив, основа, посылка (логическая), предпосылка, причина, условие*:

***Исходя из соотношения** предельной производительности капитала и процентных ставок, под которые предоставляются займы, можно рассчитывать на больший или меньший поток инвестиций*. [Капитал устал ждать // Эксперт, 1995.07.25].

3. Существительные, обозначающие понятия, связанные с порядком, нормой, структурой окружающего мира. В эту группу включаются лексемы, называющие разного рода **правила, законы, документы**: *закон, законодательство, буква закона, декларация, дисциплина (партии), документ, кодекс, норматив, завет, конституция, план (документ), порядок (правило), постановление, положение (свод правил), правило, право (закон), принцип, требование, программа, редакция (статьи Конституции)*.

Например: *Существенность события после отчётной даты организация определяет самостоятельно **исходя из требований** положений нормативных актов по бухгалтерскому учёту*. [М. Задорнов. Приказ министра финансов РФ Об утверждении положения по бухгалтерскому учёту]; *Таблеток же Клёкотов никогда ни от чего не пил, **исходя из принципа**, что таблетками одно лечишь – другое калечишь*. [А. Слаповский. Гибель гитариста].

4. Значительную по объёму группу представляют существительные параметрической семантики, называющие **формы и сущностные характеристики реалий и явлений**

действительности [Русский семантический словарь, т. III, с. 40] или **параметры и характеристики**:

(а) Собственно параметры: *величина, возраст, высота, дата, значение, индекс, количество, масса, масштаб, объем, площадь, параметр, признак, размер, рост, срок, средства, стоимость, тариф, температура, форма, цвет, ширина, вид, свойство, совокупность, состав, спектр, уровень, цена, сумма, процент, разряд, число, набор, период*;

(б) Параметрические характеристики: *характеристика, особенность, актуальность, платежеспособность, принадлежность, причастность, длительность, загруженность, загрязненность, консистентность, кривизна, мощность, токсичность* и под.

Например: *Несмотря на то, что бюджет рассчитывается исходя из цены на нефть в 22 долл. за баррель, в расчёт расходной части заложена цифра в 20 долл. за баррель.* [М. Классон, Алексей Полухин. Бюджет-2004 – честный // Время МН, 2003]. *Исходя из особенностей кинозалов и средств каждый район может подобрать свой набор оборудования* [Кадры перемен (2012.11.24) // Новгородские ведомости, 2012].

5. Существительные – обобщенные наименования **ситуаций, положений дел: обстановка, обстоятельство, ситуация, событие, состояние, положение** (сложившиеся обстоятельства).

Например: *Исходя из обстановки, считаю ближайшей задачей освобождение пленных* [Б. Васильев. Дом, который построил Дед].

6. Существительные – номинации явлений, связанных с **ценностями** человека и ее критериями [Русский семантический словарь, т. III, с. 171–173]: *интерес, потребность, предпочтение, приоритет.*

Исходя из археологических интересов, я заинтересовался культурой и этносом, а уж от теории культуры – прямой путь к вопросам нормы и аномалии [Профессор в законе: лагерь и природа человека // Знание-сила, 2012].

7. Существительные – номинации предметов и явлений, относящихся к сфере **«Расходы. Доходы. Платы. Выплаты»** [Русский семантический словарь, т. II, с. 419–428]: *доход, запас, заработок, зарплата, затрата, издержка, убыток, прибыль.*

<...> расчет пособий должен производиться исходя из среднего заработка не за один, а за два года перед выходом в декрет <...> [О детях и деньгах // Русский репортер, 2011].

Предложенная группировка не полностью отражает сочетаемостные возможности производного предлога *исходя из*. Тем не менее она позволяет сделать следующий вывод: все перечисленные лексико-семантические группы существительных предопределены значением глагола *исходить* (брать что-либо за основу), в котором заключено указание на стадию осмысления того или иного положения дел. Эта же семантическая составляющая сохраняется в предлоге *исходя из* (см. приведенное выше словарное толкование этой единицы).

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
2. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина М.: Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
3. Овсянникова М.А. Отглагольные предлоги русского языка в свете теории грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 4. СПб., 2008. С. 135–139.
4. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: АСТ, 2003. 185 с.

5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. II / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. 762 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. III / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
7. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 939 с.
9. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ КОННЕКТОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.О. Иванова

МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена освещению существующих данных о коннекторах, образованных от существительных, представленных в грамматиках русского языка, их семантических и синтаксических свойствах и лакунах, имеющих в этих описаниях. Эта информация позволяет констатировать неоднородность группы отсубстантивных коннекторов и сформулировать дальнейшие направления для исследований.*

***Abstract.** This article is dedicated to highlighting the existing data on connectors formed from nouns, which is presented in the main existing grammars of the Russian language, the semantic and syntactic properties of these connectors and gaps in their descriptions. This information allows us to state the heterogeneity of the group of substantive connectors and to formulate further directions of research.*

***Ключевые слова:** отсубстантивный коннектор, семантика, синтаксис, союз, вводное слово, частица, дискурсивные единицы.*

***Key words:** substantive connector, semantics, syntax, conjunction, parenthesis, particle, discourse entities.*

Как известно, единицы дискурса не существуют независимо друг от друга. Ситуации, описываемые в некотором отрывке дискурса, оказываются связанными между собой логико-семантическими отношениями, которые вербально выражаются единицами, которые в современной лингвистике называют коннекторами. Таким образом, под коннекторами я буду понимать функциональный класс слов, которые выражают дискурсивные, логико-семантические отношения между единицами, выделяемыми на разных уровнях членения дискурса (речи, текста), – от элементарных дискурсивных единиц (клауз) до сложных (реплик, абзацев, пассажей, периодов) (см., например, [Инькова, 2019]). Термином, синонимичным коннектору, является скрепа. В работе [Прияткина, Стародумова 2015, с. 135] приводится следующее определение скрепы: «Текстовая скрепа – это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения». На данный момент едва ли удастся встретить термин «коннектор» в имеющихся грамматиках русского языка, поэтому вопросы отнесения той или иной единицы к функциональному классу коннекторов оказывается открытым.

К функциональному классу коннекторов обычно относят единицы, принадлежащие по своим синтаксическим свойствам к разным лексико-грамматическим категориям в основном

неизменяемых слов, таких как сочинительные и подчинительные союзы, частицы, наречия, вводные слова и словосочетания (синтаксические фраземы). Безусловно, относясь к разным классам, они имеют и различные свойства. Так, например, в статье [Кобозева, 2010] описаны семантические и синтаксические параметры варьирования коннекторов. Так, к семантическим параметрам относятся семантический потенциал коннектора, дискурсивные ранги, которые имеют дискурсивные единицы (ДЕ), соединяемые коннекторами, референциальный статус ДЕ, соединяемых коннектором, коммуникативный статус ДЕ, связываемых коннектором, характер указания на межфразовое семантическое отношение; к синтаксическим параметрам автор относит синтаксический статус коннектора (т.е. представляет ли собой коннектор слово, словосочетание или соединение), часть речи для однословных коннекторов, степень свободы для коннекторов-словосочетаний, набор синтаксических позиций и контактность/дистантность компонентов коннектора. Я бы хотела рассмотреть те коннекторы, которые включают в себя полнозначные существительные, которые могут быть частью других морфологических единиц, и их некоторые семантические и синтаксические различия. Но в настоящей работе я не ставлю целью рассмотреть коннекторы в соответствии с вышеперечисленными параметрами варьирования, это останется предметом более обширного исследования, нежели позволяет объем данной статьи. Далее приведем пример коннектора с полнозначным существительным в своем составе:

(1) Костяк партии сформировался **в результате того, что** мы смогли привлечь в нее много сильных людей, разделяющих наши взгляды.

В примере (1) мы видим существительное «результат» в составе подчинительного союза со значением причины.

Не все типы морфологических единиц, объединяемых в класс коннекторов, могут включать в свой состав единицы, восходящие к формам существительного. Обнаруживаем существительные среди:

- вводных слов (*к сожалению; в самом деле*)
- союзов (*в связи с тем, что*)
- частиц (*правда*)

Что касается отсубстантивных частиц, то здесь достаточно сложно однозначно сказать, является ли подтверждающая частица «правда» коннектором или нет. Например:

(2) Он получил выговор. – Да не может этого быть! (P) – **Правда** получил (Q).

Одним из основных свойств коннектора является обеспечение связи между фрагментами текста или речи, т.е. предложениями или высказываниями. В данном контексте частица связывает между собой два высказывания, выражая при этом верификативную связь P с Q. Но с точки зрения синтаксической связи «правда» оказывается адьюнктом, модифицирующим глагольную группу предложения, то есть являющимся зависимым от сказуемого в нем: [[Правда_{ModP}] получил_{VP}]. Если же мы будем рассматривать позицию подчинительных союзов, то, как правило, они занимают управляющую позицию по отношению к глагольной группе предложения и выступают вершиной в нем. Что касается вводных слов, то традиционно их рассматривают вне синтаксической структуры предложения, считая, что у них нет синтаксических связей с остальными составляющими предложения. В работе [Онипенко, 2014] отмечается, что вводные слова синтаксически функционируют в качестве модусного предикатива, который может выступать в иллюкутивной функции, формируя связь между предложениями или между частями сложного предложения. Но опять же, модусный предикатив

рассматривается линейно, а не в древесной структуре предложений. То есть только частица выступает в зависимой позиции от вершины предложения.

Таким образом, при описании коннекторов здесь остается открытым вопрос о том, какой набор синтаксических позиций может заполнять коннектор, есть ли какие-либо ограничения для таких позиций и следует ли считать позицию в синтаксической структуре критерием для выявления коннекторов.

С основными современными представлениями о лексико-грамматических категориях слов, которые могут функционировать в качестве коннекторов, можно ознакомиться в РГ-80 и Русской корпусной грамматике.

Мы не ставим своей целью рассмотреть по отдельности в этой статье каждую из перечисленных в этих трудах единиц, которые могут функционировать в качестве коннекторов, однако постараемся выявить некоторые особенности.

Рассмотрим союзы. Мотивированные существительными союзы мы можем наблюдать только среди подчинительных. Вслед за АГ-1954 составители Русской корпусной грамматики [Апресян, Пекелис, 2011] выделяют следующие группы союзов в соответствии с тем, какое значение они выражают в предложении: союзы причины, следствия, цели, условия, уступки, времени, сравнительные и изъяснительные союзы. Однако не в каждую из выделенных групп входят мотивированные существительными союзы. Далее мы обратимся к тем союзам, которые упоминаются в Русской корпусной грамматике, соответственно, это список довольно обширный, но не претендует на полноту и может быть дополнен. Многие из приведенных в грамматике союзов, образованных от существительных, можно отнести к тем или иным группам по классификации, приведенной в Русской корпусной грамматике [Апресян, Пекелис, 2011], например:

- союзы причины (*в связи с тем что, в силу того что, вследствие того что, ввиду того что, по причине того что, в результате того что, на основании того что*),
- целевые союзы (*с той целью чтобы*),
- союзы уступки (*в то время как, даром что, добро бы, правда*),
- временные союзы (*по мере того как, с тех пор как, в то время как*),
- сравнительные союзы (*в сравнении с тем что*),
- условные союзы (*в случае если*).

Среди изъяснительных союзов не удастся обнаружить тех, что образованы от существительных.

Однако в Русской корпусной грамматике встречаем еще ряд тех союзов, которые едва ли поддаются распределению по группам имеющейся классификации. Далее попробуем воспользоваться интерпретациями, приведенными в РГ-80 [Русская грамматика, 1980], толковом словаре Ефремовой [Ефремова, 2001], в работе [Попова, 2014]. Можем выделить:

- союзы с выделительно-ограничительным значением: *вместо того чтобы*,
- выявляющие отношение к чему-либо/кому-либо союзы: *в отношении того что*,
- союзы, выражающие противопоставление: *в противовес тому что, в противоположность тому что*,
- союзы, выражающие предел: *вплоть до того что*,
- союзы, указывающие на нереальную причину: *под предлогом того что, под видом того что*,
- союз, указывающий на источник: *за счет того что*,
- союзы, выражающие основание, тему: *по поводу того что, насчет того что*.

По большей части значения союзов в перечисленных выше источниках описаны при помощи каких-то других союзов, что также не приближает нас к пониманию их реальной семантики.

В описаниях русской грамматики большинство перечисленных союзов относят к отпредложным, но тем не менее очевидно, что есть связь между коннекторами, образованными от этих союзов (например, вместо того чтобы), предлогами и существительными. Здесь следует обратить внимание на проблему соотношения отсубстантивных предлогов и отсубстантивных союзов. Наиболее активно осуществляется переход в предлоги лексем в предложно-падежной форме с непроизводным предлогом. Проблема грамматикализации и перехода знаменательных частей речи в служебные описана в работах различных исследователей, например, [Цой, 2004], [Шигуров, 2006], [Чуглов, 2009], [Шнырик, 2011], [Копотев, Стексова, 2017]. Обратимся к работе [Попова, 2014, с. 5], которая вслед за работой [Цой, 2004] описывает этапы грамматикализации знаменательных лексем.

Сначала «знаменательные слова уподобляются служебным», но, как отмечает автор, это происходит только с теми словами, которые содержат в себе семы времени, места, причины, условия, цели, качества, количества и некоторые другие, что позволяет им превращаться в производные служебные слова. На следующем этапе образованный производный предлог, выражающий релятивное значение яснее и однозначнее, нежели на предыдущем этапе, становится предлогом в языке и закрепляется в словарях. На третьем этапе производные предлоги превращаются в компоненты союзов и других служебных слов.

Наиболее активно осуществляется грамматикализация лексем в предложно-падежной форме с непроизводным предлогом. Но следует заметить, что это не отменяет случаев грамматикализации лексем и в других формах.

Что касается специальных сем, которые должны содержаться в знаменательном слове для того, чтобы оно грамматикализовалось и приобрело характеристики служебных слов, то здесь, как пишет З.Д. Попова, важен компонент релятивности в семантике тех самых знаменательных слов, который способствует изменению синтаксических ролей знаменательных слов в предложении.

Как я указывала выше, в качестве коннекторов могут выступать и вводные слова, в образовании которых явным образом отслеживается участие полнозначных существительных. Под вводными словами понимают обширную группу лексико-синтаксических единиц – словоформ и сочетаний слов (разной степени устойчивости), «выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику» [Русская грамматика, 1980, § 2220].

Приведем некоторые примеры отсубстантивных вводных слов: *например, без сомнения, вдобавок ко всему прочему, в самом деле, как исключение, к слову, на первый взгляд, на худой конец, по правде сказать, в заключение* и т.д. Аналогичным образом среди вводных слов наблюдаются такие же различия в уровне грамматикализованности лексических единиц, как и среди союзов.

В РГ-80 [Русская грамматика, 1980, § 2220] выделяют две основные категории вводных слов в соответствии с их значением: оценочно-характеризующие и собственно оценочные. К первым составители грамматики относят такие значения, которые подразумевают выражение субъективного отношения к объективной характеристике чего-

либо, т.е. к тому, что вытекает из явным образом определяемых фактов, событий и свойств. Под собственно оценочным значением понимают «субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения». Такая обобщенная категоризация значений, к сожалению, не помогает нам понять, какое логико-семантическое отношение выражает коннектор.

На данный момент наиболее разветвленная классификация значений, которые могут быть выражены коннекторами, представлена в работе [Инькова, Манзотти, 2019]. Она основывается на классификации логико-семантических отношений по двум основаниям: семантической операции (импликация, расположение на шкале времени, сравнение, соотнесение частного и общего или элемента и множества) и семантическому уровню (пропозициональный, уровень высказывания и метаязыковой), на котором функционирует это отношение. Всего классификация насчитывает 45 различных логико-семантических отношений, каждое из которых теоретически может быть установлено на каждом из трех возможных семантических уровней. Классификация логико-семантических отношений базируется на коннекторах, однако в работе представлены далеко не все имеющиеся в русском языке коннекторы. Особенно следует отметить, что в меньшей степени представлены отсубстантивные коннекторы, поэтому только предстоит выяснить, применимы ли имеющиеся отношения ко всем коннекторам, образованным от полнозначных существительных, или нет.

Таким образом, мы можем заключить, что имеющиеся описания коннекторов, образованных от полнозначных существительных, не дают полного представления об их функционировании в языке. Не ясно, является ли список отсубстантивных коннекторов в русском языке закрытым или же можно наблюдать, что те или иные единицы проявляют тенденцию к функционированию в качестве коннекторов. По сути, на данный момент отсутствует полное и достаточно организованное лексикографическое описание служебных слов, которые могут входить в функциональный класс коннекторов. Из-за отсутствия такого описания сложно провести параллель между семантическим и прагматическим значениями этих служебных слов, значениями полнозначных существительных, от которых эти служебные слова были произведены, и тем, какие логико-семантические отношения могут выражать соответствующие коннекторы. Следует выяснить, насколько универсальны с точки зрения применимости к отсубстантивным коннекторам имеющиеся классификации логико-семантических отношений и параметров варьирования коннекторов. С точки зрения синтаксиса остается открытым вопрос, какого типа структуры способны послужить базой для образования, какими синтаксическими свойствами должны обладать отсубстантивные единицы, чтобы быть коннекторами.

Литература

1. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики: На правах рукописи. М. 2011. Режим доступа: <http://rusgram.ru>
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 862 с.
3. Инькова О.Ю. О некоторых синтаксических свойствах коннекторов: количественные методы анализа // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. 2019. С. 66–74.
4. Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мерологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур. 2019. 372 с.
5. Кобозева И.М. Параметры варьирования показателей межфразовых семантических связей в русском тексте // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. С. 107–122.
6. Копотев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянских культур. 2016. 168 с.

7. Онипенко Н.К. Функциональные возможности вводных слов и понятие иллокутивной связи // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. тр. Межд. науч. конф., посвящённой 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 98–204.
8. Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Изд. дом ВГУ 2014. 232 с.
9. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
10. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 714 с.
11. Цой А.С. Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре // Филологические науки. 2004. № 4. С. 105–113.
12. Чуглов В.И. Образования со служебным словом ШИРЕ и близкие к ним // Филологические науки. 2009. № 5. С. 82–88.
13. Шигуров В.В. Функциональная транспозиция пространственных наречий в императивно-эмотивные междометия (на материале образований вон, прочь, долой) // Филологические науки. 2006. № 3. С. 51–62.
14. Шнырик Е.А. Функционально-семантическое варьирование лексической единицы аналитического типа (на материале композитика *в конечном итоге*) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. С. 542–546.

ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА *КРОМЕ ТОГО*: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Н.В. Конева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Работа посвящена выявлению особенностей семантики и описанию общих закономерностей функционирования текстовой скрепы «кроме того». Установлены контекстные модификации, связанные со степенью значимости информации в присоединяемом комментарии, и модификации, относящиеся к выполняемой «кроме того» текстоформирующей функции.*

***Abstract.** The article is devoted to identifying the features of semantics and describing the general patterns of functioning of the text «*кроме того*». Contextual modifications related to the degree of significance of the information in the attached comment and modifications related to the text-forming function are established.*

***Ключевые слова:** текстовая скрепа, контекстные модификации, текст, контекст, присоединение.*

***Key words:** textual bond, contextual modifications, text, context, addition.*

Изучение языковых единиц, выполняющих функции средств связи, в частности текстовых скреп, давно привлекает внимание исследователей (см., например, работы А.Ф. Прияткиной, Е.А. Стародумовой, Г.Н. Сергеевой, Г.М. Крыловой, П.М. Тюриня, Е.В. Откидыч, Е.А. Шнырик) [Служебные слова в лексикографическом аспекте, 2017] и по-прежнему является актуальным в связи с недостаточностью специальных описаний текстовых скреп в исследовательских и лексикографических источниках.

Для начала обратимся к значению единицы *кроме того*, зафиксированному в словарях. В «Объяснительном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина указано, что *кроме того* является вводным словом, которое «употребляется для выражения того, что

помимо уже сказанного важно и ещё что-либо». В качестве синонима дана языковая единица *к тому же*. [Объяснительный словарь русского языка: структурные слова, 2002, с. 175–176]. В других специализированных словарях текстовая скрепа *кроме того* не получила описания как отдельная вокабула, но отмечена в качестве устойчивого сочетания в словарных статьях вокабулы *кроме*. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в Большом толковом словаре, в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, в словаре Т.Ф. Ефремовой *кроме того* квалифицируется как вводное словосочетание в значении «к тому же» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 308; Большой толковый словарь, с. 472; Словарь русского языка, т. 2, с. 134; Ефремова, 2000]. В «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой указано, что *кроме того* «употребляется для выделения дополнительного сообщения» [Рогожникова, 2003, с. 200]. В «Русской грамматике» 1980 года отмечено, что *кроме того* является одним из средств выражения факультативно-комментирующих отношений, при этом «сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 631–632]. М.В. Ляпон в работе «Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений» рассматривает *кроме того* как вводную единицу, приспособившуюся к выполнению союзной функции и выступающую как модификатор «и-отношения». Автор отмечает, что «в рамках сообщения, включающего реляционную единицу этого профиля, информация распределяется таким образом, что вторая часть предстает как уточняющая поправка, факультативное примечание к предшествующей части» [Ляпон, 1986, с. 55].

Авторы Нового объяснительного словаря синонимов русского языка указывают, что вводный оборот *кроме того* выражает идею добавления и используется в том случае, когда говорящий сначала сообщает о существовании некоторого объекта или ситуации, а затем о существовании еще одного объекта или ситуации. При этом говорящий оценивает основную ситуацию (объект) как нечто значительное, а основную и дополнительную ситуацию (объекты) вместе как нечто еще более значительное [Новый объяснительный словарь синонимов..., 2003, с. 496–500].

Таким образом, в качестве основного значения текстовой скрепы *кроме того* выделяется значение присоединения, а комментарий, вводимый *кроме того*, обычно носит характер дополнения к сообщению, находящемуся в левом контексте, или усиления более значимого с точки зрения говорящего.

Рассмотрим пример:

*Старик поднялся на следующую террасу, пару раз проехался по раскисшей грязи и попал в сарай. Это было его излюбленное место. По профессии старик был столяр, и здесь, в сарае, он продолжал заниматься своим любимым делом. **Кроме того**, его пенсия была столь мала, что едва ли он смог бы свести концы с концами, если бы не мастерил иногда изделия на заказ. К сожалению, магазин, где он добывал заказы, предлагал их нерегулярно и платил ему, кустарю-одиночке, почти копейки. Но он и этому был рад* (Марина Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // Звезда, 2002) [НКРЯ].

С помощью скрепы *кроме того* говорящий вводит дополнительную информацию, при этом высказывания правого и левого контекста относятся к одному субъекту действия (старик) и одной микротеме (причины выполнять столярные работы). Следует отметить, что информация, представленная в правом контексте, менее значительна, чем та, что представлена в левом. В предтексте сообщается, что столярничество было любим делом

героя повествования. В правом контексте вводится дополнительный комментарий, рассказывающий о том, что это также приносило ему дополнительный доход.

Проанализировав различные контексты употребления скрепы кроме того, мы выявили случаи, когда комментарий присоединяет дополнительную информацию, равную по значимости информации в предтексте или даже более значительную. Рассмотрим случай, когда говорящий сначала характеризует объект или ситуацию, а затем добавляет еще одну характеристику. При этом информация, содержащаяся в левом и правом контекстах, одинаково значительна, а вместе два контекста создают полную картину:

Стоящий на задних лапах и выпачканный пылью кот тем временем раскланивался перед Маргаритой. Теперь на шее у кота оказался белый фрачный галстук с бантиком, а на груди перламутровый дамский бинокль на ремешке. Кроме того, усы у кота были позолочены (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1929–1940) [НКРЯ].

Говорящий описывает объект и с помощью скрепы *кроме того* присоединяет дополнительный параметр описания, т.е. второе высказывание расширяет содержание первого высказывания, делая описание более полным. Высказывания левого и правого контекста связаны между собой общим предметом описания (кот). При этом и первый, и второй параметр описания одинаково значительны. Это подтверждает также возможное изменение порядка их следования без потери смысла.

Еще один случай, когда *кроме того* присоединяет информацию (событие, аргумент), равную по значимости содержащейся в предтексте, – это перечисление. Рассмотрим следующий пример:

Рассмотрим теперь структуры, описывающие объекты, из которых складывается наше произведение. Персонаж. Будем считать, что структура персонажа включает имя, список того, что он хочет иметь (цель). Кроме того, нам понадобится его характеристика (тип), а также указание текущего местоположения (чтобы можно было описывать пространственные перемещения) (В.Э. Карпов, Т.В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004) [НКРЯ].

В этом фрагменте текста перечислены составляющие, необходимые для компьютерного описания литературного персонажа. Говорящий даёт перечень параметров описания. В сообщении, присоединяемом с помощью *кроме того*, указан ещё один параметр. А далее с помощью *а также* присоединяется следующая составляющая. При этом все элементы этого списка одинаково значимы для говорящего.

Скрепа *кроме того* может присоединять комментарий, содержащий более важную или интересную с точки зрения говорящего информацию. Чаще всего такой комментарий присоединяется с дополнительными показателями аргументации (частицами *ведь, ещё, именно*) или же содержит указание говорящего на значимость добавочного комментария.

Рассмотрим пример:

– В штабном ехали командиры отряда кишиневских вузов, врач и медсестра – свободных полков было много. Лист ватмана с поездной оперативной информацией ежедневно появлялся оперативной информацией в окне штабного вагона, карикатуры бичевали нарушителей дисциплины. На стоянках сбегались студенты, хохоча оценивали юмор редколлегии. Но мы, кроме того ещё и успевали посылать корреспонденции в «Молодежь Молдавии», Роцину. Наконец, пункт выгрузки – Смирново Северо-Казахстанской области (Павел Сиркес. Труба исхода, 1990–1999) [НКРЯ].

Кроме того присоединяет добавочный комментарий, содержащий информацию о действиях героев повествования, которые, по субъективной оценке автора, являются не менее важными, чем те, о которых говорится в левом контексте. При этом значение добавление выражается с помощью сочетания *ещё и*. Именно частица *ещё* используется говорящим для добавления признака к ранее названному [Словарь служебных слов, 2001, с. 20]. *Кроме того* выполняет здесь не связующую (можно опустить без потери для содержания и структуры), а акцентирующую внимание функцию, и приобретает в этом случае значение 'обратите внимание'. Отметим также, что в этом примере *кроме того* смещено внутрь предложения. Это обусловлено актуальным членением и позволяет сделать акцент на субъекте действия.

Рассмотрим случай, когда говорящий дополнительно подчеркивает, что информация, содержащаяся в добавочном сообщении, присоединяемом *кроме того*, более значима, чем та, что содержится в предтексте:

*Презирала меня кастелянша, рослая, крутоплечая смуглая баба с чёрными усиками над верхней выдающейся губой. Она была неразговорчива, строга, по-своему справедлива и всем резала правду в глаза. Я же был, что называется, скелетом, - высокий, бледный, худой, – словом, в чём душа держится (меня дразнили «Ганди») с такими жёсткими и проходимо-густыми волосами, что их не брал никакой гребень. **Кроме того (и это главное!)** я был ещё не складен, неуклюж, а в разговорах с женщинами то застенчив, то высокопарен и в свободное время сидел на госпитальном подоконнике и читал стихи. Вот за всё это она меня и презирала* (Ю.О. Домбровский. Леди Макбет, 1970) [НКРЯ].

В этом примере говорящий с помощью скрепы *кроме того* присоединяет дополнительную информацию, а именно указывает ещё на одну причину презрения к нему со стороны кастелянши. При этом говорящий строит аргументацию от менее значимых причин к более значимым. Комментарий, вводимый с помощью *кроме того*, содержит авторское пояснение о важности именно этой информации. С целью акцентирования внимания на самой важной причине говорящий использует вставку: *и это главное!* Таким образом, комментарий, введенный текстовой скрепой *кроме того*, присоединяет не просто дополнительный, а более важный аргумент.

В Новом объяснительном словаре синонимов отмечается, что лексема *кроме того* может сближаться по функции с метатекстовыми словами и употребляться с ними для структурирования высказываний [Новый объяснительный словарь синонимов..., с. 498]. Н.П. Перфильева в монографии «Метатекст в аспекте текстовых категорий» также квалифицирует *кроме того* как метапоказатель очередности [Перфильева, 2006, с. 168–169] и отмечает, что с помощью метапоказателя *кроме того* вводится дополнительная, менее значимая по коммуникативной важности информация [Там же, с. 226]. М.В. Ляпон указывает, что скрепа *кроме того* может использоваться в структурах с релятивами, выполняющими функцию текстовых разделителей, такими как *во-первых, во-вторых, в-третьих* и т. д., для выражения последовательности изложения событий и аргументов. В этом случае скрепа *кроме того* может выполнять функцию показателя последовательности, связности в развитии темы, использоваться как средство обозначения пунктов в рассуждении, то есть выступать как «фактор композиционно-смысловой организации текста» [Ляпон, 1986, с. 42–43].

В следующем фрагменте текста с помощью скреп *во-первых* и *кроме того* вводятся аргументы в пользу того, почему говорящий именно в таком порядке сообщает людям о произошедшем событии.:

А пришёл он сообщить мне большую новость, и просить, чтобы я взял на себя подготовить стариков.

– Вы, из нашего круга, второй, кому я это рассказываю. Первый был Абрам Моисеевич: я, во-первых, именно пред ним считал себя нравственно обязанным – думаю, вы понимаете причины; **кроме того**, думал его просить переговорить с папой; но он это очень тяжело воспринял, так что я уж не решился (Владимир Жаботинский. Пятеро, 1936) [НКРЯ].

Во-первых и *кроме того* выступают в качестве показателей связности и логичности и оформляют отношения в рамках одной темы. В этом примере *кроме того* используется не просто для введения дополнительной информации, но и для структурирования текста и вполне могло бы быть заменено на другое слово с метатекстовой функцией (*во-вторых, наконец* и т. п.).

Собранный нами материал позволил выделить еще одну функцию скрепы *кроме того* – способность присоединять комментарий, с которого начинается новая микротема. В качестве примера рассмотрим фрагмент рассказа мастера по оконным наличникам о своей работе:

В основе моей работы – не конкретная традиция (таких фактически нигде не осталось), а комбинации материалов нескольких экспедиций. Из Нижегородской области я привез зарисовки различных вариантов глухой резьбы, из Костромской – прорезных наличников, из Ярославской – прорезных кокошников церквей, из Владимирской – каменной резьбы соборов. Сочетание различных стилей даёт большую свободу в исполнении замысла. Кроме того, могу открыть свой маленький секрет в композиции обязательно должна быть изюминка – необычная, отвлекающая (и потом привлекающая внимание) деталь; именно она сделает ваши творения уникальными и легко запоминающимися (Николай Щербатов-Коломин. Березовое чудо // «Народное творчество», 2004) [НКРЯ].

Сначала автор текста рассказывает о том, где берёт образцы для своих работ, а когда эта микротема уже исчерпана, он с помощью *кроме того* вводит новую микротему, которая находится в пределах общей основной темы (секреты мастерства изготовления резных соборов). Комментарий, присоединяемый *кроме того*, становится следующим звеном рассуждения, дающим тексту новый виток.

Таким образом, нами была предпринята попытка выявить общие закономерности функционирования скрепы *кроме того*. Наши наблюдения подтверждают, что комментарий, вводимый *кроме того*, обычно носит характер дополнения к сообщению, находящемуся в левом контексте, или усиления более значимого с точки зрения говорящего. Анализ контекстов функционирования скрепы *кроме того* показал, что комментарий, присоединяемый *кроме того*, может различаться по степени важности содержащейся в нём информации. Нами выделены три контекстные модификации по степени значимости присоединяемой информации: комментарий, содержащий дополнительную информацию, менее значимую, чем информация в предтексте; комментарий, присоединяющий дополнительную информацию, равную по значимости информации в предтексте; комментарий, присоединяющий информацию, более важную, чем в предтексте.

Проанализировав различные контексты употребления скрепы *кроме того*, мы установили, что вместе с тем *кроме того* может использоваться автором с целью организации текста. Нами были выделены ещё две контекстные модификации, где *кроме того* выполняет текстоформирующую функцию: присоединение комментария,

являющегося завершающим пунктом в рассуждении или сообщении, и присоединение комментария, служащего переходом к новой микротеме.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 199 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru/>
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. М.: Языки русской культуры, 2003. 1488 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info>
6. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель; АСТ, 2002. 432 с.
7. Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: НГПУ, 2006. 285 с.
8. Русская грамматика / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 710 с.
9. Словарь служебных слов русского языка / ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
10. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4.
11. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / отв. ред. Е.С. Шереметьева. Владивосток: ДВФУ, 2017.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: А ГЕИ, 2006. 944 с.
13. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: АСТ, 2003. 415 с.

ПРОИЗВОДНЫЙ ПРЕДЛОГ В ПРОТИВОВЕС: ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ

О.Д. Ли

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию сочетаемости производного предлога «в противовес». В работе описаны типы конструкций, оформляемых служебной единицей. Особое внимание уделяется трехчленной конструкции, её структуре и специфике семантики компонентного состава.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the derivative preposition "v protivoves" compatibility. The article describes the types of structures, formalized by a form word. Particular attention is paid to the three-components construction, its structure and semantic specifics of the components.*

***Ключевые слова:** конструкция, структура, служебное слово, производный предлог.*

***Key words:** construction, structure, form word, derivative preposition.*

Объектом исследования является лексикализованная предложно-падежная словоформа «в противовес». Словари русского языка квалифицируют «в противовес» как производный предлог [Большой толковый словарь, 1998, с. 1031; Ожегов, Шведова, 1994,

с. 613; Рогожникова, 2003, с. 102]. Этот предлог обладает противительной семантикой наряду со словами «вопреки», «в противоположность», «наперекор» и другими [Леоненко, 1971, с. 5]. В основе противительных отношений лежит идея противопоставления. Исследователи указывают, что противительность представляет собой противоречие и противодействие [Милованова, 2015, с. 230].

Анализ семантико-синтаксических свойств служебных единиц со связующей функцией предполагает определение типов конструкций, изучение лексико-семантических и морфологических особенностей их компонентов. Понятие синтаксической конструкции является центральным при описании свойств производных предлогов и отыменных релятивов. Это понятие основывается на теории союзных синтаксических конструкций А.Ф. Прияткиной.

Для настоящего исследования методом случайной выборки с помощью Национального корпуса русского языка нами было собрано 475 фактов употребления предлога «в противовес».

В ходе работы было установлено, что предлог оформляет два типа конструкций – двучленные и трехчленные.

Двучленные конструкции представляют собой два компонента, отношения между которыми оформляет предлог. Данные конструкции могут быть именными и глагольными. В именных конструкциях предлог связывает два существительных, в глагольных конструкциях синтаксически главным является глагол. Например: именная конструкция: (1) *Тарту – эстонская Москва в противовес Таллину, эстонскому Петербургу; но одновременно европейский университетский город* [Ирина Прусс. Размышления у книжной полки: Ландшафт в пространстве и пространство без ландшафта // «Знание – сила»]; глагольная конструкция: (2) *Я подумал, как хорошо, что мы в противовес времени сохранили библиотеку и не выбросили толстые журналы, которые собирали всю жизнь* [Сергей Есин. Марбург].

Исследование материала показало, что 63 % конструкций, оформляемых предлогом, относятся к трехчленным. Поэтому целью настоящей статьи является анализ компонентного состава трехчленной конструкции, оформляемой предлогом, а также описание лексико-семантических классов слов, занимающих позицию общего компонента конструкции.

Трехчленные конструкции, организуемые предлогом, представляют собой такую структуру, в которой общий компонент связан с двумя компонентами, функционирующими параллельно, при этом с одним из компонентов он связан с помощью предлога. Кроме того, тот же самый предлог оформляет связь между параллельными компонентами конструкции. Параллельные компоненты трехчленной конструкции обозначаются терминами «левый» и «правый» (учитывается их позиция по отношению к предлогу при прямом порядке слов).

Например: (3) *В противовес существующим во многих странах Дарвиновским музеям американские сторонники библейской версии происхождения всего живого намерены в 2007 году открыть в штате Огайо Музей Творения* [обобщенный. Кунсткамера // Наука и жизнь, 2007], предлог оформляет связь между следующими компонентами конструкции: *открыть в противовес Дарвиновским музеям; Музей Творения в противовес Дарвиновским музеям.*

Е.С. Шереметьева отмечает, что конструкции, оформляемые производными предлогами, не идентичны союзным, «поскольку на синтаксическом уровне между правым и левым компонентами нет параллельной связи – в силу принципиально иного оформления правого компонента...», однако «семантический параллелизм сохраняется» [Шереметьева, 2011, с. 287].

Общий компонент конструкции в предложении может вступать в различные типы отношений с левым компонентом: в примере (3) объектные отношения (*открыть музей*), в следующем примере (4) – предикативные отношения: *Несколько позже в противовес «Демократической платформе» возникла «Марксистская платформа»* [А. Яковлев. Омут памяти. Т.1], в примере (5) – полупредикативные: (5) *Уже давно будоражила умы идея осмыслить Петербург как город «графический», да что там город, как некую «графическую» мекку, разумеется, позиционируемую в противовес пастозно живописной Москве»* [Дама пик в пику Москве // «Культура», 2002.04.01].

Общий компонент трехчленной конструкции в преобладающем большинстве случаев – глагол и отглагольные существительные. В ходе исследования были установлены их наиболее частотные лексико-семантические классы. Классификация глаголов была сделана с учетом данных «Толкового словаря русских глаголов» Л.Г. Бабенко.

Представим основные лексико-семантические классы глаголов, функционирующих в конструкции с предлогом «в противовес».

1. **Глаголы созидательной деятельности: «глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда»** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 280]: *создать, создавать, сформировать, открыть, образовать, воздвигать, возводить, ввести, возрождаться, строить, выстроить, построить, организовать, организовать, устроить, разработать, выработать, творить, придумать, изобрести, писать, написать*

Примеры: (6) *Напротив, он, как бы в противовес собственным художественным опусам, пытается создать абсолютно достоверный диалог с самим собой!* [Олег Павлов и др. [Рецензии] (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15.]; (7) <...> выстроить систему финансовых ограничений банковской деятельности в противовес административным ограничениям [Реформа на четверку (2004) // Эксперт, 2004.12.06].

2. **Глаголы бытия** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 464]: *возникнуть, возникать, создаваться, появиться, быть, завестись, происходить, всплыть, действовать, вырасти, являться, представлять, представляться, образовываться.*

Примеры: (8) *В противовес этой внутренней неустойчивости их отношений <...> у них завелись обязательные правила* [Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки]; (9) <...> *в противовес распаду происходит гиперинтеграция, образуются группы с четко обозначенной целью* [Н. Познанская. Параноик: величие и преследование // Знание – сила, 1997]; (10) *Так, в противовес «новому старому» возникает «старое новое»* [Е. Ларичев. Архитектура умолчания // «Неприкосновенный запас», 2002.09.12].

3. **Глаголы интеллектуальной деятельности** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 303].

а) Глаголы, указывающие на определение кого-либо, чего-либо каким-либо образом [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 336]: *перечислять, прочить (в музы), характеризовать, акцентировать, утверждать, утверждаться, называть, ограничиваться, отметить, отмечать, подчеркивать, подчеркнуть, подчеркиваться, позиционировать, ставиться, (не) отрицать, приниматься.*

Примеры: (11) *В противовес объективированной «внешней форме» языка Гумбольдт подчеркивал субъективную, обусловленную культурой, творческую «внутреннюю форму»* [Леонид Перловский. Сознание, язык и математика // Звезда, 2003]; (12) <...> *которые характеризуют Высокую Готику, опять-таки в противовес Ранней Готике* [Владимир Мартынов. Конец времени композиторов (2002)].

б) Глаголы, обладающие семантикой решения: после размышления, обдумывания приходит к какому-л. выводу, заключению [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 328]: *решать, задумать*.

Примеры: (13) *«Цех поэтов» был задуман осенью 1911 года в противовес «Академии Стиха» <...>* [А. А. Ахматова. Автобиографическая проза (1957–1965)]; (14) *В противовес Фребелю Кергомар многие важные вопросы воспитания и педагогики решала с материалистических позиций* [М. Шабаева (ред.). История педагогики].

в) Глаголы, означающие восприятие кого-либо, чего-либо определенным образом [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 303]: *смотреть, увидеться*.

Примеры: (15) *<...> простая, сердечная женщина эта увиделась нам символистской в противовес своей толстой сестрице Авдотье Степановне* [Андрей Белый. Между двух революций].

г) Глаголы, означающие осуществление отбора из общего числа того, что требуется, ориентируясь на какой-либо существенный признак [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 326]: *предпочесть, выбирать, вычленять, избрать, выключать, взять, найти*.

Примеры: (16) *Верно ли он поступил, избрав профессию горного инженера в противовес более романтическим порывам* [Экология души // «Профессионал», 1998.07.01]; (17) *<...> смысла человека, которого Кант, в противовес Декарту, выключает из «вещного», природного ряда* [А.А. Девяткин. Явление социальной установки в психологии XX века]; (18) *Собрание было кем-то созвано для того, чтобы найти кандидата в председатели в противовес Головину <...>* [В.В. Шульгин. Последний очевидец].

е) Глаголы, указывающие на рассуждение, построение умозаключений [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 322]: *подразумеваться, считать, считаться, полагать, припоминать, напоминать*.

Примеры: (19) *Даже сейчас, когда в противовес ему я могу припомнить уйму плохого, белый кораблик остается вне конкуренции* [Мариам Петросян. Дом, в котором...]; (20) *<...> фильм в жанре мелодрамы, как бы напоминающий о человеческом <...> в противовес животному* [Что манифестирует Манифеста-1? // Итоги, 1996.09.03].

ж) Глаголы, означающие сравнение, сопоставление чего-либо с чем-либо [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 324]: *противопоставить*.

Пример: (21) *И в противовес этим ценностям мы можем только противопоставить наши общероссийские ценности* [Ценности общечеловеческие и национальные // «Жизнь национальностей», 2000.03.24].

4. Глаголы речевой деятельности [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 349]: *описать, произносить, предлагать, предложить, объявить, высказать, преподноситься, гласить, огласить, припомнить, произнести, объявляться, называть, называться, величать, утверждать, заявить, говорить, сказать, спорить, указывать, выговаривать, провозглашаться*.

Примеры: (22) *Пока Нарышкин в противовес своему предшественнику высказал мнение, что «парламент – это место для самых серьезных и конкретных дискуссий* [А.Веселов. Карьерные горки // Русский репортер, 2012].

5. Глаголы эмоционально-оценочного отношения [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 593]: *возвеличивать, почитать, пользоваться уважением, возводить (на пьедестал)*:

Примеры: (23) *Эта категория студентов пользовалась большим уважением в консерватории, в противовес другой группе — талантливых лентяев, которых не любили и*

охотно исключали [Юрий Елагин. Укрощение искусств]; (24) *Хашем ненавидел нефть, проповедуя принципы Зардешта, возвеличивавшего чистый дровяной огонь жизни — в противовес огню нефти* [Александр Иличевский. Перс].

6. **Глаголы распространения информации, глаголы убеждения** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 392]: *демонстрировать, издавать, показать, выказывать, публиковать, представить, проводить (мысль), отражать, выставить, осветить, преследовать, выдвигать*.

(25) *В противовес трагическим историям Хрусталева собиралась публиковать и другие материалы* [Татьяна Моспан. Подиум]; (26) *В противовес этой линии в системах буддийской философии отчетливо представлена номиналистическая интерпретация <...>* [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел I. Истоки]; (27) *В противовес общемировым тенденциям Россия на протяжении 1990-х годов демонстрировала отход от страховых принципов материальной поддержки безработных* [Татьяна Четвернина. Страхование от безработицы // «Отечественные записки», 2003]; (28) *В противовес идее перемещения центра цивилизации с Востока на Запад японцы выдвигали концепцию продвижения центра цивилизации с Запада на Восток* [Общественные науки и современность, 2003.04.30].

8. **Глаголы качественного состояния** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 495]: *указывающие на изменение качества или количества признака, на проявление качества, на приведение в эмоциональное состояние: усиливать, испытывать (страсть), усилить, усиливаться, развить, развиваться, развиться, расти, снизить, укрепляться, лучиться, поднять, переходить, вызывать, привлекать, производить (впечатление)*.

Примеры: (29) *Именно поэт, в противовес находящемуся внутри него критику, испытывал страсть к сочным, размашистым стихам и жизненному жесту Поплавского* [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру]; (30) *Вся статья Киреевского <...> имеет в виду развить православное учение в противовес западному христианству* [В.В. Зеньковский. История русской философии].

9. **Глаголы социальных отношений: глаголы защиты, глаголы помощи** [Толковый словарь русских глаголов, с. 607]: *отстаивать, подтвердить, защищать, поддерживать, убеждать*.

Примеры: (31) *Достоевский защищает «западников» в противовес славянофилам* [Н. А. Бердяев. Миросозерцание Достоевского]; (32) *<...> Халиков активно поддерживал и выдвигал на должность нового начальника ГУВД кандидатуру Галанова. В противовес прокурору Бондару, который «двигал» кандидатуру Шинкарева* [Богатей (Саратов), 2003.07.31].

10. **Глаголы владения: глаголы приобретения** [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 564]: *получить, держать, обрести, обладать, завести, сохраняться*.

(33) *Задорный весельчак, он получил свое прозвище в противовес старшему брату* [Захар Прилепин. Санька]; (34) *Свойственное мировой культуре второй половины XX века психическое отклонение — шизофрения (в противовес бытовавшей до того параноией) обрела первые свои симптомы в России 20-30-х годов — в творчестве Хармса* [Попытки «посмотреть в небо» // Театральная жизнь, 2003.08.25].

Что касается существительных в позиции общего компонента, то, как уже было сказано, это в основном отглагольные существительные, поэтому их классификация должна строиться с учетом их деривационной семантики.

Приведем ряд примеров с отглагольными существительными в позиции общего компонента.

(35) Так, отмечаются тенденции в использовании **каучуковых и сатиновых ремешков в противовес ремешкам из крокодильей кожи** [Из жизни замечательных часов // «Мир & Дом. City», 2004.05.15]; (36) наращивание **общественного и разумного по характеру и масштабам государственного регулирования в противовес действию «слепых» рыночных сил** [Наш современник, 2003.06.15]; (37) <...> духовное строительство Нового Иерусалима на берегах Рейна – в противовес Новому Вавилону на берегах Сены [Александр Архангельский. Александр П]; (38) *Одной из стратегий, реализуемых d.i.u. в собственно артистической сфере, является культивирование некачественного звука (lo-fi) и эстетики домашней записи <...> в противовес вкусу «обывателей»* [Неприкосновенный запас, 2004.01.15].

Итак, проведенный анализ показал, что позицию общего компонента трехчленной конструкции могут занимать глаголы и отглагольные существительные, представляющие сознание человека, течение и порядок его жизни и деятельности. Наиболее часто встречаются глаголы со значением созидания (53 факта употребления), глаголы интеллектуальной деятельности (53 факта употребления), глаголы бытийной семантики (24 факта употребления).

Лексика, занимающая позицию общего члена конструкции, демонстрирует активное действие или активную позицию человека, противопоставленные действиям / мнениям других субъектов, что соотносится с противительной семантикой изучаемого предлога.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Леоненко М.А. Конструкции с вторичными предлогами сопоставительно-выделительного значения в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 25 с.
3. Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 346 с.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.
5. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.
6. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 1977. 402 с.
7. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель: АСТ, 2003. 414 с.
8. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
9. Шереметьева Е.С. Понятие «конструкция» как языковое явление и как инструмент описания служебных слов предложного типа // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 11(53). В 3-х ч. Ч. III. С. 218–220.
10. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2011. 407 с.

ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ДИКТУМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

К.А. Перцевая

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье представлено функционирование частиц «даже», «еще» и «уже» в осложненном предложении в семантическом аспекте. При одиночных обособленных прилагательных, субстантивном обороте и приложении частицы участвуют в формировании семантической структуры предложения, выступая средством выражения диктумного значения высказывания.

Abstract. The article presents the functioning of particles «даже», «еще» and «уже» in complicated sentences in the semantic aspect. The particles are involved in the formation of semantic structure of the sentence in cases of single detached adjectives, substantive phrase and application. The particles become means of expressing the dictum meaning of an utterance.

Ключевые слова: частица, диктум, модус, семантическая структура предложения, пропозиция.
Key words: particle, dictum, modus, semantic structure of the sentence, proposition.

Наша статья посвящена функционированию частиц в семантической структуре предложения. В лингвистических работах частицы представлены с точки зрения прагматики, грамматики, логики, коммуникации и др. Семантический аспект роли частиц чаще всего описан с точки зрения модуса высказывания. Обычно говорят о частицах как средствах выражения модусного значения, создателях субъективной модальности предложения. Так, Н.Ю. Шведова, отрицая наличие лексического значения у частицы, присваивает ей «модально-экспрессивное значение» [Шведова, 1960]. Среди конструкций, которые выражают субъективную модальность, выделяются «построения с частицами и с такими модальными словами, которые по характеру своего функционирования в составе конструкций сближаются с частицами» [Там же, с. 17]. Н.Ю. Шведова для сравнения приводит примеры: *И нахал же!* (которое имеет модально-экспрессивное значение акцентированного усиления) – *Нахал!* (не имеющее подобного значения, если не выразить его интонационно). Значимость конкретных частиц в выражении субъективной модальности устанавливает М.Г. Щур [Щур, 1997; Щур, 1999]. Например, «частица *впрямь* выражает признание очевидности того, что до момента речи было неизвестно говорящему или казалось ему невозможным» [Щур, 1999, с. 11], то есть «реплики с лексемой *впрямь* сообщают о движении мысли от одной модальной интерпретации пропозитивного содержания к другой, о переходе от некоторой исходной к новой эпистемической оценке» [Щур, 1997, с. 173]. Вопрос об участии частиц в формировании субъективно-модального значения предложения ставится во многих современных лингвистических работах (например: [Топтыгина, 2003; Григоренко, 2009; Шестухина, 2009; Церцвадзе, 2009; Офицерова, 2005]).

Частицы способны выразить и диктумное значение высказывания. При изучении роли частиц *чуть ли не*, *едва ли не* Е.С. Юшкова приходит к выводу, что эти слова являются «обязательными» компонентами семантической структуры предложения, так как они «эксплицируют модус, выражая субъективные смыслы предложения» [Юшкова, 2005, с. 3]. В то же время автор отмечает, что «в предложениях с данными частицами претерпевают изменение некоторые диктумные характеристики, диктум и модус получают дополнительную взаимосвязь» [Там же]; «суть данного взаимодействия в том, что частица

оказывает влияние на качественную пропозициональную характеристику предложения, придавая событийной пропозиции существования признаки логической пропозиции характеристики» [Там же, с. 9–10]. В качестве примера Е.С. Юшкова приводит следующие факты: «*На улице весна* (я вижу, что на улице весна) и *На улице чуть ли не весна* (я знаю, что весна близко; тепло как весной и т.д.)» [Там же].

Таким образом, мы можем говорить о том, что частица способствует выражению не только модусного, но и диктумного значения высказывания, его пропозитивного содержания. Такая функция частиц в семантической структуре предложения имеет три различных проявления: 1) частица в роли суперпредиката или коннотативного предиката; 2) сочетаемость частицы с компонентами семантической структуры предложения; 3) модусное значение частицы видоизменяет тип пропозиции высказывания. В нашей работе мы остановимся на последнем случае функционирования частицы в высказывании.

Частица способна влиять на диктум, тем самым видоизменяя пропозитивное значение высказывания. Процесс так называемого «снятия четкой противопоставленности модуса и диктума» [Нагорный, 2007, с. 107] благодаря участию частиц в предложении-высказывании рассматривает И.А. Нагорный в ряде своих работ [Нагорный, 1998; 1998а; 1999; 2002; 2004; 2007]. Так, исследователь считает, что «смыслы, вводимые при помощи предположительных частиц в предложение, существенно конкретизируют пропозитивные, собственно предложенческие смыслы, соотносят их с говорящим, “проявляют” его позицию» [Нагорный, 2007, с. 106]. И.А. Нагорный утверждает, что субъективная и объективная части смысла приближены друг к другу: «диктум при помощи частицы как бы “притягивается” к модусу <...>. Элементы модуса трансформируют семантические поля пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов. Модусные смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая ориентация события». Например: – *Трава жива?* – *Едва ли* (В. Бережков)» [Там же, с. 107]. Таким образом, И.А. Нагорный доказывает, что частицы («субъективно-модальные квалификаторы») могут активно участвовать в уточнении и даже иногда в формировании семантической структуры предложения, «выступая в роли семантически обязательных элементов» (– *Ты уверена?* – *Как будто...* (В. Шукшин). Здесь частица – показатель логического предиката, логически определяющего)» [Там же, с. 106]. Е.С. Юшкова подтверждает тезис о взаимодействии диктума и модуса в предложениях с частицами *чуть ли не*, *едва ли не*, что проявляется в выполнении этими единицами семантической функции – «функции переключения типа пропозиции» [Юшкова, 2005, с. 13], то есть «семантика данных частиц не сочетается с семантикой предиката существования, так как они неминуемо “переключают” тип пропозиции предложения с пропозиции существования на пропозицию логической характеристики» [Там же, с. 12]. Например, *Николай умер* – *Николай чуть ли не умер* (я предполагаю, что он умер) – «Между первым и вторым предложениями имеется различие в классификационной принадлежности предиката (в предложении, построенном по базовой модели, – предикат существования, в предложении, построенном по модифицированной модели, – предикат характеристики). Причина неадекватности моделей и предложений, по ним построенных, – в использовании исследуемых нами частиц» [Там же].

Семантика частиц *даже*, *еще* и *уже* также может изменять тип пропозиции. Рассмотрим это на примерах.

1. *Казалось бы, пустяк, но пограничный вопрос – деликатнейший, никто не хочет ущемления, даже малого, своих прав* (В. Щербак. Малая война).

2. *Читатель, даже непредубежденный, волен из всего сказанного сделать вывод о том, что Наташа во всем сама виновата* (Юность. 1970. № 10).

3. – *Курица, курица!* – вдруг завопил Саша. – *Улетит!* _ / *Все обернулись. Курочка сидела у борта лодки и недоуменно осматривалась. Кокошник и борода ее были белы от муки. Она никуда не хотела лететь: кругом вода, ни земли, ни крыши. Она казалась совершенно спокойной, но когда ее стали брать в руки, она всполошилась, закудаhtала: «Куда, куда, опять в мешок?!» – и попыталась ринуться в озеро. Все-таки свобода, даже куриная, была ей дорога* (А. Яшин. Сладкий остров).

Семантика частицы *даже* способствует сосредоточению внимания адресата на признаке какого-то предмета, исключительность, необычность которого отмечена частицей. Благодаря частице *даже* семантическое осложнение предложения, выраженное предикатной лексикой (*даже малый, даже непредубежденный*), приобретает синтаксическое значение полупредикативности. В третьем примере одиночное прилагательное выражено словом с предметной семантикой (*куриный*). В этом случае семантического осложнения в предложении нет, но благодаря частице *даже* предметное слово приобретает синтаксическую самостоятельность, превращаясь в полупредикативный член.

4. *Потом мне стало представляться, что я одна во всей усадьбе, уже замужняя, и что вот в такую же ночь муж вернется когда-нибудь из города, войдет в дом и неслышно снимет в прихожей пальто, а я предупрежу его – и тоже неслышно появлюсь на пороге спальни...* (И. Бунин. Заря всю ночь).

5. *На вопросы следователя, уже другого, русского по национальности, Бенедикт Осипович отвечал торопливо, со всем соглашался <...>* (В. Щербак. Малая война).

6. *Но приехал он в Лопасню с последней электричкой, проведя весь день и вечер со своей, уже бывшей, женой* (Ю. Нагибин. Где-то возле консерватории).

При одиночных прилагательных особенно очевидна роль частицы: она формирует отношения между признаками, состояниями. Новый признак субъекта ситуации (*замужняя, другой, бывшая*) важен для начала действия другой ситуации (*муж вернется, Бенедикт Осипович отвечал торопливо, со всем соглашался, он провел день со своей женой*). Частица создает ситуативное значение, оформляет самостоятельную пропозицию (*уже замужняя* = ‘я была уже замужем’; *уже другой* = ‘пришел новый следователь’; *уже бывшей* = ‘он развелся с женой / разведены’). Временная семантика *уже* тесно связана с формированием полупредикативных отношений. При изъятии частицы обособление неоправданно, невозможно.

7. *Мать, еще молодая, в платье с высоким белым кружевным воротничком, глядела с лиловатой фотографии, прижавшись к плечу чубатого бравоусого солдата с георгиевским крестом* (Е. Евтушенко. Ягодные места).

Частица *еще* также формирует отношения осложнения в предложении. Она создает ситуативное значение, оформляет самостоятельную пропозицию: *еще молодая* = ‘теперь мать постарела (в тексте – умерла)’. В этом примере ярко выражена роль частицы, при изъятии которой обособление прилагательного было бы неоправданным. В данном случае можно определить значение частицы как: «говорящий сообщает о том, что данная ситуация состоялась в отдаленное от настоящего момента времени. С помощью частицы говорящий оценивает время как давнее» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 25]. Или ср.:

«Указывает на событие, которое осуществилось или осуществится ранее, чем предполагалось или могло бы предполагаться/ожидаться» [Шимчук, Щур, 1999, с. 62].

Частицы способны влиять на пропозитивное значение и в случаях с субстантивным оборотом.

1. *Добравшись до столбов, уже по щиколотку в воде, он содрал с себя отяжелевший, пропитанный водою таллиф, остался в одной рубашке и припал к ногам Иешуа* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. *Военные, уже без оружия, выходили из толпы группами или в одиночку* (А. Фадеев).

Частица *уже* создает полупредикативные отношения, формируя ситуативное значение – ‘он стоял по щиколотку в воде’, ‘военные были без оружия’.

3. *Молодой человек лет шестнадцати, еще без бакенбард, но с тем же надменным носом, словом, несомненный Аристарх Платонович, в курточке, стоял, опираясь руками на стол* (М. Булгаков. Театральный роман).

4. *Таня – моя подруга, еще с института* (Ю. Бондарев. Тишина).

Частица *еще* создает полупредикативные отношения, формируя ситуативное значение: ‘молодой человек стоял без бакенбард’; ‘Таня – подруга с института’. Помимо пропозитивности, самостоятельности ситуации, частица проявляет себя семантически по-разному, то есть имеет значения: «Говорящий сообщает о том, что данная ситуация состоялась в отдаленное от настоящего момента времени» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 25] в 4-ом примере; «Говорящий сообщает, что ситуация существовала до описываемого времени и продолжает существовать, хотя ожидается ее изменение (прекращение)» [Там же, с. 23] в 3-ем примере.

В случаях с приложением частицы также изменяют тип пропозиции предложения, например:

1. *В тридцатом его, уже комкора, прислали сюда служить под началом Блюхера* (В. Щербак. Малая война).

2. *Какое-то время реки-сестры, еще пока сестренки, семейно, дружно, игриво катились с хребта вниз <...>, но, взрослея, входя в невестин возраст, они и норовом, и характером становились строптивей <...>* (В. Астафьев. Веселый солдат).

Частицы *уже* и *еще* оформляют отдельную пропозицию как синтаксически самостоятельную благодаря своим значениям: движение во времени, изменение признака ситуации. Частица *уже* подчеркивает важность совершившегося события (назначение комкора). *Комкор* – непредикатное слово, а частица *уже* создает пропозитивность, которая становится условием полупредикативности, то есть формирует отношения, создает осложненное предложение. Аналогичная ситуация прослеживается и частицей *еще*.

Таким образом, мы представили самые яркие случаи функционирования частиц *даже*, *еще* и *уже* в осложненном предложении в семантическом аспекте (при одиночных прилагательных, субстантивном обороте и приложении). Как было отмечено, частицы способны влиять не только на модусное значение высказывания, но и на диктумное. Обнаружение дополнительных пропозиций в случаях с предметной лексикой свидетельствуют о том, что частицы могут создавать условия для формирования особых отношений, формируя ситуативные значения. Это доказывает, что частицы участвуют в формировании семантической структуры предложения, выступая не только средством выражения модусного значения, создателями субъективной модальности предложения, но могут оформлять и пропозицию, то есть формировать диктум высказывания, становясь пропозитивно значимыми элементами предложения.

Литература

1. Григоренко М.Ю. Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-положительных частиц МОЛ, ДЕКСКАТЬ, ЯКОБЫ, ДЕ. Мова., 2009. № 14. С. 52–56.
2. Нагорный И.А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами. Барнаул, 1998. 131 с.
3. Нагорный И.А. К вопросу об актуализационной функции модально-персуазивных частиц // Вопросы русского языкознания. Орехово-Зуево, 1998. С. 47–52. (в тексте [Нагорный, 1998а])
4. Нагорный И.А. К вопросу о диктумной функции модально-персуазивных частиц в высказывании // Семантика словоформы в высказывании: Межвуз. сб. научн. тр. М., 1999. С. 78–80.
5. Нагорный И.А. К вопросу о статусе модально-персуазивной квалификации // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвуз. сб. научн. тр., посвященный 70-летию проф. П.А. Леканта. М., 2002. С. 194–197.
6. Нагорный И.А. Смысловая перспектива высказываний с модально-персуазивными частицами // Педагогическое образование и наука. М., 2004. № 6. С. 17–20.
7. Нагорный И.А. Функциональная семантика русских предположительных частиц // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 1. 2007. С. 105–108.
8. Офицерова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи: автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
9. Словарь служебных слов русского языка / под ред. Е.А. Стародумовой. Владивосток, 2001. 363 с.
10. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.
11. Топтыгина Е.Н. Средство выражения субъективно-модальных значений предложения и допущения в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 183 с.
12. Церцвадзе М.Г. Виды модальных значений и средства их выражения в современном русском языке. Кутаиси, 2009.
13. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.
14. Шестухина И.Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
15. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин, 1999. 147 с.
16. Щур М.Г. Частицы-коннекторы *впрямь* и *ведь* как показатели эпистемической модальности // Синтаксис: изучение и преподавание. Сб. работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997. С. 173–178.
17. Щур М.Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 18 с.
18. Юшкова Е.С. Частицы *чуть ли не*, *едва ли не*, *вряд ли не* в семантической структуре предложения: автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 16 с.

УЧАСТИЕ ЧАСТИЦЫ *ЖЕ* В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ «СКАЗАНИЯ О ДРАКУЛЕ»)

А.О. Васильева, Е.А. Петренко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования частицы «же» в синтаксической организации текста древнерусского оригинального произведения «Сказание о Дракуле».

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of the particle «же» in the syntactic organization of the text of the Old Russian original work «The legend of Dracula».

Ключевые слова: частица, книжно-письменная традиция, средневековый русский текст, нарративная функция.

Key words: particle, book-writing tradition, medieval Russian text, narrative function.

Одной из малоизученных проблем современной лингвистики является проблема диахронического описания частиц. Одним из слов, привлекающих особое внимание исследователей [Валова, 2014, 2016; Татарина, 2018; Пекелис, 2020 и др.] как в синхронии, так и на диахроническом уровне, может считаться частица *же*. Интерес обусловлен тем, что, имея исконное, общеславянское происхождение, она активно функционировала в памятниках письменности, причем принадлежащих разным письменным традициям (церковнославянской и древнерусской), предположительно, характеризовала устную речь восточных славян.

А.Н. Стеценко в «Историческом синтаксисе русского языка» рассматривает *же* не только как частицу, но и как союз в сложносочинённом предложении: «Синтаксическая функция союза *же* очень близка к функции союза *а*. Он также объединяет два предложения, находящиеся между собою в сопоставительно-противительных отношениях. Поэтому сложносочиненные предложения с союзом *же* состоят из двух частей, так как всякое сопоставление или противопоставление предполагает только два сравниваемых или противопоставляемых объекта, явления, события и т. п. <...>» [Стеценко, 1972, с. 188].

По словам А.Н. Стеценко, отличие союза *же* от сочинительных союзов заключается в том, что *же* помещается не между соединяемыми предложениями, а после первого знаменательного слова второго предложения: «Это связано с тем, что союз *же*, выполняя функцию противительного союза, в то же время имеет еще и добавочное значение усилительной частицы, которая, как известно, не может находиться в абсолютном начале предложения» [Там же, с. 188].

Предметом нашего исследования стало участие частицы *же* в синтаксической организации текста памятника древнерусской литературы XV века «Сказания о Дракуле». Произведение успешно подвергалось исследованию в науке о древнерусской литературе. Исследованием текста как литературного памятника (наряду с исследованием «Повести о Басарге») занимался ещё Н.М. Карамзин. Наиболее полное описание памятника сделал Я.С. Лурье. В его оценке исследуемое произведение предстаёт древнейшим известным нам памятником оригинальной беллетристики, созданным в конце XV века (предположительно в 1480-е). Это повествование о господре Валахии (ныне часть Румынии) Владе III, который после смерти получил прозвище «Цепеш» (т.е. «Сажатель на кол», «Прокальватель») и Дракула [Лурье, 1964, с. 3].

В истории изучения «Сказания о Дракуле» существуют две противоположных трактовки повести: «повесть эта рассматривается либо как безусловная апология «зломудрого» князя, исходящая из официальных кругов, либо как памфлет против этого князя, вышедший из рядов феодальной оппозиции [Там же, с. 13].

Характеризуя положение исследуемого произведения с точки зрения принадлежности письменной традиции русского Средневековья, скажем, что оно, безусловно, принадлежит книжной, церковно-славянской традиции, которая развивается в рамках институционального церковно-религиозного дискурса и отражает основные христианские идеи и мировоззренческие представления участников данного дискурса. Учитывая, что объект повествования, главный герой и его история, не являются традиционными и, скажем так, стандартными для данного дискурса, произведение может быть отнесено к группе тех древнерусских памятников, которые реализуются на периферии восточнославянского средневекового церковно-религиозного дискурса, что сказывается на повествовательной манере и способах его воплощения, в том числе синтаксической организации.

В языковом отношении текст произведения можно описать как отражающий норму церковнославянского языка, сниженного типа, которая, согласно определению М.Л. Ремнёвой, характеризуется наличием языковых явлений, выходящих за пределы системно-языковых потенций церковнославянского языка [Ремнёва, 2003, с. 27–42]. Автор свободно владеет маркированными ресурсами системы церковнославянского языка, однако в силу своеобразия коммуникативных установок и прагматических задач способен реализовывать их вариативно, наряду с ресурсами древнерусского языка.

Так, при первом же прочтении «Сказания о Дракуле» и сравнении произведения с другими памятниками письменности той же эпохи, жанровой принадлежности, сопоставимых по объёму с изучаемым текстом («Повесть о посаднике Добрыне», «Повесть о Басарге и о сыне Борзосмысле» и др.), обращает на себя внимание обилие использования слова *же* и вариантов его контекстного употребления. Всего в тексте мы насчитали **90** словоупотреблений *же*.

Типичное употребление *же* в исследуемом тексте – использование его в качестве энклитика, а именно в постпозиции к знаменательным словам разной частеречной принадлежности, стоящим в начале синтагмы. Частица *же*, выполняя в предложении связующую функцию, сохраняет также функцию усилительно-выделительной частицы. В большинстве случаев *же* помещается после первого знаменательного слова в простом предложении или части сложного предложения:

- Царь же поклицаря посла к нему, да ему дасть дань. Дракула же велми почести поклицаря оного, и показа ему все свое имѣние, и рече ему <...>.
- Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвѣща: «Государю, не могу смрада сего терпѣти».

Наиболее частотно частица *же* в «Сказании о Дракуле» функционирует в сложносочинённом предложении, части которого выражают противопоставление. Частица в таких случаях употребляется при грамматическом субъекте – подлежащем, такое употребление способствует усилению семантики субъектности. Стоит заметить, что частица *же* равномерно употребляется автором как при указании на Дракулу, так и при указании на других субъектов (краль, биревь, царь, купец и др.). *Же* в таком употреблении по значению приближается к противительному союзу *а*:

- Бирев же съ всѣми посадники иде ко кралю, жалуюся на Дракулу. Король же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?».
- Он же видѣвъ, яко от своих убиваемь, и ту уби своих убийць мечем своимь 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиень бысть.

Ещё одной особенностью функционирования частицы *же* в синтаксической структуре текста является её усилительно-выделительная функция при детерминанте, что служит также выделителем темы предложения:

- Тогда же приведоша и татя оного и съ златом.

В целом отмеченные способы употребления частицы *же* в тексте «Сказания о Дракуле» не выходят за рамки описанных для других памятников данного периода, жанровой принадлежности и дискурсивной природы. Однако частота использования частицы *же*, насыщенность текста этим словом, намного превосходящая стандартное употребление, обуславливает его специфическое функционирование, которое, в свою очередь, позволяет говорить о своеобразии реализации коммуникативно-прагматических интенций автора.

Анализ всех употреблений слова *же* в целом тексте «Сказания о Дракуле», выделенных методикой сплошной выборки, в комплексе с представлением повествовательной структуры текста позволил сделать следующие наблюдения.

1. Введение новых сюжетных линий (крупных повествовательных фрагментов, связанных с описанием новых событий) происходит с помощью регулярного включения в текст сочетаний с обстоятельственным значением, таких как: единою ж, некогда ж, иногда же, конец же. Нами отмечено 8 таких употреблений, 7 из которых маркируют переключение автора на новую историю и 1 (конец же) – финал всей истории Дракулы:

- **Единою ж пусти** по всей земли свое веление, да кто старъ, иль немощень, иль чимь вредень, или нищъ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. <...>

- **Некогда ж прииде** купецъ гость некий от Угорския земли въ его град. И по его заповеди остави возъ свой на улице града пред полатою и товаръ свой на возе, а самъ спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукать злата. <...>

- **Иногда же прииде** от угорскаго короля Маттеаша апоклисарь до него, человекъ не малъ, боляринъ, в лясех родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред нимъ лежаше единъ коль велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учинихъ сей коль тако? Повеж ми». <...>

Как видно из примеров, частица в составе такого комплекса, и только в таком употреблении, может быть представлена вариативно, как *же* и *ж*. Сам комплекс, на наш взгляд, можно рассматривать как древнерусский аналог такого явления в современных русских текстах, как текстовая скрепа [Прияткина, 2007, с. 93].

2. Внутри каждого законченного повествовательного фрагмента *же*, находясь в постпозиции к первому знаменательному слову предложения, вводит обозначение первого события / действия — повествовательного предиката, оформленного формой аориста или причастия прошедшего времени. Последующие однородные предикаты при этом присоединяются союзом *и*:

- **Царь же велми разсердити** себе о том, **и поиде** воинством на него, **и прииде** на него со многими силами.

- **Он же, собравъ** елико имеша у себе войска, **и ударя** на турковъ ношью, **и множество изби** их. **И не возможе** противу великаго войска малыми людьми и възратися <...>.

- **Царь же, услышав** то от посла своего, что Дракула хочет приити к нему на службу, **и посла** его почести **и одари** много. **И** велми рад **бысть**, бе бо тогда ратуяся со восточными. **И посла** скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоегож зла никто дабы Дракуле не учиниль, но еще и честь ему воздавали.

В тексте образуется регулярно встречающаяся структура: первое знаменательное слово (чаще субъект действия, существительное или местоимение) + *же* + претерит + *и* + претерит. Последний компонент может несколько раз повторяться.

Описанная структура является вариантом воплощения типичного нарративного контекста, выделяемого для повествовательных жанров древнерусской книжности, так называемого аористного гнезда – средства реализации такой нарративной тактики, как констатирующий нарратив [Петренко, 2011, с. 109].

3. В таких фрагментах повествования, которые включают диалоги персонажей, частица *же* участвует в оформлении вопросно-ответных комплексов, регулярно вводит реплики независимо от того, иницирующей или ответной является реплика:

• Слуга **ж** его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпети, и заткну носъ, и на страну главу свою склони.

Он же вопросы его: «Что ради тако чинишь?»

Он же отвеца: «Государю, не могу смрада сего терпети».

Дракула **же** ту и повеле его на коль всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе дойти». <...>

• Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклонишася по своему обычаю, а капъ своих з главъ не сняша.

Он же вопросы их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?»

Они же отвецаша: «Таковъ обычай нашъ, государь, и земля наша имеет».

Он же глагола имъ: «И азъ хошу вашего закона потвердити, да крепко стоите».

Таким образом, частица **же** является, с одной стороны, одним из главных способов (наряду с претеритальными формами старославянского глагола) реализации нарративной стратегии автора – воздействия на читателя путем рассказывания поучительной истории, то есть выполняет нарративную функцию. С другой стороны, она обеспечивает связность текста, участвуя в создании регулярно использующихся в тексте синтаксических структур, а значит влияет на синтаксическую организацию текста в целом.

Литература

1. Валова Е.А. Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же* // Вестник ПСТГУ. III : Филология. Москва, 2014. Вып. 4. С. 16–33.
2. Лурье Я.С. Сказание о Дракуле. Комментарий к тексту // Древнерусская литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/skazanie-o-drakule/skazanie-o-drakule-komment.htm>
3. Лурье Я.С. Повесть о Дракуле / Исследование и подготовка текстов Я.С. Лурье / под ред. Д.С. Лихачёва. М., Л.: Наука, 1964. 212 с.
4. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: дис. к-та филол. наук. Владивосток, 2011. 198 с.
5. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.
6. Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.: Учебное пособие по курсу «История русского литературного языка». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
7. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка / под ред. О.В. Ермолаевой. М.: Высш. шк., 1972. 360 с.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ СОЮЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ *МАЛО ТОГО ЧТО*

Е.А. Стародумова, Ван Сюецзянь
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматривается функционирование союза «мало того что». Устанавливаются его специфические особенности, отличающие его от других градационных союзов: значение, связь с предтекстом, разнообразие коррелятов, характерное для этого союза отсутствие коррелята. Таким образом, «мало того что» проявляет свойства союза и текстовой скрепы.

Abstract. The article examines the functioning of the union «мало того что». Its specific features that distinguish it from other gradation unions are established: the meaning, the connection with the pretext, the variety of correlates, the absence of a correlate characteristic of this union. Thus, «мало того что» exhibits the properties of a union and a text connector.

Ключевые слова: союз, коррелят, градационное значение, значение оценки, пунктуация, текстовая скрепа.

Key words: union, correlate, gradation value, evaluation value, punctuation, text connector.

Союзное образование «мало того что» зафиксировано в толковых словарях в словарных статьях наречия «мало» как фразеологическое сочетание. При этом его значение определяется через ссылку на типичный градационный союз – «не только... но и» или на вводные сочетания («кроме того» и под.) [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 515], [Фразеологический словарь русского языка, 1968, с. 93], [Ожегов, Шведова, 2008, с. 354]. В Толковом словаре Р.П. Рогожниковой «мало того что» представлено как градационной союз [Рогожникова, 2003, с. 210]. В «Русской грамматике» включено в список союзов со значением восходящей градации [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 172]. Аналогичная характеристика дается этому образованию в работах, посвященных градационным союзам [Ляпон, 1986, с. 92].

Наше внимание этот союз привлек потому, что он имеет ряд особенностей, отличающие его от типичных градационных союзов.

1. Прежде всего – значение «мало того что». Значение можно сформулировать следующим образом: Отмечая содержание вводимого компонента как важное, значимое, «мало того что» в большинстве случаев сигнализирует о негативной оценке вводимой ситуации и прогнозирует следующую ситуацию, которая по степени отрицания превосходит первую. Таким образом, градация по степени значимости (восходящая) сопровождается градацией оценки и может быть представлена формулой: «плохо – еще хуже». **Мало того, что** никто в этом доме меня не любит, так еще никто и не уважает [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)].

У нас была водородная ракета НИ, но она все время взрывалась. Мало того, что сама взрывалась, она еще и разрушила стартовую площадку. А«Сатурн-5» [Олег Газенко. Космонавт должен оставаться человеком Земли // Наука и жизнь, 2006].

В редких случаях оценка положительная: *Но эта Элиза! Мало того, что она точно назвала мои имя и фамилию, так еще и абсолютно правильно обозначила вехи биографии: немецкая школа, институт, гибель родителей Томуси...* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]. Такие употребления нехарактерны для «мало того что».

2. Вторая особенность этого образования заключается в связи с предтекстом. Как всякий градационный союз, «мало того что» создает катафорическую направленность в тексте или предложении. Но чаще всего «мало того что» располагается в начале синтаксического образования: высказывания, предикативной части высказывания (редко – непредикативной части высказывания). Такая позиция свидетельствует о связи с предтекстом. Вся конструкция с «мало того что» употребляется на фоне предтекста, который в наиболее явных случаях представляет собой тезис, аргументируемый конструкцией с «мало того что». Примеры:

Бедный учитель! Мало того что он обязан следить за тем, как его воспитанники моют полы в школе, и выколачивать из их родителей деньги, он еще приобщать их к науке должен [Вадим Баевский. Наша университетская наука // Знамя, 2007].

А вот шанку на стол класть не стоит: мало того, что это плохой тон, еще и денег не будет [Лучше быть богатым // Приазовский край, 2004.10.07].

3. Своеобразным является состав союза. «Мало того что» отличается от других двухместных, в частности градационных союзов неустойчивостью состава, тем, что у него нет постоянного второго компонента. Вторая часть союза представлена многочисленными разнообразными коррелятами: «так еще и», «еще и», «так еще», «еще», «но», «но еще и», «но и», «так и», «да еще», «да еще и», «а еще и», «даже», «да и», «так вдобавок», «так еще...вдобавок», «кроме того», «помимо того», «к тому же» и др.

4. Примечательно, что вторая часть союза (коррелят) во многих случаях вообще отсутствует. И такие употребления частотны. Из всего собранного материала 25 процентов составляют употребления без коррелята. Например:

Мало того что кураевские лекции были для Осипова чересчур адаптированными и чересчур публицистическими, Осипова раздражал в Кураеве светский, интеллигентско-московский, высокомерный, неистребимый юмор [А.Н. Бузулукский. Менеджер и охранник // Волга, 2010].

Мало того что не было соответствующих стадионов, там не было нормального современного вокзала, аэропорта, не было достаточного количества гостиниц [Павел Быков. Давно такого не было // Эксперт, 2014].

Далее попробуем разобраться в обилии коррелятов, определить, чем обусловлен «выбор» того или иного коррелята. На основе анализа употреблений различных коррелятов мы установили основное различие и сочли возможным разделить все употребления на две основные группы, две разновидности градации: 1) коррелят подчеркивает усугубление отрицательной оценки и 2) коррелят выражает добавление без усугубления отрицательной оценки.

1) Коррелят подчеркивает усугубление отрицательной оценки. Схема градации: «плохо – еще хуже».

Мало того что государство деньги недополучает, так еще на рынок попадает продукция, не обложенная налогом [Геннадий Букаев об отмене налогов, эксперименте на человеке и битве умов // «Аргументы и факты», 2003]. Первая ситуация оценивается отрицательно (плохо). Вторая оценивается как более отрицательная (еще хуже), отрицательная оценка усугубляется.

Эта разновидность градации подчеркивается коррелятами «так еще и», «еще и», «так еще», «еще», «но», «но еще и», «но и», «так и», «да еще», «да еще и», «а еще и». Как видно из списка, в большинстве коррелятов есть элемент «еще» – частица со значением добавления, элемент «и» – «усиление» добавления. Самым сильным в обозначении усугубления отрицательной оценки является устойчивое сочетание «так еще и». При этом элементы коррелята могут располагаться контактно или неконтактно.

Коррелят «так еще и».

Контактно расположенные элементы:

Мало того что стороны обменялись жесткими санкциями, приведшими к колоссальным убыткам для экономики, так еще и нарушили нормы дипломатического этикета [Геворг Мирзаян. Работа над ошибками займет время // Эксперт, 2014].

Коррелят «так еще и» усиливает отрицательную оценку. Первая ситуация (стороны обменялись жесткими санкциями, приведшими к колоссальным убыткам для экономики) отрицательная: коррелят вводит ситуацию (нарушили нормы дипломатического этикета), которая усугубляет отрицательную оценку.

Неконтактное расположение элементов: *Мало того, что животных эксплуатируют в сельском хозяйстве, пользуясь их дарами (шерсть, молоко, тяговая сила), а потом еще и съедают. Так их еще и жестоко мучают – и ради чего?* [Оружие для разгильдяя. Обратная связь // Известия, 2003.02.26]. «Так» вводит второй компонент градационной конструкции, а «еще и» располагается непосредственно перед ремой, содержащей главную отрицательную информацию.

Коррелят «но еще и»:

Во-вторых, его «кинул» какой-то российский партнер: мало того, что не встретил, но еще и украл большие деньги, вложенные Бушем, что выяснилось тут же [Артем Тарасов. Миллионер (2004)].

Коррелят вводит ситуацию (украл большие деньги, вложенные Бушем), более отрицательную по сравнению с первой. Действие, обозначенное глаголом «украсть», уже само по себе более отрицательное, чем «не встретил». *Сегодня решила написать сама, так как давно и безуспешно пытаюсь «пролить свет» на фамилию своего отца – Гыля Вадима Сергеевича. Мало того, что ее постоянно неправильно произносят, но еще и допытываются, что же она означает* [коллективный. Переписка с читателями // Наука и жизнь, 2007].

2). Коррелят выражает добавление без усугубления отрицательной оценки.

Характерны корреляты «но», «но и», «помимо того», «к тому же».

Мало того что само название китайского бренда напоминает известную британскую марку Land Rover, но китайский кроссовер и популярный Range Rover Evoque похожи как две капли воды [Алексей Грамматчиков. Китай встает на колеса // Эксперт, 2015].

Коррелят «но» вводит компонент, содержание которого находится в отношении восходящей градации к первому компоненту. Это отношение выражается лексически – соотношением значений глагола «напоминает» и фразеологизма «похожи как две капли воды». Усугубления оценки нет.

Множество же биологических структур, способных к физическому существованию (необязательному для признаков), является мало того что счетным, но и, вероятнее всего, конечным множеством [Владимир Черданцев. Пух и кролик: два взгляда на изменчивость и эволюцию биологических форм // Знание – сила, 2005].

Сочетание «но и» вводит компонент со значением добавления (вероятнее всего, конечным множеством), которое подчеркивается частицей «и».

Мало того что лицо было загоревшим ровно наполовину, оно к тому же оказалось загоревшим под Новый год. – Готовитесь к карнавалу? – спрашивали коллеги на кафедре и подмигивали, как будто от этого мне должно было стать ужасно смешно. Но к карнавалу я не готовился [Андрей Геласимов. Рахиль // Октябрь, 2003].

Коррелят вводит ситуацию (оно к тому же оказалось загоревшим под Новый год) как добавление к предыдущей ситуации.

Особый интерес представляют употребления «мало того что» без коррелята.

Отсутствие второй части союза наблюдается и у других градационных и вообще двухместных союзов. Это отмечено в работах исследователей и подробно рассмотрено в

статье В.Н. Завьялова «Редукция замыкающего компонента структуры двойных союзов» [Завьялов, 2010]. Отсутствие второго компонента квалифицируется В.Н. Завьяловым как редукция, которая восполняется интонацией. При этом редукция второго компонента максимально активизирует значимость второй части конструкции. Например: *Он не только моряк – он и знающий инженер. Сносили не просто дома, скверы – сносили историю!* Отмечается особая роль интонации и соответствующее пунктуационное оформление – знак «тире» между компонентами конструкции [Там же, с. 103].

Аналогичное явление мы заметили и в контекстах с союзом «мало того что». Употребления без коррелята классифицируем с учетом восполнения или невосполнения отсутствия коррелята.

Расчлененность структуры и особая значимость второго компонента оформлена пунктуацией. Между компонентами градационной конструкции ставится тире, в некоторых случаях после второго компонента – восклицательный знак. Например:

Мало того что заказчики не знают, что должен, а что не должен делать дизайнер интерьера – дизайнер зачастую сам этого не знает! Непонятно даже, что же такое в принципе дизайн [Н. Митина. Дизайн интерьера (2012)].

Мало того, что Берман был обаятелен, чрезвычайно смешон и эксцентричен, – он делал великолепные трюки в полёте [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)].

Мало того, что самолет стал падать, – он стал разворачиваться и, крутясь, как бумажный лист, опускаться вниз [Клара Скопина. Пауэрс: 43 года после провокации // Наш современник. 2003.12.15].

Отсутствие коррелята может быть восполнено частицей («даже», «и»).

В отличие от соплеменников своего пола, Сильвер оказался отменным охотником: мало того что переловил всех мышей дома, он с ловкостью необыкновенной ловил даже голубей и воробьев [Владимир Базанов. Сильвер и другие // Сибирские огни, 2013].

– Какое там равенство шансов! – воскликнул он. – Мало того, что она ушла сама. Вскоре после этого и любовница покинула меня. А я ведь собирался на ней жениться! [Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980–1990)].

Отсутствие коррелята ничем не восполнено.

Мало того что не было соответствующих стадионов, там не было нормального современного вокзала, аэропорта, не было достаточного количества гостиниц [Павел Быков. Давно такого не было // Эксперт, 2014]. В отношении восходящей градации находятся первая ситуация (отсутствие стадионов) и ряд последующих ситуаций (отсутствие нормального вокзала, аэропорта, достаточного количества гостиниц).

Но мало того, что российские предприятия принадлежат зарубежным компаниям, они перекачивают туда средства [Эксперт № 04 (2013)].

Обычно в таких случаях коррелят возможен (например, «но»), но не является обязательным: градация отчетливо выражена соотношением ситуаций.

В отдельных случаях отсутствие коррелята затрудняет восприятие градационного значения.

Мало того, что военный городок располагался у черта на куличках, и шофер (видимо, глухонемой) не поддался на уговоры и содрал с нас непомерную плату, главный конфуз ждал нас на месте своего назначения [В.В. Глейзер. Любовь и морковь // Волга, 2009].

Коррелят нужен для разделения компонентов градационной конструкции, потому что первый компонент содержит несколько ситуаций (военный городок располагался очень

далеко, шофёр нас не слушал и потребовал очень высокую плату). Отсутствие коррелята затрудняет понимание текста.

Заключение

Союзное образование «мало того что» может быть квалифицировано как двухместный градационный союз, но союз своеобразный. Его своеобразие заключается, во-первых, в специфическом проявлении градационного значения; во-вторых, в его текстовом характере (обращенность к предтексту); в-третьих, в неустойчивости его состава; в-четвертых, в характерном для этого союза отсутствии коррелята. Таким образом, «мало того что» проявляет свойства союза и текстовой скрепы.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Завьялов В.Н. Редукция замыкающего компонента структуры двойных союзов // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Владивосток, 2010. № 1. С. 103–107.
3. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М.: Наука, 1986. 201 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.
5. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Русский язык, 2003. 420 с.
6. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1968. 543 с.

Источник материала

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА ДЕЛО В ДРУГОМ: ОСОБЕННОСТИ КОНТЕКСТОВ

Сюй Лина

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В данной статье выявлены некоторые формальные закономерности левых контекстов текстовой скрепы «дело в другом», стоящей в синтагматически независимой позиции. На основе анализа примеров делается вывод, что типичным левым контекстом текстовой скрепы «дело в другом» является контекст с отрицанием. В статье показано типичное оформление структур с отрицанием.*

***Abstract.** This article reveals some formal patterns of left contexts of the textual connector «delo v drugom», standing in a syntagmatically independent position. Based on the analysis of examples, it is concluded that the typical left context of the textual connector «delo v drugom» is the context with negation. The article shows the typical design of structures with negation.*

Ключевые слова: конструкция, контекст, текстовая скрепа, отрицание.

Key words: construction, context, textual connector, negation.

Текстовая скрепа *дело в другом* входит в разряд скреп с компонентом «дело», например: *дело в том, что; дело в N₆, дело в следующем* и подобные. Наиболее изученной

является скрепа *дело в том, что* [Аглеева, 2006; Колосова, 1980; Лапынина, 1996, 2008, 2013, 2017 и др.; Копотев, Стексова, 2016; Шмелева, 2008]. Остальные скрепы детально не рассматривались. Семантическая общность перечисленных выше скреп заключается в их причинной семантике.

В настоящей статье мы не будем обсуждать вопрос, являются ли эти скрепы вариантами или между ними другие отношения. Наша задача – показать типичные контексты, в которых употребляется текстовая скрепа *дело в другом*.

После скрепы может быть двоеточие, тире и запятая, в этом случае скрепа занимает позицию в начале высказывания. Кроме того, скрепа может употребляться в синтагматически независимой позиции. Это позиция между двумя высказываниями, при этом скрепа располагается между двумя точками. Точка и двоеточие, как показала А.Ф. Прияткина, являются яркими показателями текстовой скрепы, в том числе скрепы-фразы, так как отражают особую интонацию – интонацию отдельного высказывания. По словам А.Ф. Прияткиной, «двоеточие можно прямо считать знаком скрепы-фразы – ее продуктивной модели» [Прияткина, 2003, с. 534]. Тире в русском письме часто используется в той же функции, в какой используется двоеточие, поэтому тире тоже можно рассматривать как знак текстовой скрепы.

Важным в характеристике скрепы *дело в другом* является значение местоименного прилагательного *другой*. Н.Ю. Шведова рассматривала *другой* в ряду слов, которые тяготеют к классу местоимений, но не входят в этот класс, потому что не являются словами собственно означающими, совмещают «полуместоименность» с функцией именованного предмета или признака [Шведова, 1998, с. 10]. Для прилагательного *другой* в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Большом толковом словаре С.А. Кузнецова первое значение такое: «не этот, не данный» [Ожегов, Шведова, 2003, с. 176; Большой толковый словарь, 2000, с. 285]. Это значит, что в семантику слова *другой* входит отрицание.

В работах, посвященных изучению связей в тексте, указание на ранее сказанное или на последующее понимается как ретроспекция и проспекция. И.Р. Гальперин дал следующие определения этим понятиям: «Ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин, 1981, с. 106]. Проспекция – «грамматическая категория текста, объединяющая различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста» [там же, с. 112].

Текстовая скрепа *дело в другом* выполняет ретроспективно-проспективную функцию. Компонент скрепы «в другом» отсылает одновременно и к предшествующему, и к последующему контекстам. Например: *Но если бы Федор Васильевич Валицкий был в состоянии оценивать свои поступки более объективно, то понял бы, что мучающее его чувство стыда возникло не только оттого, что вел он себя неуклюже, бестактно. Дело было в другом. Федора Васильевича унижало то, что в такое время, когда каждый человек занят чем-то важным, он, Валицкий, никому не нужен, все забыли о нем, и единственным поводом, по которому к нему кто-то обратился, оказалась любовная интрижка его сына* [Александр Чаковский. Блокада (1968)]. В данном тексте скрепа *дело в другом* отрицает причину, названную в предшествующем контексте, и вводит иную причину, которая подробно описывается в правом контексте.

В результате анализа контекстов, в которых употребляется скрепа *дело в другом*, мы выявили некоторые формальные закономерности, свойственные этим контекстам. Особое внимание мы обратили на левый контекст.

1. Типичный левый контекст – **контекст с отрицанием**. Мы выделили несколько формальных разновидностей структуры такого контекста:

(1) Компонент с отрицанием включает лексемы, которые актуализируют причинную семантику скрепы *дело в другом*. В таких случаях формируются структуры с параллелизмом: ***не потому, что ... – дело в другом; не оттого что... – дело в другом***. Например: *Кстати о лошадях: до революции для строевого казака считалось позором запрячь в плуг или в борону боевого коня. Не потому что холку сотрет. Дело в другом – конь, участвовавший в сельхозработах, отказывался выполнять элементарные команды, словом, терял «форму» боевого коня [Солдат удачи. 2004.11.03].*

(2) компонент с отрицанием включает в себя лексему «дело», такое сочетание может считаться служебным. В этом случае тоже есть параллелизм структур: ***дело не в том, что ... – дело в другом; дело не в этом ... – дело в другом; дело не в... – дело в другом***. Например: *Правительство пока выглядит странно: наблюдается разрыв между должностями, функциями и конкретными личностями чиновников. Дело даже не в том, что впервые у нас министр культуры – бывший посол во Франции. Здесь как раз должно быть все в порядке, и уж точно лучше, чем если бы бывший министр культуры стал министром иностранных дел. Дело в другом: правительству еще предстоит меняться [Русский репортер, № 18 (48), 21–28 февраля 2008].*

(3) в левом контексте есть отрицание НЕ, НЕТ, но отсутствует специальный дополнительный служебный показатель, формирующий параллелизм структур. Например: *Стремясь эпатировать и без того возбуждённую аудиторию, он заявил, что кино умерло ещё много лет назад с появлением телевидения. «При всём моём уважении к мастеру я **не могу согласиться с ним**, – говорит Горшанов. – Чаше всего такие заявления делают люди, в чём-то разочаровавшиеся. Дело в другом – невозможно снять шедевр на все времена. Приходится постоянно искать новые формы. В кино также очень важно соотносить желание с возможностью [Культура, 2002.04.08].* Еще пример: *По-моему, нужная книжка. И нужна она **не тем, что** в ней в который-то раз называются цифры фашистских жертв, описываются «акции», напоминается о вничеловечности оккупации. Все это мы читали и раньше. Дело в другом – что в этой книжке, по-моему, очень громко и выразительно сказано: «Не смейте забывать!» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)].*

2. Возможен левый контекст без отрицания.

В таких контекстах сообщается какая-то фактуальная информация. С помощью скрепы *дело в другом* вводится фрагмент текста, в котором говорящий сообщает о том, что для объяснения обсуждаемой проблемы ситуация, представленная в левом контексте, оказывается неважной. Такие контексты не имеют таких ярких формальных признаков, которые описаны выше, однако в них тоже можно выявить определенные формальные закономерности в соотношении левого и правого контекстов.

(1) Формальным признаком левого контекста без отрицания можно считать вопросительное предложение, часто это риторический вопрос, ответом на который является скрепа и правый контекст, присоединяемый с помощью этой скрепы. Например: *По части же публикаций ей совсем не повезло: считанные статьи в журналах и газетах плюс несколько переведенных книг (спасибо профессору Н.А. Гвоздецкому). Отечественных изданий – тоже*

единицы (узкоспециальные научные работы не в счет). Может, виной тому – отсутствие «собственных Платонов»? Пожалуй, **дело в другом**: уж очень трудно было проникнуть постороннему в государственную издательскую систему (а другой, как известно, не имелось) [В.Э. Киселев, Г.М. Сигалов, К.М. Дубровский. Предисловие к серии «Сборник о спелеологии»].

(2) Формальным признаком можно считать особенности формальной структуры самой скрепы: в состав скрепы может входить союз НО, например:

*С тех пор прошли годы, то есть год и десять месяцев. Октябрь, осень. В городе Рига она сначала была в этом году очень уж теплой, а холод если и возникал, то лишь суток на двое, так что по городу никак не включали отопление, отчего по ночам было холодно. **Но дело в другом**: само подобное внимание к погодным особенностям свидетельствует как о наличии некоторого внутреннего неустройства внутри организма, так и о том, что внутри наличествует и некоторый орган, оное неустройство регистрирующий, а еще я понял, что с той самой поры во мне так ничего и не противостоит Гоосу, потому что я все еще не понял, кто живет у меня внутри* [А.В. Левкин. СПб & т.п. // Уральская новь, 2000].

Для диалогического текста с анализируемой скрепой типична вопросно-ответная структура. В таком случае в состав скрепы входит отрицание НЕТ. Например: *Он ждет нас в моей квартире. – У него есть ключи? – удивился Андрей. – **Нет, дело в другом**. Взломана дверь* [Виктор Пронин. Банда 8].

Анализ материала показал, что описанные выше структуры могут совмещаться в одном контексте. Например: ***Превосходство «made in USA»?** Да нет, дело в другом. Просто тот, кто покупает у американцев, сразу же попадает под защиту «большого брата». А тот, кто покупает у нас, тут же зачисляется в разряд крайне подозрительных с точки зрения мирового сообщества личностей* [Воздушно-космическая оборона, 2002.01.15]. В данном контексте совмещены такие структурные элементы, как риторический вопрос и отрицание НЕТ в составе скрепы.

Анализ материала показал, что левые контексты с отрицанием значительно преобладают над контекстами без отрицания. При этом отрицание в левом контексте может быть значительно удалено от вводимого скрепой правого контекста.

А.Ф. Прияткина отметила, что особенностью контекстов текстовых скреп является отсутствие четких формальных границ. В левый и правый контекст могут входить отдельные высказывание и цепь высказываний [Прияткина, 2007, с. 338]. Левый и правый контексты текстовой скрепы **дело в другом** в подавляющем большинстве случаев представляют собой именно цепи высказываний. Это видно из приведенных выше примеров. Ниже приведен еще один пример, показывающий, что скрепа **дело в другом** связывает значительные по объему фрагменты текста.

*Значит, Антипову не пускают потому, что все посадочные места заняты, как в самолете. Но она понимала: **дело не в этом**. Свободные места были. В крайнем случае можно сесть и на подоконник, и на пол. В тесноте, да не в обиде. **Дело в другом**: пришел Казанцев с женой. Без оравы. Композитор радостно сообщил: «А я тут нашу соседку пригласил. Балерину. Очень милая женщина». «Знаете что, давайте посидим без посторонних, – попросила жена Казанцева, дама второй степени ожирения – Мы так устали от людей» [Виктория Токарева. На черта нам чужие // Огонек, 1989].*

В результате проведенного анализа установлено, что текстовая скрепа **дело в другом**, обладающая причинной семантикой, выполняет в тексте ретроспективно-перспективную

функцию. Типичным левым контекстом текстовой скрепы *дело в другом* является контекст с отрицанием. При левом контексте с отрицанием анализируемая скрепа участвует в построении синтаксических структур с параллелизмом, является одним из средств, формирующих служебные комплексы: *не потому, что ... дело в другом; не оттого что ... дело в другом, дело не в том, что ... дело в другом; дело не в этом ... дело в другом*. Если в левом контексте отрицание отсутствует, оно компенсируется отрицательным словом НЕТ или союзом НО, в семантику которого также входит отрицание. Кроме того, изученный материал позволил сделать вывод, что сфера действия скрепы *дело в другом* распространяется на достаточно большие фрагменты текста справа и слева от скрепы.

Литература

1. Аглеева З.Р. Бинарная оппозиция *дело в том, что... в чем дело*: структурно-семантические и функциональные особенности // Вестник АГТУ. 2006. № 5 (34). С. 157–167.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука. 1981. 140 с.
4. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. 164 с.
5. Копотев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культур. 2016. 168 с.
6. Лапынина Н.Н. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизированных предикативных единиц: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1996. 19 с.
7. Лапынина Н.Н. «Дело в том, что»: семантика и функции // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц. Сб. ст. в честь проф. Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 160–172.
8. Лапынина Н.Н. О текстообразующей функции стандартизированной единицы «дело в том, что» // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 120–125.
9. Лапынина Н.Н. Структурно-семантическая характеристика скрепы *дело в том, что* и её вариантов // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов 3-й Международной заочной научной конференции. Изд-во: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (Макеевка). 2017. С. 15–21.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. 3423 с.
11. Прияткина А.Ф. Скрепа-фраза (о новой модели организаторов текста) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. С. 326–334.
12. Прияткина А.Ф. Текстовые скрепы и скрепы-фразы (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. С. 334–344.
13. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник. 1998. 176 с.
14. Шмелева Т.В. Вмещающая конструкция // Вестник Московского университета. 2008. № 4. С. 58–67.

ЧАСТИЦА ЭТО: ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

И.Н. Токарчук

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена полифункциональному слову «это». Предлагается классификация типов употребления частицы «это» с учетом семантических, прагматических, синтагматических и др. особенностей.

Abstract. The article is focused on polyfunctional word «это». The classification of the types of usage of the particle «это» considering semantic, pragmatic, syntagmatic etc. features is proposed.

Ключевые слова: частица, местоимение, полифункциональность, типы употребления, семантика, прагматика.

Key words: particle, pronoun, polyfunctionality, type of usage, semantics, pragmatics.

Полифункциональный характер слова *это* проявляется на уровне взаимоотношений разных грамматических классов слов – знаменательных и служебных, а именно – местоимений и частиц: «местоименное и “партикульное” употребление этой лексемы объединяет значение указательности» (*Меня это очень огорчает* и *Это вы помешали мне казать всю правду*), в связи с чем соответствующие реализации *это*, обусловленные разными синтаксическими функциями при сохранении инвариантного значения, могут считаться грамматическими омонимами [Стародумова, 2002, с. 13–14]. Между тем разнообразие не только грамматических, но и семантических, синтагматических, функциональных возможностей *это* является причиной расхождений в его описаниях в словарях и исследовательской литературе, в том числе – в его трактовке как частицы.

В словаре В.И. Даля зафиксировано несколько типов употребления указательного местоимения *это*, из которых могут быть выделены как минимум три основных: 1) *Это село клином свело* [Даль, 1995, с. 666], в которых, в соответствии с современной трактовкой, рассматриваемая единица выступает как местоименное прилагательное (форма среднего рода единственного числа от *этот*) и проявляет его синтаксические свойства [Русская грамматика, 1980, с. 540]; в ряду подобных случаев, без помет или комментариев, даются также употребления типа *Вот этого еще не доставало!*, в которых наблюдается субстантивация исходного местоименного прилагательного; 2) употребления, которые могут быть квалифицированы как характерные скорее для частицы (в устаревшем и просторечном варианте): *Этто я встретил Ивана; Ты этто хвалился лошадкой, она где у тебя?* (в значении ‘недавно, на днях, намерен’ и под.) [Даль, 1995, с. 666]; 3) случаи, не получившие в настоящее время определенной грамматической квалификации: *Это староста живет, а это мой дом* (в значении ‘здесь, на месте, тут, вот где’), а также *Это другая песня* [Там же]. Отмеченные в данной интерпретации тенденции нашли отражение в словарях современного русского языка.

Так, в словаре под ред. Д.Н. Ушакова *это* рассматривается как указательное местоимение и как частица в отдельных словарных статьях. Для частицы дается два типа употребления, не отмеченные в словаре В.И. Даля, первый из которых имеет разговорный характер (*И вдруг это закрутился*), а второй «подчеркивает, усиливает предшествующее вопросительное местоимение или наречие» (*Куда это он смотрит?; Что это вы!* и под.) [Словарь Ушакова, 1940, с. 1438]. Кроме того, как специфические употребления формы среднего рода указательного местоимения *это* даются случаи *Это у вас на севере всё*

нипочём («в начале реплики для указания на предшествующее»); *Это самовар кипит, а не паровоз пыхтит* и под. («для объяснения чего-н. только что сказанного или происшедшего, или же чего-н. происходящего, находящегося перед глазами») [Там же, с. 1439–1440].

В БАС толкование *это* как формы местоимения в основном соответствует представленному выше. В качестве особой функции указательного местоимения «в значении существительного» дается употребление *это* как «связки в составном сказуемом» (*Быть молодым и не уметь – это сносно*); до сих пор остающиеся спорными употребления типа *Это были ситцевые и шелковые тряпочки* объясняются через «функцию несогласованного подлежащего»; как особая функция отмечена роль *это* «в качестве соотнесительного слова в главном предложении» в составе сложноподчиненного (*Что у нас ладу нет в семье, это я сам чувствую*) [Словарь современного русского ... языка, 1965, с. 1944–1947]. Что касается частицы *это*, то из четырех представленных ее разновидностей одна зафиксирована всеми рассматриваемыми словарями, здесь – как усилительная частица (*Вы куда это?*); вторая, разговорная, «служит для усиления общей выразительности, значимости всего высказывания или какой-либо его части» (*Сейчас она мне это пирогов напекет, за водочкой сбегает*); другие два типа – указательная частица *это*, используемая либо «при подчеркивании, выделении того или иного члена предложения» (*Как будто это я ее заставляю!*), либо «как указательное слово на границе двух предложений, из которых второе содержит в себе истолкование, разъяснение первого» (*За оградой был слышен мерный плеск воды <...> Это шумел ручей <...>*) [Там же, с. 1943–1944].

Трактовки слова *это* в других толковых словарях общезыкового характера в целом сходны с предыдущими, за исключением отсутствия некоторых явно устаревших употреблений частицы. Так, в МАС для частицы выделяется два типа употребления: усилительная (в вопросе после местоимения или наречия) и указательная (подчеркивает член предложения: *Ведь это мужчины только непостоянны <...>*) [Словарь русского языка, 1984, с. 768–769].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой частица представлена одним случаем: разговорное *это* «сосредоточивает внимание на том, что является главным в сообщении» – «обычно в вопросе с оттенком недовольства» [Ожегов, Шведова, 1996, с. 901]. Употребление в качестве связки при составном сказуемом, выраженном именем, инфинитивом или предикативным наречием, противопоставлено как местоименным употреблениям (даются в разных словарных статьях), так и «партикульному» (даны в рамках одной словарной статьи, поскольку оба оцениваются как служебные, но под разными индексами). В качестве особого случая для местоимения дается указание «на предмет речи или предмет (лицо), находящийся перед говорящим» (*Это был незнакомец; Как всё это случилось?*) [Там же].

В «Большом толковом словаре» фиксируются те же типы употребления частицы, что и в МАС (в вопросительном предложении, а также в невопросительном типа *Ведь это я тебе звонил*), однако под одним индексом; употребление в роли связки дано как одна из функций частицы *это* и как отдельный ее тип; используется термин «местоименное прилагательное» и отдельно дается *это* как «местоименное существительное» [Большой толковый словарь, 2001, с. 1527]. Между тем не все приведенные примеры употребления «местоименного существительного» представляются убедительными с точки зрения грамматической квалификации: например, в случае *Рентген был известный физик, это он открыл гамма-излучение*, («указательное слово на границе двух предложений, из которых второе является объяснением, истолкованием первого» [Там же]), совсем неочевиден его знаменательный

характер. В «Русском толковом словаре» даны такие же типы употребления частицы и связки *это* и их трактовки [Русский толковый словарь, 2001, с. 814], а в «Комплексном словаре русского языка» не разграничиваются разные грамматические реализации местоименного слова и не зафиксировано употребление *это* как связки [Комплексный словарь, 2001, с. 1222–1223].

Авторы «Краткого толково-грамматического словаря функциональных омонимов русского языка» выделяют несколько случаев употребления указательного местоимения *это*, категориально соотносящегося с прилагательным и с существительным; у частицы выделяется один тип употребления – в вопросительном предложении, дается традиционное описание с указанием разряда (усилительная) [Краткий словарь функциональных омонимов..., 2017, с. 140].

Таким образом, в рассмотренных словарях разграничены употребления *это* как местоименного слова и как служебной единицы – частицы и связки, предложены описания семантики, функций слова и условий его употребления, однако наблюдается отсутствие единообразия в его трактовках: не всегда выделяется реализация *это* как связки; варьирует количество типов употребления *это* как частицы и как местоименного слова; по-разному даются однотипные употребления; не все характерные случаи зафиксированы.

В связи с квалификацией ряда употреблений слова *это* как служебных оно представлено и в специализированных словарях служебных слов.

«Словарь русских частиц» фиксирует два типа употребления указательной частицы *это* с описанием каждого с точки зрения семантики – с акцентом на прагматической составляющей – и особенностей сочетаемости. Так, для случаев типа *Это ты поедешь в Киев* и *Это писать я не могу?* характерно «употребление в начале повеств. или вопр. предл. перед акцентированным словом», когда частица «выделяет слово, называющее определенный, известный говорящему предмет или – реже – признак», а в вопросительных предложениях перед акцентированным вопросительным местоимением (*Где это вы были?*) частица, «соотнося запрос с известным адресату, указывает на отсутствие у говорящего необходимой ему информации о предмете, признаке или ситуации; придает вопросу непринужденность и естественность» [Шимчук, Щур, 1999, с. 145–146]. Не отмечено употребление *это* как связки при сказуемом.

От данной интерпретации *это*-частицы существенно отличается классификация в «Списке частиц и частицеподобных единиц, иллюстрированном примерами» из учебного пособия Е.А. Стародумовой «Русские частицы». Так, помимо известного случая *Я ничего не думаю. Это тебе думать надо*, дается типичное употребление *это* при составном именном сказуемом, расценивающееся как реализация частицы [Стародумова, 1997, с. 62]. Как самостоятельный тип представлено использование частицы в ситуации преодоления говорящим коммуникативных затруднений, не отмеченное в рассмотренных выше словарях (– *Много разговариваешь. <...> – <...> Люблю я это... языком об зубы почесать*) [Там же], в работе А.Н. Ивановой такое *это* оценивается как заполнитель пауз в речи персонажей и в спонтанной устной речи [Иванова, 1982, с. 86] (ср. сочетание *это самое*, которое выступает как частица – «заполнитель пауз в затрудненной и/или неразвитой речи» [Химик, 2017, с. 507]).

Особый интерес представляет выделенный в данной классификации тип употребления частицы *это* в начале двусоставного высказывания идентифицирующего характера с однозначным глаголом-сказуемым: *По горизонту, вспыхивая и переползая с места на место, бродили огни. Это горела степь* [Стародумова, 1997, с. 62], который аналогично

квалифицируется Т.М. Николаевой [Николаева, 2013, с. 203], а также в [Словарь современного русского ... языка, 1965, с. 1944] – т.е. как частица. Между тем авторы монографии «Теоретические проблемы русского синтаксиса» характеризуют такое *это* как указательное местоимение (в том числе и в конструкциях с начальным *это* типа *Это Иван* и *Это был Иван*, представленных в материалах рассмотренных толковых словарей) в роли подлежащего, связанного с глаголом-сказуемым «сентенциально-предикативным отношением» [Апресян и соавт., 2010, с. 15–19], а В.В. Бабайцева считает его синкретичным образованием: «субстантивированное местоимение с некоторыми свойствами частицы-связки» [Бабайцева, 2014, с. 137]. Между тем А.А. Камынина квалифицирует его как субстантивированное несклоняемое слово, которое кореферентно с существительным предтекста, ср.: *Это была Марфа Тимофеевна* и *На повороте показалась женщина. Это была Марфа Тимофеевна* [Камынина, 1999, с. 127]. Роль такого субстантивированного указательного несклоняемого *это* состоит, по мнению авторов «Объяснительного словаря русского языка», в следующем: «Предмет, явление, человек, указанные в предыдущей части предложения или в предыдущем предложении как объект объяснения, истолкования» [Структурные слова, 2002, с. 403].

Именно в этом словаре содержится наиболее полное и систематизированное описание разных реализаций слова *это* [Там же, с. 398–399]: отмечен ряд употреблений частицы, два из которых зафиксированы в «Словаре русских частиц», а также: 1) разговорное в невопросительных высказываниях типа *Иду это я вчера...* [Там же, с. 399], подробно описанное в работе И.Б. Левонтиной как дискурсивная дейктическая частица, которая «маркирует либо экспозицию рассказа, либо в середине рассказа предупреждает, что сейчас будет сюжетный поворот» [Левонтина, с. 161]; 2) случаи, когда *это* указывает «на мысль или отдельное слово, которые содержатся в предшествующем предложении»: *Знаешь, я, наверное, не пойду с вами. – Это как угодно* и *Вчера заходил Леонид Павлович, спрашивал тебя. – Это Мухин что ли?* [Структурные слова, 2002, с. 398–399], грамматическая квалификация которых, однако, не может считаться окончательной. Кроме того, выделяется более десяти разновидностей связки *это* в зависимости от особенностей морфологической реализации сказуемого в двусоставном предложении и от содержания высказывания [Там же, с. 399–400].

Анализ представленных источников, а также наши наблюдения позволяют выделить следующие типы употребления слова *это* как незначающей единицы – частицы – в отличие от очевидных местоименных типов (местоименного прилагательного и субстантивированного местоименного прилагательного):

1. Частица, обычно в диалоге, в вопросительных высказываниях (а также в придаточных предложениях), в постпозиции (реже – в препозиции) к акцентуемому компоненту – местоименному вопросительному (или относительному) слову: – *Отчего это нынче Дьячок на первой пристяжке, а не на левой, Филипп? – несколько робко спрашиваю я* [Л.Н. Толстой. Отрочество (1854)]; – *... И с каких это пор мы работаем по субботам?* [В. Голубев. Шаг назад // «Полдень, XXI век», 2006, № 6]; – *Артур! Куда это ты?* [К. Шагинян. Рыбка (2007)]; *А Лиля недоумевала: куда это Лина таинственно исчезает?* [Д. Симонова. Курбан (2002)]; *Дима ошалело уставился на соседа по купе, судорожно пытаясь сообразить, когда это между ними возникла такая близость* [А. Старобинец. Семья (2008)]; – *Это с чего ты так решил, молодой человек?* [Н. Лебедева. Старая ферма Наука и жизнь, 2009]; – *То есть как это ни в чем не виноват?* [Е. Лукин. Клопики (2013)].

2. Частица в препозиции к акцентуемому компоненту (частеречная отнесенность нерелевантна), коммуникативная значимость которого выявляется на основе сопоставления его содержания с содержанием другого компонента высказывания; в вопросительных и невопросительных высказываниях, обычно в диалоге: *Подожди, это тебя хвалили на линейке, ты же круглая отличница?* [М. Черепанов. Космос, истребитель, девушка (2014)]; *Это сейчас можно себе родить ребеночка и жить спокойно – никто пальцем не ткнет, а тогда совсем другое дело было* [А. Дубчак. Ираидин пансион (2005)]; *Это пусть молодежь подключается к терминалу через имплант, если им своих мозгов не жалко. Я уж как-нибудь по старинке* [П. Михненко. Этикет // Наука и жизнь, 2008]; – *Это Санта-Клаус добрый, – фыркнула Ольга. – Дед Мороз... он разный* [С. Лукьяненко. Новогодний дозор (2014)].

3. Частица в невопросительном высказывании в нарративе, обычно после компонента – глагола в форме настоящего или (реже) прошедшего времени, маркер экспозиции рассказа либо знак сюжетного поворота: *Иду это я по улице и размышляю, в чем же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так* [А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине (1971)]; – *Я шел это, понимаете, близ ручья, как треснет сверху! Я и полетел через голову!* [А. Грин. Редкий фотографический аппарат (1914)]; – *Бегу это я, ери те в бок, во вся тяжкие, как бы, думаю, в лапы им, дьяволам, не угодить...* [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934–1945)]; *Сижу это я утречком на террасе, как плантатор, чаёк попиваю, а она, брат, как выскочит, да как начнёт...* [Л.Н. Андреев. Gaudeamus. Комедия в четырех действиях (1910)].

4. Частица, с помощью которой говорящий выражает насмешливое, пренебрежительное отношение к адресату или к содержанию сообщения; употребляется при существительном, сохраняя свои морфологические и синтаксические свойства (склоняется, согласуется с существительным). Отмечено Е.А. Стародумовой [Стародумова, 1987, с. 62] и авторами «Объяснительного словаря» [Структурные слова, 2002, с. 403], но в формах мужского рода и множественного числа, а также в работе Н.Ю. Шведовой и А.С. Белоусовой, где квалифицируется как определительное или указательное местоимение, служащее для выражения неодобрения и отрицательной оценки либо эмоциональной оценки (не исключая положительной) чего-то известного [Шведова, Белоусова, 1995, с. 92]. Примеры: *Идите, девушка, идите, мы без вас разберем всё это ваше безобразие, идите* [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая]; *И пусть всё это Ваше богемское стекло кто-нибудь другой обслуживает!* [Л. Ленч и Э. Рязанов. Девушка без адреса]; *Всего год? Впрочем, никогда тебя не понимал! А это тихое театральное помещительство? Знал бы, как недоумевают ребята!* [А. Козаев. Джокер (2007)].

5. Частица – показатель коммуникативных затруднений, заполнитель пауз обдумывания; характерна для диалога и диалогизированного монолога: *А вдруг это ещё не конец? И тогда мы ещё остановимся и... / И это... как его... Короче говоря – остановимся* [А. Гаврилов. Остановимся ниже // Рубеж: Тихоокеанский альманах, 2011]; *Это многих людей так выбило из... как это... след, оставленный движущимся колесным средством... в общем, выбило из привычек, они растерялись и без помощи этого поиска не могут не только ничего сказать, но даже подумать* [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга, 2009]; *Тут уже прапорищик говорит: «Ты это... хватает бойцов тут. А надо нарисовать это... схему огня»* [А. Карасев. Безбашенный // Волга, 2013].

Представленные разновидности частицы *это* имеют разговорный характер в отличие от нейтрального употребления её как связки.

6. Частица в функции связки при сказуемом: *Конкурс и сопутствующая шумиха – это твар для фирмы* [А. Иванов. Ёбург. Новеллы из книги (2014)] и под.

Спорный характер употреблений *это* в начале идентифицирующих высказываний типа *Сергиевский заметил уже ясно вырисовывавшиеся на берегу деревья. Это были пальмы* [И.А. Ефремов. Бухта радужных струй (1944)]; *Алексей позвонил. / – Это Колька! – крикнула за дверью за дверью Кира Владимировна и распахнула дверь. И увидела Коржикова* [В. Токарева. Северный приют] или таких, которые могут быть отнесены скорее к кваликативным, как в примере *Пётр не был ни талантлив, ни полуталантлив. Это был человек долга, и он всегда исполнял свой долг* [В. Токарева. Ехал грека], а также в случае реализации *это* дейктической функции, ср.: – *Познакомьтесь. Это Борис Андреевич, мой большой, большой друг* [И.А. Ефремов. Бухта радужных струй (1944)] не позволяет уверенно квалифицировать его как частицу либо как местоименное слово. Наиболее приемлемой считаем представленную выше квалификацию такого *это* как субстантивированного несклоняемого слова. Очевидно, что данный тип употребления с учетом имеющихся разновидностей нуждается в дальнейшем специальном исследовании, как и, впрочем, многочисленные сочетания с *это*, в том числе фразеологизированные.

Литература

1. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
2. Бабайцева В.В. Предложения типа «*Это птицы летят*» // Бабайцева В.В. Статьи последних лет. Москва–Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 127–140.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV. М.: Терра, 1995. 683 с.
5. Иванова А.Н. Слово *это* в письменной и устной речи // Русский язык в школе. № 2. 1982. С. 80–85.
6. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
7. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
8. Левонтина И.Б. *Иду это я...* О дискурсивных употреблениях дейктических слов // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 11. М., 2016. С. 160–172.
9. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 2001. 832 с.
10. Николаева Т.М. Русские дейктические частицы, их функционирование в N-мерном пространстве. Что является «ближним дейксисом»: *вот, вон* или *это*? // Николаева Т.М. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 201–208.
11. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. 432 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
13. Русская грамматика. В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.
14. Сидоренко И.Я., Сидоренко Е.Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка. В 2 ч. Ч. 2. М.: Флинта, 2017. 198 с.
15. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
16. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. XVII. М.: Наука, 1965.
17. Стародумова Е.А. Русские частицы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 66 с.
18. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. IV. М.: ОГИЗ, 1940.
20. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2017. 582 с.
21. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового построения языка и его смысловых категорий. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 120 с.
22. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Берлин: PeterLang, 1999. 147 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ СКРЕПЫ *И ПОТОМ*

Цао Сяоминь

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме синтаксиса текста. Целью статьи является выявление особенностей функционирования текстовой скрепы «И потом». На основе анализа фактического материала мы наблюдаем, что функция текстовой скрепы «И потом» проявляется двумя способами – введением добавочной информации и введением дополнительной аргументации.

Abstract. This article is devoted to the actual problem of text syntax. The purpose of the article is to identify the features of the functioning of the text clip *And then*. Based on the analysis of the factual material, we observe that the function of the text clip *And then* manifests itself in two ways – by the introduction of additional information and introduction of additional argumentation.

Ключевые слова: синтаксис, текстовая скрепа, функция, контекст, аргументация.

Key words: syntax, text clip, function, context, argumentation.

Служебная единица *И потом* образуется соединением служебного слова (союз *и*) и знаменательного – наречия *потом*. Данная служебная единица функционирует как текстовая скрепа. Под функцией текстовой скрепы понимается «способ соединения частей текста, который определяется отношениями, возникающими между левым и правым контекстами скрепы. Именно через свою функцию скрепа проявляет себя как таковая и реализуется в качестве языковой единицы» [Тюрин, 2016, с. 52]. Важно отметить, что *И потом* может функционировать и как скрепа-фраза, которая рассматривается А.Ф. Прияткиной как продуктивная модель текстовой скрепы [Прияткина, 2002].

При выполнении функции текстовой скрепы служебная единица *И потом* обычно сопровождается соответствующей пунктуацией. После скрепы *И потом* возможны такие знаки препинания, как точка, запятая, двоеточие и тире.

В данной статье для выяснения особенностей функционирования скрепы *И потом* мы рассматриваем языковой материал с двоеточием и тире после скрепы. В отношении материала с запятой мы уже проводили исследование, результаты которого опубликованы в статье [Цао Сяоминь, 2021]. Источником материала исследования служат тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка.

Основываясь на анализе фактического материала, мы наблюдаем, что текстовая скрепа *И потом* формирует присоединительные отношения между высказываниями, которые в монологическом тексте в основном проявляются двумя способами – введением добавочной информации и введением дополнительной аргументации. Далее рассмотрим эти две функции скрепы по отдельности.

Введение добавочной информации

В этом случае в левом контексте дается информация о каком-либо факте или событии. Правый контекст скрепы его продолжает и развивает в рамках той же темы с помощью введения параллельного однородного сообщения. В данном случае вводимая скрепой информация представляет тематическое смысловое добавление к левому контексту. Например: *Литератор Мыловзоров, приступив ко второй части своего романа «А я люблю женатого», написал первую фразу: «Все перемешалось на квартире Яблонского» – и задумался. Эта фраза ему смутно напоминала что-то связанное со студенческими годами –*

то ли ее конструкция, то ли отдельные слова, то ли общий смысл. – Нет, надо подправить, а то еще, не дай бог, плагиаторство припишут. – И он начал кропотливую работу, дотошно выверяя каждое слово. «Перемешалось» – выражение это для квартиры подходило не очень. Скорее, оно сгодилось бы для головы или, допустим, для миксера. Естественнее будет не «перемешалось», а «смешалось». **И потом: «на квартире»** – царапает ухо. Теперь так уже почти не говорят, это типичный XIX век. Пишем – «в квартире» [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы]. Скрепка *И потом* является средством присоединения еще одного, однотипного по содержанию фрагмента текста: левый (расположенный до скрепы) и правый (расположенный после скрепы) контексты отражают последовательную работу героя произведения над «каждым словом».

Приведем еще один пример: – *Во главе оркестра я седьмой год. Играем симфонию Моцарта и Бетховена. Исполняем музыку XVIII века, много – классической, например, Шуберта, Мендельсона, Гайдна. И потом – масса музыки XX века. Например, изумительный «Дивертисмент» Бартока, Бриттен, Шостакович...* [В. Нузов. Игнат Солженицын: Без музыки жизнь для меня не имеет смысла... // Вестник США, 2003.10.15]. В данном примере выстроен однородный перечислительный ряд. Скрепка *И потом* является средством перехода к новой информации в общем тематическом ряду.

В функции введения дополнительной информации скрепка *И потом* может взаимодействовать с другими специальными связующими средствами, отражающими добавочно-перечислительные отношения в структуре текста. например: – *Михаил Львович, не жалеете, что в расцвете творческих сил оставили журналистику и подались в чиновники? – Ну, **во-первых**, я свою нынешнюю работу считаю в полном смысле творческой и нисколько не комплексую. **Во-вторых**, кто в журналистику вошел, тот из нее уже никогда не выйдет. Просто не сможет. И потом: вся история журналистики – это, по существу, история взаимоотношений, борьбы и компромиссов журналиста и власти* [Зубов Михаил. В СТОЛИЦЕ ГАЗЕТНЫЙ ДОЖДЬ // Труд-7, 2002.11.27].

В данном фрагменте диалогического текста сферой действия скрепы *И потом* являются высказывания в ответе у адресата. Левый контекст скрепы представляет собой два сообщения, оформленные с помощью текстовых показателей «во-первых» «во-вторых», как реакция на слово в вопросе у адресанта – «не жалеете?». Скрепка вводит еще одно однородное сообщение, развивающее общий ответ на поставленный вопрос.

Введение дополнительной аргументации

В отличие от предыдущей функции «введение добавочной информации», при данной функции в левом контексте скрепы обычно приводится какой-либо предмет обсуждения (или обсуждаемый пункт) и представляется какой-то аргумент или утверждение. Вводимое скрепой сообщение в правом контексте добавляет ещё аргумент, который объясняет и усиливает утверждение, сказанное в левом контексте.

Текстовая скрепка *И потом* вводит дополнительную аргументацию, проявляющуюся следующим образом: (1) Аргумент может быть только в составе предложения, в которое входит скрепка. (2) Аргумент может быть больше, чем одно предложение. Скрепка вводит начало аргумента, который развивается в следующих предложениях. Поясним следующими примерами.

(1) Аргумент только в составе предложения, в которое входит скрепка.

В данном случае сфера действия скрепы охватывает высказывания в левом контексте и одно предложение, в которое входит скрепка в правом контексте. Например: *И наконец,*

была еще одна причина, самая главная, но о ней я никому не говорил. Я мечтал стать писателем, и именно беллетристом. А писатель, изучая человека, должен быть совершенно ориентирован в строении и отправлениях его тела, во всех здоровых и болезненных состояниях как тела его, так и духа. **И потом:** я туго и трудно сходился с людьми и надеялся, что профессия врача облегчит мне такое сближение, даст возможность наблюдать людей в таких интимных проявлениях, в каких сторонний человек никогда их не сможет увидеть [В.В. Вересаев. Воспоминания (1925–1935)].

В левом контексте объясняется, каким образом профессия врача поможет узнать физические и физиологические стороны человека. Правый контекст вводит дополнительный более сильный аргумент: профессия врача поможет глубже понять внутренние качества человека.

Еще пример: Олег ГАЗМАНОВ, народный артист России: – В силу занятости не могу позволить себе отказаться от автомобиля даже на один день. **И потом:** я обожаю машины, у меня огромный водительский стаж и опыт [Веледницкий Анатолий. ДЕНЬ БЕЗ АВТОМОБИЛЯ // Труд-7, 2002.09.19]. Вводимая скрепой дополнительная информация является усиливающим аргументом, объясняющим нежелание расстаться с автомобилем даже на один день.

(2) Аргумент больше, чем одно предложение. Скрепка вводит начало аргумента, который развивается в следующих предложениях. В этом случае всё в левом и правом контексте совместно составляет сферу действия скрепы. Приведём примеры.

Что-то странное и непонятное есть во всей этой истории... Самоубийство? Но столько начато поисков! И какая-то великая научная задача стояла перед Думчевым! Не мог же он сам все оборвать. **И потом:** самоубийство – это трусость. А я вижу Думчева таким спокойным, смелым, сосредоточенным, каким он стоял на помосте на ярмарочной площади, готовый к своему безумному полету <...> [Владимир Брагин. В стране дремучих трав (1962)].

В данном примере до скрепы и после скрепы развивается одна микротема, сформулированная как «что-то странное и непонятное». Левый контекст представляет аргумент, вызывающий сомнение в версии «самоубийство»: начато много дел, стояла большая научная задача. В правом контексте скрепы два предложения. Первое содержит усугубляющий аргумент к высказанному в левом контексте сомнению: «самоубийство – это трусость». Это начало аргументации более сильного аргумента, обоснование которого развивается во втором предложении (спокойный, смелый, сосредоточенный).

Еще один подобный пример: Надо что-то делать, куда-то идти, как-то спастись. Уехать за границу? Документы у меня с собой. Вот только помыться надо перед походом в посольство. Но откуда я возьму деньги на билет? **И потом – что я там буду делать? Вот так же бомжевать, как я бомжую здесь? Там сытнее, это да. Но куда меня пустят, с какой стати?** [Александр Иличевский. Матисс // Новый Мир, 2007].

Смысл данного текста в сомнении у говорящего – «уехать за границу для изменения положения». Левый контекст представляет аргумент – для этого не хватает денег на дорогой билет. Вводимый скрепой дополнительный аргумент в правом контексте усиливает общее сомнение в том, стоит ли уезжать: даже если получится уехать, это не решит проблемы (что я там буду делать?).

Анализ фактического факта позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Текстовая скрепа *И потом* формирует присоединительные отношения между высказываниями и выполняет две различающиеся между собой функции: введение добавочной информации и введение дополнительной аргументации.

2. Основное различие между этими двумя функциями заключается в том, является ли аргументом вводимое скрепой сообщение в правом контексте, с помощью которого подкрепляется и усиливается аргумент в левом контексте.

3. При функции «введение добавочной информации» вводимое скрепой сообщение в правом контексте обычно является параллельным однородным высказыванием к левому контексту. При функции «введение дополнительной аргументации» оба контекста – левый и правый – представляют аргументы в рамках одного тезиса и вводимый скрепой аргумент в правом контексте объясняет и усиливает аргумент, высказанный в левом контексте.

Литература

1. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. науч. тр. Елец: Егу им. И.А. Бунина, 2002. С. 90–100.

2. Тюрин П.М. Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: монография. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. 202 с.

3. Цао Сяоминь. Функционирования текстовой скрепы *И потом* в позиции начала предложения // Мир науки, культуры, образования, 2021. № 4 (89). С. 398–401.

ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ *ПО*

Чэнь Сюэцин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье даются количественные данные предлогов, включающих «по» в основных современных грамматических и лексикографических трудах, перечисляется около 70 единиц, включающих «по». Представляется описание на примере предложной единицы «по вопросу» в рамках концепции М.В. Всеволодовой, предлагаются возможные стороны дополнения описания.

Abstract. The article provides quantitative data for prepositions including "no" in the main modern grammatical and lexicographic works, lists about 80 units, including "by". The description is presented on the example of a prepositional unit «no вопросу» within the framework of the concept of M.V. Vsevolodova, and are suggested the possible sides of the description.

Ключевые слова: производные предлоги, предложные единицы, «по», описание предлога, «по вопросу».

Key words: derivative prepositions, prepositional units, «no», description of the preposition, «no вопросу».

Количественные данные предлогов, включающих «по», в лингвистических трудах после РГ-1980

В русском языке активно идет процесс расширения служебных слов за счет знаменательных. В области предлога замечаем, что список производных предлогов в разных

лингвистических трудах постоянно пополняется новообразованиями предложного типа. В [РГ, 1980] фиксируются лишь 22 производных предлога, включающих «по». А в [Богданов, Рыжова, 1997] список составляет уже 33 единиц. В [Морковкин, 1997] выделено 25 единиц данного разряда. В «Толковом словаре служебных частей речи» [Ефремова, 2001] рассматривается 29 предлогов, включающих «по». Г.А. Шиганова рассматривает единицы, которые представляют собой сочетания слов, относя их к фразеологическим предлогам в противоположность однословным лексическим предлогам. В [Шиганова, 2003] значительно увеличивается состав предлогов (11 лексических производных предлогов, связанных с «по», и 51 фразеологический). В [Бурцева, 2010] описано 38 подобных предлогов. М.Г. Лепневым представлен реестр «Русские производные предлоги» [Лепнев, 2010], в который включается 41 производный предлог. Широкий круг единиц рассматривается в материалах [Всеволодова и др., 2014] российской рабочей группы проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии». В состав предложных единиц М.В. Всеволодовой и ее коллегами включаются все единицы, выполняющие функцию предлога. Все предложные единицы разделяются на собственно предлоги и эквиваленты предлогов в зависимости от их статуса и степени грамматикализации в рамках функционально-грамматического поля, что позволяет системно представить предлоги в лексикографическом описании.

На основе анализа вышеназванных материалов нами были обнаружены следующие производные единицы, включающие «по»:

а) единицы, связанные с наречиями: *поблизости, поверх, позади/позадь, помимо, поперед, поперек, посереду/посередь, посередине, посередке, посреди/посредь, посередине; поблизости от, поодаль от, вверх по, вдоль по, вниз по;*

б) предлоги, связанные с деепричастиями: *глядя по, судя по, смотря по;*

в) предложные единицы, связанные с именами существительными, значительно превосходящее количественно другие группы: *посредством; по адресу, по аналогии (с), по бокам от, по вине, по воле, по вопросам, по вопросу (о/об), по долгу, по истечении, по канве, по линии, по мере, по милости, по миновании, по направлению (к/ко/от), по неимению, по образу, по образцу, по обстоятельствам, по обыкновению, по окончании, по основанию; по основанию, по поводу, по праву, по предположениям, по примеру, по принципу, по причине, по прошествии, по пути (в/к/ко/на), по пятам, по свидетельству, по силе, по следам, по случаю, по согласованию, по соображениям, по стопам, по существу, по типу, по уполномочию, по условиям, по ходу, по части; по отношению к, по сравнению с; по чьему адресу/по чьим адресам, по всей строгости, по всем правилам, по свежим следам, по горячим следам.*

По сущности функционирования производные предлоги рассматриваются как служебные, а по производности часто вызывают возражения против отнесенности той или иной единицы к служебным. Это особенно проявляется в составных отыменных предлогах. Составные отыменные предлоги – это фразеологические предлоги (ФП) по Г.А. Шигановой, отыменные релятивы (ОР) по Е.С. Шереметьевой, предложные единицы (ПЕ) по М.В. Всеволодовой. В связи с этим актуальным является системное описание составных производных предлогов и совершенствование теории грамматики предлога.

Составные производные предлоги представляют собой особый функциональный класс, обладающий сходством по функции с предлогами, но существенно отличающийся от них по формальным, семантическим, синтаксическим, иногда и фонетическим признакам. В описании предлога необходимо учитывать все эти стороны. В частности, особое значение имеет функционально-коммуникативное описание употребления ПЕ по М.В. Всеволодовой.

Описание ПЕ в рамках работы М.В. Всеволодовой (на примере «по вопросу»)

Атрибуция предложной единицы, разработанная М.В. Всеволодовой и ее коллегами, включает характеристики, учитывающие синтагматику и парадигматику каждой единицы. В состав словарной статьи входят следующие пункты: 1. Заголовочное слово/сочетание слова + морфологическая форма присоединяемого слова; 2. Стилистическая характеристика; 3. Просодические и фонетические (морфонологические) характеристики; 4. Морфологические, графические или фонетические варианты; 5. Статус единицы (предлог или эквивалент предлога); 6. Морфосинтаксический тип единицы: производность/производность и количество лексем предлога; 7. Степень смысловой самостоятельности предложной синтаксемы: свободная, обусловленная или связанная синтаксема; 8. Возможные позиции синтаксемы в структурно-семантической организации и коммуникативной структуре предложения; 9. Парадигматика предложной единицы: 9.1. грамматическая парадигма; 9.2. текстовая парадигма предлога; 9.3. адъективация имени актанта; 10. Синонимы; 11. Антонимы; 12. Способность / неспособность к образованию союзов и союзных слов; 13. Особенности отображения в словарях; 14. Употребление в поговорах, поговорках, идиомах, фразеологизированных оборотах; и 15. Иллюстрации [Всеволодова и др., 2018, с. 6].

В настоящей статье представим словарное описание ПЕ *по вопросу* в соответствии с предложенной атрибуцией и с использованием принятых в указанной работе сокращений и обозначений. В частности, символ N с подстрочными буквами русского алфавита обозначает «существительное или его субститут» в форме одного из падежей, например, Ni – именительный, Nr – родительный и т.д. [Всеволодова и др., 2018, с. 8].

Словарная статья ПЕ *по вопросу*

по вопросу чего (Nr): *Комиссия России и Евросоюза по вопросу безвизового режима создана на прошлой неделе.* [Андрей Степанов. Яблоко – не правая партия // Московские новости, 2003].

Атрибуция: – 2. Книжный. – 5. Предлог. – 6. Сложный отыменный (*вопрос*) с немотивированным предлогом. – 7. Свободная. Реляционные. – 9.1. – Морфосинтаксическая парадигма в постпозиции к предлогообразующему существительному по вопросу о (б), по вопросу относительно, по вопросу насчет :

Он же воздержался и при принятии решения по вопросу о снятии полномочий депутатами с самих себя [Юрий Никулин. Всё течёт (2013.05.31) // Новгородские ведомости, 2013];

В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма, относительно зрелости мирового хозяйства [Н.И. Бухарин. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР (1920–1929)];

Поднялась новая буря смеха, Тося и Оля закрыли щеки руками, а Ефим обязательно хотел всех перекричать и спрашивал, когда мадам Хомицкая и мадам Чеперуха смогут его принять по вопросу насчет своих туалетов [Аркадий Львов. Двор (1981)];

– множ. число предлогообразующего существительного: **по вопросам**:

Заседание рабочей группы по вопросам возвращения беженцев [Россия–Грузия // Дипломатический вестник, 2004];

– мена предлога в препозиции к предлогообразующему существительному: **к вопросу о(б)**:

Это я к **вопросу о равноправии полов за который так сильно ратовали женщины в свое время** [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)];

9.2. Текстовая парадигма: **по этому вопросу, по данному вопросу:**

Вместе с тем был поднят вопрос о том, чтобы снять с личных хозяйств любые численные ограничения. В политбюро мнения **по этому вопросу** разделились [Жамбын Батмунх: насилие не применять // Проблемы Дальнего Востока, 2002.12.30];

9.3. Адъективация актанта: **по вопросу евреев – по еврейскому вопросу:** Попутно автор высказывается **по шекспировскому вопросу и по вопросу еврейскому**, рассуждает о политике и экономике [Юлия Рахаева. Настоящая женщина в мужском деле. Книжный развал // Известия, 2002.03.31]. – 10. **в отношении** кого-чего, **относительно** кого-чего, **про** кого-что; **с учетом** чего, **насчет** кого-чего. – 12. **по вопросу того, что:** *И никакого согласования с Японией по вопросам того, кого допускать к промыслу, быть не может* [Нильс Йогансен. Клёва!. Японцы покушаются на российскую рыбу // Известия, 2001.08.20]. – 13. СОШ и МАС не отм. – 15. Примеры: *Ждать решения специальной комиссии по вопросу возможности вашей занятости придется около 2-4 недель* [коллективный. Форум: Как студенту устроиться на работу в Австрии (2012)].

Конечно, предложенные и продемонстрированные способы представления предложных единиц требуют дополнения. В процессе дальнейшей работы будут выявлены еще некоторые характеристики, например, необходимо указать омонимичные сочетания ПЕ:

При этом возможны один выбор (например, по вопросу требуется указать одного человека) или несколько выборов по степени значимости («Кого вы выбираете в первую очередь, вторую, третью и т. д.» [коллективный. Учебник по обществознанию. Профильный уровень. 10 класс (2007)]

Кроме того, необходимо конкретизировать семантику ПЕ, изучить их синтаксические особенности. Опыт и принципы такого анализа представлены в [Шереметьева, 2008]. Выявляя и описывая семантику отыменных релятивов, Е.С. Шереметьева выделяет 1. общую категориальную семантику конструкции; 2. левый компонент; 3. правый компонент; 4. тип контекстов; 5. позицию релятива в коммуникативной и членопредложенческой структуре; 6. осложняющие компоненты и другие. В дальнейшем изучении данные описания помогут в выявлении значения ПЕ и в пополнении нашего описания.

Литература

1. Богданов С.И., Рыжова Ю.В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 168 с.
2. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа, 2010. 760 с.
3. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц (объективная грамматика). Кн. 2: А–В (объективная грамматика) / под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018. 800 с.
4. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Едиториал УРСС, 2014. 304 с.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. 862 с.
6. Лепнев М. Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб.: ИП «Ефименко Д.Л.», 2010. 314 с.
7. Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
8. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1 / гл. ред. Шведова Н.Ю. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. 235 с.
10. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.

СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ

ГЛАГОЛ ИЛИ СВЯЗКА?

Н.А. Герасименко

Московский государственный областной университет
Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс грамматизации связок при их функционировании в составе связочно-субстантивного сказуемого. Цель – показать, какие части речи вовлекаются в процесс формирования корпуса связок. Представленный материал расширяет представление о системе связок в современном русском языке и подтверждает активизацию аналитических процессов в синтаксисе.

Abstract. The article analyzes the process of grammaticization of the link-verbs during their functioning as part of the substantive-copula predicate. The goal is to show which parts of speech are involved in the process of forming a link-verbs corpus. The presented material expands the understanding of the system of link-verbs in the modern language and confirms the activation of analytic processes in syntax.

Ключевые слова: грамматизация, связка, связочно-субстантивное сказуемое, глагол, предикатив.

Key words: grammaticization, link-verb, substantive-copula predicate, verb, predicative.

Как известно, сказуемое – один из главных членов двусоставного предложения, являющийся семантическим центром высказывания, выражающий своими формами предикативные значения и связь с подлежащим. Центральное положение сказуемого в синтаксисе обеспечивало на протяжении всей истории развития лингвистики внимание к этому члену предложения, его составляющим и породило разные подходы к квалификации сказуемого [См., напр.: Пешковский, 2001; Шахматов, 2001; Арутюнова, 1999; Бабайцева, 2015; Золотова, 1998; Лекант, 2017 и др.].

В основе классификации, предложенной П.А. Лекантом, лежит распределение вещественного и грамматического значения между компонентами сказуемого [Лекант, 2017, с. 16–18]. В простом сказуемом вещественное и грамматическое значения реализуются в одном компоненте: *Снег **покрыл** землю (полнозначный глагол); Мальчишка целый день **бил баклуши** (фразеологизм); Строители за лето **произвели ремонт** в школе (описательный глагольно-именной оборот).* В составном сказуемом вещественное и грамматическое значения распределены между разными компонентами – основным (вещественное) и вспомогательным (грамматическое): *Студенты **начали учиться** в аудитории (составное глагольное сказуемое); Москва – **красивый город** (составное именное сказуемое).* На наш взгляд, эта теория отличается логичностью, непротиворечивостью в оценке типологических качеств сказуемого и иерархичностью. Развивая и дополняя эту теорию, отмечаем, что важным критерием разграничения глагольного и именного сказуемого является позиция говорящего.

По отношению к реальной действительности говорящий может находиться в позиции наблюдателя или информатора. В зависимости от этого он может или отражать в речи происходящие события, или оперировать с объектами внеязыкового мира, реализуя собственное представление об их признаках, сравнивая, отождествляя или оценивая их. **В позиции наблюдателя** говорящий видит, слышит, осязает, обоняет – наблюдает то, о чём сообщает в высказывании. Языковым отражением наблюдаемого события является, в терминологии Т.В. Шмелевой, **событийная** пропозиция [Шмелева, 1994]. Типичным для русского языка способом категоризации событийного значения является глагол. Он

выражает предикативные значения модальности, времени и лица, что является необходимым признаком существования предложения вообще. Следовательно, глагольное сказуемое передаёт содержание событийной пропозиции. Семантика, которую выражает глагольное сказуемое – это семантика протекающего процесса.

В позиции информатора автор высказывания реализует разные мыслительные операции, опираясь на свои знания, опыт, представления о действительности. Таким образом он передаёт информацию о собственном мнении. Т.В. Шмелева назвала такие операции логическими и установила взаимосвязь между логической операцией и её отражением в языке – логической пропозицией [Шмелева, 1994]. Вслед за Т.В. Шмелевой, считаем, что категоризация логических значений происходит в системе именных частей речи: преимущественно существительных и прилагательных, реже других знаменательных частей речи. Они составляют основной компонент составного именного сказуемого. Этот тип сказуемого обозначает не процессы, а разного рода характеристики, оценки, сравнение и др. [Герасименко, 2017].

Именные части речи, как известно, не могут выразить своими формами предикативных значений, следовательно, предложения, отражающие мыслительные операции говорящего, нуждаются в дополнительных языковых средствах, способных выразить модально-временные и личные значения предложения. Таким средством является связка. Связке посвящены многие работы лингвистов [Арутюнова, 1999; Виноградов, 1972; Герасименко 2018; Лекант, 1995; Попова, 2012 и др.]. Существует множество классификаций связок, которые отражают разные стороны этого синтаксического явления. Так, для Н.Д. Арутюновой важной была логическая сторона связки, её участие в выражении истинных и ложных значений, её автономность в высказывании [Арутюнова, 1998, с. 449]; В.В. Виноградов рассматривал связки не только на синтаксическом уровне, но и на морфологическом – он видел связки как отдельную часть речи [Виноградов, 1972, с. 42–43]; П.А. Лекант подробно остановился на специализации и функциях связки [Лекант, 1995]; Н.А. Герасименко исследовала функционирование связок в бисубстантивных предложениях [Герасименко, 2012, с. 51]; в развитие и дополнение теории связки, предложенной П.А. Лекантом, Л.В. Попова представила комплексное описание системы связок, отражающей «единство грамматической формы и грамматического значения» [Попова, 2012, с. 4].

Разграничение полнозначного глагола и связки представляет собой определённую трудность в практике преподавания синтаксиса. Проблема заключается в изменении семантики глагольного слова при использовании его в функции связки в составном именном сказуемом. На примере связки *составлять*, функционирующей в связочно-субстантивном сказуемом, можно наблюдать, как это работает [см. подробно: Герасименко 2018a]. Полнозначный глагол передаёт вещественное и грамматические значения сказуемого своими формами. Он на морфологическом уровне составляет опору глагольного сказуемого как синтаксического феномена: *Я раскрыл тетрадку и стал составлять список хвостов: веер, труба, полено, куцик* (Юрий Коваль). В составном глагольном сказуемом полнозначный глагол обозначает протекающий процесс, действие, производимое говорящим.

Связка выступает представителем синтаксического уровня предложения, на этом уровне она включает именные части речи в составе сказуемого в синтаксическую связь с подлежащим: *Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот живой беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома* (Л. Толстой). Связка в связочно-субстантивном сказуемом является тем структурным компонентом, который обозначает позицию

сказуемого, выражает предикативные значения и реализует грамматическую связь сказуемого с подлежащим: *В моих понятиях женщина на бале составляет с своим нарядом нечто целое, нераздельное, особенное* (М. Лермонтов).

В стилистическом отношении связка *составлять* является нейтральной, но обладает ограниченной сочетаемостью. В связочно-субстантивном сказуемом она сочетается только с формой винительного падежа существительного. Такое употребление ограничивает частоту её использования и отражается на грамматических свойствах связки. Связка *составлять* потенциально имеет полную темпоральную парадигму, что позволяет выражать необходимые предикативные значения: *Исключение составляют любовь и музыка, без них Андрей не может* (ж-л «Космополитен»); *Покупка Горячкинского леса составляла для него дело огромной важности* (Л. Толстой); *Наблюдение за ней будет составлять главное твоё дело* (Б. Акунин). Б.Ю. Норман, наблюдавший за особенностями лексических единиц в речевом употреблении, отмечает «внутренний антагонизм словоформы и парадигмы»: «Получается, что потенциально парадигма слова полная. Но эта полнота имеет место в сознании до тех пор, пока говорящий не сталкивается с необходимостью образовать конкретную форму от конкретного слова. Вот тут с очевидностью проявляется избирательность языковой системы, обусловленная когнитивными и коммуникативными потребностями носителя языка» [Норман, 2016, с. 108].

Подтверждают мнение Б.Ю. Нормана наши наблюдения в области употребления связок. Можно заметить, что такую **избирательность** связка *составлять* проявляет по отношению к объективной модальности. Формы сослагательного наклонения и повелительного наклонения встречаются редко: – *Акции составляли бы твой основной доход, а остальное – побочный. – Да пусть составляют, я же не против* (Т. Полякова). Анализируемая связка представляет отношение признака к субъекту как фактически существующее (аналогично связкам *быть, являться* и под.), что и затрудняет выбор форм ирреальных наклонений и будущего времени, которые остаются потенциально существующими в парадигме связки. **Особенности грамматической парадигмы** отмечаем как один из критериев разграничения связки и полнозначного глагола.

Полнозначный глагол *составлять* представляет собой форму несовершенного вида глагола *составить*, который имеет в современном русском языке 8 значений [МАС, т. 4, 208]. Часть этих значений сохраняет связь с глаголом *ставить* (1. Поставить рядом или в одно место; 8. Переставить сверху вниз); другая часть связана с семантикой ‘образовать’, ‘создать’ (2. Создать, образовать что-л. целое, подобрав и соединив отдельные части; 3. Образовать, сформировать группу, коллектив, подобрав соответствующих лиц; 5. Создать путём наблюдений или логических заключений; 6. Образовать, дать в совокупности, итоге, сумме; 7. Явиться чем-л., образовать, создать что-л.) [МАС, т. 4, с. 208]. К названным значениям в глаголе несовершенного вида *составлять* прибавляется ещё одно: 2. Являться содержанием чего-л., образовывать собой что-л. [там же].

Семантика ‘являться чем-л.’ и ‘являться содержанием чего-л.’ ближе всего к связочной семантике, ср.: ‘быть чем-л.’, ‘представлять собой что-л.’ и под. Именно это значение актуализируется в связке *составлять*: *Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так чтобы слишком толстые, однако же и не тонкие* (Н. Гоголь) – ‘были, являлись другими’; *И в ней было то, что составляет главную прелесть общения с любящей женщиной, в ней было благодаря любви к мужу ясновиденье его души* (Л. Толстой) – ‘является прелестным’. Синонимическая замена связки выявляет

некоторые особенности её семантики. Меньшая отвлечённость наблюдается, если при замене связки сохраняется существительное в основной части, которое не преобразуется в прилагательное: *Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы* – ‘были удовольствием’ (Л. Толстой). Меньшая степень отвлечённости и сохранение связи с семантикой глагола *составлять* 2, реализуется в значении связки ‘являться содержанием чего-л.’ [МАС, т. 4, с. 208]: *Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предмет его помышлений* (Н. Гоголь) – ‘было предметом помышлений’. В приведённых примерах связка *составлять* также синонимична связкам *быть*, *являться*, но может актуализировать семантику ‘являться содержанием чего-л.’

Вхождение связки в синонимический ряд с другими связками является одним из успешных приёмов разграничения полнозначного глагола и связки, ср. полнозначные глаголы: *Она умела правильно составлять все документы, с ней не страшна никакая налоговая инспекция* (В. Токарева. НКР) – ‘образовывать, создавать’; *Вошла буфетчица, поставила на край стола поднос и стала составлять стаканы* (Ю. Домбровский. НКР) – ‘ставить рядом’. В приведённых примерах замена связками *являться*, *быть* невозможна. Полнозначный глагол *составлять* в сочетании с модальным и фазисным глаголами образует составное глагольное сказуемое, обозначающее процесс создания объекта. С грамматической точки зрения глагол *составлять* обладает полной модально-временной парадигмой и функционирует в формах ирреальных наклонений без ограничений: *составляет документы – составляла бы документы – пусть составляет документы; будет составлять документы* и т.п.

Процесс расширения корпуса связок в современном русском языке отмечается в работах большинства лингвистов (см., напр., указ. работы П.А. Леканта, Л.В. Поповой и др.). Пронаблюдаем, как происходит становление группы связок со значением сходства.

Слова *похож*, *схож*, *сходен*, *подобен* во многих работах квалифицируются с морфологической точки зрения как предикатив. Предикатив обладает грамматическими категориями наклонения, времени, числа, в определённых формах лица и рода [Дегтярёва, 2007]. Эти грамматические значения сформировались в предикативе в процессе длительного использования в функции сказуемого и отдалили его от исходного слова – краткой формы прилагательного.

В современном русском языке мы видим процесс дальнейшей «грамматизации» некоторых групп слов, входящих в класс предикативов. Так, развитие аналитизма в современном русском языке продолжается под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. В обществе усиливается интерес к личности, её проявлениям и желаниям. Антропоцентрическая составляющая языка реализуется через отражение мыслительной деятельности человека, производимых им логических операций, которые в языковом отношении проявляются преимущественно в неглагольных предложениях с составным именным сказуемым. Усиливается оценочная составляющая речи, развиваются характеризующие значения. И в этом смысле связка становится активным элементом выражения мнения говорящего. Можно видеть, как развивается тенденция к копулизации (*copula* – лат. – связка) слов разных частей речи (в том числе предикатива), связанная с развитием аналитизма в системе русского языка.

Рассмотрим эту тенденцию на примере словоформы *похож* (см. также подробно: [Герасименко, 2006, с. 8–11]). Первый шаг в грамматизации этого слова был сделан, когда бывшая краткая форма прилагательного *похожий* приобрела в русском языке модально-временные и личные формы, то есть получила возможность выражать грамматическое

значение предложения – предикативность: *Д. был похож на индюка, с важностью расхаживающего по птичнику, однако себе он чрезвычайно нравился* (Б. Акунин); *Он [Архип] стар, горбат, как верба, и беззубый рот его похож на дупло* (А. Чехов); *Когда Антон улыбается, он очень похож на Макса* (А. Червинский). Вещественное значение предикатива ослабевает, утрачивается, на его месте развивается грамматическое значение. Грамматические значения разнообразны. Преимущественно это оттенки модальных или эмоциональных смыслов. Слово *похож* приобретает грамматическое значение сходства как вид отношений между связочно-составным сказуемым и подлежащим двусоставного предложения: *Их встречи и разлуки похожи были на биение тайного ритма* (Д. Быков). Производится логическая операция приписывания сходства двум объектам внеязыкового мира. Эту операцию и обозначают связки со значением сходства. Второй шаг грамматизации предикатива *похож* приводит это слово к связке. Предикатив теряет значение непроцессуального качественного состояния и приобретает квалифицирующее грамматическое значение, которое характерно для диктумных связок [Герасименко, 2012, с. 66]. Квалифицирующим значением является выражение синтаксических отношений, возникающих между сказуемым и подлежащим в двусоставном предложении, для связки *похож* это семантика сходства. Поскольку изначально присущая прилагательному и предикативу сема ‘сходство’ сохраняется в связке даже при глубокой грамматизации, связка *похож* занимает промежуточное место между вполне сформировавшимися связками (*являться, становиться*) и полнозначным предикативом (*скучно, темно*).

Третьим шагом в процессе грамматизации слова *похож* является употребление формы среднего рода предикатива *похоже* в функции вводного слова со значением неуверенности говорящего в достоверности события: *Так, похоже, мы с тобой на другой планете?* (А. Твардовский); *Похоже, он переживал во сне прекрасные моменты своей биографии* (Д. Быков), а также в функции модального слова в нечленном предложении со значением неуверенного согласия: – *Кажется, мы влипли с тобой. – Похоже* (В. Коробов). В слове развивается модальное значения неуверенности, характерное для лексико-грамматического класса модальных слов, обладающих максимально обобщённым, грамматизованным значением.

В качестве связки слово *похож* употребляется только в связочно-субстантивном сказуемом в соотношении с номинативным подлежащим. Грамматизация связки требует включения в состав сказуемого объекта сходства для выражения вещественного значения, при этом образуется семантически неделимое единство, называющее предикативный признак, приписываемый подлежащему. *Всё бы хорошо – говорит, – но знаешь, Макс, ты похож на привидение. Какой-то ты... ненастоящий. Выдумка, не человек* (М. Фрай); *На девицу вы похожи, как деревянное сабо на бальную туфельку* (Б. Акунин).

Другие предикативы со значением сходства (*схож, сходен, подобен*), менее частотные в современном русском языке, испытывают под влиянием синтаксической позиции сказуемого аналогичные изменения. Они грамматизируются и продвигаются в сторону диктумных связок: *А четвёртая в небе живёт [струна]. А четвёртая схожа с зарей* (Р. Рождественский); *Начальный этап плавания для хорошего экипажа подобен стакану обжигающего рома* (Б. Акунин). Предложенный анализ позволяет видеть, что в составе предикатива как части речи образовалась группа слов со значением сходства, которая продолжает испытывать грамматизацию и переходит в связки.

Разграничение полнозначного глагола и связки (разного происхождения) представляет собой значительную трудность, потому что лексическое значение слова ослабевает постепенно, с разной степенью в зависимости от окружения. Важную роль в этом процессе играют позиция говорящего, особенности грамматической парадигмы, возможность образовывать синонимические ряды со связками, сочетаемость.

Завершая разговор о критериях разграничения полнозначного глагола и связки, необходимо отметить, что во многих случаях границы между ними являются размытыми, нестабильными, что свидетельствует о динамичности грамматической системы русского языка, наличии переходных явлений и вовлечении в круг связок слов разных частей речи.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. М: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.
4. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
5. Герасименко Н. А. От предикатива к связке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 1 (15). М., 2006. С. 8–11.
6. Герасименко Н.А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018, № 3. С. 37–42.
7. Герасименко Н.А. Полнозначный глагол или связка? Грамматические и семантические особенности связки *составлять* // Рациональное и эмоциональное в русском языке, 2018а. [Электронный ресурс]: Сб. тр. междунаrod. науч. конф. Москва, 23–24 ноября 2018 г. / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) и др. Электрон. текстовые дан. (7,15 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 89–92.
8. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 161 с.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998. 528 с.
10. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: ИУУ МГОУ, 2017. 132 с.
11. Лекант П.А. Функции связок в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 90–96.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
13. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка. Монография. Архангельск: Изд-во «КИРА», 2012. 304 с.
14. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
15. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994. 47 с.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СЛОВОФОРМЫ *В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ*

Т.В. Конченко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные типы употребления и способы введения в высказывание лексикализованной предложно-падежной словоформы «в большинстве своем», определены синтаксические отношения, в выражении которых эта словоформа участвует.

Abstract. The article considers the main types of usage and ways of introducing a lexicalized prepositional-case word form into an utterance for «в большинстве своем», defines the syntactic meanings in the expression of which this word form participates.

Ключевые слова: лексикализованные предложно-падежные словоформы, слова-гибриды, полифункциональные слова, метатекст, пояснительная конструкция, противительные отношения.

Key words: lexicalized prepositional-case word forms, hybrid words, multifunctional words, metatext, explanatory construction, oppositional relations, the meaning of opposition.

Наше исследование является продолжением работы по разностороннему описанию словоформ *во многом, в большинстве своем, в массе своей*. У исследователей нет единого мнения о том, к какой части речи отнести подобные слова, каким термином их обозначить. Исследуемые словоформы *во многом, в большинстве своем, в массе своей* вслед за Г.Н. Сергеевой мы относим к широкому кругу слов, к так называемым гибридам – лексикализованным предложно-падежным словоформам [Сергеева, 2017, с. 6].

Лексикализованная предложно-падежная словоформа *в большинстве своем* входит в семантическую группу полифункциональных слов с количественно-ограничительным значением, наряду со словами *без малого, в среднем, по преимуществу, по большей части, в большей мере, в сумме*. В словарях дается значение *в большинстве своем* – ‘о большей части кого-чего-нибудь’ [Ожегов, Шведова, 1997]. Количественная семантика исследуемого слова обусловлена значением исходного существительного *большинство* – ‘большая часть кого-, чего-нибудь’ [Там же].

Сравним два предложения:

(1) *Большинство студентов – отличники.*

(2) *Студенты в большинстве своем – отличники.*

Если в первом предложении утверждается, что большая часть студентов является отличниками, то во втором предложении нет категоричности высказывания. Обозначив предмет речи «студенты», говорящий делает оговорку: «Я говорю не о всех студентах, а о большей их части». Таким образом, *в большинстве своем* вводит в высказывание свернутую пропозицию. Конечно, устная речь оказывает огромное влияние на письменную. Об отдельной пропозиции говорит и выделение паузами словоформы *в большинстве своем* в устной речи, а в письменной – знаками препинания. Автор размышляет на определенную тему и по ходу размышления производит самокоррекцию: *Выборы прошли, народ (в большинстве своем) проявил благоразумие, значит ещё поживем* [https://www.ngs24.ru]. Автор предупреждает: его оценка распространяется не на весь состав лиц, а только на их часть, на большую их часть. Перед нами свернутый комментарий автора, в развёрнутом виде

он выглядит так: *Банки страны – не все, но в большинстве своем, решили обождать и не поднимать ставки по льготной ипотеке до семи процентов...* [www.kazanfirst.ru]. *Все эти персонажи, нью-йоркские иммигранты, они же явно не выдуманные, не из головы взятые? Ангелина Никонова: Они выдуманные. Не все, но в большинстве своем. Тот же Гамлет...* [www.kino-teatr.ru]. *Эрик Низаев, ученик школы № 10: «Вопросы были достаточно простые. Не все, но в большинстве своем. И в принципе, если ты готовишься к ЕГЭ по истории, то эти задания более чем решабельные»* [www.proneftekamsk.ru]. Развернутое сочетание «не все, но в большинстве своем» и его вариант употребляются в качестве оговорки. Давая оценку объектам речи, автор не хочет утверждать категорично о полном составе этих объектов сообщения, потому что всегда есть исключения. Включение в высказывание *в большинстве своем* – это способ подстраховки, возможность избежать критики в свой адрес в необъективности.

Рассмотрим основные типы употребления и способы введения в высказывание лексикализованной предложно-падежной словоформы *в большинстве своем*, определим синтаксические отношения, в выражении которых эта форма участвует.

В большинстве своем обычно занимает постпозицию по отношению к теме высказывания, к предмету речи: *Мужчины в большинстве своем безропотно потянулись прочь, женщины же, набившиеся в кухню, поворчали немного, но тоже разошлись* [https://www.livelib.ru/book/1002858173-slushaj-lunu-majkl-morpurgo]. *Умение восполнять свои силы и заботиться, прежде всего, о самой себе – это то, что наши женщины в большинстве своем, к сожалению, не умеют* [http://loveread.ec/view_global.php?id=51027]; *Люди в своем большинстве живо интересуются всем на свете, за исключением того, что действительно стоит знать* [Оскар Уайльд].

Довольно часто *в большинстве своем* употребляется в бисубстантивных предложениях (термин Н.А. Герасименко) для исключения безусловного утверждения или отрицания. Автор осторожен в выражении своего мнения: *Люди в большинстве своем лодыри – не заботятся о здоровье* [газ.]; *Сегодня люди в большинстве своем прагматики, вы так не думаете? Ведь сейчас многие предпочитают деньги, а не любовь* [газ.]. *Врачи в большинстве своем – реалисты, однако это не мешает многим из них верить в приметы* [www.medvestnik.by]; *Российские вина на сегодняшний день в большинстве своем абсолютно конкурентоспособны* [www.riamoda.ru]. В качестве субъекта выступает одушевленное или неодушевленное существительное во множественном числе, а предикатом является оценочное существительное (прилагательное). *В большинстве своем* ограничивает распространение оценки на всю группу лиц или предметов, названную в теме.

Лексикализованная предложно-падежная словоформа *в большинстве своем* употребляется в предложениях со схемами *Если говорить о..., то ; Что касается..., то*. В таких предложениях союз *если* утрачивает типовую синтаксическую функцию до конца: «Особый вид семантического осложнения представляют предложения с союзом *если*, в которых союз утрачивает типовую синтаксическую функцию и выполняет роль выделителя предмета для последующего оценочно-комментирующего сообщения о нем» [Ван Лань, Михайлова, с. 9]. Значения условия в таких предложениях нет. Синтаксическое клише *Если говорить о..., то* с семантическим элементом ‘*говорить*’ относится к показателям метатекста [Вежбицка, 1978, с. 402–421], указывая направление хода мыслей. *Если говорить о* выделяет тему высказывания, представляя совокупность лиц или предметов, а затем *в большинстве своем* ограничивает эту совокупность в оценочно-комментирующем

сообщении: *Если говорить о личности мошенников, то в большинстве своем они хитры и изворотливы, обладают богатой фантазией и актерскими способностями* [www.bk.55.ru]; *Если говорить о советских музеях, то в большинстве своем их здания вряд ли можно назвать пригодными для музеев...* [www.artvesti.ru]; *Если говорить о инвесторах в МФК, то в большинстве своем это предприниматели* [www.zen.yandex.ru].

Лексикализованная предложно-падежная словоформа **в большинстве своем** употребительна в еще одном синтаксическом клише, вводящем тему высказывания, что касается..., то: *Что же касается работ российских авторов, то в большинстве своем – это компиляции из нескольких зарубежных источников* [www.bistrast.ru]; *Что касается посетителей интернет-форумов, то в большинстве своем это люди из футляра*[by.tribuna.com]; *Что касается присяжных заседателей столичных губерний в целом (т.е. вместе с нестоличными уездами), то в большинстве своем они также являлись представителями привилегированных сословий, хотя и не в такой степени* [НКРЯ].

Лексикализованная предложно-падежная словоформа **в большинстве своем** встречается и в **препозиции** по отношению к теме высказывания, предмету речи: *В большинстве своем дети бывают морально и физически готовы к школе, как правило, с первого дня они осознают, что вступают в совершенно новый период жизни* [НКРЯ]; *В большинстве своем люди не могут присутствовать на собственной операции в силу особенностей человеческой психики* [НКРЯ]; Дмитрий Певцов: *«В большинстве своем, артисты – несчастные люди!»* [smi2.ru]. Характер синтаксических отношений в этом случае меняется, их можно назвать обобщающе-ограничительными.

Семантически словоформа **в большинстве своем** приспособлена для выражения пояснительных отношений, в частности, такой их разновидности, как отношения включения. Под отношениями включения мы понимаем тип пояснительной конструкции со значением общего и частного [Прияткина, 1990, с. 74]. Частное представляет собой какой-то компонент общего, входит в его состав наряду с другими компонентами. Частный компонент, входящий в состав общего и выделяемый словом **в большинстве своем**, представляет собой более значимый по смыслу для говорящего, чем все остальные: *В приемной былолюдно, посетители, в большинстве женицины, стояли в очереди к окошечкам, некоторые сидели на диванах <...>* [В.С. Гроссман. Жизнь и судьба]; *На скамье подсудимых 84 человека, в большинстве своем южноафриканцы, которых обвиняют в попытке свержения президента Экваториальной Гвинеи <...>* [газ.]; *Те, кто уцелел, в большинстве своем раненые и контуженые, были захвачены в плен* [www.livelib.ru]. В таких конструкциях словоформа реализует значение ‘преимущественно, главным образом’.

А.Ф. Прияткина отмечает, что «включение часто строится по образцу сложного ряда (обобщающее слово и однородные члены)» [Там же, с. 74]. Это действует и по отношению к нашему слову, мы встречаем его в сложных рядах, где используется не только один частный компонент, маркированный **в большинстве своем**, но и другие, менее значимые: *У правления стали собираться люди, в большинстве старики и старухи, несколько подростков*[П. Нилин. Четыре повести]; *Состав кандидатов очень разнообразен. Есть среди них моряки, рыбаки, студенты, спортсмены, военные, милиционеры... Много адвокатов. Но в большинстве своем – это руководители предприятий и коммерческих фирм* [газ.].

Регулярно употребляются выражения «В большинстве своем это (были) N 1». Вводимое словоформой **в большинстве своем** предложение имеет устойчивую структуру: *На каменном полу – ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастерках и штанах, так что постелить и*

разу нечего. Кое на ком даже и гимнастерки не было, одни бязевые исподние рубашки. **В большинстве это были** младшие командиры [М. Шолохов. Батраки]; **Представители этих** (спекулятивных) фирм, независимо от национальности, были похожи друг на друга, как родные братья. **В большинстве это были** чернявые и прырливые юноши [К. Паустовский. Бросок на юг]; Одесская и другие области Украины, соседние с Молдовой, наводняются беженцами с Левобережья. **В большинстве это** женщины и дети [Газ.].

Лексикализованная предложно-падежная словоформа в большинстве своем оформляет отношения пояснения, вводя абзац:

В эти дни в центре города, там, где Бродвей пересекается с сорок второй улицей, больше, чем обычно, молодых людей в хаки, в зеленом, в белом...

В большинстве это увалистая, застенчивая, прыщавая американская провинция [Г. Боровик. Пролог];

Густую толпу взятых в плен офицеров сопровождал, кольцом охвативший их, конвой в тридцать казаков – 44-го полка и одной из сотен 27-го <...>.

В большинстве офицеры были молодые, лишь у нескольких инеем белела седина [М. Шолохов. Тихий Дон].

Семантика лексикализованной предложно-падежной словоформы в большинстве своем содержит не только количественный компонент ('большой частью'), но и сравнительно-выделительный, что связано с наличием у слова семы релятивности, противопоставления: 'большой частью' означает, что есть и другая часть – меньшая, которую говорящий рассматривает как менее значимую. Это противопоставление, заложенное в самой семантике слова, дает возможность для реализации в контексте противительных отношений. Подавляющая часть противопоставляется всему остальному как менее значимому. Словоформа в большинстве своем участвует в выражении противительных отношений в конструкции ряд: *Водолей что-то вроде пледа на диване – порой уютен, но в большинстве своем в быту бесполезен* [www.wmj.ru]; *Реки, питающие озеро, в меньшинстве имели воду, в большинстве же пересохли* *Растительность сосредотачивается в долинах рек* [www.nauka.club]. Отношения противопоставления в большинстве своем формирует при поддержке союза *но*, противительной частицы *же* и в сочетании с антонимом в *меньшинстве*.

Таким образом, семантика лексикализованной предложно-падежной словоформы в большинстве своем позволяет ей участвовать в выражении ограничительно-выделительных, пояснительных отношений, отношений противопоставления.

Литература

1. Ван Лань, Михайлова О.А. Предложения с союзом *если* в современной повседневной речи: аксиологический аспект // Язык. Текст. Культура. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94869/1/978-5-91256-505-2_2020-01.pdf
2. Вежбица А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
4. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. Учеб. пособ. для филологических специальностей вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
5. Сергеева Г.Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 296 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1997. <https://gufo.me/dict/ozhegov>.

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ СЛОВОФОРМЫ *НА МИНУТОЧКУ (НА СЕКУНДОЧКУ)* ВО ВВОДНО-МОДАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Г.Н. Сергеева, Е.А. Шнырик

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс перехода от словоформы «на минуточку» в обстоятельственном значении к модальному слову со значением привлечения внимания собеседника перед предъявлением важной информации. Анализируются типовые речевые ситуации, в которых данная единица используется как вводно-модальное слово в общественно-политическом дискурсе, описываются различные риторические эффекты, возникающие благодаря введению этого слова в высказывание. Основной вывод состоит в том, что использование лексикализованной словоформы «на минуточку (на секундочку)» в риторических целях не противоречит нормам литературного языка.

Abstract. The article describes the process of transition from the adverbial word form “na minutochku” to the modal word with the meaning of highlighting the important information before presenting it to the interlocutor. The typical speech situations where this item is used as parenthetical modal word in social and political discourse is analyzed; different rhetorical effects appearing due to the use of this word in the phrase are described. The article concludes that the use of lexicalized word form “na minutochku” (“na sekundochnku”) in rhetorical purpose corresponds to the norms of standard language.

Ключевые слова: лексикализованная словоформа, вводно-модальное употребление, дискурс, риторический эффект.

Key words: lexicalized word, parenthetical modal use, discourse, rhetorical effect.

В начале двухтысячных годов внимание лингвистов [Виноградова, 2005; Маркасова, 2008; Сергеева, 2013¹] привлекло предложно-падежное сочетание *на минуточку (на секундочку)*, которое в средствах массовой информации начало употребляться не как глагольный распространитель с обстоятельственным значением (*зайти, присесть, остановиться на минуточку*), а как синтаксически изолированная единица, сигнал привлечения внимания адресата перед сообщением важной информации.

Россия боится, что независимости захочет сама Калининградская область. Это вам не Татарстан, не Чечня. Здесь, на минуточку, живут самые что ни на есть русские россияне (НКРЯ. Комс. пр. 10.07.2002).

Вне временного контекста, при отсутствии синтагматических связей с другими членами предложения, предложно-падежное сочетание *на минуточку (на секундочку)* превратилось в новый языковой знак – со своей звуковой формой (*на минуточку* сопровождается интонацией выделения, подчёркивания), своей семантикой, своим категориальным статусом. Предложно-падежное сочетание *на минуточку* подверглось модалации и стало использоваться как вводная конструкция.

Речевое новообразование, к которому стали прибегать журналисты, теле- и радиоведущие, вызвало неоднозначное отношение со стороны рядовых носителей русского языка, о чём свидетельствуют опросы информантов, проведённые Е. Маркасовой (2008) и Г.Н. Сергеевой (2011–2013). Для тех, кто воспринимал *на минуточку* во временном значении

¹ Под руководством Г.Н. Сергеевой в 2015 году на кафедре русского языка ДВФУ Е.А. Тулуновой была защищена дипломная работа по теме «Многопараметровое описание эквивалентов слова *на минутку (на минуточку), на секунду (на секундочку)*», в которой представлен опыт описания синтаксических, прагматических, стилистических особенностей рассматриваемой единицы.

«ненадолго», в новых контекстах оно было непонятным, нелогичным, абсурдным. Те же, кто уловил новое значение известной предложно-падежной словоформы, посчитали, что в русском языке уже существуют языковые единицы, выполняющие функцию привлечения внимания собеседника (*обратите внимание, заметьте*), и надобности в новом слове нет. Опрошенные в качестве замены *на минуточку* предлагали также вводные конструкции со значением попутного замечания *между прочим, кстати*. В этот синонимический ряд с пометой «шутливо-ироническое» вписывает *на минуточку* В.В. Химик в своём словаре экспрессивной разговорной речи [Химик, 2004, с. 324].

Рассмотрим примеры.

Сегодня высказался наконец генерал Милли / на секундочку / самый высокопоставленный военный США (В. Богданов, шеф Американского бюро ВГТРК. Россия-1. 60 минут. 20.09.2021); *Бабушка провела в больнице два месяца. На секундочку / она пережила коронавирус* (Внучка актёра Николая Крючкова. Россия-1. Прямой эфир. 14.04.2021); *Против выхода из состава СССР голосовали 8 миллионов граждан / на минуточку* (Политолог А. Семченко. Россия-1. 60 минут. 29.09.2021).

Вместо *на минуточку* (*на секундочку*) в каждом из приведённых высказываний без видимого ущерба для смысла могло бы быть *заметьте* или *между прочим*. Однако говорящий делает выбор в пользу *на минуточку* (*на секундочку*). Противоречие между легковесностью формы деминутива и весомостью содержания следующего (реже предшествующего) компонента высказывания придаёт ему особую экспрессию. *На минуточку* (*на секундочку*) оживляет речь, эмоционально окрашивает её, сокращает дистанцию между говорящим и его собеседником. Кроме того, оно обогащает дополнительными, имплицитными смыслами модальный план высказывания, что позволяет использовать *на минуточку* в риторических целях. Не случайно речевое новообразование ориентировано на определённый тип дискурса. К нему прибегают журналисты, политологи в публичном пространстве в процессе живого обсуждения актуальных проблем внутренней и внешней политики, когда перед говорящим стоит задача изложить своё видение происходящего, сообщить свою точку зрения, дать свою оценку, побудить собеседника принять свою картину мира.

ЛСФ *на минуточку* (*на секундочку*) обладает большим риторическим потенциалом. Включение её в высказывание порождает разнообразные риторические эффекты, описание которых и составляет основное содержание статьи.

Модальное значение *на минуточку* возникло на базе коммуникативно родственной ему «клишированной речевой формулы вежливо-фамильярного отвлечения собеседника от другого разговора или занятия для кратковременной коммуникации с говорящим» [Виноградова, 2005, с. 100].

Дмитрий Сергеевич, можно отвлечь вас на минуточку?

Обстоятельственное значение *на минуточку* трансформируется с устранением из высказывания глагольной формы.

Дмитрий Сергеевич, можно вас на минуточку?

Дальнейшее усечение высказывания происходит за счёт элиминации всего предикативного ядра.

Дмитрий Сергеевич, на минуточку.

Эллиптизация клишированной речевой формулы меняет и модальность высказывания. В развёрнутом варианте говорящий признаёт доминирование собеседника, прогнозируя его

реакцию как возможную. В усечённом варианте просьба отвлечься на минуточку звучит уже как принуждение, повеление.

Говорящий начинает доминировать над собеседником как носитель некоей информации, ради которой можно пренебречь другим разговором, другим занятием.

Показательно в этом отношении название радиопередачи в эфире «Русского радио» – «На минуточку». В анонсе проекта читаем, что ведущий – журналист Александр Малькевич, выступающий за права российских граждан. Хронометраж передачи – одна минута. За это время ведущий успевает рассказать всё, что произошло за день, дать оценку самым важным событиям. В названии передачи *на минуточку* используется как призыв, побуждение остановиться, отложить свои дела и внимать тому, что будет говорить ведущий, который отбирает информацию по принципу важно / не важно и подаёт её в своей оценке, влияя таким образом на формирование оценки происходящего со стороны аудитории.

Свободное функционирование ЛСФ *на минуточку* в императивном значении демонстрирует, кстати, и название первой посвящённой ей публикации – «На минуточку!» [Виноградова, 2005].

Приведённые факты позволяют говорить о речевом новообразовании *на минуточку* (*на секундочку*) как о «полностью лексикализованной фигуре речи» [Левонтина, 2021].

Высвободившаяся из цепочки линейных связей словоформа *на минуточку* с обстоятельственным значением превращается во вводно-модальное слово из числа тех, которые исследователи относят к «манипуляторам сознания, способным по-разному диктовать собеседнику волю говорящего» [Маркасова, 2008, с. 241].

Рассмотрим типовые ситуации, в которых используется вводно-модальное слово *на минуточку* (*на секундочку*).

1. *На минуточку* (*на секундочку*) побуждает собеседника сосредоточить своё внимание и по достоинству оценить то, что будет сообщено далее. Говорящий сознательно прерывает речевую цепь, чтобы создать напряжение, интригу и после паузы преподнести информацию, которая должна удивить, поразить адресата.

Главный колокол, отлитый, между прочим, из двадцати восьми трофейных турецких пушек, весил, на минуточку, тысячу сто пятьдесят девять пудов (НКРЯ. Татьяна Соломатина. Мой одесский язык. 2011); <...> *Бояков* <...> *надеется, что в какой-то момент на второй спектакль будет продаваться не 200 билетов, как сейчас, а столько, сколько на первый. А весь зал бояковского МХАТа – это, на минуточку, 1300 мест* (<https://www.vedomosti.ru>); *У Audi есть свои нюансы. Её двигатель – это даунсайзер объёмом 1,4 л с турбонадувом, который производит – на минуточку – 211 «лошадей»! Это столько, сколько выдаёт 2-литровый бензиновый турбомотор, работающий на текущем Volkswagen GolfGTI* (НКРЯ. РБК Daily. 27.04.2011).

Все приведённые примеры «сообщают о чём-то количественно <...> противоречащем привычной картине мира, лишённой экспрессии» [Виноградова, 2005, с. 99]. Количественные показатели, вводимые *на минуточку* (*на секундочку*), превышают некую норму, стандарт и должны усилить воздействие на адресата.

2. Говорящий прибегает к вводно-модальному слову *на минуточку* (*на секундочку*), если необходимо выделить предмет речи из ряда подобных, подчеркнуть его особый статус, особое положение, особую роль и значимость – иными словами, продемонстрировать качественное превосходство над другими. Нельзя допустить, чтобы эта информация ускользнула от внимания адресата, который может не осознавать её важности в силу своей

неполной осведомлённости в том или ином вопросе². Этим продиктовано введение факультативного акцентирующего комментария (воспользуемся здесь терминологией, разработанной Е.В. Откидыч при описании функционирования текстовых скреп *кстати* и *между прочим*) [Откидыч, 2017, с. 16].

Тед Уолдерс / на секундочку / четырёхзвёздный генерал / заявил <...> (О. Скабеева, телеведущая. Россия-1. 60 минут. 15.04.2021); *<...> менеджер «Рейнджерс» делал всё, кроме того, чтобы вести переговоры с Яромиром Ягром – на минуточку, лучшим бомбардиром команды в регулярном чемпионате и в плей-офф* (НКРЯ. Советский спорт. 05.07.2008); *Для нас турки готовы на всё. В гостинице, где я жила, в один из вечеров прошёл концерт Димы Билана. Победителя «Евровидения» на минуточку. По слухам, хозяевам отеля это выступление обошлось по крайней мере в 100 тысяч евро* (НКРЯ. Изв. 08.10.2008).

Риторический эффект высказывания, сообщающего о качественном превосходстве кого- / чего-либо, усиливается, когда говорящий прибегает к речевой структуре *не кто-нибудь (что-нибудь), а ... на минуточку (на секундочку)*.

Это не больные на всю голову СМИ Украины. Это Ассошиэтид Пресс / на секундочку (Е. Попов, телеведущий. Россия-1. 60 минут. 24.03.2021).

То, что отрицается, получает презрительно-уничижительную оценку. То, что утверждается, усиливает позитивную оценку, которая очевидна для говорящего и должна быть безоговорочно принята собеседником. Аргумент от авторитета, упакованный в такую речевую структуру, звучит как агрессивный упрёк в сторону собеседника, который не способен понять и принять предлагаемую информацию.

Если же, с точки зрения говорящего, значимость объекта речи преувеличивается, структура *не кто-нибудь, а ... на минуточку (на секундочку)* позволяет отправителю речи передать ироничное отношение к персонажу.

К лету фильм должен быть готов, так что на различных фестивалях Робски имеет возможность фигурировать не просто как светская девушка, а как участница. На минуточку – актриса, а не хухры-мухры (НКРЯ. Комс. пр. 29.03.2006).

Второй член рассматриваемой речевой структуры может опускаться. Например: *Вообще-то обучение – это не зубрёжка на минуточку* (НКРЯ. Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) 2008). На собеседника оказывается дополнительное коммуникативное давление, и высказывание приобретает назидательно-уничижительное звучание.

Иную картину наблюдаем, когда в двучленной речевой структуре *не кто-нибудь (не что-нибудь), а ... на минуточку (на секундочку)* говорящий опускает первую часть: *Тут задача на порядок интересней / предвыборная кампания на минуточку* (НКРЯ. К/ф «День выборов». 2007). Пропозиция, маркированная вводно-модальным словом *на минуточку*, содержит информацию, непривычную для адресата, далёкого от воспроизводимой картины мира. Слушателю (читателю) внушается пиетет по отношению к предмету речи.

3. Говорящий использует *на минуточку (на секундочку)*, предваряя сильный и единственный аргумент.

<...> Анна Болейн всё же была сильная личность. На минуточку: церковь в государстве поменять! (НКРЯ. Комс. пр. 24.04.2011); *Дайте Жанне возможности Мадонны,*

² Чтобы гарантированно добиться своей цели, говорящий иногда прибегает ещё и к графическим средствам: *Деталь: когда Червяков «понравился» Оксане окончательно, женщина, на минуточку, была НА ЧЕТВЁРТОМ МЕСЯЦЕ БЕРЕМЕННОСТИ* (НКРЯ, Комс. пр. 20.09.2004).

и её шоу будет на таком же высоком уровне. Жанна – **на минуточку!** – блистательная киноактриса. Может быть, не хуже, чем Кристина Орбакайте (НКРЯ. Труд-7. 01.11.2007).

Высказывание с вводно-модальным словом *на минуточку* (*на секундочку*), предваряющим сильный аргумент, обретает эмоциональную напряжённость, что подчёркивается «громкими» знаками препинания. Говорящий совершает агрессивный выпад против собеседника, которому дают понять, что доказательства в пользу предшествующего утверждения не нужно долго искать. Всё очевидно. Но не для собеседника, который либо не знает важной информации по теме, либо не придаёт ей должного значения. Так говорящий добивается ослабления позиции оппонента, указывая на его неосведомлённость, «информационную некомпетентность».

4. *На минуточку* (*на секундочку*) используется говорящим, с тем чтобы озадачить собеседника несообразностью реалий.

Автор рассказывает о забастовке актёрского профсоюза накануне Каннского кинофестиваля. Она получила поддержку среди представителей других профессий: *Бастуют даже горничные <...>. Железнодорожники в день открытия тоже шалили. В четверг к этой тёплой компании присоединились <...> служащие отеля «Карлтон». «Карлтон», на минуточку, заведение дорогостоящее <...>* (НКРЯ. Комс. пр. 14.05.2004).

Служащих престижного, дорогостоящего отеля трудно представить в компании бастующих. Автор материала подчёркивает это и пунктуационно, используя многоточие перед рематическим компонентом высказывания.

Ещё пример. *<...> фильм, который приспособил к своим нуждам комикс с этим человечком в главной роли, получил, на минуточку, награду Международной ассоциации кинокритики ФИПРЕССИ в Канне и главный приз всего независимого (жюри) <...>* (НКРЯ. «Парадокс».01.05.2004). Автор фиксирует внимание адресата на несообразности качества фильма, который, с его точки зрения, есть не что иное, как переделка комикса, и высоких наград, которых он достоин.

Несообразность предъявляемых адресату реалий часто подчёркивается с помощью служебных средств, выражающих уступительные отношения: *хотя, а ведь. Например: Декорации остались, но людей нет. Вообще никого. Очень тихо. Ничего не жужжит, не трещит и не вертится. А ведь – на минуточку – понедельник. Начало рабочей недели. Затаились они, что ли <...>* (НКРЯ. Комс. пр. 13.05.2011); *Кстати, трое из этих четырёх до сих пор мои лучшие друзья, а ведь прошло, на минуточку, больше тридцати лет* (НКРЯ. Труд-7. 16.08.2007).

Используя *на минуточку* (*на секундочку*) как призыв к адресату сосредоточить внимание и осознать некое несоответствие привычному, понятному для всех порядку вещей, говорящий формирует отношение к тому, о ком (о чём) говорится. Пропозиция, маркированная вводно-модальным словом *на минуточку* (*на секундочку*), несёт информацию, без учёта которой отношение к предмету речи, его оценка будут, по мнению говорящего, неадекватными или даже искажёнными.

Выстраивая высказывание / цепь высказываний по принципу обратной обусловленности, говорящий с помощью *на минуточку* (*на секундочку*) расставляет нужные ему акценты для управления вниманием собеседника и либо создаёт, либо разрушает определённый имидж объекта речи.

Ведущий телевизионного шоу «Вечерний Ургант» сообщает зрителям о поступлении Фёдора Емельяненко в магистратуру Воронежского аграрного университета им. Петра

Великого. Далее следует фраза: *Фёдор Емельяненко / на секундочку / выдающийся боец / боец / пошёл на садоводство* (Первый канал. 08.09.2021). Выдающийся боец представлен зрителю в смешном, нелепом виде.

Рассмотрим противоположный пример. *Однажды Татьяна встретила свою приятельницу, очень известную актрису, назовём её Н. Та выглядела просто потрясающе, о чём Догилева так ей и сказала. «Танечка, я во всём пытаюсь походить на тебя», – ответствовала актриса Догилевой, которая, на минуточку, только что родила Катю* (НКРЯ. Комс.пр. 27.02.2002). Автору удаётся создать образ красавицы, которая не потеряла своей привлекательности даже после рождения ребёнка.

Более двух десятилетий *на минуточку (на секундочку)* используется во вводно-модальном значении. Но до сих пор вызывает вопросы его соотнесённость с литературной нормой. Для тех, кто строго ей следует, речевое новообразование остаётся фактом просторечия и является, как «не имеющая никакого смысла зараза», неприемлемым. Здесь важно включить, как говорит А.Ф. Прияткина, «аналитический механизм, позволяющий избежать оголтелого пуризма» [Прияткина, 2007, с. 346].

Анализ собранного материала показывает, что *на минуточку (на секундочку)* функционально и стилистически оправданно в определённом типе дискурса в определённых речевых ситуациях. Оно используется в риторических целях, с его помощью говорящий управляет вниманием собеседника. *На минуточку (на секундочку)* во вводно-модальном употреблении позволяет:

- удержать внимание адресата на фактах, деталях, которые могут ускользнуть от него в силу его неполной осведомлённости в чём-либо;
- создать в высказывании некую интригу, ожидание и лишь после паузы, возникающей в речевой цепи, предъявить адресату экспрессивную количественную / качественную характеристику предмета речи;
- зафиксировать внимание адресата на несообразностях, нарушающих привычный порядок вещей, и повлиять на формирование правильного отношения к ним;
- продемонстрировать свою компетентность, пресуппозиционно выразив недоверие к интеллектуальным способностям оппонента.

Литература

1. Левонтина И.Б. Так на минуточку если что. «Троицкий вариант-Наука». № 13 (307). 30 июня 2020 года // https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/435406/Tak_na_minutochku_esli_chno – 05.08.2021.
2. Маркасова Е. Вводные слова как зеркало «новой вежливости» в современном русском языке (*на минуточку, стесняюсь спросить*). Scando-Slavica. Tomus 54. 2008. С. 240–251.
3. Откидыч Е.В. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск. 2017. 19 с.
4. Прияткина А.Ф. Ненормативное смещение в предикативной конструкции // Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2007. С. 344–346.
5. Сергеева Г.Н. Трудности изучения языка газеты в русскоговорящей и иноязычной аудитории (на материале публикаций И. Петровской) // Сергеева Г.Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития. Избр. работы. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. С. 230–236.
6. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

ЛЕКСЕМА ФАКТ: ИДИОМАТИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ¹

Т.И. Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Т.В. Шмелева

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема формирования служебной лексики за счет знаменательной на примере лексемы «факт». В центре внимания процессы идиоматизации и грамматикализации, в результате которых она преобразуется из слова диктумной семантики в показатели модуса и средства связи сложного предложения.

Abstract. The problem of the formation function words at the expense of significant lexemes is considered by the example of the «fact» lexeme. The focus is on the processes of idiomatization and grammaticalization, as a result of which it is transformed from a word of dictum semantics into indicators of the mode and means of communication of a complex sentence.

Ключевые слова: русский язык, идиоматизация, грамматикализация, диктум, модус, дискурс.

Key words: Russian language, idiomatization, grammaticalization, dictum, modus, discourse.

В настоящей работе русская лексема *факт* рассматривается в аспектах ее освоения и происходящих с ней изменений. Материалом для наблюдений послужили данные ряда словарей, а также современные тексты и Национальный корпус русского языка.

Для начала необходимо отметить, что лексема *факт*, как сообщается в историко-этимологическом словаре, появляется в русском языке в XIX веке, видимо, из европейских языков, куда она пришла из латыни [Черных, 1993, с. 300–301]. Этому предшествовало, а потом и шло параллельно использование латинского слова *factum* – причастия от глагола *facio* ‘делать’, которое образованные русские люди легко включали в русский текст. Так, А.И. Тургенев пишет П.А. Вяземскому в 1819 году: *Поговорил бы с тобой о той точке зрения..., но для этого надобно собрать мысли и facta* [Бабкин, Шендецов, 1981, с. 469]; министр внутренних дел П.А. Валуев в 1864 году записывает в дневнике: *Вечером читал записку Муравьева... Записка – factum, достойный автора* [Там же]. Известны были и выражения, в состав которых входило интересующее нас латинское слово, например, *factum notorium* (факт общеизвестный) и во множественном числе *facta notoria* – юридический термин: с его помощью обозначалось то, что рассматривалось в суде как безусловно достоверное и поэтому не требующее доказательств [Бабичев, Боровский 1982, с. 266]; естественно, что пример приводится из речи адвоката А.Ф. Кони: *Из прений нельзя исключить ссылок на предметы общеизвестные, так называемые facta notoria* [Бабкин, Шендецов, 1981, с. 469; Бабичев, Боровский, 1982, с. 267]. В ходу были и такие латинские выражения, как *facta concludentia* (факты, достаточные для выводов), *facta loquuntur* (факты вопиют), *Factum fieri infectum non potest* (невозможно бывшее сделать небывшим), *Factum est factum* (факт остается фактом) [Бабкин, Шендецов, 1981, с. 468–469], последнее отмечено и в [Бабичев, Боровский 1982, с. 268]. Использовался и афоризм *Dictum – factum* (Сказано –

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Русская изъяснительная конструкция: полидискурсивная парадигма», получившего финансовую поддержку РФФИ (грант № 20-012-00126 А).

сделано), как это делает, например, известный церковный деятель XIX века Савва (Тихомиров) в «Хронике моей жизни»: *Dictum – factum. Я получил обещанную книгу и поблагодарил обязательного автора. Так бывало не всегда* [Бабкин, Шендцов, 1981, с. 340; Бабичев, Боровский 1982, с. 184].

Таким образом, данные словарей и их иллюстративный материал говорят о том, что на протяжении XIX века латинизм *factum* и ряд выражений с ним использовались в русской книжной речи в качестве вкрапления в тексты, кроме того, часть этих выражений была частью юридической терминологии.

О русификации лексемы говорят первые случаи его использования в журнальных статьях Пушкина 1835 и 1836 гг.: *не вознаграждают читателя за недостаток фактов, главнейшие факты нашей истории* [Черных, 1993, с. 300–301]. Как отмечено там же, слово в это время воспринимается как новшество литературной, особенно журнальной речи. Вхождение слова в русскую речь фиксирует словарь Даля, где оно получает толкование – ‘происшествие, случай, событие; дело, быль, быть; данное, на коем можно основаться’ [Даль, 1882, с. 531]. Более поздний словарь толкует ее лаконичней – ‘действительно совершившееся, случившееся’ [Михельсон, 1994, с. 433].

Можно сделать заключение о том, что в XIX–XX вв. слово *факт* вошло в состав русских субстантивов с нулевой флексией в именительном падеже, приобрело способность изменяться по числам и падежам (об этом говорят уже пушкинские примеры) и обнаружило деривационные возможности, образуя прилагательные *фактический, фактичный*, наречие *фактически, фактично* и т.д., а также диминутив [Толковый..., 1940, с. 1051; Тихонов, 1985, с. 302] (деривационный аспект грамматики слова в настоящей статье не рассматривается).

В целом получение словом грамматических характеристик заимствующего языка квалифицируется как **грамматическая адаптация** [Маринова, 2008, с. 121]. Лексема *факт* пережила это как отказ от латинских флексий и присоединение флексий субстантивов мужского рода таких, как *акт, пакт, тракт* (всего таких слов в русском языке, как можно установить с помощью [Зализняк, 1977, с. 557], полтора десятка).

Сформировалось и синтаксическое амплуа лексемы. Ее субстантивность обусловила сочетаемость с прилагательными: *реальный, объективный, общеизвестный, исторический факт*. Как субстантив она в предложении занимает субъектные позиции в сочетании с глаголами речи и умственных действий, при этом воспринимается метафорически – как квазисубъект: *факты говорят, свидетельствуют, убеждают, опровергают*; кроме того, они могут выступать в роли каузатора состояний: *Приведенные факты вызвали искреннее возмущение главы района Андрея Быкова* (Н. Юрьевский // Новгородские ведомости, 2013)*; *Многих ученых эти факты приводили к мысли о недостаточности естественного отбора для объяснения эволюции* (Б. Жуков // Знание – сила, 2011)*².

Отметим, что в роли квазисубъекта модусной пропозиции лексема *факт* чаще используется в форме множественного числа, о чем говорят данные НКРЯ: при поиске «факты говорят» он выдает 90 вхождений, а при поиске «факт говорит» – лишь 33, напр., *Тем не менее такой факт говорит о заметной роли запаздывания или опережения фазы клапанов* (Д. Соснин // Наука и жизнь, 2007). Примечательно, что функционирование лексемы в роли квазисубъекта изъяснительной конструкции тяготеет прежде всего к научному дискурсу, встречается в научно-популярных текстах и медийных.

² Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка отмечаются знаком *.

В других актантных позициях слово выступает как квазиобъект (*подбирать, скрывать, приводить, анализировать, проверять, сообщать, излагать, подтверждать, фальсифицировать факты*) или квазиинструмент (*опираться, ссылаться на факты; обращаться к фактам, подтверждать аргументы фактами, оперировать фактами*). Не исключена для лексемы и роль предиката: *Это факт, а не выдумка*.

Нельзя не отметить, что слово *факт* вошло в лингвистическую терминологию. Так, в [Богородицкий, 1935, с. 207–212] оно используется для характеристики «предложений, изображающих факт» в отличие от фраз, определяющих подлежащие по качеству или родовой принадлежности. В книге [Арутюнова, 1998, с. 488–507] это научное понятие рассматривается с позиций логики и семантики, на фоне значений, производных от предложения. Анализ охватывает и семантику слова; показано, что в ряду экспликаторов *факт* отличается тем, что его семантика «наследственна»: будучи показателем неполной номинализации, вторично обозначает только верифицированные пропозиции [там же, С. 494]. Факты устанавливаются и «противопоставляются домыслу, догадке, шутке, выдумке и клевете, неправде – словом, небылице или предположению [там же, с. 495]. В то же время отмечается, что семантика слова сложна, в обыденной речи оно часто не отличается от такого экспликатора, как *событие*, хотя можно быть свидетелем события, но нельзя – факта: факт ориентирован на мир знаний, тогда как событие на «поток происходящего в реальном времени и пространстве» [там же, с. 505].

Итак, в XX веке лексема *факт* окончательно осваивается русским языком. При этом нельзя не заметить, что наряду с субстантивными, словари отмечают и другие использования этого слова. Так, словарь Ушакова фиксирует среди значений лексемы «утвердительную частицу», употребление которой иллюстрируется диалогом: – *Неужели ты действительно уезжаешь?* – *Факт!* [Толковый..., 1940, с. 1051]; эта частица (с той же иллюстрацией) отмечена и в [Толковый..., 2008, с. 1044], а кроме того, там отмечено и вводное слово, как в реплике *Он, факт, придет*. Показательно, что эти новые употребления слова *факт* в обоих словарях сопровождаются пометой «прост.», то есть их не относят к литературному языку. Возможно, поэтому они не фиксируются в словаре частиц [Шимчук, Щур, 1999] и в списке вводных слов [Правила..., 2010, с. 231–232]. Но современный разговорный, медийный и художественные дискурсы дают массу примеров подобного словоупотребления: *Нас же всех в дурке пропишут, пожизненно! – Факт, – кивнул Аркадий. – Тогда уж мы точно сопротивляться не сможем* (Е. Прошкин. *Эвакуация*, 2002)*; *И женюсь. Факт, женюсь* (И. Грекова. *На испытаниях*, 1967)*; *Это тема из совершенно уникальной области знания, в которой (это факт) у наших коллег в профессии практически отсутствует даже начальная компетенция* (Л. Королихина // *Coach*, 2008)*.

Автономизация одной из форм субстантива для особого употребления – процесс не уникальный, и частицы, и вводные слова пополняются за счет именно таких процессов. Нам кажется, этот процесс можно назвать **грамматикализацией** в широком смысле, как она толкуется со ссылками на работу английских лингвистов в [Копотев, Стексова, 2016, с. 18] – как процесс возникновения грамматических форм и конструкций, или как «развитие у языковой единицы большего числа грамматических свойств» [Майсак, 2007]. В плане семантики оба рассмотренных случая интересны тем, что лексема пропозитивной, то есть диктумной семантики преобразуется в показатели модуса со значением уверенности автора: *Я не знаю, чем вы занимались в средней школе, но я рыла тоннели в снежных барханах зимой*.

Или сидела на черешне – летом. В любом случае, о своём собственном бизнесе не думала: факт! А новгородец Егор Изюмов – думает (М. Клапатнюк // ВКонтакте. 5.04.2021).

Этот процесс преобразования слова оказывается не единственным, что подтверждают прежде всего словарные данные.

Уже в словаре Ушакова отмечаются фразеологизмы с лексемой – *Факт, что ...* и *Факт тот, что...* [Толковый..., 1940, с. 1051]. Современный словарь, помимо этих сочетаний, фиксирует идиомы *Невероятно, но факт...* и *Не факт* [Толковый..., 2008, с. 1044]. Эти данные говорят о том, что с середины прошлого века слово *факт* включается в процессы **идиоматизации**, причем синтаксической [Копотев, Стексова, 2016, с. 31]. Показательно, что все эти синтаксические идиомы в словарях квалифицируются как разговорные. Наш материал убеждает в том, что они активно используются в медиадискурсе: ... *уместно обратить внимание на довольно часто встречающееся в наши дни выражение «невероятно, но факт»* (И. Гольдфрайн // Знание – сила, 2009)*; *Невероятно, но факт: от экрана не оторваться* (М. Клапатнюк // Новгородские ведомости, 31.07.2012)*; *Невероятно, но факт – теперь свекла и гречка стоят дороже заморских фруктов и даже мяса* (Е. Астафурова // Комсомольская правда, 20.04.2011)*. Синтаксичность этой идиомы проявляется в том, что она объединяет не конкретные лексемы, а тип слов с семантикой субъективной оценки – *невероятно, парадоксально, удивительно, странно: Из борщевика варили горячую похлебку, схожую с современными зелеными щами. Однако ее не называли борщом. Странно, но факт* (М. Марусенков // Известия. 25.12.2020).

Другая фиксируемая словарем идиома *Не факт* используется как отдельная реплика, напр., *Так, может, хоть теперь в первый ряд встанет? Не факт, не факт...* (Б. Евсее // Октябрь, 2010)*, что позволяет квалифицировать ее как частицу с семантикой сомнения (антоним частицы *факт*). Кроме этого, она широко употребляется в комплексе с союзом: *Итак, человек востребован – это значит, что спрос на него, на его умения или продукцию превышает предложение, так что он может выбирать, какие варианты ему более интересны или выгодны. Он может торговаться и ставить условия. Не факт, что он наберет работы больше, чем способен сделать. Не факт, что он пойдет туда, где больше платят* (И. Левонтина. Честное слово, 2021). Примечательно, что подобное употребление лексемы с отрицанием не отмечено в научном дискурсе, но частотно в медийном, художественном, разговорно-бытовом.

Помимо названной, к словарным идиомам можно добавить еще несколько, например, *тот факт, что: Однако тот факт, что* индустриальная эпоха уходит в прошлое, вовсе не означает, что заканчивается время экономики (В. Иноземцев // Газета.ру. 13.11.2020); *факт того, что: Достаточно широко распространен факт того, что* великий композитор [Бетховен] создавал лучшие произведения, потеряв слух. В общем и целом – это чистая правда (Яндекс Дзен. 19.11.2020).

Нельзя не учитывать и идиомы *факт есть факт* и *факт остается фактом: Но факт есть факт, Гарднера не повесили в сорок пятом году, а убили на третий день после появления вашей статьи, и это в корне изменило всё дело* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог, 1943–1958)*; *Но факт остается фактом: Ламзин сделал из них чемпионов России среди юниоров* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают, 2014)*. В этих идиомах с достаточной уверенностью можно видеть кальки с латинских выражений, известных в XIX веке. Примечательно, что субстантив *факт* в них, хотя и сохраняет морфологические свойства существительного, но уже демонстрирует отсечение

синтагматических связей (нет примеров употребления с атрибутом) и чаще используется в форме единственного числа при теоретической возможности использования множественного. Так, в Национальном корпусе русского языка (основной и газетный подкорпусы) зафиксировано 853 случая использования идиомы *Факт остается фактом*, 99 – *Факт есть факт*, тогда как с формой множественного числа только 14 случаев первой: *Отношения между людьми меняются, но факты остаются фактами; фальсифицировать историю в наши дни общепринято, но непочтенно* (Л. Чуковская. Дом поэта, 1972–1980)*; и 11 второй: *Сейчас это кажется странным, – факты есть факты, при чем тут идеология?* (А. Городницкий. «И жить еще надежде», 2001)*. Это свидетельствует о том, что фразеологизация предикативной единицы каузирует и начало процесса синтаксической грамматикализации.

Кроме того, важно отметить, что слово *факт* в форме дательного падежа с предлогом *по* обнаруживает тенденцию к использованию в качестве вводного слова, о чем говорит отделение ее запятыми: *А она будет отлеживаться не пару, а тройку дней, тем более, что, по факту, отлежаться получится вообще только один единственный сегодняшний денечек* (М. Зосимкина. Ты проснешься. 2015)*; *Государственный капитализм победил, государство стало собственностью государственных людей, и скоро они, наверное, по-настоящему победят воровство: это ведь у них, по факту, воруют расхитители* (И. Давыдов // Русская жизнь, 2012)*; *Но тем же самым, по факту, занимаются и стихийные бедствия – они выводят из строя ту или иную функциональность объекта* (коллективный форум, 2011)*. Конечно, можно найти предложения без такого выделения, напр.: *То есть по факту все подобные опросы – это некое подобие референдума о доверии* (А. Орех // Росбалт. 6.04.2021). Что касается семантики этой идиомы, то она очевидно близка выражениям типа *на самом деле, действительно*. Следует отметить, что форма «по + дательный падеж» – одна из продуктивных в пополнении вводных слов, в списке [Правила, 2010, с. 231–232] их более 20 – *по сути, по слухам, по решению* и др.; к ним примыкают *по идее* и даже *по итогу*. В этом ряду форма *по факту* выглядит естественным элементом. Смена морфологического статуса проявляется не только в фиксации застывшей предложно-падежной формы, причем только в форме единственного числа, но и в утрате синтагматических свойств субстантива.

Итак, приведенных фактов о лексеме *факт*, как нам представляется, достаточно для того, что сделать ряд выводов. За почти два века существования в русском языке эта лексема не только заняла свое место в лексиконе и выработала синтаксическое амплуа, которое может стать предметом отдельного исследования, но и включилась в активные процессы грамматикализации и идиоматизации. Результатом первого стало пополнение показателей модуса, точнее – персуазивности: это частица *факт* и омонимичное вводное слово. Этому же служат и результаты идиоматизации: показателями модуса стали частица *не факт* и предложно-падежная форма *по факту*, которая обнаруживает тенденцию пунктуационно оформляться как вводный элемент. Идиомы с повторением лексемы *факт* и ее сочетания с местоимением *то* и союзом *что* вовлечены в круг средств связи изъяснительной конструкции, что рассматривается в особой работе, которая дополняет характеристику этой лексемы на фоне синтаксической идиоматизации. Такие механизмы грамматикализации и идиоматизации, как: а) десемантизация, то есть утрата пропозитивной семантики и приобретение способности выражать модусные значения; б) утрата синтагматических связей; в) декатегоризация, то есть потеря определенных морфосинтаксических свойств (изменения

падежных форм и форм множественного числа); г) появление способности автономного употребления или в качестве средства связи в изъяснительной конструкции, обеспечивают действие тенденции к расширению служебных слов за счет знаменательной лексики, на фоне которой весьма показательными выглядят преобразования лексемы *факт*.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской литературы, 1998. 896 с.
2. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинский крылатых слова: 2500 единиц / под ред. Я.М. Боровского. М.: Русский язык, 1982. 959 с.
3. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. А–Я. Изд. 2-е. перераб. и доп. Л.: Наука, 1981. 696 с.
4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики из университетских чтений. 5-е изд. М., Л., 1935. 356 с.
5. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50. [Электронный ресурс]. Режим допуска: https://elibrary.ru/download/elibrary_25737934_16973245.pdf
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., СПб, 1882. 684 с. Переизд. М.: Русский язык, 1991.
7. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 879 с.
8. Копотев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 168 с.
9. Майсак Т.А. Грамматикализация // Большая Российская Энциклопедия. Отв. ред. С.Л. Кравец. М., 2007. [Электронный ресурс]. Режим допуска: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2375801> (дата обращения: 4.05.2021).
10. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. М.: Терра, 1994. 832 с.
12. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2010. 432 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 тт. Т. 2. М.: Русский язык, 1985. 886 с.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. IV. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 1500 с.
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
16. Чайковская Н.Н. Предложения изъяснительного несоответствия // Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений: сб. науч. статей. Ч. 1. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 1994. С. 46–53.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского словаря. Т. II. Панцирь – ящур. М.: Русский язык, 1993. 560 с.
18. Шимчук Э., Щур М, Словарь русских частиц. Berlin: Peter Lang, 1999. 146 с.

НАРЕЧИЕ БУКВАЛЬНО: СИНТАГМАТИКА, СЕМАНТИКА, УПОТРЕБЛЕНИЕ

Сюй Сюэюань

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
Цзилинский университет иностранных языков
Чанчунь, КНР

***Аннотация.** Статья посвящена анализу одной из грамматических реализаций полифункционального слова «буквально» – наречия. Рассматривается семантика данной единицы с учетом характерной и нехарактерной сочетаемости, а также в сопоставлении со свойствами исходного прилагательного с целью объяснения внутрисловной антонимии.*

***Abstract.** The article is focused on an analysis one of the grammatical realizations of polyfunctional word «буквально» – the adverb. Semantics of this item with typical and atypical syntagmatics, also as compared to the features of based adjective for the purpose of explanation of antonymy inside the word is researched.*

***Ключевые слова:** наречие, частица, семантика, синтагматика, полифункциональность.*

***Key words:** adverb, particle, semantics, syntagmatics, polyfunctionality.*

Данные словарей русского языка и исследовательской литературы показывают, что до сих пор нет единой точки зрения на слово *буквально*, его грамматические и семантические свойства: так, сведения из толковых словарей, в том числе 2000-х годов (например, [Большой академический словарь, 1991, с. 807; Ожегов, Шведова, 1996, с. 59; Русский толковый словарь, 2001, с. 37; Комплексный словарь, 2001, с. 57]), существенно расходятся с информацией из специальных словарей (функциональных омонимов, служебных слов – за исключением «Объяснительного словаря русского языка: Структурные слова», где *буквально* нет в словнике) [Шимчук, Щур, 1999, с. 31; Словарь служебных слов..., 2001, с. 65–71; Объяснительный словарь..., 2002; Краткий словарь функциональных омонимов..., 2017, с. 141]. Незнаменательные употребления слова *буквально* даются обычно как наречные, в том числе и в «Активном словаре русского языка» [Активный словарь..., 2014, с. 376], в то время как *буквально*-частицу зафиксировал «Словарь русских частиц» в 1999 г., а «Словарь служебных слов русского языка» дал ее описание в 2001 г. [Шимчук, Щур, 1999, с. 31; Словарь служебных слов..., 2001, с. 65–71]. Более того, четкое разграничение этих двух реализаций *буквально* было проведено Е.С. Яковлевой в монографии «Фрагменты русской языковой картины мира» [Яковлева, 1994, с. 261–267]. Автор квалифицирует второе *буквально* не как частицу, а как модальное и даже вводное слово (хотя в материале Е.С. Яковлевой нет ни одного примера, где оно имело бы соответствующее пунктуационное оформление).

Эмпирическую базу нашего исследования на данном этапе составил материал из Национального корпуса русского языка (НКРЯ: основной корпус, в меньшей степени – подкорпус устной речи, поэтический, учебный) – всего 1000 употреблений, а также языковые факты из медиа-дискурса и некоторых других источников – около 200 фактов. Наблюдения над функционированием слова *буквально* в современном русском языке – с учетом имеющейся в лингвистической литературе информации – позволяют утверждать, что данная единица имеет две основные грамматические реализации: знаменательную (качественное наречие) и незнаменательную – служебную (частица).

Совершенно очевидно, что наречие *буквально* является производным от прилагательного *буквальный*, у которого в ряде словарей выделяется два значения: 1) ‘дословный’, ‘полностью / точно соответствующий чему-л.’ и под., например: *буквальный перевод*, *буквальный ответ*, *буквальное совпадение*, *буквальное воспроизведение чьих-л. мыслей*, *буквальный пересказ*; 2) ‘точный’, ‘прямой’, ‘не переносный’, ‘не метафорический’, ‘истинный’, во всех словарях иллюстрированное только такими примерами: *буквальное значение*, *буквальный смысл* [Толковый словарь Ушакова..., 1935, с. 200; Малый академический словарь, 1981, с. 122; Большой академический словарь, 1991, с. 807; Ожегов, Шведова, 1996, с. 59; Русский толковый словарь, 2001, с. 37; Комплексный словарь, 2001, с. 57]. При этом в «Активном словаре» дается одно значение прилагательного: «Такой, который соответствует точному смыслу слов» с аналогами *точный*, *дословный*, а примеры приводятся в основном со словом *перевод*, а также *буквальное воплощение* и *буквальный смысл (слова)* [Активный словарь, 2014, с. 377]. По материалам основного корпуса НКРЯ, самыми частотными являются употребления данного прилагательного с существительными *смысл* и *перевод*.

В связи с этим следует отметить, что в НКРЯ зафиксированы случаи употребления *буквально* как прилагательного в краткой форме среднего рода, например: *Я смело ставлю каждое из этих слов, потому что всё это было буквально* [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)]; *Предыдущий телеграфист, доходя до границы, каждый раз утыкался в буквы, бился о них, как муха о стекло. С одной стороны слов липа в спущенном чулке льнет к столбу, а с той – немь. И сугробы на закате не играют мышцами. И у дыма из трубы нет тулова. А здесь всё буквально* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // Знамя, 2005]. В словарях не отрицается наличие кратких форм у прилагательного *буквальный*: «Активный словарь» даёт форму мужского и женского рода, «Комплексный словарь» – и среднего рода и множественного числа [Активный словарь..., 2014, с. 377; Комплексный словарь..., 2001, с. 57] – без иллюстраций, что, однако, подтверждается примерами из НКРЯ: *Сперва, – я это уже говорила, – выход и переход **буквален**, композиция дает спуски в преисподнюю или потусторонние страны, нужно взойти наверх или пространствовать их дальше – это всё переносно, но пусть будет какое угодно «дальше», оно коснется осмысления, а не композиции* [О.М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра (1935)]; *Но для религиозно мыслящего человека эта мысль **буквальна** и очень проста: Бог-то его действительно знает* [Поэт и толпа // Театральная жизнь, 2003.07.28]; *Повторы в пушкинской сказке не всегда **буквальны*** [В.Е. Хализев. Теория литературы (1999)]. Вместе с тем данные употребления имеют единичный характер: форма мужского рода – 6 раз на весь основной корпус НКРЯ, женского – 5, множественного числа – 4. Для формы среднего рода точных данных нет, в целом проанализировано 9 примеров, из которых только 1 – из 1000 рассмотренных примеров НКРЯ.

Таким образом, несмотря на возможность функционирования в качестве краткого прилагательного среднего рода, основными типами употребления слова *буквально* являются наречие и частица. Так, авторы «Краткого толково-грамматического словаря функциональных омонимов» рассматривают как таковые только наречие и частицу *буквально* [Краткий словарь функциональных омонимов..., 2017, с. 141]. При этом употребления наречия составляют не более 7% от общего числа употреблений слова *буквально* в нашем материале. Все три возможные реализации являются грамматическими омонимами, а в целом данная единица является полифункциональной. Полифункциональность мы понимаем вслед за

Е.А. Стародумовой «как употребление одной и той же единицы в разных синтаксических функциях – при сохранении единого семантического инварианта» [Стародумова, 2002, с. 12].

В приведенных выше примерах краткое прилагательное употреблено в том же значении, что и в полной форме, и с такой же сочетаемостью, однако в некоторых случаях существительное, к которому относится краткое прилагательное, имеет иной характер, см.: *Не всё, наверное, запомнил, и не во всё́м буду **буквален*** [А.С. Черняев. Дневник (1981)]; *Оператор тоже хорош: туповат, **буквален**, исполнительен, любитель гульнуть на доллар и пожрать на халяву* [А.И. Слаповский. Разнобой // Волга, 2012] – здесь *буквален* – качество человека (а не текста, слов, фраз, мыслей, жанров и под.), и если в первом примере оценивается способность человека запоминать и воспроизводить некое речевое произведение (ср.: *не во всё́м буду точен*), то во втором говорится о том, что сам он прост, примитивен, приземлен, ограничен.

Аналогичная тенденция просматривается и в случае формы среднего рода: *Всё **буквально**, никакие аллегории не прокатывают* [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]; *Лес заставлен был строфами: не слишком ли всё **буквально*** [Николай Боков. Памяти Василия // Ковчег, 1979] и под. – обсуждаются речевые произведения, способ изложения и понимания некоего текста, как и в случае характеристики смысла жестов, ср.: *<...> Игорь жалобно замычал и, рванувшись к нему, нарочитыми жестами стал просить закурить, а когда затянулся, от якобы счастья завыл и ещё беспардонно похлопал его по плечу – всё **буквально**, как делают глухонемые* [Марина Вешневская. Вышел месяц из тумана (1997)]. При этом имеют место употребления, связанные с пониманием поведения человека, истолкованием его качеств, где значение краткого прилагательного эксплицируется в контексте за счет синонимов или антонимов, ср.: *Незаметно для себя я стал смотреть на деревья Зиниными глазами, прислушиваться к ритму ветвей с любовью и откликаться, как птицы, своими словами, но на напев, подсказанный Богом, который высказался в соснах, снеге и солнечном свете... У Зины это совершенно прямо, **буквально**. Часы заката – ее свидания с Богом, прервать которые так же невозможно, как близость любовников* [Главная тема // Знание – сила, 2009]; [Владимир Абашев, муж., преподаватель] *Подростком тринадцати лет / он попытался оседлать коня и потерпел позорное поражение / сломав при этом ногу в бедре и оставившись навсегда хромцом. М... это был какой-то комплекс / вот / вот неудачи / падение с лошади. Во Всеволодо-Вильеве он оседлал коня – вот что случилось с ним. И это было и **буквально** / и символически. А в мае шестнадцатого года он начинает активно ээ развезжать по окрестностям и страшно этим гордится* [Второе рождение (Пермь). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (Т/К «Культура», 2009)].

Наречие *буквально* в словарях либо дается с отсылкой к прилагательному, либо толкуется через синонимы: *дословно, точно, прямо, точно соответствуя чему-либо*, а также *слово в слово, текстуально, буква в букву, до слова, действительно, на самом деле*. Можно предположить, что у наречия тоже два значения – в соответствии со значениями исходного прилагательного: 1) ‘дословно’, ‘точно’ и 2) ‘не переносно’, ‘не метафорически’. «Активный словарь» предлагает одну формулировку для наречия (как и для прилагательного), ср.: «В соответствии с прямым точным смыслом слов» [Активный словарь, 2014, с. 376]. В «Кратком толково-грамматическом словаре функциональных омонимов русского языка» видим похожее толкование, но без компонента «слово», ср.: «Дословно, с полным соответствием чему-либо», однако приведенный здесь пример показывает, что имеется в

виду соответствие именно словам (тексту): <...> *мальчик мог **буквально** воспроизвести несколько страниц текста* [Краткий словарь функциональных омонимов..., 2017, с. 141].

Для наречия *буквально* характерна сочетаемость в основном с глаголами речевой деятельности, входящими в более широкую группу глаголов интеллектуальной деятельности: *понимать, воспринимать, толковать, трактовать, принимать, переводить, означать – значить, пересказывать, воспроизводить, соответствовать, совпадать, напоминать, повторять, цитировать, произносить, восстановить, сохранить, выражать* (и их видовые корреляты и пары с -ся). Действительно, большая часть наших примеров представлена такими случаями: *Да и психологический сюжет «Старшего сына» в наши дни невозможен – во всяком случае, когда театр понимает его так **буквально*** [Алексей Филиппов. Возможны варианты. Два спектакля в одном флаконе // Известия. 2002.04.22] – говорится о тексте пьесы, как и в следующем случае – о тексте книги, ср.: *И вот, религию бедуинов создал купец; а религию горожан-евреев – если **буквально** принимать Библию – создал бедуин* [Главная тема // Знание – сила, 2009]. В следующих примерах в центре внимания значение слова либо смысл текстов нормативных актов, ср.: *Слово «конец», написанное жирным шрифтом, следовало воспринимать **буквально*** [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)]; *Даже с сегодняшнего литовского языка Немига переводится **буквально** как «бессонница»* [Сергей Харевский. На зыбкой почве // Неприкосновенный запас, 2010]; *Представляется, что эту норму закона не следует толковать **буквально*** [Г. Шаров. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о страховании риска ответственности адвоката (1 часть) // Адвокат, 2004]; *Основная проблема в том, что неясно, что имеет в виду ответчик, потому что и положения договора, и буква закона тракуются **буквально*** [Роман Дорофеев. Отец Виктора Цоя выиграл суд об авторских правах на песни сына // Коммерсант. 2018.04.19]. В следующих примерах говорится о точной передаче слов: *Это было всего неприятнее и тем более неприятно, что в двух-трех местах слова Инокова оказались воспроизведенными почти **буквально*** [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)]; *Когда Август позднее **буквально** пересказал мне речь Тимати о Замке, я нисколько не удивился* [Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // Октябрь, 2001]; *Как уже говорилось выше, многие важные суждения Шафаревича почти **буквально** совпадают с высказываниями Г. Старовойтовой* [С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)]. Частотно употребление рассматриваемого наречия при глаголах *означать, обозначать, значить*, которые могут не использоваться, но подразумеваться, ср.: *Слово «мотив» французского происхождения и означает **буквально** «побудительная причина, повод к какому-либо действию»* [коллективный. Учебник по обществознанию. Профильный уровень. 10 класс (2007)] и *С учётом этого логично предположить, что само слово «четь» возникло как сокращение слова «четверть» и обозначало четвёртую часть какой-то более крупной единицы (в реальности эта единица называлась «кадь», то есть **буквально** «бочка зерна»)* [И. Иткин. Четь и нечеть. Ответы и решения // Наука и жизнь, 2007]. Все перечисленные глаголы связаны с речевой деятельностью: некоторый текст (слово, высказывание, произведение определенного жанра и под.) подвергается обработке, переработке, осмыслению, воспроизведению и под., что отвечает формулировке значения наречия в «Активном словаре русского языка».

Наречие *буквально* имеет и другие признаки: постпозиция; фразовое ударение на наречии, а не на компоненте; обозначаемый наречием признак градуируется (*очень, почти,*

слишком + *буквально*); присоединяется к предикатам, обозначающим неградуируемые понятия (*буквально + повторил, воспроизвёл, перевёл, запомнил...*) [Яковлева, 1994, с. 361].

Представленный выше материал показывает, что наречное *буквально* может выступать как в постпозиции, так и в препозиции к глаголу, но чаще – в постпозиции, ср. при глаголе *понимать*: *Конечно, служба есть служба, но кроме буквы закона есть еще дух. А помощник начальника понимал законы **буквально**. Уже вечерело, и все циркачи собрались у накрытого дощатого стола* [Дина Сабитова. Цирк в шкатулке (2007)] и – *Я просто думаю, что ты слишком **буквально** поняла фильм Николая Губенко про эту самую артистическую богадельню* [Сергей Есин. Марбург (2005)]. В обоих случаях на *буквально* падает фразовое ударение.

В нашем материале встретилось 16 случаев употребления этого слова, которые мы характеризуем как наречие на основании некоторых из этих признаков – но при нехарактерной сочетаемости, например: *Отец бы тут вернул в своем духе что-нибудь символическое, типа, что я живу по часам Успенского, в его времени, – но не могу же я подражать ему **так** **буквально*** [«Он воспитывал нас единственно возможным способом: показывал Прекрасные Вещи». Андрей Быков – об Эдуарде Успенском // Новая газета, 2018.08.15] – в этом случае имеется в виду подражание поведению отца, а не повторение за ним слов; *буквально* находится в постпозиции по отношению к глаголу и характеризуется фразовым ударением; к *буквально* примыкает местоименное наречие *так*, указывающее на степень проявления признака, называемого *буквально* (см. выше *слишком, почти*); значение *буквально* – ‘точно’. Ср. также типичную сочетаемость препозитивного наречия в контексте, где говорится о точной передаче – но не слов, фраз, разговоров, вербализованной мысли и под., а фактов действительности: *Скажу честно, я не разделяю страсти к фактографии, не понимаю желания во что бы то ни стало **буквально** воспроизвести действительное происшествие* [Семен Лунгин. Виденное наяву (1989–1996)]. В следующем же примере постпозитивное *буквально* имеет значение ‘в прямом смысле’, ‘не переносно’, ср.: [Наталья Басовская, жен., 69, ученый] *Рим-то называли вечным городом не **образно** / а **буквально*** [Наталья Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

Во многих нетипичных наречных употреблениях *буквально* выступает в ряду однородных членов предложения с другими словами – контекстными синонимами или антонимами, как в примере выше (*не образно, а буквально*), благодаря чему значение наречия уточняется, ср.: *Появилось множество второстепенных персонажей, часто не **буквально**, а лишь **аллегорически** связанных с основным изображением* [А. Домбровский. Искусство первой буквы // Наука и жизнь, 2008]. В этих случаях не все глаголы имеют значение, непосредственно связанное с речевой деятельностью, а значение наречия может быть истолковано двумя способами: 1) ‘в прямом смысле’, ‘не переносно’ – и тогда оно передает установку говорящего для адресата воспринимать сказанное *буквально*, ср.: *Оно **буквально**, музыкально ослепит Татьяну при виде Онегина, но она станет зрячей, а он так и пребудет в своей слепоте* [Светлана Васильева. Первый встречный (вольное сочинение на тему «Слово и театр» // Октябрь, 2001]; 2) «<...> с полным соответствием чему-либо» [Краткий словарь функциональных омонимов, 2017, с. 141] – т.е. не обязательно словам, ср.: – *Ах, ты глупая душа, / все любили, / все писали, / пили, ели, осязали / точно так же, как и ты. / Ну, пускай и не совсем, / не буквально и не точно, /не дословно, не построчно, /не совсем – а все же так* [Ю.Д. Левитанский. Кто-то так уже писал... (1981)].

Анализ свойств наречия *буквально* и исходного прилагательного позволяет дополнить картину функционирования рассматриваемой полифункциональной единицы: 1) уточнить

особенности типичной сочетаемости и семантики *буквально*-наречия, охарактеризовать случаи расширения синтагматических, а за счет этого – и семантических его возможностей; 2) граница между разными грамматическими реализациями слова *буквально* может быть проведена более четко – при условии объяснения в дальнейшем факта энантиосемии, поскольку, во-первых, в своей незнаменательной реализации *буквально* выступает как антоним к наречию, а во-вторых, у частицы *буквально* формируется дополнительное значение – ‘в буквальном (прямом) смысле слова’.

Литература

1. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 2001. 882 с.
5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2001. 432 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
7. Сидоренко И.Я., Сидоренко Е.Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка: В 2-х ч. Ч. 2. М.: Флинта, 2017. 198 с.
8. Словарь русского языка. В 4 тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 794 с.
9. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.
10. Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1. М.: Русский язык, 1991. 1567 с.
11. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. 864 с.
13. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Берлин: PeterLang, 1999. 147 с.
14. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И.А. Фадеева

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности функционирования деепричастного оборота в структуре повествовательного текста. Доказывается, что дополнительная глагольная предикативность имеет функции текстового маркера, сигнализирующего о мене фокуса наблюдателя.*

***Abstract.** The article discusses the features of the functioning of the adverbial formations in the structure of the narrative text. It is being proved that the additional verbal predicativity has the functions of a text marker signaling a change in the focus of the observer.*

***Ключевые слова:** деепричастный оборот, дополнительная глагольная предикативность, структура текста, функционирование деепричастного оборота, фокус наблюдателя.*

***Key words:** ad verbial formation, additional verb predicativity, text structure, functioning of the adverbial formations, focus of the observer.*

Наш интерес к семантике деепричастного оборота, а также к определению его места в структуре предложения и текста возник из необходимости предпереводческого комментария с целью перевода конструкции на китайский язык, который основной единицей перевода выбирает сказуемое, исходя из мнения синтаксистов, сформированное еще на заре синтаксической науки А. Шахматовым, – это *второстепенное сказуемое*. Далее в грамматике появились термины *грамматическая свернутость*, *добавочное сказуемое без семантического отягощения*, *дополнительная глагольная предикативность*, которыми были маркированы и другие особенности деепричастного оборота, впрочем, тоже в рамках простого предложения. Многочисленные тексты, обработанные нами вместе с китайскими студентами, показали, что выделенные А.Ф. Прияткиной обстоятельственные значения учитываются при переводе даже учащимися с уровнем В 1. В ее работе «Русский язык: Синтаксис осложненного предложения» впервые были выделены семантические отношения подчинительного типа, которые характерны для деепричастных оборотов: «Отношения обусловленности характерны для оборотов различных структур и бывают нескольких видов: а) причина, мотивировка, основание (обоснование); б) условие и обратная обусловленность (уступительное значение); в) цель, например: Желая проверить свои предположения, Левинсон пошел на собрание заблаговременно – потереться среди мужиков, нет ли каких слухов (Фад.)» [Прияткина, 1990, с. 36]. Собственно, развертыванием этой идеи стало исследование обстоятельственной природы деепричастия.

В уже названной работе А.Ф. Прияткина дает следующее определение: «Деепричастие – одиночное или, чаще, с распространителями, составляющее оборот, выступает в предложении как дополнительная характеристика субъекта, указывающая на процессуальный признак. Она предполагает другой предикативный признак того же субъекта, который является основным» [Прияткина, 1990, с. 25].

Более глубокое проникновение в текст дало неожиданные выводы – деепричастный оборот, грамматически осложняя простое предложение, не является единицей предложения, его основная функция осмысливается говорящим в рамках только текстовой структуры. В данной статье мы и попробуем доказать этот вывод, показав, как «работает» деепричастный оборот в тексте.

Прежде чем изложить наши наблюдения, рассмотрим, какие точки зрения на функционирование деепричастного оборота в тексте предлагает современная наука.

В «Русской корпусной грамматике» О.С. Биккулова, автор раздела, посвященного деепричастию, выделяет его текстовые функции, обращая внимание на то, что для повествовательных и описательных контекстов они выражают динамику происходящих событий; соединяют сюжетный ряд – на это же обращают внимание С.Х. Головкина, С.Н. Смольников в работе «Лингвистический анализ текста»: «Деепричастные обороты в начале предложения могут выполнять функцию обособленных обстоятельств со значением времени или оттенком причины, относящихся целиком ко всему предложению. Они устанавливают связь одного события с другим, указывают на последовательность действий» [Головкина, 2006, с. 27]. В «Русской корпусной грамматике» приводятся примеры атрибутивно-характеризующей функции: *краснея, улыбаясь, хмурясь, ухмыляясь*.

Одна из важных функциональных особенностей деепричастных оборотов отмечена в п. 5: «Деепричастия несовершенного вида могут обозначать направленность или пространственные границы протяженных в пространстве объектов, маркирует присутствие наблюдателя: (107) У берега *лежали* ровно большие камни, *спускаясь* в самую реку. Это

было что-то вроде лестницы (К. Коровин)» [Биккулова, 2011]. Такой способ функционирования деепричастных оборотов, в уточненном виде, отмечает и М.Ю. Сидорова. Рассматривая функции лексико-грамматических средств в тексте, она говорит о том, что разные типы предикатных номинаций «формируют не только линейную последовательность событий в тексте, но и субъективную перспективу» [Сидорова, 2000, с. 279]. В ее работе выделена интерпретирующая функция деепричастия, при которой «деепричастный оборот в предложениях с предметным субъектом называет эмоционально-оценочную реакцию лица... на событие, о котором сообщает основной предикат» [там же].

Особую функцию деепричастного оборота выделяет Т.В. Шмелева, говоря о модусной сути структур, типа «*Они были, говоря словами Чацкого, сторонниками "свободной жизни"*» (М. Нечкина); *Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин склонен быть, консервативным по взглядам и прогрессивным по наклонностям* (Вс. Овчинников); *У авторов письма, судя по редакционной почте, не так уж мало единомышленников (газ)*» [Шмелева, 1984, с. 64]. Если рассматривать эти структуры в аспекте субъективной модальности, то мы видим явную авторизацию, когда вводится чужая точка зрения, хотя не все приведенные автором примеры равнозначны.

Обобщая доступные нам научные сведения, сделаем предварительные выводы о роли деепричастия / деепричастного оборота в тексте, в качестве примеров используя цитаты из произведений современной литературы [Без очереди..., 2021]:

А. Грамматическое осложнение на уровне предложения, когда позиция деепричастного оборота предопределена его ролью в структуре формирования языковыми средствами диктума:

1) Позиция добавочного сказуемого – структурирование таксиса:

Сравним два примера.

«*Стол был раздвижной, два его полукруга перед приходом гостей растягивались на деревянных полозьях, и стол делался овальным, занимая при этом всю комнату, а сидячие места вокруг него образовывались откуда-то извлекаемыми грубыми досками, положенными на кухонные раскоряченные табуретки*» (А. Кабаков. Деталь интерьера.) Используя метод грамматической трансформации, получаем вполне допустимую замену «*делался овальным, занимал*». В другом примере все несколько сложнее: «*Прижавшись щекой к пыльному стеклу переполненной маршрутки, перебираю пальцами страницы потрепанной тетрадки с конспектами. Впитывая в себя ворчание уставших пассажиров, ругань неутомимых теток, пыхтение мотора. Задыхаясь от пыли, порхающей над обшарпанной обивкой сидений*» (Лейла Мамедова «Морская болезнь», 2017; первый абзац). В данном отрывке нас интересуют парцеллировано оформленные деепричастные обороты, поскольку деепричастный оборот в абсолютном начале текста претендует и на функцию маркера места, хотя и в совокупности с реальным его маркером – *маршрутка*. При этом грамматическая трансформация «впитывая-впитываю», «задыхаясь-задыхаюсь» не разрушает грамматической структуры, отражающей последовательность действий, которых, впрочем, здесь нет, если понимать, что идет мена «действие-состояние», хотя состояние выражено формой с акциональной семантикой.

2) Обстоятельственная позиция с семантикой обусловленности, в нашем примере – условие: «*Так можно до весны, раздвинув шторы, глазеть весь день на крыши и заборы, потом трусить в столовку, где дают февральский общепитовский уют*» (М. Шишкин. Райцентр).

Б. Текстовая функция, когда деепричастный оборот выступает как грамматический маркер различных видов субъективной модальности:

1) Интерпретационная функция: *«Еще в комнате был огромный дорожный сундук из толстой кожи, неведомо откуда взявшийся в семейной собственности, – покрывая его каждый вечер тюфячком и простынкой, на нем ложилась спать малорослая бабушка»* (А. Кабаков Деталь интерьера).

2) Авторизация. Художественные тексты из сборника «Без очереди» примеров нам не дали, что может говорить об использовании данных конструкций в текстах иной стилистической природы.

И теперь обратимся к нашим выводам, полученным в ходе анализа текстов русской классики. Один из самых ярких примеров, демонстрирующих большой набор функций деепричастного оборота, находим в повествовательном фрагменте из «Барышни крестьянки» А.С. Пушкина, приведем его с небольшими сокращениями, деепричастные обороты мы выделим, чтобы продемонстрировать их количество в этом отрывке.

В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякой случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками. В то же самое время Григорий Иванович Муромский, соблазнясь хорошею погодою, велел оседлать куцую свою кобылку и рысью поехал около своих англазированных владений. Подъезжая к лесу, увидел он соседа своего... Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылку, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем стремянный привел виновную лошадь, держа ее под уздцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться, ибо чувствовал себя обязанным, и таким образом Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным. Соседи, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромский попросил у Берестова дрожек, ибо признался, что от ушибу не был он в состоянии доехать до дома верхом. Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино... Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы.

Чтобы понимать, какое место занимает деепричастный оборот в этом тексте, необходимо рассмотреть общую текстовую структуру. Нам придётся ввести рабочий термин *мена фокуса наблюдателя*. Мы склонны считать, что таких «фокусов» в тексте три. Во-первых, это собственно нарратор – тот, кто создаёт мир; автор-наблюдатель – тот, кто принимает участие в ситуации, комментируя её извне (в пушкинском тексте такой комментатор появляется во вставной конструкции в первом предположении: *холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень)*); и фокусы персонажей. При этом они могут быть проявлены в таких формах, как их собственная речь – внутренняя речь, диалоги и т.п., так и опосредовано, будучи обозначены ЛСГ глаголов «речи-мысли».

Итак, если мы обратимся к тексту Пушкина, то мы видим сюжет, сформированный нарратором: встреча Берестова и Муромского на прогулке. Поскольку рассказчиком в данном тексте условно назван «покойный Иван Петрович Белкин», то он и выступает как

рассказчик-комментатор, проявляя себя в конструкциях, сформированных деепричастным оборотом: «Берестов выехал прогуляться верхом, **на всякой случай взял с собою пары три борзых, стреляного и несколько дворовых мальчишек с трещотками; Берестов возвратился домой со славою, **затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным; Муромский уехал не прежде, как взял с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино; Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил**».**

Деепричастную же грамматическую конструкцию мы видим, когда вводится речь персонажа, при этом автор не дает развернутого диалога, а маркирует таковой деепричастием, образованным от глагола ЛСГ «говорение»: «*Иван Петрович подскакал к нему, **осведомляясь, не ушибся ли он; лежал он, **проклиная** свою кузую кобылу.***» Таким образом, основная функция деепричастного оборота в тексте – это формирование многомерного пространства текста: текстовая «реальность» выступает как основная линия повествования, оценка этой «реальности» персонажами и оценка мира персонажей автором-наблюдателем формируют нелинейное структурирование текста. Трансформационный метод не работает в тех конструкциях, где появляется автор-комментатор, и эти конструкции создают дополнительный модус текста – ту самую иронию, которая присуща пушкинскому стилю. Здесь уместно усилить нашу позицию мнением В.В. Виноградова: «В сферу этой изображаемой действительности вмещается и сам субъект повествования – «образ автора». Он является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и лицами персонажей. В понимании всех оттенков этой многозначной и многоликой структуры образа автора – ключ к композиции целого, к единству художественно-повествовательной системы Пушкина» [Виноградов, 1936, с. 105].

Итак, мы полагаем, что природа деепричастного оборота может быть пересмотрена в связи с его явно непредложенческой позицией, и тогда его грамматические свойства получат добавочные характеристики. Поскольку изложенные в статье наблюдения являются только заявкой на пересмотр роли деепричастного оборота в русской грамматической системе, то вопросы терминологии, оценки функциональных типов текста, в которых деепричастный оборот ведет себя иначе, и многое другое, требуют уточнения. Но наши наблюдения позволяют сделать неграмматический вывод: выполняемая деепричастием задача структурирования многомерного пространства текста, собственно, объясняет его фактическое отсутствие в разговорной речи и не извиняет его отсутствие в художественном тексте.

Литература

1. Биккулова О.С. Деепричастие. Русская корпусная грамматика. На правах рукописи. М., 2011. Режим доступа: <http://rusgram.ru>
2. Виноградов В.В. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147. Режим доступа: https://informaxinc.ru/lib/pushkin/vinogradov_spades.html
3. Головкина С.Х., Смольников С.Н. Лингвистический анализ текста: Материалы в помощь учителю-словеснику. Вологда: Изд. центр ВИРО, 2006. 124 с.
4. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
5. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Центр-М, 2000. 416 с.
6. Шмелева Т.В. Деепричастие на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. С. 64–70.

Источники примеров

1. Без очереди: сцены советской жизни в рассказах современных писателей: Сборник / сост. Е. Шубина, Д. Сапрыкина. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. 521 с. – Из содерж.: Райцентр / Михаил Шишкин. Я начинаю путь / Евгений Бабушкин. Деталь интерьера / Александр Кабаков. Лоскуток / Людмила Улицкая. ГУМ: сцены у фонтана / Сергей Николаевич. Бутылка и бойцовка / Денис Драгунский. Несуны / Татьяна Толстая. Татьянин день / Евгений Бунимович. Присяга / Алексей Варламов. Перелицовка / Александр Васильев.
2. Мамедова Л. Морская болезнь. Рукопись, 2017.
3. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Барышня-крестьянка. Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0857.htm>

ОМОКОМПЛЕКС *НИКАКОЙ*: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЗНАКОВЫХ КОМПОНЕНТОВ¹

Р.Р. Шамсутдинова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика функционирования признакововых компонентов омокомплеса «никакой» – оценочного прилагательного и синкретичной лексемы с семантикой состояния. Показывается, что, несмотря на синтаксическое поведение и значение, последняя не может быть признана функциональным омонимом в силу формальных ограничений.

Abstract. The article deals with the specifics of the functioning of the characteristic components of the homocomplex «никакой» – evaluative adjective and syncretic lexeme with state semantics. It is shown that despite the syntactic behavior and meaning, the latter cannot be recognized as a functional homonym due to formal restrictions.

Ключевые слова: явления переходности, функциональные омонимы, омокомплекс, местоимения, состояние, оценка.

Key words: the phenomena of transposition, functional homonyms, homocomplex, pronouns, state, assessment.

Описывая специфику реализации местоименного значения, Л.Ю. Максимов подчеркивал: «Самые абстрактные в языке слова – местоимения – в речи, в конкретном предложении, в конкретной ситуации становятся самыми определенными словами» (цит. по: [Высоцкая, 2009, с. 70]). То же справедливо и для любых языковых явлений: именно речь наполняет конкретным содержанием связанную с абстрактным понятием графическую форму, что особенно актуально для омокомплексов – графических, звуковых оболочек, объединяющих группу функциональных омонимов и слов зоны синкретизма, признаваемых отдельными лексемами именно в речи [Бабайцева, 2000, с. 196–198, с. 203]. Так, наряду с типичным употреблением обобщающе-отрицательного местоимения *никакой* (ср. *Легкий сюжет, никакой драмы, можно посмеяться и отдохнуть* (twitter.com, 04.10.2021), *Обожаю говорить об этом и никакой инфляции не наблюдается, только улыбка* (twitter.com, 06.07.2020)) регулярно встречаются контексты наподобие следующих, где исходная местоименная семантика обнаруживает категориальные наслоения: (1) *Моя девушка*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

умудрилась подхватить кучу неизлечимых болезней, а ее иммунитет совсем **никакой**, поэтому пол нашего бюджета уходит ей на лекарства (twitter.com, 21.11.2018). (2) сегодня целый день как выброшенная на берег медуза... ваще **никакой**... надеюсь, что это только у меня, а у вас всё норм (twitter.com, 25.02.2021). В связи с этим можно говорить о существовании омокомплекса *никакой*, включающего исходную местоименную лексему и признаковые компоненты: оценочное прилагательное и синкретичную единицу, реализующую семантику состояния субъекта. Ключевым отличием функциональных омонимов служит их различная синтаксическая функция [Бабайцева, 2000, с. 195], однако анализ речевого материала показывает – в ряде случаев синтаксическое поведение признаков компонентов данного омокомплекса тождественно. Рассмотрим подробнее эту особенность.

Обе лексемы регулярно функционируют в позиции предиката двусоставного предложения – при этом адъективат указывает на отрицательную оценку, обусловленную отсутствием отличительных черт, положительных качеств (1), в то время как синкретичная лексема с семантикой состояния выражает значение состояния субъекта, связанное с усталостью, изнеможением, упадком сил (2): (1) *я не харизматичный, я **никакой**, я не умею делать ничего, думать, общаться, учиться даже, а тем более учить, я просто кусок размокшей старой доски, которая разваливается от дуновения ветра* (twitter.com, 3.10.2021). (2) *в последние дни я вообще **никакой**. ничего не хочу, просто днями лежу в кровати, забив на учёбу. пялю в потолок, надеюсь просто уснуть и не проснуться* (twitter.com, 04.05.2020). Эта же позиция допускает употребление каждого из функциональных омонимов в форме творительного падежа: (1) *у меня и так самооценка была **никакой** теперь еще это все* (twitter.com, 17.04.2018). (2) *как пара слов от тебя буквально вселяет в меня жизнь? сегодня я была **никакой** и много плакала... было ужасно но ты? твои слова дали мне покой и умиротворение и я почувствовала себя защищенной...* (twitter.com, 30.03.2021).

Функциональными омонимами, как правило, признаются лексемы, относящиеся к разным частям речи [Бабайцева, 2000, с. 218]. Если для оценочного *никакой* принадлежность к классу имен прилагательных очевидна – здесь значимую роль играют исходные формальные показатели местоименной единицы, то *никакой*, реализующее семантику состояния, синкретично: форма препятствует переходу лексемы не только в ядерную часть, но и на периферию категории состояния – критерий неизменяемости, свойственный подобным единицам (ср. ядерные *мне страшно, ему горько* и периферийные *я в восторге, я на эмоциях* слова категории состояния соответственно [Милованова, 2018, с. 6–7]) не соблюдается, при этом значение состояния субъекта регулярно выражается посредством данной лексемы.

Значимость синтаксической функции заключается также в том, что она служит условием формирования нового функционального омонима [Бабайцева, 2000, с. 206]. В интересующей нас ситуации о вторичности синтаксической функции можно говорить довольно условно. Становление интересующих нас контекстов функционирования данной лексемы разделяет столетие [Шамсутдинова, 2020, с. 178–180]: оценочное употребление *никакой* впервые фиксируется в конце XIX – начале XX столетия, в конце XX в. указанная лексема, реализуя оценку, фиксируется в привычной функции предиката, но уже в контекстах, связанных с состоянием: *У меня внеплановое задание. И голова уже к обеду – **никакая**...* (Ю. Васильев. Остановите музыку, 1985). *Перенакачаные нейролептиками, мы*

двигались, как фигуры из сна: из замедленного и тяжело припоминаемого ночного сновидения. Вялые и **никакие**. Недообразы (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996–1997). Далее значение состояния субъекта оформляется благодаря позиции дуплексива, значимым для которой является наличие семы переменности, непостоянства в семантической структуре слова [Чеснокова, 1991, с. 109]: *Я видел людей, которых приносили домой, наутро они **никакие** выходили на лед, но тренировались, и никто им слова не говорил* (В. Фетисов. Овертайм, 1997). *Голова разболелась. Лежу **никакая**, помираю* (Д. Каралис. Роман с героиней, 2001). Отмеченное выше употребление синкретичного **никакой** в роли предиката, где регулярно реализуется семантика состояния, – следующий шаг. Важно здесь то, что позиция дуплексива может расцениваться как вторичная синтаксическая функция именно для единицы, реализующей значение состояния: для прилагательного она не является трансформационной [Чеснокова, 1991, с. 47]. Однако именно она способствовала закреплению в речи значения состояния у лексемы **никакой**. Сегодня же мы говорим о параллельном употреблении в данной роли обеих единиц.

Отметим два случая. Первый, где общее конструктивное значение – признак, данный субъекту в чувственном восприятии [Чеснокова, 1973, с. 38]: (1) *уже не первый день подряд чувствую себя **никаким**. пустьшкой. не могу сконцентрироваться на чем то или вспомнить то, что мне говорили 30 секунд назад* (twitter.com, 31.10.2018); *чувствую себя **никакой**. словно я вообще ничего полезного не делаю. б е с п о л е з н а я* (twitter.com, 16.07.2021). (2) *спустя две ночи я закрыла все долги по английскому чувствую себя вообще **никакой** но я рада что сделала это переосилив желание лечь в кровать* (01.04.2021, twitter.com). *Другое дело тренировки. Когда ты понимаешь, что, в принципе, можешь без них. Но не тренируясь, чувствуешь себя **никаким*** (twitter.com, 27.09.2020). Второй – с атрибутивно-обстоятельственным значением сопутствующего состояния – для адеквативной лексемы более редкий и связанный с семантическими трансформациями глагольного элемента: (1) *К сожалению, самой зарплата пришла **никакая**, поэтому чем богаты* (twitter.com, 9.05.2020). *Студентка 7 месяцев. Пришла **никакая**. Работаем 2 раза в неделю. Готовлю на местные ТСЗ в ноябре* (twitter.com, 9.05.2021). (2) *Намазал себе плечи мазью с пчелиным ядом и пошел на трешу. Пришел **никакой**. Ожоги сильнейшие. Сейчас 2 мокрых платка на плечах* (twitter.com, 25.04.2010). *Неудачный день сегодня. Эспрессо явно только силы вытягивает. Домой пришёл **никаким*** (twitter.com, 2.10.2015). *У меня ночью поднялась температура На работу я пришла **никакая** Но так как за выходные выпал снег мне пришлось стоять на холоде под ветром и выметать веником снег у входа* (twitter.com, 16.02.2021).

Как показывает иллюстративный материал, практически во всех приведенных нами примерах семантическая идентификация значения слова **никакой** не является затруднительной: значение, реализуемое в контексте, прослеживается довольно четко. Лишь в двух случаях возможна синтагматическая нейтрализация – появление двусмысленности [Лаптева, 2003, с. 14], которую в первом примере снимает последующий контекст (1), во втором же возможность двоякой интерпретации при восприятии текста остаётся (2): (1) *Студентка 7 месяцев. Пришла **никакая**. Работаем 2 раза в неделю. Готовлю на местные ТСЗ в ноябре* (twitter.com, 9.05.2021). (2) *Другое дело тренировки. Когда ты понимаешь, что, в принципе, можешь без них. Но не тренируясь, чувствуешь себя **никаким*** (twitter.com, 27.09.2020). Ср. также *чувствую себя **никаким** но не знаю, нормально ли воспримет психолог, если я сейчас приду к ней и скажу, что не вижу смысла ни в жизни, ни во всем, что я делаю, ни в других людях* (twitter.com, 24.05.2021). *Просыпаюсь и ощущаю себя **никаким**. Всё*

раздражает. Это по крайней мере сегодня, остальное не помню (twitter.com, 23.02.2021), где двусмысленность понимания остаётся непроясненной. Контекст в самом деле играет здесь существенную роль. Состояние отличается от признака своей непостоянностью, сменяемостью, временной локализованностью [Вольф, 1982, с. 320], а потому при синкретичной лексеме *никакой* обычно фиксируются темпоральные показатели, указывающие на временную ограниченность испытываемых субъектом ощущений: ср. указанные выше примеры, а также – *из-за того что слишком рано встал и думал маленько ещё поспать, так и был никаким до 14 часов* (twitter.com, 14.04.2019). *Котаны-братаны, ждущие проду. Простите-извините, я сегодня совсем никакая. Мысли в голове разбегаются, как тараканы. И завтра рано вставать* (twitter.com, 18.10.2016). Оппозиция «временное – постоянное» актуальна и для следующих случаев употребления анализируемых единиц: (1) *у нас полгруппы плохо себя чувствует <...> и я в том числе тоже заболела, сижу никакая, значит это не у меня такой хлипкий организм, а кто-то принёс бяку и она очень быстро осела* (twitter.com, 24.02.2021). (2) *Пытаюсь найти в себе плюсы, но все еще остаюсь никакой* (twitter.com, 25.07.2015). *Никакой* функционирует в позиции дуплексиа в каждом из приведенных примеров, но в первом семантика глагольной лексемы связана с изменением текущего положения дел, в связи с чем – учитывая общий контекст – можно говорить об употреблении синкретичной лексемы с семантикой состояния, тогда как во втором – напротив, указывает на сохранение имеющихся параметров, здесь используется оценочная адъективная единица.

Интересно, что в изолированном употреблении семантизация *никакой* будет различной: *никакой, он был никакой, она была никакой* – скорее будет восприниматься в значении «состояние субъекта» (подлежащее, выраженное лексемой с предметным значением, устранил данную двусмысленность: *День был никакой, но хороший. Сестра накормила вкусной едой* (twitter.com, 10.05.2021), и напротив: *я чувствую себя никакой, она ощущает себя никакой* – в оценочном значении. Разграничению здесь может способствовать контекстуальная синонимия, проясняющая и уточняющая значение анализируемой единицы: *чувствую себя никакой. словно я вообще ничего полезного не делаю. б е с п о л е з н а я* (twitter.com, 16.07.2021); *я не харизматичный, я никакой, я не умею делать ничего, думать, общаться, учиться даже, а тем более учить, я просто кусок размокшей старой доски, которая разваливается от дуновения ветра* (twitter.com, 3.10.2021). А также причинно-следственные связи, устанавливаемые между предложениями и частями предложений: *Чувствую себя никакой, все идёт мимо меня, что я есть, что нет, толку нет, вообще никакого Я так люблю искусство и все к нему лежащее, но я хоть как-то его настигаю? Нет. Я ничего не делаю, я пуста* (twitter.com, 12.01.2021). *Просыпаюсь 5 раз за ночь, всю ночь меня трясло и кидало в жар чувствую себя никакой (не чувствую)* (twitter.com, 19.11.2020).

Резюмируя вышесказанное, ещё раз подчеркнем нестандартное для функциональных омонимов тождественное синтаксическое поведение признаков компонентов омокомплекса *никакой*, где значимую роль играет синкретичный характер лексемы, выражающей значение состояния: регулярно реализуемая семантика состояния вступает в противоречие с формой, в связи с чем единица не может формально обособиться от адъективной лексемы и перейти в другой класс слов, а значение состояния выражается в формально поддерживаемых контекстах. Таким образом, на данный момент мы не можем говорить о самостоятельном функциональном омониме *никакой* с семантикой состояния субъекта, но при этом отмечаем высокую степень синкретизма, характерную для лексемы в

данном значении: путь дистанцирования, связанный с актуализирующей семантику состояния синтаксической позицией, уже намечен.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 320–339.
3. Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности: Монография. Новосибирск: НГПУ, 2009. 192 с.
4. Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 416 с.
5. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–10.
6. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Таганрог: ТГПИ, 1991. 213 с.
7. Чеснокова Л.Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону, 1973. 104 с.
8. Шамсутдинова Р.Р. Функционирование лексем *никакой* и *никакущий* как отражение микродиахронных языковых изменений // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Междунар. науч.-практич. конф. 28–30 мая 2020 г. Калининград: Изд-во «РА Полиграфычъ», 2020. С. 177–184.

СЛОВОФОРМА СЛЕДУЯ: ЕСТЬ ЛИ ДВИЖЕНИЕ В СТОРОНУ СЛУЖЕБНОСТИ?

Е.С. Шереметьева

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются факты нормативного и ненормативного употребления деепричастия «следующая». Представлены структуры, в которых нарушение кореферентности субъектов связано с пропуском модального компонента предложения. Проводится параллель между функционированием деепричастия «следующая» и рядом производных предлогов.

Abstract. The article describes the standard and non-standard usage of Russian transgressive “sleduyaya”. It presents the structures where the absence of subject coreference relates to the lack of modal component in the sentence. The functioning of the transgressive “sleduyaya” and a range of Russian derivative prepositions is compared.

Ключевые слова: деепричастие, производный предлог, служебное слово.

Key words: transgressive, derivative preposition, function word.

Производные отыменные образования, приобретающие предложные функции, давно стали объектом активного внимания исследователей. Такие единицы дают хороший материал для обсуждения вопросов грамматикализации, переходности, развития служебных функций у знаменательной лексики; для разработки критериев, позволяющих относить какую-либо единицу к классу служебных, выработке квалификационных характеристик (атрибуции) подобных единиц; приводят к необходимости ставить вопрос о возможности

расширения самого понятия служебного слова и, в частности, предлога, о существовании ядра и периферии внутри одного класса служебных слов.

Внимание к таким единицам – не новое явление, но очень активно развивающееся в последние три десятилетия. Это вполне объяснимо: пополнение предложных новообразований идет именно за счет существительных, в определенных условиях развивающих функции, аналогичные функциям предлога.

На этом фоне в стороне остались отглагольные производные предлоги и отглагольные образования, проявляющие предложные функции. Такая ситуация объясняется двумя связанными друг с другом причинами. Во-первых, отглагольных производных предлогов немного, они практически могут быть даны закрытым списком. Во-вторых (и это, по существу, главное), процесс развития служебных функций у форм деепричастия, как считается, практически остановился. В 1964 г. Е.Т. Черкасова писала: «В XIX в. новые отглагольные предлоги не возникают – обрывается и эта линия в развитии системы производных предлогов» [Очерки ..., 1964, с. 233]. (Вторая оборвавшаяся линия – пополнение предлогов за счет адъективных форм). Таким образом, небольшое количество отглагольных предлогов связано с тем, что глагольная форма – деепричастие – перестала быть базой развития служебной (предложной) функции уже в XIX веке.

Что касается списка отглагольных предлогов, то к ним относятся *благодаря, исключая, включая, выключая, не считая, спустя, начиная, кончая* – список, данный В.В. Виноградовым [Виноградов, 1986, с. 559], при этом с помощью цетеры «и др.» указано, что он не законченный. Из «Русской грамматики» 1980 к нему добавляются *не доходя, погодя, пройдя, считая*, а также составные *глядя по, смотря по, судя по, невзирая на, несмотря на, не доходя до, исходя из* [Русская грамматика, т. I, с. 708–709]. В [Объяснительный словарь..., 2003, с. 334] плюс к перечисленным в качестве отдельных единиц даны *считая от* и *считая с*. Для нас важно то, что это единицы, развившие предложную функцию на базе деепричастия.

Как видим, в названных выше источниках нет словоформы *следуя*, которая бы рассматривалась как производный предлоги или давалась бы с пометой «в значении предлога». Не отражена эта словоформа и в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова, а в этих словарях нашло отражение большое количество отыменных новообразований с предложной функцией.

Мы обнаружили только два источника, в которых словоформа *следуя* рассматривается как предложная единица: это статья М.А. Овсянниковой, посвященная как раз отглагольным предлогам [Овсянникова, 2008], и словарь польских вторичных предлогов, составленный профессором Чеславом Ляхуром (Польша) [Lachur, 2019]. В словаре польских вторичных предлогов *следуя* приводится в качестве русского эквивалента польским предложным единицам *idąc tropem* и *idąc za* [Lachur, 2019, т. 1, с. 173]. Сразу заметим, что в словаре представлено широкое понимание предлога (принятое в научной школе М.В. Всеволодовой): в состав словаря вошли не только собственно предлоги, но и единицы, находящиеся на разной стадии перехода в этот класс служебных слов (это отражено и в названии словаря).

В статье М.А. Овсянниковой рассматриваются критерии, по которым можно определить степень грамматикализации отглагольных единиц, претендующих на роль предлога. В списке исследованных в этой статье единиц, кроме *следуя* есть еще форма *учитывая*, также не отмеченная в других источниках как производный предлог.

Возникает вопрос, почему в качестве объекта обсуждения в нашей работе выбрана форма *следуя*, а не другие, отмеченные как предлоги, единицы. Словоформа

следуя (кому / чему) встраивается в синонимический ряд с производными предлогами в соответствии с, *вслед за*, союзом *если*, например: (1) **Если прибегнуть к словарю Аристотеля, то в каждом процессе практической деятельности необходимы материя и действующая причина. Следуя Марксу, можно аналитически рассматривать социальную деятельность как производство, т.е. работу над и с материальными причинами, и, вслед за Вебером, отказываться реифицировать (овеществить) его** [В.Я. Ельмеев, В.Г. Овсянников. Прикладная социология. Очерки методологии (1999)].

На примере этой формы нам было интересно посмотреть, есть ли какие-нибудь признаки, позволяющие говорить, что и в настоящее время возможно преобразование глагольной формы в служебную, или процесс пополнения класса предлогов глагольными формами окончательно завершен и изменения разного рода происходят только в пределах тех отглагольных единиц, которые уже приобрели служебные функции.

Прежде всего необходимо сказать, что возможностью развития предложной функции обладает словоформа глагола *следовать* в значении «руководствоваться чем-либо; поступать согласно чему-либо или подобно кому-либо» [Большой толковый словарь..., 1998, с. 1208], так как именно в этом значении глагола уже заложена семантика релятивности – это нашло отражение в толковании значения с помощью предлогов (производных) *согласно* и *подобно*. Глагол *следовать* управляет дательным беспредложным (следовать кому / чему), такая связь с косвенным падежом существительного служит базой для формирования двунаправленных отношений. Однако способность выражать отношение (указывать на отношение) не обязательно должна приводить к возникновению у знаменательного слова связующих свойств, характерных для предлога. Это только потенциальная база. Существенный сдвиг может возникнуть в том случае, если деепричастие начнет употребляться в несвойственном ему формальном и / или семантическом окружении, это изменение в употреблении приведет к семантическому сдвигу в самой единице, она лексикализуется (выпадет из парадигмы). После этого можно уже ставить вопрос о той или иной степени грамматикализации.

Рассмотрим формальную сторону функционирования словоформы *следуя*.

1. Эталонная структура с деепричастием характеризуется прежде всего односубъектностью (корреферентностью) деепричастной формы и спрягаемой формы глагола и наличием субъекта, грамматически оформленного как подлежащее. При этом субъект представлен как лицо («личные существительные»). Это преобладающая структура для *следуя*:

(2) **Гуссерль, следуя Декарту, провозгласил своей целью создать философскую науку, обладающую абсолютным основанием, свободную от всех непроясненных предпосылок** [В.М. Молчанов. Предпосылки и беспредпосылочность феноменологической философии // Логос, № 10, 1999]; (3) **Следуя Галилею, мы можем рассматривать физический мир как набор траекторий, которые являются функциями времени** [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]; (4) **Они одеты строго, без вольностей, следуя законам особой, бюрократической моды** [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)]; (5) **Следуя запросам потенциальных покупателей, девелоперы, наоборот, возводят все более феешенебельные пентхаусы** [Выше только звезды (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.06.15].

2. Типичной, но тем не менее разрушающей эталон является структура с безличным предикатом и зависимым от него инфинитивом (*можно, нужно, следует, требует* + инфинитив). Такая конструкция считается нормативной, поскольку в них соблюдается односубъектность действий (состояний), названных деепричастием и инфинитивом [Русская

грамматика, т. I, с. 182; Ицкович, 1982, с. 145]. Разрушение эталона заключается в отсутствии субъекта, грамматически оформленного как подлежащее (отсутствие субъекта в именительном падеже), это приводит к утрате формального выражения отношения деепричастия к субъекту. В результате, как писала Е.Т. Черкасова, в таких структурах у деепричастия ослабляется значение действия [Черкасова, 1967, с. 216]. Например: (6) *Следуя Гуссерлю, можно было бы сказать, что «отторжение» иллюзии опирается на созерцание, однако смысл этой опоры, или фундирования, остается весьма неопределенным* [В.М. Молчанов. Предпосылки и беспредпосылочность феноменологической философии // Логос, № 10, 1999]; (7) *Следуя этой логике, справедливо предположить, что глобальное потепление имеет отношение к урагану «Катрина»* [А. Голяндин. Мерзлота уступает позиции? // Знание – сила, 2006]; (8) *Русские эмигранты говорят, что успеха в демократической и толерантной Швеции можно достичь, только следуя этим правилам* [А. Молодых. В поисках позитива // Русский репортер, 2014].

В то же время необходимо отметить, что для деепричастия *следуя* очень характерно функционирование в безличных структурах с модальными предикатами, а «модальный контекст» является одним из факторов, способствующих нормализации структур с невыраженным субъектом [Гловинская, 2000, с. 286].

3. К разрушению эталонной конструкции приводит и появление в структуре с деепричастием подлежащего, оформленного неличным существительным, то есть называющим не лицо, не деятеля, а неодушевленный предмет. По наблюдениям Е.Т. Черкасовой, в таких случаях «значение действия становится ирреальным: оно приписывается предмету, который не может быть его производителем» [Черкасова, 1967, с. 216]. Примеры: (9) *<...> в пентхаусах все внешние стены имеют абсолютно ровную вертикальную поверхность и, только следуя моде, они могут приобретать любые затейливые формы* [Выше только звезды (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.06.15] – местоимение «они» замещает неличное существительное «стены». (10) *Конечно, следуя законам мюзикла, были в «Джулии» и комедийные сцены – для оживления действия* [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)].

Появление неличного существительного в позиции подлежащего приводит к образованию конструкций с пассивом в предложениях с деепричастием. В таких конструкциях обнаруживается конфликт между семантической односубъектностью и грамматической разнотелностью, Например: (11) *Кончина мастера в апреле 1825 года прервала работу над иконостасом. Следуя последней воле Владимира Лукича, он «без излишних церемоний» был погребён на том же Смоленском кладбище* [Л. Маркина. Спасавший красоту // Наука и жизнь, 2009]. Ср.: *Следуя последней воле В. Л., его погребли...*; (12) *В частности, следуя Декарту психика человека начинает рассматриваться не только как пассивный инструмент познания и отражения окружающего мира, но и как активное начало, влияющее на мир и в каком-то смысле конституирующее его* [А.В. Полетаев, И.М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)]. Ср.: *Следуя Декарту, психику человека начинают рассматривать...*; (13) *Опять же, следуя главному принципу, задача будет решена в полном объеме: от проектирования и создания индивидуальной программы до комплектации необходимым электрооборудованием и монтажа системы* [Пермский строитель, 2003.05.12] – Ср.: *следуя главному принципу, задачу решат...*; (14) *Эти города насыщены социальными объектами, и, следуя градостроительным концепциям,*

в непосредственной близости от них расположены подходящие под формат магазина «у дома» **помещения** [А. Левинская, А.Синяков. Минпромторг ослабит алкогольный закон // РБК Дейли, 2014.02.06] – Ср.: следуя градостроительным концепциям, в непосредственной близости от социальных объектов **расположили** подходящие под формат магазина «у дома» помещения.

Разрушение кореферентности субъектов может возникать в результате сокращения модального компонента, с которым коррелирует (должно коррелировать) деепричастие *следуя*. Такие контексты возникают, например, при введении цитаты, когда сосуществуют два говорящих субъекта, один из которых с помощью цитаты описывает предмет, явление или ситуацию, представляя таким образом «взгляд со стороны».

Приведем сначала нормативный пример без сокращенного модусного компонента: (15) *Следуя П. Бергеру и Т. Лукману, можно сказать, что для наших целей «...будет достаточно определить мифологию как концепцию реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта. <...>»* (Бергер, Лукман 1995 [1966], 180–181) [И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)]. Как уже было показано выше (см. примеры 6–8), в конструкциях такого типа семантическая односубъектность сохраняется.

Теперь рассмотрим пример с сокращенным модусным компонентом:

(16) *Книга Лосева своим научным аппаратом – комментариями, биографической хронологией, всеобъемлющим списком публикаций – выделяется среди изданий серии «ЖЗЛ». Принцип, по которому она написана, можно было бы обозначить, исходя из следующего определения самого Иосифа Бродского: «Биография писателя – в покрое его языка» («Меньше единицы»). Следуя этой дефиниции, на протяжении всей книги биографическое повествование перемежается филологическими штудиями. Они призваны объяснить или хотя бы выявить, как именно эволюционировал поэтический язык Бродского в соотношении с событиями его биографии* [Александр Иличевский. Биография поэта как факт языка // Новый Мир, 2007]. Если в первом выделенном нами фрагменте модусный компонент, отражающий позицию рецензента, сохранен (*принцип ... можно было бы обозначить*), то во втором случае этот компонент отсутствует. В результате отношения между деепричастным оборотом и подлежащно-сказуемостной частями конструкции еще больше осложняются, такую структуру нельзя преобразовать таким же образом, как мы сделали в отношении предложений (11) – (14), поскольку характеристику построения книги, исходя из дефиниции И. Бродского (следуя дефиниции И. Бродского), дает рецензент, а не автор биографии.

Аналогичные примеры: (17) *Как же используется аксиоматический метод в математическом творчестве? Именно здесь, пишет Бурбаки, аксиоматика больше всего сближается с экспериментальным методом. **Следуя Декарту, она «разделяет трудности, чтобы лучше их разрешить»*** [В.Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)]; (18) *Следуя высказыванию поэта, человек уверен, что его милиция его бережет* [Должники и заложники. Reader@izvestia.ru (2002) // Известия, 2002.01.09]. (19) *Внимательно проанализировав все разделы данной статьи, невольно приходишь к умозаключению, что, **следуя известной истине, – сколько людей, столько и вкусов (мнений)*** [Юрий Козлов. Батоны-буханочки... (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.04.02]. В примерах (17)–(19) достаточно легко восстанавливается пропущенное звено: *следуя Декарту / следуя высказыванию поэта / следуя известной истине [можно сказать]...* Отметим еще тот факт, что в структурах как с вербализованной, так и с имплицитной

модусной частью *следуя* синонимично союзу *если*, для которого характерно функционирование в аналогичных построениях в иллокутивном употреблении.

Подведем итог.

Деепричастие *следуя* в указанном значении имеет релятивную семантику и управляет беспредложным дательным падежом, что закладывает базу для возможности развития у него предложной функции. С одной стороны, для него характерно функционирование в синтаксических структурах, раскрывающих его деепричастные свойства. С другой стороны, для него типично функционирование в контекстах, в которых наблюдается конфликт грамматической разносубъектности и семантической односубъектности. Небольшой шаг в сторону лексикализации проявляется в контекстах, в которых *следуя* используется для введения цитаты или отсылки к прецедентному тексту, с редукцией модусного компонента синтаксической структуры, с которым должна коррелировать деепричастная форма.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
3. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2002. С. 237–304.
4. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.
5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги. союзы. частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2003. 421 с.
6. Овсянникова М.А. Отглагольные предлоги русского языка в свете теории грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 4. СПб, 2008. С. 135–139.
7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 320 с.
8. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. II. М.: Наука, 1980. 710 с.
10. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги М.: Наука, 1967. 280 с.
11. Lachur Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym Materiały do słownika (w zestawieniu w języku rosyjskim). Tom 1. Kępa: Wydawnictwo Nowik Sp.j., 2019. 425 s.

СИНТАКСИС КОНСТРУКЦИЙ

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.В. Величко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются фразеологизированные предложения (ФП) с точки зрения их структуры, коммуникативной функции и семантики. Структурными особенностями ФП является наличие постоянных и непостоянных компонентов. ФП относятся к сфере субъективной модальности и выполняют в коммуникации фатическую функцию. Приводится семантическая классификация ФП.*

***Abstract.** The article reviews phraseologized sentences from the perspective of their structure, communicative function and semantics. The phraseologized sentences structure is notable for the presence of permanent and non-permanent elements. Phraseologized sentences belong to the sphere of subjunctive mode and perform phatic function in communication. The semantic classification of phraseologized sentences is presented.*

***Ключевые слова:** фразеологизированные предложения, постоянные и переменные компоненты, фатическая функция, субъективно-модальные значения.*

***Key words:** phraseologized sentences, permanent and non-permanent elements, phatic function, subjective-modal meaning.*

В статье рассматривается явление фразеологичности в синтаксисе.

Приходится констатировать, что синтаксическая фразеология пока исследована недостаточно. Исследователи относят сюда построения разного рода, используют разные термины для их обозначения: неделимые предложения, устойчивые конструкции, стационарные предложения, фраземы, фразеосхемы и т.д.

Объектом анализа в данном сообщении являются предложения фразеологизированной структуры или фразеологизированные предложения (ФП), например: *Вот это праздник так праздник!; Нет бы мне промолчать; Работать так работать!; Чем не праздник!; Тоже мне выступил!; Всем подаркам подарок!; Студент есть студент.; Чем не подарок!; Хоть меняй работу; Что ни день, то новые впечатления; Шутки шуткам рознь* и т.д. [Величко, 2016 а; Величко, 2016 б].

Специфика ФП в том, что их грамматическая природа имеет двойственный характер: они формировались и существуют как фразеологические построения и в то же время сохранили основные грамматические признаки предложения. В соответствии с этим их образуют компоненты двух типов – постоянные и переменные (свободные).

Постоянные компоненты – это служебные слова, которые утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, а также свои грамматические признаки. Они определяют конфигурацию, структурную «рамку» предложения и представляют его значение, т.е. являются конструктивно и семантически образующими.

Переменные компоненты – это знаменательные слова со свободным лексическим наполнением. В составе ФП имеет значение только часть речи слова, занимающего позицию переменного компонента, и его морфологическая форма.

Таким образом, ФП частично воспроизводятся, частично строятся, и, следовательно, по одной модели может быть построено множество конкретных высказываний одного фразеологического значения, но разного содержания. Так, предложения *Как не пойти; Как не помочь; Как не купить* организуются с помощью постоянного компонента **как не** и инфинитива; *Тоже мне город, Также мне умный, Также мне близко, Также мне выступил* образуются с помощью постоянного компонента **тоже мне**, к которому присоединяются слова разных частей речи.

В таких предложениях, как отмечает Русская грамматика 1980, «словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам» [Русская грамматика, 1980, с. 383].

ФП, как и все типы предложений, обладают предикативностью (*Вот это праздник – Вот это был (будет, был бы), праздник*).

При реализации в устной форме они получают интонационное оформление.

ФП обладают не только общими структурно-грамматическими признаками. Они объединяются также **общностью предназначения** в языке: все они непосредственно связаны с речевым общением и раскрываются как специфические **коммуникативные единицы** [Величко, 2016 а, с. 312–384; Величко, 2016].

Особенности их функционирования в общении обусловлены спецификой их семантики. ФП не сообщают информации о положении дел в реальном мире. Их семантика определяется как выражение конкретных значений субъективной модальности, то есть они передают отношение говорящего к содержанию сообщения. Это интеллектуально-эмоциональная реакция говорящего на сообщение, а не само общение. Так, в предложениях *Ох уж эта мне Маша; Ох уж эти мне соседи; Ох уж эти мне экзамены!* не сообщается, что сделала Маша, какие действия совершили соседи, что произошло на экзаменах, но ясно, что говорящий выражает свою негативную реакцию на поведение, на действия названных лиц, на названное событие.

Следовательно, в силу своей семантики ФП предназначены для выполнения в коммуникации именно фатической, контактной функции. Семантически они тесно связаны с содержанием обсуждаемого, участвуют в смысловой организации коммуникативного текста. Обычно они не начинают речь, текст, а используются «в связи с чем-то», «по поводу чего-то», то есть сопровождают высказывание информативного плана. Это способ для говорящего по-своему интерпретировать информацию.

При этом ФП не представляют собой готовую мысль. Они закрепили, зафиксировали определенные ходы мысли, мыслительные модели, формулы, которые типичны для человеческого (очевидно, специфически русского) мышления. Таким образом, ФП соотносятся с интеллектуально-эмоциональной сферой человека. В этом отношении ФП имеют большие возможности.

ФП довольно много, свыше пятидесяти единиц. И это не случайный набор разрозненных единиц, а единый класс, образующий систему. Свойственное всем ФП значение субъективной модальности объединяет их, а частные, конкретные ее значения являются основанием для их дифференциации, классификации.

Семантическая классификация все ФП объединяет в шесть семантических групп, передающих шесть значений субъективной модальности, которые являются семантическими **универсалиями**, представляют собой понятийные категории: 1. оценка (*Всем праздникам праздник; Праздник как праздник*); 2. согласие, – отрицание (*Работать*

так работать; Мне не до разговоров). 3. модальные значения (*Как не пойти; Не идти же пешком!*; *Чтобы он когда опоздал!*), 4. единственность-множественность (*Ей бы только развлекаться; Что ни день, то новые впечатления; Книги книгам рознь*), 5. акцентирование (*Я прочтала об этом не где-нибудь, а в энциклопедии*) 6. обусловленность (*Работа работой, а отдыхать тоже надо*).

Структуры каждой группы делятся на подгруппы, отражающие их частные, конкретные значения и их оттенки. Полная классификация ФП представлена в *Приложении*. См. также [Величко, 2016, с. 121–136].

Основная сфера функционирования ФП – это устная речь, обиходное общение, и в целом такая совокупность ФП, отражающая субъективную модальность во всем богатстве ее значений и оттенков позволяет говорящему выразить свое отношение к содержанию информации с нужной полнотой и точностью, что свидетельствует об их большом коммуникативном потенциале.

Этому же способствует и наличие в них лексически свободного компонента в результате чего высказывания одной модели могут использоваться в любой ситуации, при разговоре на любую тему. Например: (**сущ. + есть + сущ.**): *Город есть город; Деревня есть деревня; Закон есть закон; Зима есть зима; Праздник есть праздник; Тюрьма есть тюрьма; Театр есть театр; Ребенок есть ребенок; Любовь есть любовь* и т.д.

ФП отражают определенные характерные черты и условия общения.

Говорящий стремится активизировать адресата (это в интересах обоих), убедить его и даже склонить на свою сторону. Для этого имеются ФП, содержащие оттенок убеждения. Ср.: *Чем не подарок* (Это, по-моему, хороший подарок и я хочу, чтобы ты тоже так думал); *Это ли не удача!* (Поверь мне, это настоящая удача); *Как было не помочь* (Я должен был помочь. Я не мог поступить иначе).

Для общения характерно **стремление к краткости** выражения, экономии средств. И ФП, как правило, кратки по форме и соответствуют этой черте общения, Однако, с другой стороны. при своей краткости они нередко характеризуются **семантической емкостью**. Они фиксируют сложные формы мышления. Это сложные когнитивные структуры. (Как говорится, сказано мало, а выражено много.) Например, в разговоре о погоде в данном месте в данный период говорящий использует высказывание: *Уж на что старожилы, и то (и те, и они) не помнят такой холодной зимы в этих краях*. Он называет лица, которые не участвуют в разговоре и вообще отсутствуют, вызывает из памяти (или моделирует) совсем другую ситуацию и опирается на нее, чтобы доказать справедливость своих слов.

Здесь сочетается несколько семантических компонентов: и оценка зимы, и противопоставление, и удивление, и стремление убедить. Семантическая емкость ФП способствует содержательности и глубине общения.

В процессе общения адресант и адресат периодически меняются ролями. Адресат, становится уже говорящим, и его активность проявляется не только в осознании полученной информации, но и в реакции на нее; новый адресант строит ответный текст-дискурс, где также может использовать ФП и выразить свое видение ситуации. Как отмечает Н.И. Формановская, адресат не только воспринимает информацию, он еще и действует [Формановская, 2012, с. 41]. А это важно для правильного продвижения общения, обогащает общение. Например:

(1) « – *А тут у вас еще одна ваза была. А теперь ее нет. Неужели разбили? Как жалко.*

– *Какой разбили! За долги отдали. 700 рублей срочно надо было отдать».*

(2) « – *Зачем вы подошли ко мне при всех. На нас смотрят! Люди кругом!*

– *Оленька! А что мне люди. Я никого не боюсь Мне нечего стесняться».*

Развивая эту мысль о коммуникативном потенциале ФП, следует отметить, что фразеологизированные предложения относятся к КЛЯ, поэтому активно используются в разных функциональных разновидностях языка, а именно, с одной стороны, в обиходном общении, то есть **в полноценной, канонической сфере общения**, о чем уже шла речь до этого, а с другой стороны, – в публицистике и в художественной литературе, где общение представлено **в опосредованном виде** [Падучева, 1996], где коммуникативная ситуация представлена как «автор – читатель/слушатель». Однако в этих коммуникативных ситуациях фразеологизированные предложения также активно используются, и они **охотно отдают свои коммуникативные возможности автору** публицистического и художественного текста для достижения тех целей, которые он ставит перед собой.

Использование ФП, которые отражают направленность на адресата, помогает журналисту, писателю преодолеть разрыв, отсутствие синхронной связи между автором и (потенциальным) читателем, организовать процесс взаимодействия. Но это тема для отдельного рассмотрения и анализа.

Подводя итог сказанному, отметим, что рассмотренные фразеологизированные предложения – это системное явление русского языка. Они входят в общую синтаксическую базу русского языка как ее специфический сегмент. Они имеют широкий коммуникативный потенциал и играют важную роль в обеспечении полноценной коммуникации.

Литература

1. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с. (2016 а).
2. Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Златоуст, 2016. 188 с. (2016 б).
3. Падучева Е.В. Семантические исследования. Ч. II Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 193–418.
4. Русская грамматика. В 2 т. М: Наука, 1980. Т. II. 710 с.
5. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт. М.: Изд-во ИКАР, 2012. 200 с.

Приложение

Классификация фразеологизированных предложений.

I. ФП, выражающие оценку.

1. Положительная оценка.

- (1) *Ай да помощник!; Ай да Петя!; Ай да радость!*
- (2) *Всем пирогам пирог!; Всем городам город!*
- (3) *Розы – это цветы!; Петербург – это город!*
- (4) *Чем не словарь; Чем не отдых!; Чем не герой!*

2. Негативная оценка.

- (5) *Тож же мне город!; Тож же мне выступил!; Тож же мне помощник.*
- (6) *Ох уж эти мне морозы!; Ох уж эта мне работа!*
- (7) *Ах ты озорник!; Ах он хитрец!; Ах ты обманщик!*

3. Недифференцированная оценка.

- (8) *Вот это спортсмен!; Вот так ответ!; Вот это игра так игра!*
- (9) *Ну и спортсмен!; Ну и денек!; Ну и красота; Ну и сестра!*

- (10) *Что за прелесть!; Что за сестра!; Что за легкомыслие!*
(11) *Какой это концерт!; Какая она певица!; Какое это удовольствие!*
(12) *Из хитрецов хитрец!; Красавица из красавиц! Умница из умниц!*

4. Оценка как соответствие норме.

- (13) *Город как город; Студент как студент!; Озеро как озеро.*
(14) *Город и город; Студент и студент; Озеро и озеро.*

II. ФП, выражающие согласие, отрицание (значение 'да – нет').

1. Согласие, принятие.

- (1) *Работать так работать!; Цветы так цветы!; Завтра так завтра.*
(2) *Почему бы и не поехать; Почему бы и не выступить!; Почему бы не завтра!*
(3) *Праздник есть праздник!; Ученик есть ученик; Море есть море!*
(4) *Это ли не радость!; Это ли не беда! Это ли не помощник!*

2. Отрицание, несогласие.

- (5) *Какой там прочитал!; Какие там книги!; Какая там артистка!*
(6) *Когда мне читать!; О чем мне ему писать; Кому мне писать!*
(7) *До театра ли мне!; До учебы ли ей!; До разговоров ли нам!*
(8) *Что ему театр!; Что для него друзья!; Что ей наши советы!*
(9) *Ей сон не в сон!; Ему жизнь не в жизнь!; Ей беда не беда.*

III. ФП, выражающие модальные значения.

1. Необходимость, долженствование.

- (1) *Как не помочь!; Как не заниматься!; Как не пригласить!*
(2) *Тебе ли не радоваться!; Нам ли не огорчаться.*

2. Целесообразность.

- (3) *Нет бы нам заранее купить билеты!; Нет бы ему помолчать!*
(4) *Хоть меняй работу!; Хоть не выходи на улицу.*

3. Ненужность.

- (5) *Не уезжать же домой!; Не спорить же мне с соседкой!*

(6) *Рассказ не такой интересный, чтобы перечитывать его; Это не так близко, чтобы идти пешком.*

4. Невозможность.

- (7) *Чтобы она кому-нибудь нагрубила!; Чтобы он когда опоздал!*
(8) *Куда ребенку все это съесть!; Где мне все это запомнить!*
(9) *Мне ли с ним спорить!; Ему ли получить премию!*

IV. ФП, выражающие значение единственности и множественности.

1. Единственность, ограниченность.

(1) *У студентов сейчас только и разговор, что о каникулах; В городе только и развлечений, что театр.*

- (2) *Пете только бы спать!; Ей бы только развлекаться; Им бы только спорить!*

2. Множественность, разнообразие.

- (3) *Где только они не побывали; Каких только цветов нет в парке!*

- (4) *У нас что ни день, то новости!; Что ни дом, то памятник архитектуры;*

- (5) *Мало ли почему она не пришла!; Мало ли какая будет погода!*

(6) *Бывают встречи и встречи; Существуют проблемы и проблемы; Есть друзья и друзья.*

- (7) *Встреча встрече рознь; Традиции традициям рознь!*

V. ФП, выражающие акцентирование.

(1) *Кто-кто, а Илья знает север!; Когда-когда, а в январе снега много.*

(2) *Уж на что мастер, и то не смог починить эти часы!; На что летом, и то здесь прохладно.*

(3) *Мы учимся не где-нибудь, а в университете! Степан Сергеевич не кто-нибудь, а музыкант!*

(4) *Чего нам не хватает, так это порядка; Кто больше всех обрадовался, так это его брат.*

(5) *Кто как не друг поможет и поддержит; Где как не на море отдохнуть летом!*

VI. ФП со значением обусловленности.

(1) *Дела делами, а отдохнуть тоже надо!; Лекции лекциями, но и самому приходится много заниматься.*

(2) *Приехать-то брат не приехал, но прислал письмо; Отдохнуть-то я не отдохнул, но зато статью закончил!*

(3) *Стоит ему уехать из дома, как он начинает скучать; Стоило выпасть снегу, как в парке появились лыжники.*

(4) *Добро бы фильм был хороший, а то глупая комедия; Добро бы день был жаркий, а то дождь и холодно.*

(5) *Этот текст для второклассников, да что там для второклассников, – для третьеклассников будет труден.*

(6) *Отговаривай его не отговаривай, он все равно поедет; Хочешь не хочешь, а писать придется.*

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С НАЗВАНИЯМИ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА

И.В. Галактионова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые свойства количественных конструкций вида «два килограмма двести грамм сахара», включающих в свой состав два или более сочетания, каждое из которых состоит из числительного и названия единицы измерения. Свойства этих конструкций сравниваются со свойствами составных числительных.

Abstract. The article discusses some properties of such quantitative constructions as «dva kilogramma dvesti gramm sakhara» ('two kilograms two hundred grams of sugar') that include two or more combinations consisting of a numeral and the name of a unit of measurement. The properties of these constructions are compared with the properties of compound numerals.

Ключевые слова: количественная конструкция, составное числительное.

Key words: quantitative construction, compound numeral.

В статье рассматриваются некоторые свойства русских количественных конструкций, содержащих единицы измерения. Прежде чем переходить к свойствам именно этой разновидности количественных конструкций, необходимо охарактеризовать их структуру в целом.

1. Структура количественной конструкции.

Количественные конструкции, или количественные выражения, – это синтаксические конструкции, включающие в свой состав слова с количественной семантикой, прежде всего числительные (*много домов, пять человек* и т. п.). Они могут иметь довольно сложную структуру. Большой подкласс количественных конструкций составляют числовые выражения, состоящие только из имени числа и обозначения исчисляемого, подробно рассмотренные в классической работе [Мельчук, 1985].

Количественными конструкциями, не являющимися числовыми выражениями, например, такими, которые включают в свой состав единицы измерения, И.А. Мельчук не занимался специально.

Количественные конструкции часто состоят из двух слов (например, *пять карандашей*), но могут включать и большее их количество (*два с половиной литра молока*). Для удобства описания конструкций любой длины имеет смысл представить их структуру как состоящую не из отдельных слов, а из слотов, каждый из которых может быть заполнен одним или несколькими словами либо может остаться незаполненным.

И.А. Мельчук представляет количественную конструкцию как состоящую из двух компонентов – синтаксических групп «Исчисляемое» и «Количество» (см. [Мельчук, 1985, с. 20–22]). Для наших целей предпочтительно выделение в этих конструкциях трех разнотипных компонентов – трех слотов; для обозначения семантики слов, заполняющих слоты, можно использовать термины из работы [Крылов, 2005]:

- первый слот содержит количественное слово (чаще всего числительное), или, иначе говоря, квантификатор;
- второй слот включает единицу измерения (*килограмм, рубль, штука* и т.п.), то есть сегментатор;
- третий слот предназначен для указания на измеряемую сущность, или сегментанд (например, *карандашей* в сочетании *пять штук карандашей*; *молока* в *три литра молока*; *расстояния* или *пути* в *сто километров расстояния <пути>*).

Существительные в третьем слоте могут обозначать либо дискретную сущность (*карандаш*), либо континуальную сущность (*молоко*), либо параметр (*расстояние*), либо что-то, характеризующее этим параметром (*путь*). От семантики этого существительного, а именно от того, обозначен ли им дискретный предмет или что-то иное, зависит обязательность заполнения второго слота конструкции.

Если существительное в третьем слоте обозначает дискретный объект, который считается в естественных сегментах (например, в *штуках*), то заполнение второго слота необязательно и встречается редко: ср. стандартное *пять карандашей* и избыточное и потому гораздо более редкое *пять штук карандашей* (здесь используется так называемый классификатор – слово *штука*), *пять лошадей* – *пять голов лошадей*. При многих именах дискретных сущностей заполнение этого слота вовсе невозможно; ср. **пять голов кошек <невчих птиц>*, **три штуки городов*.

Если существительное в третьем слоте обозначает что-либо, не являющееся дискретной сущностью, то заполнение второго слота обязательно – как семантически, так и

структурно: *три килограмма картофеля*, но не **три картофеля*; *пять километров расстояния*, но не **пять расстояния*. (При измерении количества дискретных сущностей не в «штуках» заполнение второго слота также является обязательным; ср. смысловые различия между сочетаниями *пять килограмм яблок* и *пять яблок*; в первом из этих сочетаний слово *яблоко* по сути обозначает субстанцию.)

Если третий слот заполняет название недискретной (континуальной) сущности, то во второй слот попадают названия единиц искусственной – в терминологии С.А. Крылова (см. [Крылов, 2005, с. 45]) – сегментации – наименования мер, или единиц измерения: *месяц*, *верста*, *баррель*, *гектар*, *градус* и т.п.

С.А. Крылов разделяет единицы измерения, относящиеся к искусственной сегментации, на первичные (специализированные) и вторичные (неспециализированные) – по тому, является ли соответствующее значение первым, а часто – и единственным, значением данного слова (у первичных единиц: *килограмм*, *литр*), либо производным значением (у вторичных единиц: *мешок*, *стакан*).

Особенностью большинства – если не всех – первичных единиц является то, что они образуют иерархические системы. Так, время может быть измерено в *секундах*, *минутах*, *часах*, *сутках* и т.п., расстояние (длина, ширина и т.п.) – в *сантиметрах*, *метрах* и *километрах*, или в *верстах* и *саженях*, или в *парсеках* и *мегапарсеках*, или в *милях* и *футах* и т.п.; вес может быть измерен в *тоннах*, *центнерах*, *килограммах* и *граммах* или в *фунтах* и *унциях*. Перечисленные единицы, как и не попавшие в этот перечень, определенным образом соотносятся друг с другом: секунды – более мелкие единицы, чем минуты, минуты складываются из секунд и в свою очередь являются составными частями часа и т.п.

Подобная иерархия есть и у вторичных единиц; ср. *стакан*, *столовая ложка*, *чайная ложка*, *щепотка*.

Описанная трехкомпонентная структура количественной конструкции может не реализоваться полностью (как это происходит, например, в сочетаниях вида *пять карандашей*, где не заполнен второй слот, предназначенный для сегментатора), либо, напротив, отдельные слоты или их комбинации могут заполняться по несколько раз.

Объектом описания в данной статье являются реализации количественной конструкции, в которых второй слот заполнен названием единиц измерения, входящих в иерархическую систему.

В таких реализациях количественной конструкции возможно неоднократное заполнение (дублирование) комбинации двух первых слотов (каждая из комбинаций первого и второго слотов в приведенных ниже сочетаниях выделена квадратными скобками; нижним индексом обозначен ее порядковый номер): [*два килограмма*]₁ [*двести грамм*]₂ *картофеля*, [*два часа*]₁ [*тридцать минут*]₂ [*восемнадцать секунд*]₃ *полета*. Вторые слоты при этом должны быть заполнены названиями разных единиц, но обязательно таких, которые находятся между собой в иерархических отношениях.

Именно такой вариант количественной конструкции имеет некоторые свойства, которые следует описывать в явном виде.

Прежде чем обсуждать эти свойства, необходимо сделать уточнение о синтаксических разновидностях конструкций, включающих более одной единицы измерения. До сих пор приводились примеры стандартной (универсальной) конструкции такой семантики, и только она рассматривается далее. Слоты универсальной конструкции могут быть заполнены названием любой единицы измерения: [*два часа*]₁ [*десять минут*]₂ *вебинара*, [*два*

килограмма]₁ [триста грамм]₂ винограда, [сорок рублей]₁ [пятнадцать копеек]₂ жалованья, [три километра]₁ [двенадцать метров]₂ дистанции и т.п. Она допускает любое количество повторений комбинации первого и второго слотов, ограниченное только числом уровней в иерархии единиц измерения, а также необходимой в конкретной ситуации степенью точности; ср. конструкцию с четырьмя комбинациями: [двое суток]₁ [пятнадцать часов]₂ [сорок пять минут]₃ [пятьдесят секунд]₄ пребывания в невесомости.

Помимо универсальной есть также периферийные конструкции, в которых тоже есть дублирование слотов, хотя и не такое явное, как в универсальной конструкции, и которые используются практически только для обозначения времени: *без пятнадцати минут пять* и *пять минут шестого*. Эти конструкции устроены иначе и в статье не обсуждаются.

2. Свойства конструкций с дублированием комбинации слотов.

Ниже кратко охарактеризованы свойства количественных конструкций с повторением комбинации первого и второго слотов.

Ближайшим структурным аналогом таких конструкций, как кажется, являются составные количественные числительные, поэтому, описывая каждое из свойств количественной конструкции, имеет смысл указать, обнаруживается ли оно также и у составных числительных, или же числительные устроены иначе.

Первое свойство касается порядка расположения комбинаций слотов, и, несмотря на свою тривиальность, нуждается в фиксации.

Дублированные слоты располагаются в порядке уменьшения единиц измерения: [два килограмма]₁ [двести грамм]₂ риса, а не *[двести грамм]₁ [два килограмма]₂ риса.

В составных числительных порядок компонентов аналогичен (например, сначала десятки, а потом единицы: *двадцать пять*, а не **пять (и) двадцать*) – при этом известно, что в некоторых языках (например, в немецком и чешском) порядок может быть и обратным. Этот порядок, кроме того, соответствует «принципу приоритета», сформулированному в работе [Бергельсон, Кибрик, 1981].

Второе свойство связано с использованием количественного слова *один*, которое может выступать в роли квантификатора в любой из повторяющихся комбинаций слотов.

Как известно, у счетных существительных информация о количестве, равном одной единице, может выражаться как лексически – словом *один*, так и грамматически – формой единственного числа. Таким образом, в сочетаниях вида *одно яблоко* слово *один* семантически избыточно, поскольку повторяет информацию, выраженную формой существительного, и может опускаться. Сочетания *съел одно яблоко* и *съел яблоко* синонимичны.

Единицы измерения – это счетные существительные, поэтому можно ожидать от них аналогичного поведения. Действительно, грамматически правильны и синонимичны также словосочетания *один литр молока* и *литр молока*, *один метр байки* и *метр байки*. (Следует отметить, что есть синтаксические варианты количественной конструкции, где слово *один* не может быть опущено; ср. приведенное в [Мельчук, 1985, с. 69] сочетание *температура в один градус*, которое становится грамматически неправильным без слова *один*: **температура в градус*.)

Однако опущение слова *один* в конструкциях с дублированием возможно, только если слово *один* заполняет соответствующий слот в первой по порядку комбинации, и невозможно во второй и т.д. из них.

Можно сказать [один килограмм]₁ [двести грамм]₂ сахара или [килограмм]₁ [двести грамм]₂ сахара; при этом трансформировать сочетание [два метра]₁ [один сантиметр]₂

ткани в сочетании *[два метра]₁ [сантиметр]₂ ткани нельзя. Сочетание [один рубль]₁ [одна копейка]₂ доплаты преобразуется в [рубль]₁ [одна копейка]₂ доплаты, но не в *[рубль]₁ [копейка]₂ или *[один рубль]₁ [копейка]₂.

Надо отметить, что комбинация квантификатора *один* с сегментатором демонстрирует и другие различия в поведении в зависимости от места, занимаемого ею в количественной конструкции; см. некоторые наблюдения на эту тему в [Галактионова, 2016].

Составные числительные, включающие компонент *один*, ведут себя по отношению к нему несколько иначе. Они не запрещают опущения слова *один* во второй и последующих позициях, если этот компонент обозначает одну тысячу, миллион, миллиард или одну единицу более крупных разрядов.

Число 1 001 001 может быть прочитано как *один миллион одна тысяча один* (компонент *один* не опущен ни в одной позиции), как *миллион одна тысяча один* (компонент *один* опущен в первой, но не во второй позиции), как *миллион тысяча один* (компонент *один* опущен в первой и второй позициях) и даже как *один миллион тысяча один* (компонент *один* опущен во второй, но не в первой позиции). Последние два варианта в рассматриваемых конструкциях с дублированием невозможны.

Наконец последнее, **третье свойство**.

Дублирование комбинаций слотов делает необходимой синтаксическую связь между ними. Оставляя в стороне вопрос о характере связи как внутри комбинаций слотов, так и между комбинациями, обратим внимание на такое средство выражения этой связи, как союз *и*, который может использоваться для присоединения последней по порядку комбинации слотов.

В современном русском языке союз *и* в составных числительных (за исключением дробных) не используется, а немногие сочетания с числительным такой структуры воспроизводятся, будучи прецедентными выражениями; ср. название сборника сказок *Тысяча и одна ночь* или использованное А.С. Пушкиным сочетание *тридцать лет и три года*, в течение которых старик со старухой жили у самого синего моря. При этом в некоторых языках (например, в сербском, чешском и немецком) союзное соединение компонентов в составных числительных возможно.

В обсуждаемых количественных конструкциях использование союза *и* вполне нормально; например, можно сказать: [пять лет]₁ и [четыре месяца]₂ путешествия, [два часа]₁ [три минуты]₂ и [пять секунд]₃ полета.

Следует обратить внимание, что наличие союза *и* меняет свойства вводимой им комбинации слотов. Так, слово *один* может опускаться во второй и т.д. комбинации слотов, если она вводится этим союзом. Правильны и предложение *Ребенок пошел в [год]₁ и [один месяц]₂*, и предложение *Ребенок пошел в [год]₁ и [месяц]₂*, при неправомерности **Ребенок пошел в [год]₁ [месяц]₂*, где союз *и* отсутствует.

Подводя итог, можно отметить, что русские количественные конструкции устроены настолько разнообразно и прихотливо, что по-прежнему нуждаются в изучении, несмотря на значительное количество посвященных им научных работ. Предложенное описание – маленький шаг на этом пути.

Литература

1. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 343–355.

2. Галактионова И.В. Слово один в русских количественных конструкциях // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы. МГУ им. М.В. Ломоносова. 23–26 мая 2016 г. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 146–148.

3. Крылов С.А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. С. 44–65.

4. Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Wien: Verlag Otto Sagner, 1985. 510 s.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ ПО СХЕМЕ ADV – (НЕ) ЗНАЧИТ ADV

А.В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности функционирования в современных СМИ предложений синтаксической модели «Adv – (не) значит Adv». Позиции главных членов в них занимают наречия с оценочным значением. Чаще всего конструкции «Adv – (не) значит Adv» употребляются в заголовках публицистических статей.*

***Abstract.** The article discusses the features of the functioning of the sentences of the model «Adv – (not) means Adv» in the modern media. The positions of the subject and the predicate are occupied by the adverbs with an axiological meaning. Most often, the constructions «Adv – (not) means Adv» are used in the titles of journalistic articles.*

***Ключевые слова:** наречие, наречие образа действия, синтаксис, семантика предложения.*

***Key words:** adverb, adverb of the manner, syntax, semantics of the sentence.*

В современной русскоязычной прессе и электронных СМИ можно обнаружить предложения, построенные по не зафиксированной большинством грамматик и научных трудов синтаксической модели *Adv – (не) значит Adv*: *Качественно не значит дорого* (Комсомольская правда в Томске 17.10.2018); *<...> иначе – не значит хуже* (sakhalin.info 06.02.2020) и т. д. Поскольку современные грамматики совершенно обоснованно уходят от традиционной verboцентрической модели предложения [Русская грамматика, 1980; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004], нам представляется возможным представить структурную схему подобных предложений именно в таком виде.

Предложения этой модели входят в группу моделей, которую условно можно представить как «X (не) значит X», где X – любая часть речи: *Старое – значит надёжное* (РБК Daily 25.08.2004); *Упакован не значит сохранён* (Самарские известия 05.04.2005); *Обещать – не значит купить* (Ведомости. 28.03.2007) и под.

Синтаксическая модель *Adv – (не) значит Adv* является следствием процесса синтаксической компрессии, под действием которой происходит редукция смысла и содержания нескольких предикативных единиц и объединение их в формально простую, но семантически сложную (полипропозитивную) структуру. Таким образом, оба наречия,

образующих данную структурную схему, обладают пропозициональным содержанием, то есть именуется целые ситуации.

Семантику структурной схемы *Adv – (не) значит Adv* можно охарактеризовать так: ‘отношение между отвлечённо представленным признаком и его квалификацией’. Позиции главных членов здесь, как правило, занимают наречия образа действия.

Можно выдвинуть три гипотезы появления в речи высказываний данной модели (об этом мы впервые пытались рассуждать в работе [Дегальцева, 2020]). Во-первых, такая синтаксическая конструкция может быть следствием трансформации предложений, созданных по структурной схеме *Inf – (не) значит Inf* [Русская грамматика, 1980], где инфинитивы опускаются, тогда как адвербиальные единицы повышают свой синтаксический статус и коммуникативный ранг, становясь главными членами предложения. Так, в статье с заголовком «*Внезапно – не значит врасплох*» (Красная звезда. 15.02.2016) журналист убеждает читателя в том, что внезапные проверки боевой готовности не могут застать врасплох военнослужащих ВС РФ. Следовательно, заголовок возникает путём компрессии более развёрнутого высказывания, например, такого: *Внезапно приехать в воинскую часть с проверкой – не значит застать военнослужащих врасплох.*

Во-вторых, можно полагать, что модель с неизменяемыми словами на -о есть результат синтаксической компрессии сложного предложения, главными членами которого выступали местоимение и краткое прилагательное. Так, высказывание *Дёшево – не значит хорошо* (lenta.ru. 22.09.2015), вероятнее всего, возникло из подвергшегося компрессии сложного предложения: *То, что дёшево, не всегда хорошо.* Прилагательные, которые употребляются при словах с обобщённым значением, находятся, по мнению В.В. Бабайцевой, на периферии адъективной лексики, так как выражают оценку ситуации, а не признака предмета [Бабайцева, 2000]. Устранение слов с диффузной семантикой повлекло за собой трансформацию таких предложений: *Дёшево – не значит хорошо.* Вероятно, в образовавшейся синтаксической модели в результате закрепления за ней только формы на -о происходит утрата кратким прилагательным своих грамматических категорий, следствием чего является процесс функциональной транспозиции в наречие. Таким образом, полагаем, что позиции подлежащего и сказуемого в образовавшейся структурной схеме занимают уже не краткие прилагательные, а наречия с пропозитивной семантикой. Кроме того, место одного из главных членов предложения могут занимать наречия, мотивированные не только качественными прилагательными: *По-русски – значит, дорого* (Бизнес&Балтия. 22.03.2007).

В-третьих, наблюдения показывают, что в отдельных случаях модель *Adv – (не) значит Adv* образуется путём компрессии сложного предложения с предикативными наречиями, называющими состояния человека или среды. Так, в статье с заголовком *Сухо не значит комфортно* (Липецкая газета. 14.02.2019) говорится о том, что если в помещении сухо, то это ещё не свидетельствует о том, что человеку и домашним животным будет в нём комфортно. По-видимому, данный заголовок появился путём компрессии сложного предложения, например, такого: *Если в помещении сухо, не значит, что в нём комфортно.*

Функционирование модели *Adv – (не) значит Adv* ограничено отдельными сферами коммуникации. По-видимому, подобные компрессивные конструкции, возникают в живой устной речи, откуда затем проникают и в другие области общения, в частности – в СМИ. Применение метода сплошной выборки к публицистическим материалам, извлечённым из электронных баз данных (<https://eastview.com> и

<https://ruscorpora.ru>), показало, что на 50000 предикативных единиц приходится в среднем 228 употреблений синтаксической структуры *Adv – (не) значит Adv*.

Наблюдения показывают, что в позициях предизируемого и предизирующего компонентов данной модели чаще всего выступают адвербиальные единицы с оценочным значением: *Напрокат – не значит плохо* (Макеевский рабочий. 28.08.2014); *По-русски – значит по совести* (Российская газета. 21.04.2000); *Раздельно – не значит хорошо* (Санкт-Петербургские ведомости. 21.11.2008) и др. Это наглядно отражает аксиологический характер таких синтаксических структур, детерминированный коммуникативными намерениями субъекта речи.

Реже (примерно в 35 % проанализированных нами употреблений данной модели) наречия выражают способы и инструменты осуществления действий (*Безвозмездно, значит, недаром* (Российская газета. 10.03.2005) или обладают сравнительно-уподобительным значением (*По-соседски значит по-доброму* (Слово Кыргызстана. 12.04.2017)).

Использование этой синтаксической модели в качестве заголовка позволяет журналисту наиболее лаконично передать содержание публицистического материала. Кроме того, такая конструкция привлекает внимание читателей своей оценочностью и, одновременно, недосказанностью, что побуждает их к прочтению всего текста.

Предложения, построенные по структурной схеме *Adv – (не) значит Adv*, свойственны, как показывают наблюдения, прежде всего, таким материалам современной прессы, которые оценивают различные социальные, культурные, экономические и политические явления. В предложениях данной модели, функционирующих в роли заголовков текстов, адресованных потребителям какой-либо продукции, чаще всего выступают наречия, выражающие утилитарные и телеологические оценки: *Раньше не значит выгодно. Когда не стоит гасить ипотеку* (Аргументы и факты. 10.02.2021); *По-воронцовски – значит качественно* (Новости Югры. 24.10.2013); *<...> дорого – не значит полезно* (Комсомольская правда. 27.05.2018) и под.

Предложения, созданные по модели *Adv – (не) значит Adv*, могут встречаться не только в заголовках, но и в лидах (подзаголовках отдельных разделов статей): *По-другому – не значит «плохо»* (лид в статье интернет-издания Московский комсомолец в Турции. 21.12.2012).

Иногда предложение данной модели является первым в публицистической статье. Оно в сжатом виде отражает главную мысль всего материала, которая полно раскрывается лишь в контексте. Приведём пример из статьи под заголовком «Подвиг по расписанию», рассказывающей о том, как Татьяна Волосожа и Максим Траньков стали двукратными чемпионами, выиграв турнир спортивных пар: *По-разному – не значит плохо. Наверное, это можно сравнить с притиркой в семейной жизни двух взрослых людей с устоявшимися привычками. <...> В парном катании всё критичнее. Там от готовности двух человек идти навстречу друг другу порой зависит вся жизнь <...>* (Спорт-Экспресс. 13.02.2014).

Итак, синтаксически стяжённые конструкции *Adv – (не) значит Adv* активно функционируют в современной прессе. Чаще всего такие синтаксические построения используются в заголовках публицистических материалов. Они позволяют журналистам ёмко, образно и оценочно резюмировать содержание публикации, однако оставляют у читателя ощущение недосказанности и побуждают его к прочтению целого текста. Кроме того, данные синтаксические конструкции наглядно отражают отношение автора публицистического материала к различным социально значимым явлениям.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Дегальцева А. В. Функционирование предложений модели *Adv – (не) значит Adv* в заголовках современной прессы // Проблемы массовой коммуникации: матер. междунар. науч.-пр. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью / под общ. ред. В.В. Тулупова. Воронеж: Типолаборатория ф-та журналистики ВГУ, 2020. Ч. 1. С. 94–96.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд-во филол. ф-та МГУ, 2004. 544 с.
4. Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ФРАЗЕОСХЕМЫ *КОМУ + ЛИ (НЕ) + ИНФ*

Жэнь Цзяньсинь

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются состав и структура фразеосхемы «кому + ли (не) + инф» и её семантика. Конструкция формируется компонентами (кому, ли, не, инф) и выражает разные модальные значения – значение необходимости, ненужности, нецелесообразности и невозможности.

Abstract: The article discusses the composition and structure of the phraseoscheme «кому + ли (не) + инф». The construction is formed by components (кому, ли, не, инф) and expresses different modal meanings – the meaning of necessity, uselessness, inexpediency and impossibility.

Ключевые слова: местоимение, инфинитив, модальные значения.

Key words: pronoun, infinitive, modal meanings.

В современном русском языке фразеосхема «кому + ли (не) + инф» часто рассматривается как две разные конструкции – модель с частицей *не* и модель без данной частицы. Они похожи по структуре, в них содержится вопросительная частица *ли*, но эти предложения не выражают вопроса, а являются утверждением. «По частеречной принадлежности компонентов, составляющих ядро фразеологизированной схемы, можно отнести их к СФ с частицами» [Балобанова, 2004, с. 131]. В составе модели, как отмечает А.В. Величко, «инфинитив может иметь объектный распространитель, выраженный соответствующей предложно-падежной формой местоимения или существительного» [Величко, 1996, с. 29]. В предложении субъект акцентируется. «Предложение может открываться сочетанием с обстоятельственным (причинным, временным, целенным и т.д.) или объектным значением. Оно указывает причину, по которой говорящий считает выраженное инфинитивом действие ненужным или нецелесообразным» [Величко, 1996, с. 32].

Предложения фразеологизированной структуры *Ему ли не понять этого? Ему ли не знать этого?* считались типом предложения, которые открываются местоименным словом, за которым следуют частица *ли* и словоформа с отрицательной частицей. Порядок компонентов закреплён. «Такие предложения являются вопросительными лишь по форме: они не предполагают ответа и означают утверждение или отрицание, осложненное

экспрессивной оценкой» [Русская грамматика, 1980, с. 392]. В своих работах А.В. Величко описала модальные значения, выражаемые моделью «кому + ли + инф» и моделью «кому + ли + не + инф». Модель с частицей *не* имеет значение необходимости, а модель без *не* передает значение ненужности, нецелесообразности или невозможности. В диссертации Л.А. Балобановой исследуется семантика конструкции «кому + ли + не + инф», её состав и структура, парадигма, синтаксический потенциал, коммуникативная функция и интонационная характеристика [Балобанова, 2004, с. 131–149]. Но в диссертации отсутствует описание модели «кому + ли + инф».

В этой статье рассматриваются состав и структура фразеосхемы «кому + ли (не) + инф» и её семантика. Наше исследование выполнено на материале текстов из Национального корпуса русского языка.

Состав и структура конструкции «кому + ли +(не) + инф»

Конструкция формируется компонентами *кому, ли, не, инфинитив*. *Ему ли злоствовать? Мне ли жаловаться? Да и нам ли не представлять себе скоростного потока покойников из России?* Первый компонент – форма дательного падежа местоимения. В зависимости от контекста, оно может быть именем существительным или местоимением. Второй компонент представлен частицей *ли*, которая употребляется при усилении вопросительности и выражении сомнения, удивления. Ее позиция строго закреплена после субъекта. Третий компонент – *не*, частица утрачивает отрицательное значение и участвует в передаче утверждения. Четвертый – инфинитив, чаще от глагола несовершенного вида; возможна связка в форме прошедшего времени.

1. Первый компонент – форма дательного падежа личного местоимения – участвует в структуре как субъект, может быть выражен местоимением или именем существительным. Анализ показал, что существительные составляют 9,2 %, и местоимения – 90,8 %.

Субъект может быть выражен личным местоимением во всех формах лица.

1) **Мне** составляет самую большую долю – 29,6 %.

Вообще – мне ли жаловаться? Я и не жалеюсь.

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота?

Мне ли бояться «террориста-бисексуала»? Стала уговаривать Проскурина: роль-то была бенефисная.

2) Местоимение **тебе** составляет 12,8 % и в данной структуре имеет разные значения:

а) обозначение лица, собеседника:

Господи, Тебе ли прийти в мой дом?

А ты, моя любовь, где-то ты теперь? В Москве, конечно? Тебе ли помнить о том, что случилось там.

Обычно в предложении существует акцентирование или уточнение собеседника.

б) обращение к себе, размышление. В предложении существует акцентирование *мне, себя*:

Мне приходили мысли: «Тебе ли выбирать большие пути?! Нужно о грехах думать!

Уж тебе ли забывать, рассуждала она про себя, что с каждым проходишь свой круг, как пони.

в) объект / адресат действия: В таком предложении субъект может быть опущен:

Тебе ли писать, как хорошо я знаком с культурой Франции, которой всегда восхищался. -- Я не должен писать тебе, потому что ты знаешь, как хорошо я знаком с культурой Франции, которой всегда восхищался.

3) Процент местоимения **нам** близок к проценту местоимения **тебе**, составляет 13,8 %. Значение местоимения в предложениях может быть разным:

а) обозначает нескольких или многих лиц, включая и себя:

Нам ли печалиться? Мы ждали так долго, подождем и еще пять дней.

Нам ли не желать, чтобы журнал, несущий людям здоровье, оставался доступным каждому?!

б) служит говорящему для обозначения нескольких или многих лиц, включая и себя, и собеседника:

Давай, Захарыч, мириться. Ай не родня мы? Нам ли враждовать?

Да и нам ли судить? Друг мой.

4) **Вам** и **ему** соответственно составляют 11 % и 14,8 %.

Да вам ли рассказывать об этом, друзья мои!

Ему ли волноваться за свою судьбу?

5) Процент местоимения **ей** (4,4 %) и **им** (4,2 %) не сильно отличаются, меньше всего по сравнению с частотностью других местоимений.

Неловкая, неприветливая, ей ли работать в медицине, с детьми!

Им ли править городом?

Субъект может быть выражен именем существительным (9,2 %) следующих семантических классов:

1) личным именем (7,4 %): *И Николаю ли этого не знать? Торговцам ли было думать о чести и славе общей, а не о собственной выгоде? Детям ли скакать из места в место и составлять полки?*

2) предметным именем (1,8 %): *Такому ли городу не строить дворцы с колоннами? Небу ли вместить Ее величие?*

2. Инфинитив представлен как несовершенным видом, так и совершенным видом: *Мне ли забыть ее? Тебе ли бояться!* Как показал анализ примеров, несовершенный вид встречается чаще.

В конструкции возможен именной предикат с глаголом-связкой *быть*:

Ему ли быть направителем церковной жизни, благочинным, с его совсем бабьим, до крайности слабым характером?

Казалось бы, мне ли не быть спокойным, что бы ни происходило в общественной жизни.

Семантика конструкции

Фразеологизированная структура «кому + ли (не) + инф» выражает четыре разных модальных значения: значение необходимости (*Мне ли не помнить этого*), ненужности (*Вам ли жаловаться!*), нецелесообразности (*Тебе ли грубить матери?*), невозможности (*Им ли упустить случай*). Причем, значение необходимости обычно выражено моделью с частицей *не*, а остальные выражены моделью без данной частицы.

При анализе значения примеров из НКРЯ выявлено, что самым распространенным является значение ненужности – 41,8 %, значение необходимости составляет 24,6 %, частотность нецелесообразности и невозможности отличаются незначительно, как 14,8 % и 18,8 %, они возникают не так часто.

1) **Значение необходимости** (24,6 %) выражает модель «кому + ли + не + инф».

Ему ли было не уметь пользоваться своим знанием?

Уж мне ли не знать его!

Это утверждение о неизбежности действия или существования для субъекта. Например, предложение *Ему ли не узнать!* означает он должен обязательно узнать.

2) **Значение ненужности** (41,8 %). Инфинитив от глаголов несовершенного вида. «При передаче смысла фразеологизированных высказываний предложениями свободной структуры необходимо вводить лексический показатель ненужности, а также акцентирования субъекта» [Величко, 2016, с. 256]. Действие в этой модели рассматривается как ненужное для выполнения именно данными субъектами. Предложения *Молод ты – тебе ли горевать? Тебе ли привыкать к сложностям. Тебе ли меня учить!* можно передать так: Ты молод и у тебя нет причин горевать; Тебе не стоит привыкать к сложностям; Тебе не надо учить меня.

3) **Значение невозможности** (18,8 %): структура указывает на невозможность выполнения действия субъектом.

Им ли упустить случай (Они не могут упустить случай);

Вам ли понять, очарованной, что эта чудесная и такая вкусная слава вдруг может быть не нужна! (Вам трудно понять, что эта чудесная и такая вкусная слава вдруг может быть не нужна!).

«Однако под влиянием контекста и лексического значения инфинитива значение невозможности может возникать и при использовании инфинитива несовершенного вида» [Величко, 2016, с. 264].

4) **Значение нецелесообразности** (14,8 %) часто употребляется, когда говорящий понимает: чего-то делать не стоит.

Тебе ли оставаться на бумаге! Ты не поэт. (Ты не поэт, поэтому тебе не стоит оставаться на бумаге!)

Вывод

Таким образом, в ходе анализа данной конструкции мы пришли к следующим выводам:

1) с точки зрения состава и структуры: субъект конструкции чаще всего выражен личным местоимением, обычно это местоимение *мне*. В функции предиката инфинитив представлен как несовершенным видом, так и совершенным видом, чаще всего употребляются глаголы несовершенного вида, иногда возможен именной предикат.

2) с точки зрения семантики: разные модальные значения выражены разными моделями. Модель «кому + ли + не + инф» выражает значение необходимости, а предложения модели «кому + ли + инф» передают значение ненужности, нецелесообразности или невозможности. Значение ненужности встречается чаще, в предложении употребляется инфинитив от глаголов несовершенного вида.

Литература

1. Балобанова Л.А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа. дис. ...канд. пед. наук. М., 2004. 317 с.
2. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособ. М.: Макс Пресс, 1996. 95 с.
3. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2016. 507 с.

4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://onlinedic.net>

5. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С «ОБРАЗАМИ МНОЖЕСТВА»

О.М. Исаченко

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

***Аннотация.** Данная статья посвящена описанию синтаксических моделей функционирования «образов множества». Характер связанного, конструктивно обусловленного, значения этих лексем мотивирует их употребление в составе определенного типа конструкций – словосочетаний с зависимым генитивом. В статье рассматриваются различные трансформации генитивной модели на основе нумеративного словосочетания.*

***Abstract.** This article is devoted to the description of syntactic models for the functioning of «quantity images». The nature of the connected, constructively conditioned meaning of these lexemes motivates their use as part of a certain type of constructions – word-combinations with a dependent genitive. The article discusses various transformations of the genitive model based on a numerative word-combination.*

***Ключевые слова:** лексико-семантическая группа, экспрессив, счетные слова, словосочетание, генитив, генитивная конструкция, варианты модели.*

***Key words:** lexico-semantic group, expressive, counting words, word-combination, genitive, genitive construction, model variants.*

*Множественность смыслов предполагает соответственное
число попыток осмыслить, то есть множество раз...*

И. Бродский. О Марине Цветаевой

В качестве исходного положения принят вывод Н.А. Лукьяновой о том, что все единицы ЛСГ «Образы множества» имеют связанное значение, которое «раскрывается только в сочетании с генитивом существительного, обозначающего предметы, явления, лица, количественная квалификация которых актуализируется словом-образом» [Лукьянова, 1986, с. 127]. Генитив существительного, как объясняет автор, «необходим как предметная “подпорка образа”, как восполнение пустоты денотата» [Там же, с. 128]. Подобная «регламентация» свидетельствует о конструктивно-связанном значении у всего класса слов, причисляемых к образам множества.

Исходным для генитивной модели мы считаем словосочетание «классического» числительного с зависимым сущ. в Род. п. – {*Num* + *N₂*}. Позицию главного слова, помимо числительного, могут замещать функциональные эквиваленты – неопределенно-количественные числительное *много* / *мало* (Ср.: *В моей профессии не нужно много слов. Жизнь, смерть, деньги, нет денег. Письмо, известие, любовь, болезнь, обман <...> Но, сказать честно, двадцать-тридцать слов предскажут судьбу кому хотите* (Н. Федорова. Семья)), а также их словообразовательные дериваты (*множество, большинство, меньшинство* (от супплетивных основ)) и синонимичные наречия, которые в традиционной

грамматике относятся к разряду меры и степени: *немерено досуга, вдоволь терпения, несчетно книг*; <...> *работа шла полным ходом, лет было немного, сил вдоволь* (В. Голявкин. Знакомое лицо). Исходная нумеративная модель {Num + N₂} вариативна по грамматической принадлежности главного слова, транслирующего количественную семантику, т. е. квантора – Num // Adv_{num} // N_{num}.

Следующий этап развития генитивной модели связан с расширением круга кванторных слов – разнообразных существительные с количественной семантикой (*полдюжины контрамарок, дюжина перелетов, полное собрание сочинений, масса аргументов, тысячи ночей, группа детей, группировка бандитов* – N_{num}), к которым относятся и «счетные слова», прежде всего меры веса или объема (*пучок лука, стакан варенца, пуд патронов; Ящик консервов. Штука ситца. Или коробка конфет* <...> (А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике)).

К этой группе существительных, безусловно, относятся и «образы множества» (N_{обр.}) – количественные метафоры с архисемой ‘много / множество’, которые в генитивной модели также замещают позицию первого компонента – {N_{обр.} + N₂}: *кипа / поленница / завалы книг, гора апельсинов / посуды / справок, улыбок, гряда риса / сумок / подушек / пледов, море восторга / обаяния, курган рыбьих голов и хвостов; озеро невылившись слез, пакет женихов, потоки людей, сборище идиотов, сноп кудрей; Август* <...> *по Юрмале гуляют облака голых женщин* <...> (Слава Сэ. Другие опусы...); *А чтобы до нас дошло [учитель показывал в микроскоп простейших], он почему-то привел в пример меня, что доставило классу море восторга* (М. Шишкин. Письмовник); <...> *коллекция флаконов и собрание котов – фарфоровых, стеклянных, каменных* (Л. Улицкая. Отставная любовь); *Кроме того, проспектик гарантировал «россыпи юмора, эпиграмм и стихотворных экспромтов в течение всего вечера»* (Ю. Поляков. Козленок в молоке); <...> *Наматывали круг за кругом – от терапевта к онкологу, от хирурга к остеопату, веер листочков с направлениями на анализы* <...> (А. Матвеева. Рыба в воде).

Таким образом, в генитивных моделях количественно-именного словосочетания позицию главного слова могут занимать слова разных частей речи:

Num + N ₂	<i>5 листов</i>
Adv _{num} + N ₂	<i>много / вдоволь бумаги</i>
N _{num} + N ₂	<i>множество / пачка бумаги // тысячи бумаг</i>
N _{обр.} + N ₂	<i>ворох / кипа бумаги</i>

У модели {N_{обр.} + N₂} есть модификации, обусловленные особой семантикой главного слова. Так, редуцирование модели {N_{обр.} + Ø} происходит в случае использования в качестве квантора лексем из подгруппы «образы множества людей» (*гурьба, ватага, воинство, войско, дружина, кодла, легион, орда, орава, сброд, свора, шайка, шатия, шушера*), которые в синтаксическом поведении аналогичны лексемам с прямым значением (*компания, группа, контингент, коллектив, курс* ‘студенты, слушатели’), не требующим зависимого слова, например: *Орда* [школьники на уроках анатомии – О. И.] *ржет еще радостней* (А. Боссарт. Клятва гиппотама).

Подтверждением того, что в таких случаях реализуется модификация модели с элиминированным генитивом, являются контексты с замещенной позицией генитива:

а) лексемой, уточняющей социальный статус лиц: <...> *Из подворотни прямо ему под ноги выкатилась гурьба ребятишек* (Л. Улицкая. Зеленый шатер) – по словарю гурьба ‘Разг.

Шумная группа людей’, в контексте *гурьбу* формируют дети (функциональным аналогом может быть идиома, ср.: *С ватагой мал мала меньше и поленницей лыж штурмовал рейсовые автобусы* (Школа жизни), т. е. способ лексико-грамматической природы зависимого компонента не строго регламентирован, может ситуативно варьироваться);

б) лексемой, нарушающей узуальную сочетаемость: <...> *обеденный круглый стол с дружиной тесно сдвинутых стульев* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Когда писателей ватага расселится, / Из Курска перееду я в Москву, / Чтоб написать о буднях сей столицы* (К.И. Чуковский. Чукоккола) – меняются прагматические компоненты, зафиксированные в словарных толкованиях (*дружина* ‘о воинах’, *ватага* ‘о мальчишках’).

В остальных случаях при «человеческих» образах множества «родительный количественный» [СС, с. 28], как правило, не требуется именно в силу семантической специфики лексем, обозначающих условно недискретные множества, сообщества людей. Следовательно, эллипсис сущ. *люди* обусловлен исходной прагматической «заданностью» таких кванторов: *Начальство утром приедет на работу, а тут в вольере целая кобла* [вероятно, ошибка, нужно *кобла* – О. И.] *сидит, ночная смена; <...> шобла тут же ворвалась; Смотрели на неведомое племя в камуфляже – кто с презрением, кто с испугом, кто с жадной ненавистью; Милиция бессильно стояла, словно почетный караул, пропускающий в город юную, ревущую от счастья ораву* (З. Прилепин. Санька).

Помимо семантически обусловленного эллипсиса возможны случаи контекстуального пропуска «знаменателя» в модели $\{N_{обр.} + N_2\}$. Но в отличие от «вынужденного» в первом случае пропуска «объектов множества», восстановление которых приведет к плеоназму (ср. **гурьба / шобла / орава / сброд людей*), контекстная неполнота легко компенсируется: исходное словосочетание восстанавливается на основе дейктических замен, ближайшего или более широкого контекста. Например: <...> *я как раз кооператив регистрировал, документацию оформлял, думал, неделя уйдет <...> Махнул рюмочку, и представляешь, все бумажки за одну ночь нашарашил: устав, протоколы – целый ворох <...>* (Ю. Поляков. Козленок в молоке) – *ворох бумажек; Западный позитивизм, перенесенный на нашу почву, рождает исключительно псевдосмыслы. Из их зарослей нам никак не выбраться* (Е. Чижова. Терракотовая старуха) – *заросли псевдосмыслов; Это – мы, о нас, наше, с нами. Все надежи от именительного до предложного: гамма, проигранная распухшими от бессилия пальцами* (Е. Чижова. Терракотовая старуха) – *гамма надежей*.

Иногда для «заполнения» двухкомпонентной структуры необходим не только контекст, но и словарное значение образа множества, например: <...> *Там уже толклись Колобок-Миша в бабочке, какая-то женщина с лицом Анжелы Табачник и с таким же количеством грудей и гномик-метрдотель <...> И отдельно от этого паноптикума на скамье сидел Петька* (Д. Рубина. Синдром Петрушки). Соединение значения лексемы *паноптикум* – ‘музей или собрание, коллекция разнообразных необычных, уникальных предметов, редкостей (восковых фигур, диковинных, причудливых существ)) – с описываемой ситуацией дает понимание контекстуального значения – ‘сборища / собрания странных и необычных, по мнению наблюдателя, людей’.

Восходящая к количественно-именному сочетанию генитивная модель имеет не только модификации, но и синтаксические варианты, в которых меняется грамматическая форма (а) или частеречная принадлежность компонентов (б):

а) $\{N_{обр.} + из N_2\}$: *Вместе с нами карабкались сотни людей <...> Месиво из паломников и туристов* (В. Ерофеев. Китайский массаж); *Кухня выглядела не лучше.*

Линолеум покрывал «палас» из рассыпанного риса, пшена, овсяных хлопьев <...> (Д. Донцова. Домик тетушки лжи).

б) {Adj + N_{обр.}}: воробьиные оравы, мусорный айсберг; Это пришла Петровановна Нюша и сразу, с порога, вступила с хозяйкой в словесный колovorот, из коего можно было различить разве что отдельные слова и понятия <...> (Е. Носов. Памятная медаль).

Метод грамматической трансформации дает отрицательный результат в случае преобразования варианта модели (а): «палас» из риса ≠ *«палас» риса, *месиво туристов (вероятно, по причине лексико-грамматической специфики метафорического значения опорного слова (квантора), наличия в нем семы 'состоит из...'), но применяется для (б): воробьиные оравы → оравы воробьев, колovorот слов; айсберг мусора.

Подобную трансформацию «разрешают» не все словосочетания, например: С неба валила ледяная каша, серые тучи обступили город (Д. Донцова. Несекретные материалы); Снаружи метель залепляла стекла [автобуса] снежной кашей (Л. Улицкая. Зеленый шатер) – невозможно *каша снега, *каша льда, хотя допустима модель с род. п. (каша из снега). Как видим, синтаксические преобразования ограничены семантикой компонентов словосочетаний: в некоторых контекстах (Когда мы развернемся, <...> чиновничья шушера отъедет (А. Борисова. Времена года); делегационное охвостье (З. Прилепин. Восьмерка)) – трансформация приводит к алогизму (ср. *шушера чиновников // из чиновников), а в других (Завидев надвигающиеся «Аидасы», она кидает свои вешалочки в сумку и ныряет в людской поток (Д. Гуцко. Русскоговорящий)) дает положительный результат (поток людей // из людей). Именно метафорическое значение квантора препятствует механической процедуре синтаксической трансформации. Вариативность синтаксических моделей избирательна и зависит, по нашему мнению, от степени узуальности образа множества. Например: <...> меня больше занимало другое: как в таком людском "компоте" байкеры вообще могли разглядеть друг друга (А. Экслер. Дневник Анжелики Пантелеймоновны) – окказиональная пищевая метафора компот используется автором для обозначения дискретного множества людей. Выбор кулинарной метафоры компот ('Сладкое кушанье из фруктов и ягод, сваренных в воде с сахаром') прагматически мотивирован, так как автор описывает массового присутствия людей на пляже – на берегу и в воде. Для этого примера единственной возможной является модель {Adj + N_{обр.}}, а остальные приводят к эффекту буквализации: *компот людей / из людей. Вероятно, это объясняется гастрономической сферой-источником метафоры, для которой модели {N + из N₂} и {Adj + N} используются как равноправные, когда называются блюда: каша из риса = рисовая каша, бульон из курицы = куриный бульон, салат из овощей = овощной салат. При метафоризации этих номинаций, развитии ими квантитативной семантики синтаксические валентности не сохраняются: Да и атмосфера метро, эти запахи сотен людей, невидимый, но густой бульон их перемешавшихся дыханий (А. Слаповский. Победительница) – ср. *бульон из дыханий; Что им за дело до наших советских фишек: сломанные дверцы, пустые бесконечные споры, застарелые протечки? Весь этот салат оливье? (Е. Чижова. Терракотовая старуха) – *салат из споров...

Помимо именной синтаксической модели, в которой образы множества выступают в роли главного компонента, они участвуют глагольной модели словосочетания – {V + N_{обр.5}}, но уже «на правах» зависимого от глагола или глагольной формы компонента: Как говорил Конфуций, советы мы принимаем каплями, зато даем ведрами (А. Матвеева. Дорога в никуда); – А ты мне тут не быкуй, – ничуть не испугалась тетка [официантка в кафе]. –

У меня тут таких быков каждый день **стадами ходит** (А. Экслер. Дневник Анжелики Пантелеймоновны); Я **принимаю** ее [водку] **ведрами** в течение двух дней (Е. Черникова. Золотая ослица).

Форма Тв. п. в таких конструкциях имеет обстоятельственно-определяющее значение (по способу и образу действия – **ходить толпой**; по мере количества – **скупают пудами**) [РГ, с. 482], или объектно-количественное – **Отрядом** книг **установил полку** (Пушкин) [СС, с. 244]. Независимо от способа наименования данного значения, приглагольные образы множества в форме Тв. п. ед. / мн. ч. проявляют тенденцию к адвербиализации: **падать штабелями** к ногам женщины (разг. речь); **За мной такие кобели табунами бегали** (из х/ф «Жуков»), **Просто внезапное желание записать кое-какие мысли приоткрыло в памяти иллюзы, из которых сначала ручейком, а затем потоком хлынуло прошлое** <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки). Регулярность таких воспроизведений позволяет считать эту модель актуальной для образов множества.

Несмотря на главенство предиката, модель с «творительным множества» – {V + N_{обр.5}} – не исключает «генитивной» связи между квантором и семантическим объектом количественной характеристики. И в этом случае возникает феномен «вторичной связи», описанный А.Ф. Прияткиной для конструкций с союзом *как* и предложно-падежной формой *у кого / чего*: *голос... нежный, как у матери, ... повелительный, как у деспота, зубы щелкают, как у волка, платок повязан, как у монашенки* [Прияткина, 1974, с. 9, 14]. Исследователь показывает, что, помимо союзной, контактной, по природе синтаксической связи «предиката» с формой существительного (*щелкают, как у волка*), есть связь морфологическая – между существительными (*голос у матери, зубы у волка, платок у монашенки*) при выражении посессивного отношения [Там же, с. 15–16], которую А.Ф. Прияткина называет «вторичной союзной связью» (*зубы, как у волка*). А это значит, что в такой «синтаксической схеме» «сравнительный оборот относится к слову с признаковым значением (контактная постпозиция) и через него к существительному (в непосредственной сочетаемости связь не реализуется)» [Там же, с. 25]. Характерно, что при появлении дополнительных «посредников» в таких структурах «существительные отдаляются друг от друга, связь между ними ослабевает, но не прерывается» [Там же, с. 25].

В модели {V + N_{обр.5}} мы склонны видеть аналогичное явление вторичной, имплицитной, связи синтаксической природы. Для иллюстрации возьмем пример со счетным словом: <...> *а в результате Ева наезжала к Лариске через день, часами торчала в детских магазинах, скупая мешками ползунки, шапочки, пинетки, бутылочки и игрушки* (М. Метлицкая. Ева Непотопляемая). В трехкомпонентном словосочетании **скупать мешками ползунки** для образа множества *мешками* устанавливается «двустороннее отношение» [Прияткина, 1974, с. 26]: с глаголом *скупать* (как?) **мешками** и с актантом *мешки* (чего?) *ползунков* (по генитивной модели). Вторичная связь, формально не выраженная, заключается в «тяготении» крайних компонентов словосочетания: *скупать ползунки*.

Сема «много» в этом контексте выражена трижды: имплицитно – в лексическом значении гл. *скупать* «покупать в большом количестве или в разных местах», эксплицитно – на лексическом уровне счетным словом *мешок* (*мешок денег / подарков*), на морфологическом – формой мн. ч. *мешками*. С точки зрения семантики сущ. *мешками* является дублирующим, оно выполняет роль стилистического маркера и средства интенсификации «тотального» действия *скупать* – «всё, без разбора, в огромном количестве, везде».

Конструкцию «треугольника» имеют все реализации данной модели словосочетания: *В дежурку гурьбою ввалились возбужденные, подрагивающие щеками, как псы молодые, «союзники»* (З. Прилепин. Санька) – *ввалились гурьбою, гурьба союзников* → *ввалились «союзники»*; <...> *Почетные звания и золотые медали в последующие годы на Дронова посыпались прямо ливнем, так что даже надоедать стало* <...> (Б. Акунин. Фантастика. 2005) – *посыпались ливнем, ливень званий и медалей* → *посыпались звания и медали*; *Из подворотни <...> выкатилась гурьба ребятишек и упала бьющейся кучей у ног* (Л. Улицкая. Зеленый шатер) – *упала кучей, куча ребятишек* → *упали ребятишки*. В следующем предложении: *Тощими колючими букетами в нескольких вазах оцетинились пучки разномастных кисточек* (Д. Рубина. Синдром Петрушки) – возникает «посредник» (*пучки*), но «вторичная» связь не разрушается: *оцетинились букетами, букеты пучков, пучки кисточек* → *оцетинились кисточки*.

Закономерным является очевидное семантическое согласование глагола и образа множества по признаку ‘экспрессивность’: *оцетинились букетами, посыпались ливнем, ввалились гурьбою*, в которых сема ‘интенсивность’ (одноименна категории, вокруг которой формируется функционально-семантическое поле [Родионова, 2005, с. 150]) выражается и в глаголе (гиперболизировано действие), и в образе множества (гиперболизировано множество). С нашей точки зрения, экспрессивность элементов словосочетаний поддерживает иерархию синтаксических отношений и участвует в формировании «первичной» связи, но не препятствует ослаблению управления в этой модели – при соединении глагола и образа множества в Тв. п. (*Ну и женщины, самые разные, липли к нему целым роєм* <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки), что объясняет тенденцию к адвербиализации зависимого компонента. И это наблюдение согласуется с выведенной А.Ф. Прияткиной закономерностью о том, что «слабое подчинение вообще благоприятствует союзным связям вторичного характера» [Прияткина, 1974, с. 10]. В нашем случае – не союзной, но вторичной связи.

Вторичная связь возникает между квантором и «семантическим объектом счета»: *рой женщин, гурьба союзников, ливень званий* и т. п. Таким образом, при реализации модели $\{V + N_{обр.5}\}$ имплицитно, на семантическом уровне, действует вторичная связь, определяемая моделью $\{N_{обр.} + N_2\}$. Это дает основание уточнить модель через ступенчатое подчинение $\{V + N_{обр.5}(+ N_2)\}$. Генитивная модель как бы «скрыта» в поверхностной структуре словосочетания и по сути является «схемой» смыслового сцепления кванторного слова с «семантическим генитивом»: <...> *в стене веером приклеены* <...> *поздравительные открытки* <...> (Л. Юзефович. Гроза) Эту связь можно наглядно продемонстрировать рисунком:

Так или иначе, все варианты и модификации представляют генитивную модель, либо «опираются» на нее.

При разворачивании генитивной модели в предложении существенным оказывается порядок следования компонентов: 1) **прямой** (*На столешнице цвел букет пивных кружек* (А. Уткин. Дорога в снегопад)) и 2) **инверсивный** (<...> *времени у меня – вагон! Вот я этот вагон и загружаю телевизором и письмами к тебе* (А. Маринина. Замена объекта)).

Мы не можем согласиться с выводом Н.А. Лукьяновой о том, что «образы множества употребляются в двух синтаксических позициях: регулярно – в конструкциях, построенных по модели $N^1_{\text{образ}} + N^2_{\text{р.п.}}$ (*хоровод друзей...*), менее регулярно – в предикативной позиции (*грибов – тьма, дел – пропасть, женихов – целый косяк*)» [Лукьянова, 1986. С. 127–128]. К предикативности имеют отношение случаи вхождения $N_{\text{обр.}}$ в состав сказуемого: <...> *одни только кактусы представляли тут целую армию всех родов и войск* <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Молчание Латышева было необъятной горой, которая с готовностью подставляла себя под безудержный камнепад слов, поглощала их и становилась все больше* (Н. Соколовская. Винтаж). А приведенные в цитате примеры с точки зрения структурного синтаксиса различий не имеют (*тьма грибов = грибов – тьма*). Подлежащее в них выражено синтаксически неделимым генитивным словосочетанием (*букет кружек* [цвел], *вагон времени* [есть у меня], *косяк женихов, пропасть дел* и т. п.), а предикат не вербализован.

Безусловно, тождественными мы их считать не можем. Различия касаются коммуникативного устройства предложений. Инверсия является средством выражения актуального членения экспрессивных предложений, а именно – выделения ремы [Кошкарёва, 2010, с. 102–103].

Квантор, выраженный образами множества или его функциональными аналогами, располагается в сильной позиции – в конце предложения, и собственно является ремой: *Это же Мексика. Там мух – / тучи; Тут весело. Только дел – / по горло* (А. Экслер. Дневник Анжелики Пантелеймоновны); *В такой длинной жизни спешить было некуда, а потому и терпения имелось / вдоволь* (Д. Липскеров. Родичи); *И вот ведь какое дело: верблюдов в Вазини нет, а колючек / целые гектары* (Д. Гуцко. Русскоговорящий); – *Как же мы выйдем? Видишь: штиль. У нас пароходов / кот наплакал* (Б. Акунин. Беллона); *Тепчилин человек грамотный <...> А еще он всегда знал, что не надо связываться с дураками: им ничего не докажешь. Дураков же в этом мире / повальное большинство <...>* (А. Слаповский. Пересуд). Таким образом, инверсия компонентов генитивного словосочетания происходит в рамках одной модели и служит выражению коммуникативных намерений говорящего.

Обобщим в виде таблицы все возможные модели рассмотренных словосочетаний с «образами множества»:

(1) $\{N_{\text{обр.}} + N_2\}$ <i>ворох бумаги</i> 70%		(4) $\{Adj + N_{\text{обр.}}\}$ <i>бумажная груда</i> 5%	(5) $\{V + N_{\text{обр.5}}\}$ <i>(Бумага) навалена грудами</i> 9%
(2) $\{N_{\text{обр.}} + [N_2]\}$ <i>кипа (бумаги)</i> 15%	(3) $\{N_{\text{обр.}} \text{ из } N_2\}$ <i>*груда из бумаги</i> 1%		

На материале собранной вручную картотеки контекстов, объемом 286 единиц, выявлена иерархия выделенных моделей по частотности их реализации (относительные показатели указаны в таблице). Подавляющая часть контекстного материала (199 единиц, или 70 %) представляет схему $\{N_{обр.} + N_2\}$. Несмотря на это в русском языке функционируют и другие модели, позволяющие говорящему назвать и оценить множество чего-либо, используя метафорические кванторные слова – образы множества.

Литература

1. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука. 783 с. [РГ]
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с. [СС].
3. Кошкарева Н.Б. Синтаксис современного русского языка. Ч. 1. Простое предложение: Материалы к лекциям. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 264 с.
4. Лукьянова Н.А. Лексико-семантическая группа «образы множества» // Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986. С. 123–138.
5. Прияткина А.Ф. Об одном частном случае вторичных союзных связей // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток: ДВГУ, 1974. С. 9–31.
6. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ

И.А. Маринченко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** На материале интернет-отзывов о парфюмерной продукции проведено исследование рефлексивных конструкций в парфюмерном дискурсе. Выявлен состав и семантика рефлексивных конструкций с глаголами чувствовать и ощущать в сочетании с местоимением себя и компонентами с оценочно-характеризующим значением. Подчеркнуто их особое значение в парфюмерном дискурсе, где оценка объекта в значительной мере моделируется описанием того состояния, которое он вызывает у субъекта восприятия. Доказывается, что языковая репрезентация состояния культурно детерминирована.*

***Abstract.** A study of reflexive structures in perfumery discourse was carried out based on the material of Internet reviews about perfumery products. The composition and semantics of reflexive constructions with the verbs "feel" and "sense" in combination with the pronoun "self" and components with an evaluative-characterizing meaning are revealed. Their special significance in the perfume discourse is emphasized, where the assessment of an object is largely modeled by the description of the state that it causes in the subject of perception. It is proved that the linguistic representation of the state is culturally determined.*

***Ключевые слова:** рефлексивная конструкция, рефлексивный глагол, рефлексивный показатель, глаголы «самоощущения», глаголы «констатирующей» семантики, парфюмерный дискурс, интроспекция, каузация.*

***Key words:** reflexive construction, reflexive verb, reflexive indicator, verbs of "self-feeling", verbs of "constative" semantics, perfume discourse, introspection, causation.*

Объектом изучения в данной статье являются рефлексивные конструкции в парфюмерном дискурсе. Под **рефлексивной конструкцией** (РК) нами понимается такая

конструкция, которая имеет в своем составе **рефлексивный показатель** местоимение *себя*. В данной статье предпринимается попытка проанализировать наиболее употребительные в отзывах о парфюмерии предложения, в которых возвратное местоимение *себя* зависит от глаголов *чувствовать* и *ощущать*. Подход к анализу рефлексивных конструкций в нашей статье можно назвать *узким*, противопоставив его широкому подходу, при котором «рефлексивный показатель определяется как элемент в глаголе, имеющий рефлексивное значение, т.е. значение однореферентности объекта действия с субъектом» [Сергеева, 1974, с. 11].

Минимальные структуры рассматриваемых РК включают лексическое или грамматическое обозначение субъекта, глаголы *чувствовать* и *ощущать*, рефлексивный показатель «себя» и компонент, выраженный именем существительным, прилагательным, причастием или наречием. Предикат в предложениях с РК характеризуется большой степенью спаянности компонентов: рефлексив «себя» при глаголах восприятия утрачивает свою синтаксическую самостоятельность, указывая на совмещение значений субъекта и объекта восприятия в пределах одного референта, а определительные компоненты РК семантически недостаточны для выражения основной информации.

Глаголы *чувствовать* и *ощущать* в рефлексивных конструкциях могут быть охарактеризованы как **глаголы самоощущения**, поскольку с их помощью объективируются ощущения, чувства, образы, представления, составляющие «внутреннюю сферу» человека, доступную наблюдению только с помощью *интроспекции*, то есть осознанного самонаблюдения.

В качестве **предмета** исследования выступают структурно-семантические и прагматические особенности рефлексивных конструкций с глаголами самоощущения *чувствовать* и *ощущать*. Источником **материала** послужили отзывы о парфюмерии, размещенные на страницах электронного журнала «Fragrantica» [<https://www.fragrantica.ru>]. (Псевдонимы авторов примеров, приведенных ниже, указаны в скобках, орфография и пунктуация источников в основном сохранены – *И. А. М.*) Любителям парфюмерии важно в тексте отзыва описать ощущение «нового, преображенного я», которое дает им аромат: *Я в нем не начальником подразделения себя чувствую, не кандидатом и преподавателем, я чувствую себя ЖЕНЩИНОЙ* (слоник).

РК парфюмерного дискурса переводят восприятие из сферы внешней перцепции в психическую сферу, при этом «соединяются чувственное и рациональное: внутренние чувства и осознание самого себя» [Авдевина, 2013, с. 284]. «Следы интроспективной семантики» объединяют, таким образом, «воображение (логический феномен), психофизиологическое и душевное состояние» [Там же, с. 289].

Глаголы самоощущения, с точки зрения их роли в коммуникативном процессе, мы относим к классу глаголов **«констатирующей» семантики**: с их помощью закрепляются результаты восприятия аромата и дальнейшей рефлексивной деятельности с целью описания и субъективной оценки парфюмерного продукта.

Пространственно-временные словоформы в составе предложений с РК (*в нем, в этом аромате, в облаке этого аромата, с этим ароматом*) привносят в значение предложения компонент каузации.

Рассмотрим наиболее типичные для парфюмерного дискурса примеры синтагматического и семантического развертывания коллокаций *чувствовать себя, ощущать себя* в отзывах о парфюмерии.

1. ЧУВСТВОВАТЬ / ОЩУЩАТЬ себя как-либо (V + себя + Adv)

К десемантизированным сказуемым *чувствовать* и *ощущать* (V + себя) примыкают наречия и адвербиальные фразеологизмы со значением

- общей оценки состояния (*невероятно, сногшибательно, великолепно, круто, странно, на миллион* и т.д.). Например: *Когда я его ношу, я чувствую себя на миллион!* (anna117); *Я их ношу и с кроссовками, и чувствую себя восхитительно!* Самоуверенно *гарцяя Аллюром:*) (amilamila); *В нем чувствуешь себя как-то особенно, мысли в нем только позитивные, а планы, само собой, грандиозные!* (Winterberry);

- качественного признака эмоционального или ментального состояния (*уныло, умиротворенно, уверенно, спокойно, неспешно* и т.д.). Например: *Когда он на мне, чувствую себя, по меньшей мере, странно. Слово душевнобольная (Frozen Icon); Для меня он такой родной, теплый, с ним я чувствую себя так спокойно* (Natii);

- признака состояния, определяемого взаимодействием со средой или обстановкой (*комфортно, органично, уютно, ни прибавить ни убавить*). Например: *Всё-таки образ, воплощённый в Feminite du Bois Serge Lutens, мне максимально близок с ним чувствую себя наиболее гармонично* (Наталья Речка); *Чувствую себя в них некомфортно. Не вяжется с деловым стилем* (snake-_-girl);

- качественного признака социально детерминированной самооценки (*дорого, роскошно, шикарно* и т.д.). Например: *Только в этом аромате чувствую себя дорого и уверенно!* (Sicily); *А как по-королевски ощущаешь себя в нем!* (Ylanga); *Одевая его, чувствуешь себя празднично и шикарно* (lyuzika).

2. ЧУВСТВОВАТЬ / ОЩУЩАТЬ себя как (V + себя + как + (N6) [(N5) N1 (Adj) (Part)])

В компаративно-рефлексивных образных конструкциях для характеристики внутреннего состояния субъекта используются «стереотипные картины» той или иной среды или ситуации (место, время, люди). При этом «внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира» [Авдевина, 2013, с. 329]. Например: *С Сенсуель я чувствую себя как в компании хорошего друга, который в трудную минуту не оставит меня одну. Аромат окутывает, обнимает и согревает* (Clandestina).

В качестве типичной среды, ситуации или обстановки, с которой связаны описываемые признаки, может рассматриваться

- стереотипный образ места: *чувствую себя как в военно-историческом музее, как в уютной кальянной в Турции с арабскими напевами, как в райском саду;*

- образ эмоционально окрашенного типа событий или отрезка времени: *как после прогулки по весеннему саду, как в день прогулки по побережью северного моря в середине февраля, как в детстве;*

- стереотипные образы, ассоциативно связанные с положительной оценкой чувства защищенности, ощущения комфорта и уюта: *как в мягкой уютной шали, как в пуховом облачке, как во второй своей коже, как в огромном воздушном пузыре, как в хрустальной броне, как в компании хорошего друга, как за могучим мужским плечом, как в чужом платье.*

Подобные конструкции используются и без союзного оператора: *ощущаю себя в другой стране, в саду после дождя, в карамельно-пудровом облаке, в крепких объятиях, в красном платье в пол с оголенной спиной* и т. д. Например: *Ощущаешь себя в мехах и бриллиантах* (rassveta).

3. ЧУВСТВОВАТЬ / ОЩУЩАТЬ себя каким-либо (V + себя + Adj5 / Part5)

Предикативные прилагательные чаще всего репрезентируют признаки «лелеемого в душе» идеала, включающего такие компоненты, как молодость, исключительность, внешняя женская привлекательность, независимость: *чувствую/ощущаю себя счастливой и беззаботной, игривой и легкомысленной, неординарной, смелой, красивой, милой, утонченной и очень женственной, роскошной, изысканной, безупречной, грациозной, элегантной и хрупкой, желанной* и т.д. Например: *Чувствую себя в нем сильной, женственной, сексуальной, необыкновенной* (violetta13); *Чувствую себя в этом аромате уверенной, несравненной, обольстительной* (Rtutnaya); *В облаке этого аромата я чувствую себя царственно прекрасной свободной сильной с лукавым чертенком в глазах!* (Alena2524); *Не хочу ощущать себя обвалившейся в листьях, траве...* (Акварiana); *Я чувствую себя зарытой в эти фрукты по уши* (bellabamba).

Компаративные словоформы позволяют показать динамику внутреннего состояния субъекта: *чувствую себя лучше, моложе на 10 лет, сильнее и решительнее* и т.д.

4. ЧУВСТВОВАТЬ / ОЩУЩАТЬ себя кем-либо (V + себя + N5)

Наивысшая степень спаянности компонентов характерна для конструкций с существительными в форме творительного падежа с квалифицирующим значением.

Репрезентация самоощущения в данном случае чаще всего отражает ролевую модель «властительницы», «покорительницы вершин». Это образец «успешной женственности» нашего времени: *В нем чувствуешь себя первой женщиной-пилотом, гонимой или наездницей* (lubovrodukova). Модель «властительницы» поддерживается и выбором мифологических или исторических персонажей, с которыми сравнивают себя авторы отзывов: *чувствую себя феей, суккубом, русалкой, любовницей Посейдона, почти Афродитой, Клеопатрой, Дракулой, ведьмой* и т.д. [См. об этом наши статьи: Маринченко, 2017; Маринченко, Васильева, 2018]. Например: *В нем чувствую себя а-ля Леди-Вамп уверенной в себе и готовой свернуть любые горы* (Alishka6000). Чаще всего женщины называют себя королевами: *Благородный, породистый! В нем я чувствую себя королевой, не принцессой, а именно королевой!* (Liz777). Однако некоторое разнообразие обозначенных социальных ролей все-таки наблюдается: *чувствую себя самой центральной женщиной на планете, настоящей леди, Владычицей, графиней*.

Особое «ощущение себя» может быть связано со второстепенными признаками аромата (местом или временем производства духов, цветом ароматической жидкости и т. д.). В этом случае казулируемое состояние максимально визуализируется на фоне моделируемой ситуации, то есть переводится в сферу когниции: *Этот аромат пахнет временем. В нём я чувствую себя итальянской графиней, смотрящей в старинное, покрытое пылью зеркало, которое простояло в запертой комнате 20 лет* [Gio Giorgio Armani для женщин] (Бонди).

Значения существительных в творительном падеже соотносятся:

(1) с миром культуры

С помощью форм творительного падежа транслируются стереотипные мифологические образы и прецедентные феномены (*Незнакомка Блока, Белоснежка, попрыгунья-стрекоза, Евгений Онегин, Нильс с дудочкой, героиня Одри Хепберн из фильма Римские Каникулы, нимфа, фея* и т. д.). Например: *Незаменим в случаях, когда хочется почувствовать себя юной нимфой* (mouse. т); *Чувствовала себя снежной... нет, не королевой, а принцессой, причём доброй :)* (katugun); *Синема, к сожалению, слетает за час но в этот час чувствую себя такой попрыгуньей-стрекозой, свободной от всяких*

бытовых и рабочих хлопот (оріотан); *Кровь есть однозначно, первые 15 минут, чувствую себя Дракулой (zuzu); Чувствую себя Шахерезадой... осталось прилечь на кровать с множеством бордовых подушек, и начать рассказывать сказки своему хану))))* (little_lady); *Чувствую себя Аструд Жильберто, девочкой из Ипанемы, босыми ногами ступаю по морскому песочку, уверенная в своей неотразимости!...* (tushkan).

Формы творительного падежа могут быть связаны и с миром бытовой культуры: *чувствую себя вкусняшкой, шоколадкой с перчинкой, взорвавшейся парфюмерной фабрикой, свежепомытой тарелкой*. Например: *Скарлетт окрестили ароматом Лолиты, и правда, чувствуешь себя легкомысленным леденцом* (Yuni4udesa); *Чувствую себя в нём «Лавкой специй»*. Кроме пряностей совершенно ничего не раскрывается (april_nola);

(2) с миром природы

Авторы отзывов описывают ассоциативную связь возникшего у них субъективного образа собственного «Я» с *птичкой на облачке, черной пантерой* и т. д. Например: *Любимый называет меня котёночком, а с этим ароматом действительно чувствуешь себя котёнком* (nyamochkin); *Чувствую себя персиком на солнечной плантации* (raspberrymalina); *Чувствую себя ветром, запутавшимся в этом букете* (Dreaming Violin); *Ранее утро, яркое солнышко, холодок, влага... Я в поэме от Ланком... Чувствую себя весной!* (Elena88); *Осень... запах жжёной листвы, прохлада прозрачного осеннего утра... и моя ПОЭМА... Ощущаю себя солнечным лучиком, капелькой мёда* (suhina).

Ассоциативная развертка позволяет создать целостную картину всей ситуации. Например: *Чувствую иногда себя пушистой медвежихой, маленькой и счастливой, хочется облизывать лапы в меду и жмуриться на солнце* (мусико); *Ощущаю себя насекомым застрявшим в древесной смоле, но радостным насекомым, наслаждающимся =)* (LeeToo); *Чувствую себя в них тараканом на пирожном, на которого пикинули чем-то первым попавшимся под руку... :)* (lifensk);

В парфюмерном дискурсе выбор метонимического образного соответствия обычно предсказуем (например, запах меда вызывает в сознании образ пчелы): *Куст белой сирени, гардения с зеленью и чуть-чуть меда. Чувствую себя счастливой пчелой* (vladyha); *В этом медвяно-бальзамическом облаке, чувствую себя... такой царицей пчел* (Татьяна X). Однако вариантность соответствий все-таки возможна (например, цветочный аромат может напоминать букет, цветочную клумбу, девушку с Таити и т.д.).

Таким образом, конструкции с глаголами самоощущения играют важную роль в парфюмерном дискурсе. В глаголах фиксируется состояние субъекта на результирующей стадии осмысления перцептивного объекта, когда непосредственное наблюдение оформляется в суждение, репрезентированное с помощью стандартных и для языка в целом, и для конкретного вида дискурса языковых средств. В рефлексивных конструкциях не только выражаются важные, с точки зрения говорящего, аспекты оценки парфюмерного продукта, но и выявляются жизненные приоритеты нашего современника.

Литература

1. Авдеевнина О.Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: дис. ... докт. филолог. наук. М., 2013. 986 с.
2. Маринченко И.А. Предложения с глаголами перцептивного состояния и самоощущения в парфюмерном дискурсе // Коммуникация в современном мире: теория и практика: коллективная монография / под ред. Е.В. Грудевой. Новосибирск: СибАК, 2017. С. 168–191.

3. Маринченко И.А., Васильева Е.В. Источники прецедентности в языковой игре авторов интернет-отзывов о парфюмерии // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: ДВФУ, 2018. С. 96–102.

4. Сергеева Ж.А. О сочетаемости как средстве разграничения некоторых синтаксических структур (на материале конструкций с компонентом *себя*) // Вопросы сочетаемости языковых единиц. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. С. 116–121.

5. *Fragrantica*: электрон. журн. (на русск. яз.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fragrantica.ru>

ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ ИНКОРПОРИРОВАННЫХ АКТАНТОВ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА ОСЕДЛАТЬ ЛОШАДЬ БОГАТЫМ СЕДЛОМ)

И.В. Мухачёва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются различия в синтаксическом поведении двух соотносительных глаголов, имеющих инкорпорированные актанта, – глаголов «оседлать» и «расседлать» – и затрагивается вопрос об их лексикографическом представлении. Показано, что, хотя оба глагола имеют инкорпорированный актант, «оседлать» способен при определенных условиях этот актант выражать, а «расседлать» не выражает его ни при каких условиях.

Abstract. The article discusses the differences in the syntactic behavior of the correlative verbs «osedlat'» ('to saddle') and «rassedlat'» ('to unsaddle') and the question of their lexicographic representation is raised. It is shown that, although both verbs have an incorporated actant, «osedlat'» is capable of expressing this actant under certain conditions, and «rassedlat'» does not express it under any conditions.

Ключевые слова: глагольные конструкции, семантические валентности, инкорпорированные актанта.
Key words: verb constructions, semantic valencies, incorporated actants.

1. Постановка проблемы. Глагольные конструкции в русском языке «предопределяются» глаголом, входящим в их состав: именно от глагола во многом зависит устройство всей конструкции, а также ее структурные, семантические, функциональные и другие свойства.

В центре нашего внимания находятся глагольные конструкции с антонимичными глаголами типа *оседлать – расседлать*: *оседлать лошадь богатым седлом – расседлать лошадь* (при невозможности **расседлать лошадь от богатого седла*). Подобные конструкции привлекают внимание своей «несимметричностью»: антонимичные глаголы, использующиеся в них, обозначают ситуации с одинаковым количеством участников, которые выполняют сходные роли, однако синтаксическое поведение этих глаголов различается.

Целью настоящей статьи является описание синтаксического устройства конструкций с глаголами типа *оседлать – расседлать*, а также решение вопроса о том, каким образом эти глаголы должны быть описаны в словаре: одинаково или по-разному.

2. Теоретические основы исследования. Л. Теньер сравнивал глагольный узел предложения с маленькой драмой, в которой «обязательно имеется действие, а чаще всего

также действующие лица и обстоятельства» [Теньер, 1988, с. 117]. На языке структурного синтаксиса «действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами» [Там же].

Введенный Л. Теньером термин «актант» является одним из ключевых понятий в теории Московской семантической школы (далее – МСШ), представители которой, дав термину новую интерпретацию, разграничивают семантические и синтаксические актанта.

Под семантическими актантами понимаются обязательные участники описываемой предикатом ситуации – такие, которые необходимы и достаточны, то есть полностью определяют именно эту ситуацию. Такое представление о семантических актантах содержится в [Апресян, 1995].

В предисловии к более поздней работе – «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» – Ю.Д. Апресян определяет актант так: «Актант (семантический) лексемы X – слово, группа слов или предложение, обозначающие обязательного участника ситуации, именем которой является X» [Апресян, 2004, с. XXIII]. Под лексемой в теории МСШ понимается слово, взятое в одном из имеющихся у него значений.

Представляется, что цитируемая дефиниция определяет, скорее, синтаксический, а не семантический актант. Синтаксический актант, по мысли представителей МСШ, соответствует семантическому актанту на синтаксическом уровне. Действительно, далее Ю.Д. Апресян отмечает, что «в прототипическом случае семантический актант является синтаксическим зависимым лексемы, которая обозначает данную ситуацию» [Апресян, 2004, с. XXIII].

Понятие актанта в теории МСШ тесно связано с понятием семантической валентности, которая определяется как «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» [Апресян, 2004, с. XXV]. Принято говорить, что семантическая валентность при каждом употреблении лексемы может быть реализована или не реализована, заполнена или не заполнена. При реализации семантической валентности к лексеме присоединяется синтаксический актант. Если же семантическая валентность по тем или иным причинам не реализуется, у лексемы отсутствует синтаксический актант.

Поясним вышесказанное на примере глагола *кормить* в значении «Давать корм, пищу» [Словарь русского языка, 1981–1984, Т. 2, с. 104]. *Кормить* обозначает ситуацию, в которой имеются три обязательных участника: тот, кто кормит; тот, кого кормят, и то, чем кормят. Следовательно, глагол *кормить* имеет три соответствующих семантических актанта и три валентности. В предложении *Мама кормит Машу кашей* заполнены все три валентности глагола *кормить*, и он имеет три синтаксических актанта: *мама, Машу, кашей*.

Важно отметить, что для заполнения определенной валентности подходит далеко не любое слово: «обычно каждая валентность слова реализуется словами с определенными свойствами и не реализуется словами, у которых этих свойств нет» [Апресян, 1995, с. 142]. В связи с этим говорят об ограничениях на сочетаемость слова по той или иной валентности.

Уже упомянутый глагол *кормить* имеет ограничения на сочетаемость по всем валентностям. Выполнять действие *кормить* и подвергаться этому действию могут только живые существа, а средством в ситуации кормления могут выступать только нежидкие съедобные предметы и вещества. Значит, синтаксическими актантами глагола *кормить* могут быть только слова с соответствующими значениями. Как следствие, семантически аномальны предложения типа **Камень кормит снеговика квасом*, так как в них не соблюдены ограничения на сочетаемость.

В ряде случаев глагол накладывает ограничение крайней степени жесткости на слова, способные заполнить его валентность. Эти слова должны обозначать объекты внеязыковой действительности только одного типа, что отражается в толковании глагола.

Обратимся для иллюстрации этой мысли к толкованию глагола *видеть* в «Активном словаре русского языка» (АСе): *A1 видит A2* ‘Существо A1 воспринимает глазами A3 объект или ситуацию A2’ [Активный словарь, 2014, Т. 2, с. 117]. Переменные вида A1, A2 и т. д. обозначают в толкованиях подобного типа обязательных участников ситуации, то есть соответствуют семантическим валентностям слова. В толковании глагола *видеть* перед переменной A3 находится лексема *глазами*, строго указывающая на определенный тип объектов, которые могут выполнять роль участника A3 в ситуации *видеть*.

Участник, который «фиксирован с точностью до лексемы уже в словаре» [Падучева, 2004, с. 57], называется инкорпорированным участником, или инкорпорированным актантом. Так, инкорпорированными участниками являются «*глаза* у глагола *видеть*; *уши* у *слышать*; *ноги* у *ходить*» [Падучева, 2004, с. 57] и т. п.

Таким образом, информация о сущности, которая может быть актантом, называемым инкорпорированным, встроена в значение лексем, которые им обладают. Возможно, с этим связана особенность синтаксического поведения таких актантов. Инкорпорированные актанты, как правило, не проявляются на синтаксическом уровне, то есть им обычно не соответствуют синтаксические актанты: **вижу глазами*, **хожу ногами* и т. п. В таких случаях соответствующая валентность глагола остается нереализованной.

Однако инкорпорированный участник может быть выражен при определенных условиях, а именно при наличии атрибута или квантификатора: *видел своими глазами*; *видел одним глазом* (примеры из [Падучева, 2004, с. 57]). В подобных случаях «инкорпорированный участник “экскорпорируется”» [Падучева, 2004, с. 58], а соответствующая семантическая валентность оказывается реализованной.

Все рассмотренные в данном пункте понятия и явления необходимы для анализа языкового материала, представленного в следующем пункте.

3. Анализ конструкций *оседлать лошадь богатым седлом – расседлать лошадь*.

Как уже было сказано, объектом рассмотрения в настоящей статье являются глагольные конструкции типа *оседлать лошадь богатым седлом – расседлать лошадь*. В центре внимания находятся семантические особенности глаголов, входящих в их состав, и влияние этих семантических особенностей на синтаксические характеристики конструкции.

Интересующее нас значение глагола *оседлать* сформулировано так: «Прикрепить седло на спину (лошади)» [Словарь русского языка, 1981–1984, Т. 2, с. 644]. Стилистическим синонимом *оседлать* является глагол *заседлать*, который в этом словаре приравнивается по значению к *оседлать* и отличается от него лишь принадлежностью к разговорной речи. Поскольку значения глаголов *оседлать* и *заседлать* совпадают и любой из них может быть использован в анализируемой конструкции, далее будем говорить об обоих этих глаголах.

В ситуациях, обозначенных глаголами *оседлать*, *заседлать*, человек помещает на животное предмет определенного типа – седло. Фиксированность этого участника в данных ситуациях отражается в толкованиях глаголов, называющих их: в толкованиях содержится семантический компонент ‘седло’.

В свою очередь наличие лексемы *седло* в толкованиях глаголов *оседлать*, *заседлать* свидетельствуют о том, что данные глаголы имеют инкорпорированный актант. Этот актант удобно называть Седло.

Просмотр контекстов с *оседлать* и *заседлать* в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) показывает, что участник Седло, как правило, не проявляется на синтаксическом уровне:

(1) *Я оседлаю лошадей и принесу вам меч* (А. Белянин. Свирепый ландграф);

(2) *Батый оседлал скакуна и забрался на него* (Д. Липскеров. Последний сон разума);

(3) *Гатчинскому офицеру заседлали вместо его усталого коня другого* (С.Т. Григорьев. Александр Суворов).

Однако инкорпорированный актант у глаголов *оседлать*, *заседлать* способен инкорпорироваться, что подтверждают следующие контексты:

(4) *Лошадь оседлана богатым якутским седлом с серебряными инкрустациями и с черным чепраком* (С.В. Обручев. В неизведанные края. Путешествие на Север 1917–1930 гг.);

(5) *Игнат выбрал, по своему вкусу, из табуна рослую, головастую лошадь, которую сам заседлал казачьим седлом* (Н.П. Карабчевский. Что глаза мои видели).

Такое поведение – способность к инкорпорированию при наличии атрибутов (*богатым якутским седлом*, *казачьим седлом*), – как было сказано выше, характерно для инкорпорированных актантов. Значит, глаголы *оседлать*, *заседлать* действительно обладают инкорпорированными актантами, которые, поскольку они могут быть выражены зависимыми от глагола словами, необходимо обозначить переменной в толковании.

Толкование глаголов *оседлать*, *заседлать*, построенное в соответствии с принципами, принятыми в АСе, может иметь следующий вид: *A1 оседлал / заседлал A2* ‘Человек A1, поместив седло A3 на спину животного A2, закрепил A3 с помощью ремней, охватывающих его бока и застегнутых под брюхом, чтобы можно было ехать, сидя на A2’.

Ситуацию освобождения животного от помещенного на него седла обозначает глагол *расседлать*, имеющий такое толкование: «Снять седло (с оседланного животного)» [Словарь русского языка, 1981–1984, Т. 3, с. 661].

Глаголы *оседлать*, *заседлать* и *расседлать* семантически симметричны: они называют ситуации с одинаковым количеством участников, выполняющих сходные роли. Разница лишь в том, что в ситуациях *оседлать*, *заседлать* активно действующий участник помещает седло на животное, а в ситуации *расседлать* – снимает его с оседланного ранее животного.

Участник Седло у *расседлать* так же, как у *оседлать* и *заседлать*, является инкорпорированным: он фиксирован в ситуации *расседлать*, в ней невозможно снять с животного ничто иное, кроме седла.

При семантической симметричности глаголов *оседлать*, *заседлать*, с одной стороны, и *расседлать* – с другой, теоретически можно предполагать, что симметричны и их синтаксические свойства. Обратимся к нескольким контекстам из НКРЯ, отражающим синтаксическое поведение глагола *расседлать*.

(6) *Григорий расседлал коней, стреножил их, положил под куст седла и оружие* (М.А. Шолохов. Тихий Дон);

(7) *С ослика сняли мешки, расседлали его* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема);

(8) *Поодаль бродил расседланный конь и пощипывал траву* (Ю.М. Нагибин. Дневник).

Контексты 6–8 показывают, что *расседлать* не подчиняет себе зависимое, обозначающее Седло. Действительно, сочетания типа **расседлать лошадь от седла*, **расседлать жеребца от кожаного седла* невозможны в русском языке. Это значит, что

инкорпорированный участник Седло у глагола *расседлать* не способен к эскорпорированию, в отличие от такого же участника у *оседлать* и *заседлать*.

Таким образом, синтаксическое поведение глагола *расседлать* отличается от синтаксического поведения антонимичных ему глаголов *оседлать*, *заседлать*: *расседлать* имеет невыразимую валентность, соответствующую инкорпорированному актанту Седло.

Эта особенность – непроявление инкорпорированного актанта на синтаксическом уровне – позволяет не вносить в толкование глагола *расседлать* переменную, соответствующую участнику Седло, поскольку заполнения потенциальной переменной не происходит. Такое решение подкрепляется представлением о том, что инкорпорированные, или фиксированные, участники в ситуации, где они имеются, представляют собой некую константу: «для каждого отдельного глагола их значения раз и навсегда определены» [Рахилина, 1990, с. 100].

Если следовать этой логике, то толкование глагола *расседлать* может иметь такой вид: *A1 расседлал A2* ‘Человек A1, расстегнул ремни, закрепляющие седло на спине животного A2 и застегнутые под его брюхом, и снял седло с A2’.

Другой возможный способ – строить толкования глаголов с инкорпорированными участниками, включая в них переменную, соответствующую этим участникам, несмотря на непроявление инкорпорированного участника на синтаксическом уровне.

При этом способе представления толкование *расседлать* выглядит так: *A1 расседлал A2* ‘Человек A1, расстегнул ремни, закрепляющие седло A3 на спине животного A2 и застегнутые под его брюхом, и снял A3 с A2’.

Второй способ устройства толкования – с переменной, соответствующей инкорпорированному участнику, – представляется более предпочтительным по двум причинам.

Во-первых, именно так, судя по толкованию глагола *видеть*, приведенному выше, представлены глаголы с инкорпорированными актантами в АСе. Строя толкования в соответствии с принципами, принятыми в АСе, необходимо придерживаться единообразной стратегии описания значений слов с инкорпорированными актантами.

Во-вторых, при выборе такого способа толкованиями глаголов *оседлать*, *заседлать* и *расседлать* подчеркивается симметричность их семантического устройства.

В-третьих, наличие переменной в толковании обязывает лексикографа эксплицитно подать информацию о невыразимости валентности, что делает описание слова, имеющего невыразимую валентность, более понятным и доступным для читателя.

4. Выводы и перспективы. Итак, глаголы *оседлать*, *заседлать* и *расседлать* семантически симметричны, но демонстрируют разное синтаксическое поведение. Все три глагола имеют инкорпорированного участника Седло, который при определенных условиях проявляется на синтаксическом уровне у глаголов *оседлать* и *заседлать* (*оседлать/заседлать лошадь богатым седлом*), но никогда – у глагола *расседлать* (**расседлать лошадь от богатого седла*), у которого соответствующая валентность является невыразимой.

Несмотря на разницу в языковом поведении, кажется удобным описывать значения всех трех глаголов единообразно, помещая в их толкования переменную для инкорпорированного участника. Это позволит в эксплицитном виде выразить информацию о невыразимой валентности у *расседлать*.

Обнаруженная нами синтаксическая особенность рассмотренных глаголов такова: глаголы достижения результата (*оседлать*, *заседлать*) при определенных условиях могут

выражать инкорпорированный актант Седло на синтаксическом уровне, а глагол ликвидации результата (*расседлать*) не способен выразить подобный актант на синтаксическом уровне даже при тех же условиях. Возможно, эта особенность в какой-то степени системна, то есть может быть выявлена у других подобных пар глаголов. Ниже приведены несколько пар глаголов, которые, как представляется на первый взгляд, демонстрируют такое же различие в синтаксическом поведении: *забронировать* – *разбронировать* (*солдат*), *взнуздать* – *раззнуздать* (*лошадь*), *подковать* – *расковать* (*лошадь*), *закрепостить* – *раскрепостить* (*крестьян*), *опалубить* – *распалубить* (*парник*), *запрячь* – *распрячь* (*лошадь*) и т. п.

Исследование этих и подобных им пар глаголов позволит подтвердить или опровергнуть выводы, сделанные в данной статье на материале глаголов *оседлать*, *заседлать* и *расседлать*.

Литература

1. Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2004. С. XXII–LII.
4. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
5. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München, 1990. 220 с.
6. Словарь русского языка В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Источник примеров

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧИННОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИПРОПОЗИТИВНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

И.В. Одинцова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются предложно-падежные конструкции (ППК) с причинной семантикой в свете теории об «осложненных предложениях», глубоко и интегрально описанных А.Ф. Прияткиной. В статье анализируются ППК причины, являющиеся предметом обучения в практике преподавания русского языка иностранным учащимся.*

***Abstract.** The article examines prepositional-case constructions (PCC) with causal semantics in the light of the theory of "complicated sentences", deeply and integrally described by A.F. Priyatkina. The article analyzes the reasons for the PCC that are the subject of instruction in the practice of teaching the Russian language to foreign students.*

***Ключевые слова:** предложно-падежная конструкция, предложение, пропозиция, свернутый, иностранные учащиеся.*

***Keywords:** prepositional-case construction, sentence, proposition, collapsed, foreign students.*

В основе всех причинных отношений лежит связь двух событий. Наиболее простым способом обозначения причинно-следственной обусловленности событий являются сложные предложения. Именно поэтому сложноподчиненные предложения вводятся на начальном этапе обучения русскому языку иностранных учащихся. Отношения обусловленности двух событий передаются не только сложным, но и простым предложением. В простом предложении причинная семантика обычно выражается с помощью предложно-падежных конструкций (ППК). Однако простые по своей формально-синтаксической структуре ППК причины скрывают сложную гамму закодированного смысла. Отношения, инвариантная семантика которых – передача причинной обусловленности двух событий, модифицируются в предложении с ППК в отношения причины-стимула, причины-основания, неблагоприятной причины и т.д. Таким образом, не всегда синтаксически простая структура отражает семантически простую пропозицию. В языке обычно наблюдается обратное явление, когда семантически сложное содержание отражается в синтаксически простом построении. Это связано с тем, что по мере упрощения синтаксической структуры усложняются семантические функции единиц, составляющих эту структуру. ППК причины в практике преподавания русского языка вводятся только на продвинутых этапах обучения.

В литературе «по отношению к конструкциям, которые, имея одно предикативное ядро, именуют более одного события (ситуации, положения дел) употребляются следующие термины: “монопредикативные полипропозитивные предложения”, “сложные имплицативные суждения”, “сложные предикатные выражения”, “асимметричные структуры”, “неэлементарные простые предложения”, “семантически сложные простые предложения”, “осложненные предложения” и др.» [Колпакова, 2007, с. 5]. Последний термин принадлежит А.Ф. Прияткиной.

В своей работе «Русский язык. Синтаксис осложненного предложения», наиболее глубоко и серьезном исследовании осложненных предложений, А.Ф. Прияткина предлагает системное и интегральное их описание. «То, что в сложном предложении – полипредикативной структуре – дано в явном, развернутом виде, – пишет А.Ф. Прияткина, – в осложненном предложении – монопредикативной структуре – как бы свернуто,

сжато» [Там же, с. 9]. В названной работе автор подробно рассматривает осложненные предложения с точки зрения формальной и семантической структуры: «поскольку номинация события, – отмечает автор, – не обязательно имеет форму предикативной единицы, предложение, простое по структуре, может быть семантически сложным, т.е. содержать не одну пропозицию, а две или более; иначе говоря, простое предложение может иметь несколько семантических предикатов» [Там же, с. 10]. Другими словами – простое предложение с точки зрения грамматики может отражать не только одну пропозицию и быть монопропозитивным, но и именовать несколько пропозиций и быть полипропозитивным. В полипропозитивном предложении одна из пропозиций – базовая – отражена в субъектно-предикатной структуре, другая – дополнительная – существует в свернутом, сжатом виде и не входит в формальную структуру предложения. Дополнительную пропозицию могут передавать некоторые сочетания слов или отдельные слова, способные именовать целую ситуацию, передавать «сообщение о предметах и явлениях действительности» [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 56] и функционально сближаться с предложениями.

Особенностями предложений со свернутыми пропозициями являются признаки полисубъектности, политемпоральности и полимодальности. Так, предложение *Из-за тебя мы опоздали* ППК причины *из-за тебя* называет субъекта, отличного от субъекта основной, базовой, пропозиции, обозначенной словами *мы опоздали*. Во временном отношении информация, заключенная в конструкции *из-за тебя* предшествует информации, заключенной в словах *мы опоздали*. Темпоральное значение ППК причины всегда следует рассматривать с точки зрения временной перспективы, так как причина во времени всегда предшествует следствию. И, наконец, ППК причины «<...> сама по себе не имеет модальности, но устанавливаемое отношение между частями имеет модальное значение <...>. Иначе говоря, модальность зависимой части – это модальность отношения между частями» [Прияткина, 1990, с. 133].

При семантической интерпретации ППК необходимо введение логического оператора – подчинительного союза: *мы опоздали, из-за того что / потому что ты долго собиралась; из-за того что / потому что ты не пришла вовремя* (недостающая информация, отраженная ППК, обычно выводится из ситуации, обозначенной в предтексте или домысливаемой слушающим. Редукция пропозиции не наносит ущерба коммуникации). Поскольку при употреблении ППК причины мы имеем дело с механизмом логического сжатия смысла, пропозицию, именуемую ППК причины, следует характеризовать как логическую пропозицию.

С синтаксической точки зрения, как считает А.Ф. Прияткина, осложнение предложения «заключается не в том, что в его содержании отражена более чем одна ситуация, а в наличии определенного типа синтаксических отношений» [Там же, с. 133]. Средством выражения синтаксических отношений является предлог. Именно предлоги служат для выражения подчинительной связи между словами. «Союзы внутри предложения сочиняют (58), а предлоги подчиняют (59)» [Пешковский, 2001, с. 503].

Предлоги служат формальным показателем связи субстантивного оборота с предикативным ядром предложения и являются выразителем определенных синтаксических отношений. О роли предлога в субстантивном словосочетании писал В.А. Богородицкий: «Если падежная форма состоит из слова и предлога, то предлог становится такою же необходимой частью формы, как и окончание. <...> предлог считается формальным элементом падежа» [Богородицкий, 1981, с. 222]. В.М. Жирмунским была предложена следующая аргументация в пользу синтаксической роли предлога: «Предложные

конструкции: 1) по своей синтаксической функции, как и по значению, являются эквивалентами падежей: 2) в процессе исторического развития языков конкурируют с падежами и частично или полностью (в особенности в так называемых аналитических языках) заменяют их; 3) предлоги теряют при этом своё исходное предметное значение, превращаясь в формальное выражение абстрактной синтаксической связи (типа грамматических падежей)» [Жирмунский, 1965, с. 50].

Таким образом, грамматическое значение предлога состоит в том, что он связывает между собой единицы языка, оформленные как ППК. Лексическое же значение предлога – этот тот тип семантических отношений, который ППК выражает в предложении.

Роль производных и непроизводных предлогов, которые способны формировать ППК причины, в формировании семантических отношений в предложении, резко отличается. Производные предлоги имеют событийное содержание еще на допредложенческом уровне: они сами по себе указывают на содержание ситуации: *по причине, в результате, благодаря, в память, при помощи* и т.д. Непроизводные предлоги более абстрактны, они способны сочетаться со словами разной семантики и тем самым создавать ППК, отражающие самые разнообразные ситуации: *от дома, от радости; из дома, из любопытства; с юга, с радости*. На уровне понимания отношений, отраженных предложением с ППК причины, ведущим в ППК с производным предлогом оказывается значение предлога, с непроизводным – семантика субстантивного слова.

Наибольшую трудность в преподавании русского языка иностранцам, конечно, представляют ППК с непроизводными предлогами. В русском языке существуют неисчерпаемые запасы конструкций, которые способны передать в предложении отношения причины: ***В гневе он страшен. Без тебя я скучаю. На его звонок вышла девушка. В пиджаке его не узнать. За лесом не видно дома. При виде его она улыбнулась. С тобой мне весело. После 20 лет работы в школе он научился терпению. С приближением весны снег начал таять. За работой она забывает обо всем. В школе он стал настоящим учителем. На морозе у нее горят щеки. В темноте мы не могли найти дорогу. У бабушки он совсем избаловался. Ради него хоть на край света*** и т.д.¹ Несмотря на то, что в приводимых предложениях выделенные словосочетания передают причинную семантику, их нельзя назвать инвариантными средствами выражения причинных отношений. Отношения причины, выражаемые с помощью этих конструкций, формируются каждый раз заново на основании координации смыслов, передаваемых предикативным ядром предложения и ППК.

Можно выделить лишь несколько ППК причины с непроизводными предлогами, которые поддаются систематизации. Это конструкции: «ИЗ-ЗА + род. падеж», «ОТ + род. падеж», «С + род. падеж», «ПО + род. падеж», «ИЗ + род. падеж»: ***Из-за этих бурь поверхность земли изменилась невероятно, представляя диковинные очертания каких-то замков, колоннад, лестниц*** (В. Набоков). ***В то время, как Наташа, хохоча от радости, упивалась перед зеркалом своею волшебною красой, дверь открылась, и перед Наташей явился Николай Иванович*** (М. Булгаков). ***Василий запил с горя, стал шляться по кабакам, буйнить – одним словом, вести себя так дурно, что не раз подвергался постыдному наказанию на съезжей*** (Л. Толстой). ***Потом вереницей пошёл целый ряд людей, и в числе их – Николай Иванович, только что арестованный исключительно по глупости своей ревнивой***

¹ Большинство из указанных каузативных конструкций приводятся Г.А. Золотовой в синтаксическом словаре [Золотова, 1988]). Некоторые из них рассматриваются ею как периферийные средства выражения каузативных отношений [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998].

супруги, давшей знать в милицию под утро о том, что её муж пропал (М. Булгаков). Она из жалости была Матреной подобрана и прижилась (А. Солженицын). Выражение причины ППК с указанными предложениями зафиксировано в словарях и учебниках. Именно эти ППК вводятся в практику обучения русскому языку иностранцев.

Выбор названных ППК в качестве средств обучения причинной семантики в простом предложении обусловлен тем, что только эти конструкции могут служить в качестве структурно-коммуникативных моделей, по образцу которых возможно построение собственных высказываний. Этим ППК свойственно: 1) типовое значение. Типовое значение ППК, как правило, является модификацией основной категориальной семантики. Если пользоваться инструментарием теории речевой деятельности, то «типовое значение» может быть охарактеризовано как коммуникативно-грамматическое значение, то есть смысл, типизированно выражающий интенцию. Типовое значение формирует структурно-коммуникативную модель. Эта модель может быть записана следующим образом:

– для выражения неблагоприятной причины и причины, устанавливаемой в результате логического анализа, употребляется конструкция «ИЗ-ЗА + род. падеж»: *Солдаты гибли из-за бездарности генералов* (К. Паустовский). Несмотря на то, что данная ППК способна отражать и нейтральную, и даже благоприятную причину (*Писатель купил этот журнал из-за статьи, которая там опубликована; На даче тепло из-за печки*), выражение отрицательного значения является ведущим. Обычно конструкция «ИЗ-ЗА + род. падеж» предъясняется в иностранной аудитории в антонимичном ряду с ППК, которую организует производный предлог *благодаря*, используемый для выражения благоприятной причины: *Он добился больших успехов благодаря своему упорству*;

– для выражения объективной, произвольной и неосознанной причины употребляется конструкция «ОТ + род. падеж»: *У него от испуга сжалось и похолодело сердце* (А. Куприн);

– для выражения эмоционально окрашенной произвольной и неосознанной причины употребляется конструкция «С + род. падеж»: *Я стал рассказывать про маляров, но с не привычки стеснялся* (А. Чехов);

– для выражения причины-основания употребляется конструкция «ПО + дат. падеж»: *(В этой местности) люди занимаются охотой не по страсти, а по необходимости* (М. Пришвин);

– для выражения причины как стимула, побуждения употребляется конструкция «ИЗ + род. падеж»: *После этого стоит ли труда жить? А все живешь – из любопытства* (М. Лермонтов).

Кроме типового значения названные ППК обладают еще рядом признаков, свойственных структурно-коммуникативным моделям: 2) наличие специализированных средств: именно ППК с этими предложениями традиционно отмечаются русскими грамматиками как средство обозначения причинных отношений в простом предложении, а в учебниках по русскому языку для иностранцев вводятся для активного усвоения; 3) регулярность воспроизведения типового значения; 4) высокая частотность употребления ППК при репрезентации причинной семантики; 5) ограниченность лексического содержания субстантивного члена ППК – учащимся списком можно дать лексические единицы, способные участвовать в формировании ППК с тем или иным типовым значением (подробнее о специфике выражения причинных отношений с помощью ППК причины см. [Одинцова, 2002; Одинцова, 2018]).

Литература

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. М., 1987. 256 с.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е издан., перераб. М.–Л., 1935. 378 с.
3. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л.: Наука. 1965. 343 с.
4. Золотова Г.А, Онипенко Н.К, Сидорова М.К. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Колпакова И.В. Синкретичные присубстантивные определения как осложняющие компоненты предложения: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 166 с.
7. Одинцова И.В. Выражение причинных отношений // Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / под ред. А.В. Величко. СПб.: Златоуст. 2018. С. 322–347.
8. Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002, № 1. С. 49–72.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
10. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990.

КОНСТРУКЦИИ, ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТАРНУЮ МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В ПОЭЗИИ АНТИОХА КАНТЕМИРА

Н.В. Патроева

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

***Аннотация.** Целью статьи является анализ некоторых синтаксических доминант поэзии А.Д. Кантемира, среди которых особенно активны деепричастные обороты. Кантемир одним из первых в русской лирике вводит в структуру стиха конструкции, обязанные своим происхождением живой устной речи: именительный и инфинитив темы, вставку, вводно-модальные и присоединительные синтагмы.*

***Abstract.** The purpose of the article is to analyze some of the syntactic dominants of A.D. Kantemir's poetry, among which adverbs are especially active. Kantemir is one of the first in Russian lyric poetry to introduce constructions into the structure of a verse that owe their origin to lively oral speech: nominative and infinitive themes, insertion, introductory-modal and connecting syntagmas.*

***Ключевые слова:** поэтическая грамматика, синтаксис стихотворного текста, стиль сатиры, язык и стиль классицизма, язык и стиль барокко, история русского литературного языка.*

***Key words:** poetic grammar, syntax of poetic text, satire style, language and style of classicism, language and baroque style, history of the Russian literary language.*

Роль Антиоха Кантемира в реформировании русского литературного языка остается до сих пор во многом недооцененной, а лингвистические идеи и стилистические устремления того, кто «взял по-галльски – заплатил по-русски», не реконструированы в полном объеме: рано ушедший из жизни поэт не оставил трактатов, подобных ломоносовским «Российской грамматике» или «Краткому руководству к красноречию», к тому же часть творческого наследия Кантемира утрачена, вероятно, навсегда. Источниками, которые позволяют прояснить хотя бы в какой-то степени позицию А. Кантемира в языковых спорах первой половины XVIII в.,

могут служить предисловия к его переводам с итальянского, французского, латыни и древнегреческого, а также к русско-французскому словарю, примечания к собственным произведениям и посвященное не одним только правилам версификации «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских».

Разумеется, говоря о лингвистической позиции Кантемира и об истоках его «трудной», по выражению С.И. Николаева [Николаев, 1995, с. 3–14], поэтики, следует учитывать филологические штудии Кантемира: его домашнее образование, учебу в Академическом университете, чтение филологических трудов Петровской эпохи и послепетровского периода, участие в обсуждении Академией наук проекта создания грамматики нового литературного языка, – все это не могло не оказать влияние на формирование поэтического стиля А. Кантемира.

Грамматика А. Кантемира редко становилась предметом специального рассмотрения (см., напр.: [Руднев, 2013], [Довгий, 2017]), что обуславливает актуальность исследования синтаксического строя кантемировской поэзии. О.Л. Довгий в статье 2017 г. выражала надежду, что, «если когда-нибудь всё же будет создан глубокий тезаурус сатир, с детальным описанием грамматического уровня, то “грамматическое своеобразие” (Р. Якобсон) Кантемира, его умение использовать все внутренние резервы слова, его искусство прекращать грамматику в поэтику будет видно ясно» [Довгий, 2017, с. 21]. В том же году увидел свет «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» [Синтаксический словарь, 2017], материалы которого позволяют составить достаточно полное представление о поэтическом синтаксисе, понимаемом широко – как синтаксическое построение стихотворного текста, и его роли в формировании жанрового, метрического, композиционного своеобразия стихотворного текста, различных риторических приемов (прежде всего тропов и фигур речи).

Целью статьи является анализ типологических особенностей «синтаксического портрета» Антиоха Кантемира на материале конструкций, осложняющих элементарную модель предложения, с опорой на данные первого тома «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века», в том числе в аспекте связи грамматики его идиостиля с особенностями версификации и жанровой дифференциации стихотворных произведений.

Синтаксический уровень кантемировских стихотворений демонстрирует сугубую сложность: отчетливое преобладание многокомпонентных предложений с подчинительной и контаминированной, то есть включающей пара- и гипотаксис, связью. Простые предложения составляют только пятую часть всех конструкций Кантемира, причем элементарных (неосложненных) среди них лишь 15,2 % – см. [Синтаксический словарь, 2017, с. 61]. Приведем только один пример пространного кантемировского предложения, насыщенного обособлениями:

*Уже довольно лучший путь не зная,
Страстьми имея ослепленны очи,
Род человеческ из краю до края
Заблуждал жизни в мрак безлунной ночи,
И в бездны страшны несмелые ноги
Многих ступили – спаслися немноги,
Коим, простерши счастье сильну руку
И не хотящих от стези опасной
Отторгнув, должну отдалило муку;
Но стопы оных не смысл правя ясной –*

*Его же помочь одна лишь надежна, –
И тем бы гибель была неизбежна,
Но, надеж рода нашего конечный
Предупреждая новым действием власти,
Произвел Мудрость царь мира предвечный,
И послал тую к людям, да, их страсти
Обуздав, нравов суровость исправит
И на путь правый их ноги наставит* [Кантемир, 1956, с. 200].

Приведенный пример ярко демонстрирует активность обособленных оборотов со значением дополнительной предикативности, в терминах А.Ф. Прияткиной [Прияткина, 1990, с. 35], прежде всего деепричастных, в синтаксической архитектонике кантемировских произведений. Сравнительные наблюдения показывают, что деепричастные синтагмы – одна из стилевых доминант поэзии Кантемира: так, в лирике Ломоносова деепричастных обособлений в среднем (на 1 строку текста – 1 стих) в полтора раза меньше, а степень их распространенности у других поэтов середины XVIII – первой трети XIX в. еще гораздо ниже. Деепричастные группы выступают в качестве удобного средства «сгущения» информации, речевой экономии. Другой стилевой доминантой кантемировского поэтического творчества оказываются адъективные обособленные синтагмы, хотя время их активизации в русской поэзии совпадает с романтической эпохой: здесь Кантемир намного опередил свое время [Патроева, 2002, с. 79, 92].

Из обособленных групп несколько менее распространены у Кантемира причастные обороты, характерные для высокого стиля, но не для слога сатир – жанра, в котором в основном работал Кантемир, и субстантивные обороты, время широкого распространения которых падает уже на романтическую эпоху.

Кантемир был, возможно, первым русским стихотворцем, активно использовавшим в сатирах, одах и песнях сегментированные (типа именительного или инфинитива темы), вводные, вставные и присоединительные конструкции как новые для книжного слога аналитические построения, вероятно, возникшие под влиянием не только французского синтаксиса, но и живой русской разговорной речи, имеющие «разговорный субстрат» [Акимова, 1990, с. 108]:

*К востоку крайны пространны народы,
некреям, ближнюоксидракам,
Кои пьют Ганга и Инда рек воды,
Твоим те первы освещенны зраком,
С слонов нисшедше, счастливы приемлют
Тебя и сладость твоего внемлют* [Кантемир, 1956, с. 201];
*Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим; в твари всему знать исту причину –
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход <...>* [Кантемир, 1956, с. 159];

Скажи мне (**можешь бо ты!**): всем всякого рода
 Людям, давши тело то ж и в нем дух, **природа** –
 Она ли им разные наделила страсти,
 Которые одолеть уже не в их власти,
 Иль другой ключ тому ручью искать нужно? [Кантемир, 1956, с. 89];
 Сколько глав – столько охот и мыслей различных;
 Моя есть – стихи писать против неприличных
 Действ и слов; кто же мои (**и я не без пятен**)
 Исправит – тот честен мне будет и приятен [Кантемир, 1956, с. 99];
 Зная же небесного царя, благочестно
 Того чтит, иже душу (**как, то неизвестно**)
 Разумную вложил в тело,
 Причастницу божественна духа [Кантемир, 1956, с. 211];
 Видел я многих, **и неоднократно**,
 Которые, в старость достигше глубоко,
 Горькие слезы с вздыханием лили <...> [Кантемир, 1956, с. 213];
 Другие, **и зная вред**, бороться не смеют
 С упрямую волею <...> [Кантемир, 1956, с. 158].

Именительный темы, вставка и присоединительная конструкция, кстати, встречаются и в девятой сатире, хотя многие исследователи считают, что ее автором был не Кантемир, а некий подражатель (см., напр.: [Муравьева, 1962; Калачева, 1962]):

<...> **Парики** – уж всяк знает, что дьявольско дело,
 А он, что то не грешно, одно спорит смело;
 Платье немецко носит, да **притом манжеты**;
 Кто их назовет добром? все – адски приметы;
 А таки сказуют, что то не противно богу <...> [Кантемир, 1956, с. 181–182];
 Вон дивись, как учений заводят заводы:
 Строят безмерным коштом тут палаты славны,
 Славят, что учения будут тамо главны;
 Тщатся хотя именем умножить к ним чести
 (**Коли не делом**); пишут печатные вести <...> [Кантемир, 1956, с. 184];
 Смотри: купец украшен в пояс бородою,
 В святом и платье ходит, **только не с клюкою** <...> [Кантемир, 1956, с. 184].

Используя обращения, Кантемир не отказывается от звательных форм типа «уме», «музо», «Творче», «друзе», «самодержнице» и др., считая их вполне уместными для «низкого» жанра сатиры.

Синтаксис Кантемира формировался на пересечении многих литературных влияний – церковнославянской, древнегреческой, латинской словесности, западнорусской силлабики, литературы европейского барокко – и является по характеру не бессистемно-эклетическим, но синтетическим и очень сложно организованным, в соответствии с главной художественной задачей создателя новой русской лиры – воплотить движение обличающей пороки просветительской мысли в условиях нарождавшейся и потому остававшейся элитарной секулярной литературы. «Темноте» заветных истин и тернистому пути поиска ответов на «вечные» вопросы закономерно должен был соответствовать столь же логически сложный синтаксис, в организации которого важную роль играет осложненное предложение.

Литература

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособ. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.
2. Довгий О.Л. Грамматика поэзии в сатирах А.Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 15–21.
3. Калачева С.В. Кантемир и рукописная традиция: (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего») // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 175–183.
4. Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 547 с. (Библиотека поэта; Большая серия).
5. Муравьева Л.Р. Проблемы так называемой «девятой» сатиры А.Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Вып. 5. С. 153–178.
6. Николаев С.И. Трудный Кантемир (стилистическая структура и критика текста) // XVIII век: сб. ст. 1995. Т. 19. С. 3–14.
7. Патроева Н.В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 334 с.
8. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособ. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
9. Руднев Д.В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 470–494.
10. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века. В 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Триаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017.

КОНСТРУКЦИИ С СИНКРЕТИЧНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ СЕМАНТИКИ «МЕРА И СТЕПЕНЬ + СРАВНЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Семенова

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу синтаксических структур, оформленных посредством союзов как, как будто / точно / словно и предназначенных в русском языке для выражения значения меры и степени и сравнения. Исследование выполнено в традициях Дальневосточной научной школы, применяющей к анализу синтаксических структур термин «конструкция». Описаны типы конструкций, особенности формирования семантики. Выделены случаи фразеологизации конструкции. Определена роль союзов и соотносимых с ними лексем-интенсификаторов значения меры и степени.*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of syntactic structures, that are modeled using a connection as, as if/ exactly and are intended in Russian to express the meaning of measure and degree and comparison.*

The research was carried out in the traditions of the Vladivostok scientific school, which applied the «from construction». Types of constructions is described, features of semantics formation, facts of phraseologization of the construction. The role of conjunctions and related lexemes-intensifiers of the value of measure and degree is defined.

***Ключевые слова:** конструкция, компоненты конструкции, интенсификатор, актуализатор, значение меры и степени.*

***Keywords:** construction, structural components, meaning of measure and degree, intensifier, actualizer, measure of quantity and degree.*

В современной лингвистической науке и методике преподавания иностранных языков, в том числе РКИ, сохраняют свою актуальность вопросы, связанные с исследованием и

описанием синтаксического яруса языковой системы. Синтаксические структуры, в частности, сложные предложения, относятся к единицам высшего «порядка», они позволяют говорящему реализовать свой коммуникативный замысел в устной и письменной речи и участвовать в межкультурном диалоге, соблюдая правила построения предложений и текста. Изучение синтаксиса русского языка имеет большое значение в языковой подготовке иностранных студентов.

В учебных пособиях, адресованных русским и иностранным студентам, представлена как формальная, так и семантическая классификация сложных предложений. В типологии сложных предложений некоторые структуры не получили еще полного и всестороннего освещения. К таким структурам относятся сложноподчиненные предложения со значением меры и степени (далее СПП). Эта группа СПП довольно разнородная и сложная по своей формальной и семантической устроенности. В составе таких предложений функционируют разные по значению союзы (*что, чтобы, как, как будто*), которые в сочетании с полнозначными лексемами (*так, не так, настолько, не настолько, столько* и др.), маркирующими значение степени, образуют тесное смысловое единство, или «служебный комплекс» (термин [Селюнина, 2004]).

В статье мы обращаемся к анализу синтаксических структур, в составе которых формируются сложные семантические отношения «мера и степень + сравнение».

СПП со значением меры и степени, оформленные союзами сравнительной семантики, ранее были описаны в «Русской грамматике» 1980 года, рассмотрены (наряду с другими сложными предложениями) в диссертационных исследованиях [Сальникова, 2010; Курбанова, 2012].

Цель нашей работы состоит в том, чтобы уточнить теоретические положения, выдвинутые в лингвистической науке относительно рассматриваемых нами структур и представить свои результаты анализа синтаксических единиц в формальном и семантическом аспектах.

В качестве фактического материала в работе использованы контексты, выбранные из «Национального корпуса русского языка» (в частности, подкорпуса художественных и публицистических текстов).

В российской науке синтаксические структуры со значением меры и степени рассматриваются в ряду сложноподчиненных предложений, для которых характерны следующие признаки: 1) закрепленный порядок следования частей СПП, 2) присловная позиция придаточной части, 3) корреляционная связь, возникающая при участии соотносительных слов в главной части предложения и союзов в придаточной части (см. об этом [Иванищева, 2019]).

Обращаясь к описанию формальной организации синтаксических единиц, выражающих семантику «мера и степень + сравнение», мы будем следовать традициям Дальневосточной научной школы и придерживаться узкого подхода к анализу их структуры, а именно – подхода «от конструкций», который был предложен и обоснован в трудах проф. А.Ф. Прияткиной.

Собранный нами фактический материал показывает, что семантика «мера и степень + сравнение» формируется в условиях синтаксических конструкций с разным составом компонентов и разными принципами связи этих компонентов. Обратимся к данным конструкциям и проанализируем их формальную организацию.

Наиболее распространенными в современном русском языке являются синтаксические структуры, которые в «Русской грамматике» 1980 г. рассматриваются в ряду

СПП с определительными отношениями (определительное значение в этих предложениях выражается посредством сравнения):

(1) *Ему стало так стыдно за себя, как только может стать стыдно настоящему еврею* (В.А. Ярмолинец. Конец света // Волга, 2013); (2) *А наутро лица дочери и зятя были настолько разными, точно они вообще никогда не видели друг друга* (Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке // Октябрь, 2001).

В этих предложениях функционируют союзы *как* и *точно* и «интенсификаторы» значения меры и степени *так* и *насолько*.

В подобных примерах мы наблюдаем признаки конструкции «Слово + (ПЕ (предикативная единица))», которая «встраивается» в сложное предложение, при этом опорное слово может занимать позицию главного или второстепенного члена левого контекста предложения, к нему присоединяется предикативная единица – придаточная часть, находящаяся в правом контексте предложения.

В данной конструкции частотны случаи употребления соотносительных с союзом слов *так* и *такой*; в силу своей частеречной принадлежности эти лексемы лишены семы «степень проявления признака», поэтому правильнее квалифицировать их как «актуализаторы» значения меры и степени; данное значение в свою очередь эксплицируется особой акцентирующей интонацией и лексическим наполнением второго компонента конструкции – предикативной единицы.

Конструкции, оформленные при участии служебных комплексов *так... как, такой... как, так... точно, такой... точно* и т.п., имеют свои специфические черты, которые отличают их от других структур, состоящих из опорного компонента и предикативной единицы. При описании формальной организации конструкций «*так* (или *такой*) + опорное слово, *как* + ПЕ» (вариант реализации «опорное слово + *так, как* + ПЕ), «*так* (или *такой*) + опорное слово, *точно / словно / будто* + ПЕ» (вариант реализации «опорное слово + *так, точно / словно / будто* + ПЕ») возникает вопрос: что считать первым компонентом конструкции? Приведем следующие примеры:

А) *Глаза слезились так, словно в них швырнули горсть табаку* (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя, 2000); *Никто Ухвату не возразил, но как засыпали погреб – началась в станице такая тоска, точно мужиков от церкви отлучили* (Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)); *Прозрение пришло к Андрею, когда он увидел человека, глянувшего на него с таким пониманием, словно они вместе провели не один год в комнатухе для особо почетных и уважаемых гостей* (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый мир, 1998);

Б) *Жарил он сразу из двух стволов, перезаряжая свое ружье так быстро, как не успевал даже бывалый стрелок Папен* (Алексей Лукьянов. Артиллеристы. Занимательные истории о богах войны // Октябрь, 2003); *Таня хранила при этом выражение такой полной незаинтересованности, словно была девственницей или старухой* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // Новый мир, 2000); *Через минуту его шаги слышатся уже возле калитки, но вдруг он возвращается пугательным, необычным шагом, причем на лице у него такая сложная мина, словно он только что привидение повстречал* (Вячеслав Пьецух. Летом в деревне // Новый мир, 2000).

В примерах типа А опорными компонентами служат глагол-сказуемое *слезились*, подлежащее *тоска*, дополнение *пониманием*, которые употреблены в левом контексте предложений. Здесь говорящий делает акцент на том, что степень проявления состояния

(слезились), чувства (*тоска*), выражения во взгляде (*понимание*) выше нормы, данный факт подтверждается путем сравнения с гипотетической ситуацией (*подобным образом глаза могут слезиться, когда, предположим, в них бросают горсть табаку; подобную тоску могут ощущать, когда, к примеру, мужиков отлучают от церкви; подобное понимание во взгляде может быть, когда люди провели вместе не один год в комнатухе для особо почетных и уважаемых гостей*).

В примерах типа Б появляется наиболее точная квалификация действия (*перезаряжал [ружье] быстро*), выражения взгляда (*полная незаинтересованность*), выражения лица (*сложная мина*). В этих случаях говорящий также подтверждает высокую степень проявления действия или признака предмета, приводя сравнение с реальной или нереальной ситуацией (*подобным образом перезаряжать ружье не может даже бывалый стрелок; подобное выражение лица может быть, например, у девственности или старухи; подобное выражение лица возможно в случае встречи с привидением*).

В контекстах второго типа мы наблюдаем присутствие дополнительного компонента, который присоединяется к опорному слову и уточняет характер проявления действия или признака. Этот компонент можно «опустить», при этом значение высокой степени сохранится.

Итак, конструкция «Слово + ПЕ», в которой формируется значение меры и степени, может иметь расширенный состав, когда в нее включается дополнительный компонент, уточняющий характер проявления действия или признака. Обобщенное значение таких примеров можно сформулировать следующим образом: в контексте дается характеристика предмета или действия, состояния в качественном или количественном отношении. Степень проявления состояния/качества или мера количества значительно превышает норму (*[глаза] слезились очень сильно, (глядел) с высокой степенью понимания, разряжал ружье очень быстро, выражение лица имело высокую степень незаинтересованности*). Описываемое положение дел сравнивается с гипотетической или реальной ситуацией, которая подчеркивает превышение нормы.

Второй тип конструкции демонстрируют следующие примеры:

Абдуллаев все оставлял, но ругался в сердцах так, как если бы застал в помещении вопиющий беспорядок (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001); <...> *боль была такая, как если бы ее лицо прижгли каленым железом* (Николай Климонтович. Далее – везде (2001)).

Они имеют сходство с предыдущим типом синтаксической структуры: здесь также есть опорное слово (*ругался, боль*), актуализатор значения меры и степени (*так, такой*). Однако компонентный состав в данных примерах более сложный. Подобные случаи были изучены и описаны Т.А. Колосовой, которая использовала термин «сложные предложения асимметричной структуры», или предложения с невербализованным третьим «звеном» [Колосова, 2008]. Данное «звено» находится между союзами *как* и *если бы*. Предложения можно реконструировать, восполнив недостающее «звено»:

Абдуллаев ругался в сердцах так, как [могло бы быть в случае], если бы он застал в помещении вопиющий беспорядок; боль была такая, как [могло бы быть в случае], если бы ее лицо прижгли каленым железом.

В таких структурах возможно наличие дополнительного компонента, уточняющего характер проявления действия или признака предмета:

Он читал их, забыв самого себя, читал так жадно, как если бы находился в пожизненном заключении и одними этими стихами мог напомнить себе о том мучительном заключении и одними лишь этими стихами мог напомнить себе о том мучительно радостном и просторном мире, который потерял навсегда (Ю.И. Лунин. Три века русской поэзии // Волга, 2016); Все это Инка проделала с непоколебимой серьезностью, сознанием важности мероприятия и таким жгучим рвением, как если бы от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь (Улья Нова. Инка (2004)).

Обобщенное значение примеров можно сформулировать следующим образом: в контексте дается характеристика предмета или действия, состояния в качественном или количественном отношении. Степень проявления состояния/качества или мера количества значительно превышает норму (*ругался в сердцах с высокой степенью недовольства кем-либо, боль была очень сильной, читал с высокой степенью «жадности», делала нечто с высокой степенью рвения*). Описываемое положение дел сравнивается с гипотетической ситуацией, которая могла иметь место при определенном условии и которая подчеркивает превышение нормы.

Третий тип конструкции ограничен употреблением служебного комплекса *столько... как*. Рассмотрим примеры:

Пожалуй, ни один дендролог не уделил в своих трудах столько внимания грунтовым гортензиям, как канд. с-х. наук Зинаида Сергеевна Лунева (Ирина Зброшко. Благородная и благодарная гортензия // *Homes & Gardens*, 2002.09.1); *Полагаю, ни один другой художник не положил столько труда и понимания в пушкинские темы, как П. Бунин* (О художнике Павле Бунине // *Театральная жизнь*, 2003.04.28).

Эти языковые факты имеют некоторые признаки конструкции – «Сложное предложение», в случае если второй компонент можно рассматривать как неполное контекстуальное предложение с пропуском сказуемого, которое можно восстановить, ср.: *ни один другой художник не положил столько труда и понимания в пушкинские темы, как сделал это П. Бунин*.

Рассмотренные примеры имеют признаки трехчленной конструкции, в которую входят параллельные члены: *Ни один художник ... как П. Бунин*, общий член *не положил*.

Примечательной особенностью конструкции является употребление оборота, усиливающего отрицание: *Ни один художник не положил; ни один дендролог не уделил; Ни одно произведение Пушкина не источает; Ни один крупный проект не вызывал; Ни одно из событий последних лет не породило* и выделяющего номинацию конкретного лица или предмета, к которому относится некое действие: *П. Бунин; Лунева; крохотная мистерия; эта плотина; гибель американского корабля*.

В синтаксическом построении обращает на себя внимание факт фразеологизации построения: *ни + один/одно/одна + из + N 2 (общее) + не + Vf столько N2, как N1 (частное)*.

В конструкции формируются сложные смысловые отношения:

1) общее и частное («все художники и Бунин», «все дендрологи и Лунева», «все произведения Пушкина и эта крохотная мистерия», «все крупные проекты и эта плотина», «все события и гибель американского корабля»);

2) выделительные отношения, градация («Бунин выделяется из всех», «Лунева выделяется из всех», «крохотная мистерия примечательнее других», «проект, связанный со строительством плотины, в ряду других проектов», «гибель американского корабля в ряду других событий»);

3) сравнительные отношения, актуализированные союзом *как* («Бунин положил больше труда и понимания в пушкинские темы, чем другие», «Лунева уделила больше внимания грунтовым гортензиям, нежели другие дендрологи», «крохотная мистерия демонстрирует собой больше искусства, чем другие произведения автора», «проект с плотиной вызвал больше споров, чем другие проекты», «гибель американского корабля привлекла больше внимания, чем другие трагические события»);

4) значение меры и степени, актуализированное лексемой *столько* («Бунин положил очень много труда и понимания в «пушкинские темы», «Лунева уделила очень много внимания грунтовым гортензиям», «крохотная мистерия демонстрирует собой высокую степень искусства», «проект с плотиной вызвал очень много споров», «гибель американского корабля вызвала очень много домыслов и разговоров»).

На данном этапе исследования мы предлагаем следующую характеристику данного типа синтаксического построения: 1) основу конструкции составляет ряд параллельных членов, относящихся к общему третьему члену, 2) имеет место фразеологизация первого члена ряда (*ни один/одно/одна из* + первый член ряда – «общее», *как* + второй член ряда – «частное»), 3) общий член «притягивает» к себе еще один компонент, актуализированный лексемой *столько*.

Обобщенное значение примеров можно сформулировать следующим образом: в контексте речь идет 1) о лице, который выделен из класса однородных предметов и сравнивается с другими, превосходит другие тем, что выполнил некое действие с превышением нормы; 2) о предмете, который выделен из класса однородных предметов и сравнивается с другими, превосходит другие тем, что привел к некоему результату с превышением нормы.

Конструкция последнего типа требует дальнейшего изучения с привлечением более обширного фактического материала.

Завершая обзор темы, сделаем следующие выводы.

В исследовании рассмотрены 3 типа синтаксических построений: первый тип – «Слово + ПЕ», второй тип – «Слово (+ ПЕ) + ПЕ» с одним невербализованным «звеном», третий тип – особый тип синтаксического построения, в основе которого находится ряд параллельных членов, относящихся к общему третьему члену, в ряду наблюдается факт фразеологизации (*ни один/одно/одна из* + первый член ряда – «общее», *как* + второй член ряда – «частное»), общий член «притягивает» к себе еще один компонент, актуализированный лексемой *столько*.

В первом типе структур функцию связующего средства выполняют служебные комплексы: *настолько... точно/будто/словно, так (такой)... как* (или *точно/будто/словно*). Во втором типе структур эту роль выполняют служебные комплексы *так (такой)... как + если бы*. В третьем типе структур характерно употребление *столько... как*.

В конструкциях первого и второго типа формируется значение «мера и степень + сравнение». В конструкции третьего типа это значение осложнено дополнительными смысловыми компонентами.

Литература

1. Завьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2009. 393 с.
2. Иванищева О.Н. Синтаксис современного русского литературного языка: курс лекций. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2019. 158 с.
3. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры: монография. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2008. 211 с.

4. Курбанова, А.Ш. Категория меры и степени в когнитивном и синтаксическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2012. 185 с.
5. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
6. Сальникова Ю.О. Сложноподчиненные предложения с придаточным качества, меры и степени признака: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2010. 22 с.
7. Селюнина О.А. Служебный комплекс «ТАКОЙ... КАК» (грамматическая характеристика): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, ДВГУ, 2004. 18 с.
8. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2007. 390 с.

УЖ НЕ ЗНАЮ, ЧТО СКАЗАТЬ... (ОБ ОДНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ЧАСТИЦЫ УЖ)

Е.Б. Степанова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается один из контекстов употребления частицы «уж» – сочетание «уж не знаю», описываются особенности употребления высказываний с данным сочетанием и предпринимается попытка определить, какое значение вносит в их семантику частица «уж».*

***Abstract.** The article examines the use of the particle «uzh» in the combination «uzh ne znaju» (I don't know). It contains a description of the features of statements with this combination and attempts to determine what meaning the particle «uzh» adds to the semantics.*

***Ключевые слова:** частицы, шкала, норма.*

***Key words:** particles, scale, norm.*

Как заметила И.Б. Левонтина, «частица *уж*, возможно, самое трудное для описания дискурсивное слово русского языка с плохо уловимой семантикой» [Левонтина, 2021, с. 473]. Тем не менее данная частица неоднократно привлекала к себе внимание лингвистов, в работах которых давался анализ отдельных контекстов употребления частицы и предлагалась формулировка значения, объединяющего разные употребления *уж* (см., например, [Кобозева, 1990], [Безяева, 2002], [Урысон, 2007], [Левонтина, 2008], [Овчинникова, 2008], [Прияткина, Стародумова, 2016], [Левонтина, 2021] и др.).

В статье рассматривается один из характерных для *уж* контекстов, в котором частица сочетается с глаголом *знать* и отрицанием, – *уж не знаю*. Цель статьи – проанализировать особенности высказываний с *уж не знаю* и определить «вклад» в их значение частицы *уж*.

Сочетание *уж не знаю* иллюстрируют следующие примеры:

(1) *Еще накануне, как оказалось, произведены были в этих комнатах некоторые изменения и украшения, впрочем, самые легкие. Хозяин перешел с своей женой в каморку капризного рябого жильца, <...> а рябой жилец был на это время конфискован – **уж не знаю** куда (Ф. Достоевский).*

(2) – *Виктор Арсентьевич думает, что что-то понимает в живописи. Смешно <...>. Хотя и кое-что прикушает. – Работает в этой области? – Что вы! Полнейший дилетант. Работает где-то на заводе или на фабрике. **Не знаю уж**, кем там (А. Адамов).*

(3) *Знаешь, только в больницах и библиотеках так хорошо растут цветы – уж не знаю, чем вызван этот феномен <...>* (Т. Тронина).

(4) *В каждой главе (а части называются «звеньями», не знаю уж, в честь чего, – целью, что ли, казался ему [Ф. Панферову] собственный роман?) наличествует пейзаж, и в каждом пейзаже – земля, навоз, глина* (Д. Быков).

Данные и подобные им контексты имеют ряд особенностей.

1. Во-первых, они показывают, что своим высказыванием с *уж не знаю* говорящий нарушает ожидания адресата, связанные с объемом представляемой информации. Иными словами, в сознании говорящего активизируются представления о том, каким образом и насколько подробно он должен изложить информацию об описываемой ситуации, чтобы соответствовать ожиданиям адресата. Согласно этим представлениям, за сообщением о том, что рябой жилец был переселен из своей каморки, должно последовать сообщение о конечной точке его перемещения (см. (1)), сообщение о месте работы человека должно сопровождаться информацией о его должности (см. (2)), а за описанием нетривиальной ситуации должна последовать попытка дать ей объяснение (см. (3) и (4)) и т.д. *Уж не знаю* означает, что говорящий не имеет необходимой для этого информации и, как следствие, «обманывает» ожидания адресата относительно своей осведомленности в деталях сообщаемого.

2. *Уж не знаю* может свидетельствовать об отсутствии у говорящего информации разного типа. В примерах (1) – (4) говорящему неизвестен один из аспектов описываемой им ситуации – конечная точка перемещения рябого жильца, статус человека, о котором идет речь, причина, по которой имеет место ситуация. Однако говорящий может испытывать затруднения и другого рода: так, в (5) он неспособен идентифицировать объект, а в (6) не знает, какое слово более уместно для обозначения описываемого им явления, см.:

(5) *Меня сразу осадил <...> какой-то симферопольский филолог, или литературовед, или профессор, – уж не знаю точно, кто он такой, что за птица, каков он там, у себя в Симферополе, среди начальства, и в какой роли подвизается* (В. Алейников).

(6) *Короче говоря, в этот весенний прохладный вечер или ночь, уж не знаю, как правильнее надо считать одиннадцать часов, охватило меня томительное чувство неприкаянности, пустоты и абсолютной ненужности никому на свете* (А. Вайнер, Г. Вайнер).

При этом говорящий также не оправдывает ожиданий адресата, так как не может корректно выполнить взятые на себя коммуникативные обязательства.

3. В контекстах с *уж не знаю* говорящий не просто не имеет некоторой актуальной информации, – он **не может** ее иметь, так как к ней **нет доступа**. Не случайно поэтому неизвестной часто оказывается информация, недоступная непосредственному восприятию, не «лежащая на поверхности», – например, о причинах происходящего и мотивах поступков людей, см. (3) *уж не знаю, чем вызван этот феномен*, (4) *не знаю уж, в честь чего*.

4. Недоступность информации, которой, по представлениям говорящего, ждет от него адресат, может вызывать у говорящего соответствующие чувства. Поэтому *уж не знаю* часто встречается в репликах эмоциональной реакции с частицей *вот*:

(6) – *А почему его в армию не взяли? – любопытствовал Саша. – Чем он болел? Валя пожала плечами. – Вот уж не знаю. Подозреваю, что ничем. <...> Липовую, справку купил, наверное* (А. Маринина).

(7) – *Непонятно, – протянула Ася, – что им в моей квартире понадобилось? У меня и красть-то нечего. – Вот уж чего не знаю, того не знаю, – солидно припечатал Панфилович. – А только знаю, что были у тебя какие-то типы* (Н. Александрова).

5. Недоступность информации, которую подчеркивает *уж не знаю*, может объясняться и незаинтересованностью говорящего, считающего данную информацию несущественной, см.:

(8) – *Почему без бахил? Написано же, чтобы без бахил не входить! – А где их можно купить? – А вот этого уж я не знаю! Это до меня не касается! Где хотите – там и берите, а только без бахил нельзя!* (Н. Александрова).

6. Нарушая ожидания адресата, говорящий может компенсировать отсутствие ожидаемой информации теми сведениями о ситуации, к которым у него есть доступ. Поэтому *уж не знаю* часто сопровождается противительным союзом (обычно – *но*), вводящий ту информацию о ситуации, которая доступна восприятию говорящего и известна:

(9) *Бутик «Бак» <...> возник там, где еще во времена Ивана Грозного стояли торговые ряды. Уж не знаю, правдива ли эта информация, но она есть на стенде «История нашего магазина», который висит прямо у входа* (Д. Донцова).

(10) *<...> накануне она крепко поругалась со стариком. Уж не знаю, что у них там вышло, но я заглянула вечером в столовую, а они почти в темноте шипят друг на друга, как змеи* (Д. Донцова).

(11) *Уж не знаю, какой женой и матерью была госпожа Лимонова, но кофе она варила отличный* (Д. Донцова).

В приведенных контекстах тому, что говорящий не может знать, противопоставляется информация, полученная путем непосредственного восприятия ситуации. Например, говорящий не может знать, правдивы ли сведения об истории магазина в (9), но видел, что они размещены на стенде, т.е. официально признаны как правдивые; ему неизвестно, что произошло между людьми в (10), но он видел, как они «шипят друг на друга», и т.д.

7. Союз *но*, который часто сопровождает *уж не знаю*, означает, что информация, заключенная в правой части конструкции с союзом, важнее содержания левой части (см. об этом [Санников 2008]). Поэтому то, что говорящий не знает, в контекстах типа (9) – (11) уходит на второй план как менее существенное для говорящего по сравнению с той информацией, которая имеется. Например, в (11) говорящий не знает, какая из Лимоновой жена и мать, но это для него и неважно, важнее то, что она варит отличный кофе.

Похожие контексты с *но* приводит В.З. Санников, см. примеры из [Санников 2008]:

(12) *Не знаю, долгие ли были сны, / Но странно было пробуждение* (Ф. Тютчев).

(13) *Не знаю почему, но немножко падаю* (М. Зощенко).

В.З. Санников предлагает для *но* в (12) и (13) следующее толкование:

«*X, но Y* = ‘причина или другая характеристика *X* ситуации *Y* неизвестна; это, по мнению *Г* [говорящего], не имеет существенного значения, поскольку решающим для описываемой ситуации является *Y*; а наличие *Y*-а не вызывает сомнений’» [Санников, 2008, с. 265].

Таким образом, в соответствии с данным толкованием, например, в (13) причина падения говорящему неизвестна, и это неважно, потому что важнее то, что он падает.

Контексты типа (9) – (11) устроены так же, как и (12) и (13): то, что неизвестно говорящему, менее важно, чем то, что он знает и может сообщить адресату.

Различия в степени важности фрагментов информации наиболее явно проявляются в контекстах, в которых «свое» противопоставляется «чужому»:

(14) *Я вошла в кафе, где дожидался меня Сарычев. Он сидел за столиком в самом темном углу и делал вид, что читает газету – просто прятался за ней, изредка выглядывая и испуганно осматриваясь по сторонам. Уж не знаю, как остальные, но я бы, увидев такое, сразу заподозрила бы что-то неладное* (Н. Александрова).

Очевидно, что то, как повели бы себя другие люди в описываемой ситуации, говорящего не очень интересует, и *уж не знаю, как остальные* используется, скорее, для подчеркивания его уверенности в том, что он бы точно заподозрил неладное.

8. Высказывания с *уж не знаю* сочетаются с частицами *и*, *даже* и *прямо*:

(15) *Она приехала однажды, а Звоницкого нет. «Так он уволился давно, – сказала Любовь Ивановна с обидой. – Уж и не знаю, чем мы ему не угодили, только уволился, и дело с концом!»* (Т. Устинова).

(16) – *А я вам говорю, что печать кто-то снял! – вещал тоненький женский голос. – Мальчишки, – предполагал солидный мужской. – Нет, не мальчишки. <...> – Кто же тогда мог, Фаина Наумовна? – Уж даже и не знаю, что предположить-то! Небось мародеры?* (Д. Калинина).

(17) *Ты сперва пойдешь к Саиду, он на рынке главный <...>. Но с Саидом трудно договориться, недоверчивый он, уж и не знаю прямо, что придумать, чтобы он тебя принял* (А. Маринина).

Данные частицы объединяет то, что они вводят в рассмотрение некоторую шкалу и помещают описываемую ситуацию на ее последнее место.

Так, в (15) употребляется частица «*и* ассоциированного множества», выделенная Е.В. Урысон [Урысон 2011], см.:

(18) *Я и не подозревал о существовании этого магазина* (пример Е.В. Урысон).

Как считает Е.В. Урысон, частица *и* в примерах типа (18) предполагает множество ситуаций Q, аналогичных ситуации Р («я подозревал о существовании магазина») [Урысон, 2011, с. 280]. Так, «субъект мог бы знать о существовании данного магазина, или интересоваться им, или заходить в него и т.п., однако ничего из этого не имело места. Важно, что все это множество ситуаций ранжировано на некоторой шкале, и ситуация Р занимает на ней крайнее место: если не имело места Р, то заведомо не имеют места все другие ситуации из множества Q. Так, если субъект не подозревал о существовании магазина, то он не мог ни интересоваться им, ни заходить в него и т.п.» [Там же].

Даже также имплицитно указывает на наличие шкалы, где элементы множества, в которое входит описываемая ситуация (Р), определенным образом упорядочены, причем Р на такой шкале занимает последнее место (см. [Крейдли, 1997, с. 111]).

Прямо, так же как частицы *и* и *даже*, отсылает к максимуму шкалы, подчеркивая неожиданность использования говорящим «экстремального» наименования ситуации [Баранов и др., 1993, с. 163–164].

Сочетаемость *уж* с *и*, *даже* и *прямо* не случайна: *уж* тоже употребляется в контекстах, в которых выделяемая ею ситуация помещается на крайнее место в некоторой предполагаемой шкале, см., например, сочетание *уж тем более* (такие же свойства имеют *уж давно*, *уж давно*, *уж давно* и др.):

(19) *Ольгу Васильевну она [Мара] раздражала. Не хотелось с нею разговаривать, а уж тем более слушать ее хвастовство* (Ю. Трифонов).

Ситуация «слушать хвостовство Мары» мыслится говорящим как нежелательная в максимальной степени, поэтому, если оценка «не хотелось» верна для всего, что находится ниже по шкале, она заведомо верна и для этой ситуации.

Как показала И.Б. Левонтина, семантический компонент 'шкала' реализуется в самых разных контекстах с *уж* (см. [Левонтина, 2021]).

9. Как и *уж тем более* и другие сочетания с *уж*, *уж не знаю* имплицитно ранжированное множество ситуаций. Такое множество образуют возможные ответы на формулируемый говорящим вопрос. См.:

(10) *Уж не знаю, что у них там вышло...*

Говорящий допускает, что «выйти» могло P^1 , или P^2 , или P^3 и т.д.

То же допущение содержит и высказывание без *уж*:

(10') *Не знаю, что у них там вышло...*

Однако (10') и (10) не равнозначны: *уж* упорядочивает множество релевантных ответов P^1 , P^2 , P^3 ... по степени их стандартности, предсказуемости. Соответственно *уж не знаю* имплицитно, что говорящий допускает не только ожидаемый и предсказуемый в данных условиях ход вещей, но и неожиданный, экстраординарный. Так, в (10), по мнению говорящего, «выйти» могло не только то, что обычно происходит в подобных ситуациях, но и что-то отклоняющееся от нормы. При этом если относительно стандартного развития событий говорящий мог бы высказать какие-то предположения, то нестандартный ход вещей непредсказуем, и его говорящий знать не может.

Таким образом, (10') означает: «могло произойти всякое, поэтому я не знаю, что произошло», тогда как (10) передает другой смысл: «могло произойти всякое, в том числе и самое неожиданное, поэтому я не могу знать, что произошло».

Аналогичным образом интерпретируется, например, (14), в котором подчеркивается несущественность того, что говорящий не знает:

(14) *Уж не знаю, как остальные, но я бы, увидев такое, сразу заподозрила бы что-то неладное.*

Говорящий допускает, что другие люди («остальные») могли бы в данной ситуации повести себя по-разному, в том числе и довольно неожиданно, но говорящему это неважно, а важно то, как повел себя он сам.

10. *Уж не знаю* может свидетельствовать и о том, что говорящий считает, что в имеющихся условиях события в принципе не могли развиваться стандартно, и поэтому ему остается только предположить что-то совсем невероятное, см.:

(15) *Уж и не знаю, чем мы ему не угодили, только уволился, и дело с концом!*

(16) – *Кто же тогда мог, Фаина Наумовна? – Уж даже и не знаю, что предположить-то! Небось мародеры?*

(4) <...> *части называются «звеньями», не знаю уж, в честь чего, – цепью, что ли, казался ему собственный роман?*

В (15) говорящий не видит никаких разумных (то есть стандартных) причин увольнения сотрудника, считая, что такого, чем ему могли не угодить, не было; в (16) говорящий сам сообщает о том, что стандартные версии произошедшего уже исчерпаны; в (4) странная ситуация, с которой столкнулся говорящий, может получить только такое неожиданное объяснение.

См. также (6), где прямо говорится о том, что ответа на интересующий коммуникантов вопрос не существует:

(6) – *Чем он болел? Валя пожала плечами. – Вот уж не знаю. Подозреваю, что ничем.*

11. Итак, частица *уж* в сочетании *уж не знаю* выстраивает шкалу, полюс которой занимают ситуации, отклоняющиеся от нормы. Соответственно высказывание с *уж не знаю* свидетельствует о том, что говорящий допускает, что некоторая актуальная ситуация может развиваться по-разному – стандартно или нестандартно, и если стандартный ход вещей он еще мог бы себе представить, то нестандартное развитие событий непредсказуемо и он его знать не может.

Таким образом, *уж* «усугубляет» ситуацию: *уж не знаю* означает, что некоторая информация не просто неизвестна говорящему, но и недоступна. Поэтому говорящий не может построить свое сообщение таким образом, как, по его представлениям, этого ожидает адресат. В результате *уж не знаю* и воспринимается в первую очередь как показатель нарушения стандартного порядка изложения информации (см. начало данной статьи).

Литература

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 208 с.
2. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 752 с.
3. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М. Наука, 1990. С. 194–203.
4. Крейдлин Г.Е. Лексема *ДАЖЕ* // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Языки русской культуры, Русские словари, 1997. С. 108–120.
5. Левонтина И.Б. Загадки частицы *уж* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Бекасово, 4–8 июня 2008 г. Вып. 7 (14). М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 306–310.
6. Левонтина И.Б. Семантический компонент ‘шкала’ в значении дискурсивной частицы *уж* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Москва, 16–19 июня 2021 г. Вып. 20 (27). Основной том. М.: РГГУ, 2021. С. 473–482.
7. Овчинникова Т.Е. Способы репрезентации пространственно-временного компонента у модальных частиц (на примере частицы *уж*) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ, 2008. № 2. С. 71–77.
8. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Союзное образование «если уж»: разноаспектное описание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). В 3 ч. Ч. 2. С. 130–133.
9. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
10. Урысон Е.В. *Уже* и *уж*: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 531–541.
11. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

ЭТО САМОЕ: СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Сунь Сяоли

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье показано соотношение функционально-грамматических вариантов устойчивого сочетания «это самое» в русской устной речи и выявляется несогласованность дефиниции данной конструкции в словарях и ее реального употребления в речи носителей языка.

Abstract. The article shows the correlation of functional and grammatical variants of a set expression «eto samoe» in Russian oral speech and reveals the inconsistency of the definition of this construction in dictionaries and its real use in the ordinary speech of native speakers.

Ключевые слова: прагматический маркер, корпусный подход, устная речь, ядро и периферия, прагматикализация.

Key words: pragmatic marker, corpus approach, oral speech, core and periphery, pragmaticalization.

В академических изданиях *самый* характеризуется как определительное местоимение [МАС, 1988, с. 25–26] или местоименное прилагательное [БТС, 2000, с. 1147]. Согласно словарным дефинициям, слово *самый* употребляется «при указательных местоимениях “*тот*”, “*этот*” для их уточнения в значении: *именно, как раз* <...> // Разг. Употребляется в сочетании с местоимением “*этот*”, которое указывает на прежде названный или известный из предыдущего предмет, лицо. *Мне всегда хотелось сыграть в диккенсовском “Сверчке на печи”. Но я до сих пор не представляю себе, какие они эти самые сверчки. Ю. Семенов. Майор “Вихрь”*» [МАС, 1988, с. 25]. Словари определяют данную единицу через ее лексико-грамматическое значение без учета прагматического (реальной функции в реальном употреблении). Слово *самый* в повседневной речи часто попадает под действие процесса *прагматикализации* и в результате практически утрачивает свое словарное значение, «превращаясь» в прагматический маркер (ПМ) *это самое* (ЭС), функционирующий во всех своих грамматических формах [Прагматические маркеры..., 2021, с. 435–458].

Согласно мнению В.Н. Волошинова, «язык живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка» [Волошинов, 1993, с. 74]. Многие единицы современного лексикона активно употребляются в современной живой речи, но попадают при этом только в периферийную зону словарных статей в традиционных толковых словарях литературного языка, а порой не находят никакого отражения даже и там, что вызывает особый интерес лингвистов-исследователей (см. об этом: [Богданова-Бегларян, 2020]). Корпусный подход к отбору и систематизации речевого материала создает благоприятные условия для описания таких единиц в рамках даже не лексикографии, а *речеграфии* (см. об этом термине: [Приемышева, 2020, с. 58]).

Источником материала для настоящего исследования стал корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус..., 2013; Русский язык..., 2016]). Для конкретного анализа были выбраны 522 текста, содержащих 526 употреблений конструкции *это самое* и 11 употреблений других ее грамматических форм (*этот самый, эта самая, эти самые, этого самого* и под.).

Контекстный анализ материала показал, что только 46 конструкций ЭС (8,7 %) употребляются в качестве местоименных сочетаний, несмотря на то что именно такие употребления находятся в ядерной зоне словарной статьи, ср.:

1. *хо... хоть я сам эти самые спектры снимал;*
2. *а в нос (э) это (...) этим самым биопароксом / да ?*

Это показывает известную «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова, 2012, с. 65]. Перспективной задачей современной лексикографии является фиксация тонких оттенков значения (лексического, грамматического и прагматического) слова в тексте и отражение восприятия описываемого предмета, понятия или явления рядовым носителем языка.

Остальные 480 вхождений конструкции ЭС (91,3 %) относятся к ее употреблениям в качестве прагматического маркера, что не описано ни в словарях, ни в грамматиках. Маркер ЭС функционирует в устной речи в различных своих грамматических формах (*этот самый, эта самая, это самое, эти самые, этого самого...*), хотя наиболее часто встречается его «классический» вид – форма Им.-Вин. п., ср. р., ед. ч. (*это самое*) (290 из 480 единиц, 60,4 %). Все употребления маркера ЭС в рассматриваемых текстах можно разделить на три функциональных типа: 413 (78,5 %) хезитационных маркеров, 52 (9,9 %) разграничительных маркера и 15 маркеров самокоррекции (2,9 %) (о типологии ПМ, положенной в основу настоящего исследования, см. подробнее: [Прагматические маркеры..., 2021, с. 28–33]). Рассмотрим ряд примеров (об особенностях орфографического представления материалов корпуса ОРД см.: [Русский язык..., 2016, с. 242–243]).

- (3) *её можно хоть / это самое / под металл / *П хоть вот такого цвета;*
- (4) *мне наверное ... Танечка% ! будь ласка / это самое / спроси у Анечки%;*
- (5) *а ещё один *Н // # и что я должен вот этот самый же... же... ш... талончик да / засунуть ? # да;*
- (6) *то там анализируют / языковые / они же (э) эти самые / филологи / изучают понимаешь / состав языка / то сё;*
- (7) *ну это этот самый / первая хирургия;*
- (8) *ну ты(:) (э) это самое ... свежий завару / вон там в другую @ потому что (...) то что в чайнике ... *П там что-то осталось / да ?*
- (9) *поэтому (...) я думаю / что () может быть / или(:) () она не высохла просто / или(:) (...) *В (н-н) нас... насос () тоже / этот самый ...;*
- (10) *о какой-то ужас // мы () это самое уже / *П вчера / в... они вышли из зала заседания // *П я говорит ... *П я говорю / Коля% / тебя прессуют // *П я говорю / а чего ты правду не скажешь ? что твоя мать ... @ *Н ты ему как бы жена.*

Употребления ЭС в роли маркера-хезитатива систематизировать оказалось легче всего, потому что в повседневной коммуникации заминка (хезитация) обычно появляется у говорящего при поиске разных лексических средств для продолжения речи [Звуковой корпус..., 2015]. Объектом поиска в приведенных выше контекстах являются разные единицы: словоформа-обстоятельство ([сделать, покрасить] *под металл*) (3), имя существительное или именная группа в разных синтаксических функциях (*талончик, филологи, первая хирургия*) (5)–(7) и глагол-сказуемое (*спроси, завару*) (4), (8).

Найденные в результате хезитационного поиска единицы могут следовать либо сразу после ЭС (в режиме *онлайн*) – см. примеры (3), (4), (6), (7), – либо дистанционно (в режиме *офлайн*) (5), (8). Дистанция между ЭС и найденным словом может быть заполнена либо

значимыми единицами (*свежий*), либо оборванными фрагментами, дополнительно свидетельствующими о затруднениях говорящего в подборе нужного слова (*же... же... ш...*).

В примерах (5) и (6) видна гармония форм ЭС и найденного имени (*этот самый <...> талончик; эти самые / филологи*), в то время как в примере (7) можно наблюдать дисгармонию этих форм (*этот самый / первая хирургия*).

Хезитационный поиск может быть удачным, как в примерах (3)–(8), или неудачным (9)–(10), когда говорящий так и не подобрал нужного слова (в обоих случаях – глагола-сказуемого). Видно, что в таких контекстах много и других признаков того, как трудно порой говорящему построить реплику и связно выразить мысль: это и заминки разной протяженности – *()*, *(...)*, *(*П)*, – и растяжки гласного – *или(:)*, – и неречевые звуки (*н-н*), и паралингвистические элементы (**В*), и обрывы слов (*нас...*, *в...*). Если хезитации в принципе свойственны любой устной речи, от них не «застрахован» ни один носитель языка, то по результату хезитационного поиска можно зачастую судить об уровне речевой компетенции (УРК) говорящего: удачный поиск свидетельствует о способности человека быстро выйти из коммуникативного затруднения, неудачный поиск – об отсутствии навыка спонтанного говорения и в целом о низком УРК.

(11) *вот в уборной чем-нибудь таким # ладно / пойдём / там Наташа% наверно уже загулялась с нашим молодым человеком # ну ничего / ничего // *П самое... П пусть молодой человек от... отдохнет от нас / да ?*

(12) *если ты говоришь / что у них летом мёртвый сезон // *П это самое.*

В примерах (11)–(12) можно видеть хезитацию без видимой мотивации: здесь ЭС используется в качестве чисто хезитационного маркера, без явного поиска. И в данном случае, как показал проведенный анализ, чаще употребляется «классическая» форма *это самое*, в том числе редуцированная – см. *самое* в примере (11).

Довольно частотным явлением в речевой коммуникации можно считать самокоррекцию, которая часто сопровождается хезитативными паузами, ср.:

(13) *слушай / а у меня так и не прис... / это самое / не было твоей смски;*

(14) *я про что тебе говорю / н(:)не просто это самое / (э-э) не про то / как ты там с кем-то общаешься / а просто вот для (э) своего внутреннего там (...) понимания ситуации.*

В примере (13) говорящий, осознав, что начал произносить не то слово, перебивает себя, использует маркер самокоррекции ЭС и выбирает, в конце концов, правильное сказуемое (*не прис... → не было*). В примере (14) говорящий, в результате коррекции, также сопровождаемой маркером ЭС, заменяет уже произнесенное слово (*не просто → не про то*), чтобы дальше составить довольно пространное сложное предложение. Любопытно, что единица *просто* все же используется далее в этой реплике, из чего можно заключить, что в данном случае мы имеем дело с «эффектом, противоположным тому, который получил в лингвистике название “прайминг” (активация специфических ассоциаций в памяти) (см. [Русакова, 2012, с. 40])»: говорящий, по всей видимости, «перенастраивает цепочку команд преждевременно, еще не успев произнести текущую словоформу, под влиянием последующей (здесь и далее в цитате курсив автора – С. С.) звуковой последовательности, о которой уже невольно думает (наша мысль всегда несколько опережает язык)». Такое явление можно «рассматривать как своеобразную *преднастройку*, связанную с прогнозированием речевой цепи». Возможный вариант соответствующего термина – «фьючеринг» (от англ. *future* – ‘будущий’) (см. об этом: [Лю Даян, 2019, с. 82]).

В следующих контекстах зафиксированы все три типа разграничительных маркеров ЭС – стартовый (15), финальный (16) и навигационный (17)–(18):

(15) ну **это самое** / ну да / она такая / @ Конева% завтра не выходит ? ну завтра ...;

(16) в грубой форме это что ли / **это самое** *Н ?

(17) проверя... # а что нам надо / я так от тебя и не добилась # () в... **это самое** / плёнка нам нужна # плёночка нам нужна;

(18) потому что если ты это сделаешь / ты не получишь ничего / (...) скажи / что... вот / тебе что называется есть нечего / и лекарства не на что **это самое** / и ты вынужден там я не знаю / вагоны разгружать / и ты не можешь (...) никакую работу эту(:) вообще доде... ничего доделывать / просто.

В примере (15) это маркер начала реплики одного из коммуникантов в записи «речевого дня»; ЭС употребляется здесь в одном ряду с другим стартовым маркером ну. Причем оба эти ПМ являются одновременно стартовыми и хезитационными: полифункциональность в принципе свойственна русским ПМ (см.: [Прагматические маркеры..., 2021]).

В примере (16) исследуемая единица ЭС маркирует конец высказывания.

В двух следующих контекстах говорящие по каким-то причинам не смогли или не захотели продолжать начатую конструкцию, и в данном случае возникает некий обрыв связности – грамматической, как в примере (17), или смысловой, как в примере (18).

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что конструкция *это самое* в качестве прагматического маркера того или иного типа весьма частотна в русском устном дискурсе. В реальной коммуникации такие маркеры употребляются говорящими рефлексивно, без предварительного обдумывания, на уровне речевого автоматизма. Употребление ПМ *это самое* направлено в основном на заполнение паузы хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи. В перспективе будет интересно создать для этой единицы *шкалу прагматикализации*, на которую будут помещены все типы маркера ЭС в зависимости от степени их прагматикализованности, чтобы лучше изучать их типичные функции в современной устной русской речи.

Литература

1. Богданова Л.И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. № 2. С. 65–70.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова, 2020. № 2. С. 21–29.
3. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка // Вопросы философии, 1993. № 1. С. 60–82.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.
7. Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 201 с.
8. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV. С–Я. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 790 с.

9. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 528 с. (в печати).
10. Приемьшева М.Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии. Тринадцатые Шмелевские чтения. Тезисы докладов междунар. конф. 23–25 февраля 2020 г. / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59. Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
11. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / ред.: М.Д. Воейкова, Н.Н. Казанский, А.Ю. Русаков, С.С. Сай. М.: Языки славянской культуры, 2012. 568 с.
12. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СЛОВОМ *СТОИТ* / *СТОИЛО*

Тавафи Хоссейн

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Исследование фразеосинтаксических построений в русском языке активно развивается в рамках функционально-коммуникативного подхода к анализу единиц языка. В статье рассматриваются различные подходы к описанию фразеологизированной структуры с постоянным компонентом «стоит» в трудах современных российских ученых, а также в Русской грамматике 1980 года. Обращается внимание на описание структуры и семантики данной фразеосхемы.*

***Abstract.** The study of phraseosyntactic constructions in the Russian language is actively developing within the framework of a functional and communicative approach to the analysis of language units. In this article will be discussed various approaches to the description of a phraseological structure with a constant component “*stoum*” in the works of contemporary Russian linguists, as well as in the book “Русская Грамматика 1980” and also attention will be paid to the description of the structure and the semantics of this phraseoscheme.*

***Ключевые слова:** фразеосхема, фразеологизированная структура (ФС), синтаксический фразеологизм, значение обусловленности.*

***Key words:** phraseoscheme, phraseologized structure, syntactical phraseology, meaning of conditionality.*

Внимание современной лингвистики сосредоточивается на функционально-коммуникативном аспекте языка, предполагающем исследование особенностей реализации и функционирования языковых единиц в речи, а также на прагматических, социальных и психологических факторах речевого поведения личности.

Фразеологические обороты отличают воспроизводимость, целостность значения, устойчивость состава и структуры, и, как правило, непроницаемость структуры: *от мала до велика, во цвете лет, на седьмом небе, дело в шляпе* и др. Однако все перечисленные выше примеры относятся к так называемым лексическим фразеологизмам, кроме них лингвисты выделяют ещё одну группу устойчивых выражений, которые они называют фразеологизмами синтаксическими.

Синтаксические фразеологизмы (СФ) или фразеологизированные структуры (ФС) предназначены для выражения целого ряда субъективно-модальных значений - оценки,

согласия, возражения, необходимости, невозможности и т. д. Они всегда экспрессивно окрашены, сфера их употребления – разговорная речь, а также отражающие эту речь жанры художественной литературы и публицистики. В названных функциональных разновидностях языка СФ или ФС достаточно частотны, и владение этим материалом в известной степени необходимо всем иноязычным учащимся.

В.Ю. Меликян под фразеосхемой понимает «коммуникативную предикативную единицу синтаксиса, представляющую собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующуюся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающую логически и семантически членимое смысловое содержание (т. е. равное суждению), обладающую грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающуюся с другим высказыванием в тексте по традиционным правилам и выполняющую в речи эстетическую функцию» [Меликян, 2013, с. 153].

О неоднородности фразеологических единиц и о существовании нетрадиционных построений, находящихся на границе между лексикой и синтаксисом, упоминалось в работах В.В. Виноградова, В.И. Кодухова, Н.М. Шанского, А.А. Шахматова, Н.А. Янко-Триницкой и др.

Синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме *стоит (стоило) + кому/чему + инф. сов. в.*, имеют постоянный компонент – глагол *стоит/стоило* в сочетании с падежной формой местоимения д. п. и переменный компонент – глагол инфинитив сов. в. и союз «как».

Такой синтаксической структуры нет ни в одном фразеологическом словаре, но фразеосхемы указаны в некоторых педагогических книгах по синтаксису. Мы рассмотрим компоненты и значение этой фразеосхемы более подробно.

Фразеологизированная природа первой части данной структуры обусловлена следующими факторами. Слово *стоит* – это безличная форма глагола *стоять*, утратившая свое прямое лексическое значение и грамматические признаки и в сочетании с союзом *как* образующая постоянный компонент фразеологизированной структуры ФС.

Это слово значительно ослабило грамматическое значение времени: оно употребляется в форме настоящего времени (*стоит*) и прошедшего (*стоило*) в зависимости от временного плана всего высказывания. При этом форма прошедшего времени используется, если действие относится к прошлому, тогда как форма настоящего времени относит время действия и к настоящему, и к будущему (ср.: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее / как он пойдет смотреть ее*). Временной план высказывания определяется по форме времени глагола второй части ФС. Фразеологический характер анализируемой ФС обусловлен также тем, что инфинитив, занимающий позицию переменного компонента, всегда употребляется в форме совершенного вида, независимо от видовременной формы глагола второй части и общего значения всего высказывания.

ФС называет два события, связанные временными отношениями со значением следования с акцентированием минимальности интервала между ситуациями, указывает, что действие, второй части, происходит сразу после действия первой части. Ее содержание может быть передано предложением с союзом *как только*. Например: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее* – Как только он узнаёт о новой выставке, он идет смотреть ее; *Стоило матери получить письмо от дочери, как она сразу успокоилась* – Как только мать получила письмо от дочери, она сразу успокоилась.

Закономерности функционирования форм вида и времени глагола второй части фразеологизированной структуры ФС обусловлены временным планом передаваемой

ситуации, а также свойственным этой ФС значением однократности / многократности. Значение однократности связано с планом прошедшего (*стоило...*, *как*) и будущего (*стоит...*, *как*), оно выражается глаголами совершенного вида прошедшего и будущего времени: *Стоило ему узнать о новой выставке, как он пошел смотреть ее; Стоит ему узнать о новой выставке, как он пойдет смотреть ее.*

Значение многократности связано с планом настоящего и прошедшего времени, и на него указывает форма несовершенного вида глаголов настоящего и прошедшего времени второй части ФС: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее; Стоило ему узнать о новой выставке, как он шел смотреть ее.*

Высказывания этой ФС, как отмечает А.В. Величко, синонимичны временным предложениям с союзами «как только». Сравните:

– план настоящего, многократность: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее. Как только он узнаёт о новой выставке, он идёт смотреть ее.*

– план будущего, однократность: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он пойдет смотреть ее. Как только он узнает о новой выставке, он пойдет смотреть.*

– план прошедшего, однократность: *Стоило ему узнать о новой выставке, как он пошел смотреть ее. Как только он узнал о новой выставке, он пошел смотреть ее.*

– план прошедшего, многократность: *Стоило ему узнать о новой выставке, как он шел смотреть ее. Как только он узнавал о новой выставке, он шел смотреть ее* [Величко, 2016, с. 282].

Компонент с субъектным значением (форма *кому*) может быть не выражен. Такие предложения получают значение обобщенности: *В жизни Гумилева было много путешествий, приключений, даже подвигов. Но стоит внимательно присмотреться к его поэзии, как увидишь, сколь часто в ней фигурируют разные книги, имена поэтов, библиотеки, букинисты и т.п.* (Н.А. Богомолов. Предисловие к собр. соч. Гумилева).

В академической «Русской грамматике» 1980 есть раздел, который посвящен этой фразеологизированной структуре. В данном труде упоминается та же фразеосхема, не только с простым союзом «как», но также с союзами «чтобы» и «и», однако только с союзом «и» значение остается тем же самым.

К фразеологизированным конструкциям со значением обусловленности относятся предложения, оформленные двухместными союзными соединениями *стоит (стоило) – чтобы; стоит (стоило) – как; стоит (стоило) – и; достаточно – чтобы; достаточно – как; достаточно – и.*

Специфика таких построений состоит в следующем:

1. Союз не является здесь самостоятельным показателем связи, а выполняет связующую функцию совместно с грамматикализованной словоформой (*стоит / стоило*), которая выступает как связующее средство и одновременно участвует в формировании предикативной основы предшествующей части.

2. Композиционная схема таких построений, как правило, фиксирована: грамматикализованная словоформа обычно открывает собою сложное предложение.

3. Главная и придаточная части строго не противопоставлены друг другу, так как, во-первых, позицию подчинительного союза (*как, чтобы*) может занимать сочинительный союз; во-вторых, первая часть союзного соединения (*стоит, достаточно*) соотносится по функции с подчинительным союзом временной или условной семантики (*как только, если*).

4. В оформлении первой части действуют ограничения видового характера.

5. Значение достаточного основания представлено здесь всегда в осложненном виде: вторая часть указывает на неизбежное следствие, результат того, о чем сообщается в первой части, или на мгновенную и непосредственную реакцию. Таким образом, отношения обусловленности неотделимы здесь от значения непосредственного следования (*временного*); интервал между ситуациями или минимален, или вообще отсутствует [Русская грамматика, 1980, с. 604].

Помимо значения структуры «Русская грамматика» 1980 упоминает, что в отличие от построений типа *стоит (стоило) – чтобы*, где союз *чтобы* обязателен, союзы *как*, *и* могут опускаться. *Захочет чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть – уж трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание* (И. Гончаров. Обломов).

В предложениях, построенных по типу *стоит (стоило) – как, стоит (стоило) – и*, союзы «как» и «и» обычно взаимозаменяемы и встречаются в одном контексте: *Стоило ему [Репину], пренебрегая сюжетом, начать хлопотать об эстетике, как именно эстетика изменяла ему. Стоило ему увлечься «тенденциозной» сюжетностью – и он создавал шедевры* [Русская грамматика, 1980, с. 604–605].

В словаре устойчивых фраз русского языка В.Ю. Меликяна описываются фразеологизированные структуры или синтаксические фразеологизмы со словом «стоит», представляющие собой простое предложение, а не сложное. В том числе:

- «Один + N1 + чего стоит!»;
- «Один (-а, -и, -о) + N1 [Pron1] + <только> + чего стоит [стоил (-а, -и, -о), стоят]!»;
- «Чего стоит [стоил(-а, -и, -о), стоят] + один(-а, -и, -о) + <только> + N1 [Pron1]!»;
- «Чего стоит [стоил(-а, -и, -о), стоят] + один(-а, -и, -о) + N1 [Pron1] + только!».

Выражает уверенное утверждение, оценку предмета речи как полностью соответствующего представлениям о нем, иногда в сочетании с удивлением, неодобрением и т.п. Например;

– *Или вот зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоит* (Н. Гоголь. Портрет); *Одна квартира чего стоила, министерская обстановка...* (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб); *Никогда у них, у Пряслиных, не было столько счастья и радости, как в те далекие незабываемые дни. Одна только первая их страда чего стоит! Выехали на Синельгу – все мал мала меньше, думалось, и зарода-то им никогда не поставить: ведь первый раз, – когда с косками вышли на пожню, и косарей не видать. С головой скрыла трава, а поставили* (Ф. Абрамов. Дом).

- «Стоило + ли + V inf (н.в.)!»;
- «<И [да]> Стоит [стоило] + <ли> + V inf (н.в.) (?)!».

Выражает отрицание факта, о котором формально спрашивается, иногда в сочетании с удивлением, неодобрением, порицанием и т.п. Например:

– *Ну, стоит ли из-за пустяков горячиться* (А. Чехов. Учитель); – *Вот что, Колосов, поезжайте лучше домой, успокойтесь. Стоит обижаться на этого пьяного зверя!* (А. Чехов. Драма на охоте). *Стоить, безличный*, имеет смысл: «следует, надо».

Ему казалось, что он теперь только понимал, для чего стоит жить (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

- «Стоило + ли + того, чтобы + V inf (н.в.)!»;
- «<И [да]> Стоит [стоило] + <ли> + того, чтоб(-ы) + V inf (н.в.) (?)!».

Выражает отрицание факта, о котором формально спрашивается, иногда в сочетании с удивлением, неодобрением, порицанием и т.п. Например:

Пусть их кричат во всё горло, наплевать на них! Да и стоит ли того, чтоб о них заботиться! (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон).

Стоит, чего. По своему значению, качествам заслуживать чего-либо, быть достойным кого-, чего-либо.

Дело его так важно, что оно стоит расходов (П. Павленко. Путешествие в Туркменистан) [Меликян, 2016, с. 134–135].

Заключение

Фразеологизированная структура не является лексической единицей, но на ее значение влияет лексическое значение свободного компонента и контекст, интонационное оформление высказывания.

Фразеологизированная структура типа «*стоит + кому / чему + инф. сов.в., как*» представляет собой синтаксический фразеологизм, имеющий общие фразеологические характеристики и специфические синтаксические особенности: двукомпонентность, возможность реализации модального значения; возможность сокращения структуры.

«Русская грамматика» 1980 под редакцией Н.Ю. Шведовой и «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке» А.В. Величко описывают грамматическую структуру и значения фразеосхемы с разных аспектов. В книге А.В. Величко описание дополнено рассмотрением семантики этой фразеосхемы, а также отмечается, что высказывания этой ФС синонимичны временным предложениям с союзами *как только*, поскольку вторая часть этой ФС обусловлена первой частью, однако предложения с союзом «как только» являются построениями свободного синтаксиса. «Русская грамматика» 1980 в разделе, который рассматривает фразеологизированные структуры со значением обусловленности, больше внимания уделяет синтаксической функции компонентов этой ФС и обращает внимание на значения только тогда, когда это необходимо для выражения их синтаксической роли в ФС.

Литература

1. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособ. М., 1996. 96 с.
2. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М: МАКС Пресс, 2016. 412 с.
3. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М. Изд-во Моск. ун-та, 1958. 400 с.
4. Золотарева Л.А., Нгуен Ань Нам. Подходы к описанию фразеологических синтаксических конструкций русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. № 1. Ч. 2. С. 305–308.
5. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2013. 400 с.
6. Меликян В.Ю. Словарь устойчивых фраз русского языка: фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Наука, 2016. 336 с.
7. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы. Ростов-на-Дону: Донское книжное из-во, 2019. 268 с.
8. Русская грамматика. В 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
9. Ушакова А.П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 254 с.

ИМЕННЫЕ ЛОКАТИВНЫЕ ГРУППЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБЪЕКТОВ, НЕ ИМЕЮЩИХ ОБЪЕМА, В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т.Е. Чаплыгина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности выражения пространственных отношений именными локативными группами с существительными солнце, тень, свет, воздух. Анализ показал, что выбор предлогов «в» или «на» обусловлен особенностями восприятия мира носителями русского языка.*

***Abstract.** The article touches upon the subject of spatial relations expressed by means of noun groups with the nouns «солнце» (the sun), «тень» (shadow), «свет» (light), «воздух» (air). The research demonstrated, that the choice of prepositions «в» (in) and «на» (on) is largely due to the peculiarities of the perception of the world by native speakers of the Russian language.*

***Ключевые слова:** функционально-коммуникативная грамматика, языковая картина мира, именные локативные группы, пространственные предлоги.*

***Keywords:** functional-communicative grammar, linguistic world picture, noun groups with locative meanings, spatial prepositions.*

Для функционально-коммуникативной грамматики, нацеленной на обучение иностранных учащихся активному владению языком, принципиально важным является обращение к семантическому пространству языка, специфике национальной интерпретации явлений внеязыковой действительности. Важнейшей задачей, наравне с описанием семантического пространства языка, является описание языковых механизмов, которые помогают выбрать адекватные языковые средства для реализации коммуникативных задач, возникающих в речи [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова, 2001].

Одной из категорий внеязыковой действительности, имеющей национально специфические средства выражения, является категория места, определяемая как «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира – локума» [Всеволодова, Владимирский, 2008, с. 6]. Несмотря на то что способы выражения локативных отношений в русском языке достаточно глубоко описаны, находятся «участки», требующие дальнейшего осмысления. Так, употребление пространственных предлогов *в* и *на* в именных локативных группах тесно связано с отражением в национальном языковом сознании пространства и человека. Преподаватели русского языка иностранным учащимся убеждаются в справедливости этого утверждения в каждодневной практике, стремясь найти эффективные пути и алгоритмы решения коммуникативных задач.

Как отмечается в работе М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского, по отношению к пространственным объектам, у которых «нельзя противопоставить внутренний объем и внешнюю поверхность» реализуется значение общей сопространственности [Всеволодова, Владимирский, 2008, с. 30]. К таким объектам, объём которых невозможно точно определить, либо не имеющих объёма в привычном трехмерном понимании, относятся, в частности, названия стихий, природных и погодных явлений: *воздух, свет, тень, темнота, туман, ветер, солнце* и т.п.

Для практики преподавания языка как неродного важно знать реальное употребление языковых единиц, учитывать ограничения, накладываемые узусом на их использование в речи, особенно в тех случаях, когда, например, предлоги *в* и *на* употребляются с одним существительным: *в воздухе / на воздухе, в свете / на свету, в ветре / на ветру*.

Анализ языкового материала позволил описать некоторые особенности функционирования именных локативных групп с предлогами *в* и *на*, формируемых существительными, называющими объекты с неопределенным объемом. (Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка.)

Как оказалось, носители русского языка по-разному воспринимают предметы, освещенные лучами солнца, и предметы, закрытые каким-либо объектом от прямого солнечного света. «Солнечные» объекты для нас находятся на открытом месте, а находящиеся в тени – внутри некоторого ограниченного пространства, объема. Мы говорим *на солнце*, но *в тени*. Можно сделать предположение, что на выбор предлога влияет наличие видимой границы между светом и тенью: *Они сели – головы в тени, ноги на солнце* (И. Грекова); *Но долго вот так лежать на солнце, когда в нескольких шагах от тебя дышит ласковое волшебство, по имени море, Нинка не могла* (В. Мухарьямов), *Девушка-экскурсовод ела мороженое в тени* (С. Довлатов). При этом возможно появление дополнительного смысла: 'наличие условий освещенности': *Акониты обладают большой экологической пластичностью, они могут расти и на солнце, и в тени, и в полутени* (С. Курганская).

Локализация объекта на освещенном солнцем месте может конкретизироваться в именной группе *на солнцепёке*: *Над озерцом в песчаном карьере на солнцепеке кружились мошки* (В. Михальский); *Он сел на солнцепеке и привалился к стене армянского монастыря* (В. Аксенов). Еще большая степень точности локализации достигается при введении прилагательного *самый*: *Они стояли рядом на самом солнцепеке* (Б. Окуджава); *Казак богатырски хралел, лежа ничком на самом солнцепеке* (С. Григорьев).

Дополнительное указание на «источник» тени, т.е. предмет, создающий тень, тем самым конкретизирует очертания теневой части: *Майор с режиссёром курили в тени от пивного ларька* (С. Довлатов); *Теймраз лежал в тени орехового дерева, продолжая скрести почти погашенную рубашку* (Ф. Искандер).

Интересно, что для обозначения локализации в месте, освещаемом луной, именная группа *на* + *Предл. п.* не используется, т.е. *лежал на солнце* можно сказать, а **лежал на луне* в данном случае будет ошибочным. Можно указать на сочетание *при луне*: *Стоит предо мною бутылка вина <...> Блестит при луне, как смеётся она <...>* (М. Горький). Но все же *при луне* нельзя считать полным смысловым аналогом синтаксемы *на солнце*, т.к. помимо смысла 'место, освещаемое светом луны' присутствуют дополнительные значения причины и времени: *Ночью при луне там все делается совсем другим, оживают боги и герои* (И. Ефремов) (= из-за лунного света, когда светит луна).

Приращение значения причины возможно и в локативной именной группе *на солнце*: *Поезд блестит на солнце, как будто серебряный, и солнечные зайчики прыгают по траве и по виноградникам <...>* (В. Голявкин); *На нем вышитая рубашка, загорелая лысина блестит на солнце* (В. Беляев) (= из-за яркого света солнца).

Отметим возможность экспликации с помощью именной группы *в свете* + *Род. п.* значения освещенности некоторого места, пространства светом, идущим от:

– природного источника (в свете луны, в свете солнца, в свете звезд): Семена одуванчиков летали **в свете солнца** по залу, как белые мерцающие огоньки (К. Паустовский); Она пробирается **в свете звезд**, через цепляющие кусты шиповника (И. Шмелев); Вдруг прямо перед ним заблестела **в свете луны** круглая голова дельфина (В. Мезенцев);

– рукотворного источника: Их носы тускло поблескивали **в свете свечи** (Е. Водолазкин); Хлопья кружатся **в свете лампы**, как черные, странные мотыльки (В. Лорченков); Степан встал, распахнул дверь, **в свете фонарика** кто-то высокий, укутанный шарфом, обивал сапоги о поленницу (В. Ремизов); Её белая блузка мелькнула **в свете костра** и скрылась во мраке <...> (Е. Ильина); Ей привиделся тот человек, которого она видела **в свете окна** (П. Акимов).

Русский язык дает нам еще одну возможность передать значение локализации объекта в освещенном пространстве – с помощью именной группы *на свету* со значением 'открытое освещенное пространство без акцента на его границах': Цвет зависит от того, как долго растение было **на свету** (Г. Делеринс); Лица у играющих темные, а ноги **на свету** (П. Гнедич); Но, стоя теперь в тени, я помню, что был и **на свету** и что в эту самую минуту есть много людей, стоящих **на свету** (В. Короленко).

При использовании локативных именных групп *в свете, на свету* значение общей сопостранственности может осложняться значением причины: Красное **в свете солнца** старое лицо Нестеренко улыбалось ему (Г. Бакланов) (= из-за света солнца); Волосы его были ещё мокрыми, блестели **на свету** (С. Шуляк) (= от света).

Темнота, тьма, туман, дым воспринимаются носителями русского языка как имеющие объём, при локализации в них предметов используется именная группа *в(о)+Предл. п.* (в тумане, в темноте, во тьме, в дымке, в дыму): Все сидели **в темноте** и грустно молчали (Г. Юдин); **Во тьме** гремело и шурило: это самые предприимчивые, пользуясь суматохой, хватали, что плохо лежит (К. Букша); **В тумане** маячила отчуждённая фигура рыбака, то и дело махающего удилицем (В. Астафьев); Утес, под который маралы свалились, за кормой остался, **в дымке** исчез (В. Астафьев); **В дыму** в табачном, как **в тумане**, Плясал одесский уркаган! (Д. Саврасов).

Для данных именных групп также характерны смысловые приращения, когда к значению локативности добавляются (а иногда и выходят на первый план) значения причины, условия: Глуховатое **в тумане** эхо перекатилось через болото и заглохло (В. Быков) (= из-за тумана, в условиях тумана); **В темноте** я почти не различала дороги (Е. Самойлова) (= из-за темноты); Какие-то взрывы, судя по звуку, не бомбы. **В дыму** не видно (Н. Амосов) (= из-за дыма).

С существительным *воздух* возможны формы *в+Предл. п.* и *на+Предл. п.*: в воздухе и на воздухе. Воздух воспринимается нами как некое пространство, имеющее объём, отсюда закономерно употребление предлога *в*: В траве стрекотали кузнечики, **в воздухе** жужжали слепни и мухи, и наперегонки носились разноцветные бабочки (В. Кологрив); Ещё сто лет назад существовал номер «Дама **в воздухе**» (И. Кио); **В воздухе** действительно стоял запах ландышей и молодого берёзового листа (Л. Петрушевская); Ветви, черный дым, снежная пыль **в воздухе** носятся (Н. Тихонов).

При этом возможны случаи, когда воздух воспринимается как объём, а земля и вода как «несущая поверхность», учитывается реальное место осуществления события: В целом вооружённая борьба будущего будет носить объёмный, воздушно-наземный характер с одновременным ведением взаимосвязанных боевых действий **на земле, в воздухе и на море** (М. Гареев).

Именная локативная группа *на воздухе* используется для передачи значения 'вне помещения' и не имеет значения «воздушное пространство»: *Правда, в доме было гораздо холоднее, чем на воздухе* (И. Бунин); *Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее* (И. Тургенев); *Все расположились на воздухе, в саду* (З. Гердт).

Значение именной группы *на воздухе* может осложняться дополнительными смыслами 'при наличии воздуха', 'из-за наличия воздуха', т.е. условия и причины: *По их словам, серебряные вещи, находимые в земле, – из хорошего серебра, лучше, чем наше, оно лучше плавится и меньше чернеет на воздухе* (А. Белавин); *Гораздо важнее другое – геологическое и особенно петрохимическое исследование образца с вершины горы показало, что базальт такого типа мог образоваться только при застывании лавы на воздухе, а не под водой, то есть на поверхности океана* (А. Городницкий); *Если же эту жидкость поджечь на воздухе, она сгорит красным коптящим пламенем с зелено-фиолетовой каймой* (И. Леенсон); *На воздухе углеродные волокна способны окисляться при повышенных температурах* (К. Перепелкин).

Существительное *ветер* может выступать в форме *в+Предл. п.* и *на+Предл. п.* (*в ветре* и *на ветру*). В отличие от именных групп *в воздухе* и *на воздухе*, значения которых расходятся, именные группы *в ветре* и *на ветру* близки по значению, называют конкретные погодные условия в месте, где находится объект, происходит действие или событие: *В ветре полоскался белый парус* (Р. Гуль); *А души вырванных Насильственно из жизни вились в ветре, Носились по дорогам в пыльных вихрях, <...>* (А. Щеглов); *На ветру и холоде в городе ещё торговали арбузами, а Караганда плыла и плыла на степных ветрах в будущую зиму <...>* (О Павлов); *Буквально целый день он пробыл на ветру и дожде в своей демикотоновой шинели, осматривая сараи, конюшни, погреба, чердаки, <...>* (Г Успенский).

Пространственное значение *в ветре* и *на ветру* может осложняться дополнительными смыслами причины, времени: *Те цветы были в ветре еще душистее* (М. Гаспаров); *На кирпичной, расклеванной пулями стене раскачивался в ветре фонарь, занавешенный портянкой* (А. Веселый); *Самолёт горел на ветру рьяно и радостно* (И. Грекова); *Слёзы высыхали на ветру* (В. Токарева); *Или рассказать, что на ветру степь кричит на разные голоса?* (В. Иванова) (= из-за ветра, когда дует ветер).

Как можно видеть из приведенных наблюдений, при передаче пространственных отношений существительными *воздух, ветер, солнце, свет, тень, темнота, туман* выбор предлогов *в* и *на* связан с концептуализацией, отражением в русском языковом сознании пространства и человека. При этом локативная семантика именных групп с этими существительными может осложняться дополнительными смыслами, чаще всего каузальности, времени, условия. Учёт этих особенностей, на наш взгляд, будет полезен при выработке эффективных стратегий работы с этим материалом в иностранной аудитории.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–233.
2. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: URSS, 2008. 281 с.

СИНТАКСИС ТЕКСТА

ПОТЕНЦИАЛ НАЧАЛА КАК СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗНАЧИМЫХ МОТИВОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ПЛАТОНОВА)

А.А. Анисова

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье представлена роль начала как сильной позиции текста. Анализ начала рассказа А.П. Платонова «Река Потудань» показал, что в нем обнаруживаются лексемы, повтор которых происходит в последующем тексте, что позволяет выявить не только основные мотивы произведения, но и взаимосвязь их.

Abstract. The article investigates the role of the beginning as a strong position of the text. The author proves that repeating lexemes at the beginning of A. Platonov's story «The Potudan River» occurs in the subsequent text, which makes it possible to define not only the main motives of the story but also their interconnection.

Ключевые слова: начало текста, сильная позиция текста, А.П. Платонов, язык художественного произведения.

Keywords: the beginning of the text, the strong position of the text, A.P. Platonov, the language of fiction.

Данное исследование ставит своей целью рассмотреть роль начала как сильной позиции текста, в частности, проследить, как уже в начале произведения в лексике могут быть заявлены значимые темы и мотивы последующего повествования.

Исследователи отмечали роль начала для анализа семантики всего произведения. Так, начало текста зачастую является одной из его сильных позиций, то есть элементом текста, в котором содержатся ключи к пониманию всего последующего повествования. Ю.М. Лотман, говоря о роли начала текста, отмечал, что читатель может черпать из него «в какой системе закодирован предлагаемый ему текст» [Лотман, 1970 с. 265], то есть «получить максимально полное представление о жанре, стиле текста, тех типовых художественных кодах, которые ему следует активизировать в своем сознании для восприятия текста» (там же). В.А. Лукин отмечает, что существует тенденция к расположению самопонятных и автосемантических фрагментов (то есть таких, которые могут прояснить содержание текста) в начале и в конце текста [Лукин, 2005, с. 88]. И.В. Арнольд подчеркивает, что в начале произведения может быть сообщена «ключевая тема <...> с максимумом компрессии» [Арнольд, 2010, с. 235] и предлагает анализ текста путем выявления «тематической сетки» произведения (там же). Тематическую основу или сетку составляют повторяющиеся в нем значения, которые являются «наиболее существенными для смысла целого текста» [там же, с. 213] и могут быть выражены «повторами слов, повторами сем или повторами тем» [там же].

Е.Д. Толстая отмечает, что для прозы «вообще характерна неоднородная организация – есть некоторые “стратегические” куски, где степень организации выше, чем вокруг них в тексте» [Толстая, 2002, с. 229]. К таким она относит *начало, конец, кульминацию эпизода* [там же, с. 230] и предполагает, что в таких особо отмеченных местах в некоторых видах прозы «семантическое взаимодействие слов <...> гораздо сильнее, чем принято думать» [там же].

Значение начала для произведений А. Платонова отмечали некоторые исследователи его творчества. Так, А. Харитонов вступительную часть (которую он называет первой

главою) повести «Котлован» называет «эмбрионом» всего произведения, в котором намечаются «все основные философские темы произведения», заключаются «в свернутом виде его важнейшие сюжетные мотивы» [Харитонов, 1995, с. 71], а также «закодирована философская, этическая и эстетическая система повести, представлены основные элементы ее предметного мира и даже анонсированы сюжетные роли некоторых героев “Котлована”, пока еще не вступивших в действие» [там же, с. 71–72]. С этим согласна Н. Дужина, которая называет вступительную часть «Котлована» экспозицией к повести и отмечает, что в ней заданы значимые для произведения темы и мотивы, а также важная антитеза и основные символы повести [Дужина, 2010, с. 161–162]. Б. Бобылёв, анализируя повторы лексики, возникающей уже в начале рассказа «Река Потудань», находит там «как открытое <...>, так и скрытое воплощение» [Бобылев, 2009, с. 53] темы времени.

Данное исследование также обращено к рассказу А. Платонова «Река Потудань» и проанализировать роль начала для выявления значимых тем и мотивов произведения.

Рассмотрим первый абзац этого рассказа:

*Трава **опять** отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась. В мире, по губерниям **снова** стало тихо и малоллюдно: некоторые люди умерли в боях, многие лечились от ран и отдыхали у родных, забывая в долгих снах тяжелую работу войны, а кое-кто из демобилизованных еще не успел **вернуться** домой и **шел** теперь в старой шинели, с походной сумкой, в мягком шлеме или овечьей шапке, – **шел** по густой, незнакомой траве, которую раньше не было времени видеть, а может быть – она просто была затоптана походами и не росла тогда. Они **шли** с обмершим, удивленным сердцем, **снова** узнавая поля и деревни, расположенные в окрестности по их дороге; душа их уже переменялась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы, – они **шли** теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей – они выросли от возраста и поумнели, они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас стала идеей их пока еще небольшой жизни, не имевшей ясной цели и назначения до гражданской войны. Поздним летом **возвращались** домой последние демобилизованные красноармейцы. Они задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали, и лишь теперь им велели **идти** домой к своей и общей жизни* [Платонов, 2011, с. 425–426].

Здесь можно выявить тему возвращения, которая, возникая в первом абзаце рассказа, поддерживается повторами лексем, репрезентирующих ее, на протяжении всего текста. В этом отрывке потреблены два однокоренных слова «вернуться» и «возвращаться», представляющих эту тему. Также ее выражает лексема «идти» (употребленная в разных формах 5 раз), которая используется для описания возвращения людей с войны: <...> *а кое-кто из демобилизованных еще не успел **вернуться** домой и **шел** теперь в старой шинели, с походной сумкой, в мягком шлеме или овечьей шапке, – **шел** по густой, незнакомой траве, которую раньше не было времени видеть, а может быть – она просто была затоптана походами и не росла тогда* [там же, с. 425].

Исследуемая тема в начале дана обобщенно, затем во втором абзаце происходит конкретизация: *По взгорью, что далеко простерто над рекою Потудань, уже вторые сутки **шел** ко двору, в малоизвестный уездный город, бывший **красноармеец Никита Фирсов*** [там же, с. 426]. Через употребление глагола «идти» применительно к герою, мы понимаем, что он также возвращается, и тема возвращения связывается с ним.

Далее непосредственное возвращение Никиты домой описано глаголами движения с приставками, указывающими на достижение цели действия: *Никита подошел к завалинке и постучал в окошко отца; <...> Никита вошел в старую комнату, <...> Никита снял сумку и шапку, медленно разделся и сел на кровать* [там же, с. 427–428]. Глагол «сесть» также репрезентирует тему возвращения и маркирует окончание пути героя.

Однако далее в тексте снова появляются глаголы движения, репрезентирующие тему возвращения: *На другой день после возвращения с гражданской войны Никита пошел в военный комиссариат, чтобы его отметили там в запас. Затем Никита обошел весь знакомый, родной город, и у него заболело сердце от вида устаревших, небольших домов, сотлевших заборов и плетней и редких яблонь по дворам, многие из которых уже умерли, засохли навсегда* [там же, с. 429].

С одной стороны, в тексте говорится, что герой вернулся («после возвращения»), однако повтор глаголов движения сигнализирует, что возвращение не состоялось. Это впечатление невозвращения усиливается употреблением глагола «обошел», приставка которого указывает на движение по кругу.

Следующий абзац повторяет в миниатюре все возвращение героя домой, что видно из повтора лексем («идти», «сесть»): *Он медленно прошел мимо дома с зелеными ставнями, куда он некогда ходил в гости с отцом. <...> Никита внимательно посмотрел в окна этого дома; занавесок на окнах теперь не было, по ту сторону стекол виднелась чужая тьма. Никита сел на скамейку около калитки обветшалого, но все же знакомого дома. <...> Никита направился к себе домой* [там же, с. 430]. Здесь герой подходит к дому Любы, девушки, которая ему нравилась до войны. Однако он и отсюда уходит. Таким образом, возвращения героя не происходит.

Лексика тематической группы (ТГ) «Возвращение» появляется не только при описании главного героя:

На главной улице уезда было небольшое гулянье, потому что народ начал оживать после войны. Сейчас по улице шли служащие, курсистки, демобилизованные, выздоравливающие от ран, подростки, люди домашнего и кустарного труда и прочие, а рабочий человек выйдет сюда на прогулку позже, когда совсем смеркнется.

Почти все прохожие, даже те, которые шли под руку, будучи женихами и невестами, имели при себе что-нибудь для хозяйства. Женщины несли в домашних сумках картофель, а иногда рыбу, мужчины держали под мышкой пайковый хлеб или половину коровьей головы либо скупо хранили в руках требуху на приварок, Но редко кто шел в унынии, разве только вовсе пожилой, истомленный человек. Более молодые обычно смеялись и близко глядели в лица друг другу, воодушевленные и доверчивые, точно они были накануне вечного счастья [там же, с. 430–431].

Через повтор слов «шли», «шел» можно проследить параллель с первым абзацем рассказа – люди не только возвращаются домой, но как бы тоже возвращаются с войны – к мирной жизни.

В этой толпе идущих людей находится и Люба (которую Никита помнит с довоенной жизни и к дому которой он приходил ранее), она называется «прохожей» – то есть она тоже пытается вернуться: *Боясь ошибиться, он медленно поглядел на ближних прохожих. Но их сейчас было всего два человека, и они уже миновали его. Никита оглянулся, – большая, выросшая Люба остановилась и смотрела в его сторону. Она грустно и смущенно улыбалась ему* [там же, с. 431].

При анализе темы возвращения в рассказе можно выявить, что она распадается на две: «**возвращение обратно**» и «**возвращение как повторение**».

Тема **повторения, движения по кругу** также вербализуется в первом абзаце рассказа через лексемы *опять, снова* (2 раза).

Тема повторения как движения по кругу усиливается употреблением в переносном значении глагола *идти* и его дериватов со словами ТГ «Время» *день* (2), *осень, время* (2), *жизнь: Пыль лета и долгого бездождия высоко стояла в воздухе, сделав более неясным и слабым небесный свет, но все равно время мира, как обычно, шло вдалеке вослед солнцу* <...> [там же, с. 426]; *День пошел к вечеру, – скоро отец придет ночевать, надо будет подумать с ним, как жить дальше и куда поступать на работу* [там же, с. 430] и др.

Возвращение как повторение ассоциируется с циклическим, чаще всего природным ритмом и связывается с **темой природного цикла**, что подчеркивается употреблением лексемы *опять* уже в первом абзаце рассказа в соединении со словом «травы» – это первые слова рассказа: *Трава опять отросла по набитым грунтовыми дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась* [там же, с. 425].

Лексемы «снова» и «опять» частотны при описании жизни Никиты на базаре, где он остановился, когда ушел от жены:

За последнее время уже несколько ночей подряд сторож прогонял с базара одного и того же человека. Когда сторож толкал его, спящего, тот вставал и уходил, ничего не отвечая, а потом опять лежал или сидел где-нибудь за дальним рундуком. <...> Раза два сторож бросал в него палкой и попадал по голове, но бродяга на рассвете все же скрылся от него, – наверно, совсем ушел с базарной площади. А утром сторож нашел его опять – он спал на крышке выгребной ямы за отхожим местом, прямо снаружи (с. 449).

Никита просидел в тюрьме всего пять суток, а оттуда снова явился на базар. <...> Старик позвал его в квартиру и дал Никите покушать свежих горячих щей, нарушив этим порядок и бережливость в своем хозяйстве. «Один раз поест – не разорит! – успокоил себя старый сторож-хозяин. – А дальше опять на вчерашнюю холодную еду перейдет, когда что останется!» [там же, с. 451].

Таким образом, тема возвращения превращается в **невозвращение, движение по кругу**. Об этом говорит и большое количество антонимов слов, репрезентирующих тему «возвращения» в рассказе: *уйти* (8), *уходить* (4), *уход, уехать, не прийти* (2), *(не) пойти, отправиться, выйти, идти*. Всего было выявлено 20 таких лексем.

Попытаемся предположить, почему возвращение затруднено. По-видимому, на это есть много причин. Остановимся на одной.

Уже в первом абзаце рассказа указывается, что возвращение героя было predetermined приказом: *Они задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали, и лишь теперь им велели идти домой к своей и общей жизни* [там же, с. 426]. Этим задается тема **самостоятельности / несамостоятельности** героя.

Можно выделить три основных эпизода возвращения героя – когда он уходит из города, а затем возвращается. Сначала Никита уходит на войну. А его возвращение описывается как несамостоятельное в самом начале рассказа – через глагол «велеть»: «<...> *им велели идти* домой <...>» [там же].

Во второй раз Никита уходит, чтобы дожидаться свадьбы: *На это время – до марта месяца – Никита захотел уехать из города, чтобы скорее перетерпеть срок до совместной жизни с Любой. Он назвался в мастерской крестьянской мебели идти с*

бригадой столяров чинить мебель по сельсоветам и школам в деревнях [там же, с. 441–442]. Второе возвращение героя в город также описано как его несамостоятельное решение, использован глагол в повелительном наклонении «ступай»: *Отец ночью пошел на деревню за двадцать верст, где Никита работал по изготовлению школьных парт. Никита спал в пустом классе на полу, но отец побудил его и сказал ему, что пора идти в город – можно жениться.* / – Ты **ступай**, а я за тебя парты доделаю! – сказал отец [там же, с. 442]. В описании второго возвращения Никиты повторяется та же лексика, что и в начале рассказа:

*Никита надел шапку и сейчас же, не ожидая рассвета, **отправился пешком** в уезд. Он **шел** один всю вторую половину ночи по пустым местам; полевой ветер бродил без порядка близ него, то касаясь лица, то задувая в спину, а иногда и вовсе уходя на покой в тишину придорожного оврага. <...>*

*Под утро Никита **подошел** к дому Любы. Легкая изморозь легла на знакомую крышу и на кирпичный фундамент, – Любе, наверно, сладко спится сейчас в нагретой постели, и Никита **прошел мимо** ее дома, чтобы не будить невесту, не остужать ее тела из-за своего интереса [там же, с. 442–443].*

Также при описании этого возвращения звучит тема природного цикла: *Земля по склонам и на высоких пашнях лежала темной, снег ушел с нее в низы, пахло молодой водой и ветхими травами, навшими с осени. Но осень уже забытое давнее время, – земля сейчас была бедна и свободна, **она будет рожать все сначала** и лишь те существа, которые никогда не жили [там же, с. 442].*

Третье возвращение героя происходит, когда Никита живет на базаре как бездонный и узнает от своего отца, что Люба хотела утопиться, тоскуя из-за его ухода. Однако в этом случае герой возвращается по своей воле: *Никита думал о Любе, и опять его сердце наполнялось горем и силой.* / – Ты ночуй, отец, один, – сказал Никита. – Я **пойду** на Любу погляжу [там же, с. 453]. Самостоятельность героя подчеркивается интенсивностью действия: герой уже не идет, а **бежит**: *Выйдя из слободы, Никита **побежал** по безлюдному уездному большаку. Утомившись, он **шел** некоторое время шагом, потом снова **бежал** в свободном легком воздухе по темным полям [там же].*

Несамостоятельность героя отмечали и исследователи творчества А. Платонова. Например, В.М. Аткин пишет об «эгоизме Никиты, боязни решительного поступка» [Акаткин, 1995, с. 107].

Можно предположить, что причиной несамостоятельности героя стала война (тема которой также возникает в первом абзаце рассказа):

*Трава опять отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской **войны**, потому что **война** прекратилась. В мире, по губерниям снова стало тихо и малоллюдно: некоторые люди умерли в **боях**, многие лечились от **ран** и отдыхали у родных, забывая в долгих снах тяжелую работу **войны**, а кое-кто из **демобилизованных** еще не успел вернуться домой и шел теперь в старой шинели, с походной сумкой, в мягком **шлеме** или овечьей шапке, – шел по густой, незнакомой траве, которую раньше не было времени видеть, а может быть – она просто была затоптана **походами** и не росла тогда. Они шли с обмершим, удивленным сердцем, снова узнавая поля и деревни, расположенные в окрестности по их дороге; душа их уже переменялась в мучении **войны**, в болезнях и в счастье **победы**, – они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей – они выросли от возраста и поумнели, они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас*

стала идеей их пока еще небольшой жизни, не имевшей ясной цели и назначения до гражданской войны. Поздним летом возвращались домой последние демобилизованные красноармейцы. Они задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали, и лишь теперь им велели идти домой к своей и общей жизни [Платонов, 2011, с. 425].

По-видимому, Никита во время войны привык выполнять приказы и отучился (или никогда не умел, так как ушел на войну совсем молодым) самостоятельно принимать решения.

Таким образом, первый абзац рассказа «Река Потудань» можно рассматривать как сильную позицию произведения. В начале рассказа есть слова-сигналы, которые затем или повторяются в тексте, или появляется лексика ТГ, в которую они входят. Это создает лексико-тематическую сетку исследуемого текста, выявляя темы и мотивы произведения. Так, в первом абзаце рассказа возникают темы возвращения, повторения, природного цикла, самостоятельности / несамостоятельности героя, а также войны. Дальнейший анализ лексической сетки рассказа показывает, что выявленные темы не просто возникают в дальнейшем повествовании, но и оказываются взаимосвязанными и обусловленными. Так, возвращение представляется повторением, движением по кругу, соотносящимся с природным циклом, из которого герою удастся выйти только, когда он самостоятельно принимает решение, а возможная начальная пассивность героя может быть связана с тем, что он участвовал в войне.

Литература

1. Акаткин В.М. Мотив возвращения в рассказах А. Платонова («Река Потудань» и «Возвращение») // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации. Сб. тр. Воронеж, 1995. С. 103–111.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: URSS : ЛИБРОКОМ, 2010. 443 с.
3. Бобылев Б.Г. Время в рассказе А. Платонова «Река Потудань» // Русский язык в школе. 2009. № 6. С. 52–56.
4. Дужина Н.И. Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 287 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 559 с.
7. Платонов А.П. Река Потудань // Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М., 2011. С. 425–453.
8. Толстая Е.Д. О связи низших уровней текста с высшими // Толстая Е.Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 227–271.
9. Харитонов А.А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 70–91.

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА В РАССКАЗАХ Ю.П. КАЗАКОВА

М.С. Баранова

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье исследуются рассказы Ю.П. Казакова «Двое в декабре» и «Свечечка» с точки зрения их синтаксической композиции, вычленяются композиционные типы речи. Анализ показал, что в «Свечечке» синтаксис обладает признаками разговорности и экспрессии, в рассказе «Двое в декабре» экспрессия появляется лишь в типе «психологическое повествование».

Abstract. The article examines the stories of Y.P. Kazakov "Two in December" and "The candle" from the point of view of their syntactic composition, compositional types of speech are singled out. The analysis showed that in "The candle" the syntax has signs of colloquial and expression, in the story "Two in December" expression appears only in the "psychological narrative" type.

Ключевые слова: Ю.П. Казаков, синтаксис, композиционный тип речи, позиция автора, повествователь, повествование.

Key words: Y.P. Kazakov, author's syntax, compositional type of speech, position, narrator, narration.

В данной работе мы сосредоточились на анализе синтаксической композиции двух рассказов Казакова «Двое в декабре» и «Свечечка».

По мнению Е.А. Иванчиковой, исследования синтаксической композиции художественного текста должно проводиться при обязательном учете жанровой принадлежности и принятой в произведении позиции автора [Иванчикова, 1979, с. 34]. Цель нашей статьи – показать, как проявляется содержательное различие в синтаксисе двух выбранных нами рассказах Казакова.

Для начала обратимся к определению жанровой принадлежности рассказов и характеристике позиции автора. Оба произведения являются рассказами. Однако они различаются в позиции автора: в рассказе «Свечечка» повествование ведется от 1-го лица, т.е. от лица рассказчика, который по классификации В. Шмида может быть определен как диегетический нарратор, выраженный в тексте эксплицитно [Шмид, 2003, с. 46]. Что касается рассказа «Двое в декабре», то в нем нарратор представлен как экзегетический. Е.В. Падучева определяет такого повествователя как рассказчика, который не называет сам себя, а также не принадлежит миру текста и не занимает какую-либо определенную позицию с точки зрения времени и пространства [Падучева, 1996, с. 203].

Рассказ «Двое в декабре», как уже было отмечено, написан от 3-го лица. Сюжет рассказа строится вокруг поездки безымянных героев (названных в тексте Он и Она) в лес на прогулку. Для удобства анализа текст был разделен нами на фрагменты, представляющие разные композиционные типы речи. Во-первых, мы выделили композиционный тип «повествование». Иванчикова разделяет повествовательные контексты на две группы: 1. контексты информативного типа (в них сообщается о каких-либо событиях или действиях); 2. контексты «психологического типа», в которых говорится о внешних или внутренних состояниях героев [Иванчикова, 1979, с. 117]. Во-вторых, в тексте присутствует развернутое описание зимнего леса, по которому путешествуют герои. Таким образом, в рассказе «Двое в декабре» мы выделили следующие композиционные типы речи: 1) повествование информативного типа; 2) повествование психологического типа (речь повествователя с элементами свободного-косвенного дискурса (СКД) героя или героини); 3) описание; 4) речь персонажей.

Начнем анализ с повествовательных контекстов информативного типа. В рассказе их основу составляет цепь предикатов прошедшего времени совершенного вида с аористивным значением. Например: «Он **взял** свои лыжи, и они медленно **пошли**, потому что ей надо было отдышаться» [Казаков, 2014, с. 191], «Он **отстал** немного, доставая мелочь на поезд, **глянул** на нее сзади и вдруг **подумал** <...>» [Там же], «<...> Она сразу **легла**, **накрылась** курткой и **стала смотреть** в печку на огонь» [Там же, с. 200] и др.

Что касается повествовательных контекстов психологического типа, то они в основе своей представляют повествование с элементами рассуждения, т.к. чувства героев передаются через их размышления о происходящем и воспоминания о бывших некогда раньше событиях. Это проявляется во фрагментах с СКД, где во множестве присутствуют эгоцентрические элементы, которые являются маркерами несобственно-прямой речи героев: «если припомнить», «пожалуй», «слава богу», «вот что теперь», «как она красива и как хорошо одета», «как это здорово», «как хорошо». Приведенные элементы можно определить как «предикаты внутреннего состояния» персонажей. В этом композиционном типе используется синтаксический параллелизм: несколько смежных абзацев начинаются с обозначения субъекта действия: это Он, Она или они. Контексты психологического типа экспрессивны, эта экспрессия выражена, во-первых, в инверсированности синтаксических построений («Не радостен он был, нет, а просто покоен <...>» [Там же, с. 190], «Был еще богатый рынок, они ходили вместе и выбирали себе копченое сало <...>» [Там же, с. 194], «Но и смертельно жалко было первого тревожного времени их любви <...>» [Там же, с. 200]. Во-вторых, в наличии восклицательных предложений («Слава богу, это все прошло, и теперь другое – покойное, доверчивое чувство, вот что теперь!» [Там же, с. 190], «Какое было счастье, и еще, наверное, не такое будет, только бы не было войны!» [Там же, с. 194], «Прощай тогда Москва и асфальт, и всякие процедуры, и юридическая консультация!» [Там же, с. 193].

Композиционный тип «описание» занимает важное место в рассказе. Фрагмент, в котором герои проходят по зимнему лесу, создан от лица абстрактного повествователя. Описание наполнено изобразительно-выразительными средствами. Среди них – эпитеты («дымными косыми лучами», «прозрачная синь», «в голубых прозрачных тенях», «хрупкое эхо», «о медленно текущих звездах»), сравнения («снег повисал пеленой», «след... извилистой строчкой тянулся», «снегири... как тропические птицы»). По синтаксической структуре в данном фрагменте текста преобладают сложные предложения с разными видами связи между частями: и сочинительной, и подчинительной. Интонация фрагмента перечислительная. Отрывок с описанием леса обладает собственным ритмом, его музыкальный характер создается благодаря синтаксическому параллелизму фраз и инверсированности некоторых конструкций («<...> неровно и вздохмаченно летела страшно озабоченная галка» [Там же, с. 196], «Иногда им попадался лисий след, который ровной и то же время извилистой строчкой тянулся от былья к былью, от кочки к кочке» [Там же]). Функция этого отрывка – замедлить ход повествования, передать ощущение протяженности пути, которым следуют герои. Описание природы строится с синтаксической точки зрения однотипно. Семантическая структура предложений представлена следующими формами: «где находилось что и какое», или «что было какое», «как было что». Примеры: «Лес был пронизан дымными косыми лучами» [Там же, с. 195], «Внизу, в долинах, в оврагах, снег был глубокий и сухой <...>» [Там же, с. 197] или «На далеких холмах у горизонта леса розово светились, небо было синее, а поля казались безграничными» [Там же].

Потерю связи между героями и ухудшение их отношений демонстрирует отрывистый диалог, который они ведут по пути в дом героя. Этот диалог, распадающийся на отдельные реплики героев, большей частью построен на основе простых и практически нераспространенных предложений. Основную часть пути в конечный пункт – дом героя – герои проводят молча, изредка обращаясь друг к другу: Он – с вопросами («Ты не устала?» [Там же, с. 197], «Ты что молчишь?» [Там же, с. 199], «Что это ты? [Там же] и др.), Она – с риторическими экспрессивными утверждениями («Какая зима!» [Там же, с. 194], «Какие стволы у осин!» [Там же, с. 195]).

Обратимся к анализу второго рассказа. В «Свечечке» нами были выделены следующие композиционные типы речи: 1) повествование рассказчика о событиях прошлого с элементами рассуждения; 2) описания окружающего пространства; 3) диалог рассказчика с сыном, который происходит во время «того вечера».

В общем и целом, композиция рассказа представляет собой воспоминания в форме обращения к сыну. Падучева называла данный рассказ «образцом лирической повествовательной формы» [Падучева, 1996, с. 212]. Форма от первого лица предполагает наличие адресата, либо конкретного, либо абстрактного. В данном рассказе адресатом является ребенок, который реально присутствует в описываемых сценах.

Синтаксис рассказа строится по принципу разговорности. В тексте рассказа во всех выделенных нами композиционных типах присутствуют следующие приметы разговорного стиля: употребление дискурсивных слов, в основном частиц («так вот», «вот», «ну», «а в общем», «и вот» и др.); инверсия («Домой пришли мы обиженные друг на друга» [Казаков, 2014, с. 278], «И сходни перебросили, и сошли мы на берег, а на берегу уж ждал отец моего приятеля, и тут же лошадь стояла, запряженная в телегу» [Там же, с. 272]). Кроме того, в рассказе представлены риторические вопросы и восклицания: «Такая тоска забрала меня в тот вечер, что не знал я, куда и деваться – хоть вешайся!» [Там же, с. 267], «А старость тогда была у тебя одна: автомашины!» [Там же], «И откуда знать, почему нам так тоскливо в ноябре?» [Там же, с. 270], «А в общем, не беда, что темно!» [Там же]. В композиционном типе речи «диалог» можно также увидеть графическое обозначение пауз: «Погоди, сделаем мы кормушку у тебя под окном, и станут к тебе прилетать разные синички, поползни, дятлы <...> Ну, а то, что деревья сегодня кажутся мертвыми, то это просто от моей тоски, а на самом деле они живы, они спят» [Там же], «Ведь у нас с тобой есть теплый дом и свет, и, вернувшись, мы растопим камин и станем смотреть в огонь <...>» [Там же], «и мне сразу стало хорошо, вообразились какие-то люди, разговоры, тепло, свет, жизнь <...>» [Там же, с. 283]). Для выражения экспрессии Казаков использует и интонационное расчленение фразы в соединении с восклицанием: «Но и ранняя осень хорошо: тихо светит солнце, по утрам туманы, стекла в доме запотевают – а как горели клены возле нашего дома, какие громадные багряные листья собирали мы с тобой!» [Там же, с. 269], «<...> и рояли, и камины, и даже – представь себе! – даже в замке пришлось пожить, в самом настоящем замке <...>!» [Там же, с. 271], «Тут рядом с нами есть деревушка Глебово, вот туда мы и будем ходить, там такие хорошие горки – как раз для тебя!» [Там же, с. 270].

Повествование рассказчика тесно связано с его рассуждениями. В этом типе речи наряду со сложносочиненными предложениями присутствуют сложноподчиненные предложения с обстоятельством цели, причины, следствия, уступки. В этих же фрагментах встречаются и вводные слова. Примеры: «Так вот, когда мы вышли в аспидную черноту ноябрьского вечера, ты, **конечно**, крепко держал в руке маленький пластмассовый

автомобильчик» [Там же, с. 267], «Я уж потерял всякую надежду выйти к жилью, но не это меня угнетало, – **хоть кругом на сотни километров были глухие леса!** – а угнетало то, что все было мокро, под ногами чавкало <...>» [Там же, с. 283], «Я иногда оглядывался на тебя рассеяно, проверяя, не делаешь ли ты чего-нибудь такого, чего тебе делать нельзя – **ведь жизнь твоя состояла из сплошных ограничений** <...>» [Там же, с. 279].

Присутствие признаков разговорности в повествовательном контексте свидетельствует о том, что эти воспоминания представлены в устной форме, т.е. отец в форме монолога рассказывает сыну о событиях, которые некогда в прошлом произошли с ними, на это указывают следующие темпоральные локализаторы: «А страсть **тогда** была у тебя одна: автомашины!» [Там же с. 267], «Папа, поднеси меня, пожалуйста, к выключателю!» – **бывало**, просил ты <...>» [Там же, с. 277], «**До сих пор** простить себе не могу, что, сердясь на тебя, так долго смотрел какую-то скучную передачу!» [Там же, с. 278].

Композиционный тип «описание», представленный в данном рассказе, проявляется в монологических высказываниях рассказчика, обращенных к сыну. Строение предложений с описанием, как и в рассказе «Двое в декабре», может быть выражено следующими формами: «где находилось что и какое», или «что было какое», «как было что». Примеры: «А за окнами давно уже стояла ноябрьская тьма <...>» [Там же, с. 267], «Столько там было милых старых вещей, столько всех этих диванов с погнутыми ножками, резных стульев, столько прекрасных картин висело по стенам, такие заунывные и радостные пейзажи открывались из окон!» [Там же, с. 273]. Фрагменты с описаниями экспрессивны, они передают эмоции говорящего, в отличие от фрагментов из рассказа «Двое в декабре».

Таким образом, анализ синтаксической композиции рассказов показывает ее тесную связь с позицией автора. В рассказе «Двое декабря» композиционные типы речи представлены более определенно, а в «Свечечке» четкое разделение на типы затруднительно, т.к. весь рассказ построен как монолог героя. Синтаксическая структура рассказа «Двое в декабре» отражает стремление автора изобразить героев и с внутренней, и с внешней стороны, проливая для читателя свет на мысли персонажей и их чувства. Данный тип повествования более объективен, что отражается на синтаксисе. События, происходящие в «Свечечке», изображаются субъективно, через призму сознания рассказчика. В «Свечечке» экспрессия в синтаксисе присутствует во всех композиционных типах, она неотъемлемая часть речи говорящего. В рассказе «Двое в декабре» экспрессия появляется только в контекстах психологического типа, где автор использует СКД героя или героини. Речь персонажей в «Двое в декабре» обрывочна и не развернута. Об истинных чувствах героев мы узнаем через фрагменты с СКД. В «Свечечке» рассказчик хотя и понимает, что его ребенок еще мал, все равно пытается разговаривать с ним, рассуждая обо всем, что его волнует, – отсюда и более развернутая с точки зрения синтаксиса речь героя.

Литература

1. Казаков Ю.П. Тихое утро: Рассказы. СПб.: Лениздат, 2014. 320 с.
2. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

СТРУКТУРА ДИАЛОГА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РУССКОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ

Н.В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи диалог, в котором говорящий либо вообще не участвует, либо является лишь одним из собеседников. Базовой структурой такого «чужого» диалога является модель $\langle P_1 - P_2 \rangle$, где $P_{1,2}$ – это реплики собеседников, чью речь передает рассказчик. На примерах из корпусов устной речи показаны возможные структурные расширения этой базовой схемы.

Abstract. The article discusses the ways of transmitting a dialogue in which the speaker either does not participate at all, or is only one of the interlocutors. The basic structure of such an “another's” dialogue is the model $\langle P_1 - P_2 \rangle$, where $P_{1,2}$ are the replicas of the interlocutors whose speech is conveyed by the narrator. Examples from the speech corpus show possible structural extensions of this basic model.

Ключевые слова: чужая речь, диалог, структурная схема, повседневная речь, маркер-ксенопоказатель.
Key words: another's speech, dialogue, structural model, everyday speech, xeno-marker.

Введение. Чужая речь и особенности ее передачи в устном дискурсе

Понятие *чужой речи* (ЧР) весьма и весьма условно, поскольку довольно часто говорящий передает в устном нарративе не чужую, а свою собственную речь, а также собственные или чужие мысли [Грамматика... 1954, с. 404], или даже просто описывает чужое речевое («говорящее») поведение [Левонтина 2010, с. 284]. Ср. примеры последнего типа из корпусного материала («говорящие» жесты/действия выделены шрифтом, ЧР подчеркнута, маркеры ее ввода даны прописными буквами; об источниках материала см. ниже):

- Река Урал или Жайык / она считалась пограничной рекой / то есть / если угонялся скот и вся ж... э... живность / всё добро переходило за эту реку / то и / как гоится / *«Извините / даже махали иногда ладошечками / ДЕСКАТЬ / всё ребята / отдыхайте / это уже было ваше / стало наше»* (УП);
- Ну / она [нрзб] когда отвечаю / то в окно смотрит там / то **лицо такое делает / ТИПА я тупая** (УП);
- ну да / женщина уже **посмотрела на нас ТАК / угу / с*ки** (ОРД);
- Это Луисо / центральный защитник / и **показывает** [нрзб] / что / МОЛ / ДЕСКАТЬ / давай выбивай туда в поле подальше (УП).

Способы передачи ЧР в устном дискурсе при этом достаточно разнообразны и во многом повторяют те, что зафиксированы на материале литературно-письменной речи и описаны в грамматиках: это известные всем конструкции с прямой, косвенной, полупрямой и несобственно-прямой речью, конструкции тематической речи (*посоветовал/решил отдохнуть, порекомендовал занятия лыжами*), описание разговора без его передачи (*рассказывает о пользе здорового образа жизни, жалуется на плохое самочувствие*) или даже просто указание на ЧР (*беседует с приятелем, кричит*) (см. подробнее: [Звуковой корпус... 2014, с. 43–53]). Часто ЧР вводится в текст специальными маркерами (термины для их обозначения в литературе многочисленны и разнообразны: *ксенопоказатели, цитативы, ренарративы, граммы заглазости, индирективы* и т. п.; в настоящей работе используется термин «ксенопоказатель» (Xen); примеры их употребления см., например, в контекстах выше). Круг таких маркеров в устной речи значительно шире, чем в письменной: помимо

кодифицированных *мол, де, дескать*, это еще и такие единицы, как *грит/грю/грим...*, *такой/ая/ие, вот, так, типа (того что), вроде (того что), короче, так и так* и мн. др. (см. достаточно полный их перечень в работах: [Сурина 2017; Левонтина 2020; Богданова-Бегларян 2021]).

Несобственно-прямая речь и ее разновидности

Наиболее интересной для исследования представляется та разновидность несобственно-прямой речи (НСПР), под которой в лингвистике понимается чужая речь, непосредственно включенная в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграниченная от него; она не оформляется как придаточная часть (в отличие от *косвенной речи*) и не вводится специальными словами автора (в отличие от *прямой речи*); такая ЧР вообще не имеет типизированной синтаксической формы, ср.: *Друзья побывали в театре. Очень уж понравился им этот спектакль!* (см. [Крючков, Максимов 1977, с. 173175]). Анализ корпусного материала позволил выявить два типа такой речи: НСПР-реплика и НСПР-диалог (обмен репликами) [Звуковой корпус... 2014, с. 48].

Первая разновидность в литературе отмечена достаточно давно – см. ссылку выше, а также ряд примеров из нашего корпусного материала (передаваемые говорящим реплики/мысли выделены в примерах полужирным шрифтом):

- *гордо подняв голову / он сделал первый шаг / по-моему получается // второй шаг / тоже неплохо* (САТ).
- *отпуск кончился // сплошные переломы // вот видите доктор // мне совсем это не помогло* (САТ);
- *в гости к Питеру пришел его друг Джордж // слушай Питер ты очень плохо выглядишь тучный гла... / в гла... / взора нету в глазах блеска никакого // тебе надо отдохнуть // поехал бы ты лучше-ка в горы / взял бы с собой лыжи / и отдохнул как следует по-настоящему* (САТ).

Вторую разновидность – НСПР-диалог – удалось обнаружить только при анализе больших массивов корпусных данных, упоминаний о ней в литературе найти не удалось. Именно такой диалог и стал объектом внимания в настоящем исследовании.

Материал и его анализ

Источником материала для анализа стали три речевых корпуса: устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП; публичная, бытовая, научная и киноречь), корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД; преимущественно диалоги) и корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ; монологи) (подробнее о последних двух корпусах, созданных и разрабатываемых в СПбГУ, см.: [Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016; Прагматические маркеры... 2021]). В настоящей статье представлены первые наблюдения над корпусным материалом с предложенной точки зрения, а также некоторый опыт его систематизации.

Анализ материала позволяет говорить о нескольких разновидностях структурной организации *диалога*, передаваемого говорящим в устном дискурсе. Рассмотрим их подробнее на конкретных примерах.

Так, в контексте (1) можно видеть обычный обмен репликами, без каких бы то ни было маркеров их ввода – в полном соответствии с определением несобственно-прямой речи. Схематически это можно обозначить так: $\langle P_1 - P_2 \rangle$, где $P_{1, 2}$ – это реплики в структуре диалога, ср. (для удобства восприятия реплики разведены в разные строчки и маркированы;

надо помнить, однако, что говорит во всех случаях один человек, передающий в своем нарративе весь этот «чужой» диалог):

1) *Один толстый / лысый / и старый джентльмен пришёл к врачу //*

– (P₁) *я настолько себя плохо чувствую / я так устал / мне ничего не хочется /*

– (P₂) *вам необходимо отдохнуть // съездите в горы / покатайтесь на лыжах / у вас всё пройдёт* (САТ).

В монологе – описании сюжетного изображения (рассказ в картинках (комикс) Х. Будструпа «Здоровый отдых»), – несмотря на отсутствие выраженной паузы между репликами воображаемых собеседников, слуховой анализ отчетливо выявляет смену интонации, связанную со сменой говорящих. Информант почти разыгрывает в лицах этот диалог между персонажами. Видно, что передаваемые говорящим реплики достаточно протяженные и ничем, кроме интонации, не маркированы.

Возможны и более сложные структуры передаваемого диалога, уже не всегда соответствующие модели НСПР-диалог, но содержащие ее элементы, ср. (маркеры-ксенопоказатели выделены шрифтом, слова автора подчеркнуты) (знак (*B) в расшифровках ОРД означает шумный вздох, о других особенностях орфографического представления материала ОРД см.: [Русский язык... 2016, с. 242–243]):

2) *ну вот // *B я говорю говорю / я говорю /*

– (P₁) *барышня ! говорю / какая вы молодца говорю //*

– (P₂) *правильно / () а то / я некрасивая ! сделайте меня покрасивше говорю* (ОРД).

В контексте (2) реплика первого говорящего в передаваемом диалоге водится словами автора (Author's Words – AW) (*я говорю*) и на первый взгляд напоминает обычную конструкцию с прямой речью. Однако многократное повторение формы *говорю*, преимущественно в редуцированном виде *грю* (результат слухового анализа материала ОРД – см.: [Стойка 2019]), фактически переводит ее в разряд маркеров-ксенопоказателей (см. об этом: [Зайдес 2020, с. 182; Прагматические маркеры... 2021, с. 148]); с учетом этого структурная схема диалога в данном случае может быть представлена следующим образом: <AW Xep Xep P₁ Xep P₁ Xep – P₂ Xep>. Видно при этом, что в реплике первого говорящего (P₁) ксенопоказатель повторяется 4 раза – в пре-, интер- и постпозиции по отношению собственно к реплике. В реплике второго говорящего (P₂) тот же маркер-ксенопоказатель находится в финальной позиции, как бы «закрывающая» реплику, и весь переданный диалог. Любопытно, что говорящий (видимо, увлекшись) не меняет грамматической формы маркера (*говорю*), даже когда передает с его помощью уже не свою, а действительно чужую речь, для передачи которой существует другая (и, надо сказать, гораздо более распространенная в нашей речи – см.: [Зайдес 2020, с. 189]) форма этого маркера – *грит*. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что грамматическая изменяемость маркеров-ксенопоказателей в русском языке носит во многом остаточный, «атавистический», характер (о грамматических «атавизмах» прагматических маркеров в русской повседневной речи см.: [Богданова-Бегларян 2019]).

3) *Машина стояла на дворе / на ней кто-то уехал. Он знал / кто это / то есть.*

Потом видел эту машину. Ну / тоже пришёл в милицию /

– (P₁) *так и так / номера записал.*

А ему сказали /

– (P₂) *фигня / не будем разбираться* (УП).

Структурная схема диалога для контекста (3) может быть представлена таким образом: <Xep P₁ – AW P₂>, т. е. первая реплика вводится ксенопоказателем (*так и так*), а вторая –

словами автора (*ему сказали*) и полностью повторяет конструкцию прямой речи. Важно еще отметить, что ксенопоказатель *так и так* в данном контексте можно рассматривать одновременно и как маркер-заместитель части чужой речи (реплики P₁), как правило, банальной и клишированной (например, приветствие, представление и под.), которую при передаче вполне можно опустить. Это довольно распространенная особенность функционирования таких маркеров в устном дискурсе (их полифункциональность), см. подобное ниже в примерах (7) – (9).

См. еще примеры такого типа:

4) *ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет так сказать*

– (P₁) *ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей*

и они скажут

– (P₂) *идите в ж-ж*пу*

может быть (ОРД);

5) *И он всё / пошёл типа залезать в машину. Типа*

– (P₁) *Иди сюда / поехали!*

Я говорю /

– (P₂) *Ну надо же какой хитрец!* (УП);

6) *а-а *П э судья на Колю% так /*

– (P₁) *тиш(:) ! *П вы не на базаре /*

**Н потом это самое ... *П Коля% г... а Коля% / это(:) судье и говорит /*

– (P₂) *а вы посмотрите форму семь* (ОРД).

Близка к этой схеме и структура диалога в контексте (7):

7) *Вот / пишет мне типа*

– (P₁) *ну вот так и так / типа перевод /*

я говорю /

– (P₂) *Ну деньги сначала / да / там все дела* (УП).

Диалог здесь открывается словами автора, в данном случае пишущего, а не говорящего (*пишет*), что случается при передаче ЧР в устном нарративе, затем следует цепочка прагматических маркеров, включая ксенопоказатели (*типа ну вот так и так / типа*), собственно ЧР (*перевод*) – и, наконец, реплика второго говорящего, введенная также словами автора (*я говорю*) и построенная в полном соответствии с конструкцией прямой речи. Схематически это можно представить так: <AW Xen₁ Xen₂ Xen₃ P₁ – AW P₂>.

Полифункциональность маркеров-ксенопоказателей видим и в примерах (8)–(9):

8) *А... ну / бесконечные жалобы / друг на друга / на своих домашних / на священников и на меня самого.*

– (P₁) *Вот / батюшка / Вы там такой / сякой.*

– (P₂) *Ну да / я говорю...* (УП) (<Xen P₁ – P₂ AW>);

9) *И потом эти сваты / ну / и поех... / сначала договорились с родителями всё //*

– (P₁) *Ну так и так /*

ну они /

– (P₂) *шо уговорить / да нам уже всё равно // За кого б / ни выходила / лишь бы уговорится / за человека / ии / это...* (УП) (<Xen = P₁ – P₂>).

Если *вот* в контексте (8) заменяет только начало ЧР (здесь тоже могла быть какая-то клишированная часть), то *так и так* в контексте (9) заменяет фактически всю эту речь, от

которой реально осталось лишь стартовое ну. Структура этого диалога очень близка к базовой модели (<P₁ – P₂>).

В контексте (10) передается довольно протяженный диалог, в котором можно выделить два «раунда» обмена репликами, построенных по разным схемам: <Хен P₁ – Хен P₂> и <АВ P₁ – P₂ – P₃>. Видно, что во втором «раунде» есть элементы НСПР-диалога, с базовой модели которого мы начали:

10) *я вчера их встречаю / на улице / ну в «Пятёрочку»\$ / я шла как раз в магазин / а был вечер / полдесятого // я такая /*

– (P₁) *о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут ? /*

они такие /

– (P₂) *будут /*

я говорю /

– (P₁) *да-а / не повезло мне //*

– (P₂) *а что такое ? //*

– (P₃) *а у меня завтра у вас три ... два семинара (ОРД).*

Случается, что при передаче ЧР оказываются задействованы структурные элементы не только конструкции прямой речи (слова автора), но и конструкции косвенной (точнее – полупрямой, которая и предполагает, в частности, структурную близость к косвенной), и во все это может встраиваться еще и ксенопоказатель, ср.:

11) *Ну / я подумала / слово*

– (P₁) *нормально / что он хорошо то есть /*

а Стёпа говорит / что / типа / (P₂) он никак (УП) (<АВ P₁ – АВ что Хен P₂>);

В следующих примерах ограничимся построением структурной схемы диалога, без подробных комментариев:

12) *Там ребята были / я им говорю / типа /*

– (P₁) *подождите меня /*

а они такие

– (P₂) *ха-ха-ха / зачем каблук одевала? (УП) (<АВ Хен P₁ – Хен P₂>);*

13) *Ну / не то что поругались / так немножко поцапались. Он такой / типа:*

– (P₁) *Ты с*чка.*

Я говорю:

– (P₂) *Да конечно. Горю: Докажи (УП) (<Хен₁ Хен₂ P₁ – АВ P₂ Хен P₂>);*

14) *он так вообще расстроился /*

– (P₁) *да ты что ! да мы там человека / практически уволили / из-за тебя там / *В тебе место подготовить //*

там знаешь / начал такой /

я так /

– (P₂) *ну мне стыдно / но вот так и так / не могу (ОРД) (<АВ P₁ Хен – Хен₁ P₂ Хен₂ (Хен₃?) P₂>);*

15) – (P₁) *ну / ты ж ... Дора% ж ... / ты понимаешь / мы взрослые с тобой люди // и наверно / когда если уж я стал звонить / то не буду гнуть понты // *П ну сколько дашь ! типа Коля% / говорю /*

– (P₂) *ну у меня бабки ... десять рублей (ОРД) (<P₁ Хен₁ P₁ Хен₂ – P₂>);*

16) *К Надьке подхожу и говорю /*

– (P₁) *Надь / почему так произошло ? /*

молчит / **вот так** / знаешь / **типа** / мол /

– (З₂) не твоё дело (УП) (БФЦ З₁ – Чут₁ Чут₂ Чут₃ З₂Ю)ж

17) она .

– (Р₁) может у вас грудь болит / **мол типа** //
потрогала //

– (Р₂) ничего / говорю / не болит //

вот именно / что там болит внутри / она /

– (Р₃) ну а температура / **мол есть?** (УП) (<Р₁ Xen₁ Xen₂ – Р₂ AW Р₂ – Р₃ Xen Р₃>);

18) И даже ну типа сказали / что **вот** / (Р₁) если хотите **типа** / наш курьер бесплатно всё заберёт.

Я такая /

– (Р₂) Ну давайте (УП) (<AW что Xen₁ Р₁ Xen₂ Р₁ – Xen Р₂>);

19) и он **такой** /

– (Р₁) а-а вот там кто-то меня посмотрел / сказал что может это трещина *П а может типа почки отбили /

ну я

– (Р₂) фиг знает / я говорю /

– (Р₃) а ты ко врачу / **типа** / ходил ? <...> //

– (Р₄) *П нет //

*П и я как давай орать / говорю /

– (Р₅) ты вообще в своём уме ? // *П **типа** / блин (!) вдруг что-то серьёзное / <...> *П

– (Р₆) что ты орёшь на меня ! // *П нет чтобы поддержать ! // пожалеть меня !

пожалеть их надо / понимаешь] *П думаю /

– (Р₇) ну нормально вообще // жалея его сиди *П сам debil / ещё и жалея его сиди /
пф ! (ОРД) (<Xen Р₁ – AW Р₂ AW – Р₃ Xen Р₃ – Р₄ – AW Xen₁ Р₅ Xen₂ Р₅ – Р₆ – AW Р₇);

20) она мне позвонила в общем ... *П на той неделе ... *П с криками просто

– (Р₁) ты с*ка ... *П забудь о Ларисе%

я **такой** ... *П

– (Р₂) что простите ?

*П говорит

– (Р₃) ты её вообще не скоро увидишь // *П а если увидишь то плохо будет /

я **такой** ...

– (Р₄) *П что ?

прикинь /

– (Р₅) ты чё / там одна будешь тусить?

Она **такая** /

– (Р₆) Да / да / щас выхожу.

И мы стояли ее ждали пeсят минут! А телефон она выключила (УП) (<AW Р₁ – Xen Р₂ – AW Р₃ – Xen Р₄ – Р₅ – Xen Р₆);

21) Ну / например / там / у Канта была такая хохма / однажды его спросили /

– (Р₁) Почему ты думаешь / **грит** / что пространство и время / это формы чувственного созерцания априорные?»

А он грит /

– (Р₂) А **типа** там / закройте глаза / и у вас останется только время и пространство / а вещей не будет (УП) (<AW Р₁ Xen что Р₁ – AW Xen Р₂>).

В последнем примере (21) видим грамматическую «дисгармонию» формы сказуемого (*спросили*) и ксенопоказателя (*grit*), что лишний раз подтверждает явное ослабление грамматики прагматических маркеров, даже сохраняющих формальную изменяемость по лицам и числам.

Заключение

В целом проведенный анализ показывает, что структурных схем передачи диалога в устной речи (в нарративе одного рассказчика) существует великое множество, они с трудом поддаются систематизации. Базовая схема $\langle P_1 - P_2 \rangle$ в чистом виде встречается редко (вероятно, поэтому в литературе и не отмечена), зато количество передаваемых реплик может быть существенно больше двух (см. пример (20) выше).

Основной дополнительный элемент, способный расширять базовую схему, – ксенопоказатель *Xen*, который чаще выступает в препозиции по отношению к ЧР, но возможен и в интерпозиции: *ну мне стыдно / но вот так и так / не могу*, и в постпозиции: *сделайте меня покрасивше говорю*.

Ксенопоказателей при одной реплике может быть несколько, как одинаковых, так и разных: *я говорю / барышня ! говорю / какая вы молодца говорю; вот / если хотите типа / наш курьер бесплатно всё заберёт*. К тому же они могут выстраиваться в цепочки: *ну мне стыдно / но вот так и так / не могу; «может у вас грудь болит» / мол типа*.

Возможны расширения базовой схемы диалога за счет элементов структур с прямой (слова автора – *AW*) или полупрямой/косвенной (*AW* что *Xen* и под.) речью.

Некоторые ксенопоказатели стремятся занять место на границе клауз, превращаясь почти в *союзные средства* – в результате ЧР вводится по типу структур с полупрямой или косвенной речью (это дает возможность вывести исследование на процесс *грамматикализации*). Другие ксенопоказатели способны сдвигаться вправо (по *закону Ваккернагеля*: тяготение к клитическому употреблению) – в результате ЧР вводится по типу структур с прямой речью. Интересно было бы разобраться, действительно ли ксенопоказатели делятся на два этих типа, и как именно.

Думается, что все высказанные наблюдения важны и полезны для моделирования повседневного устного дискурса – например, в целях создания *искусственного интеллекта*.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Литература

1. Богданова-Бегларян Н.В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / под ред. О.И. Глазуновой и К.А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 436–446.
2. Богданова-Бегларян Н. В. О ксенопоказателях в русском языке / речи: лексикографическая традиция и современные процессы // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (46). Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. Материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике, 24 июня 2021 года / отв. ред. вып. А.В. Иванов. М. Тамбов–Н. Новгород: ФЛИНТА, 2021. С. 440–444.
3. Грамматика русского языка / Ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. Т. 2, ч. II. М.: АН СССР, 1954. 440 с.
4. Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 247 с. (машинопись).

5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.
7. Крючков С. Е. Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. 188 с.
8. Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.
9. Левонтина И.Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. № 3, 2020. С. 52–77.
10. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
11. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
12. Стойка Д.А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н.В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т.Ю. Шерстинова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 112 с.
13. Сурина А.П. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи. Дис. ... маг. лингв. СПб., 2017. – 105 с. (машинопись).

РОЛЬ СОСТАВНЫХ ИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ Н.С. ДАШЕВСКОЙ «ВИЛЛИ»

Е.А. Голосова

Московский государственный областной университет
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности использования составных именных сказуемых в повести Н.С. Дашевской «Вилли», выявлено их функционирование в качестве средств характеристики героя. Применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и др.*

***Abstract.** The article examines the features of the usage of compound nominal predicates in N.S. Dashevskaya's novel "Willy", reveals their functioning as means of characterization of the character. Methods of observation, generalization, interpretation of results, etc. are applied.*

***Ключевые слова:** составные именные сказуемые, идиостиль, синтаксис.*

***Keywords:** compound nominal predicates, idiostyle, syntax.*

Повесть «Вилли» Н.С. Дашевской наполнена движением, что находит своё выражение в продуманном автором использовании синтаксических единиц, а именно глагольных двусоставных предложений. Данная особенность их употребления изучалась, в частности, Н.А. Герасименко: «Номинативное предложение приспособлено в русском языке для описания статических явлений, а глагольное двусоставное предложение передаёт движение, динамику» [Герасименко, 2019, с. 196].

В начале произведения Н.С. Дашевская, знакомя читателя с главным героем, строит текст, опираясь на особенности разговорной речи. В коротких фразах функцию предиката выполняют простые глагольные сказуемые (ПГС), при этом глагольный ряд создает картину типичного дня главного героя, Севки: «Я же не сижу просто так! Я ем. Потом – одеваюсь. Потом – иду. Тороплюсь, между прочим», «Так что я опаздываю ещё из-за этой собаки. <...> Обычно я пытаюсь проскочить в класс незаметно» [Дашевская, 2018, с. 3–4]. Посредством глагольной лексики в функции ПГС Н.С. Дашевская создает автохарактеристику Севки, который представляет себя человеком, погруженным в ежедневную рутину неудач: «Я часто слышу не то, что мне говорят, «натыкаюсь», «пробормотал», «не понимаю» (Там же, с. 3).

Обратимся к значениям данных лексем: *не* (в *не то, не понимаю*) – ‘частица 1. Употр. при придании значения полного отрицания слову, к которому относится’ [Ефремова, 2000: электрон. ресурс]; *натыкаться* – ‘2. несов. 1) Наскакивать, напарываться на что-л. острое. 2) Двигаясь, *неожиданно* наталкиваться на кого-л., что-л. 3) а) разг. Двигаясь, *неожиданно* встречаться с кем-л., чем-л., набредать на кого-л., что-л. б) *Неожиданно*, случайно обнаруживать, находить что-л.’ (Там же); *пробормотать* – ‘сов. перех. и неперех. Сказать тихо и *неразборчиво*’ (Там же); префикс *не-* (в *неожиданно* и *неразборчиво*) – ‘2. префикс Словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака, который характеризуется противоположностью – нередко с оттенком смягчения – или противопологаемостью – с какой-л. точки зрения – значению мотивирующего имени прилагательного (небольшой, невеселый, неглупый, неплохой, несильный, нечестный и т.п.). 3. префикс Словообразовательная единица, выделяющаяся в наречиях с отрицательным обстоятельственным значением (недаром, незамужем, некстати, немедля, ненадолго, ненамного, неспроста, нехотя)’ (Там же). Значения всех перечисленных лексем и *не-*, согласно словарной дефиниции к морфеме, включают семы с негативным оттенком.

Реже акцентирование героя на собственных недостатках выражено составными именными сказуемыми (СИС), призванными описать особенности внешности: «<...> у меня такие короткие ноги» [Дашевская, 2018, с. 3]; «У меня тоже имя так себе» (Там же, с. 7), «рост у меня не очень» (Там же, с. 74).

Поскольку повествование ведется от первого лица, читатель оказывается вовлеченным во внутренний монолог героя. Частотное использование слов с семантикой ‘неуспешности и неспособности к чему-то’ при описании типичного утра буднего дня позволяет ему особенно остро прочувствовать душевное состояние героя на момент начала повествования: подавленность.

Это состояние, представление о котором у читателя Н.С. Дашевская создаёт с помощью особого предикатного конвоя при самохарактеристике Севки (ПГС, выраженные глаголами со значением типичных внешних действий), возникает в душе героя как реакция на одиночество и конфронтацию с одноклассником Генкой и учительницей Анной Сергеевной, как стремится объяснить это писатель. Представление об общей атмосфере в школе в восприятии Севки выражено репрезентантами СИС: «<...> Какое всё-таки это ужасное место – школа» (Там же, с. 4). Себя Севка характеризует как «человека без велосипеда» (название первой главы). Интересно, что подобная самопрезентация персонажа через отрицание присуща и первому в тексте повести предикату — составному именному сказуемому, – использованному автором с данной целью: «Я <...> не против <моря>» (Там же, с. 3). Первые самохарактеристики и характеристика школы намечают полюсы того противостояния, которое со временем становится импульсом для развития образа героя Н.С. Дашевской.

Таким образом, использование в начале произведения на синтаксическом уровне текста ПГС, позволяющих читателю увидеть Севку «со стороны», сменяется характеристикой героя через конструкции с СИС. Специфика их строения (наличие в качестве именной части предикатной лексемы, именуемой признаком, а не действием, протекающее во времени) позволяет автору отразить более глубокую рефлексию героя, в которую всё больше погружается читатель.

В ходе развития сюжета Севка продолжает характеризовать себя через отрицание, но уже через отрицание негативных качеств: «Не думайте только, что я испугался. Не такой я человек» (Там же, с. 9); «Это не жульничество» (Там же, с. 51); «Никакой я не трус» (Там же, с. 65). Конструкция СИС с отрицательной частицей *НЕ* в составе именной части «не виноват» используется в тексте 4 раза, причем в 3 случаях предикат вносит в повествование юмористический оттенок: «я же не виноват, что парк так неудобно расположен» (Там же, с. 6), «В общем, меня зовут Себастьян. И я совершенно в этом не виноват» (Там же, с. 19), «в этих отставаниях после урока не может быть ничего хорошего. Хотя вроде бы я ни в чём не виноват» (Там же, с. 107).

По мере развития сюжета в тексте более частотными становятся СИС, осуществляющие предикацию-характеризацию без отрицания: «так у меня зрение устроено» (Там же, с. 7); «<...> молодой человек – это я» (Там же, с. 10); «вот <...> я где» (Там же, с. 11); «Я по объявлению» (Там же, с. 14); «Моё полное имя мне велико» (Там же, с. 18). И даже отрицание в себе выдающихся физических способностей, приобретая форму риторического вопроса, позволяет герою засомневаться, так ли он слаб: «Какой из меня гонщик?» – заявляет Севка (Там же, с. 47) и отправляется на первую в своей жизни гонку. Как показывает материал, автор успешно использует прием создания автохарактеристики, позволяющий интимизировать представление героя и расположить к нему читателя. В продолжении текста затрагивается и важная для адресата произведения тема школы.

Двойственным показано отношение героя к ней. На смену представлению о школе как об «ужасном месте» (Там же, с. 4), выйдя из которого можно с полным правом сказать «я <...> стал <...> свободен» (Там же, с. 5), к Севке приходит желание защитить её репутацию в глазах Вилли: «Ну и ужас эта ваша школа! – пожалел меня Вилли». – «Да нет, – сказал я, – вообще ничего» (Там же, с. 31).

Мастерски используя смену ПГС сказуемыми другого вида (СИС), Н.С. Дашевская показывает внутренний рост героя, который всё глубже задумывается о своем месте в жизни, о природе окружающих его обстоятельств, о роли в его жизни семьи, друзей и недругов. Главный герой по мере развития сюжета всё чаще отказывается от одномерного представления об окружающем мире. Он размышляет о том, что можно назвать хорошим или плохим, ужасным: «имя впервые не показалось мне таким ужасным» (Там же, с. 19); «понедельник был неплохой день» (Там же, с. 56); «понедельник и правда неплохой день» (Там же, с. 58) (ср. с устойчивым выражением «Понедельник – день тяжелый»). Ср.: *ужасный* – ‘прил. 1) Вызывающий ужас’ [Ожегов, 1989, с. 676]; *неплохой* – ‘прил. Достаточно хороший, удовлетворительный’ (Там же, с. 328); *тяжёлый* – ‘7. Горестный, мучительно-неприятный’ (Там же, с. 668).

Обратим внимание, что подобные размышления героя в тексте Н.С. Дашевская оформляет с помощью СИС, поскольку именно они сигнализируют о вехах на пути становления героя. Так же, с помощью СИС, выражена его характеристика другими героями – как дружелюбно, так и враждебно настроенными. При этом в позиции основной части сказуемого

преобладают существительные. Н.Д. Арутюнова отмечала, что «в сказуемом характеризующих предложений, если оно выражено существительным, естественна качественная номинация объекта» [Арутюнова, 1976, с. 370]. Н.А. Герасименко, говоря об особенности такого построения предиката, также указывала на «семантический сдвиг, происходящий под влиянием синтаксической позиции. Предметное значение существительного трансформируется в признаковое, потому что позиция сказуемого требует признаковой характеристики предмета, названного в подлежащем» [Герасименко, 2020, с. 32]. Отметим, что использование того или иного предиката характеризует и субъект высказывания: становится понятным, в каких отношениях с главным героем состоит каждый персонаж.

Так, Вилли журит Севку: «Ну ты и соня» [Дашевская, 2018, с. 27], Генка дразнит: «Ты не жадина, а, Воробей?» (Там же, с. 32). Вилли провоцирует на преодоление страхов: «Вот уж не думал, что ты такой трус» (Там же, с. 65), Марк поддерживает: «Ты хороший друг» (Там же, с. 61), «молодец» (Там же, с. 69), как и Тео: «Ты ведь неглупый парень» (Там же, с. 88). Августина же оказывается тем человеком, который подчёркивает в Севке индивидуальность. В употребляемых в её речевой партии в отношении Севки характеристиках с СИС нет имен существительных: она заявляет о тождестве себе самому: «ты – это ты» (Там же, с. 91), об имени высказывается как о любимом: «Севка – зелёное» (Там же, с. 20) (*зелёный* – любимый цвет Августины), то есть Августина оставляет возможность Севке самому добраться до нужного определения. (См. о предложениях тождества [Арутюнова, 1976, с. 300]).

Заметим, что в тексте наблюдается внутренняя полемика Севки с самоидентификацией через тождество «ты – это ты», причем и до того, как оно высказано Августиной, и после: «я – это совсем не я, а что-то неживое» [Дашевская, 2018, с. 54]; «я – это не я, а знак «Осторожно! Мальчик на велосипеде!» (Там же, с. 71); «Как будто я – это не я, а кусок пенопласта» (Там же, с. 98). Н.С. Дашевская применяет схожие синтаксические структуры (в ряде случаев – почти полностью идентичные, как в примере выше о «неплохом дне понедельник») для того, чтобы подчеркнуть, как именно Севка вновь и вновь возвращается к размышлениям о каком-либо явлении, заново переосмысляя его и соглашаясь либо полемизируя с тем, как понимал это явление ранее.

Итак, Н.С. Дашевская, приводя самохарактеристики Севки и его характеристики от лица других персонажей, показывает, насколько трудными оказываются для мальчика работа над самоопределением, познание своего места в социуме и как сильно он нуждается в поддержке. Главным человеком, на которого он равняется, становится отец, встречи и общение с которым являются ключевыми для разрешения возникшего конфликта в душе героя.

Согласно авторскому замыслу, отец не дает прямых характеристик герою. Взамен он делится размышлениями о себе и своем выборе. Так, отец Севки активно спорит с женой, называющей его «архитектором выдуманных замков» (Там же, с. 81) и «хорошим каменщиком», «обыкновенным строителем» (Там же, с. 80): «Каменщиком, тем более хорошим, – замечательно быть. Только понимаешь, в чём дело. Дело во мне. Я не просто каменщик, я художник» (Там же, с. 80). Грамматические особенности СИС позволяют Н.С. Дашевской передать уверенность отца Севки в своём призвании. Он характеризует себя через предмет и/или признак (СИС), а не действие (ПГС). Таким же образом передается и уверенность в том, что результат будет достигнут. При этом вследствие использования СИС вновь акцентируется статическое состояние – результат, а не процесс его достижения: «<...> мой замок будет построен» (Там же, с. 81).

Н.С. Дашевская дублирует в сюжете ситуацию поиска себя (на примере Севки и отца) не случайно. Севке не хватает времени, проведённого с отцом («Он часто уезжает, у него такая работа» (Там же, с. 38)), но нечастые встречи наполнены любовью и безусловным принятием: «Я, между прочим, всегда сразу верил в твои города» (папа Севки) (Там же, с. 95). Приводя рассуждения значимого для главного героя взрослого, столь сходные с рефлексией самого Севки, автор апеллирует к ожиданиям читателя, близкого по возрасту и исканиям главному герою, найти поддержку в семье. Н.С. Дашевская, выстраивая особую художественную атмосферу приятия в повести и вводя в сюжет описанное дублирование, даёт понять ребёнку, что те, кто способен поддержать, обязательно найдутся.

Конфликт между родителями становится отражением внутреннего конфликта в Севке. Он сомневается в своих чувствах, эмоциях, вызванных историей с Августиной и велосипедом. Н.С. Дашевская передаёт его метания с помощью противопоставления нескольких точек зрения, различных как по содержанию, так и по синтаксической форме репрезентации (использование ПГС и СИС). Так, в пределах двух абзацев встречаем: «Не свихнулся же я, в самом деле <...>» – «Может, я всё-таки псих?» (Там же, с. 82)

Конструкции СИС позволяют «присвоить номинацию», которая в силу своей эмоциональной окрашенности способна разрешить ситуацию. «Ну и дурак же ты, Севка. Просто клинический псих», – говорит Марк, имея в виду полную необоснованность Севкиных сомнений в их дружбе (Там же, с. 89), – и ситуация разрешается: «И мне сразу стало легко» (Там же). Кстати, примерно то же говорил и Тео: «Но, прости, то, что ты сейчас говоришь, – это чистая чушь» (Там же, с. 88). Обратим внимание, что, во-первых, Н.С. Дашевская вновь использует СИС для характеристики героя и отражения его точки зрения, и, во-вторых, высказывание Марка является прямым ответом на мучительные размышления Севки о своей «ненормальности». Именно эти слова Марка успокаивают Севку, дают ему понять, что всё в порядке. И вопрос о том, кто же тогда папа, тоже разрешается: «<...> я с папой <...> мой папа – волшебник» (Там же, с. 98). Тогда Севка – сын волшебника.

Таким образом, к концу повести рефлексия Севки достигает апогея и вопрос о самоидентификации разрешается. Н.С. Дашевская, используя СИС и, в ряде случаев, подлежащие (номинация субъекта) во множественном числе, показывает, как на смену размышлениям о том, что место Севки «было занято» (Там же, с. 82), он «опять один» (Там же, с. 83), друзьям «нормально там было» без него (Там же, с. 89), приходит понимание того, что он не одинок, подкрепляемое как его рассуждениями, так и репликами других героев: «мы [с Комариком] друзья» (Там же, с. 60); «Хорошие у тебя друзья» (Августина – Севке) (Там же, с. 73); «мы [с отцом] уже были недалеко» (Там же, с. 99); «вы сейчас на вокзале» (Там же, с. 99); «Нас будет уже четверо» (Там же, с. 106); «наша мама – это не мы с тобой» (Там же, с. 110). Это ощущение причастности к семье или дружескому коллективу дублируется и в характеристиках других персонажей: «Пуговица и очки. Шарф. Гнутая вилка. Выходит, они друзья» (Там же, с. 41), «В общем, всё равно они соседи» (Там же, с. 108). Сестра Тео признаётся: «Мы близнецы» (Там же, с. 103). И самохарактеристика опирается на признание себя частью доброжелательно настроенного сообщества, будь то семья или компания друзей. Одним из таких сообществ становится и школа, а Анна Сергеевна – другом (Там же, с. 107–109).

Н.С. Дашевская творчески доказывает, что коллектив не отменяет индивидуальности каждого. Одно из ключевых мест в повести занимает глава «Теория четырех красок», суть которой сводится к тому, что четырёх красок достаточно для того, что раскрасить любую

карту. В конце повести Севка возвращается к этой теории: «Я сегодня подумал, что у нас у всех глаза разные. Тёмно-карие у Марка, у Коли – голубые, как в книжках рисуют. Он стесняется даже, что такие яркие. У меня – серые, самые обыкновенные. И зелёные-зелёные – у Августины Блюм. Такая у нас теперь будет теория четырёх красок» (Там же, с. 111). В данном случае, как видно из отрывка, построение фраз через СИС даёт автору возможность подчеркнуть, что у ребят есть то, что объединяет, – дружба, и то, что индивидуально, т.е. свой «цвет на карте». Теперь каждому из них есть на что опереться, продолжая расти и переосмыслять своё место в жизни на определённых этапах взросления, как показывает Н.С. Дашевская.

По мысли В.В. Леденёвой, предпочтение языковых средств, устанавливаемое по фактору частотности, представляет собой особенность идиостиля [Леденёва, 2001, с. 12]. Отметим, что последовательное использование и частотность конструкций с СИС мы считаем идиостилевой чертой Н.С. Дашевской, поскольку их грамматические особенности позволяют отразить возникновение у героя желания разобраться в себе как личности, обладающей самоценностью безотносительно выполняемых функций. СИС помогают зафиксировать весь рефлексивный путь героя, озвучить характеристики и самохарактеристики. Они по-своему замедляют повествование, погружая читателя, заинтересованного в событиях жизни героя, в размышления и о своём жизненном пути. Всё это отражает основную интенцию писателя Н.С. Дашевской, художественной целью которой является поддержка читателя, проходящего сложный путь взросления.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы М.: Наука. 1976. 383 с.
2. Герасименко Н.А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2019. № 2. С. 28–34.
3. Герасименко Н.А. Теория сказуемого П.А. Леканта и её развитие в современном синтаксисе // Лекантовские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 20 ноября 2020 года. М.: Московский государственный областной университет. 2020. С. 30–35.
4. Дашевская Н. Вилли. М.: КомпасГид. 2018. 112 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. Режим допуска: <https://efremova.slovaronline.com>
6. Леденёва В.В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2001. № 3–5(23). С. 12.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. 1989. 750 с.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

А.А. Лебедев

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

Аннотация. Цель статьи – исследование вставных структур в поэзии П.А. Вяземского с точки зрения их структуры, семантического наполнения и функционального потенциала. Вяземский – один из наиболее известных поэтов пушкинской поры, использующий в своих стихотворных текстах вставные конструкции, оформляемые при помощи парных скобок или парных тире; при этом для поэта парентезы являются значимым инструментом поэтического синтаксиса и используются во всем многообразии их функций.

Abstract. The purpose of the article is to study parentheses in the poetry of P.A. Vyazemsky, taking into account their structure, semantic content and functional potential. Vyazemsky is one of the most famous poets of the Pushkin era, who uses parentheses in his poetic texts (with paired brackets or paired dashes); at the same time, in Vyazemsky's poetry, parentheses are a significant tool of poetic syntax and are used in all the variety of their functions.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, парентеза, вставная конструкция, П.А. Вяземский.

Key words: poetic syntax, parentese, plug-in construction, P.A. Vyazemsky.

Вставные конструкции (парантезы, парентезы, вставки) – один из видов экспрессивных синтаксических построений с широким выразительным потенциалом, присутствующий в разных видах текстов, в том числе и в литературных произведениях. При помощи вставных конструкций можно формировать добавочные замечания, пояснения (причем в компактной форме). Автор текста с использованием парентез может передать значительный объем дополнительных сведений, сделать высказывание более информативно емким, а также позволить читателю более точно декодировать художественное сообщение с опорой именно на ту точную интерпретацию, которую изначально планировалось заложить в текст. При этом вставные конструкции являются необязательными с точки зрения понимания смысла основного сообщения, носят факультативный характер, дополняют основное содержание высказывания.

Художественные тексты активно анализируются современными исследователями в аспекте использования вставных конструкций – это касается как прозаических, так и поэтических текстов, причем не только современных [Кулаковский, 2002; Кулаковский, 2018], но и восходящих к XVIII веку [Афанасьева, 2016].

Вставные конструкции как неотъемлемая составляющая литературного языка закрепились в XVIII веке – именно с этого времени вставочные компоненты распространяются в книжной речи. Как отмечает Н.В. Патроева, «толчок к освоению парантез русской поэзией, несомненно, во многом обусловила поэтическая практика И.А. Крылова» [Патроева, 2021, с. 53]. В XIX столетии сфера применения вставных конструкций еще более увеличивается. Причина этому – тенденция к демократизации художественной речи в сочетании с поиском дополнительных средств, позволяющих автору выразить собственное мировосприятие в тексте произведения.

Петр Андреевич Вяземский был свидетелем и участником споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, где поддерживал представителей «нового языка», карамзинистов. Для идиостиля П.А. Вяземского, поэта логики мысли, весьма важным было использование в поэзии всего богатства языка, его лексических запасов и грамматических форм. Вяземский демократизировал литературный язык с опорой на его лучшие традиции,

что отражалось не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне его поэтического языка (подробнее см. [Лебедев, 2013]).

В соответствии с этим заслуживающим внимания видится исследование вставных структур в поэзии П.А. Вяземского с точки зрения их структуры, семантического наполнения и функционального потенциала. Материалом исследования выступили стихотворные произведения, опубликованные в собрании сочинений П.А. Вяземского и извлеченные методом сплошной выборки. Следует оговориться, что в исследование попали только те вставки, которые были оформлены при помощи парных скобок или парных тире. В проанализированных текстах было обнаружено 43 вставные конструкции. В 22 случаях для их оформления используются скобки, в 21 случае – тире. Соотношение между числом слов во вставной конструкции и количеством таких конструкций представлено в таблице 1.

Таблица 1

Количество вставных конструкций с определенным числом слов

Число слов	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11+	Всего
Количество конструкций	4	9	7	6	3	4	4	0	2	4	43

Средняя длина вставной конструкции в поэзии П.А. Вяземского составляет 5,6 слова. При этом вставные конструкции со скобками в среднем существенно длиннее, чем вставки с тире (7 слов и 4,1 слова соответственно).

Из 43 конструкций меньше одной стихотворной строки занимают 20 контекстов; ровно одну строку – 16 контекстов; больше одной строки – 7 контекстов.

подавляющее большинство вставных конструкций, оформленных с использованием двойных тире, занимают меньше одной строки (16 из 21 контекста).

Говоря о положении вставных конструкций размером менее одной строки, следует отметить, что они тяготеют к концу строки. Исключения из этого правила единичны:

Кому на казнь даны чувствительные нервы

(Недуг новейших дней), тому совет мой первый:

Проселком на Руси не ездить никогда [Вяземский, 1986, с. 273].

Но, по нашему покрою,

Если немца взять врасплох,

А особенно зимою,

Немец – воля ваша! – плох [Вяземский, 1986, с. 304].

Вставные конструкции в поэзии Вяземского включены исключительно в авторскую речь (хотя стихотворные произведения с прямой речью героев в его творчестве нередки – в частности, эпиграммы). Функциональный потенциал вставных конструкций в поэзии Вяземского многообразен.

Вяземский склонен при помощи связок давать оценочные суждения, используя в том числе и эмоциональные восклицания, что оживляет повествование и способствует большему экспрессивному воздействию на читателя стихотворения:

Когда губернский регистратор,

Почтовой станции диктатор

(Ему тупун бы на язык!),

Сей речью ставит вас в тупик [Вяземский, 1986, с. 171].

*Надутый самохвал, сыгравший жизнь вничью,
Влюбленный по уши в посредственность свою
(А уши у него Мидасовых не хуже)* [Вяземский, 1986, с. 362].

Уточнения, содержащиеся во вставных конструкциях, нередко представляют собой комментарии автора к событиям стихотворения или предположения, связанные с действиями лирических героев:

*Почтенной публикой (я должен бы сказать:
Почтеннейшей – но в стих не мог ее загнать) –
Почтенной публикой не очень я забочусь,
Когда с пером в руке за рифмами охочусь* [Вяземский, 1986, с. 331].

*Не тот, по мне, счастлив, кто многим обладает,
Воспитан в роскоши, в звездах золотых сияет
(Ни злато, ни чины ко счастью не ведут);
Но тот, чьи ясны дни в невинности текут,
Кто сердцем не смущен, кто, славы не желая,
Но искренно, в душе, свой рок благословляя,
Доволен тем, что есть, и лучшего не ждет –
И небо на него луч благости льет!* [Вяземский, 1986, с. 53].

Во вставные конструкции могут включаться вопросы, усиливающие эмоциональность текста, заставляющие читателя задуматься о смежных вопросах, понимание ответа на которые напрямую влияет на общее восприятие текста.

*«Kurczeta, raczki i szparagi»
(Чего не стерпит лист бумаги
И рифма под моим пером?)* [Вяземский, 1986, с. 175].

*В твоих гекзаметрах, с природы верных сколках
(И как тут помышлять о наших школьных толках?),
Всё отражается, как в зеркале живом* [Вяземский, 1986, с. 309].

*В раю – уж, кажется, в раю ли знаясь с скукой? –
Ей стало скучно под конец!* [Вяземский, 1986, с. 157].

Единичны в поэзии Вяземского случаи, когда парантеза является авторским комментарием к продолжению замысла собственного произведения:

*Теперь до нового ночлега
Простите... (продолженье впрёд)* [Вяземский, 1986, с. 201].

В некоторых случаях поэт при помощи вставки пытается выстроить своеобразный скрытый диалог между читателем и лирическим «я», ожидая от адресата текста некоей эмоциональной реакции и, возможно, сопереживания.

*Судьба по трактам европейским
(Что мне, признаться, очень жаль)
Меня не завозила вдаль* [Вяземский, 1986, с. 173].

Вяземский во вставках склонен ссылаться на третьих лиц, называя их как напрямую, так и обобщенно:

*Я на море горел, и сквозь ночную тьму
(Не мне бы тут стоять, а Данте самому),
Не сонный, наяву, я зрел две смерти рядом,
И каждую с своим широкозевным адом:
Один весь огненный и пылущий, другой –
Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
И оставалось мне на выбор произвольный
Быть гусем жареным иль рыбой малосолевой* [Вяземский, 1986, с. 273].

*И Бавий наш в стране, где зла, ни мести нет
(О тени славные! Светила прежних лет!
Простите дерзкое имен мне сочетанье),
И Бавий – за него пред небом клятву дам –
По гроб не изменит ни рифмам, ни свисткам* [Вяземский, 1986, с. 94].

Анализ вставок в поэзии П.А. Вяземского позволяет прийти к ряду выводов:

1. Именно в поэзии вставные конструкции в полной мере реализуют свой потенциал (как экспрессивный, так и смысловой), оказываясь эффективным инструментом компактного представления знаний автора о событиях. Поэзия Вяземского является подтверждением этому тезису.

2. Вставные конструкции в поэзии П.А. Вяземского многофункциональны – помимо собственно решения ритмо-мелодических задач, автор за счет данных элементов вступает в диалог с читателем, подталкивает его к размышлению в нужном направлении, информирует его – словом, подходит к использованию парентез максимально эффективно.

3. Вяземский не склонен использовать протяженные вставные синтагмы (все они своим размером не превышают двух строк), хотя в общем и целом синтаксис поэтических текстов Вяземского в некоторых случаях тяжеловесен и объемён (в частности, поэт может использовать в своих стихах многочастные сложные предложения с разными типами синтаксической связи). Таким образом, для Вяземского вставная конструкция – важный инструмент поэтического синтаксиса, к которому автор прибегает лишь в исключительных случаях.

Литература

1. Афанасьева Е.А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н.М. Карамзина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11. С. 3–12.
2. Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. 544 с.
3. Кулаковский М.Н. Функции вставных конструкций в лирике В. Набокова // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4. С. 5–13.
4. Кулаковский М.Н. Функции вставных конструкций в лирике И.А. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 115–119.
5. Лебедев А.А. Идиостиль П.А. Вяземского: синтаксический аспект. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 136 с.
6. Патроева Н.В., Мухина Е.А. Функционирование вставных конструкций в поэзии И.А. Крылова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 45–53.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ
КИТАЙСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ЮЛЬСКОГО)**

Ли Цзябао

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются китайские синтаксические кальки, используемые русским писателем Б. Юльским в качестве средства отражения специфического сознания китайских персонажей. Рассматриваются случаи взаимообусловленности семантических и синтаксических калек. Выделяются функции китайских калек в русскоязычном художественном тексте.*

***Abstract.** The article analyzes the Chinese syntactic calque used by the Russian writer B. Yulsky as a mean of reflecting the specific ethnocultural consciousness of Chinese characters. Cases of interdependence of semantic and syntactic calques are considered. The functions of the Chinese calques in the Russian-language literary text are determined.*

***Ключевые слова:** Борис Юльский, калькирование, синтаксическая калька, китайское сознание, художественные функции.*

***Key words:** Boris Yulsky, calquing, syntactic calque, Chinese ethnocultural consciousness, literary functions.*

Согласно энциклопедии «Русский язык», калька (от франц. *calque* – копия, подражание) – «слово или выражение, созданное по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов и представляющее собой скрытое заимствование, воспроизводящее внутреннюю структуру иноязычного оригинала» [Добродомов, с. 175].

В лингвистике выделяют следующие виды калек:

- 1) словообразовательные – поморфемный перевод иностранных слов;
- 2) семантические – заимствование одного из значений многозначного слова;
- 3) фразеологические – дословный перевод устойчивых выражений;
- 4) синтаксические – буквальное воспроизведение конструкции из другого языка.

Наше исследование посвящено синтаксическим калькам, которые, по словам И.Г. Добродомова, создаются «переносом особенностей построения фразы одного языка в другой» [Добродомов, с. 175]. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой синтаксические кальки определяются как «конструкции, образованные по иноязычной модели» [Розенталь, с. 103].

Учёные отмечают, что в художественных текстах синтаксические кальки «используются в стилистических целях для более яркой характеристики персонажей» [Добродомов, с. 175]. Они, как и другие виды калек, «передают специфику другой нации, культурные особенности иной страны» [Кожевникова, с. 16].

Предметом нашего исследования стало использование китайских синтаксических калек в русскоязычном художественном тексте. Источником материала для анализа послужили рассказы яркого представителя русской литературы харбинской эмиграции Бориса Юльского: «Возвращение г-жи Цай» и «Вторая смерть Шазы» из сборника «Зелёный легион», изданного во Владивостоке в 2011 году [Юльский, с. 549]. Вообще мы исследовали тексты шести рассказов, в них обнаружили примеры калек разных типов, но синтаксические кальки были зафиксированы именно в этих двух рассказах.

Существует очень много исследований, посвящённых языковому калькированию, однако о китайских кальках в русскоязычном художественном тексте нам удалось найти только одну работу. Это статья Чжан Шо, в которой рассматривается калькирование как способ репрезентации китайского сознания в рассказах А. Хейдока. В ней представлены 2 случая синтаксической кальки:

- 1) использование словосочетаний, включающих прилагательное и имя собственное;
- 2) использование в диалоге форм 3 лица вместо 1 лица [Чжан Шо, с. 319].

Анализ нашего материала позволил выявить следующие примеры калькированных выражений, воспроизводящих синтаксические конструкции, характерные для китайского языка и не характерные для русского.

1. Использование определения *старый* при существительном, обозначающем фамилию человека, например:

И соседи невольно подумали, что это был, может быть, добрый дух дома, охранявший хозяина и теперь, когда старый Цай умер, покинувший землю для того, чтобы вернуться в свои небесные края [Возвращение г-жи Цай, с. 324].

Как только небо на востоке стало светлеть, старый Ма вышел во двор, зябко вздрагивая ссохшимися костлявыми плечами [Вторая смерть Шазы, с. 73].

К этой же модели мы отнесли многочисленные примеры употребления прилагательного *старый* перед сочетанием фамилии со словом *господин*:

Старый господин Цай выкурил свою первую трубку, вспоминая яркий летний день на берегу реки в благословенной провинции Шань-дун [Возвращение г-жи Цай, с. 316].

Аромат курений распространился по комнате; старый господин Цай молился в последний раз [Возвращение г-жи Цай, с. 323].

На кане сидела большая седая крыса, а старый господин Цай лежал перед нею и говорил, говорил до самой утренней зари [Возвращение г-жи Цай, с. 324].

Выражения *старый Цай*, *старый Ма*, дословно воспроизводящие китайские словосочетания 老蔡 (lǎo cài), 老马 (lǎo mǎ), прежде всего содержат семантическую кальку – *старый* в значении «уважаемый, почтенный». Согласно толковым словарям современного китайского языка, слово 老 *lǎo*, помимо первого, основного значения, указывающего на возраст, имеет значение указания на вежливую форму обращения, выражение уважения, почтения к адресату или объекту речи – «пожилой, поживший, проживший много лет человек (в основном используется для выражения почтения)»: 张老 *zhāng lǎo* (Чжан лао). 徐老 *xú lǎo* (Сюй лао) [Словарь современного китайского языка, с. 777].

Нормальными являются и употребления с 老 *lǎo* в препозиции: 老张 *lǎo zhāng* (лао Чжан); 老徐 *lǎo xú* (лао Сюй).

В словарях русского языка у слова *старый* значения «уважаемый, почтенный» нет, но есть целый ряд негативнооценочных значений: «не подходящий по возрасту», «негодный, дурной, несообразительный», «не современный, устарелый» и др. [Большой толковый словарь русского языка]. В русскоязычной коммуникации называть человека старым – значит указывать на его слабость, немощность, несоответствие современным требованиям, и это звучит грубо, поэтому в русском языке слово *старый* не употребляется в обращениях и словосочетаниях типа *старый Иванов*, *старый господин Петров* невозможны.

А в китайском языке слово 老 *lǎo* вызывает ассоциации с ценным жизненным опытом. Называть человека старым в китайской коммуникации – значит подчёркивать его мудрость,

авторитет. Поэтому определение *старый* используется для уважительного обращения и синтаксическая конструкция «老 *lǎo* + фамилия» очень распространена. Словосочетания типа 老张 *lǎo zhāng* часто переводятся не только как «старый Чжан», но и как «уважаемый Чжан», «почтенный Чжан». Об этом говорит и автор анализируемых нами рассказов Борис Юльский в специальном метаязыковом комментарии:

*Лао Цай, – что означает «**почтенный Цай**», как звали его знакомые – имел на краю города маленький дом с садиком и голубятней* [Возвращение г-жи Цай, с. 318].

Поэтому к данному случаю мы отнесли также использование определения *почтенный* в сочетании с фамилией:

Почтенный Цай был мудр: он курил опиум очень долго и отлично знал, что такое «фа-ин» [Возвращение г-жи Цай, с. 318].

Хотя в русском языке слово *почтенный*, в отличие от *старый*, имеет только положительные коннотации, но сочетания этого слова с фамилией также не употребляются: выражения типа *почтенный Иванов* или *почтенная Петрова* являются неестественными.

Таким образом, семантическая калька (*старый* в значении «уважаемый, почтенный») порождает синтаксическую кальку – употребление данного прилагательного в сочетании с фамилией человека. В рассказах Б. Юльского сочетания типа *старый Цай, старый господин Цай, почтенный Цай, почтенный господин Цай* являются китайскими синтаксическими кальками и очень органично передают не только особенности китайского этикета, но и такую ценность китайской культуры, как глубокое уважение к старости.

2. Использование конструкции со специфичным производным предлогом:

*Перед похоронами супруги старый господин Цай курил трубку за трубкой и думал о первых встречах и днях счастья **под солнцем провинции Шань-дун*** [Возвращение г-жи Цай, с. 317].

В китайском языке пространственные отношения (значение места) часто выражаются с помощью конструкции 在[...]的天空下 *zài [...] de tiān kōng xià*, которая буквально переводится на русский язык как «под небом какого-либо места», например:

生活在中国的天空下; shēng huó zài zhōng guó de tiān kōng xià – жить в Китае (буквально *жить под небом Китая*);

生活在上海的天空下; shēng huó zài shàng hǎi de tiān kōng xià – жить в Шанхае (буквально *жить под небом Шанхая*);

生活在山东省的天空下; shēng huó zài shān dōng shěng de tiān kōng xià – жить в провинции Шаньдун (буквально *жить под небом провинции Шаньдун*).

Борис Юльский использует в своём рассказе выражение *под солнцем провинции Шань-дун*, мы считаем, что это синтаксическая калька китайской локативной конструкции 在[...]的天空下.

С помощью синтаксической кальки в данном случае косвенно передаётся такая особенность китайской картины мира, как убеждённость в том, что люди живут под постоянным наблюдением небесных духов.

3. Обращение к собеседнику в 3-м лице вместо 2-го. Например:

– *Старик! – позвал он. – Это твоя дочь?...*

Хозяин, сгибаясь, остановился перед сидевшим хунхузом.

– *Это вдова моего сына. Если **почтенный старший брат хочет** поговорить с ней...*

– *Да, я хочу!* [Вторая смерть Шазы, с. 75].

В этом примере также есть семантическая калька – употребление термина родства 大哥 dà gē «старший брат» по отношению к не родственнику. И здесь семантическая калька также выступает в единстве с синтаксической – в данном случае это употребление форм 3 лица для обозначения собеседника: вместо *Если ты хочешь поговорить с нею* китайский персонаж рассказа Б. Юльского говорит *Если почтенный старший брат хочет поговорить с нею*. Этим автор передаёт, с одной стороны, типичную особенность китайской коммуникации – обращение к собеседнику в 3 лице как способ избежать прямолинейного вторжения в его коммуникативное пространство и проявить вежливость, уважительное отношение к нему. С другой стороны, такое подчёркнуто уважительное обращение передаёт здесь эмоциональное состояние персонажа – страх, ужас, который он испытывает, обращаясь к предводителю хунхузов.

Таким образом, в рассказах Бориса Юльского китайские синтаксические кальки выполняют следующие функции:

- 1) отражение специфических норм общения, принятых в китайской культуре, правил национального этикета;
- 2) отражение китайской картины мира, включающей этнокультурные представления о том, как устроен мир, традиционные ценности китайского народа;
- 3) отражение эмоционального состояния персонажа-китайца – поведения, характерного именно для представителя китайской культуры.

Это позволяет Б. Юльскому с помощью средств русского языка добиться художественной достоверности в изображении носителей китайского сознания, китайской культуры.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
2. Добродомов И.Г. Калька // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 175–176.
3. Кожевникова М.А. Художественный мультилингвизм в языке писателя-эмигранта Б. Хазанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2016. 20 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
5. Чжан Шо. Калькирование как способ репрезентации китайского сознания в русскоязычном художественном тексте (на материале рассказов А. Хейдока) // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Владивосток, 2018. С. 312–316.
6. Юльский Б.М. Зелёный легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 560 с.
7. 现代汉语词典. 第6版, 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页 [Словарь современного китайского языка. 6-е издание. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. 1874 с.]. (На кит. яз.)

МЫСЛЬ О ПРОТИВОРЕЧИИ И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ В ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»

М.С. Милованова

Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация. Доклад посвящен анализу художественного текста с формально-грамматической, функциональной точки зрения, реализующей подход «от конструкции», предложенный А.Ф. Прияткиной и дающий возможность связать формально-морфологический уровень и уровень синтаксический, включающий такие сложно организованные единицы, как многокомпонентное предложение, сложное синтаксическое целое и текст. Союзы, организующие синтаксические конструкции, актуализируют позицию автора, связанную с мыслью о противоречии, и являются носителями экспрессивного начала в тексте повести «Митина любовь».

Abstract. The report is devoted to the analysis of a literary text from a formal-grammatical, functional point of view, which implements the "from construction" approach proposed by A.F. Priyatkina and makes it possible to connect the formal-morphological level and the syntactic level, including such complexly organized units as a multicomponent sentence, a complex syntactic whole and a text. The unions which organise the syntactic constructions actualize the author's position related to the idea of contradiction and are carriers of the expressive beginning in the text of the novella "Mitya's Love".

Ключевые слова: текст, синтаксис конструкций, сочинительные союзы, противоречие, экспрессивность.

Key words: text, syntax of constructions, compositional conjunctions, contradiction, expressiveness.

Противоречие (логическое) – соединение в мысли исключаящих друг друга понятий.

Малый энциклопедический словарь. М., 1959

Противоречие. Мысль или положение, несовместимое с другим, опровергающее другое, несогласованность в мыслях или поступках.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1939

Подход «от конструкции», при котором ведущая роль принадлежит средствам связи, позволяет анализировать текст с формально-грамматической, функциональной точки зрения [Прияткина 2007, с. 43], чтобы выявить тонкие оттенки мысли автора или актуализировать его главную мысль. К.Я. Сигал, исследовавший на экспериментальном материале *конструктивную природу сочинения*, выдвигает тезис: «Сами синтаксические единицы обладают текстоориентированной организацией» [Сигал, 2004, с. 133]. Следовательно, выбор противительной конструкции или соединительной программирует мысль согласную или несогласную, если вслед за С.О. Карцевским воспринимать сочинительную связь как своеобразный диалог и как отношение *противительное – не-противительное* [Карцевский, 1961, с. 125].

Если представить художественный текст как результат своеобразного спланированного индивидуально-авторского лингвopsихологического эксперимента (по аналогии с идеей В.А. Нуриева о переводческом – вторичном тексте) [Нуриев, 2020], то текст повести «Митина любовь» отражает философскую позицию самого автора, в основе которой мысль о *противоречии* между жизнью и смертью, в интерпретации Бунина – между любовью и смертью. Известный исследователь творчества И.А. Бунина О.Н. Михайлов отмечает, что в эмигрантских

произведениях Бунина «смерть оказывается разрешительницей всех противоречий <...>. Близость любви и смерти, их сопряженность была для Бунина фактом очевидным, никогда не подлежала сомнению» [Михайлов, 1976, с. 182, 190]. Такова концепция Ивана Бунина, сформировавшаяся в доэмигрантский период и выдвинутая впервые в рассказе «Легкое дыхание» – программном бунинском произведении: любовь не может длиться долго, это мгновение, миг, вспышка. Выбор Бунина-писателя для судьбы главного героя соответствует этой философской позиции в отношении темы любви, в данном случае раскрытой через противопоставление, интерпретированное как противоречие между реальной жизнью и мечтой, образом любви и счастья (Катя настоящая и Катя-образ).

Собственно, вся эта двойственность и уступительность присутствует в их отношениях с Катей с некоторых пор – точная дата сообщается в первом предложении текста: *В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта*. В дополняющем эту мысль следующем предложении она смягчается уступкой: *Так, по крайней мере, казалось ему*. Мысль о противоречии – такой не всегда оформленный синтаксически комплексный смысл выводится из содержания текста, эксплицировать который можно с помощью введения уступительно-противительной конструкции *Да... но* [Булыгина, Шмелёв, 1997]: **Да**, была весна и был счастливый день, **но** «многое даже и в этот день было неприятно и больно»; **Да**, была любовь, **но** была Митина недоверчивость, подозрительность – ревность вплоть до ненависти («ненависть и ревность»): «Что до Митиной любви, то она теперь почти всецело выражалась только в ревности»; **Да**, была Катя – такая, какой он хотел ее видеть, «особенно хорошенькая, вся дышала простосердечием и близостью, часто с детской доверчивостью брала Митю под руку и снизу заглядывала в лицо ему, счастливому <...>» (ключевые слова – *хорошенькая, простосердечие, близость, детская доверчивость*), **но** «уже и тогда нередко казалось, что как будто есть две Кати: одна та, которой с первой минуты своего знакомства с ней стал настойчиво желать, требовать Митя, а другая – подлинная, обыкновенная, мучительно не совпадавшая с первой».

Соединительный союз *и*, в силу максимальной абстрактности семантики, способен организовать уступительно-противительные или противительные отношения (мысль о противопоставлении, противоречии, контрасте). В тексте повести союз выражает эти отношения: 1) в сопровождении смысловых модификаторов: <...>. **И всё-таки Катя смотрела на него непритворно любящим и грустным взглядом**; <...>. **И всё-таки были на то какие-то другие причины**; <...>. **И всё же ничего подобного теперешнему не испытывал Митя тогда**; 2) при лексической поддержке – антонимические отношения соединяемых компонентов дают представление о контрасте-противоречии: **смесь ангельской чистоты и порочности**; **зима – счастливая и мучительная**; **острые радости и горести на гимназических балах**; 3) в сочетании союзных модификаторов с антонимической лексикой: **Он был болезненно, пьяно несчастен и вместе с тем болезненно счастлив**; **в ее чуть вызывающем и вместе с тем невинном взоре**.

Однозначным и несомненным текстовым маркером мысли о противоречии становится союз *но*, семантика которого включает сему *уступки* (как знание другой точки зрения и определенное согласие с ней) и доминирующую сему *ограничения* (как неполное отрицание). Союзы, релятивные частицы, союзные комплексы – *зато* (1), *всё же* (2); *всё же* (2) / *и всё же* (1) / *а всё же* (1); *и всё-таки* (4) / *а всё-таки* (1); *всё равно* (1); *и вместе с тем* (3); *а напротив* (3); *хотя* (10); *однако* (10). Союз *но* оказывается самым востребованным в тексте

противительным средством: 83 случая употребления, в том числе с сопроводителями – семантическими конкретизаторами.

В отношении союза *но* исходим из положения, что он обладает *единственным* [Виноградов, 2001, с. 584], но сложносоставным значением, включающим две ведущие семы ограничения (= частичное отрицание) как доминирующую и сему уступки, способную к расширению в определенной степени; прочие возможные семы выявляются только в контексте [Милованова, 2011]. «Словарь служебных слов» характеризует союз *но* как «семантически сложный (многогранный). В конкретном употреблении “но” обычно проявляются сразу несколько элементов значения, один или два из которых могут быть ведущими» [Словарь служебных слов, 2001, с. 107].

Вместе с тем в условиях такой сложной синтаксической единицы, как текст, семантическое содержание союза *но* может быть усложнено в еще большей степени. В тексте повести это союз *но* в актуализированной инициальной позиции в предложении *Но письма не было*, которое может быть охарактеризовано как своеобразная доминанта текста (XIII глава). (Самостоятельные предложения, объединенные сочинительными союзами, имеют непосредственное отношение к синтаксису текста [Диброва, 2008].)

Композиционная, смысловая и синтаксическая доминанта текста – предложение *Но письма не было* как переход к другой теме, мысли – свойство союза *но*, которое характеризуется в лингвистической литературе как *поворот темы* (И.Н. Кручинина), как *сигнал поворота повествования* (Е.В. Урысон). Однако в рамках текста это возврат к прежней теме.

Предложение обнаруживает двойные противительные связи – во-первых, с темой предыдущих предложений, которая задана первым предложением, составляющим абзац, *Сад разнообразно одевался*, и развивающей эту тему лексикой следующих за ним предложений: «узор юной листвы», «кудрявое благоуханье сливочного цвета», «подвенечная белизна яблонь, груш, черемух», «синева неба», «чистый зеленый двор», дом, ставший «как будто меньше и красивее», «как будто ждал гостей», «солнечная библиотека», «празднично глядевшие комнаты», «яркая синева между деревьев» и т.д. Вместе с тем (во-вторых) эти внешние приметы весны и счастья составляют противоречие с внутренним состоянием Мити – его изменившимся состоянием: внешне всё то же – *свежесть и новизна дома и сада*, однако ощущение праздника и счастья уже не имеют отношения к самому Мите. Ср. замечание В.В. Виноградова: «Эмоционально-контрастные характеристики состояния героя – с помощью противительных конструкций» [Виноградов, 1959, с. 124].

Именно это главное двойное противоречие между ожидаемым и действительным (ср. значение компонента, вводимого союзом *но* – «вопреки ожидаемому» [Словарь служебных слов, 2001, с. 108]), между внутренним состоянием и внешним миром раскрывает предложение *Но письма не было*, структурно и логически связанное не только с непосредственно предшествующим ему предложением («И везде в комнаты *празднично* глядели <...>» очевидный контраст закреплен лексически), но и с другим текстовым фрагментом – последними предложениями предшествующей главы (глава XII): Митя, получивший Катино письмо, влюбленный и счастливый, бродит по весеннему саду: *Домой он шел медленно <...>* Противоречие, закрепленное союзом *Но* и прописанное в тексте ниже – в предложении, начинающемся с мотивирующего слова *ведь*, состоит в том, что «за таким письмом, как первое, тотчас же должно было последовать что-то еще более прекрасное и радующее». Союз *но*, осуществляя связь между дистантно расположенными предложениями

(текстовый фрагмент), реализует свое *собственно противительное* значение, с другой стороны – по отношению к предложениям, с которыми он устанавливает непосредственную, контактную связь, он имеет значение *противительно-уступительное* (ср. возможную трансформацию: *несмотря на прелесть весны...*).

В анализируемом предложении *Но письма не было* семантическая двойственность союза *но* может быть охарактеризована не как *синкретизм*, а как *контаминация*: наложение одних смысловых отношений на другие – «без смешивания»: собственно противительные (с актуализированной ограничительной семой) + противительно-уступительные (ограничение + уступка – с расширенной зоной уступки).

Если сравнить эти специфические отношения в предложении *Но письма не было* с расположенными следом в том же абзаце и также начинающимися с союза *Но*, то есть также структурно самостоятельными предложениями, то каждое из них имеет отношение исключительно к предыдущему: реализация их текстовых связей ограничена. Таким образом, перед нами линейная, последовательная противительность, в отличие от тех объемных отношений, которые выстраивает союз *Но* в предложении *Но письма не было*.

Таким образом выявляется его важность в предложении и тексте в целом, в структурной, смысловой и коммуникативной организации повести. Предложение отмечает окончание первой части, выполняющей роль *темы*, которую можно обозначить «Первая любовь», о которой много написано или много известно из личного опыта окружающих (Ср. текстовые параллели: *Сверху ласково синело небо, – а мне было так грустно* (И.С. Тургенев. Первая любовь); *Он поднял глаза: над садом торжественно и радостно сияло небо* <...> (И.А. Бунин. Митина любовь). Читатель имеет личное или самое общее представление о том, что такое *первая любовь* и каким праздничным и одновременно тревожным состоянием она сопровождается. (*Первая любовь* – европейское заимствование, понятие, ставшее частью русской культуры, ср. аналоги в европейских языках: *les premières amours* (фр.), *primo amore* (итал.), *primer amor* (испанск.), *first love* (англ.)

Текст до союза *но* подготавливает введение нового – *ремы*. Следующая за этим предложением часть повести – основная, выполняющая функцию *ремы*: напряженная, драматичная в ходе повествования и трагическая в развязке. Таким образом, союз *но* становится маркером актуального членения на уровне всего текста повести.

Предложение *письма не было*, вводимое союзом *но*, следует общему положению о противопоставлении, принцип которого сформулирован А.М. Пешковским на материале прецедентной конструкции *строг, но справедлив*: «Второе из противопоставляемых представлений нам кажется важнее первого» [Пешковский, 2001, с. 82]. То есть изначальная коммуникативная весомость союза усиливается внутритекстовыми связями.

Е.В. Урысон отмечает особую метатекстовую функцию союза *но*: «Перед нами особый сигнал, своего рода предупреждение о неожиданной информации» [Урысон, 2006, с. 36]. Однако в данном случае информация не совсем новая, она вводится постепенно – в виде авторских комментариев («ходил по Москве в том странном опьянении, которое бывает, когда человек еще бодро держится на ногах, но уже болен какой-то тяжелой болезнью»); внутренней речи героя – Митиных размышлений и его категорического утверждения «Застрелюсь!»; интертекстуальных включений (А. Блок «Девушка пела в церковном хоре»: *Причастный к Тайнам, – плакал ребенок / О том, что никто не придет назад*; К. Прутков «Юнкер Шмит»: *Юнкер Шмит из пистолета / хочет застрелиться*; Г. Гейне «Азр»: «Я из

рода бедных азров – / *Полюбив, мы умираем*»; А.С. Грибоедов «Горе от ума»: *Живите-ка смеясь <...>* [читай: *не умирайте*]).

Сочинение, по С.О. Карцевскому, есть диалог («диалог внутри фразы»), в этом случае союз *но*, эксплицирующий оппозитивный *внутренний* диалог, свидетельствует о внутренней борьбе *да/нет* – в сущности главный герой решает для себя и применительно к ситуации гамлетовский вопрос *быть или не быть?* Причем повествование лишено признаков аффекта, элементов экзальтации, что отвечает общему принципу: И.А. Бунин «использовал экспрессивный синтаксис дозированно» [Герасименко, 2020, с. 9]. Синтаксические средства – восклицательные предложения, риторические вопросы, синтаксический параллелизм, повторы, однородные члены предложения, многосоюзие и др. – выражают «внешнюю» экспрессию [Демидова, Мартыненко, 2018]. А.Ф. Прияткина выделяет два варианта экспрессивного начала в тексте и рассматривает экспрессивность, связанную 1) с коммуникативным планом, то есть усилением эффективности речи, 2) с семантико-синтаксическими отношениями, носителями которых являются средства связи – сочинительные союзы: «Экспрессивность принадлежит именно союзу – отношению, а не просто высказыванию в целом» [Прияткина, 2007, с. 306–307]. В анализируемом тексте именно союзы становятся маркерами экспрессивности.

В этом смысле особенно сдержанной оказывается интонация финального предложения текста повести. Кроме того, последнее предложение – сложное многокомпонентное, равное абзацу, в отличие от остального текста произведения, – исключает противительные или уступительно-противительные средства связи, маркирующие мысль о противоречии. Напротив: единственным средством сочинительной связи становится соединительный союз *и*, попарно объединяющий две однородные придаточные части и 7 рядов однородных членов. «"Общая картина" сочинительной конструкции – динамическое явление, оно не дано заранее, не привязано к конкретным маркерам сочинительной связи и тем более не детерминировано ими. <...> В "общей картине" сочинительной конструкции как единице уровня представлений виртуально дан "план" внутрипозиционного программирования, действие которого условно начинается с выбора будущих сочиненных компонентов» [Сигал, 2004, с. 30]. В рассматриваемом случае, напротив, выбор средств связи как будто именно детерминирован самой ситуацией: динамическое развертывание событий представлено как запрограммированное – беспрепятственная и непротиворечивая в своей основе последовательная смена действий предопределяет выбор *соединительной* связи, исключая противительную.

В композиционном членении текста финальное предложение – доминанта. «Недаром *pointe* характеризуют теоретики как окончание на неустойчивом моменте или окончание в музыке на доминанте» [Выготский, 1968, с. 205]. В композиционной организации текста три доминанты: заголовок (имплицитно содержащее противопоставление: *Митина* любовь – имплицитное противопоставление: но не Катина); предложение *Но письма не было* как демаркационная линия (проблема выбора *да/нет* и прогнозируемое *нет*); финальное предложение текста – своеобразное разрешение противоречий в судьбе героя и декларация авторской концепции о единственно возможном варианте снять онтологическое противопоставления *любовь (= жизнь) – смерть*.

«Формируя сочинительный блок, говорящий не может абстрагироваться от образа речевого целого (текста), только и способного опредметить его речемыслительную активность» [Сигал, 2004, с. 151]. Это замечание К.Я. Сигала тем более справедливо, если речь идет не о стихийном текстопорождении, а продуманном, подготовленном тексте, который можно рассматривать как результат спланированного автором психолингвистического эксперимента.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Мастера русской культуры», 1997. 574 с.
2. Бунин И.А. Митина любовь // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Правда, 1956. С. 28–73. [Электронный ресурс]. Режим допуска: https://librebook.me/mitina_liubov_ivan_alekseevich_bunin/vol1/
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд.-во художественной литературы, 1959. 656 с.
5. Выготский Л.С. Лёгкое дыхание. Гл. VII // Психология искусства. М.: Искусство, 1986. С. 187–209.
6. Герасименко Н.А. Синтаксис дневниковых записей И.А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.
7. Демидова Е.Б., Мартыненко Ю.Б. Экспрессивные синтаксические конструкции в повести И.А. Бунина «Митина любовь». Русский язык в школе. 2018. № 79 (1). С. 40–44.
8. Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. Т. II. М.: Дивизион, 2008. 470 с.
9. Михайлов О.Н. Строгий талант. Иван Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Современник, 1976. 279 с.
10. Малая советская энциклопедия. В 10 тт. Т. 7. Третье изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1959.
11. Нуриев В.А. Художественный перевод сквозь призму языкового эксперимента (синтаксический аспект). Дисс. на соискание докт. филолог. наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. М., 2020. 420 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
13. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.
14. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.
15. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
16. Урысон Е.В. Семантика союза *но*: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22–42.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ СУЖДЕНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Н.С. Милянчук

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье представлена система синтаксических средств реализации лингвопрагматической категории некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка. Анализируются структурные, семантические, прагматические особенности данных единиц.

Abstract. The article presents a system of syntactic means of implementing the linguistic and pragmatic category of non-categoricity of the statement in the modern Russian academic speech. Structural, semantic, pragmatic features of these units are analyzed.

Ключевые слова: некатегоричность высказывания, научный стиль, синтаксические трансформации, модусные конструкции, авторизация, языковая рефлексия

Key words: non-categoricity of the statement, academic speech, syntactic transformations, modus structures, authorization, linguistic reflection.

Снижение категоричности высказывания – одна из ключевых коммуникативно-прагматических операций, характерных для русскоязычного научного дискурса. В процессе разворачивания научного изложения пишущий как целенаправленно, так и бессознательно стремится сформулировать свои мысли таким образом, чтобы они не воспринимались адресатом как истина в последней инстанции, а вызывали у него желание включиться в обсуждение проблемы, в процесс научного поиска. Некатегоричность высказывания (далее – НВ) рассматривается нами как лингвопрагматическая категория, отражающая языковую рефлексивность говорящего, стремящегося сформулировать своё мнение таким образом, чтобы сохранить заинтересованность адресата речи в общении. Система языковых средств реализации категории НВ включает различные метаязыковые единицы, в семантике которых содержится указание на то, что говорящий представляет одну из возможных версий ситуации.

К лексико-синтаксическим способам снижения категоричности относятся синтаксические трансформации высказывания, сопровождаемые введением лексических единиц со значением, которое Г.А. Золотова называет значением «авторизованности», или «авторизации» [Золотова, 1973, с. 221, 264]. Класс лексических средств авторизации включает любые слова, выполняющие в предложении функцию указания на субъективированный характер подачи информации. С одной стороны, это единицы, указывающие на субъект восприятия (в нашем случае – местоимения 1 лица, поскольку нас интересует, как говорящий выражает своё мнение), с другой стороны, это предикатные лексемы, означающие процесс «отражения» действительности в сознании субъекта (в поле нашего зрения – квалифицирующая ментальная деятельность говорящего). К примеру, сам факт введения показателей авторизованности придаёт высказыванию *К полифункциональным единицам мы относим, например, такие:* <...> вид некатегоричного суждения; ср. пропозиционально тождественное, но не авторизованное высказывание: *Полифункциональными единицами являются, например, такие:* <...>.

Совершенно очевидно, что авторизованные конструкции, эксплицируя субъективный характер представления окружающей действительности, оказываются идеальным средством «переключения» высказывания из констатирующего в интерпретирующий режим. Рассмотрим те из них, которые регулярно выполняют лингвопрагматическую функцию снижения категоричности высказывания в научном тексте.

1. Синтаксические трансформации с введением ментальных предикатов.

Одним из стандартных лексико-синтаксических способов снижения категоричности высказывания является введение в его состав предиката со значением ментальной деятельности человека, сопровождаемое соответствующим синтаксическим преобразованием. Так, квалифицированное высказывание *Распознавание образов представляет собой процесс их самодостраивания на потенциальном мультистабильном ландшафте* воспринимается адресатом как констатация установленного факта, не предусматривающая оспаривания, тогда как высказывание *Распознавание образов можно рассматривать как процесс их самодостраивания на потенциальном мультистабильном ландшафте* воспринимается как одна из возможных квалификаций объекта речи, не исключающая наличия других (альтернативных) квалификаций.

Как видим, желаемый эффект в данном случае достигается:

- во-первых, трансформацией структурной схемы предложения $N_1 \text{ cop } N_1$ с асемантическим глаголом-связкой ('X есть Y') в схему *Praed Inf* [Русская грамматика, 1982], которая в нашем случае требует формального расширения до $N_4 \text{ Praed}^{mod} \text{ Inf}$ как N_4 ('X

можно рассматривать как Y'), поскольку суть трансформации – в том, что предикативным центром предложения становится номинация ментальной деятельности человека (*Praed^{mod} Inf*), а наименования квалифицируемого явления (логически определяемого) и приписываемого ему предикативного признака (определения) из синтаксически независимых позиций субъекта (N_1) и предиката (N_1) перемещаются в позицию прямого объекта этой деятельности (N_4). Синтаксическая валентность нового предиката обуславливает употребление в качестве показателя семантического тождества и средства синтаксической связи между определяемым и определением союза *как* в составе трёхчленной конструкции [Прияткина, 1975];

- во-вторых, введением лексических единиц с определённой семантикой: глаголов, обозначающих мыслительную операцию квалификации (*квалифицировать, рассматривать, расценивать, оценить, определить, интерпретировать, трактовать*) и предикатива со значением возможности (*можно*). Отметим, что *можно* в таких высказываниях выступает в так называемом «объективном» значении – в значении внешней алетической, или онтологической, возможности (потенциальности, обусловленной обстоятельствами), но не в «пермиссивном» – значении деонтической возможности (разрешения со стороны говорящего) [Зализняк, Падучева, 1989; Булыгина, Шмелёв, 1997; Шатуновский, 1996].

Такое преобразование высказывания кардинально меняет «угол зрения», под которым даётся ситуация: означенный в высказывании признак объекта предстаёт не как объективно существующий, а как приписываемый говорящим, более того, введение модального предикатива *можно* сигнализирует о том, что говорящий предоставляет адресату свободу признать или не признать предлагаемую трактовку (ср. у И.Б. Шатуновского: «утверждение возможности Р предполагает наличие альтернативы не Р» [Шатуновский, 1996, с. 184]).
Примеры:

С когнитивной точки зрения позицию Канта можно рассматривать как философское отражение идеи о том, что нравственный опыт проходит через Познание Разума [Логический анализ языка. Языки этики].

С точки зрения синергетики механизм креативного мышления можно представить как механизм самодостраивания структуры <...>/ на поле сознания и мозга [Эволюция. Язык. Познание].

Сам факт существования космических лучей можно интерпретировать как свидетельство продолжающегося и поныне процесса рождения и формирования звезд в Галактике [Гурздян Г.А. Звёздные вспышки: Физика. Космогония].

Модель ‘X можно рассматривать как Y’ в свою очередь может трансформироваться в семантически и прагматически эквивалентные ей пассивные конструкции ‘X может быть рассмотрен как Y’ и ‘X может рассматриваться как Y’, которые также снижают категоричность высказывания, поскольку помещают логический субъект в позицию объекта рассмотрения, тем самым эксплицируя интерпретирующий (субъективный) характер суждения. Примеры:

Красота с синергетической точки зрения может быть рассмотрена как некий промежуточный феномен между хаосом и порядком [Эволюция. Язык. Познание].

Судя по всему, синергетика может рассматриваться как позитивная эвристика, как метод экспериментирования с реальностью [Эволюция. Язык. Познание].

Кроме того, к подобным трансформациям относятся варианты, обусловленные синтаксической валентностью вводимого предиката. Так, синтагматические свойства

глаголов *считать*, *признать*, *назвать* не предусматривают участия в трёхчленной конструкции с союзом *как*, и при введении этих предикатов авторизованное построение выглядит как $N_4 \text{ Praed}^{mod} \text{ Inf } N_5$, где N_5 – обобщённое обозначение именного признака, выражаемого не только существительным, но и прилагательным ('X можно считать тем-то/таким-то'):

Особенностью слова смирение является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примиренности, который <...> можно считать характерным именно для русской языковой картины мира [Языки этики].

Точку зрения на развитие физического знания, разделяемую Кельвином и Фейнманом, можно назвать финитистской [Э.М. Чудинов Природа научной истины].

Итак, употребление авторизованных конструкций типа '**X можно рассматривать как Y**' и '**X можно считать Y-м**' снижает категоричность определятельного суждения с глубинной семантической структурой 'X есть Y', то есть суждения, в котором некоему объекту приписывается некий признак или совокупность признаков.

Более того, как показывает анализ материала, сочетание слова *можно* с ментальным предикатом может служить средством снижения категоричности интерпретирующего суждения любой семантической структуры, но при условии, что *можно* употреблено в значении объективной возможности (потенциальности), а сочетающийся с ним предикат обозначает интерпретирующую ментальную деятельность говорящего, то есть является предикатом мнения. Примеры:

Идеал примирения с действительностью можно усмотреть в семантике целого ряда русских языковых выражений (конструкции X есть X, вводного слова видно и др.) [Языки этики]. (Ср.: В семантике многих русских оборотов выражается идеал смирения с действительностью).

В силу этого обстоятельства можно выделить проправительственные и оппозиционные партии [Абрамов В.Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности]. (Ср.: Существуют проправительственные и оппозиционные партии.)

<...> опосредованное отражение этой концепции можно видеть в статье «Интеллигенция» <...> [Русская интеллигенция. История и судьба]. (Ср.: опосредованное отражение этой концепции содержится в статье «Интеллигенция».)

2. Синтаксические трансформации с введением полузнаменательной модальной связки со значением мысленной интерпретации.

Квалифицирующие суждения с семантической структурой «X есть Y» ($N_1 \text{ cop } N_1$)¹ могут получать значение авторизованности за счёт структурного преобразования в построение с полузнаменательной связкой «X кажется Y-м» ($N_1 \text{ кажется } N_5$). В роли связки в таких предложениях выступают глаголы *казаться*, *представляться*, *видеться*, относящие квалификацию к ментальному миру говорящего (*кажется мне*, *представляется нам*) и тем самым придающие ей субъективированный, а значит некатегоричный характер. Ср: *Данная точка зрения необоснованна* \Rightarrow *Данная точка зрения представляется необоснованной* (*Данная точка зрения не кажется обоснованной*). Другие примеры:

Это расхождение нам представляется реальным, и оно, по-видимому, отражает отличие каких-то состояний или особенностей подфотосферных слоев (конвективных зон?)

¹ Где под N_1 в позиции предиката подразумевается не столько существительное, сколько прилагательное.

у этих во многих отношениях столь похожих друг на друга звезд [Гурзадян Г.А. Звёздные вспышки: Физика. Космогония].

Наиболее показательной в этом отношении представляется статья Т. Гивона о причинах мены порядка слов в древних текстах <...> [Николаева Т.Н. От звука к тексту].

Сильной стороной позиций «Яблока» видится равноудаленность как от нынешней власти, так и от коммунистов <...> [Абрамов В.Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности].

Синтаксическая валентность глагола *видеться* позволяет ему выполнять аналогичную функцию и в рамках преобразования «X заключается в Y-е» \Rightarrow «X видится в Y-е»:

В этом видится гарантия демократического обновления постсоветской России [Абрамов В.Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности].

Структурным вариантом трансформации $N_1 \text{ cop } N_1 \Rightarrow N_1 \text{ кажется } N_5$, на наш взгляд, можно считать преобразование $Inf \text{ cop } Praed^2 \Rightarrow Inf \text{ кажется } Adj_5$, которое выполняет аналогичную функцию:

<...> частицы настолько разнородны по своим семантическим и функциональным свойствам, что найти для них общие категориальные признаки не представляется возможным [Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание)]. (Ср.: найти нельзя).

Важным в типологии нового типа представляется исследовать соотношения разных языковых уровней в аспекте компенсаторных антиномий коммуникативной недостаточности и сопоставления языков в этом плане [Николаева Т.Н. От звука к тексту]. (Ср.: важно исследовать).

Как видим, в подобных высказываниях действию, выраженному инфинитивом, приписывается модальный признак, что, вероятно, объясняется генетической связью прилагательного с предикативом (словом категории состояния).

Итак, авторизованные построения ‘X кажется/представляется Y-м’, базирующиеся на структурных схемах $N_1 \text{ кажется } N_5$ и $Inf \text{ кажется } Adj_5$ служат средством снижения категоричности квалифицирующе-оценочного суждения с глубинной семантической структурой «X есть Y».

3. Модусные конструкции в составе сложноподчинённого предложения.

В функции средства снижения категоричности высказывания регулярно выступают модусные конструкции в составе сложноподчинённого предложения, имеющие уже представленную нами семантическую структуру «предикатив со значением объективной возможности + глагол мнения». Например:

Из сказанного можно сделать вывод, что в сфере трансцендентного акт творения мыслится как тождество истинного, должного и сущего [Логический анализ языка. Языки этики].

Таким образом, можно утверждать, что безадресность, «внекоммуникативность» монологической речи существует на уровне абстрактного противопоставления двух языковых манифестаций «диалог – монолог», но в конкретных речевых воплощениях

² В русистике вопрос о синтаксической структуре предложений типа *Курить вредно / Вредно курить* является дискуссионным. Мы выбрали вариант $Inf \text{ cop } Praed$, так как именно он симметричен результату трансформации – модели $Inf \text{ кажется } Adj_5$.

проявляется лишь в той или иной степени [Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание)].

На самом деле каждое право выражает долженствование, и все же можно утверждать, что только в современном праве акцентируется момент долженствования, а в древнем праве – момент бытия [Логический анализ языка. Языки этики].

Что касается оборота *можно сказать, что...*, то при его использовании, как правило, наблюдается синкретичная реализация двух тактик говорящего, которые, с одной стороны, противопоставлены, так как соотносятся с разными планами высказывания, но, с другой стороны, в конечном итоге направлены на достижение одного эффекта – снижения категоричности утверждения. Мы имеем в виду единство реализации иллокутивных и рефлексивных коммуникативных потребностей говорящего. Как нам представляется, снабжая высказывание модусной конструкцией *можно сказать, что...*, говорящий чаще всего стремится осуществить одновременно две задачи:

1) сделать так, чтобы высказывание не было воспринято как окончательное по содержанию, и с помощью указанного оборота придать ему вид мнения, тем самым снять категоричность суждения;

2) сделать так, чтобы адресат не посчитал неадекватным собственно выражение (формулировку) мнения, и с помощью указанного оборота предупредить его о том, что словесное воплощение мысли может быть неожиданным в каком-либо отношении, тем самым смягчить возможное «неприятие» сказанного адресатом.

Особенно показательны в этом смысле примеры, в которых модус включает указание на способ словесной манифестации (выделим это указание жирным шрифтом):

*Должное и сущее разделяются как идеальное и реальное. **Используя терминологию семантик возможных миров, можно сказать, что** в сфере морали и права конструируют идеальные нравственные альтернативы к действительному миру* [Логический анализ языка. Языки этики].

***В первом приближении можно сказать, что** обида – это жалость к себе, соединенная с претензией к другому* [там же].

Если же способ «говорения» не вербализуется, то рефлексивная (метаязыковая) сущность оборота «уходит в тень», а на первом плане оказывается его иллокутивная функция:

Можно сказать, что вопрос о функциях частиц в разных стилях и типах речи, о выборе частиц специально не ставился (исключение составляет разговорная речь, о чем говорилось выше) [Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание)].

Можно сказать, что форма опозоренный <...>, будучи формой страдательного причастия от опозорить, одновременно соотносится с глаголом опозориться <...> [Логический анализ языка. Языки этики].

Однако в любом случае обе обозначенные тактики осуществляются в рамках единой коммуникативной стратегии – стратегии максимального учёта интересов адресанта и адресата речи в процессе общения.

Как уже говорилось, предикатив *можно*, выступая в качестве средства снижения категоричности высказывания, выражает потенциальность, или объективную возможность. В соответствии с толкованием Анны А. Зализняк и Е.В. Падучевой, в этом случае *можно* означает, что «все существенные условия для наступления события Р (X) выполняются», или, другими словами, «нет принципиальных препятствий для наступления события Р (X)»

[Зализняк, Падучева, 1989, с. 100]. Поскольку в рамках современной научной этики главным критерием ценности научного знания является его обоснованность, нет ничего удивительного в том, что в качестве синонима *можно* в научных текстах регулярно употребляется выражение *есть основания*, ведь только отсутствие оснований может быть объективным и принципиальным препятствием, а наличие оснований – не только существенным, но и необходимым условием для признания научного вывода. На базе этого выражения сформировались фразеологизированные структуры, типичные именно для научного текста, главной функцией которых, по нашему мнению, является функция снижения категоричности суждения: *есть основания полагать, что...*; *есть основания считать, что...* Примеры:

<...> есть все основания считать, что базовым для когнитивного статуса именных групп и временной локализованности предикатов является некоторая более общая субкатегория – пространственно-временная локализация предложения [Логический анализ языка. Языки этики].

Итак, есть достаточно веские основания полагать, что человеческое мышление (и сознание) формируется и развивается в соответствии с генетической программой [Эволюция. Язык. Познание].

<...> есть полное основание утверждать, что вспышки звезд – событие грандиозное, поистине «звездное» по своим масштабам <...> [Гурздян Г.А. Звёздные вспышки: Физика. Космогония].

Отметим, что наличие в составе модусной конструкции «усилительных» компонентов (веские основания; все основания; полное основание) не отменяет эффекта НВ, так как не снимает авторизации суждения. Последний же из приведённых примеров показывает, что некатегоричным может быть и довольно эмоциональное высказывание, из чего следует, что категория НВ и категория эмоциональности (эмотивности) являются членами разных оппозиций.

Типичным для научного текста является также употребление личных модусных конструкций, включающих показатель 1-го лица (обычно множ. числа) и глагол мнения: *(мы) полагаем, что...*; *(мы) считаем, что...* и т.п. Подобные обороты, являясь средством авторизации, также эксплицируют субъективный характер суждения, а значит снижают его категоричность. Однако, на наш взгляд, первичной функцией этих единиц является актуализация принадлежности высказываемого мнения говорящему, что подтверждается примерами полемических контекстов, в которых явно выражена противопоставленность мнения говорящего и чужого мнения:

Собственно, это и есть основное содержание концепта 'Интеллигенция', и, вопреки мнениям о будто бы необычайной запутанности его дальнейшей истории, мы полагаем, что она ясна и проста <...> [Русская интеллигенция. История и судьба].

Мы считаем, что диалогичность является свойством как двунаправленной, так и однонаправленной речи, т.е. как раз той речи, которую принято считать монологической [Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание)].

Аналогичное употребление характерно для безличной модусной конструкции *нам представляется, что...*:

Нам представляется, что сослагательное наклонение в современном русском языке всё же обладает инвариантным значением <...> [Шелякин М.А. Об инвариантном значении и функциях сослагательного наклонения в русском языке].

При использовании указанных построений не в контрастивном высказывании функция снижения категоричности также оказывается периферийной, а на первый план выступает акцентирующая функция – модусная конструкция в этом случае подчёркивает важность вывода в целом, его особую значимость для автора:

Мы привели самые общие и поверхностные характеристики частиц в стилистическом плане и полагаем, что специальное изучение этого аспекта <...> должно принести по меньшей мере «тройную» пользу: <...> [Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание)].

Особенно яркий пример такого употребления находим в книге Т.М. Николаевой «От звука к тексту», где с помощью подобной конструкции (правда, субъект речи тут представлен как третье лицо) выражена, по-видимому, самая главная идея не только данной книги, но и всего научного творчества автора:

<...> языковые системы движутся в определённом направлении, которое можно считать эволюцией языка <...> Эволюция, в нашем понимании, связана с телеологией, с некоторой единой целью для всех языков. Какова же эта цель? Что под этим понимается в данной книге?

Автор считает, что этой целью является установка на многоканальность речевого сообщения, то есть

на передачу всё большей информации в единицу времени [Николаева Т.Н. От звука к тексту (выделено и разбито на абзацы автором)].

Таким образом, из модусных конструкций, характерных для научной речи, к собственно маркерам НВ, на наш взгляд, можно отнести построения типа **«можно + глагол мнения»** в сочетании с союзом **что**; **можно сказать, что...**; клишированные обороты **есть основания полагать, что...**; **есть основания считать, что...**, а также **представляется, что...**; **думается, что...**. Как свидетельствует материал, имеющийся в нашем распоряжении, все они могут снижать категоричность интерпретирующего суждения любой семантической структуры.

Что же касается построений *(мы) полагаем, что...*, *(мы) считаем, что...*, то квалифицировать их как маркеры НВ представляется неправомерным, поскольку употребление этих единиц «продиктовано» иными прагматическими целями говорящего, а эффект НВ является в этом случае, во-первых, непредусмотренным, во-вторых, слабо выраженным. При этом заметим, что акцентирующая функция присуща всем модусным конструкциям, отмечающим мнение говорящего (более того, судя по всему, вообще всем модусным конструкциям): не случайно с точки зрения грамматики текста подобные построения представляют собой средства межфразовой связи, которые самим фактом своего присутствия в высказывании повышают его синтаксический статус до уровня сверхфразового единства. Однако для единиц второй из указанных групп *(мы полагаем, что...; мы считаем, что...)* акцентирующая функция является главной, а функция снижения категоричности – периферийной; тогда как единицы первой группы *(можно сказать, что...; есть основания полагать, что...; есть основания считать, что...; представляется, что...; думается, что...)* употребляются говорящим в первую очередь для того, чтобы придать утверждению некатегоричный характер, смысловое выделение в этом случае становится «сопутствующим» эффектом.

Итак, мы представили лексико-синтаксические средства, реализующие основную модификацию лингвопрагматического значения НВ – снижение категоричности суждения.

Субполе снижения категоричности суждения составляет базу макрополя НВ, то есть включает в себя компоненты, соответствующие также и остальным субполям: снижения категоричности оценки, снижения иллюкутивной силы побуждения, смягчения резкости (неожиданности) формулировки. Это обусловлено тем обстоятельством, что ситуации выражения оценки или побуждения можно трактовать как частные случаи ситуации выражения мнения (особенно применительно к научной речи), а контроль над планом выражения высказывания (в нашем случае – «сглаживание» резких формулировок) осуществляется в неразрывном единстве с осмыслением плана содержания (в том числе его субъективно-модальных и собственно прагматических компонентов). Так, практически все из представленных единиц могут использоваться в качестве маркеров НВ в оценочных суждениях, многие – в побудительных (в широком смысле) высказываниях. Ряд единиц, придавая утверждению неокончательный характер, одновременно с этим выполняют функцию метаязыкового «амортизатора», смягчающего резкость формулировки.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
2. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 92–115.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
4. Прияткина А.Ф. Союз «как» в значении «в качестве». Владивосток, 1975. 200 с.
5. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 710 с.
6. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.

МОДУСНЫЙ СМЫСЛ «КОЛЕБАНИЕ» И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

И.А. Нагорный

Цзилинский университет
Чанчунь, КНР

А.И. Долженкова

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 21»
Белгород, Россия

***Аннотация.** Описывается модально-кваликативный смысл «колебание» в антропоцентрическом аспекте. Устанавливается статус данного модусного смысла в развитии речевой ситуации колебания в коммуникативном процессе. Анализируются ядерные и периферийные языковые средства репрезентации колебания как авторской точки зрения в предложении. Устанавливаются речевые факторы, обуславливающие колебание говорящего.*

***Abstract.** The modal-qualificative meaning "oscillation" in the anthropocentric aspect is described. The status of this modus meaning in the development of the speech situation of fluctuations in the communicative process is*

established. Nuclear and peripheral linguistic means of representing fluctuations as the author's point of view in a sentence are analyzed. Speech factors are established that cause the oscillation of the speaker.

Ключевые слова: колебание, модальный смысл, речевая ситуация колебания, неуверенность, сомнение, предположение, говорящий, адресат.

Key words: hesitation, modal meaning, speech situation hesitation, uncertainty, doubt, assumption, speaker, addressee.

Для человека характерны различные мыслительные операции, отражающие не только его объективно-рациональное восприятие действительности [Кондаков, 1975], но и его субъективно-оценочное отношение к окружающему миру [Арутюнова, 1999], проявляющееся в коммуникативном процессе как модусная квалификация сообщаемого. Мыслительная операция колебания также характерна для субъекта, живущего в мире, который он постоянно квалифицирует, оценивает, размышляет, высказывая свое субъективное отношение к событиям.

Различая степень уверенности в чем-то постоянно рефлектируется в мыслях и поступках человека, в жизни которого присутствуют события, течение и развитие которых вызывает у него неоднозначное мнение, представляется ему спорным и, нередко, достаточно неопределенным. Именно в таких случаях чувства сомнения, предположения и неуверенности являются основой для возникновения колебания человека применительно к перспективе принятия им однозначного решения, правильного осмысления явления действительности, целесообразности каких-то действий.

Колебание – это всегда выбор, изменение своей позиции, отклонение в одну из существующих сторон [Ожегов, Шведова, 1999; Словарь русского языка, 1986]: *После мучительных колебаний он все-таки отправил это письмо* (В. Шукшин); *Он постоянно колебался и не мог точно сказать, что еще ему нужно* (А. Иванов). Колебание отражает определенное состояние человека, которого охватило чувство нерешительности, сомнения в правильности выбора, недоверия факту. При этом человек в определенный момент своего существования не может точно определиться в собственном мнении применительно к чему-то. Как правило, субъект не уверен в необходимости или целесообразности осуществления каких-либо поступков: *Ее статус начал в последнее время как-то колебаться* (Е. Орлов); *Она размышляла о том, что именно сейчас надо ли говорить об этом* (С. Лукьяненко); *Он сомневался, стоит ли начать делать дело* (Журн. текст); *Андрей находился в нерешительности* (Д. Донцова). Мыслительная операция колебания, таким образом, выступает как итог сомнений, размышлений, обуславливающих нерешительность субъекта в каком-то выборе. При колебании человек оставляет для себя возможность перспективного изменения своих решений, опираясь на внешние или внутренние факторы как мотивы для возникновения колебания: *Он очень долго колебался, прежде чем согласился на эту, по его мнению, авантюру* (Журн. текст); *И ведь сомневался, ехать ему или оставаться здесь* (Е. Вильмонт); *Она даже расстроилась, абсолютно не зная, как ей быть* (Д. Донцова).

Модусные смыслы, генерируемые говорящим в семантической структуре предложения [Нагорный, 2016], ориентированы на характеризацию события, квалификацию определенного фрагмента события или события в целом при помощи репрезентации говорящим своей точки зрения [Шмелева, 1995], авторского взгляда на действительность, выражение субъективного отношения к факту действительности [Гак, 1973]. Для общего смыслового поля высказывания [Бондарко, 1984] и речевого контекста [Русская разговорная речь, 1973] это имеет определяющее значение. Колебание в большинстве своем

коммуникативно обусловлено целым комплексом внеязыковых причин. Поэтому необходимым представляется учет такого рода факторов при развитии коммуникативной ситуации колебания, в которой человеческому фактору отводится определяющее положение. Высказывание говорящего, в котором при помощи языковых средств отражена мыслительная операция колебания, оказывается соотношенным и с внутренними, и с внешними ситуативными мотивами, оставаясь ориентированным на точку зрения субъекта, который и есть ключевая фигура речевого процесса.

Речевая ситуация колебания – это «ситуация «я–теперь–здесь–это» [Теория функциональной грамматики, 1990, с. 72]. Поэтому описание ее должно быть соотношено с пониманием как общесобытийной коммуникативной ситуации, так и с мотивами возникновения авторского колебания, поскольку высказывание говорящего правильно понимается адресатом только тогда, когда правильно понимается событие, о котором говорится. Коммуникативный процесс основывается на совокупности многих факторов [Винокур, 1993], среди которых фактор возможной неоднозначной квалификации события субъектом является весьма значительным, так как от него в той или иной степени зависит окончательное принятие решения и перспективные действия субъекта.

Колебание как модусно-квалификативная операция помогает субъекту осмыслить окружающую действительность, проявить авторское отношение к данной действительности, при помощи языковых или внеязыковых средств субъективно оценить ситуацию, которая квалифицируется в речевом процессе. Колебание для субъекта является универсальной мыслительной операцией, ведь она может распространяться на любые события в действительности. Колебаться человек может относительно чего угодно. Причины же, положенные в основу колебания субъекта могут быть различными.

Язык для актуализации авторского колебания в высказывании располагает стройной системой языковых и внеязыковых средств и способов. Наметим далее принципы реализации говорящим языковых средств репрезентации колебания. Данные средства в русском языке очень разнообразны. В первую очередь это ядерные языковые средства: глагол *колебаться*, существительное *колебание*, причастие *колеблющийся*. В эту же группу включаются различные языковые средства с общим значением вероятности, возможности, кажимости, предположения, сомнения, отражающие разную степень авторской неуверенности в сообщаемом: *едва ли, вряд ли, вроде, словно, чай, авось, небось, разве, неужели, якобы; быть в нерешительности, пребывать в сомнении, находиться в раздумье* и подобные: ***Вроде бы и ничего не происходит*** (В. Головачев); ***Долго находясь в раздумьях, она так и не смогла решиться на встречу*** (Ю. Семенов); ***После долгих колебаний Лаврецкий <...> решил отправиться к Калитиным*** (И. Тургенев); ***Я ведь должен еще многое, не так ли?*** (В. Шукшин); ***А не ты ли мне советовал вернуться?*** (Д. Донцова).

При выражении авторского колебания на пропозитивном уровне предложения может быть актуализированным в роли базового субъекта не говорящий, а адресат или косвенный, не участвующие в процессе коммуникации субъект. Колебание в этом случае фиксируется на указанных субъектах: ***Он до сих пор продолжает колебаться?*** (А. Иванов); ***Он так и не уверен, что все получится*** (А. Маринина).

Авторское колебание может быть выражено в речевом высказывании и собственно периферийными средствами, семантических полях которых изначально смысл «колебание» не актуализирован. И только в коммуникативном актуализируются: – ***М-да, ехать все-таки или нет?*** (Журн. текст); ***Все решаешь? Уже пора***

бы как-то определиться (Е. Гушин). Актуализации колебания в высказывании в таких случаях помогают контекстуальные или ситуативные показатели.

Языковые средства актуализации смысла «колебание» относятся к продуктивным инструментам говорящего, помогающими последними выразить его точку зрения на событие, квалифицировать его как неоднозначно трактуемое в данный момент времени. Эти специализированные языковые средства помогают говорящему прагматизировать сообщаемое, ориентировать его на адресата, прагматически воздействовать на него: *Прекрати колебаться. Понимаю, что принятие решения – дело очень сложное, но все же <...>* (Журн. текст). Указанные языковые средства репрезентации колебания – это указатели для адресата о двуплановости потенциального осмысления события говорящим в данный момент.

Оригинальность авторского колебания как одной из модусно-квалификативных составляющих высказывания заключается в способе указания на позицию, занимаемую говорящим в коммуникативном процессе. В предложениях со значением колебания человеческий фактор проявляется при помощи коммуникативной актуализации определенной ментальной операции субъекта, формально зафиксированной языковыми средствами. Семантические наслоения, образуемые данными языковыми средствами в общем смысловом поле высказывания, весьма значительны, поскольку указанные средства – это актуализаторы определенной позиции автора сообщения, означающие, что имеется нечто, побудившее субъекта колебаться в своем окончательном выборе, ориентирующие адресата на неуверенность говорящего в однозначном, по его мнению, развитии события, доносящие до адресата колебание говорящего в выборе единственного варианта квалификации фрагмента действительности. В то же время говорящий, актуализируя свое колебание относительно чего-то, желает донести свою позицию до адресата как субъективный, не нейтральный взгляд на событие, на данный момент отстраненный от констатационных полюсов утверждения или отрицания факта: *Размышляю вот: «Будто бы здесь где-то недалеко случилось»* (Ю. Семенов); *Пока до сих пор колеблюсь, – неуверенно произнес он* (Журн. текст); – *То ли уж так и сделать?* (И. Ефремов).

Колебание говорящего всегда мотивировано. Немотивированное колебание не существует, так как всегда есть причины, которые и явились толчком для развития рассматриваемой мыслительной операции говорящего. И именно эти причины повлияли на невозможность принятия однозначного решения говорящим.

Часто фиксации в предложении языкового средства выражения авторского колебания способствуют жанровые особенности разговорной речи, где для достижения коммуникативной цели сообщения служит неподготовленная, так называемая спонтанная квалификация сообщаемого: – *Да, может быть... Ну не знаю...* (Ю. Семенов).

Достаточно редкой, но весьма показательной причиной для выражения говорящим колебания является намеренное уклонение от категоричности изложения и, соответственно, речевой ответственности за высказывание собственной позиции по какому-либо вопросу: – *Ну... Не думаю, что так будет* (Д. Донцова); – *Сейчас не могу точно сказать. Наверное, так и будет. Хотя вряд ли...* (А. Иванов).

Указанные условия соотносятся, как правило, со степенью категоричности авторского колебания в речевом процессе. Языковое средств репрезентации колебания вводится в предложение в том случае, когда говорящему нужно как-то акцентировать рассматриваемую мыслительную операцию и донести результат осмысления перспективы развития события до адресата, рематизируя ту смысловую часть высказывания, в которой зафиксировано языковое

средство выражения колебания. Однако необходимо отметить и то, семантика языкового знака колебания может и «растекаться» по всему семантическому полю высказывания. При этом модусный смысл «колебание» как бы накладывается на собственно пропозитивный смысл предложения: *Колебание их было во многом оправдано. Возможно, и предопределено* (Газет. текст); *«Неужели же все пропало?» – колебалась Катя* (Журн. текст).

Уже отмечалось, что авторское колебание может обладать разной степенью мотивированности. По мотивационным характеристикам можно дифференцировать глубоко мотивированное и слабо мотивированное колебание.

Глубоко мотивированное колебание актуализируется говорящим в высказывании, когда его точка основывается не на субъективно-личностных факторах, а объективных мотивационных параметрах, например, на знании говорящим фактических условий развития события: *Он и теперь колебался. Ведь очень многое говорило об обратном* (С. Лукьяненко). Глубоко мотивированное авторское колебание является более частотной модусной квалификацией сообщаемого по сравнению со слабо мотивированным колебанием, так как рефлектирует гораздо более высокую осведомленность субъекта в сообщаемом. Данная квалификация обусловлена объективными, фактическими условиями как основой для возникновения авторского колебания, воплощенного в речевом процессе: – *Разве ж он сделает ей предложение? Едва ли. Ведь все предыдущие поступки его отрицали это* (Журн. текст).

Глубоко мотивированное колебание, базирующееся на знании объективно существующих условий, как правило, является платформой для перспективного утверждения или отрицания чего-либо. Такое авторское колебание часто выступает как преопределенная модусно-кваликативная операция говорящего. В основе такой преопределенности колебания – объективно недостаточное знание говорящим причин для констатации однозначного развития события: *Она все колебалась и уходила от прямого разговора. На некоторые вопросы у нее до сих пор не было ответов* (А. Маринина).

Однако авторское колебание может быть и слабо мотивированным. Такое колебание актуализируется говорящим в большинстве своем непреднамеренно, случайно. Обычно оно спонтанно, отражает сиюминутную квалификацию события в коммуникативном процессе. В достаточно слабо мотивированном колебании рефлектировано нежелание или невозможность коммуниканта уточнить какие-либо из грани квалифицируемого события: – *Разве так и будет?* (Е. Гуцин); – *Вроде должен прийти... Или нет?* (В. Шукшин); *Многие колебались, потому что не знали всего* (Журн. текст). Для слабо мотивированного колебания типично отсутствие явной обоснованности мнения говорящего, а также контекстуального или ситуативного маркирования с одновременной актуализацией неуверенности субъекта в однозначном осмыслении перспективы развития ситуации.

При реализации в высказывании такого авторского модусного смысла говорящий специально не осмысляет мотивы его возникновения. Колебясь, субъект лишь высказывает свое собственное спонтанное мнение, которое не предполагает знания условий, влияющих на оценку события, и не предполагает ответственности за данную оценку: – *Ты ведь как бы и не хотел этого* (А. Бушков); *Это внезапно произошедшее событие весьма существенно поколебало его уверенность в будущем* (Журн. текст).

Заметим, что слабо мотивированное колебание, на наш взгляд, наиболее тесно связано с модусным смыслом «предположение», а в периферийной области функционально-семантического поля субъективной модальности соприкасается с ним. В высказываниях со значением колебания, как правило, присутствует и предположение о том или ином пути

развития события: *Но, по-моему, едва ли он ни с того ни с сего вдруг к подруге заявит* (Ю. Тупицын); – *Это моя Наяда. – Сестра, что ли? Ты о ней не рассказывал* (В. Головачев). Однако отличие модусного смысла «предположение» от колебания в том, что последнее – это результат осмысления неких условий на предварительном этапе принятия решения субъектом.

В высказываниях со значением колебания часто актуализирован и другой субъективный модусный смысл – «неуверенность». Репрезентация говорящим данного смысла соотносится с мотивационными условиями колебания, помогающего говорящему правильно (с его позиции) осмыслить окружающую действительность и условия перспективного развития события в этой действительности. Снижение степени уверенности субъекта при этом может быть обусловлено различными причинами, в том числе причинами прагматического характера, например: – *Ты, верно, считаешь меня ослом, если думаешь, что я тебе поверю* (М. Зощенко) (сниженная степень уверенности обусловлена фактором компетентности); *Он, может быть, и придет – или сегодня, или завтра* (С. Снегов) (сниженная степень уверенности обусловлена фактором непредсказуемости события); – *Какие социал-демократы? Разве только социал-демократы?* (В. Ерофеев) (сниженная степень уверенности соотнесена с фактором общественного мнения).

В итоге, в авторском высказывании со значением колебания всегда фиксирована некая событийные ситуации, поскольку колебание по определению не может быть беспредметным. А с другой стороны, именно на данное событие и накладывается колебание как модусная квалификация, отражающая точку зрения говорящего. Данное субъективное мнение базируется на неуверенности или предположении человека о той либо иной трактовке сообщаемого: *Неужто от того, где мы живем, достаток и согласие зависят?* (Т. Батурина); *Как бы он еще сильнее не простудился!* (К. Чуковский).

Резюмируем сказанное. Модусный смысл «колебание» – это важная составляющая коммуникативного процесса. Колебание как мыслительная операция характерна для человека. Данный смысл генерируется в высказывании и языковыми, и внеязыковыми средствами. Языковые средства выражения смысла «колебание» в языковой системе упорядочены по ядерно-периферийному признаку. В большинстве случаев указанные средства, помимо рассмотренного смысла «колебание», генерируют в высказывании сопутствующие модусные смыслы, в первую очередь смыслы «предположение» и «неуверенность». Кроме названных, в высказывании с актуализированным смыслом «колебание» могут активно проявлять себя модусные смыслы «сомнение», «возможность», «вероятность», «кажимость». При этом смысл «колебание» развивается в высказывании как результат в различной степени мотивационного осмысления события субъектом. Данный смысл представляет собой динамичное образование, как правило, соприкасающееся в коммуникативном процессе с другими модусными смыслами, но в то же время проявляет себя как оригинальная сущность.

Актуализированные в статье проблемы, на наш взгляд, имеют широкие перспективы исследования, в первую очередь в области описания других квалификативно-модусных смыслов и установления закономерностей функционирования языковых средств репрезентации данных смыслов в процессе коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 895 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.

3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 .
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 50–372.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 .
6. Нагорный И.А. Семантическая структура предложений с частицами / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1 242). Вып. 31. С. 9–14.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 487 с.
9. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
10. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 363 с.
11. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: автореф. дисс... докт. филол. наук. М., 1995. 35 с.

О ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЗИДАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО «СЛОВО О РАССЛАБЛЕННОМ»

Е.А. Петренко, Е.С. Першина

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье предпринята попытка описания функционирования выражений древнерусского книжника Кирилла Туровского «ныня» / «нынѣ» и «того ради» как средств синтаксической и коммуникативно-прагматической организации автором текста проповеди «Слово о расслабленном».*

***Abstract.** This paper aims to reveal specificity of functioning of the textual expressions of Old Russian Christian Orthodox theologian Cyril of Turov «ныня» / «нынѣ» and «того ради» as devices of syntactic and communicatively-pragmatical organization of the text of the sermon «Slovo about the paralytic».*

***Ключевые слова:** коммуникативно-прагматический подход, назидательная стратегия, коммуникативный блок, когезия, текстовая скрепа, дискурсивное слово.*

***Key words:** communicatively-pragmatical slant, edifying strategy, communicative unit, cohesion, text clip, discursive word.*

Исследования памятников древнерусской книжности в основном посвящены изучению специфики жанра, проблемы авторства, приёмов композиции, средств выразительности, образов [Виноградов, 1915; Ерёмин, 1962, 1966; Лихачёв, 1963, 1969; Бегунов, 1974; Козлов, 1992; Живов, 2002; Пиккио, 2003; Трапезникова, 2011; Шумило, 2018 и др.] или анализу особенностей формирования национального литературного языка [Колесов, 1989, 2016; Рождественская, 1986; Толстой, 1998; Пиккио, 2003; Колосов, 2012; Маркова, 2013; Жолобов, 2016, 2017 и др.]. Как результат речевой деятельности, ввиду невозможности полного реконструирования экстралингвистических факторов, повлиявших на их создание, образцы средневековой литературы рассматриваются редко. Как правило, в коммуникативно-прагматическом аспекте изучаются современные тексты [Розанова, 2003; Шабанова, 2006; Футкардзе, 2019; Азначеева, Мамонова, 2019 и др.].

На наш взгляд, коммуникативно-прагматический подход даёт возможность увидеть все компоненты древнего текста в их взаимосвязи, в комплексе, определить значение и роль рассматриваемого текста в сфере его функционирования: экстралингвистические особенности возможно выявить посредством применения данного метода. В связи с этим в представленной работе проводится исследование коммуникативно-прагматической структуры древнерусского произведения, а именно: анализ языковых средств, а используемых с целью реализации коммуникативных интенций автора, в частности – назидательной стратегии.

Объектом настоящего исследования является текст Кирилла Туровского «Слово о расслабленном», созданный в XII в., принадлежащий средневековой древнеславянской проповеднической традиции.

Предмет исследования – языковые единицы данного текста, участвующие в реализации назидательной стратегии.

Цель данной работы заключается в изучении и описании этих средств.

«Слово о расслабленном» – проповедь, созданная приблизительно во второй половине XII века, принадлежит автору, жившему и творившему в рамках средневекового книжного дискурса. В условиях данного дискурса создатель памятника функционирует как «глашатай» вечных истин, проповедник-наставник, стремящийся развить и распространить идеи своей конфессии – христианства, изложенные в главном тексте – Священном Писании [Кузнецов, 2009, с. 16]. Адресат его произведений – человек, воспринимающий максимы христианского вероучения, он нуждается в помощи при освоении сложных теологических понятий: ему необходимо растолковать библейский текст – таким образом описать, объяснить ему мир с точки зрения выбранной религии и наставить его на истинный путь.

Последнее достигается формированием специфической коммуникативно-прагматической структурой проповеди, где способ взаимодействия с адресатом определяется частными коммуникативными задачами и обуславливает композиционное построение текста. На основе представленных данных мы можем обозначить общую **коммуникативно-прагматическую задачу** автора как *оказание религиозно-нравственного воздействия* на мировоззрение и поведение слушателя посредством внушения ему определенной максимы христианского вероучения, которая решается с помощью реализации в тексте *проповедальной макростратегии*.

Проповедальной макростратегией определяется коммуникативно-прагматическая структура «Слова». В текстовом пространстве авторского макровысказывания расположены два диалога, представляющие собой композиционный центр произведения: 1) диалог расслабленного до преображения и Иисуса Христа (ученика и учителя); 2) диалог расслабленного после преображения и иноверцев (праведного и неправедных). В рассматриваемой части превалирует установка на обучение и наставление – уверения в правильности всего сущего с помощью назидательного урока.

Назидательная стратегия обуславливает применение комплекса *коммуникативных тактик*, среди которых нами выделены следующие: 1) *нарративная* (собственно притча, нравственный урок на примере истории о спасении в вере из священного писания); 2) *актуализация взаимодействия между говорящим ↔ собеседником*; 3) *толковательная*. Указанные коммуникативные тактики вводятся в текст за счёт *коммуникативных ходов*. При помощи *диалогизации монологической речи* автор актуализирует своё взаимодействие со слушающими – адресатами проповеди; путём *аргументации, парафраза* Священного

Писания, использования «тематических ключей» гомилетик объясняет сложные максимы христианского вероучения.

Центр окаймлён недиалогизированными фрагментами, в которых книжник, рассуждая о мире окружающем, начинает и продолжает вводить реципиента в мир трансцендентный – в данном случае превалирует установка на **восхваление**, прославление действий творца и явлений окружающего мира, сотворённого, по мнению создателя памятника, именно для адресата. Данная стратегия реализуется за счёт 1) сказания о реальном настоящем – описания явлений природы, устройства мира; 2) описания действий творца.

Обе стратегии не существуют в произведении по отдельности – они сопряжены, благодаря чему автор и добивается необходимого воздействия – возникновению эпифании (явления божественного).

Таким образом, создаётся следующая коммуникативно-прагматическая структура текста (см. Рисунок 1).

Дискурсивная макростратегия проповедальная						
Стратегии	Текстовая стратегия 1			Текстовая стратегия 2		
	назидания			восхваления		
Тактики	Тактика 1	Тактика 2	Тактика 3	Тактика 1		
		нарративная – дать нравственны й урок, притча	актуализац ия взаимодейс твия Г ↔ С	толкование религиозных догматов	сказания о реальном настоящем – устройстве окружающего мира	
Коммуник ативные ходы	диалогизация монологической речи		аргуме нтация	парафраз Священно го Писания, использов ание «тематиче ских ключей»	описание явлений природы	описание действий творца

Рис. 1. Коммуникативно-прагматическая структура текста проповеди

Среди языковых средств, маркирующих коммуникативные установки автора и участвующих, одновременно с этим, в организации текстового пространства произведения, мы выделяем выражения «ныня» / «нынѣ» и «того ради». Рассмотрим последовательно функционирование каждого из них.

I. «Ныня» / «нынѣ» – наречие, по происхождению является результатом удвоения того же корня, что и союз «но»: *nū-nū [Шанский, 1971, с. 148], лексическое значение – «именно сейчас, именно теперь». Рассмотрим примеры употребления в тексте:

- [Неизмѣрна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже свѣдомо Божия смотрения таинство, велика бо и неиздреченьна милость его на родѣ человеѣчстѣмь, еюже помиловани быхом. Того ради должъны есмы, братие, хвалити и пѣти и прославляти

Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, елико же их створи, неисповѣдима бо суть ни ангелом, али нъ человеѣком.] **Ныня же о расслабленѣмъ побестѣдимъ**, егоже днесь сам Бог въспомянул и призрѣл и помиловал, егоже и врачеве небрѣгома створиша, егоже презрѣху въмѣтающеи в купѣль, егда бо възмутяшеться вода, вси, о богатых пекущесе сдрави, сего отрѣху, егоже ныня Христос, благый человеѣколюбець, словомъ ицѣли, врачъ бо есть душам нашим и тѣлом, и слово его дѣломъ бысть.

- [Си же бѣ образъ святаго крещения. Понеже не всегда вода та ицѣляше, нъ егда ю ангел възмутяше.] Ныня же к крещению купѣли сам ангельскый владыка, Святыи Дух, приходя освящает ю и дасть сдравие душам и тѣлом, и грѣхом очищение; аще кто слѣпъ есть разумомъ, ли хромъ невѣриемъ, ли сухъ мнозѣхъ безаконийъ отчаяниемъ, ли расслабленъ еретичьскымъ учениемъ, – всѣхъ вода крещения съдрави творить. Она купѣль многи приимающи, а единого ицѣляше, и то же не всегда, нъ единою лѣта, – а крещения купѣль по вся дни многи оживляющи съдрави створить. К крещению бо аще и всея земля придуть человеѣци, не умалиться Божия благодать, всѣмъ дающи ицѣление от грѣховныхъ недуговъ.

Мы выделяем следующие функции, которые выполняет исследуемое слово.

Во-первых, оно может быть описано как средство соединения двух фрагментов: в указанных примерах «ныня» смыкает факты о вневременном (левый контекст – описание явлений природы, дел бога / устройство, работа ангельской купели вообще, «не всегда...», нъ егда», статичные картины) с библейской историей, случившимся прошлым (правый контекст – конкретное историческое повествование согласно священному писанию: история расслабленного, работа купели во времена жизни расслабленного, динамичные картины). Данные текстовые фрагменты – коммуникативные блоки, поэтому можно сказать, что за счёт внедрения исследуемой лексемы обозначаются наиболее важные для автора и читателя операции когнитивного процесса – осуществляется языковая материализация задуманных автором коммуникативно-познавательных смыслов, ментальное взаимодействие, формируется структура смыслового содержания текста, благодаря чему впоследствии автор добивается необходимого воздействия – возникновению эпифании (явления божественного). Таким образом, «ныня» участвует в развертывании целого текста, функционирует на формально-грамматическом уровне как средство когезии и когерентности (связности текста).

Во-вторых, за счёт своей семантики («*именно сейчас, именно теперь*») «ныня» / «нынѣ» – маркер действия, происходящего в момент речи («*сейчас, в данный момент мы говорим / будем говорить о...*»): оно формирует так называемую каноническую речевую ситуацию, которая характеризуется, по Е.В. Падучевой, присутствием говорящего и слушающего в контексте сообщения; совпадением момента произнесения высказывания говорящим с моментом его восприятия слушающим; наличием общего поля зрения между говорящим и слушающим [Падучева, 2010, с. 259]. Из этого следует, что данное слово можно считать экспликацией автора – способом привлечения внимания к себе и к тому, о чём *сейчас* будет говориться. Использование данной лексемы характерно вообще и для создателя Кирилла Туровского в частности (употребляется во всех сохранившихся произведениях автора, в основном в начале и в конце проповеди). Таким образом, посредством данного слова стимулируется включение внимания адресата (паствы) – осуществляется коммуникативная тактика «*актуализация взаимодействия говорящего и собеседника*».

II. Следующее языковое средство – «того ради». Анализируемая языковая единица является адвербиальным сочетанием, состоящим из: 1) указательного местоимения «тъ» в форме родительного падежа единственного числа среднего / мужского рода со значением объекта,

близкого слушающему; 2) предлога «ради»; этимологически сложилась путём соединения *togo (< *t-ō-gō – ф. р.п. ед.ч. ср.р. / м.р. от *tū) и *radi (< *rād-ē-jō-ī – ф. пов. накл. 2–3 л. ед.ч. от *rādēteī «стараться», «заботиться» [Шанский, 1961, с. 377]), лексическое значение определяется как «для этого», «тому». Рассмотрим примеры употребления в тексте:

- [Неизмѣрна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже свѣдомо Божия смотра таянство, велика бо и неиздреченна милость его на родѣ чловѣчстѣмь, еуже помиловани быхом.] **Того ради** должны есмы, братие, хвалити и пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, елико же их створи, неисповѣдима бо суть ни ангелом, али нѣ чловеѣком.

- [Глаголетъ бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовска праздника, егда же множество народа от всѣх град по обычаю събирахуться в Иеросалим. Тъгда и Господь приде, всячскы угажая своим рабом и неистовство противных обличая иудѣй, поистинѣ бо приде, ища заблужьших и спасти погыбьших. Многа бе по всей Палестинѣ створи чюдеса, и не вѣровахуть ему, нѣ противу благодати хулять, лестца его и бланителя нарицающе.] **Того ради** при мнозѣ приде народѣ к Силуамстей вододържи, иже нарицається Вифезда, сиречь Овьча купѣль (понеже ту полоскаху жртвньных овецъ утробы).

Мы выделяем следующие функции, которые выполняет исследуемое слово.

Во-первых, подобно предыдущему случаю, оно может быть описано как организатор текстового пространства: оно соединяет два фрагмента. Например, в указанных образцах «того ради» смыкает приведѣнный автором конкретно исторический / вневременной факт о мире (левый контекст) и то, как интерпретируется указанный факт, как его нужно воспринимать, вводит его обоснование, объяснение – *комментарий* автора (правый контекст). Так связываются коммуникативные блоки, в смене которых обнаруживается переход с одного типа когнитивной деятельности на другой: с пассивного восприятия осуществляется переключение на активное осмысление истории, жизни, мира. В данном случае, с одной стороны, реализуется *толкование религиозных догматов*, а с другой – *актуализируется внимание* реципиента (паствы).

Во-вторых, анализируемая лексема эксплицирует автора: показывает, что, по его мнению, необходимо сделать после получения определѣнного знания о мире, указывает на самое важное; связывает воедино его этические и религиозные представления; таким образом осуществляется концептуализация мира в сознании языковой личности.

Итак, анализ показал, что в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского «ныня» / «нынѣ» и «того ради» могут быть представлены как средства многофункциональные, реализующиеся на разных уровнях текста.

С одной стороны, мы можем определить их как «специальные средства текстовой связи, что выражают отношения между высказываниями», то есть квалифицировать их в качестве текстовых скреп [Прияткина, 2007, с. 93].

С другой – это такие единицы, которые, наряду с функцией обеспечения связности текста, способны выражать процесс взаимодействия говорящего и слушающего, эксплицировать их позиции (что особенно важно для древнего текста, известного своим стремлением нивелировать автора): то, как он интерпретирует факты, оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п.

Наконец, это единицы, которые управляют процессом общения: выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего и говорящих друг с другом [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 7]. Такое функционирование позволяет считать их дискурсивными словами [Дискурсивные слова русского языка, 2003, с. 9].

Литература

1. Азначеева Е.Н. Мамонова Ю.В. Взаимодействие назидательности и побудительности в православной религиозной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 7–16.
2. Баранов А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.В. Кодзасов. М.: Помовский и партнёры, 1993. 158 с.
3. Бегунов Ю.К. К стилистике торжественного красноречия: Кирилл Туровский и Григорий Цамблак. Търновска книжовна школа. 1371–1971. Велико Търново, 1971. С. 39–51.
4. Виноградов В.П. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского // В память 100-летия Московской духовной академии. В память 100-летия (1814–1914) Императорской Московской духовной академии. Сб. ст. в 2 ч. Сергиев Посад, 1915. Ч. 2. С. 331–332.
5. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.
6. Ерёмин И.П. Лекции по древней русской литературе Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 208 с.
7. Ерёмин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.-Л., 1962. С. 50–58.
8. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
9. Жолобов О.Ф. От праславянского языка к старославянскому. О перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.
10. Жолобов О.Ф. Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 5. С. 1234–1245.
11. Жолобов О.Ф. Язык древнерусской проповеди. Неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 2. С. 137–162.
12. Козлов С.В. Семантические аспекты «образа автора» в ораторской прозе Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 200–255.
13. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык Л. Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
14. Колесов В.В. Стилистика и поэтика Кирилла Туровского // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах / под ред. В.В. Милькова, П.И. Гайдено. СПб. Казань, 2016. Вып. 6. С. 10–35.
15. Копосов Д.Р. Особенности строения текста слова-поучения как риторического жанра (диспозиция) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 17–22.
16. Кузнецов И.В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук М., 2009. 43 с.
17. Лихачёв Д.С. Отношение литературных жанров между собой // Поэтика древнерусской литературы Л.: Наука, 1979. С. 318–344.
18. Лихачёв Д.С. Система литературных жанров древней Руси // Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 47–70.
19. Маркова Т.Д. Древнерусский перфект в аспекте реализации функционально-семантической категории темпоральности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2013. С. 247–259.
20. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
21. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 198 с.
22. Пикио Р. Slavia orthodoxa Литература и язык. М., 2003. 720 с.
23. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал, 2015. № 2. С. 134–141.
24. Прияткина А.Ф. Об отличии союза от др. связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102–106.
25. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // А.Ф. Прияткина. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334–344.
26. Рождественская В.В. Некоторые особенности построения текста у Кирилла Туровского // Проблемы исторического языкознания. Литературный язык древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. Вып. 3. С. 98–103.

27. Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 341–363.
28. Савельев В.С. Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 56 с.
29. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
30. Толстой Н.И. Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика) // Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 90–101.
31. Трапезникова О.А. Слово на Пасху Кирилла Туровского в аспекте комплексного представления авторского присутствия в древнерусском тексте // Альманах современной науки и образования. 2011. № 1 (44). С. 197–201.
32. Трапезникова О.А. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале Торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник ТГПУ, 2011. Вып. 3 (105). С. 27–33.
33. Футкарадзе Н.Д. Общие характеристики церковной проповеди как жанра религиозного дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. С. 141–146.
34. Цяоши В. Шереметьева Е.С. Текстовая скрепа «Теперь о...»: лексические модификации и специфика функционирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 129–134.
35. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 1999.
36. Шабанова З.Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди (в историческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 20 с.
37. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1961. 404 с.
38. Шумило С.М. Образ Богородицы в древнерусской литературе на материале торжественных слов Кирилла Туровского // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2018. № 3 (20). С. 116–119.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАРРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В АПОКРИФЕ «СЛОВО О СОШЕСТВИИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ВО АД»

Е.Д. Шишкина, Е.А. Петренко

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье представлен анализ функционирования некоторых служебных слов, с помощью которых реализуется нарративная авторская стратегия в средневековом переводном памятнике «Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад».*

***Abstract.** The article presents an analysis of the functioning of some particles with the help of which the author's narrative strategy is implemented in the Medieval translation monument "The Word of the Descent of John the Baptist into Hell".*

***Ключевые слова:** нарративная стратегия, средневековый церковно-религиозный дискурс, служебные слова, дискурсивные слова.*

***Keywords:** narrative strategy, Medieval ecclesial-religious discourse, discourse particles, discourse markers.*

Памятник древнерусской книжности «Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад» представляет собой славянский компилятивный перевод, восходящий к византийским сочинениям Евсевия Емесского и Евсевия Александрийского, известный по спискам XII–XIII вв.

Объектом исследования выступает текст памятника, обладающий специфической коммуникативно-прагматической структурой. Языковые способы реализации нарративной стратегии автора текста, участвующие в его синтаксической организации, составляют предмет анализа.

Как жанр, или тип текстов средневековой русской книжности, «слово» часто соединяет повествование и подчеркнутую риторическую выразительность, совместно направленные на активное воздействие говорящего на слушателя / читателя. Слово, по мнению В.В. Колесова, адресовано, с одной стороны, к «простой чади», а с другой – к искушенному слушателю, знатоку книжной речи и риторике [Колесов, 1989, с. 32].

«Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад» (далее «Слово») является одним из примеров произведений такого жанра: в нем совмещены нарративное и риторическое начало, причем последнее тесно связано с христианскими традициями торжественной проповеди. В произведении тесно переплетены пересказ библейских и вымышленных сюжетов с библейскими персонажами, эмоциональный авторский комментарий повествуемого и прямое обращение к адресату.

Однако, если с точки зрения жанровой формы «Слово...» вписывается в средневековые книжные традиции текстопорождения, присущие церковно-религиозному дискурсу донациональной эпохи, то в плане жанрового содержания оно выбивается из них, поскольку автор не просто пересказывает, интерпретирует, толкует сказанное в главном тексте христианской культуры (в Библии), как это и предполагают стратегии церковно-религиозного дискурса, а позволяет себе выдумывать новые сюжеты с персонажами этого текста. Последнее объясняется тем, что данное произведение является переводным, в исконной книжной традиции принадлежащим к такому пласту, как апокрифическая литература.

В результате анализа содержания и композиции памятника выявлено, что вертикально текст организуется несколькими слоями / уровнями:

- *Слово-проповедь* – текстовый слой с доминирующим риторическим началом. Здесь происходит экспликация автора: а) в зачине в виде прямого обращения к пастве с призывом к совместному действию (коммуникации): «Я говорю – Вы внимаете», б) в эмоциональных комментариях к повествуемому в виде риторических восклицаний и вопрошаний; реализуются коммуникативные установки автора, связанные с прямым воздействием на адресата, его картину мира.

- *Авторское (3-личное) повествование* – текстовый слой, содержащий пересказ библейских историй и изображение событий, оставшихся как бы за пределами известной всем священной истории (сошествие Иоанна Крестителя в ад, встреча с ветхозаветными пророками, общение Ада и Дьявола, противостояние Ада и Святых сил).

- *Повествование от лица одного из персонажей (1-личное)* – текстовый слой, также содержащий пересказ событий священной истории (предательство Иуды, чудеса исцеления, усмирение шторма на море и др.), но устами Дьявола, который всеми силами боролся с ИХ.

В коммуникативно-прагматическом отношении нарративные слои текста связаны с задачей автора на примере поучительной истории преподать нравственный урок читателю / слушателю. Точка зрения, с позиции которой осуществляется повествование – по

Е.В. Падучевой «экзегетический» и «диегетический» нарратор [Падучева, 2011, с. 203] позволяет автору текста дистанцироваться или, наоборот, приближаться к адресату высказывания.

В линейном (горизонтальном) развитии текста можно выделить такие сегменты, которые соответствуют коммуникативным блокам, то есть представляют собой относительно целостные по содержанию фрагменты текста, обладающие единой синтаксической организацией и коммуникативно-прагматической завершенностью.

Именно в коммуникативных блоках повествовательного уровня реализуется нарративная стратегия автора. Одним из традиционных нарративных способов, используемых древнерусским книжником, является введение претеритальных форм старославянского глагола, как правило, аориста и имперфекта [Петренко, 2011, с. 100]. Исследуемый текст – не исключение. Однако, наряду с этим, одним из ведущих способов маркирования данной стратегии является использование служебных слов, частиц и союзов, которые в данном случае приобретают статус дискурсивных слов.

По определению Е.Ю. Викторовой дискурсивные слова составляют ядро класса «вспомогательных коммуникативных единиц» [Викторова, 2016, с. 23]. Они противостоят единицам языка, которые передают в коммуникации фактуальную информацию. Дискурсивные слова – «это единицы как бы второго плана, вспомогательного уровня коммуникации, передающие информацию не только о грамматических отношениях между словоформами (предлоги, союзы), но и коммуникативно-прагматического характера» [там же].

Рассмотрим следующие примеры:

- *И се събраномъ имъ приде Июда, глаголя:* «Егоже азъ лобъзю, того имѣте». *И приступль лобъза и глаголя:* «Радуйся, учителю!»
- *И се има глаголющема Силы прѣбываху, глаголюще:* «Възмѣте врата, князи ваши!» *И пророци глаголаху:* «Отвързѣте врата, да вънидетъ цесарь славъ!» *И Адъ трепеташе страхи.*
- *»И вси отвѣщаваху:* «Алѣлуия». *И паки тѣ же:* «Вси языци въсплещѣте руками въкупѣ, въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко цесарь нашъ, побѣжъся, одолѣ».
- *И другый отвѣща:* «Радуйся зѣло, дъщи Сионова!» *И по томъ:* «Въстани, Иерусалиме».

Приведенные фрагменты представляют собой экзегетическое повествование, в котором последовательность событий передана формами аориста и имперфекта 3 лица.

Союз **и** употребляется автором как средство связи внутри текстовых фрагментов: с его помощью соединяются однородные предикативные единицы. При этом **и**, находясь в позиции начала нового предложения, всякий раз маркирует и новую ситуацию или положение дел на временной оси, образуя некую повествовательную цепь. Заметим, что события в цепной последовательности обозначены, как правило, одной и той же претеритальной формой:

И приде И лобза – основные повествовательные предикаты аористы;

И пребываху И глаголаху И трепеташе – основные повествовательные предикаты имперфекты.

В отдельных случаях союз **и** употребляется со словом **се**, являющимся аналогом современной частицы **во**. Такое сочетание маркирует всегда первое событие в повествовательной цепи, однако, если союз **и** связывает основные предикаты в тексте, то **се** в

составе такой комплексной служебной единицы тяготеет к полупредикативному элементу – причастию в составе оборота дательный самостоятельный:

И СЕ събраномъ имъ приде Иуда <...> – ‘**И вот**, когда собрались они, **пришел** Иуда’

И СЕ има глаголющема Силы *прѣбываху* <...> – ‘**И вот**, когда говорили они, Силы **пребывали**’

Помимо текстовой функции организации линейного повествования для союза **и** в исследуемом произведении можно говорить о риторической функции, а именно его участии в создании стилистической фигуры многосоюзия, или полисиндетона.

В коммуникативных блоках 3-личного повествования обнаруживаются и другие нарративные схемы, используемые автором. Так, мы можем наблюдать регулярное использование парных конструкций, организующихся параллельным использованием начинательного союза **и** в первой части коммуникативного блока (компонент А) и частицы **же** в постпозиции к первому слову во второй части коммуникативного блока (компонент Б). Примеры синтаксической организации коммуникативных блоков:

КБ, пример 1:

А: *И* тѣгда Иродъ пуць въ тѣмьницу *уѣкну* Иоана.

Б: *Ськоньча* *ЖЕ* течение Предтеча Господень и *сьниде* въ адъ.

В описываемых структурах союз **и**, как уже было сказано, маркирует новое событие на хронологической оси и первое действие, частица **же** присоединяет второе и последующие действия.

Поскольку «Слово» изобилует диалогами персонажей, в ряде случаев параллельное функционирование союза и частицы в рамках коммуникативного блока обусловлено введением реплик, иницирующей и ответной. Это структура представлена в примере ниже:

КБ, пример 2:

А: *И* *вопрашаху* Иоана о Господи, глаголюще убо: <...>

Б: Они *ЖЕ* *глаголаху*: <...>. Пророци *ЖЕ* *укрепляхуся* глаголюще <...>

Компонент А может иметь варианты реализации в виде отсутствия союза **и** в текстовой функции. Однако следует учесть, что коммуникативные блоки, содержащие компоненты А и Б, последовательно сменяют друг друга в процессе развертывания нарратива. В таком случае отсутствие союза в одном из блоков компенсируется его наличием в соседних:

КБ, пример 3:

А: Си слышавъ дияволъ *иде* къ иудѣомъ и *вооружи* я на Господа

Б: *Прѣбываше* *ЖЕ* и не *отхожаше* от нихъ, нъ *наущаше*

А: *И* не *вѣдяше* оканьный дияволъ, яко <...>

Б: Абие *ЖЕ* на пути несытьства обрѣтъши сотона Иуду *нача* тѣмь готовити прѣдание и *начать* и творити любителя срѣбру. Тѣмь *ЖЕ* и к иудѣомъ *глаголаше* <...>

Таким образом, нарративная стратегия древнерусского книжника (автора / переводчика) «Слова о сошествии Иоанна Крестителя во ад» имеет ряд особенностей реализации:

1. организация 3-личного повествования с экзегетическим повествователем с помощью последовательности коммуникативных блоков;
2. каждый коммуникативный блок связан с передачей отдельной законченной ситуации (действия или положения дел) в хронологической последовательности;

3. наряду с традиционными нарративными средствами – претеритальными формами старославянского глагола, аористом и имперфектом, активно используются служебные слова – союз **и** и частица **же**, которые не только участвуют в синтаксической организации текста, но и выполняют дискурсивные функции.

Литература

1. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016. 617 с.
2. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 295 с.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
4. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 198 с.
5. Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад // Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс] / Подгот. текста, пер. и коммен. О.В. Творогова // Электронные издания ИРЛИ РАН [Сайт]. М., 2006–2011. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4926>

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИСЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВЫХ ДИАЛОГОВ)

Т.И. Петрова

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые особенности синтаксиса диалогического текста в особом его проявлении – детском игровом диалоге. Обращается внимание на два типа текстов: собственно диалог (сопровождает совместную ролевую игру) и инсценированный квазидialog (инсценирование диалогического общения в одиночной ролевой игре).*

***Abstract.** The article discusses some features of the dialogical text syntax in its special manifestation - children's game dialogue. Attention is drawn to two types of texts: the dialogue itself (accompanies a joint role-playing game) and a staged quasi dialogue (staged dialogical communication in a single role-playing game).*

***Ключевые слова:** синтаксис текста, диалогический текст, онтогенез диалогической речи, детская речь, игровой диалог, инсценированный квазидialog.*

***Key words:** text syntax, dialogical texts, ontogeny of dialogical speech, children's speech, game dialogue, staged quasi dialogue.*

Формирование языковой способности – и синтаксического компонента, в частности, – происходит в тесной взаимосвязи с игровой деятельностью, которая дает ребенку возможность реализовать усвоенные им из социума варианты речевого поведения в самых разнообразных ситуациях.

Сюжетно-ролевая игра порождает два типа детских текстов: 1) собственно диалог, основанный на совместной игровой деятельности, и 2) игровой квазидialog, представляющий собой инсценирование спонтанно возникающих диалогов в процессе одиночной ролевой игры.

Иначе говоря, собственно игровой диалог – это коллективное речеобразование, а инсценированный квазидиалог – речь одного ребенка в условиях интракоммуникации. Данным обстоятельством обусловлены некоторые различия этих двух типов детских текстов.

Прежде всего, следует отметить различную степень их смысловой целостности, что объясняется, во-первых, различием в соотношении реального и ирреального планов коммуникации и, во-вторых, различным характером конситуативной обусловленности.

Единство темы в собственно игровом диалоге невозможно уже потому, что данный дискурс предполагает два коммуникативных плана: реальное взаимодействие детей в процессе игры и инсценирование (план ирреальной коммуникации). Причем преобладает именно реальный план, поскольку детям свойственно прежде всего общение друг с другом.

Но, хотя реальное речевое взаимодействие и занимает большую часть игры, оно все же подчинено инсценированию, на что указывает соотношение тем реальной и ирреальной коммуникации. Например: «В гараже» – «Отбор игрушечных машин разных марок», «Договор о правилах “парковки”»; «В магазине канцтоваров» – «Раскладывание “товара”», «Договор о величине “денежных единиц”» и т.п.

Для успешного развития темы инсценирования необходимыми в структуре совместного игрового диалога оказываются конвенциональные микродиалоги, для которых характерна особая синтаксическая конструкция «ДАВАЙ + глагольная форма на -Л-», используемая с целью побуждения к желательному действию. Например: *Давай / ты пришла / а она уже была в другом одета // Просто она любила переодеваться; Давай / мы школьные подруги были; Давай / я была твоя босс / которая работала; Давай / ты не узнала / я просто не услышала; Давай / к тебе еще привели Ико; Давай / они ремонтировали мотор* и т.п. По мнению Л.Я. Костючук, «в таких конструкциях совмещается значение повелительного наклонения, ближайшего будущего и нереального действия» [Костючук, 1987, с. 38]. Чаще всего, эта конструкция маркирует начало темы метакоммуникации.

Инсценированный квазидиалог предполагает только ирреальный план коммуникации, он создается одним автором, поэтому тема является единой, включающей несколько микротем. Весь текст, порождаемый во время игры в одиночестве, – это воспроизведение придуманной ребенком чужой речи. И лишь в отдельных случаях целостность квазидиалогического текста может нарушаться эгоцентрической речью, которая представляет собой конвенциональный внутренний аутодиалог, некоторое подобие повествовательной речи автора. Например:

(Маша инсценирует диалог М. – мамы-лошадки и Д. – детки-лошадки)

Д. Я хочу погулять//

М. Иди/ гуляй//

Маша. (тихо, с нейтральной интонацией) Она гуляет// Это её.../ это.../ мать//

Она поскакала//

Д. Подожди-и-и!

М. Я скачу/ скачу/ к моей детке скачу// Детка! Я пойду капусту рвать// Щас приду//

Я пойду капусту рвать//

Д. Подождите меня!

М. Я/ уже пришла//

Маша. (бормочет тихо, с нейтральной интонацией) Так// Кушать варит//

Салатик делает// Картошку варит//

Различную степень смысловой целостности двух типов игровых диалогов определяет и характер конситуативной обусловленности, вообще свойственной любому игровому диалогу. В совместном игровом диалоге конситуативно обусловленная речь чаще всего относится к реальному, метакоммуникативному плану взаимодействия. Например:

А. (ролевая реплика) *Что бы надеть? Постирай/ все одёжки//*

В. (продолжает разбирать кукольную одежду) *И чемоданчик/ нашли//*

А. (продолжает инсценировать) *Так/ что мне сегодня надеть? Что я сегодня надену? Так// Что мне сегодня.../ Постирайте.../*

В. (продолжает перебирать одежду) *Твой парик//*

А. *А у этой даже сапоги есть// Щас покажу/ у вот этой/ есть сапоги//*

В. *Где она? Где она?*

А. *Вот она// Та куколка/ вот она//*

В. *Нет/ я другую ищу// Где где где она-а-а? Где она?!*

А. *Какая?*

В. *Помнишь/ такая же/ только с жёлтым волосом//*

А. *У неё голова отлетела// Вот// У неё голова отлетела//* (ролевая реплика)
В общем/ подметите вы всё// Всё подметите// За детьми поухаживайте/ ладно? А я пошла на соревнования//

Характерной же особенностью инсценированного квазидialogа является речевая интерференция – пересечение реального и ирреального контекстов, при котором пропозициональное содержание эгоцентрической речи, обусловленной конситуацией, переносится в реплики придуманных ребенком персонажей, что сохраняет смысловую целостность текста.

Например: в процессе игры нечаянно роняет импровизированную телефонную трубку; поиски предмета, заменяющего трубку, сопровождается спонтанно возникающим инсценированным диалогом между действующими в игре персонажами – Карлсоном и Мальшом: *Ой! Моя телефонная трубка! Я сейчас прилечу // – Я не знаю / куда она делась // – Не знаешь? Поищи получше! – Я не знаю / где // Я её не вижу // – Поищи получше // Как о стенку горохом! – Да ладно / я её вижу // – Нашёл? – Нашёл //* (в этот момент девочка выбирается из-под кушетки, где она искала упавший предмет).

Таким образом, единый – ирреальный – план коммуникации в инсценированном квазидialogе способствует сохранению единства темы, что обеспечивает большую, чем в собственно игровом диалоге, целостность текста.

Если же говорить о конситуативной обусловленности игровых диалогов, то эта характеристика определяет не только особенности тематической организации текста, но и специфику его смысловых связей. В приведенных выше примерах каждый факт введения конситуативно обусловленной темы является одновременно фактом специфической связи, возникающей при нарушении иллюкутивной согласованности реплик. Например, в совместном диалоге: **А.** (ролевая реплика) *Что бы надеть? Постирай / все одёжки // – В.* (продолжает разбирать кукольную одежду) *И чемоданчик/ нашли;* в инсценированном квазидialogе: **К.** *Что ещё? – З.* *Лучка! – К.* (падает «телефонная трубка») *Ой! Моя телефонная трубка!*

В обоих случаях реплика, заменяющая акт-исполнение, является реакцией на невербальный стимул.

Однако преобладающими для любого типа детских игровых диалогов являются иллюкутивно обусловленные смысловые связи – то есть такое соотношение реплик, при котором одна из них содержит акт-программу (воздействует на смысл и строение последующей), а другая содержит акт-исполнение (является реакцией на предыдущую). Связи такого рода представлены несколькими наиболее общими разновидностями, например: «сообщение – вопрос, вызванный сообщением» *Ну ладно / как царская дочь я не буду расстраиваться // – А ты какого царя дочь?*; «вопрос (в его первичной функции) – ответ на вопрос» *Что с вами / леди? – Мне плохо*; «обращение – реакция на обращение» *Тётя Алиса! Тётя Алиса! – Тётя Хрюшка / что случилось?* и т.п.

В большинстве случаев иллюкутивно обусловленные межрепликовые связи осуществляются с опорой на связи языковые, то есть реплики (стимул и реакция) объединяются в речевое целое с помощью определенных лексико-грамматических средств. Причем в процессе игровой деятельности дети используют разнообразные средства организации диалогического текста, усваивая их из окружающей речевой среды.

Это прежде всего вопросно-ответные комплексы, наиболее распространенные в детской диалогической речи: реплика-реакция содержит точный ответ на вопрос, выраженный специальным вопросительным словом в реплике-стимуле: *Какую вам музыку? – Играйте любую / какую можете; Что у нас вот это? – Это цветок* и т.п.

Языковое единство иллюкутивно согласующихся реплик может проявляться и в синтаксическом продолжении реплики-стимула репликой-реакцией: *Мы их будем много лечить // Этих бедных... / – Зверюшек?; Пока! До завтра! – Завтра я уезжаю на дачу // – Ну вот // Значит / значит / до послезавтра; Я вам покажу корабль! – Какой корабль? – Поэтому я вас позвал* и т.п.

Ещё одно проявление языкового единства реплик, соотносящихся как акт-программа и акт-исполнение, – синтаксический параллелизм (термин Т.Г. Винокур [Винокур, 1955]), который при игровом инсценировании часто сопровождает такую разновидность иллюкутивной связи, как «сообщение – вопрос, вызванный этим сообщением»: *Я уезжаю на целый год // – На целый год? Дети будут скучать по тебе; А где брать билет/ чтоб тебя на корабль пустили? – У Совы // – У Совы?*

В игровых диалогах при выражении различных смысловых отношений в качестве своеобразных «языковых скреп» [Винокур, 1955] используются и собственно лексические средства: синонимы (*Эй! Зайка! Тебе так хорошо будет? – Как? Мне удобно*), антонимы (*Давайте / давайте / работайте! – А ты что отдыхаешь там / командир?*), слова одного семантического поля (*Он завтра приедет/ и привезёт/ и привезёт он нам / чесночка лучка / перца // И всё // – Попроси у него салата*), однокорневые слова (*А что? Что нельзя что ли? – А что ты заштолкался?*), ассоциативно связанные слова (*Вот вам нате коктейля! – Ой / вкусно! Вкуснота-а-а!*).

Значительно реже иллюкутивная связность в игровых диалогах не соотносится с языковыми связями. В таких случаях, по словам Е.Н. Ширяева, диалогические тексты «развиваются по особой прогнозируемой стратегии, которая сама по себе без какой-либо лексико-грамматической поддержки может обеспечить смысловую связь реплик» [Ширяев, 1998, с. 115].

В связи с этим особо следует сказать об использовании в игровых диалогах междометно-глагольных слов (типа *трах, бац, бу-бу-бу*). Подобные слова, как известно, образуют синкретический класс, совмещающий черты междометий и глаголов, и характерны для

экспрессивной речи, когда говорящий стремится к живописности и наглядности. Если в разговорной речи такие слова чаще всего употребляются как предикаты (*Она жик / и готово*) [Русская разговорная речь..., 1983, с. 84], то в детских игровых диалогах они встречаются исключительно в функции звукоподражаний, образуя отдельные, самостоятельные речевые акты, являющиеся своеобразными ремарками, необходимыми при инсценировании (*Чик-чик* – «открывают дверь»). Причем такие «звуковые жесты» (термин Е.Д. Поливанова [Русская грамматика, 1982, с. 736]) в организации игрового диалога могут выполнять две функции:

1) стимул для последующей реплики (изображение определенного конситуативного обстоятельства): *Динь-дон-н-н // – Открой; Чжэ-чжэ-чжэ // – Вот чёрт! Забуксовал; Динь-дон-н-н // – Проходите;*

2) реакция на реплику-стимул (звукоподражание по значению соответствует действию, названному глаголом): *Нажми на кнопку мадам // Два раза // – Жи-жи-жи; Пойдём! – Прыг-прыг / прыг-прыг; Открой // – Чик-чик.*

Таким образом, особые возможности междометно-глагольных слов реализуются именно в игровом диалогическом тексте, обусловленном закономерностями детского возраста.

Представленные в статье наблюдения позволяют сказать о том, что детские игровые диалоги безусловно имеют научную ценность, поскольку это уникальный тип текстов, создаваемый на основе свободной творческой деятельности и отражающий определенный уровень когнитивно-коммуникативного опыта на этапе детского онтогенеза. Кроме того, такие тексты позволяют наблюдать функционирование языковых единиц (в том числе и синтаксических) в процессе формирования коммуникативно-речевой компетенции, причем как единиц нормативного языка, так и специфических единиц языка детей.

Литература

1. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 342–355.
2. Костючук Л.Я. Об одном использовании глагольной формы на -л- в детской речи // Психолингвистические основы онтогенеза при усвоении родного и иностранного языков: Тез. докл. совещ. М., 1987. С. 37–39.
3. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. 783 с.
4. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 237 с.
5. Ширяев Е.Н. О структуре разговорного диалога // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф.: III Шмелевские чтения. М., 1998. С. 114–116.

ФУНКЦИИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

И.Г. Родионова

Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

***Аннотация.** Описаны собственно коммуникативная, метаязыковая и оценочная функции вставных конструкций в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского, выделенные с учётом семантико-смыслового наполнения этих синтаксических единиц. Делается вывод о роли вставок при характеристике языка автобиографического произведения и при отражении особенностей авторского восприятия объективной действительности.*

***Abstract.** The actual communicative, metalinguistic and evaluative functions of the plug-in constructions in the "Tale of Life" by K.G. Paustovsky, highlighted taking into account the semantic content of these syntactic units, are described. A conclusion is made about the role of insertions in characterizing the language of an autobiographical work and in reflecting the peculiarities of the author's perception of objective reality.*

***Ключевые слова:** вставная конструкция, функция, автобиографический текст, К.Г. Паустовский.*

***Key words:** plug-in construction, function, autobiographical text, K.G. Paustovsky.*

Вставные конструкции (вставные компоненты, вставки) – это «включённые в предложение предикативные единицы, слова или словосочетания, которые прерывают начатое предложение добавочными пояснениями, возникшими у говорящего в процессе высказывания» [Скобликова, 2006, с. 279].

Функционирование вставных конструкций в текстах разных стилей не раз становилось предметом обсуждения лингвистов (А.И. Аникин, А.А. Буров, В.П. Ковалёв, Т.П. Ковина, Е.А. Пантелеева, Е.Г. Пospelова, М.В. Сомова, Д.А. Троц (Савостина), В.И. Чуглов, Б.С. Шварцкопф и др.).

В настоящей статье предпринята попытка описать доминирующие функции вставных конструкций в автобиографическом произведении К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». При этом обращается внимание на вставки, включённые в речь автора-рассказчика, которых в названном произведении значительно больше, чем вставных элементов в речи персонажей. Актуальность темы исследования объясняется особой ролью вставных конструкций при выражении коммуникативного замысла автора. «Вставка расширяет и обогащает содержание высказывания», – считает А.Ф. Прияткина [Прияткина, 1990, с. 159]. «Вставные конструкции расширяют авторское присутствие», – утверждает В.И. Чуглов [Чуглов, 2000, с. 4]. Включение в канву повествования попутных замечаний, дополнений, уточнений, оформленных как вставные конструкции, «создаёт атмосферу доверительного диалога писателя с читателями разных поколений» [Ковина, 2020, с. 160]. Пунктуационное выделение вставок не умаляет их роли в тексте, а, наоборот, обращает на них внимание читателя, делает заметными. «Эти сведения обычно не являются чем-то второстепенным, малозначимым, инородным в смысловой или стилистической ткани всего предложения. Скорее наоборот: автор как бы выносит дополнительные замечания на второй план, как сопутствующие основной мысли, тем самым обращая на них внимание читателя (слушателя)», – отмечает А.И. Аникин [Аникин, 1972, с. 61].

Особую значимость вставные конструкции приобретают в автобиографическом тексте, в котором автор делится с читателем самым сокровенным, что у него есть, –

воспоминаниями о своей жизни, о событиях, свидетелем и участником которых он был, о людях, с которыми его свела судьба. При этом писатель старается не упустить важные для него детали, пусть даже они и представляют собой попутные замечания, возникшие в ходе передачи основного содержания. В автобиографическом произведении особенно велика роль вставных конструкций как средства проявления авторской индивидуальности.

В шести книгах «Повести о жизни» К.Г. Паустовского нами выделено около 300 вставных компонентов.

Вставные конструкции не могут быть объединены в ограниченное количество функционально-семантических групп, поскольку «используются как средство сообщения самых разнообразных дополнительных сведений» [Бабайцева, 2015, с. 409]. Однако в конкретном произведении они способны выполнять определённые функции и передавать дополнительную информацию того или иного смыслового плана. Так, в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского оказалось возможным выделить **собственно коммуникативную, метаязыковую и оценочную** функции вставок.

Собственно коммуникативная функция вставных конструкций связана с их способностью передать мысль, коммуникативный замысел автора. Ср.: «Говорящий использует механизмы структурирования языковых единиц для передачи в смысловой организации текста всех нужных ему нюансов значений» [Бакалова, 2008, с. 46]. Содержание вставных конструкций, выполняющих собственно коммуникативную функцию, связано с описанием событий, фактов, явлений. Данная функция реализуется в форме уточнения, дополнения, объяснения.

Уточнение конкретизирует содержание высказывания, переводя его из более широкого плана в более узкий. В рассматриваемом произведении вставные конструкции уточняют:

1. **Время действия.** В основной части предложения содержатся лексемы с темпоральной семантикой (*в то время, весной* и под.), которые, по мнению автора, требуют уточнения – эту функцию выполняют вставные конструкции, содержащие указание на год, время года, месяц: *Мурманск в то время (весной 1932 года) был бревенчатый, заваленный щепой и беспорядочный.* Уточнение времени действия может сопровождаться описанием характерных для данного периода явлений, событий, которое, по мнению автора, необходимо включить в повествование: *Однажды весной (наступил уже май, но никто, кажется, не заметил тогда ни ледохода по Москве-реке, ни цветущей черёмухи) я стоял в толпе у памятника Скобелеву.*

2. **Место действия.** В основную часть предложения включены лексемы с пространственной семантикой. Вставная конструкция вводится с помощью союзного слова *где*, формально представляет собой придаточную часть, грамматическая связь которой с основным предложением сохраняется, однако семантическая связь ослабевает: *Сверху выбоины были белые (там, где была шпукатурка), а в глубине – красные (где был кирпич); Напротив, на стрелке Тверского бульвара (где сейчас памятник Тимирязеву), стояло в то время скучное и длинное задние.*

3. **Объект описания.** Вставная конструкция вводится либо с помощью конкретизаторов (*в данном случае, это* и др.), подчёркивающих её уточняющий характер, либо без специальных слов: *Должно быть, только в России бывает так, что один и тот же источник мыслей и чувств (в данном случае Северный Урал) вдохновляет двух таких несхожих писателей; Так я думал, лёжа на берегу горной речки (это, кажется, уже была не Келасура, а какая-то другая*

река), предаваясь восхитительной лени; Выбрав гладкое место, похожее на маленький ток, он рассыпал по нему пшено или крошки хлеба, растягивал над током на высоких колышках сеть, маскировал её травой (бурьяном, цветами).

Дополнение содержит добавочную информацию об объекте, факте, событии, при этом средствами связи вставной конструкции с основной частью предложения, как правило, служат анафорические слова – указательные местоимения или наречия, личные местоимения, а также лексический повтор.

Отметим многообразие в «Повести о жизни» вставных конструкций, содержащих добавочную информацию о человеке и характеризующих его. Это связано с широким кругом общения К.Г. Паустовского, его интересом к людям разных профессий, возрастов и т.д., а также со стремлением писателя максимально полно показать в своём произведении людей, встретившихся ему на жизненном пути. В основной части предложений содержится лексика, называющая человека (антропонимы, слова, указывающие на семейный статус человека, профессию и др.). Вставные конструкции включают дополнительную информацию о названном человеке, важную для понимания смысла произведения или его фрагмента. Это может быть указание:

1) на род занятий (в настоящем или будущем): *Наконец добродушный старик с сантиметром на шее (из этого я заключил, что он портной) дал мне за ватин сто тысяч рублей; Матусевичу, обладавшему могучим басом (впоследствии Матусевич был певцом Киевской оперы), поручили прокричать «Держи его!» прямо в ухо королю;*

2) на имя человека или на особенности его именованя (в семье, в обществе): *За обедом фельдшер – его звали Яни – сказал речь по случаю нашего похода на озеро Амтхел-Азанда; Она относилась к сыну, к своему Мише (дома имя Мигуэль не существовало), как к человеку явно ненормальному, страдала от одного его внешнего вида, но была с ним очень нежна; На Австрийском пляже среди немногих его завсегдаев я встречал Илью Ильфа (тогда у него ещё не было псевдонима, и все звали его Илюша Файнзильберг).* Вставные конструкции, содержащие дополнительную информацию о человеке, могут осложняться оттенком следствия: *Через несколько дней новый наш директор, Терещенко, назначенный вместо Бессмертного, лысый, с головой, будто смазанной маслом (за это ему дали прозвище «Маслобой»), остановил меня и сказал <...>;*

3) на статус: *Дело в том, что борец Штейнбах (чемпион Баварии) неудачно перевернул Довгелло на ковре и сломал ему руку;*

4) на происхождение: *Множество медалей, полученных фотографом Метаксосом (из Воло) и изображённых на обороте этой фотографии, веселило меня (Воло – город в Греции – И.Р.).* Сведения о происхождении могут осложняться значением причины: *Амалия вытаскивала стопки салфеточек с вышитыми котятками, мопсами, аютиными глазками и незабудками, раскладывала всё это богатство на столе и подавала знаменитый базельский кофе (она была родом из Базеля);*

5) на место жительства: *Я иду и представляю себе, как милые ленинградские старушки тётя Глафира и тётя Поля (они живут на Пряжке) будут радоваться мне, давно уже пропавшему без вести;*

6) на детали внешности: *Недаром единственный молодой наборщик и печатник по имени Ричард (он был курнос и происходил из города Мелитополя) говорил: – Это же не газета, а конфетти!;*

7) на физические особенности: *Дядя Юзя был высокий бородатый человек с продавленным носом, с железными пальцами – ими он гнул серебряные рубли, – с подозрительно спокойными глазами, в глубине которых никогда не исчезало лукавство; Бабель зажжёт маленькую лампочку. Глаза его покраснели за стёклами очков (он вечно мучился глазами);*

8) на особенности характера: *Но, пожалуй, самым пронизательным оказался Гайдар. (Он вообще был чертовски пронизателен и лукав.);*

9) на особенности поведения, привычки: *Я садился к столу и до появления Люсьены (она всегда приходила вслед за мной) успевал кое-что написать «для себя»; Все, кто видел Бабеля за работой, особенно ночью (а увидеть его в этом состоянии было трудно: он всегда писал, прячась от людей), были поражены печальным его лицом и его особенным выражением доброты и горя.*

В текст «Повести о жизни» включены вставные конструкции, содержание которых дополняет описание продуктов рукотворной деятельности человека. Такие вставки помогают воссоздать обстановку или точнее охарактеризовать окружающие реалии: *Сон напелзл тёплый, вязкий, пахнувший промокшими насквозь гвоздиками из палисадника за окном нашей крошечной закопчённой типографии (то была старая, хилая типография, где раньше печатали визитные карточки); То была серая, рыхлая, очень толстая бумага, похожая на обёрточную, прослоенная широкими и тонкими древесными стружками (даже со следами годичных слоёв).*

Вставные конструкции, включённые в повествование, могут дополнять, расширять описание природы и окружающей среды: *Болезнь джунглей – это внезапно завладевающее вами очарование этих непроходимых зарослей (в них почему-то мало птиц), с их дурманящим душистым воздухом, с коричневой землёй; В одно хмурое предвесеннее утро (в подвале все утра казались хмурыми) Багрицкий встал, шумно выдохнул воздух и сказал: – Постой прекращается! Послезавтра я еду в Одессу.*

Большое внимание в «Повести о жизни» К.Г. Паустовский уделяет описанию своего творческого процесса и результатов своей писательской деятельности. Вставные конструкции дополняют повествование информацией об отражении описываемых событий в произведениях автора: *Ранней весной я вернулся в Москву, написал заказанные мне «Рабочей газетой» очерки о Березниковском строительстве (они потом вышли отдельной маленькой книгой под названием «Великан на Каме») и тотчас уехал к Шацким в Ливны, чтобы окончить там «Кара-Бугаз»; Весь дом от ходьбы шатался и скрипел и с минуты на минуту грозил обвалиться. Кроме того, в нём происходили разные печальные события (о них я писал в «Золотой розе»).*

Объяснение отражает причинно-следственные отношения между фактами, явлениями, событиями. Вставные конструкции, реализующие собственно коммуникативную функцию в форме объяснения, допускают вставку союза *потому что*, поскольку раскрывают причину или содержат обоснование того, о чём говорится в предложении, в связи с чем оказалось возможным выделить два вида вставок-объяснений:

1) вставные конструкции, содержащие указание на причину явления, события: *Я мог долго сидеть за столом над задачкой Малинина и Буренина – я готовился в эту зиму к экзаменам в гимназию – и думать о Галифаксе; Счастливого нашему настроению способствовало всё, что нас окружало, – прежде всего сознание, что мы в субтропиках, где*

лётся тёплый дождь и где небо так густо обложено тёплыми тучами (был уже октябрь), что сумерки висят над землёй весь день;

2) вставные конструкции, включающие обоснование события или ситуации с позиции отнесения их к определённой эпохе (обычно в составе конструкции используется наречие *тогда* или сочетание *в то время*): *Когда слепец вышел за ворота, сторож-ингуш (тогда многие богатые помещики держали у себя в имениях наёмную стражу из ингушей) спустил на слепца цепного пса-волкодава; На эстраде оркестр (тогда ещё не существовало джазов и мало кто слышал даже про саксофон) играл попури из разных опереток, потом заиграл знаменитую песенку Ядова; Шум города, вернее, говор города (в то время было ещё мало машин и редко ходили трамваи) затихал, и только издали доносились крылатые звуки «Варшавянки».*

Нередко вставные конструкции совмещают семантику дополнения и объяснения. Так, в приведённых ниже предложениях вставки, с одной стороны, содержат дополнительную информацию о предмете речи, с другой – объясняют содержание основной части предложения: *Среди ксендзов, лежавших ничком (выстрелы были реже, но ещё не затихли), началось какое-то страшное шевеление; Он основал в Тифлисе общество «левых» поэтов и художников. Называлось оно «Сорок первый градус» (по географической параллели, которая проходила близ Тифлиса).*

2. Метаязыковая функция вставных конструкций связана с тем, что они содержат объяснение фактов языка и речи, представляют собой своеобразный метаязыковой комментарий языковых и речевых явлений, данный автором. В «Повести о жизни» метаязыковая функция наиболее часто реализуется в следующих формах:

1) толкование значения слова: *За этим следовали кары – оставление на час или два «без обеда» (иначе говоря, томительное сидение в пустом классе после конца уроков), четвёрка по поведению и, наконец, вызов родителей к директору;*

2) индивидуальная (или групповая) номинация: *Это название, коряво написанное на куске картона разноцветными карандашами, было загадочным и требовало лингвистических изысканий (или, как говорил Миша, «раскопок»), чтобы установить его происхождение; На красном лице капельмейстера (мы называли его «капельдудкиным») бродила сладкая улыбка; Чудно пахли листья помидоров, обещая недалёкий урожай «красненьких» (так в Одессе звали помидоры);*

3) профессиональная номинация: *Потом поезд начал подниматься из сожжённой котловины на плоскогорье (или «плато», как говорили инженеры), где уже задувал ветер и по ночам было холодно;*

4) подбор подходящего слова: *Опять можно было читать, работать, думать, снова закономерной чередой приходило пробуждение, работа, голод (вернее – впроголодь) и освежающий сон.*

3. Оценочная функция. Вставные конструкции способны выражать авторскую оценку (эмоциональную, интеллектуальную, эстетическую, этическую, модальную и др.) событий, явлений, ситуаций, поступков, характеров и т. п. «Данные синтаксические единицы «обеспечивают» свободу выражения авторского Я», – отмечает Д.А. Троц (Савостина) [Троц (Савостина), 2019, с. 121].

В «Повести о жизни» вставные конструкции, содержащие авторскую оценку, позволяют более наглядно представить образ рассказчика: его характер, увлечения, предпочтения, настроение, особенности восприятия действительности. В таких вставках, как

правило, используются личные местоимения: *Маленькая и застенчивая моя газетка «Маяк» (почему-то она мне казалась застенчивой) стала выходить один раз в неделю вместо четырёх; Там, в сторону от железной дороги, лежали земли, до сих пор (во всяком случае, для многих, и в том числе для меня) совсем неведомые; Но жизнь не по моей вине (вина, очевидно, была, но я её не понимал) складывалась так, что и разнообразие жизни, и события, и скитания, и множество окружающих интересных людей – всё это было дано в изобилии, но не было дано лишь одного: родственных, любимых и любящих людей; Даже в противоречивых стихах Верхарна (я им в ту пору увлекался) горело старое революционное пламя.*

Таким образом, собственно коммуникативная, метаязыковая и оценочная функции вставных конструкций в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского выделены с учётом семантико-смыслового наполнения этих синтаксических единиц. Безусловно, охарактеризовать все значения вставных компонентов невозможно, поскольку потенциально их содержание бесконечно разнообразно. Однако выявление тенденций семантико-смыслового наполнения вставок (а следовательно, и их функций) позволяет показать то специфическое, что, с одной стороны, характеризует язык конкретного произведения, а с другой – отражает особенности авторского восприятия объективной действительности.

Литература

1. Аникин А.И. Вставные единицы в речи // Русская речь. 1972. № 1. С. 61–66.
2. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.
3. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект языковых единиц художественного текста // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 44–48.
4. Ковина Т.П. Роль вставных компонентов в синтаксической структуре художественного текста (на материале романа «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева) // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции (МГОУ, Москва, 20 ноября 2020 г.) / отв. ред. Н.А. Герасименко. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 156–160.
5. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.
6. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
7. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
8. Троц (Савостина) Д.А. Вводность как проявление авторской индивидуализации в научном слого профессора П.А. Леканта // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 [Электронный ресурс]: сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящённой памяти профессора П.А. Леканта (Москва, 19 ноября 2019 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 119–123.
9. Чуглов В.И. «И кстати я замечу в скобках...» // Русская речь. 2000. № 3. С. 3–5.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСАХ АСИ ВОЛОШИНОЙ

О.В. Суханова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы форматирования диалогового пространства в драматургическом тексте. Базовый форматив – вопросно-ответное единство. Текстовое пространство пьесы линейно: смена форм диалога. Осуществляется попытка определить предпочтения А. Волошиной в выборе диалоговых форм в связи с содержанием её текстов пьес.

Abstract. The article deals with the problems of formatting the dialog space in the dramatic text. The basic formative is the question-answer unity. The text space of the play is linear: changing forms of dialogue. An attempt is being made to determine the preferences of A. Voloshina in the choice of dialog forms in connection with the content of her texts of plays.

Ключевые слова: диалоговое пространство, драматургический текст, формат диалога, выбор формата диалога, конструирование диалога, моделирование драматургического текста.

Key words: dialog space, dramaturgical text, dialog format, dialog format selection, dialog construction, dramaturgical text modeling.

Современные коммуникационные явления и процессы полиструктурны, полимодальны. Эти процессы и явления требуют изучения в контексте сложившейся социокультурной ситуации. Художественная культура, имеющая четкие ценностные характеристики, является индикатором социокультурных изменений. Фундамент всякой культуры – система ценностей.

Повышенный интерес к проблематике коммуникации, общения объясняется необходимостью понять процессы, посредством которых человек выражает свои мысли, вступает во взаимодействие с другими, в том числе вступает в диалог, выбирает стратегию и тактику ведения диалога, некоторого семантического единства благодаря использованию единого языка, совпадению «смысловых фокусов» создаваемых и интерпретируемых текстов культуры [Грачёв, 2012, с. 97–102].

Диалог как форма коммуникации – уникальное поле научной деятельности, познание диалога – междисциплинарная проблема [Каллаева, 2013, с. 132–135].

По замечанию М.М. Бахтина, каждое новое воспроизведение текста – это новое событие в жизни текста: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1979, с. 281–307].

Все процессы коммуникации происходят в контексте – социальной ситуации: место и время встречи, цели участников общения, наличие / отсутствие зрителей, посторонних лиц и т.д. Наша интерпретация текста, соответствующего социальной ситуации, определяется контекстом [Шерстяных, 2014, с. 371–376]. Коммуникативный акт К.А. Долинин представляет как деятельностьную ситуацию: $C=f(A_n, A_t, H, PC, KC, BMO)$, где C – сообщение; f – знак функции; A_n – субъект речи (носитель статуса, роли, субъект действия, личность); A_t – адресат (носитель статуса, роли, субъект действия, личность); H – наблюдатель (зритель); PC – отрезок объективной действительности; KC – канал связи (для передачи сообщения); DC – деятельностьная ситуация; BMO – время, место общения, окружающая обстановка [Долинин, 1998, с. 35–46].

По утверждению американского сценариста Р. Макки, диалог – это разговор действующих лиц художественного произведения, кроме этого, диалогом со зрителем можно назвать и процесс «рассказывания».

Диалог как коммуникативное событие проявляет себя в одном из двух видов – это драматизированный диалог (разыгранный в сценах) и нарратизированный диалог (произнесенный за сценой) [Макки, 2018, с. 19–22].

В театре драматизированный диалог представляется действующими лицами в сценах. Нарратизированный диалог вводится, когда нужно признаться в чем-то, раскрыть секрет и т.п.

Диалог обнаруживает систему ценностей участников коммуникации: *Автор художественного произведения – Читатель / зритель*. Диалог в драматургическом тексте соединяет две сферы: внутренний мир героя и внутренний мир читателя/зрителя – две системы ценностей. Мы следуем за автором через высказанное к невысказанному. Р. Макки заметил: «<...> куски диалогов запоминаются наизусть потому, что, твердя их снова и снова, мы не только всякий раз оживляем картины, написанные словами, но и слышим отзвуки собственных мыслей в том, что думают герои <...>» [Макки, 2018, с. 13].

Инструменты создания диалогового пространства соотносятся с характеристиками коммуникативной ситуации и коммуникативного поведения коммуникантов, которые можно считать факторами варьирования речевого поведения, формирующими идиостиль коммуниканта [Борисова, 2019, с. 42].

Можно выбрать любую форму диалога. Нам представляется интересной типология речевого поведения в диалоге, которую сформировал Б.Ю. Норман, рассматривая изменение формата диалога в зависимости от изменения условий и задач коммуникации [Норман, 2017, с. 173–207]:

1. «Идеальный» диалог (соблюдение принципа кооперации – упорядоченный обмен репликами).
2. Настраивание слушающего на определенное прочтение сообщения, а дальше контекст разрушает это прочтение.
3. «Разговор глухих» (каждый говорит о своем).
4. Разная степень речевой свободы.
5. Притворство: не понимаю вопроса.
6. Соблюдение / несоблюдение в разговоре социальных рангов, ролей.
7. Обмен всем известной информацией.
8. Обмен этикетными репликами.
9. Повторение реплик (передразнивание).
10. Реализация в коммуникации разных пресуппозиций.
11. Наличие / отсутствие семантической конвенции (различное представление о целях коммуникации).
12. Умышленное введение в заблуждение (заблуждение «обозначает» ложную пресуппозицию).
13. Эллипсис (пропуски).
14. Нарушение принципа кооперации.
15. Информации, меньше / больше, чем требуется.
16. Намеренное (искусственное) использование языковых средств одного ранга.

Диалог в сценарии занимает 99 % текстового пространства. Можно предположить, что, проследив смену вариантов диалога в каждом из рассматриваемых сценариев, мы

представим модель каждого текстового пространства. Использование моделирования текстового пространства позволит подготовить интерпретацию текста с определенным вектором. Как утверждают психологи, модель реализует следующие функции: понимания; формирования гипотезы прогнозирования; создания образа результата и др. [Оконешникова, 2011, с. 50–60].

Шестнадцать вариантов диалога, отличающиеся разной репрезентацией составляющих диалог компонентов, мы распределяем по всему текстовому пространству сценария с целью выявления предпочтений автора в использовании этих вариантов в каждой из анализируемых пьес (см. сайт фестиваля драматургии: <http://lubimovka.ru/>).

Модели диалогового пространства анализируемых пьес представлены в таблице 1.

Таблица 1

пьеса	Линейная модель диалогового пространства	Всего + Наиболее частотный формат
Человек из рыбы	10-14-10-10-11-12-15-16-12-15-3-4-6-3-2-5-6-9-2-2 10/3; 2/3; 15/2; 12/2; 14/1; 11/1; 6/2; 3/2; 5/1; 9/1; 4/1	20 10/3
Единственная	2-5-3-3-5-4-16-3-12-14-10-11-12-8-11-11-12-5-3-7-6-12 3/4; 12/4; 5/3; 11/4; 2/1; 4/1; 16/1; 14/1; 10/1; 7/1; 6/1;	22 3/4
Анна Франк	4-3-10-2-1-3-4-3-3-5-4-10-12-5-3-4-3-5-3-10-12-2-2-2-6-3-2- 5-12-11-12-11-11 3/8; 2/5; 4/4; 12/4; 10/3; 5/3; 11/3; 1/1; 6/1	33 3/8
Високосный край	16-12-12-10-12-8-3-4-5-3-3-1-5-5-7-3-6-10-12-16 12/4; 5/3; 3/3; 16/2; 10/2; 3/2; 8/1; 4/1; 7/1; 6/1	20 12/4
Антигона	2-4-5-13-13-14-2-11-9-10-13-9-12-5-3-13-6-12-3-5-5-16-7 5/4; 13/4; 10/1; 4/1; 14/1; 11/1; 6/1	23 5/4
Гибнет хор	11-16-3-12-7-4-5-3-7-4-3-10-5-3 3/4; 5/3; 7/2; 11/1; 16/1; 12/1	14 3/4

Линейная модель диалогового пространства каждой из рассматриваемых пьес позволяет определить наиболее частотные технологии (техники) создания этого пространства. Предпочтения техник создания диалога можно рассматривать как замысел автора, который определяет вектор интерпретации текстового материала.

В пьесе «Человек из рыбы» А. Волошина чаще всего использует технологию «Разные пресуппозиции» (10). Можно предположить, что это связано с тем, что у коммуникантов разный жизненный опыт.

В пьесе «Единственная» – технологию «Каждый о своем» (3), с помощью которой удастся автору представить коммуникантов с несовпадающими «картинами мира».

И в пьесе «Анна Франк» наиболее используемая технология «разговор глухих» (3).

В модели пьесы «Високосный край» самый высокий показатель у технологии «Умышленно вводит в заблуждение о своих пресуппозициях» (12), что, безусловно, «работает» на динамику нарастания конфликта.

В пьесе «Антигона» технология «Притворство: не понимаю» (5) демонстрирует разное социальное положение действующих лиц, разное отношение к социуму у них.

В пьесе «Гибнет хор» автор использует технологию «Диалог ни о чем»:

герои настолько погружены в свои переживания, в свое видение, свое ощущение страшной действительности, что речь их сбивчива, нелогична (3).

Для системного представления предпочтений А. Волошиной в выборе формата диалога в пьесах «Человек из рыбы», «Високосный год», «Единственная», «Гибнет хор», «Антигона» назовем возможные форматы: 1) разговор с другим человеком (другими людьми); 2) разговор с самим собой; 3) разговор со зрителем. Эти формы диалога реализуют в пьесах А. Волошиной следующие типы действия: драматизированный диалог; нарратизированный диалог. Особое внимание А. Волошина уделяет выбору аудиальных инструментов, обнаруживая явное их преимущество, по сравнению с визуальными.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2019. 318 с.
3. Грачев В.И. Проблемы формирования информационного-коммуникационного пространства художественной культуры // Ценности и коммуникация в современном обществе. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 97–102.
4. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая педагогика конца XX в. СПб., 1998. С. 35–46.
5. Каллаева Д.Р. Роль теории диалога М.М. Бахтина в формировании социокультурной компетенции // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. Уфа, 2013. С. 132–135. Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/68/3614>.
6. Макки Р. Диалог: Искусство слова для писателей, сценаристов и драматургов. М.: Альпина нонфикшн, 2018. 318 с.
7. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 344 с.
8. Оконешникова О.В. Методология и методика психологического исследования. М., 2011. 320 с.
9. Шерстяных И.В. Теория речевых актов. М.: Флинта, Наука, 2014. 546 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Д.С. Фещенко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается функционирование синтаксических конструкций – рядов с параллельными членами и пассивных конструкций – в цикле рассказов Варлама Шаламова «Левый берег». Обращается внимание на особенности употребления, выявляются семантические аспекты и художественные функции применения данных конструкций.*

***Abstract.** This article discusses syntactic structures in Varlam Shalamov's cycle of stories 'The left bank of the river', as in the syntactic complication constructions and the passive voice constructions. The analysis covers the relationship between a semantic aspect and syntax, highlighting these functions of the syntactic constructions which are specific to fiction.*

***Ключевые слова:** В.Т. Шаламов, «Колымские рассказы», «Левый берег», синтаксическое осложнение, синтаксические ряды, пассивные конструкции, синтаксис Шаламова.*

***Key words:** Varlam Shalamov, «Stories from Kolyma», «The left bank of the river», syntactic structures, passive voice, Shalamov's syntax.*

Анализу сочинений Варлама Шаламова посвящено множество работ как российских, так и зарубежных исследователей: научные статьи, диссертации, сборники, монографии. Проблематика работ затрагивает широкий спектр вопросов философского, исторического, биографического, литературоведческого характера. Вместе с тем, на современном этапе изучения творчества Шаламова лингвистический аспект произведений писателя изучен недостаточно, чем объясняется научная **новизна** лингвистического анализа его произведений в целом и изучение индивидуальных особенностей синтаксиса в частности.

В данной работе рассматривается несколько особенностей художественного языка писателя, проявляемых на уровне синтаксиса, а именно: использование синтаксических рядов (конструкций с параллельными членами) и пассивных конструкций. Таким образом, **объект** данного исследования – функционирование синтаксических рядов и пассивных конструкций в рассказах Варлама Шаламова. **Предмет** – индивидуальные особенности применения этих синтаксических средств. **Целью** работы является рассмотрение случаев использования перечисленных синтаксических конструкций и выявление определённых смыслов, реализуемых этими конструкциями, на материале рассказов В. Шаламова.

В качестве наиболее употребительных типов синтаксических конструкций в рассказах Шаламова можно с уверенностью выделить конструкции с рядами. Данные конструкции синтаксического осложнения были всесторонне исследованы А.Ф. Прияткиной, в работах которой они обозначаются как «конструкции с параллельными членами» [Прияткина, 1990, с. 43]. В одном только цикле «Левый берег», состоящем из 25 рассказов, насчитывается более 300 случаев употребления синтаксических рядов. В большинстве своём это открытые бессоюзные ряды, состоящие из двух, трёх и более членов. Иногда наблюдается использование нескольких рядов (сочетание открытого и закрытого или сочетание нескольких открытых) в одном абзаце или даже в одном предложении – что позволяет предположить их особую роль в создании смысловой плотности на таких участках текста. Все факты употребления в зависимости от их семантической и художественной роли можно разделить на несколько групп.

Наиболее универсальным представляется применение ряда при простом перечислении предметов, признаков, свойств, реалий изображаемого писателем мира, окружения действующих лиц. Такой ряд может состоять из существительных в именительном или косвенном падеже: «*Лавочная колбаса, масло, сахар, сыр, свежие булки* – были лакомством» [Шаламов, 2018, с. 256]; «*Началась ослепительная колымская весна, без единого дождя, без ледохода, без пения птиц*» [там же, с. 303]. Из полных, кратких, субстантивированных прилагательных, наречий, приписывающих миру произведения определённые свойства, качества: «*День был ясный, горячий, сухой*» [там же, с. 338]; «*Ручная подтаска к штабелям* – это и называется весёлым словом “трелёвка” – на Колыме *непосильна, невыносима*» [там же, с. 329]. Встречаются ряды из словосочетаний «существительное + прилагательное»: «*Как-никак у человека семья, жена, сын-школьник. Офицерский полярный паёк, высокая ставка, длинный рубль*» [там же, с. 187].

Синтаксический ряд может содержать описание внешности, характера персонажа, его чувств, изображение речемыслительной деятельности: «*Миролубов заглянул в глаза Кристу своими выпуклыми, добрыми, близорукими глазами*»; «*В мозгу Криста бегло, привычно пробегали вопросы, предположения, догадки <...>*» [там же, с. 201]; «*Ни страха, ни испуга, ни боли душевной*» [там же, с. 235]. Встречаются контрастные описания двух персонажей, выполненные с использованием синтаксических рядов: «*Копали весело. Иван Фёдорович скоро утомился – он был человек сырой, грузный, но не хотел отстать от вице-президента Америки. Уоллес был лёгкий, как мальчик, подвижной, хотя по годам и постарше. Ивана Фёдоровича*» [там же, с. 208].

Использование рядов в качестве приема контраста – одно из самых характерных употреблений в цикле рассказов «Левый берег»: «*Катюшку освободили с ребёнком <...> Это уж не по сроку, не по амнистии, не по зелёному прокурору, а собственным способом, самым надёжным*» [там же, с. 230] – противопоставление оформляется бессоюзным рядом с повторяющейся отрицательной частицей и закрытым рядом с отрицательно-противительным союзом «не – а». «*Среди заключённых были трактористы и получше Лебедева – но всё это были пятьдесят восьмая, литерники, литерки – Гринька Лебедев был бытовик, отцеубийца, если поточнее*» [там же, с. 330] – два ряда, открытый бессоюзный и закрытый пояснительный, разделённые тире. «*Всегда можно отличить тех, кто переступает порог тюремной камеры не впервые. Такие – спокойней, взгляд их живее, твёрже. <...> Тем же, кто пришёл впервые, – нужно несколько дней, пока камера тюрьмы перестанет быть общеликой, враждебной, непонятной <...>*» – два бессоюзных ряда подчеркивают противопоставление «опытный арестант – неопытный арестант» [там же, с. 235]. При сравнении двух персонажей, явлений, реалий предметного мира может применяться одна конструкция с рядом – по отношению к одной из сравниваемых, сопоставляемых сторон; другая сторона, парная ей, как бы принимает на себя признаки, перечисленные первым рядом, но с противоположной оценкой: «*Надзиратель в лагере покорных, трусливых, бесправных людей – начальник большой*» [там же, с. 198].

Отмечается широкое применение синтаксических рядов в выделении содержательно-смысловых компонентов текста: тем, мотивов.

Так, **тема репрессий**, центральная в творчестве Варлама Шаламова, присутствует в большинстве «Колымских рассказов» либо явно, либо будучи спрятанной в подтексте, среди других тем. Данная тема во всех её вариациях, как и другие постоянные темы цикла «Левый

берег», в большом количестве случаев подчеркиваются синтаксическими конструкциями – союзными и бессоюзными рядами. Ниже – несколько примеров из рассказов цикла.

«Спецзаказ»: «*Пеллагра и блатные, конвой и алиментарная дистрофия* старались как могли» [там же, с. 300].

Рассказ «Лида»: «“Спецуказания” были приказом *убить, не выпустить живым*, и Крест это понимал <...> листок папиросной бумаги обязывает всякое будущее начальство <...> *следить, доносить, принимать меры* <...>» [там же, с. 268].

Тема памяти, обозначенная в эпиграфе-посвящении Ирине Павловне Сиротинской («Ире – моё бесконечное воспоминание, заторможенное в книжке “Левый берег”») [там же, с. 186] и проходящая через весь цикл, также неоднократно выделяется синтаксически. «Запахи мы **запоминаем**, как *стихи*, как *человеческие лица*» [там же, с. 187] – сложный вид синтаксического осложнения (ряд из двух трёхчленных сравнительных конструкций) выделяет тему в отступлении-сентенции из первого рассказа сборника. «Я хочу всё *запомнить, запомнить и описать*» [там же, с. 323] – произносит повествователь в рассказе «Букинист».

«Заведующий хирургическим отделением Кубанцев, только что из армии, с фронта, был потрясён зрелищем *этих людей, этих страшных ран*, которые Кубанцеву в жизни *не были ведомы и не снились* никогда» [там же, с. 186] – говорится в рассказе «Прокуратор Иудеи» об одном из переходящих персонажей цикла. Повтор указательного местоимения подчеркивает потрясение хирурга как свидетеля описываемых в рассказе событий. В конце же рассказа сообщается, что хирург заставил себя забыть всё, что было связано с этим эпизодом его жизни, и приводится ссылка на одноимённый рассказ Анатоля Франса, в котором Понтий Пилат забывает Христа. Последний рассказ сборника, «Сентенция», в этом отношении представляет собой антитезу – возвращение героя к жизни начинается с пробудившейся в нём способности воспринимать мир, людей: «Люди **возникали из небытия** – один за другим»; «Однажды ночью я ощутил, что слышу эти стоны и хрипы. Ощущение было внезапным, как озарение, и не обрадовало меня. Позднее, вспоминая эту минуту удивления, я понял, что потребность *сна, забытья, беспамятства* стала меньше <...>» [там же, с. 333, 335]. К герою, помимо его собственной воли, возвращаются человеческие чувства: страх, зависть, жалость. Вслед за чувствами просыпается память. Возвращается слово из того другого мира, к которому он когда-то принадлежал: «Сентенция – что-то *римское, твёрдое, латинское* было в этом слове» [там же, с. 338]. В целом, на протяжении цикла прослеживается определённая смысловая динамика: от забывания, беспамятства, умирания – к восстановлению памяти, правды, воскресению.

Как видно, конструкции синтаксического осложнения регулярно сопровождают и выделяют схожие содержательные элементы текста, организуя таким образом тематическое и смысловое единство цикла, связывая отдельные рассказы цикла между собой синтаксическими средствами.

Далее, синтаксические ряды в «Левом берегу» используются для оформления прямых отсылок к другим рассказам.

В рассказе «Прокажённые»: «Но было *выгоднее, моднее, незаметнее* раствориться в море **отморожений**» [там же, с. 189] – ряд предикативных наречий в сравнительной степени отсылает к событию предыдущего рассказа цикла, – «Прокуратор Иудеи», – бунт на пароходе «КИМ» и приказ начальства залить трюмы водой при сорокаградусном морозе.

«Эсперанто»: «Я позавидовал счастью барона – *отвлечься, убежать, спрятаться, скрыться в стихи*» – мотив эскапизма встречается в «Ожерелье...», в диалоге повествователя с доктором Миролюбовым.

«Последний бой...»: «Браудэ с фельдшерами до вечера *извлекал пули, ампутировал, перевязывал*» [там же, с. 310] – ср. цитату из рассказа «Прокуратор Иудеи»: «Браудэ *командовал, резал, ругался*» [там же, с. 187] – в обоих текстах встречается переходящий персонаж (о переходящих персонажах – в монографии Елены Михайлик [Михайлик, 2018, с. 136]), его действия синтаксически оформлены рядом глаголов в форме несовершенного вида.

И наконец, необходимо отметить связь синтаксических рядов с одним из принципов «новой прозы» В. Шаламова – изображением определённого психологического состояния, «редко наблюдаемого состояния души» [Шаламов, 2016, с. 128].

«И это внезапное проявление стыда возникает как тончайшее человеческое чувство и вспоминается потом всю жизнь как *что-то настоящее, как что-то бесконечно дорогое*» [Шаламов, 2018, с. 190] – в эпизоде из рассказа «Прокажённые» – ряд качественных прилагательных в сочетании с повтором неопределённого местоимения «что-то» характеризует изображаемый автором психический феномен, неопределённые местоимения добавляют оттенок рефлексии, поиска нужного слова. И далее: «*Это человеческое, смешное, нежное* обнаруживается в людях внезапно» [там же, с. 190].

В рассказе «Ожерелье княгини Гагариной»: «Главное же, на что тратятся все *душевные, все духовные и нервные* силы в тюрьме – борьба со следователем» [там же, с. 200] – изображается психологическое состояние человека в момент нахождения под следствием.

Другая разновидность синтаксических конструкций – пассивные конструкции – встречаются у Шаламова не так часто (в рассмотренном выше цикле «Левый берег» – всего около 16 случаев употребления в 9 рассказах цикла), однако, внимательно взглянув на их применение, можно отметить некоторые интересные особенности.

Во всех случаях речь идёт о сочетании «был + краткое страдательное причастие».

«*Найден был* фронтовик, сидевший за измену родине, <...> и наивно полагававший, что своим геройством уменьшит срок, приблизит день возвращения на свободу» [там же, с. 192]; «*Перс был убит* надзирателем, тем самым, которого он только что брил», «<...> Хабибулин *запил решительно*. И однажды упал с моста вниз головой в Колыму, но *был спасён* и не прервал своей важной надзирательской службы» [там же, с. 198].

В «Грамматике художественного текста» М.Ю. Сидорова отмечает, что данная форма используется для стилизации под хронику, документ, протокол [Сидорова, 2000, с. 255]. Действительно, сам Шаламов определял жанр своей «новой прозы» словами «проза, пережитая, как документ» [Шаламов, 2016, с. 48]. Документальность, находящая выражение в точном указании дат, топонимов, перечислении фактов, является характерной чертой прозы автора «Колымских рассказов». И в этом отношении применение сочетания «был + краткое страд. причастие» работает на стилизацию под документ как «форма для беспристрастной, отчуждённой, официальной регистрации имевших место событий» [Сидорова, 2000, с. 255].

Кроме того, имеет смысл обратиться к семантике этой конструкции как показателя формы пассивного залога глагола. В.А. Плунгян, рассматривая проблематику залога, отмечает, что семантика, связанная с залогом, имеет особую природу: «<...> выбор одной граммы залога вместо другой отражает не столько изменения реального мира (как это имеет место при выборе, например, одной граммы числа или времени вместо другой),

сколько изменения в отношении того, как говорящий *хочет представить* соответствующую ситуацию и её участников» [Плунгян, 2016, с. 194]. При изменении формы залога меняется точка зрения говорящего на ситуацию. Технически, с позиций теории актуального членения предложения, именные группы в предложении меняют свой коммуникативный ранг. Согласно Плунгяну, «функция залога – не столько перераспределение синтаксических ролей как таковых, сколько перераспределение стоящих за ними коммуникативных рангов. <...> Пассивный залог сводится к передаче статуса участника с наиболее высоким рангом от исходного *подлежащего* к другому участнику ситуации; более того, можно сказать, что главное назначение пассива – именно лишение исходного подлежащего его привилегированного статуса [там же, с. 199].

Действительно, если обратить внимание на события, для изображения которых В. Шаламов выбирает форму пассивного залога, можно отметить, что лицо, участвующее в этих событиях (как правило, заключённый) сталкивается с ситуацией, которую он вынужден претерпевать, не имея возможности как-либо ей противодействовать. Чаще всего это ситуация столкновения человека и системы, заключённого и репрессивного механизма либо последствия такого столкновения.

«Миролубов *был освобождён* в войну, работал врачом на прииске, состарился и умер в 1965 году» [Шаламов, 2018, с. 207]; «Я почти потерял сознание и едва двигался, когда *был доставлен* в ягодинский изолятор» [там же, с. 293]; «Плечевые суставы Голубева *были разорваны* на допросах в тридцать восьмом году» [там же, с. 222].

В других случаях пассивная конструкция с кратким причастием используется при описании мира произведения. Описательные фрагменты в рассказах Шаламова, как правило, скупы и не избыточны подробностями. Один из принципов «новой прозы» – отказ от ярких, красочных пейзажей. Окружающий мир обычно даётся через восприятие арестанта, сознание которого притуплено голодом, холодом, тяжёлым трудом. Пассивная конструкция в таком контексте передаёт семантику отчуждённости от личностно переживаемого восприятия.

«Караульные вышки в ближайшем лагере *были спилены*, а арестанты получили благословенный выходной день» [там же, с. 207]; «ФЁДОРОВ двигался не спеша по забою. С ним шли и ещё люди в полушубках – кем они были, мне *не было дано знать*» [там же, с. 283]; «Лесоповал прошёл вперёд. Склон горы *был оголён*, снег, ещё неглубокий, *выдут* ветром. Пеньки *выдернуты* до последнего <...>», «Гора *оголена* и *превращена* в гигантскую сцену спектакля, лагерной мистерии» [там же, с. 331]; «Сейчас гора *была оголена* и тайна горы *открыта*. Могила разверзлась, и мертвецы ползли по каменному склону. Около тракторной дороги *была выбита, выбурена* – кем? – из барака на эту работу не брали – огромная новая братская могила» [там же, с. 332]; «Работа *была кончена*. Бульдозер нагрёб на новую могилу кучу камней, щебня, и мертвецы скрылись под камнем. Но не исчезли» [там же, с. 333].

Итак, можно говорить о применении рассмотренных выше синтаксических конструкций – рядов и пассивного залога – в прозе В. Шаламова для решения автором определённых художественных задач. Конструкции с параллельными членами используются в описании предметного мира художественного текста, в портретном описании и психологической характеристике персонажей. Кроме того, те же реалии изображаемого писателем мира, будучи выделены синтаксическими рядами, могут приобретать более глубокие значения. Конструкции с рядами сопровождают повторяющиеся смысловые компоненты цикла (общие темы, мотивы), оформляют отсылки к другим рассказам сборника,

сопровождают постоянных (переходящих) персонажей, используются в приёмах сопоставления и противопоставления, выделяют смысловые контрасты, события, факты текста. Что касается пассивных конструкций, то они не только реализуют заложенную в них универсальную семантику (перераспределение коммуникативных ролей и стилизация), но и подчёркивают жанровые приметы «новой прозы»: документальность, передача определённых психологических закономерностей, серьёзность тем, поднимаемых в текстах Варлама Шаламова.

Литература

1. Михайлик Е.Ю. Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 376 с.
2. Плулунган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛЕНАНД, 2016. 384 с.
3. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
4. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Высш. шк., 2000. 416 с.
5. Шаламов В.Т. Всё или ничего: Эссе о поэзии и прозе. СПб.: Лимбус Пресс, 2016. 522 с.
6. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М.: Изд-во «Э», 2018. 928 с.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Е. Шаповалова

Московский государственный областной университет
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье получают презентацию категориальный и лексический аспекты синтаксического времени в русском языке. Автором на материале текстов М.Ю. Лермонтова с использованием методов наблюдения, обобщения и интерпретации проведён структурно-семантический анализ предложений, выявляющий особенности их структуры, функций, лексической и грамматической семантики. Доказана обязательная принадлежность синтаксического времени предложению в целом.*

***Abstract.** The article presents the categorical and lexical aspects of syntactic tense in Russian. The author based on the texts of M. Lermontov, using the methods of observation, generalization and interpretation, carries out a structural-semantic analysis of sentences, revealing the features of their structure, functions, lexical and grammatical semantics. The author proves an obligatory affiliation of the syntactic tense with the sentence as a whole.*

***Ключевые слова:** временная определённость, временная неопределённость, временное отношение, временное соотношение, категория, предикативность, синтаксема.*

***Key words:** temporal definiteness, temporal uncertainty, temporal relation, temporal relation, category, predicativity, syntaxeme.*

В сознании каждого народа **время** предстаёт основополагающим понятием человеческой культуры. Как категория и предмет рассмотрения, в общенаучном дискурсе время является фундаментальной проблемой, требующей всестороннего анализа. Время олицетворяет мироощущение, способность осмысленно воспринимать людьми всё окружающее и само движение жизни – участвует в формировании картины мира в

человеческом сознании, получает разную презентацию в любом языке и воплощается в речевой деятельности говорящего лица.

Во-первых, время проявляется в развитии каждого отдельного языка и языков мира в целом. В этом случае можно говорить о внешнем проявлении времени по отношению к языку. Во-вторых, так называемое имманентное время характеризует формальную и содержательную стороны языка. Это находит выражение в линейном развёртывании сообщения, в ритмике, в том, как организуется сообщение на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом.

В отечественной лингвистике многое сделано для постижения языкового времени. Есть работы, посвящённые методологическим вопросам, в которых представлено содержание понятия, сформулированы принципы его исследования. Изучен историко-этимологический аспект проблемы времени, обосновано происхождение лексических единиц с временным значением, выделены предпосылки формирования таких лексем. Описаны лексико-семантические группы слов с временным значением, исследована именная темпоральность, наречия времени. Лексические единицы со значением времени изучаются также на диалектном материале [Логический анализ языка, 1997]. В монографиях классиков науки: А.А. Шахматова [Шахматов, 2001], А.М. Пешковского [Пешковский, 2001], В.В. Виноградова [Виноградов, 1947, 1975], Н.С. Пospelова [Пospelов, 2010] и других учёных – наиболее исследована грамматическая категория глагольного времени. В рамках функциональной морфологии изучается функционально-семантическая категория темпоральности. Каждое исследование, опираясь на семантический, системно-языковой, семиотический, функционально-семантический подходы к анализу материала, вносит свой неопределимый вклад в изучение проблемы языкового времени.

К числу мало изученных вопросов, прежде всего, следует отнести категорию синтаксического времени. Понятие синтаксического времени было введено в отечественную русистику академиком А.А. Шахматовым [Шахматов, 2001]. В трудах академика В.В. Виноградова [Виноградов, 1975] оно было положено в основу определения основного грамматического значения предложения – предикативности. Н.Ю. Шведова [Шведова, 2005] отстаивала право этой категории на существование в полемике с А.В. Бондарко – представитель теории функциональной грамматики в наиболее развёрнутом виде аргументирует свой отказ от синтаксического времени как грамматического значения простого предложения [Теория функциональной грамматики, 1990, 2003].

Презентация целостной концепции категории синтаксического времени, обоснование специфики выражения этой предикативной категории в русском языке стали нашей научной целью [Шаповалова, 2000, 2020].

Реализуя структурно-семантический подход к описанию предложения, мы отталкиваемся от мыслящего и говорящего человека. Именно он оказывается хозяином высказывания: он выбирает ту информацию, которую стремится сообщить собеседнику, оценивает и её, и способ её передачи, учитывает и восприятие его речи адресатом, то есть в категории времени соединяются объективное и субъективное начало. Поэтому категорию синтаксического времени мы считаем объективно-субъективной категорией, которая определяет и формирует предложение как единицу синтаксиса. Для нас предложение – это единица и языка, и речи, в которой означаемое и означающее слиты воедино [Лекант, 2010]. Мы квалифицируем предложение как языковой знак, обладающий собственным означаемым – той совокупностью элементов объективной действительности, которые отражаются в

сознании говорящего и влияют на выбор языковых средств формирования коммуникативной единицы. С помощью категории синтаксического времени средствами лексического и грамматического уровней языка осуществляется объективизация субъективного содержания.

С нашей точки зрения, категория синтаксического времени имеет бинарную структуру: семантика временной определённости противостоит значению временной неопределённости. Это первая оппозиция.

Чтобы передать то или иное значение, говорящий субъект может выбирать из системы разнообразных языковых средств выражения времени те, которые ему кажутся наиболее репрезентативными. Как правило, одновременно используются разные временные показатели, которые функционально дополняют друг друга.

Конечно, центральное положение в этой системе отводится глаголу как морфологической форме воплощения временной семантики. Мы признаём глагольное слово изосемическим, или базовым, средством выражения синтаксического времени. Именно глагол интерпретирует действие как процесс и даёт временную характеристику ситуации. Для иллюстраций теоретических положений используются поэтические тексты произведений М.Ю. Лермонтова и его роман «Герой нашего времени».

Если говорящему субъекту необходимо выразить значение временной определённости, он использует индикативные глагольные формы

– настоящего времени: *Вверху одна **Горит** звезда <...>*;

– прошедшего времени: *Из-под таинственной холодной полумаски*

***Звучал** мне голос твой отрадный, как мечта <...>*;

– будущего времени: ***Свершит** блистательную тризну Потомок поздний над тобой <...>*.

Для выражения семантики временной неопределённости говорящий субъект выберет формы ирреальных наклонений глагола – императива и конъюнктива: ***Пусть** в этом имени **хранится**, **Быть** может, целый мир любви <...>*; *О! Если **б** дни мои **текли** На лоне сладостном покоя и забвенья, Свободно от сует земли И далеко от светского волненья <...>*.

Как видим, в основе этого деления лежит соединение двух глагольных категорий – времени и наклонения. Формы изъявительного наклонения глагола выражают значение временной определённости, а формы сослагательного и повелительного наклонений называют волюнтивный или гипотетический предикативный признак предмета.

Однако не только глагольными формами ограничивается возможность русского языка передать значение временной неопределённости. Некоторым типам простого предложения также свойственна семантика временной неопределённости.

Универсальным средством выражения синтаксического значения признаётся интонация. Поэтому собственно вопросительным предложениям с индикативом присуще значение ирреальной модальности и временной неопределённости [Шаповалова, 2017, с. 43–48; Шаповалова, 2016, с. 39–43]: *Узнают ли друзья и братья Страдальца после многих лет?*

В структуре *обобщённо-личного предложения* значение временной неопределённости (обобщённости) неразрывно с обобщённым значением лица и создаётся конструктивно-синтаксическим способом [Шаповалова, 2013, с. 18–21]. Эта семантика препятствует проявлению актуальной реальности, на выражение которой ориентированы глагольные формы настоящего или простого будущего времени изъявительного наклонения: *И жизнь, как **посмотришь** с холодным вниманьем вокруг, – Такая пустая и глупая шутка <...>*.

Инфинитивные предложения как синтаксические единицы нагружены различного рода модусными смыслами, осложняющими их диктумное содержание. Особенностью их является значение вневременности, что связано с морфологическим оформлением инфинитива: у этой глагольной формы отсутствуют показатели временных значений. Нелокализованность действия во времени придаёт ему значение постоянного свойства чего-либо, проявляющегося в прошлом, настоящем и будущем, а ситуация, отражённая в предложении приобретает вневременной характер [там же]: *На вашем молодом лице Следов заботы и печали **Не отыскать** <...>*.

Вторая оппозиция выделена нами в пределах семантики временной определённости, когда неотмеченная форма настоящего синтаксического времени противопоставлена отмеченным синтаксическим временам – прошедшему и будущему. Мы используем термин М.В. Панова, который он использовал в своей монографии «Позиционная морфология». В чём заключается смысл настоящего синтаксического времени? Смысл настоящего синтаксического времени заключается в том, что оно не показывает временного ограничения, оно готово служить любому времени: до, в момент и после речи [Панов, 1999, с. 183]. Аналогичную точку зрения высказывает и Е.В. Падучева: «Форма настоящего времени глагола в русском языке практически всегда допускает понимание не только в настоящем, но и в гномическом времени» [Падучева, 1996, с. 149]: *На севере диком **стоит** одиноко На голой вершине сосна <...>*.

Неотмеченное настоящее время характеризуется как некая точка на грани отмеченных времён, оно начинается в точке отсчёта и может длиться, охватывая большие или меньшие фрагменты.

Ступенью классификации считаем противопоставленность отмеченных синтаксических времён: прошедшее синтаксическое время и будущее синтаксическое время.

Прошедшее время характеризуется совершённостью действия до момента сообщения или какого-либо иного момента: *Они **любили** друг друга так долго и нежно, С тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной!*

Будущее время обозначает действие после момента речи или какого-либо иного момента: *Я **встречу** взор её прекрасных глаз, И, может быть, как знать... в последний раз!*

Различия темпоральных значений глаголов связаны с видовой оппозицией совершенного и несовершенного вида. Мы поддерживаем идею авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» и считаем, что и неотмеченное настоящее, и отмеченные времена (прошедшее и будущее) имеют аористивное, перфективное и имперфективное значения [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]. Эти значения относятся к синтаксической, а не к морфологической сфере и являются интенциональными. Приведём отдельные примеры.

Имперфективное настоящее синтаксическое время: *Вот кибитка **подъезжает**... На высокое крыльцо Из кибитки **вылезает** Незнакомое лицо.*

Аористивное прошедшее синтаксическое время: ***Пробили** зорю барабаны, Восток туманный **побелел**, И от врагов удар нежданный На батарею **прилетел**.*

Перфективное будущее синтаксическое время: *За дело общее, быть может, я **паду**, Иль жизнь в изгнании бесплодно **проведу** <...>*.

Выявить собственно синтаксические аористивные, перфективные и имперфективные значения времён позволяет и лексическое содержание глагола, и анализ грамматического значения в контексте всего высказывания.

Видо-временные формы глагола выполняют большую функциональную нагрузку. Вокруг них формируется лексико-синтаксическую область, или область свободно присоединяемых синтаксических форм слова – синтаксем [Шаповалова, 2017, с. 25–31]. Синтаксическая форма слова, или синтаксема, как её описывает Г.А. Золотова, являет собой минимальную семантико-синтаксическую единицу – значимый компонент для построения простого предложения. В структуре предложения, благодаря категориальному значению синтаксем, предметные и непередметные реалии окружающей действительности находят свои временные координаты.

Для нас было принципиально важным разделить эти свободно присоединяемые темпоральные распространители на две группы: синтаксем с абсолютным временным значением и синтаксем с относительным временным значением. В чём видится отличие этих двух групп временных синтаксических форм слова? Определим это различие.

Синтаксем с абсолютным временным значением указывают на *отношение времени*, не называя событий: *Через час инвалид принёс кипящий самовар и чайник.*

Синтаксем с относительным временным значением способствуют формированию сложного смысла, поскольку они участвуют в передаче *временного соотношения* событий, но при этом не меняют структурного типа предложения: <...> *я подал руку княжне, и она её не покидала в продолжение целой прогулки.*

Из каких компонентов смысла складывается темпоральная семантика синтаксем с абсолютным временным значением? Её временное содержание конкретизируется с двух сторон: лексическо-грамматического значения предлога и лексического значения знаменательного слова – имени существительного, которым этот предлог управляет. Такие временные синтаксем позволяют более дифференцированно выражать темпоральные отношения в структуре предложения, потому что субстантивный компонент отличается семей 'время'. С помощью синтаксем с абсолютным временным значением можно обозначать и мелкие отрезки времени, и более точно датировать различные события. Именной компонент синтаксем с абсолютным временным значением заполняют существительные, содержащие сему

- 'время года': <...> *княжна <...> была одну зиму в Петербурге <...>*;
- 'день недели': – *Ну что ж? в воскресенье ты пойдёшь в церковь без новой ленты;*
- 'часть суток': <...> *видно было написано на небесах, что в эту ночь я не выплусь;*
- 'единица измерения времени: *Как она переменялась в этот день!*;
- 'неопределённый отрезок времени': *С тех пор мы не разлучались.*

Специфика синтаксических построений второй группы – синтаксем с относительным временным значением – отчётливо проявляется в предложении, где они приобретают обобщённую семантику. Это могут быть отношения очерёдности, последовательность или же совпадение событий в реальной действительности.

Среди слов с временным значением особое место занимают так называемые метаслова. В широком понимании метаслова – это лексические единицы, которые служат для выражения семантико-синтаксических отношений между компонентами конструкции. Самыми распространёнными и широко употребительными временными метасловами являются *время, момент, пора, период, эпоха, день, час, минута* и др.: *Тихо было всё на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы.* Словоформа *в минуту* и подобные ей единицы находятся на пути перехода из знаменательных лексем в служебные. Этот субстантив пока не получил статуса предлога, тем не менее

функционирует в предложении подобно этим служебным словам. Совмещая свойства служебных и знаменательных частей речи, такие образования, по замечанию В.В. Бабайцевой, могут нести двойную, а иногда и тройную лексико-грамматическую нагрузку. Как знаменательные слова, они характеризуются номинативным значением, как служебные слова, они являются выразителями отношений; «служебные части речи органически связаны переходными синкретичными образованиями со знаменательными частями речи» [Бабайцева, 2000, с. 258, 379].

Только во взаимодействии с лексическими единицами, характеризующимися значением временной протяжённости, темпоральные метаслова образуют синтаксему, которая является информативно достаточной для передачи временных отношений в структуре простого предложения: *Во время грозы облака будут спускаться до моей кровли.* Синтаксемы, содержащие метаслова с временным значением и субстантивы событийной семантики, мы относим к формам с относительным временным значением.

Само название *относительное временное значение* предполагает темпоральные отношения одновременности / разновременности событий в рамках синтаксической конструкции. Поэтому в предложении с временными отношениями планируется и наличие не менее двух действий. Причём одно из них, менее важное для коммуникации, может быть имплицитным. Оно представлено синтаксемой с относительным временным значением: *На дне лодки я нашёл половину старого весла, и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани.* Главные компоненты таких синтаксем – девербативы и деадъективы – отражают динамическое содержание действительности, поскольку называют «опредмеченные» действия и признаки, основное же временное значение выражено глаголом-сказуемым.

В синтаксемах с относительным временным значением в позиции единиц измерения времени оказываются существительные, не содержащие семы темпоральности. При помещении таких существительных в предложение с временными отношениями, значение конструкции накладывается на их лексическое значение. Они становятся образными, метафорическими единицами измерения времени, приобретают пропозиитивность [Прияткина, 1990, с. 136], несут событийные коннотации: *Я продолжал увеселять публику до захождения солнца.* Ср.: *Я продолжал увеселять публику до тех пор, пока не зашло солнце.* Справедливо рассуждение В.В. Бабайцевой о том, что «многочисленны случаи <...> когда лексические значения не соответствуют категориальным значениям членов предложения, но включают в себе тот или иной компонент, важный не только для какого-либо одного члена предложения, но и для предложения в целом, для его информативной семантики и структуры» [Бабайцева, 2000, с. 455].

Понятие времени может метонимически пересекаться с предметной областью, поэтому в качестве именованного компонента синтаксемы с относительным временным значением способно выступить имя существительное, называющее:

– конкретный предмет: *При этом имени глаза Казбича засверкали.* Подчиняясь предлогу *при*, существительное, обладающее общекатегориальным значением предметности, занимает имя действия и оказывается менее конкретными. Конкретный субстантив *имени* передаёт смысл, заключённый в других синтаксических позициях: ‘в то время когда Казбич услышал это имя, глаза его засверкали’. Синтаксема приобретает временное значение в контексте и актуализирует семантику одновременности;

– природное явление: *Долго при свете месяца мелькал белый парус между тёмных волн;*

– лицо, которое имплицитно так называемое «положение дел»: – *Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче; <...> два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.* В данном случае время обозначается через отношение к лицу, игравшему определённую роль в этот период.

Примеры показывают, что в качестве главного компонента синтаксемы с относительным временным значением выступают имена, скрывающие за собой единичное событие: *На вершине горы нашли мы снег. До самого дома она говорила и смеялась поминутно.* Синтаксемы *на вершине горы, до самого дома* служат иллюстрацией рассогласования лексического значения слова и его синтаксической функции. Главным компонентом синтаксемы выступают тоже конкретное имя существительное. Оно находится в плоскости предметно-пространственных отношений, поэтому характеризуются временным параметром. В одной синтаксеме совмещены и пространственное значение, и временная семантика. Это способствует проявлению пропозитивных свойств конкретными именами, употреблёнными во вторичной синтаксической функции и служащими образной номинацией времени. Ср.: Мы нашли снег, когда достигли вершины горы. Пока ехали до самого дома, она говорила и смеялась поминутно. Продуктивным оказывается обращение к синтаксическим синонимам, развёртывание словоформ в придаточную часть сложноподчинённого предложения, в которой содержится более полная информация.

Итак, синтаксемы с абсолютным и относительным временным значением отображают изменчивость окружающей человека действительности, отражают её процессуальный характер, свидетельствуют о существовании в мире не только предметов, но и событий. Выявление закономерностей в использовании синтаксем при выражении временных отношений, описание взаимодействия синтаксем с предикативной основой предложения в целом требуют специального исследования.

Мы приоткрыли маленькую завесу того, как элементы лексического и морфологического уровней языка, функционируя в составе синтаксических единиц, тесно переплетаясь, усиливают тот или иной вариант значения. Но и материал этого доклада подводит нас к мысли о том, что категория синтаксического времени принадлежит предложению в целом; является его обязательным элементом; содержит в себе смысл, который отличается от семантики входящих в него элементов; имеет более широкие и специфические средства выражения.

Литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 784 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка имени В.В. Виноградова РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 528 с.
5. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.
6. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 351 с.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: учеб. пособ. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
10. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
11. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избр. тр. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 184 с.
12. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 352 с.

13. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Т. 2. Л.: Наука, 1990. 264 с.
14. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: МПУ, 2000. 151 с.
15. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2013. № 4. С. 18–21.
16. Шаповалова Т.Е. Синтаксическое время и вопросительность // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: Матер. междунар. науч. конф. 27–28 мая 2016. Россия, Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. С. 39–43.
17. Шаповалова Т.Е. Слова и события: темпоральная синтаксема в курсе РКИ // Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания: сб. ст. № 37. Будапешт, 2017. С. 25–31.
18. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2017. № 1. С. 43–48.
19. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 166 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
21. Шведова Н.Ю. Синтаксическое время // Шведова Н.Ю. Русский язык: Избр. работы. М.: Языки русской культуры, 2005. С. 133–143.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ *KHÔNG NHỮNG... MÀ CÒN* В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Ю. Ерышева

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания сочинительного союза «*không những... mà còn*» и его вариантов «*không chỉ... mà còn*» и «*không chỉ... mà cả*». Рассматривается семантика данного союза и особенности организуемых с его помощью конструкций в сопоставлении со свойствами его русского аналога «не только... но и».

Abstract. The article is focused on the problem of the description of coordinative conjunction «*không những... mà còn*» and its variants «*không chỉ... mà còn*» and «*không chỉ... mà cả*». The features of the constructions organized by this conjunction as compared to its Russian analogue «не только... но и», also potential semantic qualifications are considered.

Ключевые слова: союз, синтаксическая конструкция, градация, вьетнамский язык, русский язык.

Key words: conjunction, syntactic construction, gradation, Vietnamese language, Russian language.

Несмотря на специфику грамматического строя вьетнамского языка как одного из изолирующих языков и обусловленную данным фактором проблему частеречной классификации вьетнамской лексики [Тюменева, 2011], в частности – слабую противопоставленность знаменательных и служебных слов [Лобанова, Хоанг, 2012, с. 66], в нем признается существование класса единиц, служащих для связи однородных членов предложения, частей сложного предложения, а также отдельных предложений в тексте и абзацев [Там же]. Подобные единицы квалифицируются как союзы, составляющие соответствующую служебную (незнаменательную или «периферийную» [Чан Ван Ко, 2015, с. 98]) часть речи на основании того, что они не могут выступать как члены предложения, но выполняют собственно синтаксическую – связующую – функцию, входя вместе с предлогами в группу «синтаксических служебных слов» [Панфилов, 1993, с. 101–102]. Авторы работ по грамматике вьетнамского языка выделяют простые и составные, в том числе парные, союзы, которые распределяются на две группы в зависимости от оформляемых ими связей – на сочинительные и подчинительные.

Одним из сочинительных союзов современного вьетнамского языка является составной парный, или четырехэлементный двухместный, союз *không những... mà còn*. Данный союз можно считать аналогом русского союза *не только... но и*. С учетом этого можно предположить, что *không những... mà còn* функционирует как в простом предложении – в конструкции ряд, соединяя однородные члены предложения, так и в сложном – сложносочиненном – предложении, соединяя его части. Заметим, что в русском языке союз *не только... но и*, по наблюдениям А.Е. Варнаевой, главным образом употребляется в простом предложении с однородными членами, реже – в сложном предложении, и еще меньше – в тексте [Варнаева, 2000, с. 4]. Что касается вьетнамского аналога, то он, по имеющимся данным, функционирует в основном на уровне простого предложения. Так, в работе, посвященной проблеме морфологического статуса союза в русском и вьетнамском языках,

приводится пример именно на такое употребление: *Phòng của cô ấy không những sáng, mà còn sạch* (Её комната **не только** светлая, **но и** чистая) [Лобанова, Хоанг, 2012, с. 67]. Хотя авторы исходят из общности свойств русских и вьетнамских сочинительных союзов связывать «однородные члены и равноправные простые предложения в составе сложного», но пример на второй случай не приводят – ни с данным союзом, ни с каким-либо другим [Там же]. Между тем выбор в качестве иллюстрации примера с союзом *không những... mà còn* вызывает особый интерес, поскольку в описании его свойств, в том числе особенностей организуемых им конструкций, отмечаются разногласия.

Так, в учебном пособии А.П. Шилтовой и соавт. утверждается, что данный союз оформляет связь только между однородными сказуемыми, как показывают примеры, ср.: *Hùng không những học giỏi mà còn giúp đỡ chúng tôi*. – Хунг **не только** хорошо учится, **но и** нам помогает; *Bộ quần áo này không những đẹp mà còn rẻ nữa*. – Этот костюм **не только** красивый, **но еще и** дешевый [Шилтова и соавт., 1989, с. 215], где последнее предложение аналогично вышеприведенному из статьи Т.А. Лобановой и Хоанг Тхи Нгок Май. Сходные случаи употребления данного союза приводятся во вьетнамско-русском словаре: *Anh ấy không những công tác, mà còn đi học nữa*. – Он **не только** работает, **но и** учится [Bui Hien, 2015, с. 632], а также в «Справочнике по грамматике», ср.: *Mẹ tôi không những là một chính khách nổi tiếng, mà còn là một bà nội trợ giỏi; Nguyễn Trãi không chỉ là nhà văn vĩ đại mà còn là nhà tư tưởng vĩ đại* [Чан Ван Ко, 2015, с. 105], см. наш перевод: *Моя мать не только известный политик, но и отличная домашняя хозяйка; Нгуен Чай не только великий писатель, но и великий мыслитель*. Заметим, что в последнем примере используется вариант союза *không chỉ... mà còn* – с другим вторым элементом, которому буквально соответствует русское ограничительное *только*. Ср. пример из русско-вьетнамского словаря: *Он знает не только русский, но и другие языки*. – *Anh ấy không chỉ biết tiếng Nga, mà còn biết những tiếng khác nữa* [Нгуен Trọng Бáu, Hoàng Thùy Dương, 2018, с. 889]. Кроме того, данный союз имеет и вариант с другим последним элементом *không chỉ... mà cả*, который используется, например, в переводе конструкции с союзом *не только... но и* (с акцентирующей частицей *даже* при втором компоненте ряда) из повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», ср.: *Không chỉ người đàn ông nhỏ bé làm lì, mà cả tay đeo kính đen ở phòng ngoài cũng phải tìm cười; Rằng giáo sư có thể yên tâm không chỉ với cửa chính mà cả với các cửa sổ nữa* [Bulgacov, 1998, с. 69, 72].

В отличие от приведенных выше примеров, подтверждающих, что сфера действия *không những... mà còn* (и его вариантов) ограничивается простым предложением, в работе В.С. Панфилова представлен случай употребления данного союза в сложносочиненном предложении как типичный для таких структур, ср.: *Không những chúng tìm cách để làm cho Nguyễn Trãi không thể thi thố được tài kinh bang tế thế, mà chúng còn tìm cách hãm hại ông nữa*. – Они **не только** стремились не дать Нгуен Чаю проявить свои способности государственного мужа, **но** они еще стремились навредить ему [Панфилов, 1993, с. 340]. Действительно, в данном случае имеет место структура сложного предложения, состоящая из двух частей с формально выраженными грамматическими основами, включающими и сказуемое, и подлежащее. Однако налицо особенность этого построения: оба подлежащих называют один и тот же субъект и выражены одинаково, по сути здесь представлен повтор слова-подлежащего (*chúng* – они). Таким образом, можно отметить общую особенность всех рассмотренных конструкций с союзом *không những... mà còn*, несмотря на отмеченные структурные различия: это семантическая моносубъектность, или тождество субъекта. Очевидно, именно этим фактором объясняется вариативность перевода простых

предложений с данным союзом, где он оформляет ряд однородных сказуемых, как в случае *Mẹ tôi không những là một chính khách nổi tiếng, mà còn là một bà nội trợ giỏi.* – *Моя мать не только известный политик, к тому же она отличная домашняя хозяйка* [Чан Ван Ко, 2015, с. 105]. Ср. предложенный нами выше буквальный перевод: *Моя мать не только известный политик, но и отличная домашняя хозяйка.* Анализ формальной структуры вьетнамского оригинала показывает, что здесь одно подлежащее – *mẹ* (*мать*), а второго подлежащего в исходном предложении нет. В качестве второго подлежащего в указанном «Справочнике» в русском варианте используется анафорическое местоименное слово *она*, очевидно, с целью достижения эффекта выразительности (как и использование в качестве второй части двухместного союза не элемента *но и*, а сочетания *к тому же*).

В связи с этим вызывает интерес структура следующего предложения, где нет тождества субъекта: *Không những trời mưa to mà còn gió mạnh.* Данное предложение можно оценить как сложное, ср. дословный перевод *Не только погода дождь большой, но и ветер сильный* при более приемлемых вариантах перевода *Не только идет сильный дождь, но и [дует] сильный ветер* либо *Не только дождливо, но и ветрено.* Заметим, что слово *trời* (*погода*) здесь факультативно и не имеет обязательного характера (соответственно, предложение может выглядеть и так: *Không những mưa to mà còn gió mạnh*), оно не обозначает субъект предложения, т.е. не может являться подлежащим. Перевод же *Погода не только дождливая, но и ветреная*, где русское предложение имеет другую структуру – простое предложение с однородными сказуемыми, будет соответствовать и другому вьетнамскому предложению, а именно предложению с другим порядком слов, когда слово *trời* (*погода*) будет занимать начальную позицию, ср.: *Trời không những mưa to mà còn gió mạnh.*

Перевод подобных построений с русского языка на вьетнамский, как и их синтаксические особенности и возможные квалификации, – еще один аспект обсуждаемого вопроса. Так, в упражнениях по соответствующим темам в учебном пособии А.П. Шилтовой, Н.В. Норовой и Нго Нь Бинь предлагаются для перевода на вьетнамский язык такие предложения, в которых союз *не только... но и* оформляет ряд однородных сказуемых, что соответствует изложенной теоретической информации [Шилтова и соавт., 1989, с. 215]. Однако случай *Московский университет – самый крупный вуз не только в Москве, но и во всей стране* отличается от предыдущих, поскольку с точки зрения русского языка здесь союз оформляет ряд однородных обстоятельств. Ср. возможный перевод данного высказывания на вьетнамский язык: *Trường Đại học tổng hợp Moskva là một Trường Đại học lớn nhất không những ở thành phố Moskva, mà còn ở trong cả nước*, а также случай *Фильм hoạt hình của Nhật không chỉ nổi tiếng trong nước mà còn ở cả nước ngoài* (см. дословный перевод: *Японские мультфильмы не только популярны в [этой] стране, но и за рубежом*). Формально части соответствующего вьетнамского союза тоже оформляют однородные обстоятельства. Однако интерпретация данных компонентов вьетнамского предложения скорее иная: в отличие от квалификации соответствующих единиц как членов предложения в русском языке, во вьетнамском они могут рассматриваться как компонент сложного сказуемого, и, таким образом, союз *không những... mà còn* не выходит в своем функционировании за рамки сказуемого.

Рассмотрим перевод двух предложений из повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» на вьетнамский, где в оригинале союз оформляет в конструкцию ряд второстепенные члены (1) и подлежащие (2): (1) *Профессор может быть спокоен не только за дверью кабинета, но даже и за окном* и *Rằng giáo sư có thể yên tâm không chỉ với cửa chính mà cả với các cửa sổ nữa* – очевидно, с точки зрения вьетнамской грамматики, здесь можно говорить о сложном

сказуемом; (2) **Не только** *хмурый маленький*, **но** *даже дымчатый улыбнулся в передней* и **Không chỉ** *người đàn ông nhỏ bé làm lì, mà cả tay đeo kính đen ở phòng ngoài cũng phải tìm cườì*; ср. обратный дословный перевод вьетнамского предложения, в основном соответствующий по структуре русскому оригиналу: **Не только** *человек маленький молчаливый*, **но и** *носящий черные очки в прихожей тоже вынужден был улыбнуться* – союз соотносит однородные подлежащие. См. также пример из вьетнамско-русского словаря: *Phim này không những trẻ con, mà cả người lớn cũng thích*. – *Этот фильм нравится не только детям, но и взрослым* [Глебова, Соколов, 1992, с. 332] – при дословном переводе: *Этот фильм не только дети, но и взрослые тоже любят*. Таким образом, употребление вьетнамского союза (во всех его вариантных реализациях), как представляется, всё же не ограничивается рамками ряда однородных сказуемых в простом предложении.

Кроме проблем, связанных с выявлением специфики оформляемых союзом *không những... mà còn* конструкций, актуальным остается вопрос квалификации данного союза со стороны его семантики, на основе которой и организуется синтаксическая конструкция. Так, В.С. Панфилов рассматривает предложения с данным союзом как разновидность соединительных, а именно – как «присоединительные предложения, обозначающие, что положение вещей не исчерпывается всего лишь одним событием» [Панфилов, 1993, с. 340]. Чан Ван Ко относит данный союз и его вариант к сочинительным союзам, «выражающим значение дополнения» [Чан Ван Ко, 2015, с. 105].

Представленные квалификации могут быть уточнены и дополнены с учетом опыта описания русского аналога рассматриваемого вьетнамского союза – *не только... но и*, который принято относить к группе градационных союзов, хотя можно встретить его квалификации как соединительного, противительного, сопоставительного, градационно-сопоставительного и др. [Варнаева, 2000, с. 8]. Толкование этого союза в «Объяснительном словаре русского языка: Структурные слова», где он дается как градационный, отчасти перекликается с представленными выше описаниями вьетнамского союза, ср.: «Употребляется для соединения слов, обозначающих однородные в каком-либо отношении предметы, признаки и т.п., и указывает на то, что нечто целое не ограничивается содержанием первого из соединяемых слов, а включает в себя также содержание второго» [Объяснительный словарь..., 2002, с. 225]. На наш взгляд, в этих трактовках не отражена сущность градационных отношений, градации как соотношения содержания компонентов конструкции с точки зрения меньшей и большей значимости, важности, на необходимость учета которой указывается в следующей интерпретации роли союза *không những... mà còn* в учебном пособии по вьетнамскому языку: «устанавливает соединительную связь со значением нарастающей значимости между двумя однородными сказуемыми» [Шилтова и соавт., 1989, с. 215]. В имеющемся вьетнамском материале представлены конструкции с восходящей градацией, когда первый компонент, вводимый первой частью двухместного союза, интерпретируется как менее значимый, а второй, оформляемый соответственно второй частью союза, – как более значимый. Авторы указанного пособия обращают внимание на то, что «во второй части [предложения с таким союзом – А.Е.] (после *mà còn*) для усиления значения нарастающей значимости может быть употреблена усилительная частица *nũa*» [Шилтова и соавт., 1989, с. 215] (*nũa* – *ещё*), что имеет место и в русском языке, когда второй компонент ряда, оформляемого союзом *не только... но и*, маркируется частицей *ещё* или *даже*.

Целесообразным может стать подход А.Е. Варнаевой, которая описала особенности организуемой союзом *не только... но и* конструкции и выявила коммуникативную составляющую его семантики: «говорящий хочет уточнить мнение воображаемого или реального собеседника» – «он согласен с ним в том, что названный им фрагмент действительности реален», однако «не согласен с собеседником, так как, кроме названного фрагмента, есть еще один, и говорящий его называет», чем определила специфику градационных отношений в данном случае [Варнаева, 2000, с. 6]. Исследователь, отталкиваясь от традиционного понимания градационных отношений, приходит к заключению, что основным компонентом семантики союза *не только... но и*, связанным с отражением ситуации речи, является значение коммуникативной градации (данное – новое). С помощью союза говорящий вводит (абсолютно) известную и (частично) неизвестную информацию либо прежде ожидаемую и позже ожидаемую [Там же]. Данная трактовка может быть применена ко всем приводившимся выше примерам. Кроме того, в случае *Mẹ tôi không những là một chính khách nổi tiếng, mà còn là một bà nội trợ giỏi* сопоставление содержания компонентов конструкции как менее (*известный политик*) и более значимого (*отличная домашняя хозяйка*), или как известного и неизвестного, не имеет объективного характера: это мнение говорящего, которое он навязывает адресату. Точка зрения на описываемые реалии может быть и противоположной: быть политиком более значимо, чем быть домашней хозяйкой, пусть и очень хорошей. В связи с этим, на наш взгляд, в семантике союза можно усмотреть и коммуникативно-прагматическую составляющую.

В целом представленный обзор позволяет говорить об отсутствии единства в описании союза *không những... mà còn* и его вариантов как со стороны определения характера оформляемых им конструкций, так и со стороны его квалификации. В имеющихся двуязычных словарях данный союз не дается самостоятельно, в отдельной словарной статье, и недостаточно иллюстрирован, что можно сказать и об учебниках вьетнамского языка и соответствующих справочниках, а теоретические сведения о союзе имеют фрагментарный и зачастую противоречивый характер. Таким образом, очевидна необходимость уточнения и дополнения информации об этих служебных единицах, что важно и для дидактики (изучения и преподавания вьетнамского языка), для и практики перевода.

Литература

1. Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станкевич И.В. Грамматика вьетнамского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 227 с.
2. Варнаева А.Е. Значение и функции союза *не только... но и* в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Орел, 2000. 23 с.
3. Глебова И.И., Соколов А.А. Вьетнамско-русский словарь. М.: Русский язык, 1992. 792 с.
4. Лобанова Т.А., Хоанг Тхи Нгок Май. Проблема морфологического статуса союза в русском и вьетнамском языках // Русский язык в межкультурной коммуникации: материалы международной конференции. Иваново, 2012. С. 64–67.
5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2001. 432 с.
6. Панфилов В.С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. 412 с.
7. Тюменева Е.И. Проблема поливалентности лексических и грамматических единиц в преподавании вьетнамского языка // Вьетнамские исследования. 2011. № 1. С. 222–229.
8. Чан Ван Ко. Вьетнамский язык. Справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2015. 224 с.
9. Шилтова А.П., Норова Н.В., Нго Нь Бинь. Учеб. пособ. по вьетнамскому языку (Начальный курс). М.: Изд-во Московского университета, 1989. 313 с.

10. Bui Hien. Từ điển Việt – Nga. – Hà Nội: Thế giới, Công ty Văn hoá Huy Hoàng, 2015. 1117 tr.
11. Bulgacov M. Những quả trứng định mệnh. Hà Nội: Nhà xuất bản Văn học, 1998. 184 tr.
12. Nguyễn Trọng Báu, Hoàng Thùy Dương. Từ điển Nga-Việt. – Hà Nội: Thế giới, Công ty Văn hoá Huy Hoàng, 2018. 1007 tr.

РУССКИЕ НАРЕЧНЫЕ ПРЕДЛОГИ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Инь Чжаосин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** В данной статье выявляются трудности, возникающие при переводе на английский язык наречных предлогов из Лексических минимумов Элементарного, Базового и Первого уровней Российской государственной системы тестирования по РКИ; на материале наречного предлога «около» показана необходимость учета разных функций и значений при переводе.*

***Abstract.** This article deals with the problem of translating into English adverbial prepositions, extracted from the Basic dictionaries of Elementary, Basic and First Levels of Russian State Testing System TORFL; the necessity of distinguishing functions and meanings is shown on material of adverbial preposition «около».*

***Ключевые слова:** наречный предлог, перевод, синтаксис, полифункциональность наречных предлогов.*

***Key words:** adverbial preposition; translation; syntax; polyfunctionality of adverbial prepositions.*

Вопрос об отражении русских наречных предлогов в английском языке можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, он касается представления русских наречных предлогов в английских грамматиках русского языка. С другой стороны, это проблема поиска английских эквивалентов для русских наречных предлогов. В данной статье мы придерживаемся второго пути.

Наречные предлоги в последние годы активно привлекают внимание русистов. Целый ряд работ был посвящен их исследованию, при этом обычно описания наречных предлогов затрагивают проблемы 1) понимания объема наречных предлогов, 2) номенклатуры наречных предлогов, 3) процесса категоризации данной группы слов, 4) грамматикализации наречных предлогов, 5) семантики пространственных наречных предлогов, 6) функционально-грамматических полей наречия и предлога / бифункциональности наречия и предлога.

На наш взгляд, вопрос о переводе наречных предлогов на английский язык является очень актуальным по следующим причинам.

Во-первых, в нормативно-методических документах Российской государственной системы тестирования по РКИ (в частности, в Лексических минимумах (далее ЛМ) в переводе наречных предлогов на английский язык присутствуют ошибки. Наречные предлоги часто бывают полифункциональными словами, они синтаксически омонимичны. На наш взгляд, перевод подобных слов требует больше внимания, а неточность в переводе вызывает непонимание и ошибки учащихся.

Во-вторых, теория перевода включает себя несколько важных частей. Перевод представляет собой сложное многогранное явление, его отдельные аспекты могут быть

предметом исследования разных наук. В нашей работе перевод рассматривается как лингвистическое явление, в котором лингвистика играет доминирующую роль. Мы считаем, что идеальный перевод — это правильный выбор лексики, синтаксиса, грамматики. Так, В.Н. Комиссаров в «Теории перевода (лингвистические аспекты)» полагает, что важное место в исследованиях перевода в настоящее время принадлежат лингвистическому аспекту. Автор выделяет 4 типа эквивалентности оригинала и перевода, при этом четвертый тип характеризуется значительным, хотя не полным параллелизмом лексического состава, использованием при переводе синтаксических структур, аналогичных структурам оригинала или связанных с ними отношениями синтаксического варьирования [Комиссаров, 1990, с. 253]. На наш взгляд, перевод наречных предлогов – это и перевод лексического состава одного слова, и поиск структур, аналогичных оригиналу.

В-третьих, учащиеся, родным языком которых является английский, мыслят на этом языке. Соответственно, тесное взаимодействие английского и русского языков в процессе обучения русскому языку играет исключительную роль. С точки зрения межъязыковой интерференции, при изучении иностранного языка учащимся необходимо учитывать различия и сходства между грамматическими явлениями в обоих языках [Герасимова, 2007, с. 192], чтобы избежать возможных ошибок. С другой стороны, учащиеся, говорящие на английском языке, также могут переносить конструкции, свойственные английскому языку, в русскую речь. Перевод – это хороший приём работы с лексикой, с помощью него мы проводим сопоставительный анализ оригинала и перевода.

Таким образом, на наш взгляд, анализ перевода наречных предлогов имеет важное значение не только в теоретическом, но и в практическом аспекте (в обучении русскому языку). Наша задача заключается в переводе наречных предлогов на английский язык. Предметом исследования стали наречные предлоги, выделенные из Лексических минимумов Элементарного [Лексический минимум Элементарного уровня, 2015] (далее – ЛМ ЭУ), Базового [Лексический минимум Базового уровня, 2015] (далее – ЛМ БУ) и Первого [Лексический минимум Первого уровня, 2017] (далее – ЛМ ПУ) уровней.

В процессе работы было обнаружено, что определение английских эквивалентов наречных предлогов вызывает большие трудности. Перевод слов служебных частей речи требует подстановки слов в общение, в речь.

Материал и источники нашего исследования:

1) выделенный автором список наречных предлогов из ЛМ Элементарного, Базового и Первого уровней;

2) Толкования и примеры из словарей «Cambridge dictionary» [Cambridge dictionary, Электронный ресурс], «Толкового словаря Кузнецова» [Толковый словарь Кузнецова, Электронный ресурс], «Полного русско-английского словаря» [Полный русско-английский, Электронный ресурс], НКРЯ [Национальный корпус русского языка, Электронный ресурс], BNC [British National Corpus, Электронный ресурс].

Мы проанализировали переводы примеров в указанных словарях, сопоставили возможные варианты перевода наречных предлогов и обнаружили некоторые недостатки в толкованиях словарей. Таким образом были выявлены и проблемы представления значения наречных предлогов в ЛМ.

Наречные предлоги значительно отличаются от других предложных средств. В РГ-80 отмечено, что «наречные предлоги по форме являются или простыми, или составными. Простые предлоги совпадают с наречием; составные предлоги представляют собой

соединение наречия с первообразным предлогом» [РГ-80]. Но практика показывает, что не все наречные предлоги являются полифункциональными, то есть работают и в качестве предлога, и в качестве наречия. В результате анализа употребления всех наречных предлогов из ЛМ ЭУ, ЛМ БУ и ЛМ ПУ (см. табл. 1) были сделаны следующие выводы.

1) Для единиц *после*, *против* и *среди* доминируют употребления в качестве предлога.

2) Для *впереди* преобладают наречные употребления.

3) Для остальных единиц возможны употребления как в качестве предлога, так и в качестве наречия. Разница между рассматриваемыми единицами состоит в частотности наречного и предложного употреблений.

Данная неоднозначная ситуация заставляет нас учитывать различные функции и значения наречных предлогов.

Таблица 1

**Функционирование наречных предлогов из ЛМ ЭУ, БУ и ПУ
(по данным основного корпуса НКРЯ[НКРЯ, Электронный ресурс])**

Предлоги	Число вхождений с зависимым словом	Общее число вхождений слова	Доля предложных употреблений, %
<i>после</i>	301055	318876	94.4%
<i>Около</i>	44374	62791	70.7%
<i>Вокруг</i>	62299	97796	63.7%
<i>Впереди</i>	7565	28445	26.6%
<i>Мимо</i>	28900	40677	71.0%
<i>навстречу</i>	8862	19839	44.7%
<i>Против</i>	102932	107806	95.5%
<i>Среди</i>	98834	100870	98.1%

Рассмотрим трудности, возникающие при переводе наречных предлогов, на примере *около*. По словарю С.А. Кузнецова *около* [Толковый словарь Кузнецова, Электронный ресурс] имеет одно наречное значение ‘возле, рядом’:

1) *Около* никого не было. – *There was no one around.*

2) *Поставил стог лёг около.* – *He put down a haystack, lay down around.*

Кроме того, выделяется три предложных значения:

1. ‘возле, вблизи кого-, чего-л.’:

3) *Огород около леса.* – *Vegetable garden is near the forest.*

4) *Работать около дома.* – *work near the house.*

5) *Сидеть около постели больного.* – *Sit by the bed of the patient.*

6) *Встать около учеников.* – *Stand by the students.*

2. ‘Вокруг кого-, чего-л., у чего-л.’:

7) *Около него много слухов.* – *There are a lot of rumors around him.*

3. ‘Почти, приблизительно, немного меньше какой-л. меры’:

8) *Ждать около часа.* – *Wait around/about an hour.*

9) *Около ста человека.* – *Some/around/about one hundred people.*

Около также встречается во фразеологизме *вокруг да около*:

10) *Перестань толочься вокруг да около и скажи мне, что случилось.* – *Stop giving me circular explanations and tell me what really happened.*

Данный языковой материал заставляет задуматься над некоторыми аспектами толкования и перевода. Во-первых, в толковании слова «около» в словаре С.А. Кузнецова используется целый ряд других предлогов или наречий: *возле, рядом, вблизи, вокруг*. Близкие по значению слова создают трудности для понимания наречных предлогов. Во-вторых, существует синонимический ряд перевода.

По «Полному русско-английскому словарю» наречное значение *около* переведено английскими словами *nearby* и *around* [Полный русско-английский словарь, Электронный ресурс]. А в ЛМ *около* переводится на английский язык как ‘near, by, around’ [Лексический минимум Первого уровня, 2017, с. 82]. Нам кажется, что только *around* является соответствующим переводом. Продемонстрируем наши аргументы.

Nearby как наречие значит ‘недалеко’. В подобных случаях наречие *near* употребляется в тесной связи с выражением времени: *As the date of his operation drew near, he became more and more anxious* (По мере приближения даты операции он становился все более и более тревожным), другими словами, наречие *near* не имеет отношения к наречному значению *около*. Кроме того, хотя *round* считают британским вариантом английского *around* (оба они являются и предлогами, и наречиями), однако, на наш взгляд, они могут быть эквивалентными только в локативном значении:

1) движение с одного места на другое: *We spent a very pleasant day walking (around) round the town* (Мы провели очень приятный день, гуляя по городу);

2) движение по кругу: *The earth goes (around) round the sun* (Земля ходит вокруг солнца);

3) движение в разных местах: *People were panicking and running (around) round and shouting* (Люди паниковали, бегали и кричали).

4) при употреблении с некоторыми глаголами:

Can you pass these application forms (around) round to all the people present (Можете ли вы передать эти формы заявления всем присутствующим)?

We spent the whole day moving (around) round some furniture in the bedroom (Мы потратили целый день, перемещая какую-то мебель в спальне [Cambridge dictionary, Электронный ресурс]).

Соответственно, вышеперечисленные примеры доказали нам, что *around* и *round* взаимозаменяемы. Но они могут заменять друг друга в случаях, когда выражаемые ими значения не связаны со значениями *около*. Более того, в случаях, когда *около* эквивалентно *around*, последнее не может быть заменено британским вариантом *round*.

При переводе предложных значений мы обнаружили, что для первого предложного значения имеется синонимический ряд перевода: *near, by, beside, next to, close(to)*. Для задач нашей работы релевантны только соответствующие английские предлоги, а не словосочетания, следовательно, проблема выбора существует только между предлогами *by, near, beside* (см. табл. 2).

Таблица 2

**Сопоставление английских *by, near, beside*
[Cambridge dictionary, Электронный ресурс]**

I live by a football stadium.	The stadium is beside my house.
I live near a football stadium.	The stadium is in my neighbourhood .

Нужно отметить, что, хотя *by* и *near* являются синонимами, *by* подразумевает более короткое расстояние. *Beside, next to* демонстрируют значение ‘рядом’, то есть движение происходит на той же стороне ориентира, у них одинаковый антоним – *against (против)*, следовательно, они не могут быть переводом первого предложного значения ‘возле, вблизи кого-, чего-л’.

Таблица 3

Перевод *около* на английский язык

	значения около	возможные варианты перевода около в английском языке	окончательный перевод
наречие	‘возле, рядом’	nearby, around	around
предлог	‘возле, вблизи кого-, чего-л’	near, by, beside, next to, close(to)	near, by
	‘вокруг кого-, чего-л., у чего-л.’	around	around
	‘почти, приблизительно, немного меньше какой-л. меры’	approximately, about	around, about, some

Таким образом, мы получили более детальный перевод наречного предлога *около* (см. табл. 3), учитывающий его различные значения и функции. Мы попробовали найти соответствующие наречия для перевода наречного значения и соответствующие предлоги для перевода предложных значений. На основе проанализированного материала можно сделать следующие выводы.

1) Толкования в английских и русских словарях зачастую неоднозначны и поэтому не могут дать правильный вариант для каждой конкретной ситуации.

2) Синонимы в обоих языках усложняют ситуацию и заставляют думать о выборе слова при переводе.

3) При переводе стоит различать функции и значения в связи с полифункциональностью наречных предлогов.

Литература

1. Герасимова Н.И. Межъязыковая интерференция в переводе: дидактический аспект проблемы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2007. № 1 (23). 192 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Лексический минимум Базового уровня 2015 / Андриюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый сертификационный уровень. Общее владение. 5-е изд. М.; СПб.: Златоуст, 2015. 116 с.
4. Лексический минимум Первого уровня 2017 / Андриюшина Н.П. и др. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. 9-е изд. М., СПб.: Златоуст, 2017. 200 с.
5. Лексический минимум Элементарного уровня 2015 / Андриюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. 5-е изд. М.; СПб.: Златоуст, 2015. 80 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

7. Полный русско-английский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/ruen_full
8. Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 765 с.
9. Толковый словарь / под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
10. British National Corpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
11. Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru>

СЛОЖНОСОЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Цзин Ю, Е.В. Полищук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

***Аннотация.** В целях исследования аспектов перевода сложносочинённых предложений с русского языка на китайский и с китайского на русский в статье проводится сопоставительный анализ данного типа предложений в двух языках, выявляются сходства и различия. Полученные данные помогут выбрать подходящий тип перевода.*

***Abstract.** To study the features of the translation of complex sentences in Russian and Chinese one need to compare complex sentences in two languages, find out the similarities and differences. According to the peculiarities of these two languages it will become possible to find the appropriate translation.*

***Ключевые слова:** сложносочинённые предложения, сопоставление, отношения, перевод, мышление.*

***Key words:** compound sentences, comparison, relationships, translation, thinking.*

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика, сопоставительная лингвистика) – направление исследований языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х годов XX века [Лутфуллина, 2017, с. 4]. Как отрасль современной лингвистики она имеет два основных источника: один в Европе, а другой – в США. Сопоставительная лингвистика в Европе, включая такое изучение в России, появилась в конце XIX века и начале XX века, в сопоставительных исследованиях стало уделяться больше внимания синхроническому аспекту, а не диахроническому. Американская традиционная сопоставительная лингвистика зародилась во время Второй мировой войны, и можно сказать, что она была основана на потребностях преподавания иностранного языка в то время. По сравнению с традиционной европейской сопоставительной лингвистикой особенность американской сопоставительной лингвистики заключается в её изначально прикладном характере. В середине 60-х гг. лингвисты предложили новую грамматическую модель для сопоставительного исследования. В следующие годы сопоставительная лингвистика также активно развивалась. Это относится и к Китаю, где в 80-е гг. на волне расширения международных связей повысился интерес к изучению иностранных языков.

Чтобы определить общую основу при сопоставительном анализе сначала нужно классифицировать сравниваемые объекты и определить, принадлежат ли они к определяемой

категории. Чем точнее классификация, тем легче определить сопоставимость. Язык – это сложная система символов, и его нужно рассматривать со многих сторон.

Исследование сложносочиненных предложений в русском языке

Начиная с XVIII века ученые начали изучать сложносочиненные предложения. Образование сложного предложения, по Ломоносову, осуществляется с помощью относительных (или «возносительных») местоимений, деепричастных оборотов и союзов [Современный русский язык: хрестоматия, 2010, с. 5]. Позднее, в XIX в., появление логической классификации сделало русские сложносочиненные предложения целостной системой. После этого сформировались семантическая и структурная классификации.

Классификация по семантике.

Согласно традиционной классификационной точке зрения, классификация сложносочиненных предложений в русских синтаксических трудах, в целом, менялась незначительно. Начиная с «Грамматики» Н.И. Греча все описания русского сложносочиненного предложения создавались согласно главному, определяющему принципу: между сложносочиненными предложениями по характеру смысловых связей среди компонентов, а также в соответствии с семантическими группами союзов (т.е. в соответствии с характером отношения связанной части) различались соединительные, разделительные и противительные предложения. Различные виды отношений связывались с союзами: соединительное отношение – с союзами: *и, да* (в значении *и*), *ни... ни..., и... и..., также, тоже* и т.д.; противительное отношение – с союзами: *а, но, да* (в значении *но*), *зато, однако, же, а то, не то* и т.д.; разделительное отношение – с союзами: *или* (*или... или...*), *либо* (*либо... либо...*), *то... то..., не то... не то, то ли... то ли, ли... ли, ли... или*. Следовательно, это были классификации, основанные на союзах.

Изменялось, со временем делаясь наиболее детальным, только описание семантических групп внутри данных классов предложений. Кроме того, к традиционно выделяемым 3 классам далее в XX веке к этим трем типам были прибавлены еще два: пояснительные предложения, в которых части связаны отношениями пояснения или уточнения, и присоединительные предложения, в которых вторая часть является «дополнительным сообщением» по поводу содержания первой части [Белошапкина, 1977, с. 206].

Выделяя принципы классификации сложносочиненных предложений, В.А. Белошапкина отмечала, что сложносочиненные предложения различаются средствами синтаксической связи и характером выражаемых отношений между частями. В связи с этим выделяются предложения с соединительными отношениями, противительными отношениями, разделительными отношениями и предложения с отношениями градации и присоединения.

Однако в данной классификации есть некоторые спорные моменты. Известно, что смысловые отношения внутри сложного предложения зависят не только от союзов. Некоторые сложносочиненные союзы используются для одного типа отношений, а другие – для разных значений. Например, союз *да* используется в разных отношениях: соединительном отношении и противительном отношении. Поэтому традиционный метод классификации сложносочиненных предложений нуждается в совершенствовании.

Структурно-семантическая классификация.

В.А. Белошапкина глубоко исследовала сложносочиненные предложения, показав связь между сложносочиненными и другими сложными предложениями. Для славянской грамматической традиции характерно различие среди сложносочиненных предложений открытых и закрытых структур [Белошапкина, 1977, с. 207]. Открытые структуры относятся

к появлению составных предложений с этой характеристикой в виде открытых сочетаний, то есть в виде предложений, состоящих из двух, трех и более частей. Закрытость структуры предполагает, что сложносочиненные предложения всегда появляются в виде замкнутых сочетаний, и в них есть только два компонента.

К предложениям открытой структуры относятся предложения с отношениями соединительными и разделительными. Предложения закрытой структуры – это предложения с отношениями противительными, градационными и присоединительными [Валгина, 2000, с. 277].

Части сложносочиненных предложений открытой структуры являются незамкнутым рядом, они построены однотипно, имеют значение одновременности, что выражается соответствием видовременных форм глаголов-сказуемых. Такие предложения могут иметь неограниченное число частей. Например: *То падал как будто туман, то вдруг припускал косой, крупный дождь* (Л.Н. Толстой).

В предложениях закрытой структуры части являются замкнутым рядом, это всегда две части, структурно и семантически взаимообусловленные, связанные. Это предложения с противительно-сопоставительными, градационными и присоединительными отношениями. Вторая часть в них замыкает ряд и не предполагает наличия третьей. Например: *Не только ты её любишь, но и я её люблю.*

Исследование сложносочиненных предложений в китайском языке

Китайские предложения структурно делятся на две категории: простые и сложные. Простое предложение – это предложение, состоящее из фразы или одного слова, это предложение, которое больше не может быть разделено на части предложения. Сложное предложение состоит из двух или более предложений, связанных по смыслу и структурно отделенных друг от друга. Обычно между каждым предложением есть пауза, в письменной речи используется запятая, точка с запятой или двоеточие, а в конце предложений – точка, вопросительный знак или восклицательный знак. Смысловая емкость сложных предложений, как правило, больше, чем у простых предложений, часто выражающих логические смысловые отношения между людьми, вещами, людьми и вещами.

Типы китайских сложных предложений.

Структурные отношения между частями сложных предложений и структурные отношения между словами похожи, можно выделить два типа отношений: сложносочиненные предложения (сложное предложение “ляньхэ”) (в них выражаются значения сочинения, последовательности, объяснения, выбора, прогрессирования) и сложноподчинённые предложения (сложное предложение “пяньчжэн”) (в них выражаются значения противоположности, предположения, условия, причины и следствия, цели). В сложносочиненном предложении (сложное предложение “ляньхэ”) нет отношения «главное - придаточное» между частями сложных предложений. Например, *天气晴和, 阳光灿烂。(День был тих, и солнце сияло.)* В сложноподчинённом предложении (сложное предложение “пяньчжэн”) существуют отношения «главное - придаточное» между частями предложений. Сложноподчинённое предложение (сложное предложение «пяньчжэн»): состоит из главного по смыслу предложения («чжэнцзюй») и придаточного предложения («пяньцзюй»). Как правило, сначала идет придаточное предложение («пяньцзюй»), после него – главное предложение по смыслу («чжэнцзюй»), и акцент делается на главном по смыслу предложении («чжэнцзюй»). Например, *他走了, 我却留了下来。(Он поехал, а я остался.)*

Китайское сложное предложение представляет собой законченную синтаксическую структуру, его композиционные элементы сходны с простыми предложениями с точки

зрения формальной структуры и значения, оно представляет собой сочетание нескольких простых предложений в определенной синтаксической связи, представляет собой связь между несколькими ситуациями, имеет самостоятельное коммуникативное значение и завершённую интонацию. В структурной системе сложные предложения находятся на один уровень выше простых предложений, но их коммуникативная функция такая же, как у простых предложений. Соответственно, более уместно употребление термина синонимично параллелям «предложение» и «часть».

Сопоставительное исследование сложносочиненных предложений в русском и китайском языках

Понятие «сложносочиненное предложение» в китайском и в русском языках наполнены разным смыслом, хотя существуют и сходства. Понятие «сложносочиненное предложение» в русском языке – предложение, которое создано из простых предложений, соединённых двумя или более сочинительными союзами. В таком значении оно похоже на китайское сложносочиненное предложение (сложное предложение «ляньхэ»), но «русское сложносочиненное предложение» может содержать в себе китайское сложносочиненное предложение (сложное предложение «ляньхэ»), т.е. понятие «русского сложносочиненного предложения» шире «китайского сложносочиненного предложения», а в общем, китайское сложное предложение и содержит в себе «русское сложносочиненное предложение», т.е. понятие «китайского сложного предложения» шире «русского сложносочиненного предложения». Таким образом, при образовании «сложносочиненного предложения» в китайском и русском языках трудно найти общие способы – так, например, союз *но* в русском языке употребляется в сложносочинённом предложении, а в китайском языке употребляется в сложноподчинённом предложении (сложное предложение «пяньчжэн»).

Логические отношения в сложносочинённых предложениях.

Русский и китайский языки могут выражать разные средства выражения при отражении и выражении одной и той же ситуации – например, китайский язык фокусируется на передаче смысла, в то время как русский фокусируется на структуре предложений, но при этом объём информации одинаков.

Когнитивисты считают, что язык не является автономной системой и не может быть отделен от восприятия человеческого опыта. В русском и китайском языках, хотя форма выражения ситуативных отношений может быть разной, но тип отношений при этом один и тот же. Это также отражает общность мышления разных народов. В структуре сложносочинённых предложений китайского и русского языков наблюдаются существенные различия, и не представляется возможным найти закономерности перевода сложносочинённых предложений в двух языках только на основе структуры сложносочинённых предложений. Поэтому если мы хотим точно перевести сложносочинённое предложение, нужно найти в выражении сложносочинённого предложения двух языков общую точку, то есть “логическое отношение”, или объём информации, который мы хотим выразить.

По мысли В.А. Белошапковой, в русском языке в соответствии с различными союзами и характером выражаемых отношений между частями выделяются предложения с соединительными отношениями, противительными отношениями, разделительными отношениями и предложения с отношениями градации и присоединения. А в китайском языке по структуре типы китайских сложных предложений можно разделить на два типа отношений: во-первых, сложносочинённое предложение (сложное предложение «ляньхэ»),

имеющее следующие отношения: сочинения, последовательности, объяснения, выбора, прогрессирования; и во-вторых, сложноподчинённое предложение (сложное предложение «пяньчжэн»), имеющее следующие отношения: противоположности, предположения, условия, причины и следствия, цели.

Из этого мы суммируем следующие логические отношения: отношение противоположности, отношение последовательности, отношение прогрессирования, отношение сочинения, отношение причины и следствия, отношение объяснения, отношение уступки, отношение условия, отношением предположения, отношение выбора, отношение цели, отношение сопоставления, отношение отрицания и т.д. В этих отношениях учитываются русский и китайский языки. Например. *У него не было слёз, однако в глазах была видна печаль. – 她没哭, 但眼睛里却透出悲伤 (Отношение уступки).*

При переводе нужно обращать внимание на ситуацию, созданную действием исходного предложения, или на состояние, в котором оно находится.

Исходя из реальности, средства связи ситуативного отношения не обязательно может иметь конкретные формальные средства, то есть использование союзов непосредственно для выражения. Если выражение связи логического отношения оформляется с помощью союзов, – это гипотаксис, если выражение связи логического отношения оформляется не с помощью союзов, то это паратаксис. Главная особенность русского языка – гипотаксис: соединение частей предложений через союзы, например: *а; и; и... и... и...* А в соответствующем китайском переводе признаки гипотаксиса не выражены. Например: В сложносочинённом предложении: *Она берёт меня под руку, и мы долго гуляем около горы (А.П. Чехов)* имеет отношение сочинения, в русском языке мы используем союз *и* (паратаксис), а в китайском языке *她挽着我的胳膊, 我们在大山旁散步了很长时间* союз *и* в китайском языке может не быть отражён (паратаксис).

А.В. Величко считает, что построение предложения – это процесс соединения слов и словоформ в соответствии с синтаксическими правилами, закономерностями русской грамматики [Величко, 2009, с. 19].

Создания китайских предложений опирается на порядок слов и логические отношения: логические отношения определяют порядок слов. Китайские предложения имеют собственный специфический порядок слов: подлежащее перед сказуемым, определение, обстоятельство перед главным словом, дополнение после сказуемого, сказуемое после подлежащего. В сложноподчинённом предложении (сложное предложение «пяньчжэн»), как правило, сначала идет придаточное предложение («пяньцзюй»), а после него – главное предложение по смыслу («чжэнцзюй»).

Нужно прежде всего обращать внимание на логические отношения между частями сложных предложений, сходства и различия в употреблении союзов и порядка слов. При переводе сложносочинённых предложений сначала нужно определить логические отношения между частями сложных предложений. Выделяется примерно 13 типов логических отношений. Так, например, в русском языке сложносочинённые предложения имеют отношения соединения, и в китайском языке необходимо выбрать подходящие союзы в соответствии с таким отношением для соединения частей сложных предложений. Различия в способе мышления неизбежно влияют на соответствующую форму языка. В целом, китайцы более всесторонне думают о проблемах, а русские склонны анализировать проблемы логически. Традиционное китайское мышление ценит интуицию и восприятие, поэтому в китайском сложносочинённом предложении больше паратаксиса. Русский язык основан на

рациональном анализе, поэтому гипотаксис является отражением образа русского мышления. Китайский язык ценит смысл, в то время как русский более структурирован. Язык – это средство выражения мышления, а способ мышления влияет на различные формы языка. Различия в языке различных этнических групп – это различия в структуре языка.

Литература

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык (синтаксис). М: Высш. шк., 1977. 248 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Изд-во Агар, 2000. 413 с.
3. Величко А.В. Книга о грамматике / Русский язык как иностранный. М.: Изд-во Московского университета, 2009. 648 с.
4. Долбик Е.Е., Леонович В.Л., Супрун-Белевич Л.Р. Современный русский язык: хрестоматия. Минск : БГУ, 2010. 295 с.
5. Лутфуллина Г.Ф. Введение в сопоставительную лингвистику. Английский и родной языки: учеб. пособ. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2017. 84 с.

РУССКАЯ ПУНКТУАЦИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДНОМ ПРЕДЛОГЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ

Е.Н. Агашина

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности пунктуации при предложно-падежном обороте с предлогом «в зависимости от». Пунктуационные знаки, употребляемые для обособления данной конструкции, квалифицируются как авторские.

Abstract. This paper examines the punctuation peculiarities of a preposition-case construction with the «в зависимости от» preposition. The punctuation marks used to isolate this construction are considered as the author's ones.

Ключевые слова: пунктуация, обособление, предложно-падежный оборот, авторские знаки препинания, русский язык.

Key words: punctuation, isolation, a preposition-case construction, author's punctuation marks, the Russian language.

Производный предлог *в зависимости от* формирует структуру, отражающую отношения обусловленности между ситуациями, каждая из которых может меняться. Условиями функционирования данного предлога является сочетаемость с лексикой, способной обозначать разного рода вариативность, а также вхождение в состав конструкции на правах левого и правого компонентов сочинительных рядов с отношениями чередования, выбора или соединительными, прямо или косвенно указывающими на ситуацию варьирования. Результаты исследования условий функционирования предлога *в зависимости от* нашли отражение в нашей статье [Агашина, 2015].

В данной работе рассматриваются особенности пунктуации при предложно-падежном обороте с предлогом *в зависимости от*. Материал исследования собран с помощью Национального корпуса русского языка.

Как известно, производные предлоги, занимая особое место в системе служебных слов, образуют конструкции, осложняющие простое предложение. Так называемые обстоятельственные предлоги, к которым относится и предлог *в зависимости от*, «создают отношения между основной частью предложения и оборотом, заключающим в себе дополнительную предикативность особого вида – «свёрнутую» [Прияткина, 1990, с. 114].

В состав конструкции со «свёрнутой» предикативностью включается три компонента:

1. Грамматический предикат.
2. Компонент, вводимый предлогом. В качестве такого компонента выступает имя существительное в косвенном падеже, при котором часто употребляется распространитель.
3. Объектный или субъектный актанта грамматического предиката.

Например:

Удивительно *всё-таки* **меняется** *психология* в зависимости от
обстоятельств [И. Грекова. Дамский мастер (1963)].

С точки зрения традиционного учения о членах предложения обстоятельственный предлог с существительным в косвенном падеже является второстепенным членом

предложения – обстоятельством. Если такое предложно-падежное сочетание выделяется интонационно, то говорят об обособлении этой конструкции.

В традиционной грамматике такие конструкции получили название обособленных оборотов.

«Обособление – выделение того или другого члена предложения (также вместе с зависящими от него словами) посредством пауз, характерной интонации и более сильного фразового ударения для того, чтобы сделать синтаксическое положение этого члена предложения более заметным, сообщить ему известную синтаксическую самостоятельность» [Ахманова, 2014, с. 274].

Обособление предложно-падежных оборотов должно быть маркировано пунктуационными знаками.

Рассмотрим, как осуществляется пунктуационное оформление структур (и осуществляется ли), формируемых производным предлогом *в зависимости от*.

В Национальном корпусе русского языка представлено 8212 вхождений для предложений с производным предлогом *в зависимости от* в основном подкорпусе и 12344 вхождения в газетном (всего в обоих подкорпусах – 20556).

Количественные показатели использования пунктуационных знаков при производном предлоге *в зависимости от*:

- запятая – 1534 вхождений в основном подкорпусе, 1716 – в газетном (всего – 3250);
- тире – 41 вхождение в основном подкорпусе, 26 – в газетном (всего – 67);
- скобки – 282 вхождения в основном; 495 – в газетном (всего – 777).

Всего со знаками препинания – 4094.

Без знаков препинания – 16462.

Таким образом, в конструкциях с производным предлогом *в зависимости от* возможны следующие знаки препинания: запятая, тире, скобки. Явное преобладание запятой при выборе пунктуационных знаков для маркирования обособления очевидно. При этом очевидно и то, что в большинстве случаев обособления оборотов с предлогом *в зависимости от* не происходит.

Рассмотрим примеры:

Приведем ряд примеров.

(1) без обособления: ***В зависимости от генетических особенностей он может оказывать разное влияние на здоровье*** [Врач рассказала, кому вреден чай // Московский комсомолец, 2019.11.27]; ***Удивительно всё-таки меняется психология в зависимости от обстоятельств*** [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]; ***Теперь пассажиры смогут регулировать яркость в зависимости от времени суток*** [Опубликованы фотографии обновленного интерьера «Сапсана» // lenta.ru, 2019.12.17].

(2) с обособлением:

(2а) запятая (запяты): ***В зависимости от политики торговых сетей, цена на продукт может вырасти*** [Назван риск употребления красной икры // lenta.ru, 2019.12.01]; ***Лепестки высушенных цветов, в зависимости от тональности, изображают небо или воду*** [Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»]; ***Средний срок доставки заказов почтой составляет около 25 дней, в зависимости от региона*** [«AliExpress Россия» хочет увеличить поставки через постаматы до 20% // Коммерсант, 2019.12.16].

(2б) тире: ***Услуга стоит – в зависимости от размера флажка – от полутора до 120 рупи*** [Н.Ф. Рукавишникова. Храм Джаганнатха // «Наука и религия», 1984]; ***Решение о том,***

кого взять, а кого нет, принимается специальной комиссией — в зависимости от тяжести заболевания ребенка, имущественного положения семьи и удаленности ее проживания [Кому не все равно // «Русский репортер», 2014].

(2в) скобки: Молоко, оставленное в стеклянной банке на подоконнике, уже через 2-4 часа (в зависимости от температуры) теряет половину своих витаминов [В. Прозоровский. Здоровье до рождения. Важнейшие аспекты // Наука и жизнь, 2008]; Решение вопроса о приватизации служебного жилья отнесено к компетенции местной администрации либо предприятия или ведомства (в зависимости от балансовой принадлежности жилья) [Вопрос – ответ // «Встреча» (Дубна), 2003.05.07].

(2г) контаминация знаков: В итоге он получает девку, деньги, машину, – в зависимости от сюжета, – или все вместе [Дмитрий Глебов. Роль // Волга, 2015].

Анализ приведённых примеров показывает, что обособление предложного оборота с предлогом *в зависимости от* и выделение (а также невыделение) его знаками препинания не зависит от состава образуемой предложной единицей конструкции со «свёрнутой» предикативностью. На выделение пунктуационными знаками данного оборота не оказывают влияние ни семантика и способ выражения грамматического предиката, ни наличие / отсутствие при предикате объектного или субъектного актанта. Также пунктуационное маркирование осложнения с предлогом *в зависимости от* не определяется характером выражения компонента, вводимого этим предлогом: позицию такого компонента может занимать как предикатное, так и предметное имя существительное, принадлежность которого к определённой семантической группе не релевантна.

В справочниках по пунктуации [Розенталь Д.Э., 2001; Валгина, 2001] обособление предложно-падежных оборотов с производными предлогами считается возможным, однако не обязательным. Также отмечается, что «обстоятельства, выраженные существительными в формах косвенных падежей, могут обособляться для попутного пояснения или смыслового акцентирования» [Валгина, 2001, с. 204]. Однако при небольшой распространённости пояснительно-обстоятельственных членов предложения с производными предлогами и предложными сочетаниями допускаются варианты в их пунктуационном оформлении, которые зависят от порядка слов: такие обороты обязательно обособляются, если они располагаются между подлежащим и сказуемым или между управляющим словом и управляемым. В других же позициях могут не обособляться [Валгина, 2001, с. 205–206].

Действительно, знаки препинания, которыми выделяются обособленные обстоятельства, выраженные предложно-падежными оборотами, не всегда жёстко обязательны, т.к. «структурное членение предложения в тексте, так же как и смысловое и интонационное, подчинено воле пишущего» [Валгина Н.С., 1979, с. 36].

А.Ф. Прияткина, говоря об интонационном членении простого предложения, отмечает две функции такого членения: грамматическую и коммуникативную [Прияткина, 1990, с. 153]. В случае с оборотами, в организации которых участвуют производные предлоги, речь идёт о грамматической функции интонационного членения, т.к. производный предлог является показателем дополнительной предикативности. Интонационное выделение предложного оборота имеет и коммуникативную функцию: такое выделение «акцентирует член предложения, оттеняет, подчёркивает, усиливает какую-то сторону его значения» [там же]. «Обособление этого рода иногда называют «авторским», т.е. субъективным» [там же].

Следовательно, и пунктуационные знаки, которые маркируют такое обособление, можно считать авторскими.

«Обстоятельства, выражаемые не деепричастными оборотами, обособляются для придания им большей смысловой значимости» [Шапиро, 1974, с. 166]. А придавать или не придавать смысловую значимость и соответственно обособлять или не обособлять – это воля автора высказывания.

Выше нами были отмечены случаи обособления предложно-падежного оборота с предлогом *в зависимости от* при помощи тире. Оценивая пунктуационное маркирование обособления таким знаком, согласимся со следующей точкой зрения: «Обособленные обстоятельства на письме выделяются запятыми или двумя тире. <...> Более рациональным следует считать выделение обстоятельств запятыми, нежели двумя тире. Два тире целесообразнее употреблять для обозначения усиленного обособления» [Шапиро, 1974, с. 166.].

По данным Национального корпуса русского языка, в 777 случаях предложно-падежная структура с предлогом *в зависимости от* выделяется скобками. На наш взгляд, этот вопрос требует отдельного изучения, и пока мы оставляем его в стороне.

Итак, анализ особенностей пунктуации в конструкциях с производным предлогом *в зависимости от* показал:

- обособление таких структур возможно, а значит, в случае обособления возникает необходимость его пунктуационного обозначения;
- для пунктуационного маркирования используются следующие знаки препинания: запятая, тире, скобки (при явном преобладании запятой);
- выделение или невыделение пунктуационными знаками не зависит от семантики, характера выражения и состава компонентов конструкции со «свёрнутой» предикативностью, которую образует предлог *в зависимости от*, а определяется выбором автора высказывания.

Литература

1. Агашина Е.Н. Условия функционирования отымённого релятива 'в зависимости от' // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 4 (46). В 2 ч. Ч. I. С. 15–19.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 576 с.
3. Валгина Н.С. Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания // Современная русская пунктуация. М.: Наука. 1979. 264 с.
4. Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация: справочник. М.: Неолит, 2001. 320 с.
5. Прияткина А.Ф. Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высш. шк. 1990. 176 с.
6. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф, 2001. 368 с.
7. Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. Учеб. Пособ. для пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение. 1974. 287 с.

КОДИФИКАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

***Аннотация.** Рассмотрено правило о знаках препинания между частями сложноподчиненного предложения в семиотическом аспекте – как закрепление устойчивого соотношения между телом и смыслом знака, а также в когнитивном – как условие, поддерживающее нормальное протекание когнитивных процессов в сознании пишущего и читающего.*

***Abstract.** The rule on punctuation marks between parts of a complex sentence is considered in the semiotic aspect – as a consolidation of a stable relationship between the body and the meaning of the sign, as well as in the cognitive aspect – as a condition that supports the normal course of cognitive processes in the minds of the writer and reader.*

***Ключевые слова:** пунктуация, семиотические аспекты пунктуации, когнитивные аспекты пунктуации, кодификация пунктуационной нормы, сложноподчиненное предложение.*

***Keywords:** punctuation, semiotic and cognitive aspects of punctuation, codification of the punctuation norm, complex sentence.*

Пунктуация наряду с алфавитом является искусственной знаковой системой, используемой для графической фиксации речи, что позволяет обозначить «те отношения и оттенки, которые, будучи важны для понимания, не могут быть выражены лексическими и синтаксическими средствами» [Шапиро, 1955, с. 86], а также обеспечивает «возможность подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова / группы слов» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 407]. Обладая основным признаком семиотической системы – двусторонностью единиц, – пунктуация имеет и некоторую специфику, в том числе на фоне алфавита, графики и орфографии, также обслуживающих письменную форму речи. К таковым относится небольшое количество означающих при значительном количестве отражаемых ими означаемых, что порождает чрезвычайно высокую степень асимметрии знаков пунктуации [см, например, Голев, 2002, Meyer, 1987], пунктуационный омографизм [Колесников, 1981], бифункциональность знака препинания [Кобзарева, 2005]. Для нормального функционирования такого рода системы особо значимо наличие факторов, обеспечивающих возможность соотнесения данного означающего с одним из означаемых. Одним из таких средств в знаковых системах является контекст, который позволяет однозначно понимать единицу, например, букву, значение которой благодаря слоговому принципу русской графики в каждом типе окружения точно определяется. Знаки пунктуации не образуют синтагму в полном смысле и поэтому чаще лишены диагностического контекста.

С другой стороны, асимметрия знаков пунктуации проявляется в возможности использования разных знаков в одних и тех же синтаксических конструкциях. Этот вид асимметрии позволяет выбирать наиболее эффективный знак в конкретной ситуации и тем самым наиболее адекватно передать смысл написанного.

Таким образом, установление семиотических связей, разграничение функций разных знаков препинания, соотнесение знака со спецификой оформляемого высказывания особенно важно для эффективного функционирования системы, ведь коммуникация становится

возможной только тогда, когда для пишущего и читающего использованный знак несет одну и ту же информацию. В указанных условиях следует признать особую роль кодификации правил пунктуации, которые и закрепляют за определенными знаками определенные значения, определяют специфику функций знака и таким образом предоставляют для использования пишущему и читающему один и тот же код.

Рассмотрим влияние кодификации норм пунктуации на функционирование семиотической системы и на когнитивные процессы, сопровождающие письменное оформление текста и его восприятие. Для иллюстрации выберем кодификацию правила постановки знаков препинания между частями сложноподчиненного предложения в трех источниках: Розенталь Д.Э. «Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати» 1989 г. [Розенталь, 1998, далее Р 89], Розенталь Д.Э. «Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация» 2002 г. [Розенталь, 2002, далее Р 2002], «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» под ред. В.В. Лопатина [Правила русской орфографии и пунктуации, 2009, далее ПАС]. Данные источники признаны наиболее авторитетными, а также они охватывают довольно большой период, характеризующийся коренной трансформацией общества и существенными сдвигами в языке, что позволяет проследить изменения и тенденции в кодификации.

1. **Постановку запятой** все три справочника предписывают с одинаковых позиций: запятая сигнализирует о границах придаточного предложения, то есть все источники ориентируются на структурный (формально-грамматический) принцип, что, несомненно, отвечает обозначенной в ПАС теоретической установке на то, что «пунктуация имеет четкое назначение – способствовать расчленению письменного текста для облегчения его понимания» [ПАС, 2009, с. 119]. Единообразие правила, закрепленного во всех справочниках, ориентирует пишущих на выработку определенных навыков обязательной постановки знаков препинания, что способствует закреплению семиотической связи между означающим и означаемым графического знака, с одной стороны, и, с другой, делая структуру предложения более прозрачной, поддерживает и облегчает единообразное понимание языковых знаков, составляющих предложение. Понятность, определенность и обязательность правила имеет и более важное значение: пишущий, нацеленный на непреложную необходимость обозначать границы простых предложений в составе сложного, в процессе письма привыкает произвольно анализировать строение каждого сложного предложения.

2. **Правило постановки тире** в справочниках представлено уже не столь единообразно. В Р 89 оно сформулировано очень коротко и предельно общо. Здесь в один ряд поставлены разные принципы выбора знака препинания: интонационный («при интонационном подчеркивании»), семантический («придаточные изъяснительные (дополнительные и подлежащие), реже условные и уступительные») и структурный («стоящие впереди главного предложения, могут отделяться от него не запятой, а тире» [Розенталь, 1989, с. 137]). При этом не оговаривается, как соотносятся интонационный, семантический и структурный критерии. Можно ли, например, поставить запятую в примере из этого параграфа *Как он добрался сюда – уж этого никак не мог он понять*, или инверсия и семантика изъяснительного придаточного предложения этому препятствуют. Не указано также, какой из знаков предпочтительнее и в каких случаях. Кроме того, и сама модальность возможности («могут отделяться от него не запятой, а тире»), не подкрепленная далее более определенными рекомендациями, не помогает пишущему в выборе знака.

Р 2002 более детально представляет условия использования тире, однако формулировки дают возможность интерпретировать правило весьма неоднозначно: «Тире ставится для интонационного отделения главной части сложноподчиненного предложения от придаточной. Чаще всего тире употребляется в тех случаях, когда главной части предшествует: придаточная изъяснительная» [Розенталь, 2002, с. 446], условная. уступительная. Можно ли считать, что тире применяется только тогда, когда пишущий хочет обратить внимание на особую интонацию, присущую произнесению именно этого предложения, или интонационное выделение – это характерный признак придаточных указанного типа, если они стоят перед главным предложением? Использование выражения «чаще всего» также подталкивает к мысли о возможности / невозможности применения данного правила при инверсии других типов придаточных – времени, места, образа действия. Соответствует ли норме предложение *Я когда вижу ямку – падаю* (Л.К. Бронтман)?

Некоторой определенности добавляет фрагмент § 38, в котором называются условия, благоприятствующие выбору тире. Здесь возможные в таких случаях знаки ранжируются, т.к. подразумевается, что можно поставить и запятую, но тире по ряду причин использовать предпочтительнее. Градация знаков по степени выразительности направляет мыслительные усилия пишущего на тщательный анализ содержательных характеристик высказывания, что имеет не только семиотический, но и когнитивный эффект. Кроме того, избрав наиболее эффективный знак для передачи мысли, пишущий обеспечил более легкое и адекватное понимание сообщения читающим, таким образом оптимизировал работу семиотической системы.

Представленные в параграфе условия предпочтительного использования тире коррелируют с критериями выбора тире, релевантными для других синтаксических конструкций. Например, тире в сложноподчиненном предложении перед словами *это* и *вот* (§ 38.2.3) применяется на тех же формальных основаниях, что и в правиле о тире между подлежащим и сказуемым; правило о тире при перечислении придаточных частей (§ 38.2.4) вполне соотносится с правилом постановки тире при обобщающем слове, стоящем после однородных членов предложения, т.к. учитываются однотипные синтаксические отношения (однородные члены и однородное подчинение) и схожую семантику (обобщающий характер главного предложения и обобщающего слова). Так с помощью одинаковых знаков препинания маркируется формальное и семантическое сходство указанных конструкций. Указание на предпочтительность тире при отсутствии противительного союза или второй части сопоставительного союза между соподчиненными придаточными частями (§ 38.2.7) и при неполном предложении в придаточной части (§ 38.2.2) соответствует общей установке русской пунктуации на то, что нулевой языковой знак маркируется тире при нулевой связке между подлежащим и сказуемым, а также при пропуске члена предложения.

Так у пишущего вырабатывается установка на осмысленный отбор знаков препинания на основании семантического и структурного своеобразия предложения, на более качественное графическое оформление языкового сообщения, с одной стороны, а с другой – формируется важнейшее свойство, наряду с двусторонностью определяющее знак, – его системность.

Формулировка этой части правила в ПАС свидетельствует о существенном изменении позиций кодификаторов. Главным критерием выбора тире в ПАС является структура сложноподчиненного предложения – инверсия главного и придаточного. При этом тип придаточного, отделяемого с помощью тире, в основной части правила уже никак не оговаривается. Из анализа примеров же следует, что этот критерий не принимается во

внимание: *Когда тоска – хорошо писать* – придаточное времени; *Что в воздухе хлябь – на то уже не обращалось внимания* – придаточное изъяснительное. Использование данного правила в практике письма существенно осложняет добавление, приведенное авторами в скобках «(особенно при наличии слов *это, вот, то* в главной части)» [ПАС, 2009, с. 172], при этом первый из приведенных примеров (*Когда тоска – хорошо писать*) не имеет указанных слов. Какое решение должен принять пишущий, руководствующийся этим пунктом правила: обращать ли внимание только на инверсию или все-таки еще и искать слова *это, вот, то*?

Второй критерий выбора тире фактически дублирует первый («при усилении вопросительного характера предложения для подчеркивания необычности расположения придаточной части перед главной» [там же]), ведь уже сказано о необходимости тире при инверсии.

Пятый пункт параграфа, где указывается на возможность тире при инверсии «при уточняющем характере придаточной части» [там же], разрушает правило как систему и идет вопреки системности значения тире как знака, ведь для выражения пояснения и уточнения в русской пунктуации системно используется двоеточие после обобщающего слова, при однородном подчинении, в бессоюзных предложениях. Следует отметить, что формулировка особого правила для указанного типа сложноподчиненных предложений является новым фактом в практике кодификации по сравнению с более старыми справочниками. Однако решение, принятое авторами ПАС, представляется спорным, т.к. закрепление тире как знака пояснения создает ненужную конкуренцию двоеточию и дополнительно нагружает тире, и без того чрезвычайно часто эксплуатируемый знак. В результате размывается вполне сформировавшаяся, легко опознаваемая с опорой на семантику предложения семиотическая связь «двоеточие – ‘пояснение, разъяснение’».

Системность формулировки правила разрушается еще и хаотическим порядком расположения пунктов, который не соотносится с актуализирующимися в каждом из пунктов принципами пунктуации: 1) – со структурным, 2) – с интонационно-структурным, 3) – со структурно-семантическим, 4) – со структурным, 5) – с семантическим.

Кодифицированное таким образом правило создает у человека, обратившегося к справочнику, впечатление сложности, неуловимости смысла, невозможности усвоения, что делает затруднительным использование рекомендаций ПАС в практике письма.

3. В Р 89 правило об **употреблении двоеточия** кратко, позиция автора формулируется весьма определенно: «Двоеточие ставится перед подчинительным союзом в тех редких случаях, когда в предшествующей части сложного предложения содержится особое предупреждение о последующем разъяснении (в этом месте делается длительная пауза и можно вставить слова *а именно*)» [Розенталь, 1989, с. 138]. Указание «в редких случаях» обращает внимание пишущего на исключительность двоеточия в сложноподчиненном предложении, случаи употребления двоеточия редки и должны быть особо мотивированными.

Р 89 совершенно определенно указывает, что семантические («особое предупреждение о последующем разъяснении»), формально-семантические («можно вставить слова *а именно*») и интонационные («в этом месте делается длительная пауза») характеристики конструкции взаимосвязаны и действуют одновременно. Формально-семантическая и интонационная характеристики предложения в этом случае квалифицируются как сопровождающие главную – пояснительные отношения между

частями. Такое решение поддерживает уже отмеченное нами системное значение двоеточия как знака, маркирующего пояснение.

Р 2002 почти дословно воспроизводит формулировку Р 89 с одним, но очень значимым отличием: здесь не говорится об особо редком, исключительном характере выбора двоеточия. Этот факт ярко эксплицирует вектор изменений в принципиальных установках кодификаторов, что в полной мере проявляется в ПАС.

Те на первый взгляд незначительные дополнения, которые делают авторы ПАС, полностью разрушают системность **всего правила** о постановке знаков препинания в сложноподчиненном предложении.

Во-первых, в параграфе есть пункт 2), в котором указывается на необходимость двоеточия, «если придаточная часть представляет собой косвенный вопрос: *Его очень беспокоил вопрос: стоит ли покупать эту книгу* (Д. Гранин)» [ПАС, 2009, с. 172]. В примере присловный характер придаточного в сочетании с определительными отношениями предопределяют пояснительный характер придаточного и возможность подстановки *а именно?* Так данный пункт дублирует начало правила, где указывается на использование двоеточия, если можно подставить *а именно*.

Даже при всей нечеткости, случайности указанные рекомендации выглядят весьма безобидными по отношению к пунктуации как знаковой системе и к кодификации в целом на фоне тех примечаний и приписок, которыми дополняется основное правило. Пункт о двоеточии в предложении с косвенным вопросом сопровождается замечанием, данным как бы мимоходом: «однако в таком случае допустима и запятая» [ПАС, 2009, с. 172]. Выбранный авторами ПАС способ подачи этой информации просто через запятую влечет за собой вывод о полной равноценности знаков и сводит на нет предыдущие усилия авторов ПАС по формулированию правила.

Еще более деструктивным с когнитивной и семиотической точки зрения является примечание к пункту 1, в котором рекомендуется ставить двоеточие при наличии слов, предупреждающих о последующем пояснении: «в данном случае допустимо и употребление знака тире» [ПАС, 2009, с. 172]. Это примечание перечеркивает не только этот пункт параграфа, но и все правило пунктуации в сложноподчиненном предложении, ведь оказывается, что все предыдущие рекомендации об использовании двоеточия совершенно не обязательны, т.к. в точно таких же случаях можно ставить и тире. Более того, и рекомендации предыдущего параграфа, в котором описывался выбор тире, сводятся на нет, если к случаям, перечисленным в нем, добавляются случаи, указанные в § 124.

Каковы же последствия такой позиции нормализаторов для читающего? О смысловой и интонационной нагруженности предложения ему придется догадываться самому, т.к. ни о чем, кроме как о границах частей сложного предложения, знаки препинания не скажут, поскольку каждый из них не соотносится с определенным типом информации, их означаемое становится слишком расплывчатым – и они перестают выполнять свою функцию сигналов о тех особых смыслах, которые вкладывает пишущий в высказывание. По функции это уже скорее не знаки, а симптомы. В таком случае пунктуация способна только расчленять текст, но не может способствовать лучшему его пониманию. Данная позиция нормализаторов угрожает и функционированию языка как знаковой системы, способной передавать от автора к адресату не только общее содержание сообщения, но и все тонкие нюансы смысла.

Каковы последствия для пишущих? Во-первых, при такой пунктуации пишущий не может быть уверен в том, что его высказывание будет адекватно понято, ведь, с одной

стороны, между частями сложноподчиненного предложения определенного типа разрешается любой знак. С другой стороны, тире может быть знаком почти чего угодно: инверсии, нулевого знака, особой интонации, границ сложноподчиненного предложения, особых смысловых отношений в сложносочиненном и бессоюзном сложном предложении. Такая асимметрия знака в искусственной знаковой системе не снимается контекстом, как в языке, и не способствует корректному функционированию знака.

Во-вторых, это последствия когнитивные. Нетребовательность нормы к выбору знака препинания порождает бессмысленность преподавания этого участка письма и, как следствие, беспорядочную практику применения знаков. Отсутствие необходимости использовать знак в полном соответствии с семантикой и структурой предложения убивает привычку анализировать высказывание для того, чтобы соблюсти пунктуационную норму. Отсутствие привычки разграничивать близкие смыслы ведет в тому, что эти смыслы перестают замечаться, эксплуатируются при коммуникации и выражаться в речи, т.е. к примитивизму в мышлении и общении.

В оценке нормализаторской позиции ПАС хочется присоединиться к следующему высказыванию: «В существующем на сегодняшний день виде Справочник не должен становиться общедоступным. Его надо внимательно вычитать, отредактировать и формулировки правил, и примеры. В существующем виде Справочник может не решить какие-то из сегодняшних проблем, а еще больше усугубить их» [Николенкова. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37415>].

Глубинное значение пунктуации как системы выражается в поддержании и реализации когнитивной деятельности отдельного человека и коммуникативного взаимодействия членов языкового коллектива. Необходимость соблюдать нормы пунктуации формирует привычку задумываться над смыслом высказывания, выбирая для его выражения наиболее подходящие средства. Подходящими же будут те знаки пунктуации, которые, с одной стороны, позволят передать именно ту мысль, именно ту оценку и эмоцию, а с другой, будут однозначно поняты адресатом, который также приучен не бездумно поглощать написанное, а проделывать интеллектуальную работу по переводу письменных знаков в совершенно определенную информацию.

Литература

1. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. Пособ. для учителей. М. Просвещение, 1979. 124 с.
2. Голев Н.Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века: Матер. междунар. науч. конф. Т. 1. Кемерово, 2002. С. 146–160.
3. Кобзарева Т.Ю. Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.) / под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Наука, 2005. С. 232–235.
4. Колесников Н.П. Пунктуационный омографизм // Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону, 1981. С. 116–127.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энц., 1990. 685 с.
6. Николенкова Н.В. Еще раз и подробно о новом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации». Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>
7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. М.: Книга, 1989. 274 с.

9. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М.: Оникс 21 век, Мир и Образование; 2002. 350 с.
10. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 394 с.
11. Meyer C.F. A linguistic study of American punctuation. New York, 1987. 159 p.

ПРИЧИНЫ ПУНКТУАЦИОННЫХ ОШИБОК ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Е.Г. Сидорова, А.Д. Бабаева

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

***Аннотация.** В статье охарактеризована пунктуационная норма, регулирующая выделение на письме вводных конструкций. На основании результатов проведенного лингвистического эксперимента выявлены типы пунктуационных ошибок и основные причины их возникновения.*

***Abstract.** The article describes the punctuation norm governing the selection of introductory constructions in writing. Based on the results of the linguistic experiment, the types of punctuation errors and the main reasons for their occurrence were identified.*

***Ключевые слова:** пунктуационная норма, пунктуационные ошибки, знаки препинания, вводные конструкции, вводные компоненты, вводные слова.*

***Key words:** punctuation norm, punctuation errors, punctuation marks, introductory constructions, introductory components, introductory words.*

На протяжении нескольких десятилетий проблема вводности остается пристальным объектом внимания ученых. Вопросами толкования и функционирования в языке вводных конструкций занимались такие исследователи, как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Н.Н. Прокопович, Е.М. Галкина-Федорук, Е.В. Падучева, П.А. Лекант, Д.Э. Розенталь и др.

Многие ученые, признавая, что вводные слова не связаны с другими членами предложения ни сочинительной, ни подчинительной связью, относят их к осложняющим элементам. Однако более убедительной считаем позицию А.Ф. Прияткиной, утверждающей: «Конечно, вводно-модальные слова вносят в предложение дополнительные смыслы, но они иного порядка, чем те значения, которые создаются осложняющими членами предложения. Такие слова нельзя включать в ряд осложняющих членов хотя бы потому, что они не являются членами предложения. Они выполняют организующую функцию, определяя позицию говорящего субъекта» [Прияткина, 1990, с. 9]. Таким образом, вводные единицы не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, но обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами, наделяя определенным событийным или оценочным характером.

Высокая частотность использования вводных конструкций в текстах носителей русского языка объясняется их широким семантическим спектром и большим разнообразием выполняемых функций. П.А. Лекант, оперируя термином «вводные компоненты», включающим вводные слова, словосочетания и предложения, предлагает делить данные единицы языка на следующие семантические группы:

«1) **вводно-модальные**, оценивающие достоверность высказывания (*бесспорно, конечно, разумеется, без сомнения, само собой, видимо, кажется, пожалуй, по всей вероятности* и т.п.): *Музей был, конечно, закрыт* (Пауст.) *Сомневаться нельзя было, это пряталась женщина* (Ч.); *На темном небе, казалось, вспыхивали слабые отсветы* (В.);

2) **вводно-эмоциональные**, (к сожалению, к моему великому огорчению, на твоё счастье и т.п.): *Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся* (Т.); *Но на Ильинском омуте не было, к сожалению, ни ветряной, ни водяной мельницы* (Пауст.);

3) **вводно-авторские**, указывающие на источник сообщения (*по-моему, по-твоему, по нашему мнению, по словам брата* и т.п.): *Так обе дамы и остались во взаимном нерасположении, по выражению городского света* (Г.);

4) **вводно-контактные**, обращенные к собеседнику или подчеркивающие внимание к нему, а также характеризующие манеру высказывания (*знаете ли, судите сами, согласитесь; признаться, по правде сказать, сказать попросту* и т.п.): *Еще, признаться, грунт хорош, а то бывает камень* (Тв.); *Однако, знаете, мне стало грустно* (М.Г.);

5) **вводно-обобщительные**, оценивающие степень общности ситуации, названной в высказывании (*бывает, случается, как обычно, как правило, как обычно бывает, как всегда* и т.п.): *Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я – довольно плохо, по обыкновению* (Т.);

6) **вводно-союзные**, выражающие в предложении или тексте отношения перечисления (*во-первых, во-вторых* и т.д., *наконец*); присоединения, добавления (*кстати, правда, впрочем*); противопоставления (*однако, напротив, наоборот*); следствия (*значит, следовательно, стало быть, выходит*); вывода, обобщения, заключения (*итак, вообще, таким образом*): *Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля (выпал снег) <...>* (Пауст.)» [Лекант, 2010, с. 217].

Широкое разнообразие вводных компонентов и их функционально-семантических разновидностей обуславливают высокую степень частности использования вводных конструкций в текстах носителей русского языка, что, в свою очередь, влияет на особенности их пунктуационного оформления.

Пунктуационная норма, касающаяся выделения вводных конструкций, как правило, вызывает трудности у пишущих разного уровня владения языком. Вместе с частым употреблением на письме вводных слов растет и количество совершаемых пунктуационных ошибок, понимаемых нами, вслед за В.Д. Черняк, как «ненормативная постановка или отсутствие знаков препинания, противоречащие установленным правилам» [Черняк, 2012, с. 196].

В методической литературе принято выделение четырех типов пунктуационных ошибок: 1) пропуск знака; 2) лишний знак; 3) замена одного знака другим; 4) постановка знака не на том месте, где он требуется.

С целью выявления наиболее частотных случаев ошибочного выделения на письме вводных конструкций нами был проведен лингвистический эксперимент, участниками которого стали школьники 9–11-х классов, студенты высшего учебного заведения и люди старшей возрастной группы. Всего в эксперименте приняли участие 220 человек. Испытуемым предлагалось расставить недостающие, по их мнению, знаки препинания. В ходе анализа результатов проведенного эксперимента нам удалось выявить основные причины возникновения пунктуационных ошибок, связанных с обособлением вводных компонентов.

1. Неспособность опознать вводные элементы либо невладение общим пунктуационным правилом, в соответствии с которым «вводные слова и сочетания слов выделяются или отделяются запятыми» [Полный академический справочник, 2007, с. 261]. Например: *Что это вы в самом деле себе позволяете надо мной подшучивать!* (здесь и

далее сохранено данное испытуемыми пунктуационное оформление предложений); *Эта схема, а следовательно и весь проект в целом нуждается в проверке; И представьте себе они всё же поставили этот спектакль.*

2. Ошибочное причисление к вводным тех элементов, которые таковыми не являются. Как показал эксперимент, довольно часто в качестве вводных слов воспринимаются союзы и частицы, омонимичные глагольные формы, обороты с предложно-именными сочетаниями, предикативные наречия, а также различные слова и выражения, которые направлены на уточнение места и образа действия. Например: *И в этом, якобы, виноват весь наш «Б» класс; Где победы, там, непременно, найдется место для поражений; Владимир отрекся от язычества, однако, не сразу определился с выбором новой веры.* В данном случае ошибки могут возникать из-за незнания пишущим полного перечня омонимичных конструкций, частиц и т.д., а также в его малой осведомленности о разнообразии их семантики и выполняемых функций. Восполнению подобных знаний будет способствовать усвоение информации, отраженной в § 96 Полного академического справочника. Здесь не только констатируется, что «многие из вводных слов и сочетаний слов могут быть омонимичны членам предложения или союзам. Такие различия (они отражаются на пунктуации) проявляются в контексте» [Полный академический справочник, 2007, с. 265], но и приводится достаточно подробный перечень подобных элементов с соответствующими примерами и комментариями.

3. Неверное определение границ вводного компонента. Например: *По-видимому, опасаясь сильной метели, руководитель группы объявил всем о возвращении в кампус; Что касается платья, которое лучше было бы сшить из другой ткани, например, из шелка, оно так и останется висеть в твоём старом шкафу; Я тоже привыкла записывать свои мысли на чем попало, в частности, на картонных коробках.* Ошибки, допущенные участниками эксперимента, свидетельствуют о несоблюдении ими правила, содержащегося в § 93: «Если вводное слово или вводное сочетание слов стоит в начале или в конце обособленного члена предложения, то оно не отделяется от него знаком препинания, т. е. запятые выделяют член предложения вместе с вводным словом» [Полный академический справочник, 2007, с. 263]. Ошибки могли быть допущены вследствие «механического» применения основного правила, требующего выделения вводного элемента, без необходимого в данном случае учета синтаксической конструкции.

4. Соположение вводного элемента с союзом. Например: *И, действительно, она сразу же очнулась от долгого сна; Они уже полчаса находятся в сильном напряжении, а, значит, легко могут допустить нелепую ошибку; Однако мама, видя, с каким трудом я пыталась спуститься с этой высокой крыши, совсем не ругалась, а наоборот, даже пыталась меня подбодрить.* В таких предложениях верное обособление вводного компонента требует от пишущего знания дополнительных корректирующих правил, изложенных в § 95, в котором сформулировано не только общее положение, соответствии с которым «вводные слова и сочетания слов, находясь рядом с сочинительными союзами, отделяются или не отделяются от них запятыми в зависимости от контекста» [Полный академический справочник, 2007, с. 264], но и его частные рекомендации, среди которых: «Запятая после союза ставится, если союз не включается во вводную конструкцию, соединяя члены предложения или части сложного предложения (вводное слово можно опустить без нарушения структуры предложения) <...> Запятая после союза не ставится, если союз включается во вводную конструкцию, образуя с ней единое сочетание (изъятие вводного слова невозможно) <...> Не отделяются запятой вводные слова от союзов, стоящих в начале предложения» [Полный академический справочник, 2007, с. 264–265]. Причина возникновения подобного рода ошибок, вероятнее всего, заключается в

осложнении основного правила другими, более частными, что создает определенные трудности для их усвоения носителями языка.

В результате проведенного лингвистического эксперимента мы пришли к выводу о том, что проблема постановки знаков препинания при вводных конструкциях по-прежнему актуальна. Большому количеству носителей русского языка свойственно допускать немалое количество пунктуационных ошибок, связанных с выделением на письме вводных компонентов. Причинами возникновения и распространения такого явления могут служить как довольно широкое разнообразие синтаксических позиций вводных слов в структуре предложения, так и ошибочное причисление к вводным омонимичных и неомонимичных им союзов, частиц, обстоятельств и т.д., что, так или иначе, свидетельствует о возможном незнании носителями русского языка тех или иных правил обособления вводных конструкций или же о неполной осведомленности пишущего касательно отдельных частных случаев. Возникновение всех вышеперечисленные причин может послужить следствием нечеткого изложения правил, связанных с выделением вводных компонентов, а также осложнения основного правила большим количеством дополнительных условий, что, в свою очередь, создает определенные сложности при изучении данного аспекта носителями языка.

Литература

1. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
2. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
3. Русский язык и культура речи: учебник для бакалавров / под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Юрайт, 2012. 496 с.
4. Современный русский язык. Словарь-справочник: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта. 3-е изд. М.: Просвещение, 2010. 303 с.

ДВОЕТОЧИЕ ИЛИ ТИРЕ? ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Е.Г. Сидорова, Е.А. Насонова

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению особенностей использования двоеточия и тире в бессоюзном сложном предложении. Описан такой активный процесс в области русской пунктуации, как замена двоеточия на тире в текстах СМИ. Отражены как грамматические, так и эмоционально-семантические функции тире и двоеточия.*

***Abstract.** The article is devoted to identifying the features of using the colon and dash in a non-union complex sentence. Described is such an active process in the field of Russian punctuation, as the replacement of a colon by a dash, in media texts. Reflected both grammatical and emotional-semantic functions of dashes and colons.*

***Ключевые слова:** пунктуация, пунктуационная норма, двоеточие, тире, бессоюзное сложное предложение.*

***Key words:** punctuation, punctuation norm, colon, dash, non-union complex sentence.*

Пунктуация, понимаемая вслед за П.А. Лекантом как «система знаков препинания и правил их употребления» [Современный русский язык, 2010, с. 258], является не только обязательным компонентом при манифестации письменной речи, но и значимым разделом лингвистики. Изучение пунктуации как с точки зрения синхронии, так и диахронии крайне актуально, поскольку в текстах сохраняется неоднозначность употребления знаков препинания и интерпретации правил их постановки.

Тенденции употребления пунктуационных знаков, отходящих от установленных норм, объясняются тем, что язык постоянно развивается. Н.С. Валгина пишет: «Поскольку пунктуация обслуживает постоянно изменяющийся и развивающийся язык, она также изменчива и нестабильна с точки зрения исторической, именно поэтому в каждый период могут происходить изменения в функциях знаков, в условиях их применения <...> Изменения в функционировании знаков происходят постоянно, они отражают жизнь языка, в частности его синтаксической структуры и стилистической системы» [Валгина, 2004, с. 189].

Тексты СМИ призваны самой своей природой не только информировать читателей о чем-либо, но и воздействовать на них, в идеале развивая культурный и интеллектуальный уровень адресатов. Более того, именно в подобных текстах можно заметить основные тенденции в языковых процессах, касающиеся в том числе и изменений в функционировании знаков препинания. А.Ю. Ларионова констатирует, что «СМИ более чем за полвека превратились в источник языковых норм, потеснив русскую литературу. С позиции активных процессов ученые признают за СМИ ведущую роль в развитии современного русского языка» [Ларионова, 2018, с. 10].

Читатели воспринимают информацию, в том числе и постановку пунктуационных знаков, как что-то пунктуационно, синтаксически или стилистически соответствующее нормам русского литературного языка. Однако в некоторых случаях для привлечения внимания, для выделения тем, на которых автор статьи хочет сделать акцент, печатные издания отступают от кодифицированных норм русского языка. Так, активное использование двучленных конструкций, особенно заметное в 60–70-е годы XX века, привело к явному злоупотреблению в использовании двоеточия, функции которого становятся все более расплывчатыми. Характеризуя эту «пунктуационную моду», Н.С. Валгина пишет о том, что «в результате постановки двоеточия без учета его функциональной значимости становится неясной мысль, выраженная в заголовке заметки *Дети – детям: Прага – Ханой*, помещенной в бюллетене «Век XX и мир» (1971. № 11). В заметке под таким заголовком рассказано о солидарности детей, о том, как дети Праги посылали подарки детям Ханоя. Более естественно было бы выразить эту мысль так: *Дети Праги – детям Ханоя*. Кстати, динамичность и броскость от этого не исчезли бы» [Валгина, 2004, с. 118].

Для публицистических текстов второй половины XX в. также характерно употребление двоеточия в двучленной конструкции «именительный падеж – вопросительное предложение»: *Баскетбольная Эллада: какая она?* (Советский спорт, 17.10.1981). Однако такое оформление не выдерживалось; параллельно можно было встретить в таких позициях и иные знаки. Ср.: *Гастролы в Москве. Что они значат?* (Комсомольская правда, 23.07.1971); *Путь новой идеи, как его сделать короче?* (Литературная газета, 01.12.1971); *Массовая литература – новый феномен?* (Литературная газета, 24.03.1971).

Таким образом, еще в 60–70-х годах XX века живой газетный материал настоятельно требовал четких рекомендаций относительно пунктуационного оформления заголовков и подзаголовков статей, наименований рубрик и т.п. Однако подобные рекомендации могут

быть сделаны только на основе обобщений значительного по объему языкового материала, специальных исследований ученых, посвященных возможным изменениям функциональной значимости пунктуационных знаков. Поэтому «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. еще не содержали таких рекомендаций. Представляется весьма важным, что они, пусть не очень подробно, в качестве примечаний, но сформулированы в новой редакции правил [Правила русской орфографии и пунктуации, 2019, с. 262].

Неустойчивость в употреблении тире или двоеточия сохраняется и в современных публицистических текстах. Разъяснительно-пояснительный тип предложения обнаруживается при построении двучленных конструкций, очень распространенных в газетном заголовке, в обозначении рубрик, где двоеточие закрепилось как единственно приемлемый знак.

В текстах СМИ частотно употребление двоеточия в заголовках, в которых вторая часть предложения поясняет сущность первой. В таких заголовках в первой части предложения приведена цитата, а затем раскрытие смысла приведенной цитаты. Рассмотрим это на примерах заголовков статей периодических изданий.

Два пальца в рот не помогают: как спасти себя от отравления (V1.ru, 18.05.2021); *«Господи, убей меня»: из-за суицидов гибнет больше россиян, чем из-за ДТП. Почему никто не может это изменить?* (V1.ru, 22.06.2020); *СК об аресте средств, выплаченных фондами солидарности: «Деньги поступили для финансирования протестов»* (Комсомольская правда, 11.11.2020).

Новое функциональное качество знака здесь – ритмико-эмфатическое. Современная пресса активно использует этот знак, хотя правилами он не предусмотрен. Выбор обусловлен коммуникативной целью пишущего, поскольку при помощи двоеточия достигается определенная краткость и броскость, рекламность, именно поэтому двоеточие можно назвать эмфатическим, т.е. употребленным в выразительных целях.

В настоящее время двоеточие стало употребляться часто не столько как традиционный знак препинания, сколько как условный графический разделитель, «отграничитель», как называет его Н.С. Валгина. Недаром после такого двоеточия вторая часть высказывания нередко оформляется с прописной буквы, т.е. она не воспринимается как продолжение предложения:

Самые стильные мужчины в России 2019: Модник Киркоров, любимец домохозяек Малахов и brutальный Лепс (Комсомольская правда, 13.12.2019); *Россия между Европой и Азией: Какой курс выбрать нашей стране?* (Аргументы и факты, 23.05.2021).

Заголовочные конструкции с двоеточием отвечают требованиям публицистических жанров: броскость, компактность, динамичность. Однако в заголовках такого типа часто встречаются ошибки, связанные с включением в состав предложения прямой речи. Например, в приведенных ниже заголовках нарушены правила постановки знаков препинания при прямой речи.

Мэр Невинномыска высказался о «посадках» на Ставрополье: уже не переживаю (Московский комсомолец, 16.04.2021); *Ставропольцы комментируют сочинение на допуск к ЕГЭ: Совсем шибанулись* (Московский комсомолец, 15.04.2021).

В этих предложениях-заголовках отсутствуют кавычки, не всегда прямая речь после двоеточия маркируется заглавной буквой, но употребление двоеточия при прямой речи зачастую совпадает с пунктуационной нормой.

Важно отметить, что активные процессы в современной русской пунктуации обусловлены законом об асимметричном дуализме языкового знака, который сформулировал

С.О. Карцевский: «знак и значение не покрывают друг друга полностью; знак стремится обладать как можно большим количеством функций (значений), а значение стремится к тому, чтобы выразить себя как можно большим количеством знаков» [Карцевский, 2004, с. 85].

Наиболее заметно эта тенденция проявляется в активном вытеснении двоеточия тире. Впервые ее отметила Н.С. Валгина: «<...> употребительность тире растет. Знак начинает «захватывать» чужие позиции, особенно если они определяются смысловыми показателями. В частности, выявляется тенденция к вытеснению двоеточия знаком тире в тех случаях, когда пояснительно-разъяснительный смысл конструкций очевиден, – смысловые отношения частей предложения проявляются на лексическом уровне, лежат на поверхности» [Валгина, 2004, с. 121]. С Н.С. Валгиной солидарна Н.Л. Шубина, по ее словам, тире «становится в настоящее время универсальным пунктуационным знаком, если не знает пишущий, какой знак поставить, то ставит тире» [Шубина, 2006, с. 5].

Отмеченная Н.С. Валгиной еще в 1994 году тенденция актуальна и в современности, что можно наблюдать на примере текстов современных СМИ.

В соответствии с § 129 п. 2 «Правил русской орфографии и пунктуации» ставится двоеточие, «если вторая часть бессоюзного сложного предложения имеет значение причины, обоснования, что проверяется возможностью подстановки союзов *так как, потому что*» [Правила русской орфографии и пунктуации, 2019, с. 261]. Однако на практике даже в отдельно взятом выпуске газеты нередко можно встретить противоречивые с точки зрения пунктуации способы оформления таких синтаксических конструкций. Ср.: *Кстати, напомним, что на рынке нет даже собственной службы безопасности: бойцы отказались работать из-за хронических невыплат зарплаты хозяевами* (День за днем, № 249, 2004) – *Ни о каком развитии, ни о каких назревших переменах, ни о каком прорыве в такой ситуации говорить не приходится – руки у мэра связаны* (День за днем, № 249, 2004).

Замена двоеточия тире между частями бессоюзного сложного предложения при обозначении причины во второй части в публицистических текстах последних лет фиксируется все чаще, например: *Но основная часть населения не решила покинуть родные жилища – люди боятся мародерства* (Комсомольская правда, 04.03.2008); *Спустя восьмичасовой марафон из двух смывок и покраски я вышла из салона красивой блондинкой, но через два дня проснулась с желтыми волосами – рыжий начал проступать* (V1.ru, 01.04.2020); *Летом про Яника все забывали – он исчезал и кормился лесными дарами: цветы, ягоды, грибы – все это продавал по дешевке, на водку хватало, потом опять шел в лес <...>* (Невское время, 20.03.2020); *В отделении меня встретили как родную, но с печалью – плохо, когда пациент возвращается всего через три года после выписки* (29.ru., 22.03.2021).

Частотно также использование тире, несмотря на то что в соответствии с § 129 п. 1 «Правил русской орфографии и пунктуации» рекомендуется постановка двоеточия, «если вторая часть бессоюзного предложения поясняет то, о чем говорится в первой части; в таких случаях возможна подстановка слов *а именно*» [Правила русской орфографии и пунктуации, 2019, с. 260]: *Более острая проблема сейчас в другом – за последнее время у нас много артистов заболело* (Вечерний Волгоград, 13.04.2004); *Силовые нагрузки работают по-другому – процесс жиросжигания продолжается в течение 36 часов после тренировки* (V1.ru, 16.09.2019).

Порой в текстах СМИ мы можем заметить не только замену двоеточия на тире, но и избыточность тире, которую можно обосновать лишь желанием автора привлечь внимание читателей на подобную структуру предложения, интонационно выделить ту или иную часть.

Ниже приведены примеры «избыточности» тире в текстах СМИ, идущие вразрез с пунктуационной нормой:

И – надо было обязательно спастись, если – какая беда (Комсомольская правда, 25.09.2021); *Это, вообще, очень долгая история. Она с детства связана – с моей фамилией, с родителями и прочее* (Комсомольская правда, 23.09.2021); *И вот вы начинаете убеждать проводника, что неточность в билете это – ерунда. Ведь имя – верное, данные документов – верные, а дурацкую строчку «муж / жен» вы заполнили неправильно из-за спешки или данные перепутал кассир на вокзале* (V1.ru, 24.09.2021).

На преобладание тире в текстах СМИ обратили внимание и сами журналисты. К.Д. Туркова в статье «Общение в сети: что случилось с пунктуацией?» пишет: «Настоящий кризис переживает и двоеточие. Под натиском нахрапистого тире, которое буквально расталкивает части предложения локтями, скромное двоеточие теряется, прячется, отходит даже не на второй – на десятый план (вот видите, опять тире, хотя именно тут оно как раз уместно). Двоеточие – умный, размышляющий знак: обычно оно предшествует объяснению, аргументу. Вероятно, чем меньше действуют аргументы (эпоха постправды!), тем меньше места остается двоеточию с его аналитикой. Тире оказывается куда более востребованным: быстрая смена событий, результат, противопоставление, конфликт. Для размышлений времени нет» [Туркова, 2009].

Двоеточие на письме, как и тире, свидетельствует об интонационной паузе, но она несколько иного свойства, чем пауза тире. Условно ее можно было бы назвать рефлексивной паузой: говорящий / пишущий остановился, «притормозил», чтобы объяснить причины сообщаемого, подобрать более подходящие слова, уточнить, что он имел в виду. Двоеточие воспринимается читателем как знак более логичный, что связано с его функцией как знака препинания. Двоеточие побуждает автора приводить аргументы, искать мотивы поступков и действий. Тире же в бессоюзном предложении – знак эмоциональной паузы. Как справедливо отмечает А.Ф. Прияткина, «пишущие испытывают потребность в использовании знака препинания как способа передачи оттенков смыслов высказываний, их эмоционально-экспрессивного содержания, отражения иллокутивных сил: они ждут помощи от пунктуации именно потому, что это речь письменная, то есть лишенная одного из своих синтаксических компонентов, а именно – интонации. Пишущие стихийно ищут эквивалента смыслоразличительной интонации» [Прияткина, 2007, с. 376].

Подводя итог сказанному, следует выделить основные, на наш взгляд, причины нарушений пунктуационной нормы:

- 1) недостаточно эффективное преподавание пунктуации в школе;
- 2) использование многими справочниками по пунктуации расплывчатых понятий «авторская пунктуация», «нерегламентированная пунктуация», «факультативные знаки препинания», «вариативность знаков препинания»;
- 3) желание репрезентировать в тексте языковую личность автора посредством выбора знака препинания подходящей семантики, даже вразрез регламентированным правилам их употребления. В частности, выбор тире вместо двоеточия может быть обусловлен его эмоционально-экспрессивной функцией, столь востребованной в текстах СМИ.

Вот что пишет об этом Д.Э. Розенталь: «В «конкурентной борьбе» двоеточия с тире «победителем» нередко выходит тире. Это явление отмечается многими исследователями, которые считают, что «в целом тире – знак более свободный, заходящий и во владения двоеточия» и что «выявляется тенденция к вытеснению в ряде случаев двоеточия знаком

тире». Объяснить это можно особым статусом тире среди других знаков препинания: в настоящее время тире очень употребительный и многофункциональный знак препинания. Он выполняет как грамматические (чисто синтаксические), так и эмоционально-экспрессивные функции» [Розенталь, 2019, с. 345].

Как показал анализ языкового материала, функции двоеточия сужаются, все чаще вместо него пишущие предпочитают использовать другие знаки, прежде всего тире. Преодоление «пунктуационного разнобоя» – крайне важная задача, которая, по нашему мнению, должна решаться введением достаточно жесткого регламента употребления пунктуационных знаков, отражающих их релевантные для современных носителей языка функции. Пунктуационная норма должна быть более обязательной, а возможная вариативность при пунктуационном оформлении текстов может «составлять лишь очень небольшую часть, находящуюся на периферии современной русской пунктуации» [Сидорова, 2001, с. 163].

Литература

1. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.
2. Карцевский С.И. Из лингвистического наследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. 341 с.
3. Ларионова А.Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 200 с.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 432 с.
5. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.
6. Розенталь Д.Э. Русский язык. Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. М.: Эксмо, 2019. 704 с.
7. Сидорова Е.Г. Лингвистические основания современной русской пунктуации (на материале сравнительных конструкций с союзом *как*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2001. № 1. С. 161–163.
8. Современный русский язык. Словарь-справочник / под ред. П.А. Леканта. М.: Просвещение, 2010. 303 с.
9. Туркова К.Д. Общение в сети: что случилось с пунктуацией? // Правмир. 2009. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/obshhenie-v-seti-cto-sluchilos-s-punktuatsiey/>
10. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. СПб.: Academia, 2006. 256 с.

ПРЕПОДАВАНИЕ СИНТАКСИСА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ СКАЗУЕМОГО И ПРАКТИКА ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ

И.А. Астафьева

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

***Аннотация.** Автор описывает основные точки зрения на сказуемое в современном синтаксисе, дает обзор вузовских учебников по теме, описывает различные классификации сказуемых. Уделяется внимание возможным трудностям в обучении, связанным с освоением грамматического строя языка.*

***Abstract.** The author describes the major viewpoints on the predicate in the context of modern Russian syntax. The author reviews college textbooks about predicate as well as different classifications of it. The authors pays attention to the possible difficulties during the studying Russian grammar.*

***Ключевые слова:** синтаксис, сказуемое, типология сказуемого, трудности в изучении сказуемого.*

***Key words:** syntax, predicate, classification of predicate, difficulties of studying.*

Сказуемое как синтаксическое понятие находится в центре изучения синтаксиса русского предложения, развивает представления о грамматической системе языка в целом, однако зачастую воспринимается как традиционное, «хрестоматийное» понятие в школьной и вузовской программе. Несмотря на аксиоматичность многих теоретических положений, в типологии сказуемого остаются спорные вопросы и неоднозначные трактовки, вызывающие трудности в обучении. Природа многих синтаксических явлений, в том числе и сказуемого, порождает проблемные ситуации и для учащихся, и для учителей.

В качестве иллюстрации приведем ситуацию, возникшую в группе одной из социальных сетей. Один из членов группы обратился к коллегам за помощью – разобраться с грамматической основой первой части предложения «Спокойная, размеренная жизнь имеет еще и ту особенность, что развивает крайнюю, чрезмерную тонкость чувств <...>» (это фрагмент сложного предложения из задания на пунктуационный анализ – из материалов ОГЭ). Обсуждение вопроса вылилось в достаточно бурную дискуссию. Примем во внимание, что участниками группы являются учителя-словесники и преподаватели вузов, так что спор велся не между дилетантами. Решался вопрос, что включать в состав сказуемого – «имеет» или «имеет особенность», а также вопрос о типе сказуемого – глагольное или именное. Основные точки зрения сводились к следующим: 1) Грамматическая основа «жизнь имеет», слово «особенность» – прямое дополнение; 2) Грамматическая основа «жизнь имеет особенность» = «жизнь особенная», сказуемое именное; 3) Грамматическая основа «жизнь имеет особенность», сказуемое состоит из двух слов, но является простым глагольным. Не случайно, один из участников дискуссии поделился впечатлением, что все опираются на разные толкования понятия сказуемого. И еще одним участником даже была высказана мысль о «языковом» сказуемом «имеет» и «речевом» сказуемом «имеет особенность» (попытка затронуть прагматический аспект).

Обзор вузовских учебников позволяет выделить те общепризнанные положения в трактовке сказуемого как главного члена двусоставного предложения, которые можно считать базовыми. К таким базовым положениям можно отнести следующие: сказуемое – «структурно-семантический компонент предложения», «содержит модально-временную

характеристику предмета речи (мысли)» [Бабайцева, Максимов, 1981, с. 83], сказуемое «выражает предикативный признак, приписываемый подлежащему, и обозначает формальными средствами грамматические значения наклонения и времени» [Лекант, 2010, с. 73], «семантическим ядром сказуемого является обозначение действия или признака в широком смысле» [Валгина, 1991, с. 102]. Существуют положения, по которым разногласия авторов вузовских учебников очевидны: встречаются различные интерпретации понятий «сложное сказуемое» и «смешанное сказуемое». Например, сложное сказуемое объясняется как «осложненное простое или (чаще) составное сказуемое» [Бабайцева, Максимов, 1981, с. 90] или как «сказуемые, состоящие более чем из двух компонентов», «представляют собой модификации более простых типов сказуемых, возникающие как результат необходимости более полно охарактеризовать основной признак, выражаемый смысловым компонентом», «классифицировать сложные сказуемые на именные и глагольные нецелесообразно» [Ильенко, 2009, с. 103–104]. «Специфика смешанного сказуемого заключается в том, что второй компонент (инфинитив) представляет собой глагол-связку, при котором есть именная часть, выраженная прилагательным в форме творительного падежа (*казаться веселой*). Лексическая неполнозначность инфинитива в предложениях типа *Она старалась казаться веселой* приводит к структурной контаминации двух типов сказуемого: составного глагольного и составного именного (*старалась казаться и казаться веселой*). По этой схеме строятся и другие сказуемые смешанного типа: *боялся казаться невежливым, хотел стать врачом, мог быть полезным и т.п.*» [Синтаксис современного русского языка..., 2009, с. 96–97].

Предложенная П.А. Лекантом типология сказуемого, основанная на «соотношении грамматического и вещественного значений сказуемого в слове или словосочетании, выполняющем функцию сказуемого» [Лекант, 1976, с. 17] представляется нам достаточно полной и последовательной. По мнению автора, «типы сказуемого, которые выделяются на основе этого критерия имеют наиболее общий характер и являются основными. При такой классификации мы отвлекаемся от частных особенностей сказуемого, связанными со способами выражения вещественного и грамматического значений (в частности, различных элементов этого значения)» [Там же]. Данная типология не противоречит традиционно выделяемым простому глагольному, составному глагольному и составному именному сказуемому. Кроме того, выделяются осложнённые формы сказуемого с учётом способов осложнения и тех значений, которые приобретает сказуемое в связи с осложнением. В эту классификацию вписывается все семантико-стилистическое разнообразие и богатство сказуемых. Ср., например, конструкции с простым глагольным сказуемым и простым глагольным осложнённым сказуемым: *Он предложил гостям чаю. Он сделал предложение изменить проект застройки микрорайона. – Вот тебе и сделал предложение!* Составное глагольное сказуемое совпадает с традиционными примерами типа *Он перестал спать, Ты не умеешь читать*; конструкции типа *Старик был мастер сказки сказывать* (Бажов). *Ты не имеешь права продолжать настаивать на своих взглядах* (Вересаев). *Зойкины дети могли захотеть учиться играть* (Панова) характеризуются как составное глагольное осложнённое сказуемое. Составное именное сказуемое соотносится с традиционными моделями типа *Обломов был не в своей тарелке* (Гончаров). *Вода представляет собой стекло* (Бродский). *Я ушел оглушенный* (Паустовский). *Колпаков был один из самых богатых золотопромышленников* (Мамин-Сибиряк), а к составному именному осложнённому относят модели типа *Она не желала казаться грустной в эти дни. Он рад был быть добрым*.

Признание этой типологии получило отражение в научной и учебной литературе. Например, в учебном пособии Г.И. Кустовой находим следование этой трактовке в описании осложнённых форм составного глагольного и составного именного сказуемых, которые «образуются за счет увеличения числа элементов вспомогательной части, выражающих различные модальные значения» [Кустова, 2007, с. 73]. Находим совпадение основных позиций в описании типологии сказуемого в учебнике под редакцией С.М. Колесниковой [Современный русский язык. В 3 т., 2016].

Надо признать, что типология сказуемого по П.А. Леканту вполне коррелирует с понятием «деривационной парадигмы структурной схемы предложения» по В.А. Белошапковой [Современный русский язык, 2011], в частности, с «регулярными реализациями структурных схем», которые ведут к изменению смысла (фазовая регулярная реализация, модальная регулярная реализация и т.п.).

Как показывает анализ содержания современных школьных учебников разных авторов, материал о сказуемых, представленный в большей части изданий, выдержан в рамках синтаксической традиции и в основном соотносится с точкой зрения П.А. Леканта.

Особо, на наш взгляд, следует отметить точку зрения, представленную в учебнике русского языка под редакцией М.В. Панова [Русский язык. 8 кл., 2008]. К составному авторы учебника относят только именное сказуемое (*Мой дед был плотник. Мой отец – плотник. Эта книга интересная*). Формы типа *начал работать, хочу развлекаться*, традиционно относимые к составному глагольному сказуемому, авторы учебника таковыми не считают, объясняя это тем, что «отношение между предикативной формой глагола и инфинитивом такое же, как между сказуемым и второстепенным членом предложения» (предлагается сравнить: *начал работать и начал работу, хочу развлекаться и хочу развлечения*, где форма существительного в винительном падеже выступает в качестве дополнения, после чего делается вывод о том, что инфинитив, являясь дополнением, распространяет простое глагольное сказуемое).

Проблема не только в том, что указанная точка зрения явно не соотносится с синтаксической традицией. В данной трактовке сказуемого абсолютно не учитывается его грамматическая природа – обозначение предикативного признака в широком смысле. Глаголы типа *(не) хотел, (не) мог, начал* и им подобные не называют предикативный признак в полной мере, обозначая лишь его модальную или аспектуальную характеристику. И наконец, как быть со сказуемыми типа *хочу петь – ср.: хочу пения(?)*, *могу учиться – ср.: могу учения(?)*. Очевидно, предлагаемые в учебнике соответствия между инфинитивом и существительным-дополнением являются далеко не регулярными, так что вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения.

Различия в подходах и трактовках, вполне естественные для науки, тесно связаны с практикой обучения синтаксису, особенно в вузе. На примере многообразия точек зрения по поводу типологии сказуемого попробуем сформулировать положения, наиболее важные, на наш взгляд, для профессионального филологического (и педагогического) образования.

Во-первых, знакомство студентов с разными точками зрения на то или иное синтаксическое явление позволяет сформировать у студентов представления о научной мысли как многоаспектном, многогранном знании. Неоднозначность решения какой-то проблемы довольно часто является «интеллектуальной нормой», тем, что изменяет и развивает научные исследования. И способность анализировать разные концепции характеризует степень квалификации специалиста.

Во-вторых, материал, касающийся типологии сказуемого, иллюстрирует не только многообразие научных позиций. Это еще и яркая иллюстрация того, как синтаксис в своем развитии двигался от структуры к семантике, ведь многие современные трактовки синтаксических явлений, традиционно рассматриваемые в рамках структурного аспекта (в том числе сказуемое), не лишены семантического компонента. Возьмем, к примеру, рассматриваемые в данной статье типы сказуемых. Говоря о способах выражения простого глагольного сказуемого, некоторые авторы вузовских учебников упоминают только глагольные формы (спрягаемый глагол в различных наклонениях и временах) или очень осторожно упоминают о других возможных формах, например: «К простым сказуемым тяготеют устойчивые глагольные сочетания, семантически близкие к однословному глагольному сказуемому, типа *испытывал тревогу* («тревожился»), *принимала участие* («участвовала»), *вышел из строя* («испортился, сломался, износился»), *находился в недоумении* («недоумевал») и т.д.» [Скобликова, 2009, с. 106] Между тем у П.А. Леканта обоснование таких конструкций в качестве способа выражения простого глагольного сказуемого (и далее как возможного вспомогательного компонента составного сказуемого) выражается термином «неспециализированные формы» и сопряжено с семантикой. К неспециализированным формам П.А. Лекант относит не только глагольные фразеологизмы, но и глагольно-именные обороты – «аналитические сочетания глаголов ослабленного лексического значения с отвлеченными существительными (типа *принять решение, оказать помощь, произвести перестановку*)» [Лекант, 1976, с. 43]. Семантическая целостность глагольно-именных оборотов связывается с «десемантизацией» глагола, из чего следует, что «описательные глагольно-именные обороты обнаруживают черты аналитизма не только в своей семантической структуре, но и в синтаксическом использовании» [Там же, с. 44]. Здесь, кстати, при изучении сказуемого актуализируются знания студентов о синтаксисе словосочетания и тянется нить к вопросу о второстепенных членах предложения в его традиционной и нетрадиционной трактовке: возникает вопрос о синтаксическом статусе словоформы, распространяющей глагольно-именной оборот (Ср. *Я пришел в бешенство – Я пришел в неопишное бешенство*). Рассматривая вместе со студентами различные классификации, мы должны формировать понимание: насколько важно то, в рамках какой классификации рассматривается то или иное языковое явление, в какой «системе координат» находится ученый (а в вузовской и школьной практике – преподаватель и учитель).

Возвращаясь к примеру *жизнь имеет особенность*, можем расставить акценты: а какой подход использовать – строго структурный или структурно-семантический? Какая классификация сказуемого известна вашим ученикам? А знают ли они о глагольно-именных оборотах и синтаксически связанных словосочетаниях и что именно знают? А может быть у данной задачи не одно решение? Если посмотреть на аргументы участников дискуссии, то у одних явно преобладает структурный подход, хотя они считают идентичными по **смыслу** конструкции: 1) *У жизни есть особенность* и 2) *Жизнь имеет особенность*. В этом случае рассматривается изменение синтаксической позиции подлежащего (*особенность есть* (1) – на прямое дополнение *имеет особенность* (2)). И многозначность глагола *иметь* (и тем более возможность его десемантизации) не принимается во внимание. И в школьной грамматике такой подход, пожалуй, допустим. Между тем в толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой указано 3 значения глагола *иметь* (два из них, важных для данного комментария, приведем: 1) «обладать, располагать, владеть кем-чем-н., 2) в сочетании с существительным обозначает действие в соответствии со значением данного

существительного *И. применение* (применяться). *И. значение* (значить)» [Ожегов, Шведова, 2004, с. 244]. В связи с этим правильной может быть и точка зрения, согласно которой *имеет особенность* рассматривается как простое глагольное сказуемое, выраженное глагольно-именным оборотом. Но, на наш взгляд, не правы те, кто рассматривает эту конструкцию как составное именное сказуемое: «*жизнь имеет особенность*» ≠ «*жизнь особенная*», здесь есть смысловая близость, синтаксическая синонимия, но по структуре это разные сказуемые. Есть еще одно «но»: рассматриваемая конструкция – часть сложного предложения, в котором реализована присловная подчинительная связь, но как можно охарактеризовать придаточное – как присубстантивное (есть распространитель *ту*, который в структуре сложного предложения можно считать antecedентом?), или как изъяснительное, или здесь нетипично оформлена корреляционная связь (с местоименно-соотносительной парой *ту, что*)? Опять нет однозначного ответа? Во всяком случае поиск ответов должен учитывать разные классификации или аспекты. И если в вузе это приемлемо – поставить вопрос, на который нет однозначного ответа, порассуждать, то насколько это оправдано в рамках школьного синтаксиса, тем более в экзаменационном материале?

Здесь уместно привести слова В.А. Белошапковой: «Традиционное деление членов предложения на главные и второстепенные предполагает высокий уровень грамматической абстракции» [Современный русский язык, 2011, с. 610]. Во-первых, «необходимо отвлечься от коммуникативной организации предложения, связанной с речевой ситуацией», «более важным в коммуникативном аспекте может быть любой член предложения, значение которого соответствует коммуникативному заданию». «Во-вторых, необходимо отвлечься от всех фактов, связанных со смысловой организацией предложения. Выделение главных членов в традиционных границах игнорирует тот факт, что не при любом лексическом заполнении подлежащего и сказуемого может образоваться реальное нераспространенное предложение. Ср. невозможность или крайнюю затрудненность употребления в речи предложений типа «*Он поступил*», «*Он лишился*», «*Он очутился*», «*Квартира стоит*» [Современный русский язык, 2011, с. 611].

Мы затронули лишь небольшую часть тех вопросов, которые возникают при изучении сказуемого в вузе и школе. Трудности могут быть связаны с объемом главных членов, их границами: *Зеленый цвет – это цвет жизни. Смотреть на жену означало смотреть правде в глаза* (Крупин). Требуют внимания конструкции типа *Защита населения – функция полиции, Наша цель – олимпийское золото*, а также предложения с инверсированным порядком компонентов грамматического и актуального членения: *Занимательное дело – учеба*. Неоднозначно могут трактоваться конструкции с препозитивным инфинитивом: *Учиться было трудно*.

Если говорить о приоритете коммуникативной грамотности, об умении выпускника средней школы общаться в разнообразных речевых ситуациях, то ограничение объема и сложности теоретических положений в современных школьных учебниках выглядит вполне оправданно. В то же время осмысление грамматического устройства языка не менее важно для интеллектуального развития учащихся, поэтому требует огромного профессионального мастерства от учителя, призванного помочь учащимся осознать и целесообразно использовать стилистическое богатство синтаксических средств русского языка. Что же касается вузовского обучения, то теоретическая подготовка в области грамматики по-прежнему остается важнейшим компонентом в профессиональной подготовке будущего учителя-словесника.

Литература

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1991. 432 с.
3. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / отв. ред. М.Я. Дымарский. СПб. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 398 с.
4. Кустова Г.И. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Г.И. Кустова, К.И. Мишина, В.Ф. Федосеев. 2-е изд, испр., М.: Издательский центр «Академия», 2007. 256 с.
5. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.
6. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. Учеб. пособ. для студ. филологич. специальностей пед. ин-тов. М.: Высш. шк., 1976. 141 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.
8. Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. 346 с.
9. Современный русский язык / В.А. Белошапкова [и др.]; ред. В.А. Белошапкова. М.: Альянс, 2011. 926 с.
10. Современный русский язык. В 3 т. Т. 3. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / С.М. Колесникова, Н.А. Николина, В.А. Лаврентьев [и др.]; под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2016. 241 с.
11. Русский язык. 8 класс: Учебник для общеобр. учр. / М.В. Панов, С.М. Кузьмина, Л.Н. Булатова, Н.Е. Ильина; под ред. М.В. Панова. М.: ООО «ТИД «Русское слово–РС», 2008. 272 с.

ЯВЛЕНИЯ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО КУРСА РКИ

О.К. Грекова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

***Аннотация.** В статье представлены, с одной стороны, смыслы и отношения, выражаемые в русском языке параллельно структурами простого и сложного предложения (числом 13), а с другой стороны – те, которые выражаются только структурой простого предложения (числом 7). Выдвигается объяснительная модель второго синтаксического явления, имеющая логическую основу и базирующаяся на типе суждения, а именно так называемого простого суждения.*

***Abstract.** The paper deals with senses and relations expressed on the one hand via Simple and Complex Sentence in parallel (13 items) and on the other hand via Simple Sentence only (7 items). What is being put forward is the explanatory model of the second Syntax phenomenon, based on the Logical Pattern of so called Simple Statement.*

***Ключевые слова:** простое и сложное предложение, симметрия и асимметрия, логическая основа, простое суждение, русский язык как иностранный (РКИ).*

***Key words:** Simple and Complex Sentence, symmetry and asymmetry, logical basis, Simple Statement, Russian as a Foreign Language.*

Изучение проблемы корреляции простого и сложного предложения русского языка имеет давнюю традицию, восходящую к трудам А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой, Т.П. Ломтева, М.И. Черемисиной, Т.А. Колосовой, С.А. Шуваловой и др. Одним из аспектов этого направления является проблема возможности синонимического выражения смыслов и отношений средствами простого и сложного предложения.

I. Симметрия типов предложений в синтаксическом курсе РКИ

В современном преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения простое предложение вводится в обиход иностранных учащихся в отношениях симметрии с предложением сложным. Таким образом представлены в курсах РКИ отношения простого и сложного предложения в русском синтаксисе в традициях ряда вузов РФ, в частности, МГУ им. М.В. Ломоносова. Приведем в пример «Сборник упражнений по синтаксису» под ред. Н.А. Лобановой 1959 г., «Книгу о грамматике» в 2-х томах издательства Московского университета, 2004 г. и последующих лет, «Синтаксис современного русского языка. Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения» (под ред. А.В. Величко). СПб., Златоуст, 2015 г. Такой подход позволяет интенсифицировать процесс усвоения иностранными учащимися синтаксических знаний, выработки умений использовать структуры простого и сложного предложения параллельно для выражения определённых смыслов и отношений.

Иными словами, синтаксические курсы РКИ в значительной мере задействуют те значения, которые выражаются и простым, и сложным предложением (хотя, разумеется, не только ими).

Классический их перечень (см., например, в [Бабалова, Булгакова, Величко, Грекова и др., 2015]) выглядит следующим образом:

– выражение определительных отношений (*Архаизм – это слово, вышедшее из употребления и воспринимаемое как устарелое. Архаизм – это слово, которое вышло из употребления и воспринимается как устарелое*);

– выражение изъяснительных отношений (*Автор подчеркнул наличие связи между литературным английским языком и другими разновидностями языка. – Автор подчеркнул, что существует связь между литературным английским языком и другими разновидностями языка*);

– выражение временных отношений (*Размышляя о романе «Война и мир», Л. Толстой много внимания уделял историческому фону произведения. – Когда Л. Толстой размышлял о романе «Война и мир», он много внимания уделял историческому фону произведения*);

– выражение причинно-следственных отношений (*Из-за плохого владения грамматикой учащийся не смог выразить мысль точно. – Из-за того, что учащийся плохо владеет грамматикой, он не смог выразить мысль точно. Термин дискурс вследствие многозначности нуждается в авторской дефиниции. – Термин дискурс многозначен, поэтому нуждается в авторской дефиниции*);

– выражение условных отношений (*При превращении многозначного слова в термин его значение ограничивается. – Если слово превращается в термин, то его значение ограничивается*);

– выражение целевых отношений (*Во избежание тавтологии эту мысль следует выразить иначе. – Чтобы избежать тавтологии, эту мысль следует выразить иначе*);

– выражение уступительных отношений (*Несмотря на интересный материал, статья не соответствует тематике сборника. – Хотя материал статьи интересен, она не соответствует тематике сборника*);

– выражение сопоставительных отношений (*Метафора, в отличие от метонимии, основана на сходстве двух предметов. – Метафора отличается от метонимии тем, что основана на сходстве двух предметов*);

– выражение отношений дополнения (*В диссертации в качестве свидетельства современности работы представлены расшифрованные аудиозаписи современной разговорной речи. – В диссертации представлены расшифрованные аудиозаписи современной разговорной речи, что свидетельствует о современности работы*);

– выражение соединительных отношений (*Непонятна и ограниченность статьи сферой лексики, и её столь специфичный материал. – Непонятно и почему статья ограничена сферой лексики, и почему её материал столь специфичен*);

– выражение разделительных отношений (*Статья не понравилась редактору или из-за спорности проблемы, или из-за неверной постановки вопроса – Статья не понравилась редактору: возможно, проблема спорна, возможно, вопрос поставлен неверно*);

– выражение градационных отношений (*Тенденция заключается не только в усилении энтропии, но и в её скачкообразном развитии. – Тенденция заключается не только в том, что энтропия усиливается, но и в том, что она развивается скачкообразно*);

– выражение пояснительных отношений (*Идеи этих рассказов были выстраданными, то есть пережитыми автором лично. – Идеи этих рассказов были автором выстраданы, то есть пережиты им лично*).

Во всех разделах, названных выше, и других используемых ныне в разных государственных университетах РФ учебных пособиях по синтаксису РКИ представлены трансформации простого полипропозитивного предложения в сложное. В простом предложении часто присутствуют свернутые пропозиции (как, например, в предложениях: а) *Из-за малого объема словаря не все значения многозначных слов в нем зафиксированы.* б) *При таком подходе к материалу классификация будет более полной.* в) *Ради сокращения объёма диссертации часть материала можно вынести в приложение*). Термин пропозиция, как и другие аналогичные, не фигурирует в функциональном курсе, но если в ходе практических занятий преподаватель берет за правило разворачивать свернутые пропозиции (например, таким образом: а) *Из-за того, что объем словаря невелик, не все значения многозначных слов в нем зафиксированы.* б) *Если подойти к материалу таким образом, классификация будет более полной.* в) *Ради того, чтобы сократить объём диссертации, часть данных можно вынести в приложение*), поясняя процедуру трансформации и взаимоотношения актантов, и прослеживать виды синтаксической связи внутри предложения, то это делает обучение более осознанным и предупреждает появление целого ряда ошибок.

II. Асимметрия типов предложений в синтаксическом курсе РКИ

Но в последние годы разработка кафедрой РКИ филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова такого функционального стиля русского языка, как научная речь, привела к осознанию того, что не все смыслы поддаются подобному двойному выражению и отношения простого и сложного предложения в названной области изучены не вполне. Так, было обнаружено, что только средствами простого предложения выражаются следующие 7 смыслов:

- 1) номинация (*Он преподаватель фонетики и интонации*);
- 2) обозначение наличия предмета или явления, процесса в некоторой области (*В каждой отрасли знаний имеется своя терминология*);
- 3) обозначение отличительного признака предмета (*Для русского ударения характерна подвижность*);
- 4) обозначение квалификации (*Ударение служит дополнительным средством различения слов и форм слов*);
- 5) обозначение партитивности, или состава предмета (*Морфема состоит из фонем*);
- 6) обозначение классификации (*Согласные в русском языке классифицируются по месту и способу образования*);
- 7) обозначение иерархии (*Приём находится на низшей ступени в иерархии базисных категорий методики преподавания*).

Данные смыслы не поддаются выражению средствами сложного предложения. Намерение объяснить это явление привело преподавателей кафедры РКИ филологического факультета МГУ к необходимости иной типологизации русского простого предложения, то есть классификации простых предложений, выстроенной на логической основе, другими словами, на основе типа суждения.

Познавая объективный мир, человек (и особенно исследователь) ставит перед собой цель обнаружить связи и отношения между предметами и их признаками. Эти связи и отношения отражаются в мышлении в форме суждений, представляющих собой связь понятий. Роль суждений в процессе познания является ключевой, так как всякое знание обретает форму суждения.

Разные направления философии языка (начиная с Аристотеля, Б. Рассела, А. Тарского, кончая, скажем, Е.В. Падучевой и Н.Д. Арутюновой, хотя мы не исчерпали всего списка) разграничивают простое и сложное суждение. Исходной точкой для нас послужило понимание простого суждения как такого, которое выражает связь двух понятий, касающихся одного предмета, и не включает других суждений [Малахов, 2001, с. 44]. Например, простое суждение *Декан – выпускник МГУ* связывает два понятия (декан и выпускник МГУ), имея дело с одним предметом рассуждения. Н.Д. Арутюнова, выделяя в структуре мысли два традиционных логических компонента – субъект и предикат – устанавливает виды отношений между ними и на их основе выделяет 4 типа логических отношений:

- 1) логические отношения бытийности, присущие, соответственно, суждениям бытийности, где утверждается наличие/отсутствие в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками (*Только в мире и есть, что тенистый / Дремлющих кленов шатер. / Только в мире и есть, что лучистый / Детски задумчивый взор* (А. Фет));
- 2) логические отношения идентификации (тождества), присущие суждениям тождества (субъект и предикат тождественны: *Ах, витязь, то была Наина* (А. Пушкин));
- 3) логические отношения номинации, присущие суждениям номинации, где предикат выражает название субъекта (*Этот цветок называется ландыш*);
- 4) логические отношения характеристики, присущие суждениям характеристики, когда предикат выражает любой признак (статический или динамический) субъекта (*Шаляпин – это талант*) [Арутюнова, 1976].

Эти представления легли в основу учебного пособия «Коммуникативный синтаксис русского языка для иностранных магистрантов-лингвистов» [Баландина, Грекова, Киржанова и др., 2017]. Материалы изложены в первом концентре книги.

Для языка специальности «Филология. Лингвистика», ставшего в первую очередь объектом изучения преподавателей кафедры, оказались типичными:

1) простые суждения экзистенциальные (они представлены в главе II «Обозначение наличия предмета/явления /процесса в некоторой области»);

2) простые суждения номинации (они представлены в главе I «Обозначение номинации»);

3) простые суждения атрибутивные (они представлены в главах III «Обозначение отличительного признака предмета» и IV «Обозначение квалификации»);

4) простые суждения релятивные (они представлены в главах V «Обозначение паритивности», VI «Обозначение классификации» и VII «Обозначение иерархии»).

Мы видим, что некоторые типы суждений связаны не исключительно с одним смыслом, а с несколькими.

Итак, в названном учебном пособии для иностранных учащихся представлено употребление в научной речи семи семантических типов предложений, выделенных на основании вида суждения.

Таким образом, типологизация русских простых предложений по виду суждения легла в основу объяснительной модели доминирования простого предложения как средства выражения названных смыслов и отношений.

III. Коммуникативно релевантные аспекты предъявления русского предложения в иностранной аудитории.

В последние несколько лет на вступительных экзаменах иностранных учащихся в магистратуру некоторых вузов учащимся предлагается реализовать определённые интенции говорящего, например, интенцию инициации диалога. И это задание в большинстве случаев касается ситуаций множественного деятеля.

Эти задания предъявляются учащимся в форме устного микротекста.

[I] У вашей племянницы двенадцати лет день рождения. Попросите совета у друга: какой подарок для неё выбрать.

[II] Ваш друг собирается в горы покататься на лыжах. А вы с друзьями были там в прошлом году. Дайте ему советы по поводу этой поездки.

[III] Мама попросила вас купить на рынке самые сладкие фрукты к приходу гостей. Попросите совета у продавца, какие фрукты лучше выбрать.

Как показывает практика, подобные задания не вполне привычны для учащихся, независимо от того, где они учились – в России или нет, прошли ли стационарный курс обучения или только краткие курсы. И это вполне понятно, поскольку подобные ситуации, как и подобные задания, нечасто встретишь в имеющихся учебных пособиях.

Трудности данных заданий составляют, на наш взгляд, несколько моментов:

1) установление связи между участниками ситуации;

2) выбор адресата искомого сообщения;

3) выбор адекватных грамматических и лексических средств оформления мысли.

Отклонение от желаемого выполнения задания может выглядеть следующим образом:

В [I] учащийся предлагает реплику: «Поздравляю тебя с днем рождения».

Во [II] – «Давай * поехать кататься на лыжах».

В [III] – «Мама, да, я *купить хорошие фрукты».

Похоже, что в большинстве случаев на слух воспринимается скорее первая часть описываемой ситуации (что косвенным образом указывает на недостаточную сформированность компетенции аудирования). Именно в ней вычленяются участники, а затем отношения между ними достраиваются достаточно произвольно, хотя в целом предсказуемо. Интересно, что всё это происходит на фоне, казалось бы, полного «лексического благополучия», то есть верного понимания всех лексических единиц.

Рекомендуемая же пошаговая мыслительная деятельность учащегося не должна зависеть от порядка следования описания фрагментов ситуации в каждом случае. Ситуация может быть выстроена по-разному.

Прежде всего, учащемуся стоит найти своего диалог-партнёра, то есть участника, к которому он должен обратиться. Ведь задания, подобные описываемым, не случайно имеют заголовок «Диалоги». Выбор адресата облегчается наличием ключевого слова – формы императива. В наших примерах это: *попросите, дайте, попросите*. Остальные глагольные формы, как личные, так и неличные (инфинитив), вводят саму ситуацию.

Итак, в первом случае диалог-партнёром будет друг (диалог: говорящий + друг). Во втором случае также диалог-партнёром выступает друг, а не друзья, как предполагают иные экзаменуемые (диалог: говорящий + друг). В третьем случае диалог-партнёром является продавец (диалог: говорящий + продавец).

Остальные лица, сколько бы их ни было, задают того или иного рода исходные, каузирующие искомое высказывание обстоятельства, являясь именно их участниками (в [I] лицо – носитель признака: **У племянницы** день рождения; во [II] мы имеем дело с сопутствующими лицами: **Вы с друзьями** были в горах; а в [III] – с агенсом: **Мама** попросила купить фрукты).

Полисубъектность (имеется в виду множественность деятеля) может соседствовать с политемпоральностью (как, например, в случае [II] присутствуют прошедшее и настоящее время). Учащихся необходимо настроить и на этот признак описанной ситуации.

Осмысление ролей участников ситуации, выделение в полисубъектной ситуации иерархически первого деятеля, осмысление себя как говорящего требует опыта и практики и находится в прямом соответствии с деятельностной установкой обучения иностранному языку.

Подготовка к анализу полисубъектного взаимодействия в подобных описаниях должна включать определённые инструкции учащемуся. Типы субъект-субъектных отношений необходимо конкретизировать. Некоторые другие релевантные в этом отношении явления рассматриваются в работах М.Ю. Сидоровой [Сидорова, Роговнева, 2015; Сидорова, 2016].

Выбор адекватной формы обозначения всех актантов в рамках заданного положения дел должен последовательно отрабатываться в коммуникативно значимых для данного контингента учащихся социально-бытовых ситуациях. К этому должны готовить и современные учебники РКИ разных уровней владения языком.

Литература

1. Артёмова О.А., Булгакова Л.Н., Величко А.В., Грекова О.К. и др. Книга о грамматике. В 2 т. М.: МАКС Пресс, 2004. 752 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 281 с.

3. Бабалова Л.Л., Булгакова Л.Н., Величко А.В., Грекова О.К. и др. Синтаксис современного русского языка. Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения / под ред. А.В. Величко. СПб., Златоуст, 2015. 247 с.
4. Баландина Н.В., Грекова О.К., Киржанова С.В., Красильникова Л.В., Кузьминова Е.А. и др. Коммуникативный синтаксис русского языка. Учеб. пособ. для иностранных магистрантов-лингвистов / под ред. О.К. Грековой, Л.В. Красильниковой, И.В. Одинцовой. М.: МАКС Пресс, 2017. 334 с.
5. Дегальцева А.В. Особенности реализации полисубъектности в высказываниях с адвербиальными компликаторами // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 278–283.
6. Малахов В.П. Формальная логика. Учеб. пособ. для высш. шк. М.: Академический проект. 2001. 379 с.
7. Сборник упражнений по синтаксису / под ред. Н.А. Лобановой. М.: Изд-во Московского университета, 1959. 287 с.
8. Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Грамматика ситуаций и лингвистический эксперимент – новое поле коммуникативной грамматики. Gramatyka a tekst. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik: Изд. Oficyna Wydawnicza WW Katowice, 2015, том 5. С. 8–21
9. Сидорова М.Ю. New arguments for the discussion on two- and one-component sentence patterns // 45th International Philological Conference (IPC 2016). Ser. Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Netherlands: Atlantis Press, 2017. Т. 122. С. 496–500.

СОСТАВНЫЕ СОЮЗЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Сунь Цзин

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** В статье обозначены основные проблемные зоны при изучении китайскими студентами составных союзов типа в результате того что, вследствие того что, ввиду того что и др. в контексте сложноподчиненного предложения с различными видами придаточных; предлагаются способы решения данного вида речевых ошибок.*

***Abstract.** This article points out the main problems encountered by the Chinese students when studying synthetic connectives such as в результате того что, вследствие того что, ввиду того что. Meanwhile, we study the context of subject-subordinate compound sentences with different kinds of clauses. Possible solutions to the above problems are also proposed.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, составные союзы, сложноподчиненное предложение.*
***Key words:** Russian as a foreign language, compound unions, complex sentence.*

Целью современного коммуникативно-прагматического обучения русскому языку как иностранному становится овладение языком как средством общения, что приводит «к провозглашению *речевого общения* в качестве ведущей цели обучения русскому языку, которая некоторыми исследователями определяется как *стратегическая*» [Антонова, 2010, с. 343]. Так, на современном этапе развития методики преподавания русского языка как неродного на первый план выдвигается обучение речевой деятельности – коммуникации, – которая предполагает все виды речевой деятельности – устную и письменную формы. Как известно, коммуникация может считаться успешной лишь тогда, когда иностранец овладевает коммуникативной компетенцией, т.е. когда усвоены знания, а на их основе

сформированы и доведены до автоматизма речевые умения и навыки: «Коммуникативный аспект цели обучения иностранному языку заключается в формировании и становлении навыков по всем видам речевой деятельности, устной и письменной формам речи» [Баско, 2010, с. 272].

В настоящей статье поскольку сложноподчиненное предложение с вышеуказанными составными союзами принадлежит книжной речи, в таких ее разновидностях, как научный, официально-деловой, публицистический стили, а значит конечная цель – формирование письменных речевых компетенций: «Письменная речь, являясь источником овладения грамматическими средствами языка, в качестве цели обучения предполагает формирование письменных речевых компетенций – свободное выражение своих мыслей в письменной форме с ориентацией на содержание и ситуацию высказывания» [Гаврилова, 2019, с. 77–83].

Однако в современной научно-методической литературе данный вопрос освещен слабо: Многие учебники по русскому языку как иностранному, используемые в вузах, не выделяют отдельной темой составные союзы в сложноподчиненном предложении [Глазунова, 2015, с. 416], а соответственно не содержат упражнений по выработке навыков использования СПП. В то время как сложные предложения составляют основу научной речи как устной, так и письменной.

Цель данной статьи – проанализировать трудности, возникающие у студентов-китайцев при изучении составных союзов в рамках сложноподчиненного предложения, предложить пути решения проблем.

Нами отмечены следующие трудности в использовании китайскими студентами составных:

- неразличение причинного и следственного компонентов СПП;
- сложность трансформации ПП в СПП (недоведенность навыка до автоматизма);
- непонимание в каких случаях употребляется предложно-падежная форма, а в каких – составной союз: *Ввиду что ухудшение погодных условий в горной местности, экспедиция на Алтай отменилась.* Правильно так: *Ввиду ухудшения (чего?) погодных условий в горной местности, экспедиция на Алтай отменилась;* – неразличение семантики союзов: *Благодаря тому что курс доллара вырос, страну охватила инфляция;*
- стилистическая путаница, связанная с некорректным употреблением составных союзов книжного стиля в разговорной речи: *Я пошел в магазин, в виду того, что хотел кушать.*

Особое внимание необходимо уделить этноспецифике контингента (китайцы) и соответственно особенностям их родного языка, поскольку зачастую при изучении русского языка как неродного в данной аудитории происходит явление интерференции, т.е. переноса особенностей своего языка на изучаемый. В китайском языке важен порядок слов, «место членов предложения определяется неподвижным порядком: подлежащее – сказуемое – объект. Эта модель является исходной для образования других конструкций. Если изменяется порядок слов, то смысл предложения, высказывания меняется коренным образом» [Шевелева, 2010, с. 115–118]. При этом в русском языке мы можем говорить о гибкой структуре предложения, а субъект, предикат, объект определяются грамматическими признаками.

В связи с вышеописанными наблюдениями мы предлагаем следующие варианты решения проблем в китайской аудитории при изучении русского языка как иностранного в разделе синтаксиса.

Во избежание стилистических огрехов при изучении СПП и использовании союзов и предложно-падежных форм четко разграничивать их на нейтральный и книжный стиль. Также пояснять, что нейтральные союзы (*потому что, так как, поэтому* и др.) мы можем употреблять как в научном стиле речи, так и нейтральном стиле (бытовом, например общении), а союзы книжные (*вследствие того что, в результате того что, ввиду, того что вследствие того что* и др.) в разговорном стиле лучше избегать. На наш взгляд, удачна была бы методика представления союзов в таблице с графами разговорный / – нейтральный – книжный стили.

Основная сложность в вопросе прежде всего употребления составных союзов заключается в том, что иностранцы не всегда могут понять, в каких случаях употребляется предложно-падежная форма (например, *в результате чего?*), в каких – союз (*в результате того что*) или (*в результате чего + глагол*). Поэтому главным пониманием структуры сначала простого, а затем сложного предложения и смежной проблемы различения причинного и следственного компонентов. Для изучения СПП с составными союзами наиболее «удачным» для понимания мы считаем следующую последовательность трансформации ПП в СПП.

1. Предъявляется простое предложение с предложно-падежной формой: *В силу (чего?) повышения среднегодовой температуры на 1 градус на нашей планете случаются стихийные бедствия*. Важным в подобного рода предложениях обратить внимание на отглагольное существительное (*повышение*).

2. Далее предъявляется СПП с придаточным причины (*с составным союзом*): *В силу того что повышается среднегодовая температура Сна 1 градус, на нашей планете случаются стихийные бедствия*. В СПП необходимо обратить внимание учащихся на глагол *повышается*.

3. Важным считаем показать гибкость структуры СПП: *На нашей планете случаются стихийные бедствия, в силу того что повышается среднегодовая температура на 1 градус*.

4. При невозможности образования глагола от существительного: существительное, входящее в предложно-падежную форму, становится S, а качестве предиката используем такие глаголы: *являться, существовать, происходить* и др. Например, *в связи с техническим прогрессом в области самолетостроения – в связи с тем что существует технический прогресс в области самолетостроения*.

Для отработки и закрепления навыка трансформации ПП в СПП подходят упражнения типа: *Замените простые предложения сложными по образцу*. И обратные упражнения: *Трансформируйте СПП в ПП с предложно-падежной формой причины*.

В СПП с придаточным следствия, а соответственно с союзом *в результате чего*, структура предложения не может быть изменена без изменения типа придаточного предложения и замены на причинный союз. *Прошел сильный дождь, в результате чего образовалась огромная лужа на сельской дороге*. Для отработки подобных сложностей мы предлагаем использовать задания типа: *Сделайте главное предложение придаточным, а придаточные – главными. Как изменится при этом тип придаточного?* Или: *Из двух простых предложений составьте сложное а) с придаточными следствия. Обращайте внимание на стилистическую окраску союзов; б) с придаточным причины, выбирая союзы по значению и стилю. А также Из пар простых предложений составьте сложные с союзами а) причины; б) следствия. Или: Трансформируйте сложные предложения с союзами причины в предложения с союзами следствия и наоборот*.

Литература

1. Антонова В.Е. Дорога в Россию: учебник русского языка / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова, А.А. Толстых. 6-е изд., испр. М: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2010. 343 с.
2. Баско Н.В. Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем русскую грамматику: учеб. пособие по русскому языку для иностранных учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М: Русский язык. 2010. 272 с.
3. Гаврилова И.В. Развитие научного стиля речи у иностранных студентов на этапе предмагистерской подготовки / И.В. Гаврилова, С. Сауди, Чжан Сюань // Вопросы методики и преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 28. С. 77–83.
4. Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 2015. 416 с.
5. Шевелева С.И. Учет национальных особенностей студентов из стран АТР при обучении русскому языку как иностранному // Вестник ТГПУ, 2010. № 12 (102). С. 115–118.

СИНТАКСИС И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ЛЕКСИКОН ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВИСТИКИ: РАЗДЕЛ «СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА»

С.В. Лесников

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Лексикон метаязыка лингвистики включает лингвистические термины и терминологизмы, представленные в гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусе метаязыка лингвистики (гизаурус). Гизаурус создан при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований /РФФИ/ по инициативному исследовательскому проекту (грант) N11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус “Метаязык науки” (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С.В. Лесников) и издательскому проекту РФФИ N20-112-00215 «Метаязык лингвистики» и РФФИ N19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в РЯ начала XXI века», а также при финансовой поддержке в рамках проекта Российского научного фонда N18-18-0019 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (Лесников С.В. – исполнитель и модератор портала metdict.ru) [ЛСВ.РФ, ГИЗАУРУС.РФ, МФРЯ.РФ].

Abstract. The lexicon of the metalanguage of linguistics includes linguistic terms and terminologisms presented in the hypertext information-search thesaurus of the metalanguage of linguistics (gizaurus). The gizaurus was created with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research / RFBR/ under the initiative research project (grant) N11-07-00733 (2011–2013) «Hypertext information retrieval thesaurus "Metalanguage of Science" (structure; mathematical, linguistic and software; sections linguistics, mathematics, economics)» (scientific supervisor S. V. Lesnikov) and the publishing project of the RFBR N20-112-00215 "Metalanguage of Linguistics" and the RFBR N19-012-00494 "Lexico-semantic neology in the early XXI century", as well as with financial support within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation N18-18-0019 " The figurative system of the Russian language in the polydiscursive space of modern communications " (S. V. Lesnikov-performer and moderator of the portal metdict.ru) [LSV.RUSSIAN FEDERATION, GIZAURUS.RF, MFR. RF].

Ключевые слова: база данных, гизаурус, гипертекстовый тезаурус, говор, диалект, метаязык, искусственный интеллект, корпус, лексикография, лингвистика, поиск, русский язык, словарь, справочник, текст, энциклопедия.

Keywords: database, gizaurus, hypertext thesaurus, dialect, metalanguage, artificial intelligence, corpus, lexicography, linguistics, search, Russian language, dictionary, reference book, text, encyclopedia.

Лексикон построен по алфавитно-гнездовому принципу и содержит базовые термины [Лесников, 2001, с. 280–281], предтермины, прототермины, профессионализмы, терминоиды, терминообразующие элементы, терминологизмы, ключевые слова и словосочетания, номены, номинативные словосочетания, семантические зоны и поля, отдельные лексические значения слов и дескрипторы, дефиниции, определения, описания, толкования... понятия метаязыка лингвистики [Лесников, 2014, с. 30–34; 2014, с. 268–269].

Каждая словарная статья Лексикона предваряется символом «#» (это необходимая часть разметки материалов для последующей автоматизированной, интерактивной загрузки в лексикографическую базу данных цифровой версии гизауруса) [Лесников, 2020, с. 40–90]. Вокабула отделяется от правой части символом «=» или «=>». Словарная статья начинается с заголовочного слова, выделенного прописными буквами и снабжённого ударением (кодифицированы не все вокабулы) [Лесников, 2017, с. 155–170]. Ударение в заголовке словарной статьи выделяется строчной буквой [Лесников, 2017, с. 335–360].

Для примера приведём гнездо «СИНТАКСИС»:

#СИНТАКСИС

=: [др.-гр. σύνταξις построение, боевой порядок, составление] (*syntax*) часть грамматики, изучающая сочетания слов в предложении. В совр. языкознании термин «синтаксис» употребляется в основном в следующих значениях: 1) одна из сфер грамматического строя языка, в к-ой: а) реализуются морфологические категории и словоизменение; б) существуют собственные единицы, категории и средства; 2) раздел науки о языке, предметом к-ого являются синтаксические единицы, синтаксические отношения, синтаксические средства; 3) *разг.*: совокупность правил пунктуации в том или ином языке. Термин "С." впервые использован Стоиками (3 в. до н.э.) [Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956; Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958; Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1971; Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Распопов П.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Золотова Г.Л. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; ЛАМИОЯ-2001_Жеребило]. [Востоков, 1839:1], [Аксаков, 1875], [Буслаев, 1959: 37], [Фортунатов, 1956: 192].

= «По сравнению с синтаксисом в собственном смысле слова, который в этом случае именуется внешним синтаксисом (*syntaxe exterieure*), А. Ренье предложил называть внутренним синтаксисом (*syntaxe interieure*) то, что управляет отношениями между словами внутри группы, имеющей вид сложного слова: англ. railroad insurance company «компания страхования железных дорог»» [СЛТ_1960_Марузо:268].

#СИНТАКСИС _ АКТУАЛЬНЫЙ

=: (*синтаксис коммуникативный, функциональный*). «На грамматический синтаксис (в узком значении этого термина) наслаивается т.н. актуальный (точнее, коммуникативный) синтаксис» [Общ. яз. 1972: 303; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982].

#СИНТАКСИС _ АНГЛИЙСКОГО _ ЯЗЫКА _ В _ РАЗВИТИИ

=: синтаксис относительно свободный. Основную роль играли такие формы синтаксической связи, как управление и согласование. Наряду с падежным глагольным и именным управлением аналогичные функции отмечаются и у предлога - он не просто уточняет значение падежа, но и управляет им. В основном, присутствует прямой порядок слов: S+P. Обратный порядок слов возникает при постановке на первое место обстоятельства места или времени. Именная часть сказуемого либо следует за связкой, либо стоит в конце предложения. В древних германских языках уже были развиты аналитические конструкции, глагол-связка обычно ставился в конец предложения: *flagda faikinaz ist* (ему угрожают злые духи); привычной становится и постановка глагола- связки после имени, начинающего предложение: *Beowulfc wearð giðhreð gyfejje* (Беовульф был славен в битве дана). В С.А. порядок слов становится более закрепленным, поскольку сохранившиеся окончания не всегда могут передавать синтаксические связи. Предлоги и порядок слов становятся важными средствами синтаксической связи.

#СИНТАКСИС _ ВАЛЕНТНОСТНЫЙ

=: вариант синтаксиса, в рамках к-ого анализ лексико-грамматического строя предложения осуществляется с т. зр. валентных свойств его единиц, в первую очередь глагола (если исследователь ориентируется на вербоцентрическую концепцию предложения) [РСАП-2004_Ломов].

#СИНТАКСИС _ ВСЕОБЩИЙ

=: раздел грамматики об универсальных свойствах синтаксиса разных языков «Грамматическое методоучение есть всеобщий синтаксис» [Якоб. НВГ, § 39].

#СИНТАКСИС _ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

=: синтаксические свойства высказывания.

#СИНТАКСИС _ ВЫСШИЙ

=: синтаксис, представляющий «сложные, развёрнутые текстовые единства», закономерности их строения [РЯЭ-1979: 58].

#СИНТАКСИС _ ГЛУБИННЫЙ

=: (*синтаксическая семантика*) «Синтаксические иссл. последних лет отмечены общим интересом к синтаксической семантике. Это направление лингвистической мысли получило название “глубинного синтаксиса”» [Общ. яз. 1972: 293].

#СИНТАКСИС _ ДЕСКРИПТИВНЫЙ

=: (*синтаксис описательный*) [Общ. яз. 1972: 263].

#СИНТАКСИС _ ДИДАКТИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий ученическую речь [ГБН 1994: 19-20].

#СИНТАКСИС _ ДИНАМИЧЕСКИЙ

=: вариант синтаксиса, изучающий функционирование и преобразование синтаксических единиц в меняющихся условиях речевого общения [Копров В.Ю. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Русский синтаксис: Изд. Воронеж. пед. ин-та. Т.203. Воронеж, 1979].

#СИНТАКСИС _ ДИСТРИБУТИВНЫЙ

=: вариант синтаксиса, концентрировавший внимание на аранжировке слов (иногда морфем) в высказывании или тексте.

#СИНТАКСИС _ ИСТОРИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий синтаксический строй языка в историческом аспекте, с т. зр. исторического развития [ГБН 1994: 15]; раздел синтаксиса, целью крого является определение происхождения различных типов словосочетаний и их соединений. Определение происхождения типов словосочетаний и соединений словосочетаний, определение их основных функций и развитие из них всех других функций (исторический синтаксис)... [Петерсон, 1923. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965: 283].

#СИНТАКСИС _ КАК _ НАУКА

=: (синтаксис) [РГ 1980-2: 6, 9].

#СИНТАКСИС _ КОММУНИКАТИВНЫЙ

=: (*синтаксис функциональный*) вариант синтаксиса, ориентированный на изучение свойств предложения как коммуникативной единицы. Набор явлений, кые определяются как коммуникативно значимые, меняется от исследователя к исследователю. Так, в концепции И.П. Распопова к сфере коммуникативного синтаксиса отнесены категории целевого назначения, модального качества и коммуникативной перспективы. У Г.А. Золотовой, напротив, список коммуникативно значимых явлений более обширен. Сюда включены коммуникативные регистры речи, типология высказываний и ряд других характеристик предложения (и текста).

#СИНТАКСИС _ КОНСТРУКТИВНЫЙ

=: (*синтаксис*). «Предложения вместе с др. синтаксическими конструкциями образуют синтаксическую систему языка и изучаются формально-грамматическим, конструктивным синтаксисом (или просто синтаксисом)...» [Общ. яз. 1972: 328].

#СИНТАКСИС _ КОНТЕКСТА

=: грамматическое учение о синтаксических свойствах контекста. «Основными разделами грамматики являются морфология и синтаксис... синтаксис делят на синтаксис словосочетания, синтаксис предложения и синтаксис контекста» [КВИ 1987: 210].

#СИНТАКСИС _ ЛЕКСИЧЕСКИ _ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ

=: вариант синтаксиса, последовательно учитывающего, с одной стороны, лексико-грамматическое выражение семантико-функциональных звеньев предложения, а с другой – комбинаторику использованных лексико-грамматических средств, что предполагает анализ валентных свойств последних.

#СИНТАКСИС _ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ

=: синтаксис, характерный для литературного языка. «Его интересуют вопросы: в каких условиях и как, насколько устойчиво реализуется норма литературно-языкового синтаксиса в различных стилях речи?» [ГБН 1994: 18].

#СИНТАКСИС _ ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ

=: «Синтаксис, изучающий синтаксические категории языка в их отношении к логическим категориям мышления и психологическим состояниям сознания человека... синтаксическую структуру речи в её отношении к логическому и психологическому её содержанию» [ГБН 1994: 18].

#СИНТАКСИС _ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ

=: вариант синтаксиса, в рамках которого рассматривается взаимодействие таких явлений, как коммуникативная перспектива предложения, его синтаксическая структура и характер референции входящих в нее имен. Активно разрабатывается Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гаком, Ю.С. Степановым и др. [Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999; Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998; Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981].

#СИНТАКСИС _ ЛОГИЧЕСКИЙ

=: раздел семиотики, исследующий формальные свойства знаковых систем. Семиотику принято разделять на три части: синтаксис, семантику и прагматику. Синтаксис исследует формальные отношения между знаками.

#МОРФОСИНТАКСИС

=: (*morphosyntax*) раздел грамматики, рассматривающий морфемы с т. зр. их синтаксического функционирования и выступающий, таким образом, в качестве аналога морфонологии, рассматривающей фонемы с т. зр. их функционирования в составе морфем.

#СИНТАКСИС _ НОМИНАТИВНЫЙ

=: вариант синтаксиса, изучающий предложение как номинативную единицу, отражающую те или иные «положения дел» в объективной действительности.

#СИНТАКСИС _ НОРМАТИВНЫЙ

=: синтаксис, изучающий синтаксические единицы и категории с т. зр. их отношения к литературной норме [ГБН 1994: 17-18].

#СИНТАКСИС _ ОПИСАТЕЛЬНЫЙ

=: синтаксис, функционирующий «в тот или иной период развития языка» – в противоположность синтаксису историческому [ГБН 1994: 15].

#СИНТАКСИС _ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий синтаксические конструкции с т. зр. их воздействия на сознание и поведение людей.

#СИНТАКСИС _ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

=: синтаксические свойства предложения и грамматическое учение о них. *Синтаксис простого предложения, сложного предложения.*

#СИНТАКСИС _ РЕЧИ

=: (*связной речи, речевой*) синтаксис, объектом изучения которого является речь, связный текст. «В речи, в связном контексте, в конситуации возникает новая проблематика изучения предложения с т. зр. композиционно-синтаксической и экспрессивно-интонационной организации целого текста или речевой ситуации. Сюда относятся круг вопросов, связанных с так называемым актуальным членением, разными типами логического ударения, порядка слов, а точнее - расположения структурно-смысловых компонентов, межфразовых связей и т.п. Эти вопросы принадлежат синтаксису речи, и предложение, изучаемое в аспекте его контекстных связей и дополнительных речевых функций, становится объектом синтаксиса речи» [ЗГА 1973: 29]. *Синтаксис речи (речевой) дидактический, конструктивный, логико-психологический, нормативный, прагматический, семантический, социологический, функционально-стилевой, функциональный, эстетический.*

#СИНТАКСИС _ СЕМАНТИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий синтаксические единицы с т. зр. семантики, выражаемых значений. «Бытует мнение, что усилившийся интерес к семантике синтаксиса, к содержательному плану его устройства вызывает к жизни новую область синтаксических занятий или новое направление - "семантический синтаксис", способный развиваться параллельно синтаксису традиционному. Работа с синтаксическим материалом убеждает, однако, в том, что нет синтаксиса несемантического, как нет языка некоммуникативного» [ЗГА 1982: 357].

#СИНТАКСИС _ СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ

=: вариант синтаксиса, ставившего во главу угла анализ комбинаторики слов и их форм [Седельников Е.А. Структура простого предложения с т. зр. синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ. Филологические науки. 1961. №3].

#СИНТАКСИС _ СЛОВА

=: (формы слова). Синтаксические свойства знаменательного слова, его грамматической формы как предмет синтаксической науки. «Свойства знаменательного слова подчинять себе др. слова в тех или др. формах, весь потенциал связей, принадлежащих слову, составляет область синтаксиса слова...» [РГ 1980-2: 6].

#СИНТАКСИС _ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

=: синтаксические свойства словосочетания и его компонентов как предмет синтаксической науки.

#СИНТАКСИС _ СЛОЖНОГО _ ЦЕЛОГО

=: (*синтаксис связной речи*).

#СИНТАКСИС _ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий вопросы социальной дифференциации синтаксического строя, особенности использования синтаксических единиц в речи представителей разных профессиональных групп, возрастов [Головин 1994: 20].

#СИНТАКСИС _ СТАТИЧЕСКИЙ

=: вариант синтаксиса, изучающий общие закономерности организации синтаксических структур, рассматриваемых вне рамок речевого акта.

#СИНТАКСИС _ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, изучающий синтаксические конструкции как стилистическое (стилеобразующее) средство. «Широкие стилистические возможности, большая выразительность и яркость, эмоциональное богатство и образность, заложенные в несобственно-прямой речи, делают её прекрасным средством оживления повествования. Мн. писатели, начиная с Пушкина, активно используют этот приём стилистического синтаксиса в произведениях художественной литературы» [СРЯ 1964-2: 619].

#СИНТАКСИС _ СТРУКТУРНЫЙ

=: (*синтаксис*). «Наличие нескольких аспектов изучения и преподавания синтаксиса уже привело к тому, что единая синтаксическая наука членится, уже возникли такие её разновидности, как синтаксис описательный и синтаксис исторический, синтаксис предложения и синтаксис целого текста, синтаксис структурный и синтаксис коммуникативный и т.д.» [Головин 1994: 15-16].

#СИНТАКСИС _ ТЕКСТА

=: (*синтаксис контекста*).

#СИНТАКСИС _ ТРАДИЦИОННЫЙ

=: синтаксис как соответствующий раздел традиционной грамматики.

#СИНТАКСИС _ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ

=: вариант синтаксиса, изучающий преобразования одних синтаксических структур в другие [Хомский Н. Синтаксические структуры // // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962].

#СИНТАКСИС _ ФИКСИРОВАННЫЙ

=: строение застывших и фразеологически связанных словосочетаний.

#СИНТАКСИС _ ФОРМАЛЬНЫЙ

=: (*формально-грамматический, синтаксис конструктивный*).

#СИНТАКСИС _ ФОРМЫ _ СЛОВА

=> синтаксис слова (формы слова).

#СИНТАКСИС _ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ

=: синтаксис, изучающий «стилевую дифференциацию синтаксической структуры языка... роль синтаксических единиц и категорий в формировании различных стилей речи» [ГБН 1994: 17].

#СИНТАКСИС _ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ

=: 1. Синтаксис, представляющий собой «систему синтаксических единиц с т. зр. их функций в процессе коммуникации, в единстве формы и значения» [Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973: 5]. 2. Синтаксис, задача кою состоит в изучении каждого синтаксического явления с т. зр. выполняемых им функций в процессе коммуникации.

#СИНТАКСИС _ ЭКСПРЕССИВНЫЙ

=: синтаксис, предметом изучения кою является «чисто эмоциональная сторона высказывания», кя «очень часто создаётся средствами синтаксиса» [Валгина: 12].

#СИНТАКСИС _ ЭСТЕТИЧЕСКИЙ

=: синтаксис, в кю главным объектом изучения являются синтаксическое строение речи в эстетическом аспекте, «эстетика синтаксических структур... эстетика синтаксического строения речи» [Головин, 1994: 19].

#СИНТАКСИС _ ЯЗЫКА _ КОНСТРУКТИВНЫЙ

=: (*синтаксис структурный*).

#СИНТАКСИС _ ЯЗЫКА

=: (*языковой*) совокупность, система синтаксических единиц языка и синтаксических грамматических категорий. «Синтаксис языка – это совокупность и система присущих языку грамматических категорий словесных позиций и словесных конструкций» [Головин, 1983: 108]. «Синтаксис языка (*языковой*) дидактический, конструктивный, логико-психологический, нормативный, прагматический, семантический, социологический, функционально-стилевой, функциональный, эстетический» [Лесников, 2021].

Термины [Лесников, 2019, с. 293–305] в словаре располагаются, как правило, в алфавитном порядке [Лесников, 2019, с. 362–374–90]. Однако для ряда словарных статей используется гнездовой способ [Лесников, 2011, с. 84–89]. Ряд вокабул (напр., омонимы, многозначные слова) дублируется в разных лексико-фразеологических гнездах [Лесников, 2011, с. 6–10] и иногда без обязательного соблюдения алфавитного порядка. Все гнёзда разбиты на несколько подуровней: (1) гнёзда формировались не по тематическому, а по формальным основаниям [Лесников, 2017, с. 335–360]; (2) первый уровень – это просто буквы русского алфавита от А до Я [Лесников, 2020, с. 72–104]; (3) второй уровень – это терминосоставы в качестве компонента, выделяемого в структуре термина [Лесников, 2011, с. 37–45], которые представлены: (а) одним из компонентов двусоставного или многосоставного термина, в том числе словами, восходящими к древнегреческой и латинской традициям и составляющими пласт интернационализмов в терминосистемах национальных метаязыков лингвистики; (б) суффиксоидом; (в) морфемой – также формантом, формативом, грамматическим маркером, т.е. аффиксом или префиксом (приставкой), интерфиксом (внутренней флексией), суффиксом, которые нередко оказываются латинского или греческого происхождения [Лесников, 2019, с. 13–24].

Литература

1. Лесников С.В. Базовые первоисточники гизауруса метаязыка лингвистики // Лексикографические штудии: международная коллективная монография / под ред. Н.В. Пятаевой; Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Вып. 4. Riga: BVKI, 2020. С. 40–90.

2. Лесников С.В. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). Труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. МГУ, 2014. С. 268–269.
3. Лесников С.В. Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (33). 2011. Москва–Магнитогорск–Новосибирск: РАН, 2011. С. 30–34.
4. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». 14–17 сентября 2001. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Инст. иностранных языков, 2001. С. 280–281.
5. Лесников С.В. Конструирование словника словаря терминов метаязыка лингвистики с помощью методики вычисления веса базисных терминов метаязыка лингвистики // Социально-когнитивное функционирование языка. Кемерово: КГУ, 2017. С. 155–170.
6. Лесников С.В. Конструирование терминологического корпуса русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (137). С. 94–110.
7. Лесников С.В. Концепция разработки и создания цифрового академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 293–305.
8. Лесников С.В. Метаязык лингвистики. Т. 2. Лексикон терминосистемы / отв. ред. член-корр. РАН С.А. Мызников, науч. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. 1024 с.
9. Лесников С.В. Основные латинские терминологические элементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 37–45.
10. Лесников С.В. Синописис гизауруса (гипертекстового тезауруса) метаязыка лингвистики как отражение системности языка // Информация – коммуникация – документ (ИКД-2020): сб. науч. ст. по материалам I Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Пенза, 24–25 сентября 2020 г.) / под ред. Л.Р. Фионовой, О.И. Семянковой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. С. 72–104.
11. Лесников С.В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (31) 2011. Ч. 2, декабрь 2011. Раздел: Филология. Горно-Алтайск: (типография «Концепт», Барнаул). 2011. С. 6–10.
12. Лесников С.В. Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 335–360.
13. Лесников С.В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 4. Архангельск: ПГУ, 2011. С. 84–89.
14. Лесников С.В., Булыгина Д.С., Лесников А.В., Лесников Г.С. Конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 2 (№ 11). С. 326–333.
15. Лесников С.В., Лесников А.В., Лесников Г.С., Фарина А.М. Алгоритм разработки и создания цифрового академического словарного корпуса /АСК/ русского языка /РЯ/. Международный научный журнал «Современные информационные технологии и ИТ-образование», [S.l.], v. 15, n. 2, July 2019. С. 362–374.
16. Лесников С.В., Мызников С.А. Цифровой корпус академических толковых словарей русского языка: алгоритм разработки и создания // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 78. № 4. Июль–август. 2019. С. 13–24.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

«Дальневосточный федеральный университет»

Восточный институт – Школа региональных и международных исследований

Кафедра русского языка и литературы

Всероссийская научная конференция с международным участием

«Русский синтаксис: от конструкций к функционированию»,

посвященная 95-летию

доктора филологических наук, профессора

Аллы Федоровны Прияткиной

11 октября 2021, понедельник

9:30 – 9:50 **Регистрация участников конференции**, участвующих очно
(корпус D, ауд. 927)

Открытие конференции

(корпус D, ауд. 501)

10:10 – 10:20

Утреннее заседание

(очно-дистанционное)

10:20 – 14:00

Секция «Синтаксис текста»

Регламент – 15 минут

Председатель: Галина Михайловна Крылова

1. **Стародумова Елена Алексеевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет), **Ван Сюецзянь** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Особенности структуры союзного образования «мало того что»

2. **Анисова Анна Александровна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Потенциал начала как сильной позиции для выявления значимых мотивов художественного текста (на материале произведений А. П. Платонова).

3. **Баранова Маргарита Сергеевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Особенности синтаксиса в рассказах Ю.П. Казакова.

4. **Конева Наталья Владимировна** (Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

Текстовая скрепа кроме того: семантический аспект

5. **Крылова Галина Михайловна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Об одной модели текстовых скреп.

6. **Милянчук Наталья Сергеевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Синтаксическая организация хронотопа в дальневосточном тексте.

7. **Петренко Елена Александровна, Першина Екатерина Сергеевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

О языковых способах реализации назидательной стратегии в произведении Кирилла Туровского «Слово о расслабленном».

8. **Пугачева Елена Николаевна** (Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса).

Пространство как синтаксическая категория.

9. **Петроченко Татьяна Валентиновна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Участие слов-гибридов в создании синтаксических конструкций.

10. **Петрова Татьяна Ивановна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

К вопросу о синтаксисе детской речи (на материале игровых диалогов).

11. **Фадеева Ирина Анатольевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Многофункциональность деепричастного оборота в структуре художественного текста.

12. **Ван Цяоши** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет / КНР).

Функции текстовой скрепы «Теперь о...» в публицистических текстах.

13. **Цао Сяоминь** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).
Особенности функционирования текстовой скрепы «И потом»

14. **Петренко Елена Александровна, Васильева Анастасия Олеговна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Участие частицы «же» в синтаксической организации древнерусского текста (на примере «Сказания о Дракуле»).

15. **Петренко Елена Александровна, Шишикина Екатерина Дмитриевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Языковые особенности реализации нарративной стратегии в апокрифе «Сошествие Иоанна Крестителя во ад» (ЗАОЧНО).

16. **Петренко Елена Александровна, Богатырева Екатерина Александровна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Коммуникативно-прагматическая структура «Поучения Владимира Мономаха» и реализация авторской стратегии.

11 октября 2021, понедельник

Вечернее заседание

(корпус D, ауд. 501)

Пленарное (дистанционное)

Регламент: 20 минут

Время заседания: Владивосток: 16:00 – 19:00 / Москва: 9:00 – 12:00

Председатель: Елена Сергеевна Шереметьева

1. Фигуровская Галина Дмитриевна (Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина).

Союзные средства в предложении и тексте: скрепы-фразы, актуализованные фразы, метаконструкции.

2. Кобозева Ирина Михайловна (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Экономия и избыточность при выражении семантических отношений между пропозициями в русском языке

3. Кошкарева Наталья Борисовна (Новосибирск, Новосибирский государственный университет).

Место осложненного предложения в кругу единиц языка и речи: к вопросу о моделировании синтаксического яруса языка.

4. Инькова Ольга Юрьевна (Женева, Женевский университет).

О понятии «текстовая скрепа».

5. Стексова Татьяна Ивановна (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет),

Шмелева Татьяна Викторовна (Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Я.Мудрого).

Лексема факт: идиоматизация и грамматикализация.

6. Урысон Елена Владимировна (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

Слово «и» в тавтологиях типа «девушка и девушка (ничего особенного)».

7. Богданова-Бегларян Наталья Викторовна (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет).

Структура диалога при передаче чужой речи в русском повседневном дискурсе.

8. Милованова Мария Станиславовна (Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина).

Мысль о противоречии и его синтаксическое разрешение в повести И. Бунина «Митина любовь».

12 октября 2021, вторник

Утреннее заседание

(корпус D, ауд. 501)

10:10 – 14:00

(очно-дистанционное)

Секция «Синтаксис конструкций»

Регламент 15 минут

Председатель: Виктор Николаевич Завьялов

1. **Завьялов Виктор Николаевич** (Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет).

Союз. Структура. Семантика.

2. **Шаповалова Татьяна Егоровна** (Москва, Московской области Московский государственный областной университет).

Категориальный и лексический аспекты синтаксического времени в русском языке.

3. **Грекова Ольга Константиновна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Смыслы и отношения, выражаемые структурой только простого предложения.

4. **Золотарева Любовь Александровна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Функционирование конструкции «хорошо /добро / ладно бы..., а то...» в художественном и газетном текстах.

5. **Жэнь Цзяньсинь** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Структурные и семантические варианты фразеосхемы «кому + ли (не) + инф.»

6. **Пилюгина Наталья Юрьевна** (Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса).

Конструктивная роль фразеологизированных сочетаний: синтаксис и прагматика.

7. **Семенова Инна Владимировна** (Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет).

Конструкции с синкретичным выражением семантики «мера и степень + сравнение» в русском языке.

8. **Гускина Екатерина Николаевна** (Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса).

Лексикографическое описание слова «впрочем» для «Словаря служебных слов».

9. **Фещенко Дмитрий Сергеевич** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Особенности синтаксиса рассказов Варлама Шаламова.

10. **Маринченко Ирина Александровна** (Уссурийск, филиал Дальневосточного федерального университета).

Рефлексивные конструкции парфюмерного дискурса.

12. **Тавафи Хоссейн** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Фразеосхема с постоянным компонентом «стоит» в русском языке.

12 октября 2021, вторник

Вечернее заседание

(корпус D, ауд. 501)

(дистанционное)

16:00 – 19:00 (Владивосток) / 9:00 – 12:00 (Москва)

Секция «Синтаксис конструкций»

Регламент 15 минут

Председатель: Елена Сергеевна Шереметьева

1. **Величко Алла Васильевна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Фразеологизированные предложения: структурно-грамматическая и коммуникативная характеристика.

2. **Галактионова Ирина Владимировна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Количественные конструкции с названиями единиц измерения: некоторые особенности.

3. **Патроева Наталья Викторовна** (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет).

Конструкции, осложняющие элементарную модель предложения, в поэзии А. Кантемираэ

4. **Голосова Екатерина Александровна** (Москва, Московский государственный областной университет).

Роль составных именных сказуемых в характеристике главного героя повести Н.С. Дашевской «Вилли».

5. **Герасименко Наталья Аркадьевна** (Москва, Московский государственный областной университет).

Глагол или связка?

6. **Зеленин Александр Васильевич** (Тампере, Финляндия, Университет Тампере),

Руднев Дмитрий Владимирович (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

Союзные функции в истории русского языка Нового времени («а равно (и)» и синонимичные выражения).

7. **Мухачёва Ирина Валерьевна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Проблема выражения инкорпорированных актантов глагола на синтаксическом уровне (на примере конструкций типа «оседлать лошадь богатым седлом»).

8. **Степанова Екатерина Борисовна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

«Уж не знаю, что сказать»: об одном употреблении частицы «уж».

9. Сунь Сяоли (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет).

«Это самое»: соотношение функционально-грамматических вариантов единицы в русской устной речи.

10. Цзин Юньчжицзы, Полищук Елена Вацлавовна (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Сложносочинённые предложения в русском и китайском языках: аспекты перевода.

11. Чаплыгина Татьяна Евгеньевна (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Именные локативные группы с названиями объектов, не имеющих объема, в русской языковой картине мира.

12. Шамсутдинова Регина Ринатовна (Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина).

Омокомплекс «никакой»: специфика функционирования признаков компонентов.

13. Дегальцева Анна Владимировна (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского).

Функционирование предложений, построенных по схеме «Adv – (не) значит Adv», в современной прессе.

13 октября 2021, среда

Утреннее заседание

(корпус D, ауд. 504)

10:10 – 14:00

(очно-дистанционное)

Секция «Синтаксис частей речи»

Регламент – 15 минут

Председатель: Ирина Николаевна Токарчук

1. Окатова Наталья Тимофеевна (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

О некоторых тенденциях употребления составных союзных образований.

2. Конченко Татьяна Владимировна (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Роль лексикализованной предложно-надежной словоформы «в большинстве своём» в выражении семантико-синтаксических отношений.

3. Вэй Хуэйминь (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Отыменный релятив «по примеру» и союз «как и»: сходство и различие.

4. Ли Ольга Дмитриевна (Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса).

Семантико-синтаксические свойства производного предлога «в противовес».

5. Окатова Наталья Тимофеевна, Ху Сяосюй (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Некоторые особенности семантики и функционирования сочетания «все равно».

6. **Токарчук Ирина Николаевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Частица «уже»: семантики и употребление.

7. **Шереметьева Елена Сергеевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Словоформа «следуя»: есть ли движение в сторону служебности?

8. **Сюй Сюцзюань** (Чанчунь, Цзилинский университет иностранных языков; Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Основные типы употребления слова «буквально» в современном русском языке.

9. **Сюй Лина** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Текстовая скрепа «дело в другом»: особенности контекста.

10. **Зарубина Елена Сергеевна** (Иркутск, Иркутский государственный университет; Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Функционирование производного предлога «исходя из» в современном русском языке.

11. **Кузнецова Наталья Владимировна, Почтарёва Ольга Викторовна** (Тюмень, Тюменский государственный университет).

Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка.

12. **Исаченко Оксана Михайловна** (Новосибирск, Новосибирский государственный университет).

Модели словосочетаний с «образами множества».

13. **Перцева Ксения Александровна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Роль частиц в осложненном предложении.

13 октября 2021, среда

Вечернее заседание

16:00 – 19:00 (Владивосток) / 9:00 – 12:00 (Москва)

Работа двух параллельных секций

Секция 1

(корпус D, ауд. 504)

Объединенная секция «Синтаксис текста» и «Русская пунктуация»

(очно-дистанционное)

Регламент – 15 минут

Председатель: Наталья Сергеевна Милянчук

Синтаксис текста

1. **Капустина Татьяна Дмитриевна** (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный государственный институт им. И.И. Мечникова).

Синтаксические особенности текста-репродуктива на неродном языке.

2. **Нагорный Игорь Анатольевич** (Чанчунь, Цзилиньский университет),
Долженкова Алена Игоревна (Белгород, Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 21
г. Белгорода»).

Модусный смысл «колебание» и средства его выражения в высказывании.

3. **Ли Цзябао** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

*Синтаксические кальки как средство отражения китайского сознания в
русскоязычном художественном тексте (на материале произведений Б. Юльского).*

4. **Лебедев Александр Александрович** (Петрозаводск, Петрозаводский
государственный университет).

Вставные конструкции в поэзии П.А. Вяземского.

5. **Родионова Инесса Геннадьевна** (Пенза, Пензенский государственный
университет).

Функции вставных конструкций в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского.

6. **Роговнева Юлия Васильевна** (Москва, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина).

Бессубъектные предикативные единицы в интернет-описаниях.

7. **Суханова Ольга Васильевна** (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
государственный университет).

Принципы организации диалогового пространства в пьесах Аси Волошиной.

Русская пунктуация

8. **Агашина Елена Николаевна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный
университет).

*Особенности пунктуации при производных предлогах «в зависимости от»,
«вне зависимости от», «независимо от».*

9. **Бертякова Анна Николаевна** (Москва, Российский государственный
геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе).

*Пунктуационные знаки в конце заголовка и интерпретационный характер его
грамматической сущности.*

10. **Горбунова Людмила Ивановна** (Иркутск, Иркутский государственный
университет).

Кодификация пунктуационной нормы в семиотическом и когнитивном аспекте.

11. **Орлова Наталья Васильевна** (Омск, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского)

Пунктуационное оформление чужой речи в СМИ: норма и кодификация

12. **Сидорова Елена Геннадьевна, Насонова Екатерина Александровна**
(Волгоград, Волгоградский государственный университет).

*Двоеточие или тире? Особенности пунктуационного оформления бессоюзных
сложных предложений.*

13. **Сидорова Елена Геннадьевна, Бабаева Анастасия Дмитриевна** (Волгоград,
Волгоградский государственный университет).

Причины пунктуационных ошибок при выделении вводных конструкций.

13 октября 2021, среда

Вечернее заседание
16:00 – 19:00 (Владивосток) / 9:00 – 12:00 (Москва)

Секция 2
(корпус D, ауд. 502)

**Объединенная секция «Служебные слова русского языка: история и современность» и
«Преподавание синтаксиса в вузе и школе»**

(очно-дистанционное)

Регламент – 15 минут

Председатель: Елена Сергеевна Шереметьева

Служебные слова русского языка: история и современность

1. **Аксарина Наталья Александровна, Басова Лариса Валерьевна** (Тюмень, Тюменский государственный университет).

К вопросу о деривационной мотивации релятивов, имеющих отыменные наречные омонимы.

2. **Виноградова Екатерина Николаевна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

О некоторых составных наречных предложениях.

3. **Инь Чжаосин** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Русские наречные предлоги в зеркале английского языка.

4. **Иванова Ольга Олеговна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Отсубстантивные коннекторы в русском языке.

5. **Сай Сергей Сергеевич** (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН; Санкт-Петербургский государственный университет).

Причинные союзы в русском литературном языке XIX века.

6. **Одинцова Ирина Владимировна** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Предложно-надежные конструкции с причинной семантикой как средство выражения полипропозитивности предложения.

7. **Чэнь Сюэцин** (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет).

Предложные единицы, включающие «по».

8. **Петренко Елена Александровна, Васильева Анастасия Олеговна** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Участие частицы «же» в синтаксической организации древнерусского текста (на примере «Сказания о Дракуле»).

Преподавание синтаксиса в вузе и школе

9. **Астафьева Ирина Александровна** (Омск, Омский государственный педагогический университет).

Спорные вопросы типологии сказуемого и практика вузовского преподавания.

10. **Крюкова Лариса Борисовна** (Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет),

Губайдуллина Анастасия Николаевна (Петергоф, Санкт-Петербург, Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Военной академии материально-технического обеспечения).

Односоставные предложения в профессиональном военном дискурсе (лингвистический и методический аспекты).

11. **Топко Олеся** (Москва, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»).

Предложение: методика преподавания русской грамматики на уроках РКИ.

12. **Сунь Цзин** (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет).

Составные союзы в практике преподавания РКИ.